

S. V. Mayonaka

ВЕРНУТЬ ВСЕ

Кто сказал, что в прошлое не попасть и его невозможно изменить? Я сделала и то и другое... Судьба просто не оставила иного выбора. Но главный вопрос остается открытым: как мне вернуться обратно и по-прежнему ли я хочу этого в свете последних событий?

Пролог

Очередное лето. Такая чудесная пора, а настроение... ммм. За спиной словно расправляются крылья, и я вылетаю из дверей института, сбегая по ступеням и устремляюсь прочь, туда, где зовет свобода. В душе царит предвкушение и ждать остается совсем немного, но унять разгоряченные чувства не удастся, и я сдаюсь и почти бегом влетаю в изогнувшуюся дугой арку парка, вдыхаю полной грудью дурманящий запах сирени. Еще чуть-чуть, совсем немного, шепчет внутренний голос. Я волнуюсь. Ноги сами ведут меня по запутанным тропинкам, неосознанно я избегаю прохожих. Да, моя приклеенная улыбка может им сообщить о многом, но люди — странные существа и могут расценить ее по-своему.

Замедляю шаг и останавливаюсь под разросшимся кустом сирени, крупные кисти цветов окутывают его почти полностью. Пригибаю одну веточку, чтобы окунуться в этот дурманящий аромат, и замечаю цветок с пятью лепестками.

— Надо же, похоже, мне везет, — улыбаюсь я, вспоминая детские годы, и срываю цветок. — Хочу перемен, — тихо шепчу я, прежде чем положить цветочек в рот.

Я жду — нетерпеливо, с надеждой, — и вздрагиваю от звука телефона. Замерев и поколебавшись доли секунды, все же открываю смс-ку от подруги, и внутри будто взрывается фейерверк. Да, да, да! Неужели желание так быстро исполнилось? Новость Адель на грани фантастики, но написанные два слова заставляют почувствовать себя самой счастливой на свете.

Мы едем на море! Наконец-то напряжение отпускает.

Легкие покачивания заставляли глаза медленно закрываться, но слова Адель, льющиеся мне в ухо, открывали их вновь. И эта пытка длилась уже полчаса. Не затихая, она делилась информацией о предстоящем отдыхе и местах, которые нам непременно нужно посетить. Я кивала головой, до сознания не доходило и половины информации; наконец наступило затишье, и окружающая меня действительность растворилась во сне.

— Мы приехали! — подруга вновь принялась тормошить меня за плечо. Едва разлепила глаза и на ощупь выбралась из автобуса. — Я понимаю, у тебя перед отъездом были важные дела, но не надейся на тюлений отдых. Ты хоть оценила масштабы запланированной программы? — ее серые глаза испытующе смотрели на меня.

Не желая обижать подругу, кивнула перевешивая сумку на другое плечо.

Небольшой отель встретил нас уже в сумерках. Выбирали мы его долго, споря и пререкаясь. В итоге остановились на этом: много зелени — это ее условие, наличие бассейна — мое. Море, конечно, тоже было, до него добираться и добираться, а искупнуться утром или перед сном — моя слабость.

— Ты чего замерла?

Я и сама не заметила, как остановилась, смотря куда-то в сторону.

— Хочется территорию осмотреть, — выдала я задумчиво.

— Сдурела? Уже почти стемнело, да и дорога вымотала, вон ты еле на ногах стоишь!

Но я упрямо замотала головой, сама не отдавая отчета в своих желаниях.

— А впрочем, как хочешь, — она махнула рукой. — Давай свой чемодан, сама донесу.

Комната на втором этаже, держи свой ключ.

И, не дожидаясь моей реакции, направилась к входным дверям вслед за заходящими отдыхающими. Проводив высокую фигуру с красивыми формами, вздохнула. Она всегда меня понимала, когда нужно — помогала, да и ссорились мы только пару раз. В целом не подруга, а мечта.

С этим мыслями я свернула с главной дорожки, вымощенной камнем, и углубилась в здешнюю красоту. Что отель утопает в зелени, фото не обманули — она была всюду. В угасающем свете еще можно было разглядеть множество бутонов, какие-то плоды, висящие на деревьях, скамейки и тропинки, петляющие всюду. Достав телефон и включив фонарик, я отправилась искать бассейн, который должен был находиться с обратной стороны здания. Среди разномастных листьев летали какие-то насекомые, а далеко пела неведомая мне птица. Такое впечатление, что попала в другой мир. В городе нигде не ощутить такого единения с природой. Неожиданно резко потемнело, показалось, что даже звезды погасли: я остановилась, озираясь по сторонам. Но вот моргнула, и наваждение пропало, вновь сумерки, звезды, тусклый свет фонарей, блеклое свечение сквозь зашторенные окна. Ускорила шаг.

И вот оно, то, ради чего сейчас потратила силы и время. Я остановилась на границе с голубоватыми плитами. Бассейн был небольшой, но по фото и описанию я помнила, что он достаточно глубокий и его вполне хватит, чтобы привести себя в форму или, как в случае подружки, просто поплескаться и помочить ножки.

Я задумалась, представив, как утром выйду из номера, скину халат и нырну в эту манящую прохладную воду. Одни эти образы заставили меня проснуться и не сразу, но заметить мужчину, появившегося из-за кустов чуть в стороне. Он шел, казалось, не замечая ничего вокруг, взгляд пустой, руки висели вдоль тела, вздрагивая, и одежда... такое чувство, что он сбежал с костюмированной вечеринки. Возможно, это кто-то из обслуживающего персонала заметил меня и вышел поинтересоваться, не заблудилась ли я.

Он остановился в нескольких шагах, его губы шевелились, словно произнося слова, но ни звука не было слышно, голова повернулась, и он посмотрел точно на меня. По телу пробежала дрожь, и возникли первые панические мысли.

— Помогите, мне надо вернуться туда, — он махнул дрожащей рукой куда-то в сторону, но я на это уже не обратила внимания, попятившись от одного взгляда его глаз: пустых, в них отражался мир, но за ними не было никого.

Видимо, на пару минут я впала в ступор, а когда опомнилась, его рука намертво сомкнулась на моем запястье. Я закричала, пытаюсь вырваться, царапая и упираясь всем телом. А он просто шел, шаг за шагом, совершенно не замечая моих стараний.

Мой взгляд выхватил родимое пятно над левой бровью, безумную улыбку, исказившую его лицо. Неожиданно почувствовала, как он начинает заваливаться назад и тянет меня следом. Я завопила, рванув в обратном направлении, чуть не падая и скользя кроссовками по гладкому кафелю. Один рывок его руки — и мы вместе рухнули в расступившиеся объятия воды, тут же сомкнувшейся над головами.

Рука, держащая меня, разжалась и, оттолкнувшись ногами от тела мужчины, я устремилась вверх. Несколько гребков, и легкие болезненно сжались: не думала, что бассейн

настолько глубокий, но тут меня дёрнуло резко вниз, чья-то рука обхватила мою голень, и я истошно закричала, выпуская последний воздух, пузырьками унесшийся вверх.

Глава 1

*** Прошлое время***

Меня разбудил резкий звук; с трудом разлепив тяжелые веки, бессмысленно уставилась в потолок. Странно, но он оказался деревянным — старое серое дерево — тусклый свет лился откуда-то сбоку. Повернула голову в сторону предполагаемого окна, за ним ярко светило солнце. Значит, уже день. Неужели я провалялась здесь всю ночь? И вообще, где я? Уж точно не в городской больнице.

Мысли путались. Попыталась что-либо вспомнить, и расплата за напряжение не заставила себя ждать — сильное головокружение и тошнота, в ушах зашумело испорченное радио. Тем не менее память нехотя возвращалась ко мне. Вспомнилось падение, и то жуткое чувство беспомощности, и надежда, пузырьками воздуха уносящаяся вверх.

Попробовала пошевелиться, и тело отозвалось дикой усталостью: по мышцам потоками разливалась слабость. Такое чувство, что силы покинули меня, не было даже возможности шевельнуть рукой, не говоря о том, чтобы сесть и осмотреться получше.

— Хватит расстраиваться. Одно то, что я жива, а не отправилась на тот свет, — несказанное везение, — еле слышно вздохнув, успокоила я себя.

Оставалось дожидаться, пока кто-то придет ко мне, и задать интересующие вопросы.

Тело просило об отдыхе, но я упрямо открывала норовившие закрыться глаза, балансируя на грани реальности и забытья. Главное — не спать... необходимо дожидаться...

Вновь открываю глаза, не сразу уловив, что изменилось, и с удивлением осознаю — помещение наполняет тусклый вечерний свет. Застонала от понимания, что все-таки уснула, и тут же вздрогнула, когда в поле зрения возникло симпатичное детское лицо.

— Привет, — простонала я, облизав пересохшие губы, попыталась улыбнуться и сфокусировать на нем уплывающий взгляд.

В лице ребенка промелькнуло смущение, глаза его моментально стали большими и, приоткрыв рот, но не проронив ни слова, он сорвался с места. Уже с улицы донесся звонкий голос:

— Мама, она очнулась.

Следующие дни прошли как в тумане. Мысли сопровождали меня в темноте, не давая покоя. Я прокручивала в памяти случившееся, задавая десятки вопросов, ответы на которые мне были не известны.

В другой раз, очнувшись, застала сидящую рядом женщину, тут же протянувшую мне кружку со спасительной водой. Жадно осушив ее в несколько глотков, попросила телефон и успела только заметить ее недоумение и страх, вновь проваливаясь в забытье.

Новое пробуждение. Ночь. Силы восстанавливаются, но медленно, нехотя. Я долго лежу, укрывшись серым одеялом, не в состоянии уснуть, прислушиваюсь к непривычным ночным звукам. В доме царит тишина. Чувствую, как тело затекло от одного положения, но слабость такая, что с трудом удастся перевернуться.

Сколько же дней прошло: два, три, неделя? Перед взором возникло взволнованное лицо подруги: не удивлюсь, если она подняла на уши всех в округе, и папа... на глазах выступили слезы. Они тихо текли по моим щекам, я подавила рвущиеся всхлипы, боясь нарушить

ночную идиллию.

Наконец слабость отступила настолько, что я смогла поесть сама. Ложка слегка подрагивала в руке, но я упрямо запускала ее в чашку, искренне радуясь началу дня. Приветливо улыбнулась зашедшей Мари, женщине, у которой я провела в беспамятстве три дня. И вновь принялась за суп, приготовленный, казалось, почти без продуктов: большую часть его составлял бульон, затем овощи и зелень. Но настолько вкусный, просто не оторваться. Или это я так проголодалась?

Как и предполагала, здание, в котором я оказалась, было обычным домом с двумя комнатами и кухней. Спрашивается, почему не отвезли в больницу? Честно, не знаю, и шестое чувство подсказывало пока держать язык за зубами и не выдавать лишнюю информацию.

Очень хотелось получить больше понимания о происходившем вокруг, но перед глазами все еще стояло изумленное и немного испуганное выражение лица Мари после невинного вопроса в прошлое пробуждение. Поэтому я просто поинтересовалась:

— Как я здесь оказалась?

— Мой сын нашел вас недалеко в лесу без сознания, — и замерла, словно ожидая чего-то.

— Спасибо большое, что не оставили там. Мне можно выйти на улицу подышать свежим воздухом?

— Если пожелаете, — она улыбнулась, — мой сын покажет вам все, если пожелаете, — зачем-то повторила она, вставая и кивая на висящее в изголовье кровати одноцветное платье из грубой ткани.

«Странная она какая-то. Да ладно, ее поведение не то, что должно волновать в первую очередь», — успокаивала я себя, провожая восхищенным взглядом тугую темно-русую косу, спускавшуюся ниже пояса.

Через несколько часов в сопровождении сына Мари, представившегося как Ян, мы покинули сумрачное помещение с кроватью и вдохнули воздух, наполненный запахом леса. Я надеялась осторожно выведать у мальчишки интересующую меня информацию.

Деревня располагалась недалеко от водоема, почти со всех сторон окруженная лесом. К небольшой речке спускались деревянные ступени, ведущие к помосту, где я с изумлением наблюдала, как несколько женщин, склоняясь к самой воде, полощут белье.

Мальчик улыбнулся, глядя на мое замешательство, но промолчал.

«Вот ведь, — выругалась я про себя, — если он так и продолжит таинственно молчать, придется забыть про мой план».

Мы шли дальше. Маленькое поселение окружал лес. Вот и как я сюда попала, неужто дошла пешком? Постаралась порыться в памяти, но нет, желаемого ответа не последовало.

Попыталась отстраниться от дурных мыслей. Все-таки здесь красиво. В траве колышутся всевозможные цветы, жужжат пчелы, стрекочут кузнечики, ветер шелестит листьями деревьев, и никакого привычного для цивилизации шума.

Вглядевшись вдаль, насчитала штук двадцать небольших домиков с мизерными огородами. Меня удивило то, что людей на улице почти не было, поэтому решила прервать затянувшееся молчание:

— А где все?

— Взрослые работают в поле, — на удивление охотно откликнулся мальчик, — более старшие дети помогают по дому, а младшие, думаю, спят.

— А тебе сколько лет? — не удержалась я.

— Пять, — гордо вскинул он голову, — а моей сестре семь.

Дорога пошла чуть в гору, пыль поднималась при каждом шаге, мне вновь стало не по себе: ни одного намека на асфальт или дорожный камень. Каким чудом занесло в такую глушь? Кругом деревенские дома и ни одного магазина или уличного телефона. Где они покупают продукты и все необходимое?

— Скажи, а далеко ты меня нашел? — любопытство начало перебарывать.

Он шел рядом, с радостью отвечая на мои вопросы, но ничего не спрашивая сам.

— Нет, недалеко от дороги. Вы были без сознания и... — он запнулся, покраснев. — Почти без одежды.

Я чуть не упала, сделав несколько неуклюжих шагов, стараясь поймать равновесие. Не совсем понимая, что он имеет в виду, ведь шорты, майку и кроссовки мне вернули сегодня утром. Я была совсем без... Да нет, это глупо. И все же я уточнила:

— На мне было только то, что отдали утром?

Он быстро закивал, продолжая смотреть на пыльную дорогу.

«Стоп, понимаю, конечно, деревня, возможно, отсталость от общей цивилизации, но не настолько же!»

Теперь в голову лезли уж совсем нелепые мысли.

На встречу шли две молодые девушки в точно таких же платьях, как у меня. Подойдя ближе, они замолчали и, поздоровавшись, вновь продолжили свой разговор еще тише и более оживленно. Местные сплетницы, или мне показалось, что разговор пошел обо мне?

— А до города далеко? — напряжение не отпускало.

— Три дня пути.

— Три дня на чем?

— На лошади, пешком дольше.

Весь мир вздрогнул, пошатнувшись. Опустившись в придорожную траву, постаралась успокоиться.

«Неделя... в какую глушь меня занесло и как? Тут и машин нет? Хотя что я такое несу, сама же вижу».

— Вам нехорошо? — взволновался Ян, опускаясь следом. — Позвать кого-нибудь?

— Нет, просто силы вернулись не до конца, — соврала я. — Пойдем назад.

— Пойдем, — пожал он плечами. — И так почти всю деревню прошли, вон в том доме на окраине проживает староста.

Я растерянно кивнула, пропуская информацию мимо.

Половину дороги обратно молчали, я озиралась по сторонам, желая все прояснить и отчего-то еще больше пугаясь возможных ответов. Душа была не на месте, и от нервного напряжения руки постоянно тянулись потереть ткань платья.

Наконец взгляд замер на пыльных ногах в подобии обуви, и сам собой вырвался вопрос:

— А где вы моетесь?

— В бочках, летом купаемся в реке, общую баню топят только зимой, — казалось, он совершенно не замечает моего ступора, округлившись глаз и поползших на лоб бровей.

Вот так влипла. И как жить в таких условиях? «Стоп, — оборвала я себя, — я не планирую здесь задерживаться, а одно купание в вполне переживу».

Ян шел, искоса поглядывая на меня и, все же не сдержавшись, задал вопрос, видно, давно вертевшийся у него на языке:

— На вас напали? — и тут же испуганно вжал голову в плечи.

— С чего ты взял? — постаралась ответить как можно дружелюбнее.

— Мама сказала, вы не похожи на того, кто раньше проживал в деревне... — и оборвал высказывание, давай возможность согласиться или опровергнуть его самой.

Я задумалась, прислушиваясь к себе. Сказать правду? Но что-то внутри протестующе закопошилось. Нет, не стоит никого посвящать в свою жизнь, правда подождет, и я искренне соврала:

— Я просто не помню.

— Печально, — взгляд потускнел, но неожиданно брови взлетели вверх. — Не волнуйтесь, память вернется. Давайте завтра сходим на то место, где вас нашел, вдруг поможет.

«Надо же, какой умный мальчик», — улыбнулась я в ответ.

На крыльце нас поджидала Лиза. Старшая сестра Яна, нетерпеливо подскочила и, не дожидаясь нас, бросилась навстречу. Две косички забавно подпрыгивали, глаза блестели, все детское тело излучало нерастратенную за день энергию, рвавшуюся наружу.

— Мама сказала, что на закате вас пожелал увидеть староста, — и скорчила рожицу в ответ на гримасу брата.

— Староста? — растерялась я.

— Ян, хватит, ты ведешь себя некрасиво, — одернула она брата, не желающего успокаиваться.

Я улыбнулась тому, насколько она точно подражает в разговоре матери.

— Глава деревни, его дом находится на противоположном краю деревни, вы помните, я показывал? — крикнул Ян, убегая смеясь от разгневанной сестры.

«Глава деревни, значит. И что ему нужно?» — не успела озвучить возникшие мысли, прервавшиеся голосом Мари.

— Лиза, Ян, вы ведете себя некрасиво! Пойдемте все в дом ужинать.

После молитвы ели молча. В конце трапезы Мари обратилась ко мне:

— Сейчас провожу тебя к дому старосты. А вы, — она строго посмотрела на детей, — ведите себя хорошо, — и продолжила, обращаясь ко мне: — Ты не бойся его, Дарий просто хочет поговорить.

Кивнув, я отставила пустую тарелку. Пытаясь успокоиться, вновь оглядела обстановку: печь, на стене полка с незамысловатой посудой, стол и четыре стула. Как же не хватает для уюта таких привычных шпор, люстры и прочих благ цивилизации. Еще и дня не прошло, а мне хотелось бежать от этой унылости куда подальше.

Дом старосты отличался только наличием пристроя, предназначенного для собраний, в который мы и вошли. В помещении на столе горела свеча, неприятные тени плясали на стенах. На противоположной стороне стола сидел старец, окруженный четырьмя мужчинами. У всех половину лица скрывали усы и борода. Старца отличали густые, белые, нависающие над глазами брови.

Мари поклонилась и, шепнув ободряющие слова, вышла в дверь. Я замерла, оставшись наедине с ними. Сделалось жутко, да еще этот устрашающий грозный вид смотрящих на меня. Надеюсь, они только для поддержки старцу и меня не ожидает неприятный сюрприз.

— Добрый вечер, — кое-как выдавила я, горло пересохло и нестерпимо захотелось пить.

Четверо промолчали, лишь староста одобряюще кивнул и указал на ближайший ко мне стул.

— И тебе добрый вечер, девочка, — наконец произнес он, когда все уселись, — ну рассказывай, — неприятный голос старика напоминал звук несмазанной телеги, но глаза смотрели внимательно и спокойно, без враждебности.

— А что вас интересует? — жаль, что нельзя укрыться от столь неожиданного внимания.

— Ну как что, все. Откуда ты, как попала сюда... — он развел морщинистые руки, как бы удивляясь моему внезапному непониманию. Темные глаза заблестели любопытством.

И вновь четыре пар глаз переключили внимание с говорившего на молчавшую меня.

Вновь поймала себя на мысли, что не знаю, что мешает мне сказать правду, возможно, полнейшее непонимание случившегося со мной и уверенность, что эти люди немного другие. Нет, не думаю, что я, подобно попаданкам из книг, очутилась в другой реальности. Скорее уж поверю, что меня похитили. Такое развитие событий уж точно не добавляет доверия моим спасителям.

Если врать, то врать до конца, и я, тяжело вздохнув, опустила взгляд:

— Я... я не помню, — Дарий нахмурил брови. — А где я нахожусь? Что это за деревня?

Но мой вопрос проигнорировали, задав другой:

— Грамоту знаешь?

— Думаю, да, — опешила я от неожиданной смены темы, метнув странный взгляд.

— Принеси, — отдал Дарий приказ неожиданно сильным голосом кому-то за моей спиной.

Я подскочила и повернулась, заметив широкую спину, скрывающуюся в дверном проеме. И он все это время стоял там? Зачем, не на случай ли побега? Поежившись от возникших мыслей, спрятала трясущиеся руки под столом.

Передо мной положили рукописную книгу, напомнившую библиотечный фолиант, который мне однажды довелось изучать, готовясь к докладу по истории. Перевернув толстую потертую обложку, округлила глаза, тут же вспомнив о наблюдателях, постаралась придать лицу безразличный вид.

Конечно, я ожидала подвоха, но такого... нет большинство букв вполне обычные, слова, хоть и с трудом, но прочитать можно, но сам текст и написание... Так и сидела, уткнувшись носом в страницу, не решаясь поднять потрясенный взгляд, точно зная, что этим выдам себя.

— Читай.

Заикаясь, зато почти не запинаясь, я прочитала заранее произнесенную про себя строчку.

«Устав гласит, что все от мала до велика подчиняются решению старосты...»

Староста закивал, словно мое чтение сказало о многом. Вот бы и мне все понять.

— Выходит, она из большого мира? — подал голос один из четверки.

— Если она ничего не вспомнит и ей придется остаться здесь ... — вторил другой.

— Мы выберем ей мужа, — спокойно подытожил Дарий.

— За кого же ее выдать, вдруг она испорчена? — совершенно не стесняясь, вступил в разговор еще один.

— Думаю, за Ивэна... — послышался вдумчивый спокойный голос четко оценившего положение вещей старца.

Я прислушалась. О чем они вообще?

Староста в этот раз обратился ко мне:

— Тебе, девочка, даем месяц, после этого ты либо уходишь, либо остаешься жить у нас.

Это они серьезно? Вот так только что распланировали мою жизнь и фактически выдали замуж? Да еще и рассуждают, словно меня это совершенно не касается.

— Через несколько дней станешь помогать женщинам в поле.

От шока даже не нашлась, что ответить, рассеяно кивнув, покинула жуткое помещение.

Как оказалась в доме Мари, помнится с трудом. Пожаловавшись, что сильно устала, легла на жесткую кровать и в догадках и фантазиях о дальнейшей безрадостной жизни провела большую часть ночи.

Ворочаясь в постели, вновь вернулась к случившемуся при мне разговору. Неожиданно подскочила на постели, резко сев. Догадка точно острой иглой проникла в мое сознание. Неужели они думают...? Я ощупала низ живота и постаралась припомнить ощущения, испытанные мною в первый день после моего пробуждения. Нет, вряд ли, если бы меня изнасиловали, то непременно были бы последствия, боли или неприятные ощущения. Хоть я и была уверена в правильности своих мыслей, но тревожные размышления долго не давали уснуть.

«Что-то не сходится, — мысли плыли сами собой, — это или телешоу, или секта. В любом случае оставаться здесь — чистое безумие. Но куда идти, где город? — неожиданно решение нашлось само собой, — Ян, мальчик, хотел показать мне место, где нашел меня, и, если не изменяет память, — к сожалению, в последнее время полностью на нее полагаться тоже не стоит — поблизости проходит дорога. А по ней я выйду в город».

На этом позитивном настрое меня сморил сон.

К сожалению, сны полностью отражали мое беспокойное состояние. Я бесконечно долго брела вперед и никак не могла вспомнить, где мне нужно оказаться. Наконец силы закончились, и я, тяжело дыша, опустилась на землю. Отерев лицо от струящегося по нему пота, с трудом подняла взгляд — кругом пустыня, золотистый песок, дюны и ничего кроме.

Ни завтра, ни через два дня сходить с Яном до места, где меня нашли, не получилось. Все дни шел дождь, то едва морозящий, то настолько сильный, что застилал весь обзор. Ветер беспрестанно завывал, не предоставляя и минуты тишины. На улице царил полный хаос, дойти от дома к дому означало извозиться в грязи буквально по самые уши.

Испытывая благодарность за мое спасение, всячески помогала Мари по дому: готовила, накрывала на стол, прибиралась, а днем играла с детьми. В остальное свободное время скучала, сидя у окна, и думала. Ну прям как царевна в сказке. Вот только надеяться на появление принца уж точно не стоит.

Прошлое время

За ночь небо очистилось, и с самого утра грело солнышко. С облегчением вздохнула, вспоминая пасмурные дни, тянувшиеся в этом убогом месте со скоростью полудохлой улитки.

— Днем смогу проводить вас на прогулку, — шепнул Ян, озираясь по сторонам. — После обеда выйдете из дома и завернете за первый сарай. Только маме не говорите.

— Как скажешь, — улыбнулась я юному заговорщику.

В оговоренном месте меня уже ждали. Ян, торопясь, потянул меня прочь от домов,

стараясь укрыться за кустами и деревьями. Я ускорила шаг, направляясь за ним. Трава в лесу, скрытая от солнца высокими деревьями, даже во второй половине дня осталась влажной и скользкой. Отойдя на значительное расстояние, мой провожатый оглянулся:

— Вроде не заметили, — лицо озарила довольная улыбка.

Не в силах сдержаться улыбнулась в ответ, умиляясь детскому стремлению любые события трансформировать в игру. До сегодняшних дней я и не помнила, что ребенком быть так весело.

Поднырнув под очередную низко свисающую ветку, умудрилась едва не подвернуть ногу и, воспользовавшись временной паузой в разговоре, выдала вопрос, представляющий для меня интерес:

— Скажи, кто такой Ивэн? — было любопытно узнать, за кого же решили отдать по их мнению порченный товар в моем лице.

— Ивэн? — удивленно выдал мальчик. — Откуда вы о нем узнали? — я выжидающе молчала. Он сконфуженно сжался. — Он хороший, но... немного странный.

Я округлила глаза, что значит «странный»? Сумасшедший или больной? Переоценила себя, не хочу знать. Поспешно постаралась закрыть тему разговора, боясь подтверждения своих догадок.

Невидимыми тропами мы прошли по краю леса и неожиданно остановились.

— Вон там, — он махнул рукой, раздвинув ветви высокого куста.

За ними оказался вновь лес. Нет, я, конечно, не ожидала, что сразу возникнут ответы на мои вопросы, но не смогла скрыть разочарования. Покружив вокруг указанного дерева, со вздохом опустила на траву. Никаких зацепок: густо растущая трава не примята, ветви вроде нигде не сломаны. Да и что может заметить городская девчонка? Я даже оставленные следы животных не распознаю, вот если бы тут раскурочили половину кустов...

— Не вспомнила?

Покачала головой. И что дальше?

— Тогда давай вернемся, пока нас не хватились.

Выпрямилась, огладив убогое платье, успевшее грязной кляксой намочнуть снизу.

— Постой, ты говорил, что здесь недалеко есть дорога. Покажешь?

— Ну ладно, — мальчик пожал плечами.

Дорога обнаружилась метрах в пяти, будь я одна, ни за что бы не нашла ее. Разумеется, никакого асфальта, просто петляющая в свободном от деревьев пространстве широкая дорога. Выйдя на нее, посмотрела в обе стороны, заметив на подсыхающей земле четко выдавленные узкие колеи.

Как бы не выдать себя и узнать, в какую сторону город?

Погрязнув в своих мыслях, отключилась от реальности настолько, что вздрогнула лишь от звучного крика и дикого ржания лошадей.

В голове все смешалось, увиденное словно парализовало: вид приближающихся лошадей, из-под копыт которых летят комья грязи, бранный ор кучера — смысл слов ускользал от сознания — и большой черный экипаж, ехавший следом.

Все тело онемело, ноги не слушались.

Кучер резко натянули поводья, подняв лошадей на дыбы, четыре копыта взметнулись вверх и с приглушенным звуком опустились совсем рядом со мной. Две запряженные лошади, недовольно фыркая, не скрывали своего раздражения.

От неожиданности и страха я плюхнулась на землю, не веря своим глазам.

Мир возвращался рывками, сердце, не закончив первого удара, начинало новый. Кучер продолжал ругаться, судя по интонации, которую ни с чем не спутать.

Раздался недовольный голос из экипажа, дверь открылась и вышел мужчина с суровым выражением на лице, но стоило ему взглянуть в мою сторону, как лицо вытянулось от удивления. Прищурившись, он всмотрелся внимательней.

Он что-то сказал в приоткрытую дверь экипажа. Следом вышла женщина, она открыла рот, но, присмотревшись, издала нечто похожее на стон, мужчина поддержал ее, словно опасаясь, что она может упасть.

Опомнившись, Ян подбежал ко мне и попытался помочь встать. Со второй попытки это ему удалось.

После произошло нечто совершенно непредвиденное. Женщина, оттолкнув учтивого спутника, чуть не падая, побежала к нам. Не ожидав такого, я отшатнулась, она остановилась возле меня и протянула руки.

— Девочка моя!

Я озадаченно смотрела на нее. Мое состояние было близко к панике, захотелось с громкими криками убежать в лес. Не может быть, ее одежда! Подавила стон и желание удариться головой о ствол ближайшего дерева. Одежда... это точно розыгрыш или самый жуткий мой кошмар. Пышное, до самой земли, платье с открытыми плечами, а талия стянута... корсетом! Я, конечно, с самого начала чувствовала неладное и даже предполагала самые нелепые варианты. Но одно дело догадываться, а совсем другое — увидеть воочию.

Моя реакция привела женщину в смятение. И тут ее взгляд скользнул по мальчику, державшемуся за меня, как утопающий, и, спохватившись, она спросила:

— Это твой сын?

Я отрицательно покачала головой, связная речь ко мне вернуться не спешила. В глазах ее вновь вспыхнула надежда. Она стояла напротив молча, лишь внимательно вглядываясь в мое лицо. В голову никак не шли нужные слова, и устремленный на меня пристальный взгляд начинал нервировать.

К нам шел тот мужчина, я заметила это боковым зрением, он хромал, шаги выглядели довольно-таки неуклюже, шел он медленно. Подойдя, он тронул ее за плечо, тем самым выводя из оцепенения:

— Минора?! – слова были сказаны с непонятной интонацией, что мужчина хотел этим сказать — непонятно: то ли вопрошал, пытаясь облагородить жену и понять, насколько она сейчас «здесь», то ли просто окликал.

— Она так похожа... я... я... не узнает, — она повернула к нему глаза, полные мольбы, — это она? Ведь она?

Мужчина взял ее за руку, успокаивая, Минора заплакала.

— Простите мою жену. У нас недавно пропала дочь, и вы очень на нее похожи. Как вас зовут?

Я стояла и хлопала глазами.

Послышались торопливые шаги и хруст раздвигаемых веток, и на дорогу, запыхавшись, выбежали Мари и Лиза. Мари тут же подбежала к сыну, обняв и успев одарить меня таким суровым взглядом, что я нервно сглотнула, переступив с ноги на ногу. Похоже, я нарушила какое-то правило и вечером мне предстоит серьезный разговор.

— Простите, простите его, он всего лишь ребенок. Слава богу, ты жив, — она

поцеловала его и выпрямилась, встав рядом со мной, пряча обоих детей за спину, тут же поклонившись. — Извините, что помешали вашей поездке.

— Ничего, ничего, — отмахнулась женщина, улыбнувшись сквозь слезы, почти не взглянув в ее сторону. — Все в порядке. Так как тебя зовут, девочка?

Я по-прежнему хранила молчание, к произошедшим событиям добавились еще и неприятности из-за незапланированной вылазки, не сулившие мне ничего хорошего.

— Лейла, хотя, если честно, она не помнит ни имени, ни откуда она. Мы ее нашли несколько дней назад в лесу без сознания, — Мари не стала ничего таить.

Неожиданно Минора встрепенулась, заговорив быстро, со всхлипами, глотая некоторые буквы так, что разобрать все слова было сложно:

— Я п...ва, эт...на.

— Прошу вас, мадам, расскажите все, что знаете об этой девушке, — мужчина явно ощущал свое превосходство, голос был ровный и не выражал эмоций.

Этот рассказ я слышала уже не один раз, поэтому особо не прислушивалась, а осторожно разглядывала Минору и ее супругу.

Первое, что бросалось в глаза, — их одежда точно повторяла фигуру и была сшита из хорошей и дорогой ткани.

У Миноры — темные волосы чуть ниже плеч, убранные с лица так, чтобы не падать на почти круглое миловидное лицо. Каре-зеленые глаза пронизательны и печальны, казалось, они подсвечиваются болью с обратной стороны. Я отвела взгляд от ее лица, немного уставшего, но все же прекрасного.

Мужчина, его звали Эдгар, был точно старше женщины, думаю, лет на двадцать. На его лице читалось куда меньше эмоций, но все же он был взволнован, но выдавало это не лицо, а руки — пальцы беспрестанно шевелились, перебирая невидимый предмет. Волосы на висках завиты в три прилегающие к голове кудряшки, а остальные забраны в хвост. Однако его волнение казалось каким-то другим, нежели у его спутницы, менее радостным, скорее нервным, было похоже, что вся ситуация вызывает у него раздражение, судя по слабой мимике лица.

Мари вздохнула:

— Вот и все, она осталась у нас, — завершила она рассказ.

— Это она, это моя девочка, моя Агнесса.

Эдгар, постоянно перебиваемый своей супругой, объяснил, что я пропала примерно два месяца назад и что они до сих пор не теряли надежду отыскать меня. Но я ведь не их дочь! Это просто невозможно, точно знаю.

Минора потеряла голову от счастья, бросилась обнимать и целовать меня. И что мне оставалось делать в этой ситуации? Правильно, ничего, просто позволять ей делать все, что ей заблагорассудится.

— Ты поедешь с нами? — шепнула с надеждой Минора, отстранившись.

Я, только отойдя от потрясений, вновь смотрела на нее немой рыбой.

Разве такое бывает? Уже хотела вежливо отказаться, и тут память учтиво напомнила слова старосты: «Мы выберем ей мужа. Тебе, девочка, даем месяц, после этого ты либо уходишь, либо остаешься жить здесь».

«Останься я здесь — моя судьба уже решена за меня, а бежать... бежать можно прямо сейчас! Что я теряю? Работу в поле, замужество и убогую жизнь?».

Натянуто улыбнувшись — не волноваться просто не получалось — кивнула:

— Согласна.

— Подождите немного, — и, сорвавшись с места, Ян скрылся за деревьями.

Прошло не больше десяти минут, а он вновь вынырнул из зарослей кустарника и протянул тряпичный узелок.

— Здесь ваши вещи, — Ян, довольный собой, заулыбался.

Не удержавшись, я нежно обняла сообразительного мальчика, поцеловав в румяную щёчку.

Я села в экипаж, прежде обняв Лизу и поблагодарив Мари. Мои «родители» зашли следом, у мамы все еще блестели слезы, но теперь глаза сверкали от счастья. Мари и дети махали мне руками. Ян долго кричал вслед прощальные слова. Лиза даже прослезилась, уткнувшись в мамину юбку.

Экипаж качнулся, не спеша тронувшись по извилистой дороге.

— Нет, стоп, мы что, вот так и уедем?

— Ты не хочешь ехать? — удивилась Минора, и ее лицо немного исказилось, она готова была вновь разрыдаться.

— Мари тратила свои силы, время, чтобы помочь мне. У нее сейчас нелегкие времена, она одна воспитывает детей. Можно ведь в благодарность помочь деньгами?

— И правда, что это мы, — она посмотрела на Эдгара проникновенным взглядом.

Эдгар взглянул сначала на Минору, потом быстро на меня, и мне показалось, что во взгляде мелькнула эмоция далеко не положительная, только непонятно какая. А может, это только показалось? Наверно стала слишком впечатлительной, да и как тут крыша не съедет.

Он достал небольшой мешочек — в нем весело звякнули монеты — вышел и молча вручил моей спасительнице.

Экипаж вновь пришел в движение. Странно было уезжать с незнакомыми людьми и неизвестно куда.

Ведь кто знает, что там впереди?

Настоящее время

Я почти захлебывалась, изо всех сил гребя руками, воздуха не хватало. Вода вокруг была темная, почти черная, видимость нулевая. Все тело дрожало от холода, руки и ноги — от перенапряжения.

Вверху вода начинала светлеть. Еще чуть-чуть, совсем немного...

Железными тисками чья-то рука сомкнулась на ноге, слегка дернув вниз. Я вскрикнула, выпустив последний воздух, пузырьками унесшийся вверх. В глазах стало темнеть, словно гасли последние огоньки света в лампе. Сил сражаться за жизнь почти не осталось.

Тело слабело, в рот хлынула вода, я, захлебывалась, задыхалась. Но вдруг меня словно что-то подтолкнуло к поверхности. Какая-то сила заставила руку, держащую меня, разжаться и помогла, спасла.

Я, мокрая с головы до ног, очнулась, лёжа щекой на холодном кафеле возле бассейна. Тяжелое дыхание, казалось, слышалось за много миль. Солнце уже село и всюду царил полумрак, тени окутывали территорию отеля. Я была в легком ужасе и непонимании. Что это было?

Справиться со своими эмоциями удалось не сразу, а сколько в действительности прошло времени с момента приезда, я понятия не имела. Я огляделась и, никого не заметив, облегченно вздохнула. Встала и, подняв выроненный телефон, с опаской приблизилась к

бассейну. Свет фонарика выхватил пляшущие блики на кафеле и воду, только воду, бассейн был пуст. Подувший ветер, проходя сквозь промокшую одежду, показался ледяным и пробирал до костей. Я повернулась вокруг своей оси и, не теряя больше времени, побежала к отелю, запрещая себе думать о случившемся.

Словно в забытьи я прошла по коридорам и поднялась по лестнице на второй этаж. Номер был освещен настолько ярко, что казалось, все тени изгнали из комнаты и оставили только чистые и ясные цвета.

Адель расположилась на кровати в позе лотоса перекладывая по трем стопочкам листки с записями. Мельком бросив взгляд в мою сторону, прервала свое занятие и недоуменно уставилась на меня.

— Ты искупалась? А разве ты была не в другой одежде? — но все ее расспросы ни к чему не привели. Я сразу же проскочила в ванную, почти не взглянув на подругу.

Я стояла перед зеркалом, опираясь руками на раковину, наблюдая за журчащей прозрачной водой из крана, и старалась сосредоточиться. Меня все еще потряхивало, и от жутких воспоминаний сердце время от времени ускоряло ритм.

«Отдых начался с какой-то фигни, мне кажется, или творится реально что-то непонятное? Должно быть логическое объяснение случившемуся, — мысли были вполне оправданными. Я посмотрела в зеркало и умыла лицо прохладной водой. — Наверняка переутомилась в дороге, плюс перепад температуры, другой климат, столько надежд, мечтаний, всего-всего и, как следствие, — стресс. Вот и потеряла равновесие, привиделся человек, а может, и не привиделся, а просто ушел, а дальше нафантазировала сама всяких небылиц. Да, все случилось именно так. Хватит на сегодня, лучший выход — пойти отдохнуть», — воодушевившись, я закрыла кран, обтеревшись полотенцем и в завершении завернув в него волосы, шагнула в комнату.

Когда я вышла, то самообладание было практически возвращено, а легенда, точнее самое правдоподобное объяснение, почему я так долго отсутствовала, — придумано. Причем одновременно и для меня, и для подруги.

Спать легли далеко за полночь, но заснуть оказалось нелегко. Я долго ворочалась, смотрела в темноту и размышляла о случившемся. Впрочем, ни к каким конкретным выводам это не привело: скорее всего, я действительно просто переутомилась и упала в бассейн, чудом не утонув.

Прошлое время

Карета не спеша ехала по серой улице. Солнце уже село, окрасив небо в темные цвета. Люди совершали вечерние прогулки, некоторые торопились на бал. Наступало самое интересное и долгожданное время суток, полное суеты, кокетства, танцев, веселья... Карета завернула за угол. В ней, приоткрыв расписанную золотой нитью шторку, сидел человек лет тридцати, в глазах читались грусть и усталость, словно от тяжелых и удручающих мыслей, а может, от этой жизни, но это останется его тайной.

Он смотрел вдаль: на старые покосившиеся дома рабочих, которые сменялись на огромные частные владения через пару миль, мельком бросал взгляд на возвышающиеся вдалеке горы, такие красивые и притягательные, словно миражи. Отвернувшись от окна, он что-то громко, но нечетко крикнул кучеру.

Человек был одет во все черное, его волосы падали на плечи сливаясь с одеждой, растворяясь на ней. Внутри карета была покрыта кроваво-красным бархатом, шторы на

окнах алого цвета. Это был его любимый цвет.

Этот человек давно решил, куда поедет сегодня ночью: на бал к графине Экшелен — пожилой, но все еще очень привлекательной женщине. В тиши ее огромного немного запущенного сада, не делавшего его менее заманчивым и чарующим, он планировал скоротать почти всю ночь. Именно там граф Экшелен совершил «поцелуй смерти» и сделал его подобным себе. В его памяти сад выглядел совершенно по-иному, годы его роскоши и великолепия оказались в прошлом. Впрочем, это все было так давно, а граф уже много лет как исчез, но каждый год именно в этот день что-то тянуло вернуться в это «змеиное логово». Нет, он не жаловался на свою судьбу и не бил себя кулаком в грудь, проклиная всех за его теперешнюю жизнь, пришлось смириться и принять новую жизнь проклятого обитателя ночи.

Наконец карета остановилась. Пассажир вышел, отдал деньги — за такую роскошь немалые — что-то тихо сказал и пошел прочь. Свернул с главной улицы, пройдя по мостовой, повернул направо и, немного попетляв, растворился в темноте.

Моя комната, просторная и уютная, сейчас была залита солнечным светом. Интерьер меня вполне устраивал: мягкая кровать, трюмо, шифоньер во всю стену, на полу мягкий ковер, великолепные шторы с полевыми цветами.

Двоюродная сестра Диана забежала в комнату, осторожно прикрыв дверь:

— Ты еще не собралась? О Боже! Мы ведь не успеем, дядя будет ругаться! А я так боюсь, когда он в гневе. Это... это ужасно! — она прикрыла лицо руками, делая вид, что собирается горько разреветься, не дожидаясь возможных неприятностей.

Моя внезапно появившаяся семья оказалось довольно-таки большой: кроме двух любящих родителей, была слишком эмоциональная дочка брата моего обретенного «отца» и родная старшая сестра — Изабелла, которой недавно исполнилось двадцать три года. Со слов Дианы в прошлом году Изи удачно вышла замуж и переехала жить в дом супруга. К сожалению, за прошедшую неделю я с ней так и не познакомилась. Но Минора заверила, что мы непременно встретимся с ней на балу у госпожи Экшелен.

Двоюродная младшая сестренка — своенравный ребенок, все еще находящийся в плену детских мечтаний. Мне поведали, что она долгожданное дитя. Ее мама умерла через несколько дней после родов, а отца не стало спустя пять лет. Эдгар согласился приютить осиротевшую бедняжку, и с тех пор она жила вместе с нами. Приезжающие в гости родственники искренне умилялись миленькому пухлому ангелочку, коим была в детстве Диана.

Сестренка выглянула в коридор, окликнув двух служанок, и велела им помочь мне одеться. Я покорно делала все, что от меня требовалось, так как сама бы просто не справилась. Честно не раз пыталась одеться самостоятельно, но попытки потерпели полное фиаско. Вообще сомневаюсь, что эти платья возможно надеть самой.

Диана стояла рядом, с интересом наблюдая за моими неуклюжими попытками помочь. Я непроизвольно охнула, когда резко затянули корсет, дышать стало намного тяжелее, грудную клетку словно сдавили в железные тиски.

Сестренка хихикнула; взгляд скользнул по ней, отметив невероятные переплетения темно-русых волос, складывающиеся в дивную прическу, более красивую и сложную, чем у меня. Светло-розовое платье оттеняло ее смуглую кожу, на этом фоне карие глаза казались

насыщеннее и притягательнее. Она была не просто красива — божественна. Только я не разделяла ее любовь к рюшам, в изобилии украшавшим ее наряды. Но, наверное, это можно простит ребенку в шестнадцать лет?

Когда служанки ушли, я взглянула в зеркало:

— Я такая... другая.

На меня смотрела изящная девушка с тонкой талией и идеальной осанкой. Фигурой я пошла в маму, по крайней мере, со слов отца, она выглядел так же в мои. Глубокий синий цвет платья изменил мои светло-серые глаза сделав их темнее. А восторженный блеск в них мешал отвести взгляд, притягивая.

— Красивая, — поправила сестра, немного отойдя и рассматривая меня, словно произведение искусства.

— Не это главное, — возразила я, добавив про себя: «Все так реально, словно та жизнь была лишь сном».

Для того чтобы собрать меня на бал, ушло часа четыре, и это учитывая, что макияж почти отсутствовал, а именно этот пункт всегда занимал у меня максимально много времени.

Поднесла руки к декольте и со вздохом убрала, видимо, в этот раз придется смириться: корсет приподнимал грудь, делая ее слишком заметной. А что я хотела от здешней моды, я ведь очутилась в девятнадцатом веке! Эх, вот когда начинаешь жалеть, что недостаточно внимания уделяла истории. Со смущением перевела взгляд на белые, до самых локтей, перчатки. Из-за синего платья они приобрели голубоватый оттенок.

Мои прямые волосы сейчас были завиты и подняты на макушку. Я подергала завитые кудри русых волос, делающие мое овальное лицо еще уже, огладила мягкую ткань платья. Право, немного неудобно в корсете и во всем, что было на мне, кроме, пожалуй, обуви — будто в кроссовках, нигде не жмет. Мне часто подруга говорила, что туфли на каблуке — это мое. Они сделают мой рост чуть выше, предадут грации и изящества, но я упрямо игнорировала эти слова. По правде говоря, подобные высказывания сильно раздражали, а это время, похоже, привьет мне любовь к красивой женской обуви. Я потопала ногами... Класс!

— Ты ведешь себя странно после возвращения. Что с тобой случилось за это время? — было видно, что сестра обеспокоена.

— Да так, — отмахнулась я, — привыкну.

— Пойдем скорей вниз, все уже ждут нас во дворе, — и она, несколько раз повернувшись вокруг своей оси, словно демонстрируя свое изящество, побежала по коридору и по лестнице навстречу взрослой жизни.

«Если рассуждать здраво, то я оказалась больше чем на сто пятьдесят лет в прошлом. Это невероятно! Нет, лучше ничего никому не говорить. Да и кто мне поверит? Придется искать выход самой, если он еще есть. Вздор! Не думай о плохом, Лейла».

Мы сели в крытый экипаж. Удивительно, даже вчетвером нам удалось свободно разместиться. Внутри он был обит белым бархатом, очень эффектно смотревшимся в сгущающихся сумерках. Протянув руку, я по возможности тайком провела пальцами по ткани, ощутив его мягкость и легкую прохладу даже через тонкую ткань перчатки.

Всю дорогу сестренка нетерпеливо подпрыгивала и ерзала, сидя рядом, ее веселое чириканье заставляло сознание то и дело всплывать из омута тягучих размышлений.

— Дочка, доченька, — Минора взяла мои руки в свои, немного сжав, — все будет хорошо, вот увидишь!

Я попыталась улыбнуться. Как ни крути, а это обман с моей стороны. Как только их настоящая дочь найдется, меня вышвырнут из дома. Худшее развитие событий постаралась не представлять. Но останься я жить в этой бедной деревушке — моей участи точно не позавидуешь.

«Я правильно поступила, точно правильно», — повторяла про себя на протяжении всей поездки. Все прошлые дни меня грызло чувство вины, и сейчас я старалась смотреть куда угодно, только не на своих спутников.

Остается только плыть по течению, веря, что река не закончится ревущим водопадом.

Окна особняка светились, словно тысячи звезд. Огромные колонны и двери... разве я могла мечтать когда-нибудь попасть на настоящий бал?

Во двор постоянно заезжали новые кареты и экипажи, такое количество народа я не ожидала увидеть. Вгляделась в толпу: мужчины в элегантных костюмах, женщины в платьях всевозможных цветов. Все это создавало волшебное настроение праздника.

— Волшебно! — не удержалась я.

— И Эдвард будет! Ты ведь его помнишь? Ой! Совсем забыла, что случилось с тобой, — подпрыгнув от нетерпения на месте, Диана добавила: — Пойдем скорее, а то отстанем от тети с дядей, — быстрым шагом, переходящим в бег, сестра поспешила вперед.

Я по пути, не в силах удержаться, разглядывала всех и вся.

Мы вошли в парадные двери, оформленные золотой окантовкой и практически незаметной резьбой, придающие шарм, являющиеся своего рода неповторимой визитной карточкой дома. О нашем прибытии тут же объявили:

— Граф и графиня Слуцкие с дочерьми!

Мы вошли в зал, некоторые приглашенные обернулись посмотреть на нас, со стороны входа голос продолжил говорить:

— Герцог и... — его слова затерялись в шуме и веселье толпы.

Блестящий гладкий пол, в котором при желании можно рассмотреть свое отражение, множество зеркал на стенах, картины, несколько столиков и уйма народу. Всюду разговоры, смех.

«Здесь, наверное, вся элита», — подумалось мне в тот момент.

— Офигеть!

— Что ты сказала? — поинтересовалась сестра.

Я покачала головой. «Вряд ли она поймет, но надо быть осторожней в высказываниях». Мы шли по залу, и Диана полупшепотом рассказывала о тех, мимо кого мы проходили, добавляя с сожалением, что половине гостей она не была представлена, да и на прошлый бал народа пришло поменьше. Часть сказанного я пропускала мимо ушей.

— Смотри, там Эдвард! Я уверена, что сейчас он подойдет к нам, — она вытянула шею и совсем по-детски ткнула пальцем влево.

В указанном направлении разговаривали не меньше десяти человек: мужчины жестикулировали руками, их лица то были веселы, то на них появлялась решимость, по-видимому, шел спор. А девушки — их было четыре особы в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет в платьях темных тонов и с отдаленно напоминающими небольшие замки прическами. Две, что помоложе, наигранно смеялись, а третья внимательно слушала, а может быть, только делала вид. Четвертая девушка в коричневом, почти шоколадном платье с пушистыми кружевными рукавами смотрела в сторону, слегка помахивая веером, и словно

искала кого-то, невзначай приложив веер к правой щеке. Ее глаза скользнули по мне, и, отметив, что мое внимание обращено именно на нее, девушка демонстративно отвернулась, вернувшись к собеседникам.

Заметив, что я разглядываю компанию, Диана пояснила:

— Они сестры, кроме той, что в коричневом платье, я ее почти не знаю. Двое из сестер были замужем, старшая — аж два раза. Ходит слух, что на них лежит проклятье. Мужья в их семье погибают при странных обстоятельствах или вообще исчезают. Все втайне гадают, когда свадьба младшей сестры Лилит и повторится ли эта история и с ней. У их семьи огромное состояние, а легкое обогащение притягивает многих. Но эти богатства... — она хотела продолжить, но замолчала на полуслове, на ее лице засияла улыбка.

— Как бы я хотела с ним потанцевать, — прошептала сестра, сцепив пальцы от волнения.

Я тоже стала вглядываться в толпу, но как я должна узнать того, кого никогда не видела?

Наконец к нам приблизился юноша: статный, с темными волосами. На нем был костюм глубокого шоколадного, почти черного цвета, из-под пиджака выглядывало жабо с красивой брошью.

Он изящно поклонился:

— Графиня Агнесса, графиня Диана. Добрый вечер!

— Здравствуйте, граф, — она сделала реверанс.

— Привет, — я неуклюже поприветствовала незнакомца.

Сестра бросила на меня неодобрительный взгляд, но я оставила ее замечание без рассмотрения.

— Не откажите мне в удовольствии потанцевать с вами, — и он подал мне руку, внимательный взгляд заставил занервничать.

Я озадачено посмотрела на него. Прошедшая неделя, конечно, не прошла даром, и я успела прочитать несколько полезных книг, в том числе по этикету. Сестра «напомнила», как танцуют самые популярные танцы. Вспомнила, как Диана удивлялась моей внезапной неуклюжести. Ноги задрожали от всколыхнувшегося в груди волнения, готового в любой момент перерасти в панику. Надо же, а я думала, что контролирую ситуацию. Нет, в таком состоянии точно перепутаю все па и отдавлю ничего не подозревающему партнеру ноги.

— Кого? Меня? Зачем? — у меня аж пальцы похолодели, открыла было рот, но добавить ничего не смогла.

— На танец, думаю, следующий будет вальс, — терпеливо пояснил Эдвард, одарив улыбкой.

Я готова была убежать прочь, ведь танцевать я почти не умею!

— Э-э... меня уже пригласили, но зато мою сестру еще нет, — что я еще могла придумать?

— Что ж, жаль, тогда я надеюсь, вы подарите мне следующий танец! — он поклонился и подал ей руку, и они растворились в толпе. Напоследок она одарила меня взглядом, полным непонимания, за которым скрывалась радость от выпавшего шанса. Я одобрительно кивнула, Диана, получив мое согласие, кокетливо подмигнула.

— Чуть не влипла! — вздох облегчения, словно гора с плеч. Вот была бы потеха, если бы я стала танцевать. Даже поджилки затряслись.

От пережитого волнения и от зала, полного народу, мне сделалось душно. Захотелось

побыть наедине с собой, и я как можно незаметней прошла в соседнюю комнату, где стояло несколько столов, предназначенных для игры. Человек шесть склонились над двумя игроками, с неподдельным интересом наблюдая за ходом поединка.

Дверь в сад, находящаяся в противоположной части комнаты, была открыта. Я чуть ли не на носочках прокралась к ней, хотя никто даже не поднял головы, слишком все были увлечены игрой. Я вышла в сад. И почему сложилось чувство, будто совершаю преступление? Вдохнув полной грудью свежий воздух, прислушалась к тишине. Сюда почти не долетали звуки музыки и шум голосов.

Спустившись с лестницы, чтобы не стоять под окнами, я увидела девушку, ту самую в коричневом платье. Ее силуэт частично скрывали ветви кустов, останься я наверху, и не заметила бы. Тело лежало на траве без движения, не подавая никаких признаков жизни. Подбежав к ней и не найдя видимых повреждений, я нащупала пульс на шее — ровный.

Я встала, облегченно вздохнув. Что бы с ней ни произошло, девушке требовалась помощь знающего человека и его следовало привести немедленно.

— Кровь? Может, все-таки она ранена? — бездумно смотря на свои окровавленные перчатки, я не понимала, откуда взялась эта алая, немного вязкая жидкость. — Откуда? Что за...?

Почувствовав чей-то пристальный взгляд на себе, отзвуки которого мурашками разбежались по телу, повернулась. Там стоял мужчина, глаза его были пусты, как у куклы, не очень длинные волосы уложены таким образом, что казалось, будто они крайне короткие. На лице блуждал нечеловеческий оскал.

Я чуть не упала, попятившись, встала на подол своего платья и все-таки грохнулась на землю, запнувшись за девушку. Волосы, частично отброшенные с ее шеи, открыли взору две небольшие ранки. Осторожно повернула голову оглядевшись по сторонам в поисках чего-либо похожего на оружие, но кругом была лишь зелень.

Мужчина сделал шаг, сократив расстояние, разделяющее нас. Меня затрясло, паника накатывала волнами, мешая думать здраво.

Меня спас четвертый участник нашей незапланированной пьесы.

— Успокойся! — повелительно обратился подошедший мужчина, откидывая с лица черные волосы, а я пискнула из-за неожиданности его появления.

— Это ты ее пригласил? Она, похоже, знает о нас. Я это чувствую, — произнес первый, в его глаза начала возвращаться жизнь.

— О чем? — почти шепотом поинтересовалась я, не в полной мере осознавая, что говорю это вслух. — Вы похожи на... — даже для меня это прозвучало дико. Я еле выговорила свое предположение.

— Оставим это, друг мой, — «друг мой» из уст черноволосого прозвучало немного пренебрежительно.

— Значит, знает... что ж, прошу прощения. Не стану больше вам мешать. Кстати, я никогда не одобрял игры подобного рода, — он глянул на так вовремя появившегося незнакомца. И, нагло улыбнувшись, нахал скрылся за деревьями.

— Прибери за собой, — бросил спасший меня незнакомец первому вслед.

Произнеся эти слова, мужчина обратил свой задумчивый взгляд на меня, немного склонив голову, словно размышляя. Мне показалось, что он хотел что-то спросить, но передумал и жестом приказал следовать за ним. Я не шелохнулась, все так же находясь рядом с несчастной девушкой.

– Вставай, оставь Дану.

До меня не сразу дошло, что он имел в виду лежавшую на траве леди. Я встала и будто зачарованная пошла следом. Спаситель шел впереди и, поднявшись на крыльцо, остановился, словно ожидая чего-то.

— У той девушки укус на шее, — я замолчала, голос, и без того дрожащий, прервался. Я немного помедлила, но все-таки спросила: — Кто вы? — в его глазах мелькнуло сразу несколько эмоций, дыхание перехватило. — Что теперь со мной будет?

Он не ответил, а только подошел к окну, заглянув в зал, полный народа. Никто не удостоил нас и взгляда. Молчание затянулось.

Весь разговор выглядел немного нереально и, если бы он ушел, не сказав ни слова, можно было бы принять это за сон.

Я растерялась. Такого вообще не должно и не могло произойти, как, впрочем, и тот факт, что я попала сюда. Мысль, что, возможно, именно он поверит в мой фантастический рассказ и сможет помочь, возникла спонтанно.

— Ты должен мне помочь, — перейти от почтительного «вы» на «ты» получилось по привычке. Эти слова прозвучали скорее из-за пережитых событий и полного моего отчаяния.

Он усмехнулся:

— Сомневаюсь. Уходи, и мы забудем друг о друге. Это будет наиболее безопасный выход из сложившейся ситуации для тебя.

– Что будет с той девушкой?

Ответом послужил пристальный изучающий взгляд. Интерес в его глазах сверкнул, словно драгоценный камень.

— Я никому не скажу, что видела, но помоги мне, я не знаю больше, к кому обратиться. Я здесь никого не знаю, мне никто не поверит, — слова прозвучали уж больно по-детски, по его холодному взгляду было понятно — ему все равно.

Я повернулась, но он исчез, лишь луна светила в окно.

Настоящее время

Я проснулась. Волосы и ночная рубашка намочили от пота. Разжала пальцы, судорожно сжимающие покрывало, в расслабленном состоянии они начали ныть. За окном наступало раннее утро, веселое щебетание птиц наполняло помещение. В отеле было тихо, постояльцы еще спали, только иногда доносился голос персонала, работавшего на улице с самого раннего утра. Сон потряс меня, хотя, должно быть его вызвало нервное состояние.

Пролежав минут тридцать и поразмышляв о необычном сновидении, впечатления и эмоции от которого немного притупились, но все же ощущались до ужаса реалистичными, я села.

Пожалуй, лучше не заморачиваться над этим сном, мало ли причин для его появления? Тем более впереди почти две недели отдыха в совершенно незнакомом месте, надо столько посмотреть, изучить и запомнить, надеюсь, времени на подобные глупости просто не останется.

За первые несколько дней отдыха вымоталась до предела. Время полежать на песочке и покупаться оставалось только вечером, иной раз хотелось только доползти до кровати и не шевелиться до утра.

На сегодня Адель были запланированы экскурсия по городу и прогулка по парку, увидев

размеры которого и представив, сколько еще предстоит пройти, я застонала. Фонтаны, скульптуры, дома, цветы, деревья мелькали перед глазами, начиная сливаться в общий непонятный пейзаж.

— Давай отдохнем! — взмолилась я, прикрывая лицо от палящего солнца. — Еще немного, и ты меня понесешь, — говоря это, я озиралась по сторонам в поисках любого места, чтобы присесть.

— Ладно, — смилостивилась Адель. Пройдя бодрой походкой дальше, она приземлилась на только что освободившуюся скамейку.

«Ну вот как так-то? Я уже полчаса в поисках, а ей высшие силы тут же освободили скамейку, да еще и стоящую в тени».

— Если купишь мороженого, можем отдохнуть, — и, видя мое замешательство, сделала вид, что собирается встать.

Проходящие мимо люди замедлили шаг в надежде заполучить место для отдыха.

— Неужели ты не устала? — искренне удивилась я, доковыляв до улыбающейся Адель.

— Немного, восемь часов на ногах не смертельны. Предлагала ведь тебе заниматься спортом вместе, сейчас бы не умирала на ходу.

Я закатила глаза и развернулась в направлении палатки с мороженым.

Мда, глаза сразу разбежались от представленного ассортимента. Ну как можно выбрать из такого количества? Ванильное, фисташковое, мятное, клубничное, киви, шоколадное, ананасовое... Я стояла, вновь и вновь пробегая взглядом по ярким лакомствам. И ведь все натуральное, с фруктами! Помучившись немного, взяла по два разных шарика и, вдохнув аромат, довольная зашагала назад. Усмехнулась, заметив, что подруга уже разговаривает с двумя молодыми людьми.

«И когда она только успевает все и везде», — улыбнулась я.

На ходу успела лизнуть мятное и блаженно прикрыла глаза.

— Ты не представляешь, как нам повезло! — Адель, приняв протянутое мороженое, тут же откусила его, от удовольствия замычав, и, вдоволь насладившись моими мучениями, сказала: — Мне дали два пропуска в клуб. Завтра вечер обещает быть жарким.

— Я не иду, — недовольно буркнула я.

— Подумаешь, не умеешь танцевать и отставишь кому-нибудь ноги, а то, что медведь на ухо наступил...

— Это ты меня так уговариваешь или оскорбляешь? — глубоко вздохнув, процедила я, не желая повышать голос.

Осознав свою оплошность, Адель замолчала, но надолго ее не хватило:

— Ну, прости-и-и, без тебя я не пойду, а мне о-очень хочется, — она обняла меня одной рукой. — Ну не будь такой букой, вот увидишь, потом целый год будешь вспоминать.

Море было глубокого синего цвета, если взглянуть вглубь, а если обратить все внимание на поверхность воды, то лучи солнца сотворили воистину потрясающее чудо. Ребристая поверхность ни на минуту не успокаивалась и, словно хамелеон, меняла цвета: то голубая с вкраплениями золотистого, то зеленоватая с белым блеском, то вновь приобретающая глубокий, но в то же время прозрачный оттенок синего.

Я сначала пыталась уловить закономерность этих изменений и перетекания из одного цвета в другой, но потом поняла, что все это происходит спонтанно, влияет малейшее изменение в окружающем мире: медленное движение облаков, все время преобразующих

свои очертания, а иногда и закрывающих полностью или частично солнечный свет, пролетающие над водой птицы, ветер, слегка колышущий воду, и еще много чего, даже того, что скрыто от человеческого взгляда.

Адель окатила меня водой, я ахнула, нить моих размышлений тут же потерялась.

— У тебя такое лицо, — она засмеялась, изображая, — что, переходим в другую реальность? Может, и меня возьмешь в это таинственное далеко? Хотя не, нам скоро ехать в город. Так что закругляйся со своими сеансами и пойдём собираться.

Клуб с мерцающим в сумерках названием «Жаркая птица» пользовался большой популярностью у отдыхающих. У входа собралась длинная очередь желающих попасть, чуть в стороне толпились недовольные, которые не прошли фейсконтроль, продолжая надеяться на чудо. Наконец, отстояв тридцать минут, мы замерли перед входными дверями. Подойдя к стоящим у входа устрашающего вида мужчинам, Адель мило улыбнулась и протянула проходки, я осторожно покосилась на них. Лысые, с толстыми шеями, в черных майках, готовых разорваться в любой момент от набухших под ними мышц. Я поежилась, желая убраться подальше.

Фейсконтрольщик оценивающе прошелся по нам взглядом: короткая джинсовая юбка с топиком и белые шорты с черной майкой. Адель, заигрывая, убрала выбившиеся из «шишечки» волосы.

Без тени улыбки они посторонились, пропуская нас, и подруга, вцепившись в меня, вступила в тонуший во тьме зал.

Я заморгала, стараясь разглядеть хоть что-то, и чуть не врезалась в проходящего парня. Оглушительная громкость музыки порождала лишь одно желание — заткнуть уши. Под потолком вращались мерцающие прожекторы, раскидывая повсюду множество световых точек. Стены и потолок — черные небольшие сверкавшие светильники наверху — напоминали звезды. С левой стороны располагались столики, за барной стойкой спортивного телосложения бармен в шейкере смешивал алкогольные коктейли. Народ прибывал.

Засмотревшись по сторонам, едва не упустила из вида подругу и нагнала ее, когда на сцену направили прожектор, выхвативший извивающихся полуголых девушек.

— Может, уйдем? Как-то неуютно, — вымолвила я.

— Да мы только зашли, Лейла! — возмутилась подруга, пританцовывая. — Посиди здесь, я сейчас.

«И что я должна вспоминать весь год, как оглохла тут?» — с легкой завистью я смотрела на дергающихся в подобии танца людей.

— Два тебе и два мне! — крикнула подруга, наклонившись и, не дожидаясь вопроса, сунула мне один бокал в руку.

Странно, но после выпитого даже музыка заиграла не так громко, и я поймала себя, что подтанцовываю ногами в такт.

— Еще принести? — Адель жестом указала на бокал и на меня, так как музыка мешала правильно понимать речь.

Я отрицательно покачала головой. Никогда не напивалась, и начинать именно сейчас вряд ли стоит. Мне стало немного комфортнее, вот и ладушки, а подруга пусть веселится.

Адель пожала плечами и исчезла в танцующей толпе.

Но сегодня был точно не мой день. Не успела я поудобнее устроиться, как какой-то

мальчишка немного младше меня, проходивший мимо, схватил мою руку, потянув за собой. Упираясь ногами и вцепившись за столик свободной рукой, я закричала, но голос без следа растворился в звенящем шуме клубы.

Почувствовав сопротивление, он повернул голову и мутные, полуприкрытые веками глаза наркомана мазнули по мне и остановились, смотря прямо в мои, кривая ухмылка дополнила безумный вид. Раскрыв от настигшего страха глаза, я задергалась сильнее, моментально протрезвев. Резко рассмеявшись, он с силой дернул на себя. Да почему никто не обращает на нас внимания?

Меня отшвырнуло на диван, от удара перехватило дыхание. Тут же вжалась в сиденье, отступать оказалось просто некуда, сама выбрала столик в углу, с одной стороны ограниченный стеной.

Музыка ударила с новой силой, и крик наркомана потонул в ней. Его руку под неудобным углом держал молодой человек, надавливая на нее, причиняя нестерпимую боль, гримасой отражавшуюся на перекошенном лице. Не церемонясь, нападавшего отшвырнули под соседний пустующий стол. Почти сразу из толпы вынырнули двое накачанных вышибал, растворившись с нарушителем спокойствия среди танцующих.

— Ты как? — поинтересовался спаситель и, не получив ответа, протянул руку. Я зажмурилась, почувствовав легкое прикосновение, а когда открыла глаза, незнакомец с растрепанными темными волосами и в ярко-розовой, слегка светящейся в темноте майке пропал.

Какое-то время просидела неподвижно, почти не реагируя и ничего слыша. И нервно выдохнула, заметив приближающуюся подругу.

— Пошли с нами танцевать! С такими классными ребятами познакомилась, — и, заметив мое дерганое состояние, присела рядом. — Что случилось, на тебе лица нет?

Рассказав в двух словах об инциденте, взмолилась:

— Пойдем отсюда.

— Давай два последних танца, и все, — и, взяв за руку, добавила: — Потопчешься рядом, я тебя больше не оставлю одну.

— Побуду посмешищем, — подытожила я вполголоса, но оставаться одной больше не хотелось.

Весь мой танец больше походил на приставной шаг и, когда сменилась музыка, я с облегчением вздохнула. Еще один танец, и вызовем такси, потрясений на сегодня достаточно, а потом в теплую кровать.

Музыка резко стихла, и из колонок разнесся бодрый голос, объявив:

— С пятницей вас! А многие ли знают, чем примечателен сегодняшний день? — прожекторы вспыхнули ярче, осветив сцену. Толпа зашумела. — Дам подсказку. Ожидающий вас изящный, простой и непринужденный танец стал в девятнадцатом веке самым популярным, — говоривший обвел всех собравшихся взглядом. — Вижу, что догадались! Бонус вечера — две бутылки дорогого вина победившей паре и ужин на двоих за второе место. Итак, прошу внимания, вальс. Приглашаем!

Сцена погрузилась во мрак, зато танцплощадка замерцала цветными вспышками. Люди расступились, освобождая центр танцпола. Мы последовали примеру, потеснившись к стенам. Я окинула зал, не понимая, отчего возникло внезапное беспокойство. По лицам рядом стоящих промелькнуло удивление, сменившееся интересом, когда несколько пар вышли в центр. Должно быть, не мы одни оказались не в курсе «особенностей пятниц».

— Представляешь, если тебя пригласят? — шепнула я, стараясь протиснуться за спину подруги.

— Издеваешься? Я не пойду, — отмахнулась та.

Пока мы перекидывались словами, присоединилось еще не меньше пяти пар.

— Всего одиннадцать, — подытожила я. — Неужели больше никто не умеет танцевать?

И тут же вздрогнула, уставившись на знакомую розовую майку в двух шагах от меня. Я невольно поежилась от плохого предчувствия и подняла глаза. Дерзко улыбнувшись, он подал мне руку со словами:

— Вы задолжали мне.

Слова ответа застряли в горле. И как он вообще нашел меня в этой толпе?

Не дожидаясь, пока я приду в себя, он смело взял меня за руку, следуя в центр к остальным парам.

— Двенадцать, — хихикнула Адель в предчувствии представления со мной в главной роли.

Мы остановились друг напротив друга. Он привлек меня к себе, краем глаз еще успела оценить его спортивную фигуру. Его сильные руки легли ниже, чем полагается, медленно скользнув вверх и удобно устраиваясь на талии.

— Какие мягкие, — хотя и знала, что слова адресованы ткани моих шорт, замерла, вытянувшись по струнке, боясь поднять раскрасневшееся от смущения лицо, пряча его в полумраке, царящем вокруг.

Даже дыхание перехватило от восторга и неожиданного понимания слов песни: «сильные руки стан мой обнимали».

Я положила руку ему на плечо, свободные руки сомкнули вместе.

— Я не умею танцевать, — пискнула в ответ, не зная, как теперь выкрутиться из ситуации. Словно предчувствуя мой порыв сбежать, он крепче сжал наши сомкнутые руки. — И... спасибо, что помог, — нервно добавила я, сжав зубы, стараясь подавить рвущийся стон.

Не глядя ощутила, что он улыбается.

— Зато я умею. Доверься мне, — и, прижав меня к своему телу, прошептал в самое ухо: — Да не трясись ты так.

Закрыла глаза, пытаюсь унять точно сошедшее с ума сердце. Да и молодой человек, в чьи объятия я попала, не добавлял спокойствия.

«Спасибо, Адель, такой вечер забыть не удастся. Меня спасет только чудо».

— С левой ноги, — подсказал мой партнер.

Заиграла мягкая мелодичная музыка, прорезаемая свистом, улюлюканьем и аплодисментами наблюдателей.

Раз, два, три...

Длинный проигрыш закончился. Начался вальс. Прожекторы, осветившие каждую пару, медленно заскользили следом.

«Раз, два, три...», — повторяла я про себя, единственное, что вспомнилось о танце. Конечно, слышала о нем больше подробностей, но затуманенный стрессом мозг блокировал все попытки припомнить информацию.

Он вел плавно и уверенно. Шаг, еще шаг, незаметно напряжение отпустило, мне удалось немного расслабиться.

Пары не спеша вальсировали по залу, двигаясь легко и грациозно. В голове вихрем кружились мысли. Так приятно, будто плывешь. Сказочное чувство, когда танцуешь, когда умеешь танцевать. Что за странные мысли лезут мне в голову?

Наконец расслабилась настолько, что позволила себе оглядеться. До чего же странно смотрелся вальс в исполнении людей в шортах, юбках, коротких летних платьях. Вдруг привиделся зал, наполненных танцующими парами в пышных бальных платьях. Дыхание перехватило от впечатляющего зрелища.

— Сосредоточься. Я намерен победить, — он слегка погладил мою спину, отчего по ней забегали тревожные мурашки.

Не удержавшись, я подняла глаза, встретившись с его карими. Интересно, кто он по национальности? Овальное лицо, чуть заметная темная щетина, красивые брови и пухлые губы.

Больше не стала отвлекаться и летать в облаках, отвернувшись от насмешливой ухмылки на загорелом лице. Пожалуй, стоит постараться хотя бы ради того, чтобы отблагодарить за помощь.

Музыка смолкла. Свет вновь загулял по залу.

— Ну вот и все! Прошу всех танцевавших подняться на сцену и встать в одну линию.

Определение победителей прошло вполне предсказуемо — зрительским голосованием. Я не верила своим ушам, хотя звучный голос только что объявил результат.

— Второе место — тоже неплохо, — усмехнулся мой кавалер, — если честно, после твоего признания думал, что на память оставишь отдавленные ноги.

Я метнула на него уничтожающий взгляд. Вот ведь нахал!

— Утешительный приз за второе место — ужин в ресторане на крыше нашего заведения, — нам протянули сертификат, от напечатанной суммы на нем мои брови поползли вверх.

— Сделай лицо попроще, — он точно издевался, — вино за первое место стоит, как три таких ужина.

— Ты серьезно? — состроила я недоверчивую гримасу. — Тогда ужин твой в благодарность за помощь. Сводишь туда свою девушку, ну или кого пожелаешь.

— Благодарю, — он поднял мою руку и прикоснулся губами к пальцам. Только сейчас сквозь накуранный воздух уловила горьковатый аромат лака для волос. — Прошу прощения, что я не представился. Меня зовут Альтан.

— Лейла.

Он помог мне спуститься вниз по крутой лестнице.

Заиграла ритмичная музыка. Танцевальную площадку вновь заполняли желающие оторваться по полной этой теплой ночью. Среди них я увидела пробирающуюся ко мне Адель.

— Ты умеешь танцевать вальс? — стараясь перекричать музыку, спросила подруга.

— Нет.

— Да неужели, — Адель посмотрела на меня с подозрением, — тогда как ты объяснишь случившееся?

Я пожала плечами:

— Быстро учусь, наверное.

— Вспомни все, — прошелестел голос незнакомца скорее в голове, чем в шумном помещении. Я ошарашено огляделась.

— Ну-ну, — хмыкнула подруга, не придав значение моей странности, — секреты значит. А где тот красавчик?

Я пожалала плечами. Как невежливо, он исчез, даже не попрощавшись.

«Тук-тук...» быстро били по камню рабочие в шахте в поисках драгоценных камней, вросших в горную породу, и, поддаваясь, камни, разлетались на мелкие части. Пыль, поднимаясь в воздух, слепила глаза и затрудняла дыхание.

«Тук, тук, тук...»

Все стихло. С непривычки такая тишина резала слух. Рабочий день закончился. Уставшие рабочие медленно расползались в разных направлениях.

Этот дикий шум был отголоском прошлого, который слышали немногие, шахту давно закрыли из-за частых обрушений. И вот, спустя много лет недалеко от нее расположилась экспедиция, работающая над интересным открытием — захоронением какого-то знатного господина, место его покоя заполняли драгоценности, различные бытовые вещи, стены были расписаны загадочными символами.

Близилась ночь, и на месте раскопки сделалось тихо, только ветер шевелил ветви деревьев, да изредка птица перелетала с ветки на ветку. Охраны по каким-то причинам видно не было.

Раздался слабый шорох. Из кустов вынырнули две тени и тут же скрылись за широким стволом дерева.

— Наверно, там много драгоценностей! Вот все будут завидовать! — раздался грубый женский голос.

— Да-а-а... утрём всем нос, а то нахохлились, — вторил второй, более мягкий и молодой.

Девушки, крадучись и постоянно прислушиваясь, подошли к месту раскопок. Очутившись внутри захоронения, они зажгли две лампы. Мягкий свет упал на лица обеих нарушительниц — это были цыганки в длинных пышных юбках и с платками, у одной повязанным на шею, у другой на талию; бус и иных побрякушек не было, их предусмотрительно сняли, чтобы не создавать лишнего шума. Обе смугленькие, с черными волосами. Они обошли помещение, ощупывая стены и высматривая что-либо ценное, довольно неаккуратно разметаая землю под ногами.

— Смотри, что я нашла, — подала голос молодая, — это медальон.

Он лежал, скрытый землей в выбоине стены, увидеть его можно было только по чистой случайности.

— Похоже, из золота, — глаза спутницы заблестели от предвкушения наживы.

Медальон с виду напоминал немного не распутившийся бутон розы на изящной цепочке-стебле. Массивный, заляпанный грязью, потерявший должный золоту блеск и слегка потемневший от длительного пребывания в земле, все это не делало его менее красивым.

— Представляешь, сколько это стоит? Он весит грамм двенадцать. Здесь еще мелкие камушки, думаю, тоже не стекляшка.

— Конечно, очень красиво, но от этой гири шея отпадет. Не завидую тому, кто его носил, — шепотом усмехнулась более зрелая. — Давай выбираться, а то вдруг охрана решит наведаться и проверить, все ли в порядке. А нам и этого хватит.

Вторая согласно кивнула. Они направились к выходу. Чуть слышный шум, еле заметное

движение, и ближняя цыганка упала наземь, ее лампа разбилась, свет погас. Вторая застыла, не понимая, что произошло.

— Эй! Что с тобой?

Девушка наклонилась к лежащей, поднеся ближе тусклый свет. Крик, вырвавшийся из ее рта, был полон ужаса: горло у ее компаньонки было вырвано открывая кровавую рану с неровными краями. Небольшая лужица крови уже скопилась на земле.

Грабительница набрала побольше воздуха, чтобы вновь закричать, но ее швырнуло оземь. От падения и ее лампа разбилась, и теперь тьма застилала глаза, даже собственные руки разглядеть стало сложно. Она прижалась к каменной стене спиной и озираясь вокруг, пытаясь увидеть сотворившего это.

Мужчина смотрел на девушку с нескрываемым презрением, находясь всего в нескольких метрах и прекрасно видя ее очертания, пульсирующую жизнь, кровь, непрерывно бегущую по артериям и венам, делающую людей такими теплыми и желанными. Но если изменить угол зрения, то увидишь не кусок мяса, не еду, а хорошенькую перепуганную мордашку. Так лучше не делать, незачем жалеть жертву.

Он вздохнул, чуть слышно, но и такого колебания воздуха хватило, чтобы настороженная и до смерти испуганная цыганка оглянулась в нужном направлении.

Она никого не увидела, тем не менее почувствовала чье-то близкое присутствие.

Девушка вздрогнула:

— Кто здесь? Что вам нужно? — голос почти сорвался ни писк, она выставила вперед руку, пытаясь защититься.

Его этот жест позабавил, он улыбнулся. В таких ситуациях, когда не знаешь и не видишь врага, люди кажутся такими слабыми и беспомощными, особенно женский пол с их дурацкой привычкой повизжать.

Девушка действительно завизжала. Крик резал слух и безжалостно рвал ушные перепонки. Раздраженно тряхнув черными волосами, он скомандовал:

— Замолчи.

Крик неожиданно резко прервался. Всхлипнув еще пару раз, бедняга затихла.

— Бросай мне медальон.

Она выполнила приказ безоговорочно, кинув украшение на голос. Теперь стояла и ждала с замиранием сердца, не понимая, почему исполняет эти слова.

Его уже начал мучить голод, густой запах крови витал в воздухе, пробивался в легкие, вызывая спазмы. Он еще раз взглянул на девушку: «Хорошенькая, отзывчивая, добрая, почти нет плохих качеств, ее все любят. Знакомая, лежащая мертвой, разбудила у нее в душе огонь порока. Что ж, поделом ей. А этой мордашке нет причин умирать. Рано».

Жалость — все-таки мерзкая штука. Придется искать новую жертву.

«Пусть живет. Подкорректирую ей память, и она забудет страшную картину настоящего. Все было сном. Реальность такова...».

Этот нехитрый ритуал занял всего несколько минут. Наконец он вышел на свежий воздух. Ночь тускло освещалась только что народившейся луной и несколькими фонарями в отдалении. Он открыл медальон.

— Это то, что я искал. Не волнуйся, мой друг, и покойся с миром, я постараюсь, чтобы эта вещь попала именно в те руки, в которые ты бы хотел ее отдать, — ночной гость восторженно улыбнулся, блеснув зубами немного необычной заостренной формы.

Спустя минут пять ночь потревожил оглушительный взрыв и грохот, обрушив

усыпальницу с еще не извлеченным истлевшим телом, покоившимся в каменном гробу. На остатках бархатной ткани лежал скелет с белокурыми волосами.

Мы пили чай в кафе «Маленькая кофейня», уютном и тихом заведении, наслаждаясь наступающим вечером. Уже шел предпоследний день нашего отдыха. Сегодня решили себе позволить один из тех редких вечеров, когда мы никуда не спешили — я читала статью, ожидая, когда вернется Адель с вкусными пирожными.

В статье говорилось:

«Недалеко от заброшенных шахт произошел обвал в захоронении знатного мужчины, датированном XIX веком. По счастливой случайности пострадавших нет. Еще неизвестно, станут ли возобновлять работы, ведь для этого потребуется немало средств, тем более почти все ценные вещи вынесены, помещение сфотографировано. К сожалению, сам каменный гроб с телом остался замурован внутри, его собирались достать этим утром. Интересно то, что при его вскрытии было обнаружено тело светловолосого мужчины, одетого в рубашку и штаны из дорогой ткани. Тело оказалось почти не тронуто тленом, что очень удивило и заинтересовало археологов, но спустя несколько минут оно начало быстро разрушаться. Именно по этой причине пришлось отложить момент его извлечения и запечатать гроб. «Видимо, тело было обработано чем-то, и при взаимодействии с воздухом произошла реакция, такое уже встречалось ранее», — сообщил нам один из специалистов.

Причины случившегося обвала, а возможно, и преднамеренного взрыва выясняются. Будем следить за дальнейшими событиями и держать читателей в курсе проводимых археологами и следователями работ».

— Опять какая-то чепуха, — я свернула газету и положила ее на край стола, — все у археологов необъяснимо и непонятно.

Время отдыха на море приближалось к завершению. И кто бы мог подумать, что оно произведет на меня настолько неизгладимое впечатление: дендропарк, аквапарк, море, прогулки по городу, дожди, освежающие землю на короткий срок, а особенно тот смуглый незнакомец и танец.

Море... эти бескрайние глубины, великолепная, ни с чем не сравнимая игра цвета и тени.

Уже начинало смеркаться. Мы с подругой молча шли по берегу моря. Песок растекался под каждым шагом, и ноги погружались в его объятия. Но стоило отойти от воды на несколько метров, где берег устилала отшлифованная водой галька, и начиналось сущее мучение, для меня сравнимое с хождением по битому стеклу.

Я наслаждалась поздней прогулкой, осознавая, что именно по таким беззаботным вечерам буду скучать больше всего. Вдыхала солоноватый морской воздух и слушала далекий гомон чаек.

Солнце медленно опускалось к горизонту, настолько медленно, что сложно было уследить его движение. Закат на море — это нечто невообразимое. Когда заходящее солнце встречается с темной водой, погружаясь в нее и разбрасывая алые, желтые, оранжевые всполохи. От открывающейся взору красоты замирает сердце.

Усмехнулась, вспомнив странные сны, приснившиеся за отдых несколько раз, казавшиеся до жути реалистичными, после пробуждения вспоминаясь слишком отрывочно. Я их вообще не могла собрать в одно целое, объединить: образы домов, комнат, лиц, людей, улиц — все слишком хаотично и беспорядочно. Словно перед тобой разбросаны детали пазла, но в какую картину они сложатся при правильном соединении, не понять.

Отдых закончился, словно прекрасная сказка. Хотя нет, у меня сложилось совершенно четкое и ясное предчувствие грядущих перемен. Остается надеяться, что они будут только к лучшему. По возвращению домой сны начали являться мне по несколько раз за неделю. Перед ними часто возникали странные ощущения. В такие моменты я теряла связь с реальностью и будто начинала барахтаться где-то в межпространстве. Неизвестно куда катилась, бежала, летела, и все это сопровождалось неприятным покалыванием и непонятным состоянием апатии, которое подобно жевательной резинке тянулось и тянулось, не отпуская.

– Ну вот, уже первый час ночи, – вздохнув, я бессмысленно уставившись в темный угол комнаты.

Последние несколько дней я допоздна засиживалась за чтением или просмотром фильмов в интернете и все бы ничего, но вот именно сегодня меня настигло понимание причины моего поведения — я боюсь лечь спать. Новая фобия, будто прежних тараканов было недостаточно.

Я старалась вымотать себя до такой степени, чтобы посторонние мысли просто не задерживались в голове и я без тягостных метаний проваливалась в сон. Вот бы он всегда дарил сладостное состояние покоя.

«Утро добрым не бывает». Не помню, где слышала это фразу, но к моему утреннему состоянию она подходила как никогда. Зевнув, глянула в зеркало, вот знала, что не стоит: опухшие, покрасневшие глаза с темными кругами, растрепанные волосы, вялые движения.

Попыталась взбодриться под прохладным душем, живительное действие которого продлилось недолго.

– Хреново выглядишь, – мачеха допивала чай, второй рукой листая страницы в смартфоне. — Мальчики?

Вот какое ее дело? Я недовольно скрестила руки на груди.

– Бессонница.

– Серьезно? Рановато что-то. Хотя у молодежи сейчас все рано, — Глория криво улыбнулась и пояснила. — Снивился возраст сердечных приступов, поголовное плоскостопие, болезни желудка, да и развитие детей далеко отстает от нашего.

Ну прямо кладезь новостей. Мне всегда хотелось с утра получить порцию положительной информации.

– Не хочу пугать, но сложности с засыпанием требуют лечения. Были люди, которые от недосыпа бросались на людей, хватались за оружие, убивали младенцев, даже сходили с ума.

«Вот где она вычитывает подобную информацию? – я нахмурилась. – Не удивлюсь, если ее любимое чтиво — желтая пресса и ни одной умной книжки».

– Тебе повезло, у меня есть знакомый врач и он как раз специализируется на бессоннице, снах и воспоминаниях, и вот сейчас... – она прервала предложение, сосредоточенно нажимая на экран телефона. — Вот и все, записала тебя на прием завтра.

Я поперхнулась, никак не ожидая такого рьяного желания помочь.

– Первый прием бесплатный, ты ничего не теряешь, — Глория отодвинула кружку с допитым чаем. — Завтра в шесть вечера. Хотя нет, сходим вместе, давно не видела его и спокойней так за тебя, вдруг упадешь, уснешь и замерзнешь.

И, не дожидаясь моей реакции, вышла из кухни.

«У нее совсем каша в голове, сейчас лето, — да и проснувшаяся неожиданно забота напрягла. Я хмыкнула, — небось нужны деньги, вот и решила изобразить любящую мачеху.

Эх, папа, и за какие выдающиеся заслуги она стала твоей женой? Хотя нет, сейчас, повзрослев, понимаю, за какие».

Прием у врача оставил смешанные впечатления.

Низкий пожилой мужчина с блестящей лысиной и толстыми очками приветливо открыл дверь, пригласив войти. Начало было вполне предсказуемым: заполнение карточки и различные вопросы обо мне. Затем доктор Мартин начал спрашивать о проблеме: как давно началось? Что делаете перед сном? Помните ли сны? И так далее в таком духе.

Час пролетел на удивление быстро.

– Подожди меня в коридоре, только перекинусь парой слов.

Выйдя я опустила в мягкое кресло. Конечно, от бесплатного приема я не ждала результатов, просто разговор по душам, насколько это вообще возможно.

Не знаю, о чем они говорили, но мачеха вернулась быстро.

– Тебе повезло, врач сказал, что такой случай не редкость и обещал помочь по старой дружбе, даже скидку сделал. Как раз освободилось два места на следующей неделе, — с этими словами она протянула мне карточку с датой и временем следующего посещения.

После приема я спешила. Пришлось бежать большую часть пути, так как уже опаздывала на неожиданно назначенную встречу. Забежав внутрь кофейни, искала взглядом подругу и быстрым шагом направилась к дальнему столику.

– Привет, Тина.

– Привет, — тут же откликнулась подруга, вскинув голову. Заметила ее беспокойство поторопилась спросить:

– Что за срочность? Что-то случилось?

– Да, то есть нет, — она запнулась и продолжила, опустив глаза. — Марк сделал мне предложение.

Округлив глаза, я заерзала на месте.

– Так это же замечательно! Ты ведь давно мечтала об этом! — и поняв, что что-то не так, добавила. — Договаривай!

Она потянулась к наполовину выпитому стакану сока, сделав глоток. На безымянном пальце, словно маяк, блеснуло колечко.

– Он хочет, чтобы после свадьбы мы уехали жить в другой город. Его переводят туда начальником филиала.

Я заморгала, ну и что в этом плохого?

– Вся моя жизнь, друзья и родные останутся здесь. Там я никого не знаю и буду совсем одна!

– Так, хватит паниковать. Во-первых, ты в любой момент можешь позвонить нам, приехать, ну или мы к тебе. Во-вторых, ты там не одна, а с Марком. В-третьих, устроишься на работу, и сразу появятся знакомые.

Не удержавшись, погладила ее по коротко стриженным волосам и порывисто обняла, неожиданно показавшись самой себе слишком взрослой.

Она тяжело вздохнула.

– Ты права, что-то совсем разнервничалась, — улыбнувшись сквозь подступающие слезы, добавила. — Хотела попросить... ты упоминала про сад. Можно отметить там девичник? Обещаю, народу будет немного.

— Конечно, — весело засмеялась я. — Человек пять разместятся спокойно, если постараться, то и шесть.

— Спасибо. А вот и пирожные, я угощаю.

И, быстро заморгав, прогнала подступившие слезы.

Вчера состоялось очередное посещение доктора. Он показался мне странным: проговорив половину времени, неожиданно предложил попробовать действовать радикально, погрузив меня в гипнотический сон. Слова доктора Мартина словно обволакивали меня, а пронзительный взгляд глаза в глаза подавлял попытку отвернуться. И я согласилась.

Встав со стула, покорно легла на кушетку, закрыла глаза и... провал, дальше просто пустота. Щелчок. Я очнулась. Доктор, мило улыбаясь, подал стакан воды и спросил про мое самочувствие.

Странно, как будто выпалась. Затрясла головой, прогоняя остатки сонного состояния.

Какой сегодня был прием у доктора Мартина, четвертый или пятый? Уже сбилась со счета. Этот врачешка точно что-то скрывает, не менее сгущает краски странное заискивание и беспокойство обо мне мачехи. Надеюсь, это не мое разыгравшееся воображение?

Каждый раз, очнувшись от его лечения, я ловила блестящий восторженный взгляд. Правда он тут же отворачивался, желая скрыть свою радость и довольную лягушечью улыбку. Точно, вот кого он мне напоминает — лягушку. Скривилась этому сравнению.

Сидя перед компьютером и пролистывая неинтересные новости, никак не могла выбросить тревожные мысли. Отчего доктор Мартин мог стать сама доброта и любезность уже после первых сеансов гипноза? Этим вопросом я задавалась несколько дней, наконец приняв решение попытаться это выяснить. Конечно, можно было просто прекратить посещение, но интуиция подсказывала, что эта информация крайне важна. Потратив полночи на поиски методов защиты от гипноза, нашла в интернете любопытные видео и, углубившись в изучение информации, потеряла ход времени.

— Оказывается, это так просто, — усмехнулась я, выключая компьютер.

Получается, он задает мне свои установки, из-за чего я не помню, что происходит со мной во время сеанса. Вот ведь мерзкая лягушка. Завтра постараюсь выяснить, чему ты каждый раз так радуешься.

Зевнув, потеряла глаза и, завернувшись в мягкое одеяло, спокойно уснула.

Подсознательно не желая идти на прием, я опоздала и, стоя у двери, подняла руку, собираясь постучать, как дверь распахнулась. Отшатнувшись, встретилась со слащавой улыбкой доктора.

Он что, караулил под дверью?

— Добрый день. Уже думал позвонить тебе, вдруг забыла.

И, посторонившись, пропустил внутрь.

— Присаживайся. Как самочувствие? Как спалось эти дни? — вновь опустил взгляд к блокноту, что-то записав.

— Нормально, — а ведь правда, уже несколько дней мне ничего не снилось. Виной ли тому его странное лечение, или просто измученному организму потребовалась временная передышка?

Закончив писать, поднялся.

— Думаю, к концу этого месяца картина станет более-менее ясна.

— Хотела бы узнать подробнее ваше мнение уже сейчас.

— О нет-нет, моя девочка, — сложив руки в замок на круглом животе, рассмеялся он. — Я привык сперва досконально разбираться во всем, а только потом делиться. Ведь подумай сама, вдруг мои выводы, сделанные на ранней стадии, ошибочны. Не хочется никого вводить в заблуждение. Прошу, — последовал отработанный до автоматизма приглашающий жест рукой.

Ложась на кушетку, еще раз прокрутила в голове заинтересовавший меня метод борьбы с гипнозом. И, поборов сомнения, закрыла глаза.

После непродолжительного шуршания в тишине зазвучал спокойный завораживающий голос. Постаралась отрешиться от него. Представила себя в уменьшенной копии и создала вокруг защитную оболочку.

«...пусть будет так», — закончила я необходимые слова не то заклинания, не то самовнушения.

Несмотря на все старания, сознание медленно стало утекать, оставляя меня в полной его власти.

Я открыла глаза и, пожелав встать, тут же оказалась на ногах. Растерянно огляделась: черные матовые стены куба испугали не меньше, чем непонимание, где я нахожусь.словно издалека доносился едва слышный голос. С опаской подошла к стене и не смогла оторвать взгляд от своего полупрозрачного тела. Я умерла?

— Где ты находишься? — это первые слова, которые мне удалось понять из монотонной речи.

— Мы с сестрой ходили на прогулку, сейчас возвращаемся в дом.

«Это мой голос?»

Я попятилась, упав на пол, и замерла, но ощущения удара и боли не последовало.

— А он тоже там?

— Да, он стоит в тени дерева и ждет, когда я подойду.

— Ты подходишь к нему. Узнай, зачем он пришел?

Я почувствовала, как нахмурилась, вспоминая, но в отражении сдерживающей меня прозрачной комнаты увидела лишь свои огромные от удивления глаза.

«Да что происходит?» — возникла новая мысль, открыла рот и... не произнесла ни звука. Голос пропал, как и полное понимание происходящего.

— Он сказал, что проходил мимо.

— Хорошо, — по интонации поняла, что доктор раздосадован ответом. — Расскажи о нем. Как он выглядит, сколько ему лет, где живет?

— Выше меня почти на голову, на вид тридцать пять-сорок, темные волосы и глаза, — на этом мой голос затих.

— Это все? Сколько раз вы встречались?

— Два.

— Хорошо. Сейчас ты окажешься у дверей его дома.

«О ком я говорю? А ведь это точно мой голос».

Прокрутила в голове ранее случившееся и сердце забилось сильнее. С запозданием поняла, что организм реагирует на волнение, связанное с нахлынувшими воспоминаниями.

— Где ты находишься?

— Стою около дверей.

— Стучи и заходи внутрь, — в той реальности доктор заерзал от нетерпения на стуле.

«Неужели описанное в видео сработало? — в этот раз нахмурилась, подойдя к черной стене. — Ничего подобного в нем не описывалось».

Провела рукой по стеклу, и оно приветливо запульсировало под моей рукой. Резко ее отдернув, присмотрелась внимательнее. Не знаю, что это за прозрачная ерунда, но эту тонкую пленку я и приняла за стену. Вновь приложив руку, почувствовала, что именно это и есть моя защитная оболочка.

— Ты внутри?

Я подскочила, решив, что обращаются ко мне. Еще раз оглядела мрачные серых оттенков прозрачные стены.

— Да, — откликнулась я, находившаяся снаружи.

— Важно узнать информацию, кто он и откуда. Ты стоишь в том помещении, где он находится.

Я до боли сжала зубы. Совсем не похоже на лечение. Что ему нужно? Постаралась сосредоточиться и вспомнить начало разговора: мы с сестрой...? Я открыла рот, желая выплеснуть возмущение.

«Мы с сестрой?»

Но у меня нет сестры! Да куда он вообще заманил меня своим гипнозом?

Я подошла к темной стене и ударила в нее кулаком.

— Посмотри на него и скажи, кто перед тобой, — голос доктора стал более повелительным.

— Он вампир.

Я только занесла руку для нового удара и замерла, услышав свои слова.

«О чем это я?»

Снаружи чуть слышно хихикнули. Отчего-то привиделось хищно улыбающееся лицо и потирающие друг друга ручонки.

«Все, с меня хватит, и пусть я толком ничего не узнала, плевать, пора заканчивать с этими сеансами».

И я со всей силы ударила в сдерживающую меня преграду, затем еще и еще. Матовая поверхность пошла мелкими трещинками.

— Теперь вспомни момент, когда вы с ним наедине.

«Только этого не хватало».

Меня до дрожи начал пугать этот поначалу успокаивающий голос, просящий меня оказаться наедине с кем-то.

«Молчи! Не говори больше ничего!» — кричала я мысленно, продолжая отчаянно бить в стену.

— Скажите, что вы делаете сейчас?

— Он учит меня танцевать.

— Что он вам говорит?

— Шепчет, что у меня неплохо получается, — и почувствовала легкий смех и смущение.

— Он к тебе прикасается, хочет поцеловать или... нечто большее?

От поднявшейся злости стала пинать преграду ногами.

«Да что несет этот извращенец?»

— Сколько ему реальных лет? — не унимаясь продолжал допрос доктор.

«Все, с меня достаточно этой ерунды!»

Стены, начав поддаваться, полностью покрылись паутиной расплзающихся трещин. Кое-где черное стекло выпало, в дыры пробивался блеклый свет.

— Ему...

«Да чтоб тебя. Ну же!»

Куб жалобно затрепал, рассыпаясь. Та я, которая лежала в кабинете зашла приступом кашля. Пытаясь заглотить тут же вырывающийся с бесконтрольным кашлем воздух, начала задыхаться. Доктор засуетился.

— Сейчас ты забудешь все, что говорила и видела, и со щелчком очнешься.

Мир перевернулся, подбросив меня вверх тормашками, и тут же вернулось ощущение тяжести тела и нестерпимое першение в горле.

Я лежала, боясь открыть глаза и выдать свою растерянность, испуг и понимание случившегося, сосредоточившись на подавлении очередного приступа кашля.

— Как себя чувствуешь?

Открыла рот и, резко сев на кушетке, вновь зашла удушающим кашлем, вытирая выступившие на глаза слезы.

— Сейчас принесу водички, — заботливо заявил врач. — Когда назначим следующий сеанс? Лучше с этим не затягивать.

От продолжения неприятного разговора спас звонок. Быстро сделав глоток воды, вытащила из сумки телефон и, увидев фото улыбающейся Адель, не прощаясь выскочила из кабинета.

Пробежав по коридору и не останавливаясь возле лифта, свернула к лестнице и притормозила только у самых входных дверей.

Ветер приветливо перебирал волосы, но задерживаться у входа в больницу не хотелось, и я заторопилась дальше.

— Привет, — выдохнула я на бегу в трубку вновь возвращая возможность говорить.

— Ты почему не отвечала? А что с голосом, неужели занялась спортом? — с подозрением поинтересовалась подруга.

— Была на приеме у врача. Что-то случилось?

— У меня к тебе дело, — я остановилась, постаравшись выровнять дыхание. — Пока мы отдыхали, в учебном корпусе затеяли ремонт и все мои временно оставленные в подсобке работы отдали на хранение одному из учеников. Сходишь со мной? Мне самой их не донести.

— Разумеется. Когда и куда идти?

И вот я сижу на детской карусели в ожидании Адель и бездумно отталкиваю ногами, завершаю очередной поворот. Пасмурное небо над головой наполняется свинцовыми облаками и пропадающее временем солнце еще борется за свою свободу.

Я провалилась, казалось, в небытие или даже задремала, в первый раз после сеанса ощущая опустошенность и усталость.

— Прости, задержалась, — прежде чем услышать ее слова, почувствовала, как карусель жалобно ухнула, приходя в равновесие.

Подняла на противоположное сиденье ставший осмысленным взгляд.

— Придется поторопиться, погода портится, — и, предсказывая мои вопросы, закончила: — сегодня единственно возможный день забрать мои картины, потом этот

студент уезжает на неделю, а после у меня дела. И ничего я от тебя не скрываю, поверь, мне есть, что рассказать.

Под очередной порыв ветра мы поспешили встать. Высокая, по колени, трава приятно щекотала кожу. Одинокая ржавая карусель жалобно скрипнула, словно прося неожиданных посетителей остаться. Мы молча пересекли недавно отстроенный соседний двор, наполненный детскими голосами, и, завернув за высотный дом, пошли в сторону дороги.

— Не тяни, давай выкладывай свои тайны.

Подруга широко улыбнулась, получше запахивая кофту.

— Ну, — предвкушая дальнейшие слова, протянула она, — я познакомилась с парнем, и... завтра он пригласил меня на свидание. А если все сложится, то на следующей неделе мы поедем к нему на дачу в компании отмечать его день рождения.

— Ты не торопишься?

— Ну ты будто живешь в прошлом веке, тем более ничего такого я не планирую, — Адель нахмурилась, продолжив, — я не говорила, но мы переписывались с ним почти месяц.

Наш путь вновь погрузился в молчание. Я шла, всматриваясь вдаль, немного успокоившиеся мысли нехотя свернули в направлении доктора Марка и проводимого им беспредела.

— Ну ты что, обиделась? — не выдержала Адель. Мы как раз начали подъем на небольшой холм. — Извини, просто не хотела афишировать даже не начавшиеся отношения. Ой, смотри какая красотища! — она, подпрыгнув от нетерпения, указала рукой на желтое поле. — Сфотографируешь меня?

Улыбнулась открывшейся красоте. Кольшущаяся и перетекающая гладь цветов вызвала восторг. Залюбовавшись, я остановилась на границе петляющей дорожки и желтого великолепия и, открыв камеру на телефоне, сделала несколько кадров.

— Ну что получилось? Давно мечтала о подобной заставке на телефон.

Пролистав фотографии, мы удовлетворенно кивнули и, спрятав телефон в сумку, Адель потянула меня вниз по тропинке.

Усиливавшийся ветер подул нам в спину, то и дело подгоняя и раскидывая волосы в разные стороны. Мы ускорили шаг.

— Давай поторопимся, — встревожилась подруга, слегка присев под внезапный раскат грома. — Может, нам разрешат переждать дождь в доме? — и охнула от неожиданности, когда на нее упала первая большая капля. — Бежим!

Нам повезло: к тому времени, как дождь разошелся, мы стояли напротив кованых ворот.

Дом располагался в частном секторе в отдалении от города. Три улицы двух- и трехэтажных зданий, каждое огорожено высоким забором, порождали чувство одиночества.

Съездившись под порывами холодного ветра, Адель нажала на кнопку звонка. Несколько минут тишины, и на крыльце показался человек в сером костюме.

— Не думала, что и такие у вас учатся, — шепнула я, поежившись от упавшей на лицо капли.

— Думаю, это его отец, — хихикнула подруга, разглядывая приближающегося мужчину.

Высокий, с коротко стриженными седыми волосами и с учтивым выражением на лице, он больше походил... я даже растерялась от возникшего сравнения.

— Добрый день. Меня зовут Март. Прошу следовать за мной, — поклонившись, мужчина открыл калитку и, подождав, пока мы окажемся внутри, тут же закрыл ее.

Мы стояли, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь идти дальше. Обогнув нас, провожатый не спеша пошел впереди. Мы переглянулись, заторопившись следом. Когда мы оказались на крыльце, на сухую землю хлынул настоящий ливень, в вышине гроыхнуло, сверкнула яркая вспышка молнии.

Вздохнув с облегчением, мы шагнули в дом.

Открыв рот, я с восхищением рассматривала большой светлый холл: небольшой пуфик, закрытый шкаф и зеркало во весь рост на противоположной стороне. Спешно разувшись, мы проследовали дальше.

Направо шла гостиная с широким арочным входом, в комнату налево дверь оказалась закрыта, широкая лестница вела на второй этаж.

Мы с восторгом озирались по сторонам. Прихожая и холл оказались оклеены одинаковыми обоями, разделенными на два цвета: снизу зеленые, сверху светло-желтые с такими же зелеными вертикальными полосами, значительно увеличивающими высоту потолка.

«Ни разу не бывала в таких домах и с интересом бы сунула нос в одну из комнат», — поймала я себя на неподобающей мысли. Но экскурсию нам проводить явно не собирались.

Март свернул налево, как раз к закрытой двери, и, повернув ручку, отошел в сторону.

— Выберите свои картины, затем задокументируем, кто и что забрал. Буду ожидать вас в гостиной.

Мы закивали, радуясь, что этот достаточно молчаливый тип не остался стоять над душой.

— И много у вас студентов с личной службой? — не удержалась я от реплики, как только мы остались наедине.

— Сама в шоке. Надо будет узнать, кто это такой.

— Хочешь познакомиться? — поддела я подругу.

— Не уверена, — протянула та задумчиво. — Вполне возможно, что такие, как я, выются вокруг него надоедливой мошкой. А стать подружкой на ночь... сама знаешь мое мнение на этот счет.

Произнося последнюю реплику, Адель обошла помещение, заставленное десятками картин, да еще не в один ряд.

— Видишь свои?

— Нет, можешь найти? Попадутся с цветами или деревьями — зови.

Я кивнула, присоединяясь к поискам. Наклоняя каждую на себя, заглядывала на холст, но пока встречались лишь абстракции и животные. Разглядывая очередной шедевр юного Пикассо, чуть не уронила несколько штук на себя. Подруга в это время, ругаясь, пыталась извлечь свою картину из-под чужих.

— Осталось еще три, — положив свое спасенное творение в центр помещения, подытожила Адель, вновь принимаясь за поиски. — Еще две, — довольная собой, улыбнулась подруга, с легкостью извлекая очередную.

Странно как-то, почему нельзя было художества одного автора складывать рядом?

— У меня цветы!

Адель тут же оказалась рядом, заглядывая на холст.

— Не, это одноклассники. У меня подсолнухи.

— Ты издеваешься? А сразу нельзя было сказать?

Через минут десять все, кроме одной, оказались найдены. Из всей комнаты не

проверенными остались три пары стопок, в которых и прятались злополучные подсолнухи.

— Отнесу эти в гостиную, а ты проверь, где не смотрели.

Наступившая тишина делала звук отодвигаемых картин слишком громким, я даже замерла, прислушиваясь. Вскоре вернулась Адель и унесла очередную картину.

— Жду тебя в гостиной. И, кстати, дождь почти закончился.

Последняя из прислоненных картин первой стопки заинтересовала меня своими размерами. Отодвинув ее, оглядела живописный зимний пейзаж. Уже собиралась осторожно облокотить ее о стену, как взгляд скользнул по загораживаемой ей двери.

Вот и испытание для меня, ведь хотела заглянуть за какую-нибудь запертую дверь. Сомневалась я ровно минуту. После выглянула в холл и, убедившись, что никого нет, убрала мешающие открыть дверь картины в сторону.

Открывание двери сопровождал легкий скрип, заставив меня втянуть голову в плечи. Но звук растворился в тишине и не привлек ненужного внимания. В приоткрытую щель взгляду предстало небольшое помещение, заставленное картинами.

Это все нарисовал собственник дома?

Протиснувшись, отодвинула первую: пейзаж с изображением сада, настолько живой, что захотелось дотронуться до воды, убедиться, что это только краска. Следующая завораживала красотой и детальной прорисовкой то ли дворца, то ли старинной усадьбы. С замиранием сердца отодвинула ее, желая взглянуть на третью, и замерла, не сразу сообразив, что именно вижу. На меня смотрел красивый светловолосый юноша, сидящий в кресле. Справа стояла улыбающаяся девушка, слева задумчивый мужчина с почти черными прямыми волосами. Взгляд вновь вернулся к девушке, до странности напоминающей меня.

Помимо моей воли в голове зазвучали странный для данного момента слова, произнесенные приятным голосом, но вот кем конкретно и почему, вспомнить не удалось:

«Что такое эксплуатация? Она была, есть и будет; ибо первопричиной является отчуждение от природы, от деятельности, от результатов труда, от родовой сущности, от человека. Человек всю жизнь страдает и играет тысячи ролей, когда он бывает собой и сам не знает».

— Что вы здесь делаете? — от неожиданности дернулась, разжав пальцы, и картины с грохотом упали на прежнее место.

Я с ужасом замерла, чуть не теряя сознание от скорости биения собственного сердца.

— Я... я... я, — промычала в ответ, слова застряли в горле, так и не вылетев наружу.

Склонив виновато голову, я проскользнула мимо нахмурившегося Марта в гостиную. Адель встретила меня, вопросительно подняв брови.

— А где картина?

Я растерянно развела руками, все еще находясь под впечатлением от увиденного. Меня потряхивало еще несколько минут, а когда Адель вернулась с недостающим экземпляром своей работы я, сжав пальцы, напряженно смотрела в окно.

Дождь успел закончиться. Последние капли еще падали, скатываясь с листьев рядом растущих деревьев, а мы с покрытыми полиэтиленом картинами вышли на расквашенную дождем дорогу. С сочувствием оглядев запачканные босоножки и бросив печальный взгляд на тропинку, подруга зашлепала по лужам.

Не удержавшись, я с упоением вдохнула свежесть после дождя, растворившуюся в воздухе.

Сад, милый сад. Я зажмурилась от слепящего круга на небе. Ясное летнее небо, на котором кое-где виднеются зыбкие призраки облаков. День обещает быть жарким.

Улыбнувшись, отогнала непрошенные мысли, не хочу, чтобы они все испортили. «Сегодня предстоит прощание...нет, назовем это девичник, ведь Тина выходит замуж. А переезд, расстояние всегда можно преодолеть, если не на транспорте, так по телефону».

При приближении к дому волнение нарастало. Озираясь по сторонам, отмечала знакомые с детства деревья, устремленные макушками куда-то ввысь, канавы вдоль дороги, поворот, заворачивающий под углом почти девяносто градусов на мою улицу. Я улыбнулась, вспомнив, как не вписалась в него и влетела на велосипеде в куст шиповника, посмотрела на место своей аварии и обнаружила чуть в стороне стоянку для машины. Куст был безжалостно выкорчеван.

Впереди показалась серая крыша дома.

— Этот тот самый дом, девичья память меня не подводит? — дотронувшись до меня, пропела Адель. — Ты чего, опять не здесь?

Я кивнула, ну надо же как задумалась, даже разговоры девчонок пропустила.

— Да, почти пришли, — кивнула я, соглашаясь.

За прошедший год деревянная калитка просела, забор слегка накренился. Пришлось приподнять калитку, чтобы попасть внутрь.

— Не понимаю, почему вы не продадите участок? — поинтересовалась Тина, оглядывая утопающий в зелени участок.

Деревья стремились поглотить высоченная трава, некоторые кусты затерялись в ней почти полностью. Культурные цветы из последних сил боролись за свою жизнь с сорняками.

Да, красиво и страшно одновременно.

— Папа не хочет, — тихо ответила я.

— Балда, это же память! — сдвинув брови, за меня пояснила Адель.

Немного повозившись с заедающим замком и наперебой предлагая планы на сегодня, мы попали в дом.

Уютный дом с просторной комнатой и маленькой кухней в детстве был излюбленным местом в выходные дни. Мама безумно любила это место, особенно весной, когда все вокруг начинало цвести и повсюду чувствовался дурманящий аромат оживающей природы.

Я заморгала, прогоняя нежданные слезы. Нет, из-за возникших воспоминаний не стоит грустить, они самые прекрасные. Но приезжать сюда так же часто ни у меня, ни у папы просто нет сил. С подкатившей неожиданно сентиментальностью еще раз оглядела скрытый зеленую сад, и мне послышался тихий, до боли знакомый голос:

«Давно тут не появлялась, дочка». Прикрыв глаза, подавила в себе всколыхнувшуюся тоску.

— Ты идешь? — окликнули меня уже из дома.

— Иду, — чуть слышно произнесла я, зная, что ответ не услышат, и добавила одними губами. — Прости меня, я помню.

Подняв голову, ощутила легкий ветерок, осторожно коснувшийся лица, шеи, старательно перебиравший волосы.

Когда я появилась в комнате, девчонки разбирали вещи, раскладывали продукты и все это под рок-песню любимой группы виновницы торжества. Это был ее день, и никто не собирался ограничивать ее желания.

Дружно перекусили бутербродами, собрали легкую еду для пикника на берегу реки. Что

ж, придется поднапрячься и отыскать правильный путь, там я не была еще дольше, лет пять точно.

Пройдя улицу до конца, свернули налево, затем направо и далее прошли по длинной узкой тропинке, с двух сторон заросшей крапивой и высокой травой. Миновав железные ворота, с опаской пробежали под наклонившимся деревом, напоминающим иву. Странно, в моей памяти оно, казалось, готово было простоять десятки лет. Отвернувшись от него, поняла, что отстала от подруг, и нагнала их только у самого полотна железной дороги.

Они стояли в нерешительности, споря, как быть.

— В чем дело? — торопясь за ними, я не обратила внимания на остановившийся на путях состав.

— Мнения разделились, твой голос решающий, — сообщила одна из подруг.

Железные вагоны уходили в обе стороны, теряясь вдалеке за поворотами.

— Я боюсь лезть под вагонами, вдруг поедет, — пропищала напуганная Тина, сколько помню она всегда была паникершей.

— А если поверху? Вон там виднеется лестница и площадка. Так точно безопасней, — уточнила я.

— Так и знала, что ты за приключения! — обрадовалась Адель, обхватив меня за плечи. — Какой смысл маяться на солнце, если впереди нас ждет прохладная вода.

Первой перелезла Адель, продемонстрировав безопасность задумки, и победно крикнула, приземлившись с другой стороны. Следом пошли, дрожа от страха, две приглашенные подруги Тины, Клара и Марта, за ними виновница торжества. Я замыкала нашу процессию.

Неожиданно состав вздрогнул всем железным телом, и я чуть не упала, как раз собираясь прыгать с последней ступени. Новый рывок, напоминающий раскат грома и меня, оступившуюся на камне, подхватили, не дав приземлиться на землю пятой точкой.

Переглядываясь и эмоционально обсуждая случившееся, мы вышли к реке.

Нам повезло: середина недели не располагала к пляжному отдыху и многие сейчас парились на работе, считая часы до окончания рабочего дня. Раскинув плед у самой воды и побросав сумки, мы быстро скинули одежду.

Я зашла в воду, кожа тут же покрылась мурашками. От поднывшего со дна ила вода приобрела серо-коричневый цвет — и тут же поплыла, энергично гребя руками и ногами. На глубине вода начала светлеть. Я нырнула, меня охватил непонятный восторг, чувство радости, а большой неожиданностью стало еле ощутимое прикосновение к плечу и мелькнувшие золотые волосы, как будто кто-то плыл рядом. Я тут же вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух, и с ужасом обнаружила, что нахожусь почти на противоположном берегу. Конечно, речка неширокая, но проплыть столько на одном дыхании мне точно не под силу. Я в полном недоумении смотрела на подруг, которые, сцепив руки, подкидывали друг друга по очереди и с визгом и брызгами падали в воду.

— Эй, давай к нам! Ты чего уплыла? — крикнули они мне, замахав руками.

Мы вернулись в дом только под вечер и в завершение дня торжественно вручили Тине сертификат на полет на воздушном шаре. Ее глаза засветились от счастья и, обняв всех, она смахнула слезы.

— Вы чудо. Это моя мечта, которую я и не думала осуществить в ближайшее время.

— А давайте выпьем за мечты! — предложила Адель, наполняя бокалы.

Все весело рассмеялись поднимая их вверх.

Уже было около часа ночи, и, сыграв последнюю партию в карты, все начали расходиться, готовясь ко сну. Небо за окнами приобрело грязно-фиолетовый цвет.

— Я так объелась, что щас лопну! — глядя животик и закатывая довольные глаза, простонала Адель.

— Ну! Где кто будет спать? — поинтересовалась Тина, — у нас две кровати здесь и одна на веранде. И что?

— Я чур с краю. Неважно где, но с краю, — зевая, предупредила Клара.

— Эта кровать раздвигается, на ней поместятся двое, — вмешалась я.

— Как-то мы не учли, что пятеро на три кровати не влезут, — хихикнула Адель и плюхнулась на небольшую подушку, лежащую на полу, едва удержав себя в вертикальном положении.

— Да ничего! Влезем! Как говорится: в тесноте, да не в обиде! — вмешалась виновница торжества.

— Я лягу на втором этаже. И как раз все поместятся, — выдвинула я предложение.

Подруги переглянулись.

— Одна?

— Нет, позову соседа, — усмехнувшись, поддразнила я, и, не получив особых возражений, взяла сменные вещи. — Это всего лишь второй этаж, а не портал в безвременье. Всем спокойной ночи!

Второй этаж чем-то походил на чердак и выглядел немного заброшенным, пыльным, необжитым. Единственное, что там стояло дельного, — это кровать, вполне сносная, а главное, с удобным матрасом. У стены находился старый шкаф, заваленный всяким хламом, на полу валялись бумаги и какие-то тряпки. В общем, полный бардак.

— Спокойной ночи, — откликнулись девчонки, а кто-то добавил, — и пусть клопы тебя не кусают.

Очень смешно.

Наверху царил полумрак, электричество так сюда и не провели. Единственным источником света служило круглое окно, по полу и стенам стелились тени, отбрасываемые множеством ненужных предметов. Тени перекрещивались, делая комнату еще более темной и неприветливой. Устроившись на кровати, я закрыла глаза, а когда очнулась, то обнаружила себя рядом с окном.

Так странно, ночь так и манит к себе в объятья. Появилось нестерпимое желание, возникшее, казалось, извне, немедленно выйти на улицу. Сон как рукой сняло.

Странно все это.

Немного поколебавшись, я открыла дверь, скрытую от посторонних глаз драпировкой, и вышла в уже сгустившуюся тьму на боковую лестницу.

Я тихо стояла на железном пролете, с упоением вслушиваясь в шуршание листвы, цокот кузнечиков и иные звуки, издаваемые невидимыми глазу существами. К середине лета лестница зарастала плющом и терялась в близ растущих деревьях. Сейчас нависающие листья выглядели еще сочными на вид, но на ощупь были жесткими и неприятными, словно жизнь в них уже начала потухать.

Ветер сменил направление и донес до меня чуть слышные шаги по деревянным мосткам, шелест задеваемых рукой листьев, скрип настланных досок и недовольно покотившиеся по дороге камни. Все это больше походило на сон. Я без страха спустилась по

лестнице, вышла в калитку и, посмотрев направо — налево, прошла несколько участков вниз по дороге.

— Привет.

Я вздрогнула и стала оглядываться в поисках источника голоса. И нашла его, но далеко не сразу. Удивленно заморгала, когда крохи воспоминаний осторожно всплыли в сознании. Он любил поиграть и подразнить людей, и я не была исключением. Его голос доносился ниоткуда и одновременно отовсюду, любимый обманчивый маневр. Сгустившийся мрак улиц и многочисленные тени от домов, деревьев, кустов затрудняли обзор и смазывались, пряча силуэты.

— Ты напугал меня. Не смей так больше делать! — недовольно скривилась я, найдя его взглядом.

Он стоял в тени, наполовину скрытый кустом волчьих ягод, и довольно улыбался. Мягкая улыбка озаряла лицо, преображая до неузнаваемости. Весь его облик стал очаровательно-привлекательным, как магнитом, притягивая взгляд. Он сделал шаг и оказался в самом центре тускло-желтоватого света, отбрасываемого фонарем. В этот момент он очень походил на человека, самого обычного человека, которых на земле так много.

— Я рад тебя видеть хотя бы так.

Услышав знакомый голос, нахмурила брови, слегка склонив голову, словно не веря, кто передо мной. Взгляд скользил по черному силуэту. Почему нельзя выбрать более красочную гамму?

Он, будто прочитав мои мысли, расстегнул куртку, под ней оказалась белая футболка с изображением волка.

Наступило молчание. Мы смотрели друг на друга, его глаза выглядели по-прежнему добрыми, но улыбка изменилась, сделав лицо чуть старше. Он стал похож на себя, в те далекие времена, когда я его увидела впервые. Я прищурилась, изучая до боли знакомые черты, пытаюсь вспомнить больше.

— Кто ты? — наконец прозвучал мой вопрос.

Он скривился в гримасе, на несколько секунд сделавшись задумчивым, потом посмотрел в темное небо, и звук голоса зазвучал не в воздухе, а сразу в моей голове:

— Взгляни на звезды. Думаешь, они никогда не меняются? Видимость обманчива, их сверкающая красота изменяется постоянно, ежесекундно. Дело в том, что с такого расстояния нам не видны преобразования этого необычайного объекта. То же самое с любыми существами и предметами. Все подвержено видоизменению.

Я не поняла, к чему этот разговор. Причем здесь звезды, люди и предметы? Смысла его слов уловить не удалось.

А голос внутри упрямо продолжал звучать:

— Покажи, где ты сейчас!

Слова сбили с толку. Как где? Мы же стоим друг напротив друга! Он что, псих? И как я должна показать? Однако образы улиц, площадей, школы сами собой уже замелькали перед глазами. Пораженная этим, замотала головой, отгоняя наваждение. Человек напротив удовлетворенно кивнул.

— Прошло более ста лет с момента, когда мы видели друг друга последний раз. Немногие люди могут похвастаться, что побывали в прошлом, и тем более — что вернулись назад. Я до последнего не верил, что такое возможно. Энджил, словно наивный ребенок, ждал, что ты вернешься, отказывался поверить, что ты ушла навсегда.

После этих слов я очнулась, резко сев в кровати. Я удивленно озиралась по сторонам: сад, второй этаж, ночная рубашка, все тихо и вскоре за окном забрезжит рассвет. Собеседника не было, да и был ли он? Должно быть, это обычные сны, которые снятся часто, но никогда не запоминаются отчетливо.

Я захлопала глазами, услышанное и тут же забытое при пробуждении имя странным образом взволновало душу. Вздохнув, перевернувшись на бок и укрывшись с головой, закрыла глаза.

Лучше посплю еще чуток.

«Прошлое время»

После бала и до жути пугающей встречи с вампирами я несколько дней не могла прийти в себя. Нервно озиралась по сторонам и вздрагивала по любому пустяку, а ночью мне начали сниться кошмары. Сейчас бы не помешал ночник, мягкий свет которого прогонит притаившиеся в черных углах страхи.

После бала прошло пять дней. В это утро за обеденным столом Минора обрадовала все семейство:

— Сегодня приедет Изабелла с супругом. Ты ведь помнишь Изабеллу и Адиса? — я неопределенно пожала плечами. За последние дни разговор о них заходил настолько часто, что мне казалось, я их знаю лично. — Ей так жаль, что не удалось повидаться с младшей сестренкой на балу, и она решила искупить свою вину.

Кивнув, я попыталась сделать радостное лицо.

Наступивший вечер принес очередное потрясение. Мне с трудом удалось сдержаться, когда в дверях увидела того безумного вампира и инстинктивно попятилась назад. Его преобразование сбивало с толку: звериная бездушная маска пропала, на смену ей пришла приветливая и располагающая улыбка. Распущенные волосы немного не доходили до плеч. Каре-зеленые глаза улыбались, выглядел Адис совершенно по-человечески.

— Очень рад вновь с вами встретиться. Слышал, с вами случилась неприятность? — деликатно спросил гость, не подав вида, что мы недавно встречались.

Я ошарашено стояла, не в силах вымолвить ни слова. «Может, это не он? И я перепугала?»

— Чего же мы стоим здесь, пройдемте в гостиную, — Минора поспешила дать распоряжение накрыть на стол и подать чая с пирожными.

Приехавшая следом тетя Люсия подошла к Адису, и он нежно поцеловал ей руку, приятно улыбаясь. Эта улыбка совершенно не вязалась с запомнившейся мне гримасой.

Сдержанно кивнув мне и взяв под руку супруга, Изабелла горделиво пошла за маменькой. Проходя мимо меня, Адис слегка повернул голову в мою сторону и сощурил глаза, в них, как и в тот раз, появился зверь, равнодушный и презирающий всех, которым он в полной мере одарил меня при прошлой встрече. Мне стало страшно, пальцы похолодели, такое чувство, что меня неожиданно окатили холодной водой.

Не иначе как судьба вновь сыграла со мной злую шутку, сведя второй раз с Адисом, и эта встреча обещает стать не последней.

Вечер проходил за милой беседой. Все мое тело, все мышцы были напряжены; неуютно ощущая себя в данной обстановке, я нервно ожидала момента, когда можно покинуть общество родни и спрятаться за дверями своей комнаты.

Отец постукал ложечкой по краю фарфоровой чашки, призывая всех к тишине. И со

странной улыбкой глянув на меня, выдал то, от чего я поперхнулась:

— Мы с Мари не просто так пригласили наших самых близких людей в гости, — начал Эдгар издали, — совсем недавно нас заметил один из самых замечательных и влиятельных людей, а его визит стал для нас самым лучшим подарком. А приходил он с одной конкретной целью — просить руки нашей дочери Агнессы, и мы, конечно, согласились.

Я удивленно подняла взгляд, услышав свое имя. Беда в том, что до этого я не следила, о чем шла речь, и сейчас пыталась понять: меня о чем-то спросили или просто так упомянули вскользь.

— Давно пора! — соглашаясь, кивнула тетя Люсия. — И кто же этот достойный мужчина?

— Генри Барретт! — важным тоном выдал Эдгар.

Тетя сдержанно закивала головой, легкая улыбка тронула ее морщинистое лицо.

Услышанные слова медленно складывались в полную картину, и весь ужас услышанных только что слов отразился на моем лице. Все прочие гости хранили молчание. Изабелла сидела с отрешенным выражением лица, мыслями явно находясь не в комнате.

— Думаю, по такому радостному случаю можно разрешить Агнессе глоток вина, — и Эдгар наполнил одиноко стоявший на столике пустой бокал. — За твою счастливую жизнь, дорогая!

Не в силах справиться со своими эмоциями, одним глотком осушила бокал и, наплевав на правила этикета, выбежала из гостиной.

Шторы были настежь открыты, и мою комнату заливал золотистый свет. Без сил рухнув на кровать, стала массировать виски, пытаюсь хоть как-то унять вспыхнувшую боль. Дверь тихонько отворилась, и в комнату зашла встревоженная Минора:

— Дочка, ты не рада? Не волнуйся, ты привыкнешь к нему, возможно, даже полюбишь.

— Того старикашку, приходившего к нам два дня назад? Как же! Только через мой труп.

— Немедленно прекрати! Где ты услышала такие слова? Так не следует выражаться настоящей леди! — сердито заявила мама. — Чтобы я такого больше не слышала!

— Извини, — больше я не придумала, что можно ответить. Хотелось побыть одной, а не вступать в очередные пререкания.

«Что за злой рок? Сбежала от замужества и прибежала к нему же. Что за отстойное время, как же хочется поскорее убраться отсюда, но ни одна дельная идея, как это осуществить, до сих пор не посетила мою голову».

Следом за Минорой вошел, нахмурившись, Эдгар, закрывая за собой дверь:

— Что за неуважение к старшим! — с порога заявил он. — Столь яркие эмоции принято держать при себе, а не выставлять на всеобщее обозрение.

Я проигнорировала его замечание, вспоминая этого Барретта. Боже, да он мне в отцы годится, если не в дедушки!

Эдгар продолжил, немного смягчив тон:

— Этот брак на благо семьи. Более того, граф — почтенный и благородный человек, о таком муже мечтает каждая молодая девушка. Этот союз улучшит наше финансовое положение, мы будем вхожи в лучшие дома. Все это крайне выгодно для нас, тем более сейчас, когда мы на грани банкротства и у нас есть только наше имя.

— Вы считаете, что я должна пожертвовать своей жизнью ради вашей выгоды и благополучия и выйти замуж за этого старика?

— Замолчи, неблагодарная девчонка! Что ты понимаешь в мужчинах?

— Он мне противен, — и добавила про себя: «Меньше в карты надо играть».

— Поживете вместе, привыкнешь! Еще спасибо скажешь. Разговор окончен, — отец развернулся, направляясь к двери. — На следующей неделе состоится званый ужин, на нем объявят о помолвке, а на потом ты уезжаешь к тетке.

Он был зол. Минора поспешила успокоить супруга, и они оба вышли, прикрыв за собой дверь.

Вскочив с кровати, я подошла к двери и раздраженно хлопнула ей, закрывая. К моему сожалению, визиты на этом не окончились. Я успела лишь измерить комнату шагами, пройдясь туда-сюда, как легкий стук в дверь привлек мое внимание. На пороге появилась встревоженная Диана и следом с чувством собственного достоинства вплыла Изабелла. Меня накрыло волной отчаяния.

— Это несправедливо! — всхлипнула я. — Неужели в этом времени у девушек нет никаких прав?

Сестры, недоуменно переглянувшись, посмотрели на меня:

— Ты о чем?

— Я хочу сама решать, за кого выходить, и тем более, по-моему, еще рано.

— Самое время, — высказала свои мысли старшая сестра, Изабелла. Она горделиво несла себя вперед, держа осанку прямо в любой ситуации. — И, как говорится, стерпится-слюбится. Отец желает тебе только добра.

Тряхнув вьющимися от природы каштановыми волосами, Изабелла осторожно присела на краешек кресла. Ее надменный взгляд карих глаз до боли напоминал глаза Эдгара. Вообще ей досталось гораздо больше от отца, чем той, чье место заняла я. А то, как она обожала своего мужа, выглядело нездорово.

— Тебе легко говорить, твой-то молодой и красивый, — влезла Диана.

— И богатый, — добавила старшая. — Да. Мне повезло.

«Лучше уж совсем никакого: ни старого, ни тем более этого чокнутого кровососа!» — подумала я, вспоминая наше недавнее знакомство.

Спустя несколько дней я случайно, по крайней мере для меня, встретила темноволосого вампира, так вовремя появившегося тогда в саду. Был теплый, но ветреный вечер, мы с сестрой прогуливались по улице недалеко от дома. Она вспоминала наше детство, хотя мне сложно было назвать шестнадцать лет взрослым возрастом. Мы почти дошли до дома, когда я услышала или, вернее, почувствовала слова, словно шелест ветра, пронесшиеся рядом. Сестра как не в чем ни бывало продолжала идти, будто ничего не произошло.

— Ты ничего не слышала? — поинтересовалась я.

Диана остановилась и удивленно посмотрела на меня:

— Ты о чем?

Прочитав ответ на ее лице, покачала головой и украдкой осмотрелась. В тени старого дерева я заметила его. Он улыбнулся и поманил рукой.

— Ну вот мы и пришли, — сестра весело зашагала к ступеням, ведущим к входной двери.

— Пожалуй, постою здесь и подышу еще воздухом, — сообщила я по возможности будничным голосом, стараясь не выдать нахлынувшего волнения.

Дверь закрылась. Всмотревшись в зашторенные окна, крадучись отошла к железной ограде через несколько метров, исчезающей в яркой зелени кустов и вьюна.

Мы стояли молча напротив друг друга примерно минуту. Его полностью черное облачение растворялось в тени, превращаясь словно во вторую тень дерева, только глаза блестели, отражая малые крупицы света.

— Что вы здесь делаете и как вы меня нашли? — не удержалась я, руки дрожали от волнения и страха.

— То же, что и вы — гуляю. Случайно вас заметил.

— Зачем же было подкрадываться? — я с опаской огляделась вокруг: мало ли кто увидит.

Он улыбнулся, пожав плечами:

— Привычка, наверное. Тем более не хочется портить вашу репутацию.

Посмотрев ему в глаза, я поняла, что они не совсем такие, как у людей. Ну вот, совершенно инстинктивно сделала его «не человеком». Они блестели, словно поверхность бензиновой лужи, множество ярких цветов, появляющихся из черной глубины. Затем глаза стали матовыми, совершенная ночь, и я будто бы отлепилась от них, отведя взгляд.

Алекс немного удивился, но тут же вновь приветливо улыбнулся.

— Я не представился в прошлый раз. Меня зовут Алекс Альендэ.

— Агнесса, — все ж вымолвила я свое здешнее имя.

Недалеко послышались шаги и разговор слуг, голоса приближались.

— Приятно было повидаться. Я пойду, не хочу неприятностей, — опомнилась я, от волнения не зная, как поддержать разговор.

— Мы еще увидимся... — в его словах прозвучала уверенность в сказанном.

Я кивнула, почти побежав к крыльцу.

— И увидимся скорее, чем ты думаешь, — и он растворился в серости прилегающих улиц.

Теплый летний вечер на даче у Адель оказался нарушен жарким спором. Ругаться не хотелось, но и уступать желания не было. Сейчас мы сидели друг напротив друга, прожигая оппонента взглядом.

— Что это? Ты пишешь книгу? — она нахмурилась, отмахнувшись от особо назойливого насекомого, и ловко заглянула мне через плечо в раскрытую наугад страницу. Выхватив из моих рук толстую, наполовину исписанную тетрадь, пробежала глазами по строчкам

— Отдай! Это мое, — попыталась забрать, но Адель уже протянула ее обратно.

— Ты это сама написала? — воскликнула подруга, разводя руками. — А я так надеялась, прочесть нечто дельное. Вампиры настолько проникли в твою жизнь и сознание, что книги собралась писать о них? Может, передумаешь и вернешься к увлечению травами?

— Разве не может быть несколько увлечений?

— Я думала, что подаренная мной книга о вампирах отвлечет тебя немного от заикливания на травах. Ты же восприняла мой подарок слишком буквально, подменив одно маниакальное увлечение другим. И о чем она? — не удержалась подруга, добавив в голос сарказма.

— Знаешь, это, конечно, глупости, но мне иногда кажется, что все написанное правда, — Адель покивала, сжав губы в тонкую нить, — то есть я не то хотела сказать. — Я призадумалась, — вернее, будто это мои сны. Ты не поверишь, но все, что я в ней пишу, все события словно приходят ко мне сами. К сожалению, я много подробностей не помню.

— Ты хочешь сказать, еще не придумала? Все, кто пишут, будто бы проживают жизнь

героев, — скептически заключила подруга. — Знаешь, я прекрасно знаю, что отчасти виновата в этом. Нечего было потакать тебе и дарить первую книгу о вампирах. Я и подумать не могла, что она получит такой глобальный отклик. Знала б, подарила любовный роман.

Опустив голову, сделала вид, что с интересом разглядываю спешащего по делам зеленоватого жучка:

— Не знаю, — заключила я, — давай сменим тему?

— А может, это воспоминания твоей прошлой жизни? — проигнорировав мои слова, продолжила издеваться Адель. — И ты раньше была... кем ты там была? Дай взглянуть, — и она вновь выхватила из моих рук тетрадь.

«Он был похож на человека. Его движения были плавными и осторожными и в то же время такими непринужденными. Я никогда ничего подобного не видела... (обрыв текста)».

«Женщина была красивой, с зелеными глазами и прямым носом, эту красоту даже не портила, а скорее дополняла пухловатость ее фигуры и небольшой рост, придавая ей сходство с ребенком... (обрыв текста)».

— Так это роман? Надо же, и ни слова о тебе, — обиженно прокомментировала подруга, — а почему кругом многоточия?

Я вздохнула, желания объяснить после ее обидных слов совершенно не было, да и Адель не поверит, а может, еще и проболтается кому, излишне волнуясь обо мне. Отчего-то перед взором возникла поликлиника... вспомнился этот противный доктор и его слащавая улыбка в дополнение к нездоровому блеску в глазах.

— Хм-м... — подруга сделала паузу, подбирая подходящие слова, — наверно, неудобно писать огрызками?

— Это наброски, — в ответ я пожала плечами.

— А у тебя здесь есть описание того незнакомца с необычной манерой двигаться? Какой он? — Адель начала перелистывать страницы, мельком пробегая взглядом записи и ища нужное ей место.

— Нет.

— Что?

— Там нет его описания.

— Ты не придумала? — воскликнула подруга, тут же призадумалась оживившись через секунду. — Я бы в первую очередь написала, как он выглядит, что-то навроде: темно-русые волосы, мягкие и приятные на ощупь, серые пронзительные глаза. Что скажешь? Ну и, конечно, потрясающие лицо и фигура. Общий вид ангелочка, готового ради тебя на все, — мечтательно забормотала она. — В романах всегда главные герои неотразимы.

— Может быть, — автоматически согласилась я. «Хотя вряд ли. Он не такой... другой и уж точно не ангел».

Машинально прокручивая в руке сухую веточку, устало потерла второй рукой слипающиеся глаза.

— Ну что ты скисла? Не надо о плохом! В мире столько позитива, а я терпеть не могу романы с очаровательными монстрами в главной роли! Как этим можно увлекаться?

— Мне нравится, тем более это не чушь!

— Ага. Ночью просыпаются трупы и питаются кровью. Какая мерзость! Возьми лучше положительные книги, которые согревают душу, повышая желание жить, хватит все видеть в сером цвете.

— А твои книги прям зашкаливают реальностью! — затянувшийся разговор начинал злиться.

— Очень близко к ней! А вот ты плюешь на реальность с высокой колокольни! — она встала со скамейки, уперев руки в бока. — Ты сильно изменилась за последнее время, точнее сказать, после нашего приезда с моря. Стала задумчивой и скрытной. В чем дело?

— Ни в чем. Цвета не серые, — буркнула я. — И любые легенды имеют под собой реальную почву! Ни слова больше, не хочу продолжать разговор!

— Ты пугаешь меня. Хватит нести чушь! Давай лучше познакомлю тебя с парнем?

Ее предложение вызвало в душе непонятную панику. Попыталась представить рядом с собой кого-нибудь, образ не шел, смазываясь.

— Да не-е, — я отчаянно замахала руками. Не понимаю почему, но мысли об отношениях испугали не на шутку.

— Не боишься остаться старой девой?

Я удивленно подняла бровь. Мне показалось, что услышанные слова всколыхнули внутри забытые воспоминания. Прям дежавю.

— В наше время странно слышать такие слова, — попыталась рассмеяться и перевести все в шутку, но вышло не очень.

Адель нахмурилась и закинув свою кофту на плечо сделала шаг к крыльцу.

— Лучше я пойду спать, иначе мы поссоримся!

И Адель практически забежала на веранду, послышался звук упругого падения на кровать.

Я, устало вздохнув, просидела на улице до самых сумерек и легла, не раздевшись, поверх одеяла рядом с отвернувшейся к стенке спящей Адель. Сама не ожидая того, тут же провалилась в сон.

Увиденный ночью сон больше напоминал фантастический фильм. Я стояла босыми ногами на прохладной земле. Кругом ночной пейзаж, полутьма. Вытянувшаяся трава почти доходила до пояса. Я словно наблюдаю за собой со стороны, но в тоже время вижу все глазами. Разве возможно наблюдать за происходящим сразу с двух ракурсов? На мне почти невесомое платье, а может быть, это ночная рубашка?

Вдруг я вижу его. Он приближается ко мне с такой грацией, словно летит. Я просто стою и наблюдаю за ним. Он подходит и обнимает меня, сразу же отстраняется. Внутри нет никаких эмоций, пустота и покой. Его черные прямые волосы перебирает ветер.

Почему в моем сне призрак из прошлого?

Проведя рукой по траве, я слабо пискнула, на пальце появилась тоненькая полоска крови. Желание слизнуть кровь мелькает яркой вспышкой в его глазах, но он пересиливает себя и делает приглашающий жест.

Я не могу сопротивляться, я не управляю своим телом. Подхожу и прижимаюсь к нему. Под запахом дорогого одеколona скрывается другой... смерть. Недавняя смерть.

Я целую его в губы. Зачем? Я не хочу!

Он отвечает на поцелуй. Мне нравится, он умеет целоваться. Но наконец приходит осознание того, что не я хозяйка своего сна, а всего лишь марионетка.

Нет, я не хочу! Не хочу продолжения!! Не желаю видеть, что он задумал. Прочь, прочь! Проснись же!!

Ночную тишину разорвал неожиданно громко проехавший за окном автомобиль. Я

распахнула влажные от слез глаза и бессмысленно устала на раскрашенную отблесками ярких фар стену. Желто-белый узор напоминал зловеще скрюченные деревья с тянущимися к тебе ветвями. Иллюзия со стены исчезла так же неожиданно, как и появилась.

В горле пересохло, сердце учащенно забилось от сладких воспоминаний о поцелуе, казалось, даже губы помнили его. Я лежала в темноте, просто лежала, прислушиваясь к самой себе.

Я бы сказала, что меня преследует злой рок. Ведь очнувшись от непонятного состояния, обнаружила, что стою напротив больницы, в которой работает доктор Марк. Хотя зарекалась, и не один раз, что больше сюда ни ногой. Вот как это назвать по-другому?

— Дорогая, я уж испугалась, что ты не придешь! — улыбка на лице мачехи, спускающейся вниз по ступеням, транслировала самые теплые и нежные чувства. — Марк мне вчера оборвал весь телефон и сегодня с самого утра названивал. Ты почему трубку не брала? — ее искреннее переживание сбивало с толку.

«И как это понимать? Что за круговерть вокруг моей скромной персоны? — я усмехнулась. — Неужели это все из-за моих нелепых слов на прошлом сеансе?»

— Занята была. Да и разве я ребенок, чтобы за мной бегали взрослые дяди и тети?

Сильвия нахмурилась. Едва успела отметить ее слегка помятую одежду и наспех собранные в хвост волосы — к слову, за внешним видом она следила всегда и везде — прежде чем оказалась схвачена за локоть и заведена в приветливо открывшиеся двери больницы.

Несколько вечеров до этого дня я провела за компьютером, ночуя под разными предлогами, где угодно, но не дома, не оставляя попыток разобраться в случившемся. Ни одно из пересмотренных видео не дало и приблизительного ответа на мои вопросы, в основном в них разъяснялись понятия и теория гипноза, ничего общего не имеющие с моей ситуацией.

Тогда вновь набрала имя Мириус Фигель, именно так назвал себя автор прошлого ролика, благодаря которому я прозрела. И, что странно, под этим псевдонимом висело другое видео, прежнее бесследно пропало с просторов интернета. Я с широко раскрытыми глазами просмотрела его три раза.

— Очень рад, очень рад! — Только мы вошли в двери кабинета, говоривший сразу поднялся нам навстречу из своего удобного кресла. — Думаю, сразу начнем.

Вновь этот успокаивающий и затягивающий сознание голос. Мир постепенно начинает погружаться в темноту. Я давлюсь паникой, а впившиеся в мозг слова звучат набатом: успокоиться, упокоиться... и мир словно замирает, предоставляя мне необходимое время. Оказавшись вне тела, я представляю сферу, в этот раз внутри не пусто, а в самом центре торчит из пола петля, и я вытягиваю из себя прозрачную нить и привязываю к ней. Теперь я знаю дорогу сюда и найду ее без труда. И вот, сложив ладони вместе, шепчу необходимые слова благодарности и выхожу. Сфера прогибается, выпуская меня, и остается позади, но я чувствую тонкую, едва уловимую с ней связь.

Еще мгновение, и вырисовываются очертания комнаты. Мой незримый образ парит над самой кушеткой. Зажмурилась, вновь открыла глаза. Неужели в этом облике я настолько маленькая? Повернула голову в сторону зеркала... мое отражение отсутствовало.

Меня пробрала дрожь, и мое тело дернулось, откликнувшись на импульс. Хорошо хоть предупредили, что, выйдя из тела, я окажусь в нематериальном мире. Но все же удивление

настигло, неслабо шарахнув. Когда удалось справиться с собой, Марк уже закончил вводную часть и приступил к вопросам.

— Расскажи подробнее о доме и его хозяине.

Я отпрянула, когда услышала свой голос настолько близко:

— Двухэтажный дом с садом и небольшим прудом. Несколько раз в неделю заглядывают гости. Хозяин дома... — голос отчего то дрогнул, прервавшись.

— Продолжай.

Даже находясь вне тела, ощутила внутреннее раздражение и злость. О чем говорилось в видео? Стоило только пожелать, и вот я зависла возле самого своего уха.

— Хозяин дома, — словно через силу продолжило мое тело, — у него...

— Серые глаза и рыжие волосы, — вспомнила я недавно встреченного прохожего.

— ... серые глаза и рыжие волосы, — эхом повторились мои слова.

— Работает, работает, — от переполняющего меня восторга я подлетела к самому потолку.

— Работает, — повторилось в кабинете.

Я притихла. Доктор нахмурился, не понимая, что происходит.

— Жди, — отдал мне команду, а сам зашел в соседнюю комнату.

Оглянувшись на себя лежащую, я последовала за ним.

Маленькое помещение с белыми стенами вмещало пару кресел и столик, в одном из которых расположилась мачеха. Не церемонясь, он встал напротив нее, сложив руки на груди. Странно, но из милого старика он в одно мгновение превратился в отталкивающую личность, давящую и отвратительную одновременно.

— Потребуется еще несколько сеансов, — его колючий взгляд впился в словно бы уменьшившийся силуэт Сильвии.

— Марк, дорогой, но ты ведь говорил... — начала трусливо она.

— Как я сказал, так и будет, — слова, полные холода, снежинками оседали на теле. — Сознание этой девчонки пытается сопротивляться. Возможно, потребуются более действенные меры, — злая улыбка скользнула по его лицу.

— Я не участвую в этом! — Сильвия попыталась встать, но тут же рухнула назад и вжалась в кресло, придавленная нависшим мужчиной.

— Ты сама подписала договор и должна будешь вернуть денег в три раза больше, чем получила, — выплюнул он ей в лицо. — Думаешь, я не знаю, куда ты потратила полученные деньги? Надоела сытая и безбедная жизнь, захотелось новых ощущений?

Она побледнела.

«Да как она... да как они оба смеют торговать мной, как товаром!» — злость душила мое сознание, не позволяя рассуждать здраво. Негативные эмоции захлестнули с неожиданной силой, заменив собой всю меня.

Внезапно Марк выбежал из кабинета в соседнее помещение, откуда стали доноситься не то кашель, не то всхлипы.

Открывшаяся картина повергла меня в шок. Мое тело по-прежнему лежало на кушетке и содрогалось в конвульсиях.

Оказавшийся рядом с ним доктор прижал мои руки к кушетке, стараясь уменьшить дрожь.

— Что с ней? — сорвавшимся на шепот голосом промолвила Сильвия, замерев в дверях.

— Вышла! — прикрикнули на нее.

Достав из соседней тумбочки, оказавшейся маленьким холодильником, шприц со светлой жидкостью, быстро перевязал мою руку жгутом чуть выше локтя.

Легкое беспокойство кольнуло внутри, в панике я дернула нить, по-прежнему связывающую меня с неизведанным мне местом в сфере. Та, натянувшись, спружинила дернув назад, и мир вновь перевернулся, закрутившись волчком.

Пробуждение далось нелегко. Я застонала, не совсем понимая, где нахожусь, и попыталась сесть. Тяжесть головы вновь потянула вниз. Тело затекло и неприятно ныло место укола. Облизав губы, сделала вторую попытку, и чьи-то руки бережно поддержали меня, помогая.

— Как ты себя чувствуешь? — я скривилась, услышав этот заботливый голос. Марк не принял гримасу на свой счет, подав стакан со сладким чаем.

Удивительно, но после нескольких глотков самочувствие значительно улучшилось.

— Ты давно ела? — вновь этот вкрадчивый голос.

— Утром, — не задумавшись, выдавила я.

— За несколько часов до сеанса лучше поесть. Тебе стало плохо от голода, такое бывает, но крайне редко.

Мне не удалось скрыть удивление.

— Я поставил тебе лекарство, оно уже действует, — только сейчас я осознала, отчего так ныла рука, на сгибе появился небольшой синяк. — Давай провожу тебя в приемную, посиди там, отдохни.

Я растерянно кивнула, мысли по-прежнему вяло ворочались в голове.

Прошло минут десять, прежде чем голова вновь прояснилась и перестала кружиться. Сидя в тишине, я откинулась на спинку маленького диванчика, искоса поглядывая на стоящие передо мной на столике чай и сладости. Хотелось пить, но притронуться к приготовленному доктором попросту брезговала.

Неожиданно мне нестерпимо стало находиться в этом помещении, захотелось сбежать отсюда и побыть одной. Медленно встав, направилась к выходу. Соседняя дверь, ведущая в кабинет Марка, оказалась закрыта. Вздох облегчения вырвался сам собой, встречаться с ним не хотелось.

В коридоре на ближайших диванчиках расположились посетители. Уткнувшись в экраны телефонов, они ожидали времени своего приема в два соседних кабинета. Завернув за угол, я попятилась назад и прижалась к стене. Сидя в кресле, меня ждала Сильвия. Прикрыв глаза, она сморщила ровный не раз подвергавшийся инъекциям лоб. Ну вот что ей еще нужно? Огляделась в поисках выхода, но дорога до лестницы или лифта проходила мимо нее.

И тут мой взгляд остановился на значке уборной комнаты. Стоило только пересечь коридор, лишь на секунду попав в поле зрения мачехи. Осторожно выглянула из-за угла. Если она повернет голову, то не заметить меня будет сложно, но пройти мимо нее к выходам и остаться невидимкой еще сложнее.

Уличив момент, бросилась к двери, почти влетев внутрь, тут же закрылась в одной из кабинок. Тяжело дыша, прислонилась к двери, от накатившей внезапно слабости чуть не сползла на чистый кафельный пол.

Собравшись с мыслями, попыталась понять, что делать дальше. Отец в командировке и вернется домой не скоро. Идти в квартиру, где без него пусто и одиноко, не хотелось. Я

достала телефон, набирая текст.

«Привет, Адель. Ты не против, если я вновь переночую у тебя?»

Ответ не заставил долго ждать.

«Конечно. Буду дома к пяти. Что-то случилось?»

«Нет. Ты же знаешь, я не люблю оставаться один на один с Сильвией».

Телефон мелодично пикинул, отправляя ответ.

Входная дверь скрипнула. Сердце пропустило удар, я прильнула к двери, прислушиваясь. Судя по глухим шагам, это не Сильвия, та не расстается с туфлями на высоченной шпильке.

И все же в экстренных ситуациях мозг работает намного быстрее, вот и сейчас, вдохновившись мыслями, настрочила неудачной замене родной мамы ответ:

«Ушла гулять. Переночую у подруги».

Сообщение ушло, вернулся отклик о доставке и... тишина в ответ.

Тянущиеся пятнадцать минут вытянули последние силы. Дергаясь и волнуясь, что она не ушла, — да и вообще вдруг она ждет Марка — покинула свое убежище, прежде задержавшись у раковины и сполоснув бледное лицо.

Беглый взгляд налево — думаю, со стороны мои попытки оказаться незамеченной, наклонившись и повиснув на двери, выглядели потешно — вышла, толкнув дверь. Многочисленные диванчики так и манили расположиться на них и отдохнуть еще немного. Обтерев выступивший пот со лба, отмела эту мысль. Нет, отдыхать рано, слишком велика возможность наткнуться на Марка, да и на Сильвию. Вновь оглядевшись, поспешила к лифту.

Улица встретила освежающей прохладой. Я только на секунду задержалась на крыльце и тут же свернула на неприметную дорожку за высокими кустами отцветшей сирени. Пройдя незамеченной до конца здания, пролезла в брешь в заборе, исчезая в парке.

Половина скамеек были свободны, до окончания рабочего дня оставалось почти два часа, и я с наслаждением расположилась на солнышке. Тело знобило, и я, сжав зубы, старалась унять дрожь, и, чтобы отвлечься, погрузилась в размышления.

Ситуация вырисовывалась нерадужная. Судя по угрозам и отразившемуся страху на лице Сильвии, от меня так просто не отстанут. Неужели он верит в тот бред, который я несла о вампирах? И что он еще мог узнать в первые сеансы, о которых я ничего не помню?

Я потеряла слипающиеся глаза и развернула мысли в другом направлении: с кем можно пообщаться о случившемся. Подругу отмела сразу, слишком свежи воспоминания о нашей перепалке. Отец... но поверит ли он или стоит немного недоговорить? Была бы жива мама... так не хватает ее поддержки и совета. Она всегда готова была принять мою сторону, даже если фантазия дочки переходила всякие границы.

Мачеха... внутри что-то больно дернулось при этой мысли. Не понимала тогда, не понимаю и сейчас, как они с отцом сошлись и отчего так долго вместе? В нашей спокойной с папой жизни эта женщина появилась слишком неожиданно. В один из дней я возвращалась раньше из школы и увидела их сидящими за столиком в кафе. Избранницей оказалась блондинка с пышными формами, с идеальным макияжем, в легком коротком платье, мимо такой ни один мужчина не прошел бы равнодушно.

Их томные взгляды, поглаживания и заигрывания. В ту ночь я осталась ночевать у Адель, написав смс и проигнорировав несколько звонков родителя.

Прекрасно помню следующий вечер и нежелание возвращаться домой. А эти

ненавистные красные лодочки на шпильке, стоящие на обувной полочке, показали, что это только начало моих мучений.

— Мы на кухне, — раздался веселый голос отца.

От этого мы ноги налились свинцом, а к глазам подступили предательские слезы. Злясь на весь мир, проследовала на кухню и поздоровалась, даже не взглянув на гостью. Далее шли какие-то слова отца, представлявшего эту особу и, не желая участвовать в этом спектакле, я соврала, что завтра контрольная и нужно подготовиться, улизнув в свою комнату.

Поздно вечером папа заглянул ко мне в комнату, окатив меня очередной новостью:

— Дорогая, мы с Сильвией встречаемся уже четыре месяца, она мне нравится, — он прервался, собираясь с духом, — я хотел предложить ей жить с нами. Надеюсь, ты дашь ей шанс? Не смотри так и повремени с ответом. Перед тобой откроется много плюсов: ты сможешь поделиться и обсудить с ней свои женские секреты.

Я обещала попробовать, но как-то у нас с ней не сложилось. Красивая, эффектная женщина, с этим не поспоришь, но такая чужая. Впрочем, она и сама не особо стремилась сблизиться, при отце проявляла заинтересованность, наедине же — полное безразличие. Мне осталось только смириться, что эта женщина теперь будет жить с нами, не строя никаких иллюзий на ее счет.

Сразу после обеда Диана вытащила меня на прогулку в сад. Щуря глаза от слепящего солнца, мы бродили по извилистым тропинкам, любуясь цветами. Сестра нетерпеливо подпрыгивала и то и дело косилась на меня.

— Да что случилось? — наконец не выдержала я.

— Это сюрприз, — она засмеялась, усевшись на скамейку, — давай подождем здесь. Я обещала далеко не уходить.

Нахмурившись, встала напротив нее, но не успела ничего предпринять, как она неожиданно подскочила:

— Нам пора, — и поспешила в сторону дома. Остановившись на самом пороге, добавила: — Мама ждет тебя в твоей комнате, я приду позже, — и, подмигнув, убежала в сторону кухни.

С непонятной тревогой поднималась по ступеням и открывала дверь в комнату и замерла, успев сделать лишь пару шагов. Минора подошла и молча обняла меня, из ее глаз готовы были пролиться слезы. Смахнув их рукой, проводила меня к ширме, чуть сдвигая ее.

— Это твое свадебное платье! — Минора с легкой улыбкой разгладила складки на этом произведении искусства, по-другому просто такой наряд назвать нельзя.

На манекене было надето нечто бело-перламутровое, сплошь расшитое жемчугом и золотой нитью.

— Вау! — у меня не было слов, чтобы высказать восторг столь прекрасным творением.

— Нравится? Я тоже считаю, что оно великолепно!

— Да, — выдохнула я.

— Его прислал твой будущий супруг. Видишь, насколько он щедр! Моя любимица станет самой красивой невестой! — она взяла мои руки в свои, с любовью глядя на меня. — Я желаю тебе счастья. И ты будешь счастлива, я в это верю.

Она отчего-то поморщилась, я не раз замечала за ней этот жест. Еще раз обняв меня, она вышла, оставив один на один с встревоженными мыслями.

как только дверь за ней закрылась, восторг постепенно сменился ужасом. Раз есть платье, то свадьба не за горами? Тишина наполняла помещение, и я не нарушала ее.

В комнату маленьким ураганчиком влетела Диана.

— Булочку будешь? — беспечно поинтересовалась она, это послужило последней каплей, которая вывела меня из молчаливого равновесия.

— Скоро свадьба! — безжизненным голосом произнесла я.

— Что в этом плохого? Уже пора.

Мое недовольство забавляло ее. Между нами была пропасть непонимания.

— Пора? А... а, мы же это уже обсуждали! Во-первых, мне всего восемнадцать, а во-вторых, я не хочу, он же страшный старик! Да он почти в дедушки годится!!! Все что, издеваются?

— Мама говорит, что чем старше мужчина, тем лучше, умнее будут дети, и он не станет изменять направо и налево. Брак будет крепче.

— Угу. Лапшу с ушей стряхни.

Сестра хмыкнула, поджав губки, напустив на себя взрослый вид.

— При чем здесь лапша? — она отмахнулась от моих слов, как от назойливой мухи. — И вообще, не боишься остаться старой девой? Женихов как мусора, а тебе ни один не нравится.

— Обойдусь без мусора. Лучше в лет двадцать с небольшим подумаю о свадьбе.

— Чем раньше девушку поведут под венец, тем скорее тебя станут воспринимать в обществе как женщину, а не глупого ребенка. Конечно, многое зависит от положения супруга. Но на этот счет ты уже можешь не беспокоиться, твой будущий муж — влиятельный человек, — я открыла рот, потом закрыла. Что тут скажешь, если ребенок дословно цитирует взрослых.

— Ты думаешь, у нас с этим дедулей могут быть общие интересы?

— У вас будут общие дети.

Я застонала от бессилия:

— Мы словно две параллельные линии, никогда не пересечемся.

— Ты о чем? — Диана вытаращила глаза, став похожей на хорошенькую фарфоровую куклу.

— Да это такая теорема, долго объяснять.

— Ты стала какой-то странной. Твоя речь и непонятные поступки... — протянула она, с трепетом дотрагиваясь до платья.

«И вообще мне, как и любой девушке, хочется счастья, а разве оно будет с человеком, который не мил?»

Совершенно случайно на днях удалось узнать, что Минору давно мучают бессонница и головные боли. Она принимает незнакомые мне по составу снадобья, судя по их никудышному эффекту, являющиеся бесполезными.

Осторожно прикрыв за собой дверь и поставив заварочный чайник, я наклонилась к нижнему ящику тумбочки и, выгрузив оттуда ненужные вещи, служащие только прикрытием, достала коробку с двойным дном. Еще раз прислушавшись к звукам, доносящимся из коридора, открыла крышку. Несколько маленьких баночек с настойками от головной боли, две со спиртом, в нижнем отсеке хранились упакованные в бумагу высушенные травы и тетрадь, наполненная моими знаниями из современного мира.

Достав сухие листья Melissa, положила их в чайник с сухим травяным чаем, залитым

кипятком, капнула пару капель жидкой настойки. Сегодня мне удалось выпросить отнести чай Миноре, поэтому добавить в него недостающие ингредиенты оказалось до безобразия легко. Закрыла крышку и с облегчением вздохнула.

— Что ты делаешь?

От неожиданности я выронила из рук коробочку, едва не смахнув чайник. Оглянулась на голос и встретила взглядом с блестящими глазами младшей сестры.

— Что это? — Диана указала на раскатившиеся стеклянные баночки и несколько выпавших сушеных листков. Оборки на ее платье забавно подпрыгнули, повторяя движения нетерпеливой хозяйки. — Ты... — она замолчала, прикрыв рот рукой, — увлекаешься травами? Тебя обучили этому, пока ты пропадала? И кто ты теперь: знахарка, колдунья, ведьма? — она выглядела пораженной сильнее, чем можно было предположить.

Наконец отмерев, я замотала головой, пытаюсь прогнать все, как неудачный сон.

— Ну и глупости же ты несешь! Какая из меня ведьма?! Вздор!

— А это... эти?

— Всего лишь снадобье из трав, чтоб не болела голова. Твоя мама все время жалуется на мигрень.

Сестра даже не поправила, что это наша мама, боюсь, что мои слова были пропущены мимо ушей.

Диана осторожно обошла меня вокруг на приличном расстоянии, будто опасаясь, и заглянула внутрь коробки, которую я тут же закрыла. Она таинственно улыбнулась, две ямочки украсили ее пухлые щечки.

— Научи меня этому.

— Чему этому? — не поняла я.

— Колдовать, — шепотом проговорила она.

«О, боже! — мысленно застонала я. — Ну, какая я ведьма? Обхохочешься».

— Послушай, это неразумно. Зачем тебе вся эта лабуда?

— Лабуда — это одно из составляющих? Я хорошая ученица и быстро учусь. В детстве я очень легко запоминала стихотворения. Мне даже известно немного о ведьмах. Мама нам рассказывала, помнишь? Но я не верю, что они плохие, ты ведь хорошая!

Ее вопросы застали врасплох. Ну как ей еще объяснить? Похоже, чем я больше опровергаю ее точку зрения, тем больше подтверждаю возникшее заблуждение.

Пробежав восторженным взглядом по комнате, она ожидала моего решения.

— Это не колдовство, — обречено произнесла я, — это лекарство.

— Ты готовишь снадобья, амулеты... Все то, что помогает людям бороться со злом! Ты спасительница, тебе дан дар от Бога, чтобы творить добро!

«Что за наивная дурочка? Ей бы идти в монашки и таким образом быть ближе к Богу».

— Я не ведьма и не колдунья, — голос мой сделался крепче стали, — и вызывать духов, колдовать, варить зелья — все это мне не под силу. Поняла?

Диана словно выросла в пол, пораженная моей резкостью.

— Да... я никому не скажу. Это будет нашей тайной, — пролепетала она, заикаясь.

— Вон из моей комнаты! — рявкнула, не выдержав, я.

Привалившись к закрытой двери, я перевела дух, припоминая уроки истории. Надеюсь, мне не изменяет память и за подобные хобби в этом времени не наказывают строго. Если узнают родители, будут недовольны, сомнений нет. Да и влезать в спокойную и безмятежную жизнь этого ребенка не хотелось, а уж рушить тем более.

Еще раз вздохнув, пожалела, что не уделяла истории должного внимания, всегда больше увлекала биология. Быстро сложив все баночки и травы, закрыла ящик на ключ и села на мягкий коврик рядом с кроватью, обхватив руками колени.

Так, надо собраться! Сейчас отнесу чай, а затем у меня была запланирована очередная вылазка, в этот раз в небольшую книжную лавку, замеченную мной после последней прогулки. Откладывать не хотелось, да и сестра сегодня вряд ли возжелает навестить меня, а родители должны вскоре уехать в гости и вернуться только поздно вечером.

Дождавшись подходящего момента, выскользнула из дома, направившись в сторону сада к припрятанному заранее плащу. Как только деревья и кусты скрыли меня от нежелательных взглядов, свернула направо и поспешила к небольшой калитке сбоку от основных ворот.

Улица была немногочисленной, натянув пониже капюшон дорожного плаща, я заторопилась в нужном направлении. В своем одеянии я больше походила на девушку из небогатого сословия, только наблюдательный мог обратить внимание на выглядывающий подол слишком дорогого платья.

В раздумьях остановилась возле черной, грязной и покрывшейся пылью двери. Вблизи дверь заметно выделялась среди прочих необычной резьбой. Протянув руку, провела кончиками пальцев по шершавой поверхности, оставляя хорошо заметные, более темные полосы. С опаской огляделась, убедившись, что моя одинокая персона не привлекла излишнего внимания, толкнула дверь, шагнув в полутемное помещение. Тут же вдохнув запах старых книг и пыли, с трудом удержалась, чтобы не чихнуть.

Магазинчик сплошь был уставлен стеллажами, между которыми с трудом удалось протиснуться в пыльном платье, протирая подолом и плащом вековую пыль. Крутясь и озираясь по сторонам в поисках продавца, толкнула плечом торчащую с полки книгу и она с грохотом приземлилась на пол. Ну вот, а так хотелось не наделать шума.

Присела и подняла с пола открывшуюся книгу, правда, привычной нумерации страниц не было, только краткое оглавление. Пробежала написанное от руки глазами: травы, продляющие молодость, помогающие от всех болезней, лишаящие жизни, дарующие бессмертие. Недоуменно заморгала.

— Вам помочь? — послышался низкий приятный голос.

Я резко выпрямилась, капюшон спал.

— Извините, — отчего-то виновато потупилась я, возвращая книгу на прежнее место.

Из-за обилия растительности на лице мужчины понять его возраст было невозможно.

— Нечасто ко мне заходят леди, — я скорее почувствовала по голосу, чем заметила скрывающуюся за густой бородой и усами улыбку.

Он махнул мне рукой, веля следовать за ним. Уже осторожнее пошла за удаляющимся вглубь магазинчика мужчиной. Миновав еще пять стеллажей, я остановилась у прилавка. Надо же, а магазин на деле оказался не таким и маленьким.

— Вас интересует нечто-то конкретное, или заглянули из любопытства?

Попыталась прочитать что-то по его лицу, но оно оставалось подчеркнуто приветливым. Немного помедлив, постаралась обрисовать требуемое, так чтобы не выдать лишней информации:

— Да, — я закашлялась от обилия пыли в воздухе, — у вас есть что-нибудь о непонятных происшествиях, событиях, которые не поддаются здравому смыслу?

Его внимательный взгляд скользнул по моему лицу, губы сжались в тонкую нить.

Мне неожиданно стало не по себе и, сделав шаг, назад едва смогла бросить:

— Извините за беспокойство, — и развернулась, желая скорее покинуть ставший неожиданно мрачным магазин.

— Я напугал вас? — от этого спокойного голоса, раздавшегося впереди, резко затормозила, для защиты схватив первую попавшуюся книгу со стеллажа. Мужчина стоял между мной и маячившим впереди выходом. На моем лице отразились испуг и непонимание. — Эта книга вам не поможет. Возможно, будет полезна одна из газет, — и он протянул вперед руку с зажатými страницами печатного издания.

— Кто вы и как...?

— Это неважно. Берите газету и уходите, — в голосе прозвучали командные нотки.

Он посторонился, предоставляя мне возможность пройти. Забрав дрожащей рукой газету и вернув ее обладателю книгу, я покинула ставшее невыносимо душным помещение. Выбравшись на улицу, отошла от двери и замерла, собираясь с мыслями, в полном непонимании поглядывая на добытый материал. Странно, но уже начинало смеркаться, похоже, я провела в магазине времени больше, чем рассчитывала. Проходящий мимо мужчина с интересом посмотрел на меня и оглянулся несколько раз, прежде чем скрыться за поворотом.

Только сейчас я пришла в себя, осознав, насколько странно выглядит одинокая молодая девушка на полутемных улицах, и поспешно накинула на голову капюшон. Повертев в руках газету, повернулась к двери магазина и испуганно воззрилась на старую дверь с блестящей по углам паутиной без малейшего намека на недавно оставленный мной след. Пробежавшая по спине дрожь побудила к ускорению мыслительного процесса и, свернув газету, заторопилась поскорее покинуть маленькую мрачную улочку.

Темнело стремительно, и я в скором времени с быстрого шага перешла на неуклюжий бег в пышном платье. Дыхание с хрипом вырывалось из горла, возникшая резь в боку заставила замедлить движение. И уже достигнув заветной калитки, я услышала во дворе фырканье и ржание лошадей вперемешку со знакомым голосом, раздававшим команды.

«Не успела», — паническую мысль тут же сдула другая, требующая не впадать в панику.

Пройти незамеченной мимо Эдгара и мельтешащих слуг было скорее из ряда фантастики, поэтому, скрываясь за зеленью сада, поспешила оставить в неприметном месте плащ. Неприлично задрав платье, подсунула свернутые газету снизу под корсет. Немного подвигавшись и убедившись, что она не выпадет в самый неподходящий момент, прогулочным шагом направилась в сторону крыльца.

Наступившая у главного входа тишина не предвещала ничего хорошего, все успели скрыться в доме. Крадучись поднялась по ступеням и бережно открыла дверь, чтобы чуть не упасть замертво от пронзившего тело словно холодным оружием голоса:

— Где ты была? — голос был настолько резкий и ледяной, что еще какое-то время я продолжила стоять на месте, сжимая дверную ручку и перестав дышать. Звенящая пустота в голове прогоняла любые зарождения здравых мыслей. — Дверь закрой! — я, повинувшись, потянула ее на себя. — Внутри зайти!

Икнув от страха, на почти не держащих ногах сделала несколько шагов в сторону голоса.

— Дорогой, что за шум? — спустя секунду в прихожей появилась взволнованная Минора и, переводя удивленный взгляд с меня на супруга, замерла в нерешительности.

— Эта дрянь куда-то отлучается в одиночестве, и уже не в первый раз, — выдал он, и я тяжело привалилась к стене, понимая, что попалась.

— Дочка?

— Я гуляла в саду, — не в силах поднять взгляд, произнесла я и сама мысленно усмехнулась обреченности, с которой прозвучал голос.

Он недовольно хмыкнул, и я проследила за его взглядом. Весь подол моего платья оказался в коричневых разводах.

— С завтрашнего, нет, с сегодняшнего дня ты под домашним арестом!

Внутри пробежал холодок, ведь его слова прозвучали как приговор моим дальнейшим поискам. А это значит, что на меня будет обращено повышенное внимание. Силясь не разреветься от досады, подняла глаза и поймала злой и торжествующий взгляд Эдгара.

— Немедленно поднимайся к себе и из комнаты будешь выходить только по приглашению в столовую.

Не желая более задерживаться в неприятном обществе, побежала к лестнице. Минора чуть задела мою руку, и на ее лице отразились сочувствие и... понимание.

Мне стоило немалых усилий справиться с платьем, и оно бесформенной кучей накрыло стул. Я же, накинув более простой домашний вариант, проигнорировав неудобный корсет, рухнула на кровать, когда в дверь постучали и она начала медленно открываться. Сердце вновь трусливо застучало, а когда в открывшийся проем протиснулась прислуга, даже не подумав, крикнула:

— Выйдите из моей комнаты!

— Но я за платьем... — голос говорившей задрожал и оборвался, не договорив.

— Завтра заберете.

— Но оно...

Поднявшись и дойдя до двери, бесцеремонно вытолкала перепуганную служанку и захлопнула дверь. Только сейчас ругнулась, осознавая, что обидела ни в чем не повинного человека, дав волю своей задетой гордыне.

Эмоции брали верх, и я то впадала в прострацию, смирившись со своей участью несчастной невесты, то кидалась к шкафу с приготовленными для побега вещами. Наконец, оценив бессмысленность и ошибочность своих поспешных действий, приняла решение отпустить ситуацию и подождать несколько дней.

Прошло не меньше часа, безумно захотелось пить. Облизав пересохшие губы, постаралась отвлечься от гнетущих мыслей вновь, измеряя шагами комнату. Похоже, что я недавно прогнала единственную возможность попросить кого-то о маленьком одолжении.

Все, с меня хватит! Припав ухом к двери, прислушалась. Сегодня дом погрузился в дремоту на удивление рано. Скинув обувь, выскользнула в коридор. Приятная прохлада пола сменилась шершавым ковром, устилающим лестницу. Бегом спустившись по лестнице, уже собралась повернуть направо в сторону кухни, когда из гостиной донеслись знакомые голоса.

Пометавшись между любопытством и желаниями организма, я отдала предпочтение интересу. На цыпочках подкравшись к комнате, замерла, прислонив ухо к двери. Звонкий удар в дверь, донесшийся с той стороны, и последующий за ним звук разлетающегося на части некогда целого предмета. Зажав рот рукой, сдержала вскрик, чуть не выдав себя. Если сейчас откроется дверь, то это будет полное фиаско. Меня заметят, даже если я попытаюсь убежать, а спрятаться в просторном коридоре просто негде. Прошли долгие минуты, но дверь так и не открылась, вместо этого, сопровождаемые женским криком, в комнате разбились еще два предмета.

— Ты ее выгораживаешь? — зло рассмеялся Эдгар. — Если она дочь того выроodka,

значит, ей можно прощать такое поведение и потакать любым прихотям? Тебе оказалось мало того, что я великодушно оставил ее?

— Я желала ей лучшей судьбы, чем выбранный тобою муж! — в первый раз в ее голосе почувствовала ответный напор.

Звучные шаги отчеканили путь по комнате, потонув в ворсистом ковре.

— Знаешь, а я специально его выбрал. Критерием служили не только его капитал и влияние. Очень долго искал старого и похотливого старика, будучи уверенным, что ей он точно не понравится.

— Да я тебя просто ненавижу за это! — вновь звук бьющегося фарфора. — Ты можешь причинять боль мне, но не смей трогать ее, она же ни в чем не виновата.

— В ней нет ничего моего, все полностью от того проходимца. Жаль, что я не узнал о твоей беременности раньше, а то бы отправил к знахарке.

— Зато она ребенок от любимого человека, и я не желаю ей своей судьбы.

Из комнаты послышалось рычание, Минора вскрикнула. Я очень понадеялась, что Эдгар не занялся рукоприкладством.

— Если она опорочит репутацию своими выходками, то жених может отказаться от свадьбы, — невольно возникла коварная мысль так и сделать, но услышанные далее слова пошатнули эту уверенность. — Это будет позор, и прежде всего для семьи. Подумай о других дочерях, или тебе плевать на них? С такой-то репутацией Диану точно никто не возьмет замуж, и она останется старой девой.

После этой реплики наступила непродолжительная тишина. Наконец Минора громко всхлипнула, от бессилия раскидав уцелевшую посуду.

— Пусть приберут здесь, и жду тебя в спальне через два часа, — голос становился ближе, Эдгар направился к выходу.

Осознав себя в западне, бросила панический взгляд на зашторенное окно и чуть не рассмеялась от нелепой идеи. Едва успев спрятаться за шторой, притаилась, перестав даже дышать, штора выпирала непростительно сильно, стоило только бросить взгляд на окно, сразу заподозришь неладное.

Эдгар от распирающей его злости даже не обратил внимания на такую мелочь и, не глядя по сторонам, вышел на улицу, крикнув, чтоб немедленно собрали экипаж.

Я отряхнула запачканные в пыли штаны и, вернув на плечо сползшую кофту, вновь погрузилась в увлекательный сюжет книги.

— Тебе помочь разобраться с воспоминаниями? — прозвучало у самого уха.

Я тут же вскинула голову, выронив из рук книгу. Кругом было полно народу, что неудивительно. К вечеру в парк всегда стекалось много отдыхающих: детей, женщин с колясками, влюбленных пар. Все весело разговаривают, смеются, шутят.

Поблизости я не заметила никого, кто бы мог произнести эти слова. Да и сам голос словно эхом разносился в голове и, будто отдаваясь, повторялся все тише и тише, неожиданно затихнув.

«Я схожу с ума, снова галлюцинации».

— Хватит заниматься самолечением, обратись, наконец, к специалисту, а то ты лечишься от простуды, а у тебя, может быть, что-нибудь посерьезней, раз так долго не проходит, — наставляла пожилая дама свою молодую спутницу. — А вдруг твое лечение сделает тебе не лучше, а только хуже, я тебе посоветую одного специалиста... — конец разговора услышать не удалось, так как прохожие ушли вглубь парка и их речь затерялась в

общем гуле.

С грустью отметила, что теплые летние вечера остались в прошлом, и, застегнув кофточку на все пуговицы, убрала книгу в сумку, поспешив оставить скамейку. После услышанных галлюцинаций задерживаться на уютной скамеечке не хотелось.

Направляясь к выходу из парка, мыслями я снова пришла к подслушанному крайне неприятному разговору. Вчера я вернулась домой намного раньше запланированного, дверь оказалась открыта, лишив меня возможности наделать лишнего шума. Мачеха беседовала по громкой связи с доктором Марком. Содержание их разговора сводилось к следующему:

— Ты должна ее уговорить прийти еще раз. Ее случай совершенно неясен и необычен.

— Можно поинтересоваться чем? Я читала, что люди и раньше путешествовали...

— Лучше молчи, курица, о своих журналах, газетенках и видео, — заметила, как она дернулась, но больше не решилась возражать. — Ты же сама слышала, этот Альенде вампир.

— Кроме интереса к книгам, доставшегося ей от матери, у нее хорошее воображение... — Сильвия пожала плечами, хотя телефон и не мог передать ее жеста.

— Воображение? — вновь прервали ее, передразнив. — Еще одно подобное высказывание, и я решу, что ты под дурью. Ты знаешь, у меня есть связи, и твое хорошее настроение может прерваться в любой момент. Советую слушать меня внимательно и кивать, словно преданная собачонка.

Он засмеялся своему удачному сравнению. Я постаралась подавить неприятные мурашки, начинающие разбегаться по моему телу от услышанного.

— Существует два объяснения: первое — что все сказанное ей является правдой. Второе — что все это лишь выдумки девчонки. Но я не встречал на своей практике ни одного человека, который смог бы настолько управлять своими мыслями, находясь под гипнозом. — Сильвия хотела что-то возразить, но доктор не дал ей вставить и слова, повысив голос. — Управлять гипнозом ей не под силу, хоть она и пытается сопротивляться. А ведь если все подтвердится, это сенсация! Ты представляешь, что это значит? Я могу узнать то, что люди пытались познать на протяжении не одной тысячи лет. Истории про вампиров стары как мир.

— Что ты хочешь этим сказать? Мне вампиры совершенно не интересны.

— Необходимо подумать, — гнетущее чувство, притаившееся где-то внутри, усиливалось. — Серьезно подумать, что делать дальше. Если честно, я такого не ожидал, клянусь, что никто не ожидал! Ведь бессмертие, вечная жизнь реальны, это не плод большого воображения.

— А если она не захочет?

— Нет. Такого не должно быть, ее необходимо уговорить любым способом. В крайнем случае сделаешь так, как договорились ранее, положим в больницу якобы на обследование. Нужно продолжать наблюдения! Ты даже не представляешь, сколько денег будет стоить открытие подобного рода, — я почти ощутила его хищную улыбку. — И помни, ты у меня на крючке.

Телефонный разговор прервался, а я в полуобморочном состоянии, шатаясь, выползла на лестничную площадку и осела прямо на пол возле двери.

Мне снился сон. Я что-то искала, тревожно ворочаясь. Кругом были неестественно яркие краски. Зеленая трава, голубое небо — все казалось поддельным, цвета выглядели

почти однородными, без оттенков и теней. Я брела по этому сказочному пейзажу, обшаривая взглядом окрестности. Тихо. Ни души. Я оказалась одна в этом пугающем месте. Зачем я здесь? Что же я ищу?

Сердце замерло, появилось ощущение, что нечто тяжелое навалилось на грудь. Вдруг резко учатившийся пульс причинил почти ощутимую боль, меня согнуло пополам. Словно сознанию неожиданно открылось нечто ужасающее, то, что до сих пор было скрыто от меня.

Я проснулась. Сердце билось настолько сильно, что мой страх можно было почувствовать.

«Опять эти сны».

Мне вспомнился другой сон, противоположность этому. Про конец света. Только там было все в темных, приглушенных цветах. Я одна. И страх, гонящийся за мной по пятам. Я тоже что-то искала, но вновь не успела найти. Что же я ищу? Когда это прекратится?

Только проснулась, а по самочувствию словно и не ложилась. С трудом села на кровати, привалившись к стене, и вновь закрыла глаза. То уснуть не могу, то сны настолько реальны, что не удается отдохнуть. Как же я устала!

Сейчас это будто бы не сон и не фантазия, а... воспоминания, именно воспоминания того, что никогда не могло быть правдой. После последнего сеанса я много размышляла, и чем дальше заводили меня мысли, тем нелепее напрашивались выводы. Постепенно мне стало казаться, что я действительно схожу с ума.

Не позволю больше мной пользоваться в личных целях!

Я настолько глубоко погрузилось в свои мысли, что чуть не опоздала в институт. Подскочив от вопившего в третий раз будильника и натянув джинсы с первой попавшейся футболкой, схватила сумку и выбежала на улицу.

Спустя полчаса я уже сидела за дальней партой, подперев подбородок рукой в ожидании начала лекции. Четыре пары пролетели незаметно, настало время пятой. Наконец хмурая лекторша вошла в аудиторию, окинув пришедших взглядом. Все студенты притихли. Очередная лекция по психологии началась.

— Население развитых стран уменьшается, а неразвитых — увеличивается. Таким образом, пополнение идет за счет смены места жительства и получения гражданства. Но это в основном люди со смуглым цветом кожи. Поэтому некоторые в шутку называют будущее «черным».

Последнее слово резануло по ушам и сознанию. В глазах потемнело и я на мгновение, только на мгновение, увидела черную сухую землю, пустырь, кругом темнота и пустота.

Я заморгала, вновь возвращаясь к реальности. Лекция продолжалась, да она в принципе и не останавливалась, это я выпала из времени.

Сердце бешено забилося о ребра. От увиденного мне сделалось страшно. Но причин ведь нет? Это был всего лишь сон, обычный кошмар, вспомнившийся так некстати. Почему я испугалась и чего?

Сон, словно надвигающаяся катастрофа, предупреждал, предостерегал, но суть опасности оставалась скрыта, завуалирована пугающими образами. К тому же они стали сниться чаще, превращая каждое приближение ночи в пытку. Хотелось верить, что это только последствия усталости и эмоционального перенапряжения перед новым учебным годом.

Вот бы Он наконец появился, очень хочется, чтобы пропал этот навязчивый страх. Я застонала, ну вот, уже начала принимать весь этот бред про вампиров за чистую монету.

Даже не знаю, с чего эта абсурдная мысль посетила мою голову.

— Тебе плохо? — ко мне склонилась рядом сидящая одноклассница.

— Все хорошо, — нехотя я выплыла из своих размышлений к звучащей лекции и попыталась продолжить нудный конспект.

— Так, все дописали? Потерпите, сейчас еще немного послушаем, запишем пару предложений, и отпущу.

Преподаватель, немолодая женщина, деловито поправила очки в толстой оправе и, постучав указкой по столу, призвала к тишине. Студенты к концу пятой пары сильно утомились, и легкий гул в аудитории почти не смолкал.

Уставшие студенты начали выползать из аудитории, а впереди ждала еще шестая пара — гражданское право.

Посмотрев в тетрадь, усмехнулась: стоит дата, название темы, пара строчек — почти ничего не записала по психологии — и какие-то каракули на полях.

Последний урок гражданского права был в самом разгаре, преподавательница рассказывала наизусть зазубренные статьи кодекса:

— Если в течение одного года в месте жительства гражданина нет сведений о месте его пребывания, человек объявляется без вести пропавшим, если о нем нет сведений от двух до шести лет, в соответствии от случая, то умершим. В таком случае брак прекращается, — болтал преподаватель увлеченно.

— Даже в том случае, если другой супруг против? — спросила одна из студенток.

По аудитории прошел смех. Она удивленно заморгала, мол, а что я такого сказала?

— А какой смысл сохранять брак? — холодно поинтересовались у нее.

— Ну вдруг любит, — пискнула студентка, замолчав под странным взглядом преподавателя.

Вместо ответа последовали смешки с последних парт.

Проигнорировав их, лекцию продолжили:

— Последствия явки объявленного умершим гражданина...

Зазвонил телефон, наполнив аудиторию тяжелым роком. Не утруждаясь задать вопрос «а можно выйти», одноклассник пронесся между партами и скрылся за дверью.

А я удивленно посмотрела ему вслед. Эта музыка напомнила мне потрясающий концерт, показанный недавно Адель в интернете. После еще несколько дней не могла выкинуть грохочущую в голове музыку, наваждение прямо. А совсем недавно узнала о гастролях группы, они приезжают в соседний, более крупный город.

«А ведь это выход! — я даже подскочила на месте. — Завтра не учимся, отец в командировке, подруга занята, а оставаться с Сильвией, как выяснилось, опасно, мое апатичное состояние не позволит дать ей должный отпор».

Даже не успев покинуть аудиторию, зашла на сайт и купила билет, хорошо хоть на карте скопилась приличная сумма. Вот и все, половина задуманного сделана, дело осталось за малым.

Домой торопилась как никогда. Очень не хотелось на выходе столкнуться в дверях с Сильвией, вернувшейся со спа-процедур. Впопыхах побросав необходимые вещи в рюкзак, внимательно оглядела комнату: не забыла ли чего?

На полу одиноко лежала тетрадь с изображением космоса на обложке, вечного космоса, существовавшего задолго до нас, такого прекрасного и манящего и одновременно пугающе-непостижимого, хранящего свои тайны. Написанное внутри было столь же непонятно: то,

что медленно, но верно сводило меня с ума своей правдивой нереальностью. Уже не первый месяц я записываю в эту тетрадь все что «вспоминаю», все те странные события, которых просто не могло быть. Наверно, они — лишь мое больное воображение. Я и сама точно не знаю, что это, и, если честно, боюсь узнать ответ. В нынешний век прогресса и технологий все сверхъестественное кажется абсурдом, чем-то столь же далеким, как и космос. Главное — не угодить в клинику или в лапы этому жадному до денег и всеобщего признания доктору.

Я улыбнулась, но печальная улыбка не затронула глаз. Тут же мысленно поторопив себя, набрала номер отца. В трубке пиликнула мелодия и женский голос оповестил: «Абонент находится вне зоны действия сети».

«Поехала на концерт, буду в воскресенье вечером. Не теряй», — написала я короткое смс и нахмурилась. Опять без связи; в какую глушь он постоянно ездит?

У самого лифта едва не столкнулась с Сильвией. Ее визгливый голос и дерганные движения наводили на мысль о неприятностях. Незамеченной скользнула на пролет выше, выждав, когда щелкнет, закрывшись на замок, дверь, и, поправив сползшую с плеча лямку, торопливо побежала вниз.

Вот-вот наступит второй месяц осени и вечером не стоило рассчитывать на теплые объятия природы. Втянув голову в поднятый воротник и переминаясь с ноги на ногу, ожидала нужного транспорта, с завистью поглядывая на прижавшуюся друг к другу парочку.

Сильный порыв ветра заставил пригнуться и зажмурить глаза и именно в этот момент подъехал мой номер автобуса, остановившись дальше обычного. Распахнув глаза, отчаянно замахала руками собирающемуся отъезжать транспорту. И понимая, что двери открылись для меня и несколько пар глаз с нетерпением подгоняют отставшего пассажира, я рванула к нему. Как это часто бывает, когда сильно торопишься, оступилась, неудачно поставив ногу и взмахнув руками, лоя равновесие, начала заваливаться в сторону лужи.

Чьи-то сильные руки обхватили за талию и, шепнув «нас ждут», меня чуть ли не внесли внутрь автобуса. Два свободных места в конце автобуса словно ожидали именно нас, пассажиров вообще было немного. Усадив меня возле окна, мой спаситель оплатил проезд и только в этот момент шок и красочные последствия моего несостоявшегося падения в лужу отпустили.

Повернула голову, настраивая так не вовремя разбежавшееся зрение.

— Ты? — мои глаза расширились, а брови постарались спрятаться за волосами. Вот почему у меня в голове вновь зазвучали строчки из песни «сильные руки стан мой обнимали...». Почувствовала, как румянец заливает мои щеки, оголяя предназначенные только для меня мысли.

— Привет. Вновь два-один в мою пользу.

— Как ты...? — я подавилась вопросом, когда меня подбросило вверх на сиденье, тут же его рука обняла меня за плечи, возвращая ощущение приземленности, — спасибо, — и, отстранившись, опустила глаза, не выдержав лукавого взгляда. — Только не говори, что теперь три-один.

— Нет, конечно, — хохотнул он и в его карих глазах заплясали смешинки — но если захочешь обнять меня в ответ, я не против.

Вот зачем он это сказал, я и так не знала, куда себя деть.

А народ в автобус все прибывал, заняв все сиденья, кое-кто уже стоял, покачиваясь из стороны в сторону в такт движению. Я иногда поглядывала через отражение в стекле на своего спутника. Мой спаситель провел рукой по гладко выбритой щеке. Я с удивлением

отметила, что без щетины он легко бы затерялся в толпе одиозных. Интересно сколько ему лет? Нахмурилась, припоминая как его зовут. Против воли уголки рта дернулись, когда имя — Альтан всплыло в сознании.

— Не хочу тебя разочаровывать, но мне пора, малышка, — он говорил, а смотрел не на смазанные уличные картинки, а на мой прозрачный образ, прямо в глаза. Как замороженная наблюдала за приближающимся отражением, пока его слова не обожгли мое ухо. — Почему ты сопротивляешься?

Я резко оглянулась, думая до этого спросить об еще одной всплывшей в сознании странности при прошлой нашей встрече, но Альтан, отстранившись, уже вставал с места и, не оглянувшись, покинул автобус.

— Девушка, уступите место двум пожилым людям, — гаркнула стоящая рядом тетка. Не желая спорить, молча встала, мысленно отметив, что ни первая, ни вторая женщины стареть не собираются.

Протиснувшись в самый угол автобуса, никак не могла избавиться от последней его фразы. Ну вот про что это было? А его издевательский тон и взгляд просто выводят из себя. И одна мысль меня одновременно согрела и подвергла в шок: если он здесь, значит, есть шанс встретиться вновь. И тут же одернула себя, хватит, Лейла, нести всякую ерунду.

До конечной остановки осталось не так далеко, автобус уже выехал из центра города и катился по извилистой дороге, огороженной с двух сторон высокими деревьями. Вот такая странность в нашем городе, вокзал находится недалеко, но какое-то время приходилось ехать словно через лес.

Автобус вновь мягко затормозил, готовясь выпустить и принять новых пассажиров. Всматриваясь в грязное стекло везущего меня транспорта, взгляд зацепился за женщину, одетую не по погоде и, желая убедиться, что это не обман зрения, развернулась. Она стояла в самой гуще толпы, словно не замечая ничего вокруг. Непонятного цвета платье, делало ее кожу неестественно бледной, волосы заплетены в длинную темно-русую косу, стройная фигура, а взгляд спокойный и печальный. Не в силах отвести глаз таранилась на нее и к моему ужасу на периферии сознания промелькнуло узнавание. Еще минуту я потрясенно рассматривала ее, точно она была призраком из прошлого. Неожиданно, словно почувствовав, что за ней наблюдают, девушка подняла взгляд и наши глаза встретились. Улыбка тронула ее губы, и я резко дернулась назад, больно ударившись о поручень.

— Вы выходите?

Я не сразу услышала вопрос, поэтому оказалась небрежно отодвинута в сторону приехавшим на свою остановку мужчиной. Двери наконец открылись и пассажиры хлынули наружу, заслонив собой мое видение. Встав на цыпочки, я старалась вновь увидеть ее, но транспорт наполняли лишь люди, одетые в современные кофты и куртки. Отвернулась к окну. Возможно, что женщина просто вышла на остановке, если так, то гуляя в такой одежде, немудрено к вечеру слечь с температурой.

С жадностью выцепляя спешащих от остановки в разные стороны пассажиров, от досады с силой сжала поручень. Она словно испарилась, провалившись сквозь землю. Показалось или нет? Да что за день потрясений?

Всю оставшуюся дорогу до вокзала меня не покидало ощущение, что мы знакомы, я знаю о ней больше, чем о постороннем человеке. Чувство дежа вю не отпускало меня всю дорогу.

Когда мы подъезжали к конечной станции, уже стемнело. Оказавшись в здании вокзала,

отыскала взглядом табло отправлений-прибытий и, покрепче взявшись за лямки рюкзака, побежала на третью платформу. Судя по расписанию, до отправления поезда осталось меньше пяти минут, времени покупать билет в кассе просто не было. Миновав тоннель, поднялась наверх, перескакивая через несколько ступеней, и притормозила у крайнего вагона. Проводница, помятая жизнью женщина, хмуро посмотрела на меня. Чуть не задыхаясь, сглатывая окончания, попыталась объяснить с ней.

— Мест в вагоне нет. Обратись в следующий, — и, не дожидаясь моего ответа, подняла лестницу и закрыла дверь.

Всего пять вагонов, в четырех из которых все места оказались заняты. Собрав последние силы на заплетающихся ногах, доползла до пятого, время катастрофически утекало.

— Ты без билета? — раздался молодой голос.

Я энергично закивала, тяжело дыша, не имея возможности связать и пары слов.

— Заходи быстрее, сейчас объявят отправление.

Лязг вагонов и стук набирающих скорость колес застал меня возле купе проводницы. В коридоре горел тусклый, слегка мерцающий свет. Девушка проследила за моим удивленным взглядом, пояснив:

— Народу мало везде, но у нас ввели новую программу продажи билетов и на ночь глядя с ней никто не хочет связываться, — я нахмурилась, вот, значит, как. — Да не злись ты на них, — махнула рукой улыбаясь проводница, — они себе на уме и хотят лишь пристроить свой зад на кровать и как можно реже шевелить им и своими мозгами. Думаю, вскоре начальству это надоеет и их сладкая жизнь закончится, — она усмехнулась. — Пойдем в мое купе оформлю.

Еще полчаса мы мило беседовали, попивая сладкий чай с печеньем. После, извинившись, девушка убежала по своим делам.

Пройдя на свое место, а свободными оказались почти все верхние и боковые места, поставила рюкзак и достала телефон, глянув на время. Седьмой час плюс три часа в дороге. Я перевела задумчивый взгляд на темное окно. Давненько я одна никуда не выбиралась, бронированная комната в хостеле никуда не денется. А завтра до самого вечера свободный день. От одних только мыслей по телу разлился предвкушающий трепет.

Устроившись поудобнее, достала тетрадь с ручкой и погрузилась в описание моих мыслей. Вести подобный дневник «воспоминаний» я начала с середины лета и даже сама удивилась, что до этого беспрестанно возникающие одни и те же отрывочные образы и картины с момента записи тревожили все реже, становясь блеклыми, постепенно исчезая. Правда, им на смену приходили новые, но и их ждала та же участь. Записывая, я словно избавляюсь от них, оставляя себе шанс оживить в любой момент.

Я вынырнула из своих раздумий. Рука как раз закончила выводить очередное предложение: «думаю, стоит посетить библиотеку, чтобы найти полезную информацию». Я недоуменно заморгала, не до конца веря, что это не очередные галлюцинации моего сознания. Больно уж это напоминало совет.

Равномерный стук колес уносил меня далеко. Так хотелось верить, что подальше от всех моих неприятностей.

Утро в хостеле началось на удивление хорошо. Спешить было некуда, поэтому, вдоволь навалявшись в постели, умылась, отправившись завтракать. В общей кухне, расположенной на втором этаже, смеялась и обменивалась шутками компания ребят. Они с радостью

поделились с вновь прибывшей своими впечатлениями о городе, рассказали, куда сходить и что в первую очередь стоит посмотреть.

Попивая крепкий чай вприкуску с бутербродом, поинтересовалась:

— А какая в городе самая большая библиотека и где находится?

Компания дружно хохотнула в ответ, но подсказала, как и куда доехать.

Сложив в сумку самые необходимые вещи — сюда мне еще предстояло вернуться после концерта — в добром расположении духа покинула хостел. Дождавшись подходящего трамвая и покачиваясь в такт его движению, задумалась, какие же книги я попрошу. Дорога заняла не меньше тридцати минут, стоял солнечный день, и я то и дело шурилась, наслаждаясь ускользящим теплом.

Чуть не проехав нужную остановку, едва успела выскочить в закрывающиеся двери и быстрым шагом направилась по переплетению небольших улочек. Библиотеку, старинное трехэтажное здание с колоннами, заметила еще на подходе и даже замерла у входа, желая рассмотреть получше. Да, в моем городе таких зданий не встретишь, современных много, но подобных... дотронулась до колонны, обхватить которую даже вдвоем не представлялось возможным, и запрокинула голову вверх, любясь витиеватой лепниной.

Проходящий мимо студент окинул меня странным взглядом. Взяв, наконец, себя в руки, последовала за ним. Внутреннее убранство вызвало не меньший восторг: высоченный потолок, мраморный пол, картины и огромная люстра. Растерявшись, я подошла к сотруднице уточнить:

— Здравствуйте. Подскажите, где здесь читальный зал?

— Вы первый раз? — и, получив утвердительный кивок, женщина продолжила, — сначала необходимо заполнить небольшую форму. Ваш паспорт, — к счастью, это заняло не больше пары минут. — Второй этаж, налево, вторая дверь, — улыбнувшись, объяснила женщина, подавая мою личную карточку.

Вся в предвкушении, я направилась к лестнице. Прохлада дерева скользнула по коже, я остановилась, прислушиваясь к приятным покалываниям. Шаг, еще шаг, не знаю почему, но было чувство, что впереди меня ждет дверь. Ощущения пропали, как только я увидела огромное окно во всю стену. Красиво, но что это была за ерунда сейчас?

Большой, заставленный столами читальный зал оказался почти пуст. Не теряя времени, подошла к стойке, на меня сразу подняли вопросительный взгляд, а я просто зависла.

— Вам помочь? — наконец прервала затянувшуюся тишину женщина.

— Да. Что-нибудь про сверхъестественное.

— А конкретнее? Автор или название книги.

Совсем растерявшись, я пожала плечами.

— Может, призраки.

— В таком случае можете пройти вдоль стеллажей с журналами или посмотреть в картотеке, компьютер находится в правом углу.

Кивнув, побрела в указанном направлении. Вот тебе и совет сама себе дала. Переходя от полки к полке, скользила взглядом по названиям: механика, техника, космос, подводный мир, рептилии, животные... Далее двинулась быстрее, лишь мельком бросая взгляд на обложки и доставая заинтересовавшие меня.

Наконец одна из них меня зацепила: изображение привидения-девушки в ярком свете фар. Взяв журнал, начала листать страницы и погрузилась в чтение одной из статей:

«Многие сталкивались с таким феноменом как призраки умерших людей, встречаемые

на дорогах. Это могут быть и жертвы серьезных ДТП, и обыкновенные, никак не связанные с этим местом призраки. В их существовании убедилось уже достаточное количество людей «на своей шкуре». Появление призраков на дорогах можно разделить на два вида.

К первому виду относятся призраки, возникающие непосредственно перед самым автомобилем на дороге. И тогда шофер в ужасе выбегает из своей машины, думая, что сбил настоящего человека, но не обнаруживает на пустой дороге ни тела, ни даже крови.

Ко второму виду относятся попутчики. Эти призраки, как совершенно обычные люди, останавливают машину, открывают дверь, садятся, а по дороге нередко общаются с водителем. После этого призраки неожиданно исчезают.

Причины, заставляющие эти сгустки энергии пугать людей, связаны с тем, что они имели несчастье неожиданно или насильственно умереть, а так же с незавершенными делами, а место их появления, оказалось способным поддерживать существование их энергоструктуры.

Вот несколько таких историй...»

Я бегала глазами по строчкам, стараясь зацепить суть, и понимала, что эта та информация, которая меня интересует. Далее шли рассказы реальных встреч с призраками, но я не успела их прочесть.

— Эй! Может, хватит ходить сюда каждый день и мозолить глаза?

Я, все еще задумавшись, автоматически повернулась на голос:

— Вы ко мне?

— А к кому же еще, птичка?

Огляделась — действительно больше не к кому.

— Это, конечно, тебя расстроит, но лучше уж сразу поставить все на свои места. Ты не в моем вкусе, и мы не сможем никуда сходить, и мне не хочется, чтобы ты, цыпа, преследовала меня таким вот образом и стояла возле тех же стеллажей, что и я, — парень махнул головой, и его кудри весело запрыгали.

Я начала приходить в себя, собирая по кусочкам мысли (неужели это новомодный подкат?) и, наконец, услышав смешки из-за соседнего стеллажа, поняла, что банальный спор.

— Ты уже проиграл поединок, как и твой предок, — он непонимающе нахмурил лоб, сбитый с толку. — Пушкин, я о нем.

И со словами: «Я вас любил, любовь еще, быть может...» — направилась прочь.

Парень подзавис, словно приклеенный к полу. А какой он реакции ожидал? И не дожидаясь, пока он очнется, пытаюсь возразить, или вставит пошлую шуточку, заспешила прочь, прихватив не глядя еще пару журналов, рассчитывая пролистать их возле стойки с милой женщиной. Сделав за отдельную плату копии заинтересовавших статей, наконец спокойно покинула здание.

Взглянув на часы в телефоне, убрала его в сумку, время приближалось к обеду, а в планах до вечера было посетить еще несколько мест.

Приближался вечер. В подворотнях начинали сгущаться тени. Обжигающий прохладой воздух затруднял дыхание. Девушка шла быстро, с максимально возможной скоростью, которую позволяли десятисантиметровые шпильки и мини-юбка. Походка, доведенная практически до совершенства: плавное движение бедер и рук в такт шага.

Когда она вошла в арку, ее тут же обдало сухим, ключим ветром, который оказался гораздо прохладнее, чем на открытой местности. Пришлось чуть нагнуть голову,

преодолевая его настойчивость.

Во дворе горело несколько фонарей, скудный свет почти не освещал серый и скучный двор. Правда, здесь хотя бы были качели и корт, окруженные, словно кольцом, тремя домами и садиком.

Она огляделась — пусто. Быстро набрав тонкими пальчиками кодовый номер, шагнула в темный подъезд, остановилась, вглядываясь в еще более глубокую темноту. Дверь хлопнула, закрывшись на замок, девушка невольно оглянулась — пусто. Еще есть немного времени.

Длинные рыжеватые волосы небрежно разметались по плечам, яркий макияж, легкая кофточка с глубоким вырезом, короткая юбка и длинные ноги — все это привлекало слишком много внимания и восторженных мужских взглядов. В последние пять лет на воздыхателей она смотрела равнодушно, а иногда и с явным раздражением. А красивая одежда... она всегда доставляла ей радость.

Но сегодня было не до подобного рода развлечений: дела, дела и еще раз дела. Настолько важные и интересные, что откладывать их не хотелось. Предвкушение, ожидание и надежда — вот что таилось у нее в душе.

Царящую темноту разгоняли только фонари возле здания. До начала концерта оставалось чуть меньше получаса. Народ стекался к зданию со всех сторон и сливался у дверей в одну общую гудящую толпу. Невольно поежившись, замедлила шаг, ощущая себя белой вороной на этом празднике. Моя одежда разительно отличалась от большинства. Синяя футболка, прикрытая сейчас легкой курткой, джинсы, волосы, забранные в хвост, не шли ни в какое сравнение с одеждой фанатов. Кожанки, берцы, крашенные во все цвета волосы, безумные стрижки с ярким боевым раскрасом, и вся эта красота тонула во тьме, словно становясь ею. В зал меня буквально внесла толпа и, толкая мое хрупкое тело, оттащила живым потоком в сторону. Люди всячески старались пролезть ближе к сцене. Толпы фанатов продолжали вливаться в зал, я, плотно зажата со всех сторон, больше не могла самостоятельно шагнуть ни вправо, ни влево.

Оглянувшись назад (ради любопытства: а много ли народу идет следом) я чуть не поплатилась за свою неосторожность. Какой-то мужчина с ирокезом красного цвета и с носом, напоминающим орлиный клюв (фанатик сильно смахивал на петуха), наступил мне на ногу. Я не упала только благодаря плотной толпе, упершись руками в спину впереди идущего. На меня тут же бросили недовольный взгляд и, расталкивая всех локтями, мой спаситель отошел подальше.

Меня оттеснили в сторону, почти к самой стене. Народ продолжал пугающе быстро прибывать. Похоже, я скоро узнаю, как чувствует себя килька в банке, усмехнулась я про себя. Через пятнадцать минут двери закрыли, из-за огромного скопления народа начала ощущать себя неуютно.

С правой стороны стояли девчонка с парнем. Оба были подстрижены под ежик и одеты во все черное, у девушки жирно подведены глаза и черной помадой накрашены губы. Вид, надо сказать, довольно устрашающий. Я поймала заинтересованный взгляд парня и тут же отвернулась. Еще не хватало! От его подружки можно ждать любых неприятностей.

Взор выхватил из толпы людей в привычной одежде: в футболках, без всяких экстравагантных причесок, но это словно капля в море.

Верхний свет погас. По залу пробежали лучи прожекторов, остановившись на сцене, и в ярком круге появился рок-солист. Весь зал взвыл, оглушительный свист разнесся по

помещению, устремляясь вверх. Я подавила желание зажать уши руками. Забавно, но я даже не знаю, кто выступает. Наверно, меня не поймут, если я спрошу имя певца?

Музыка гремела и стучала, мужчина выл со сцены очередную незнакомую мне песню. Зал дергался в безумном танце. Спустя полчаса от долгого пребывания на одном месте ноги начали уставать, а тут еще и человек, стоящий передо мной, неосторожно прошелся по ним. Голова болела от невыносимо громких завываний гитары, грохота барабанной установки и воплей одуревшего солиста, которого дружно подхватывали собравшиеся. Какой ужас! И с какого перепуга я вообще на него пошла без должной подготовки?

Я облокотилась о стену, начинала кружиться голова. Медленно и глубоко дыша, старалась не терять связи с реальностью. Казалось, что легким просто не хватает чистого воздуха, а то, чем я дышала сейчас, пропиталось ароматом пота вперемешку с запахом едких одеколонов, дезодорантов и дешевых духов. Толпа была все неистовее. Глаза у некоторых стали совершенно безумными. Взмокшая группа продолжал гремять со сцены, слова воспринимались с трудом.

Мне становилось все хуже. Я понимала, что если не выберусь на свежий воздух, то меня вынесут из зала на носилках, если вообще останусь жива в подобных условиях. Я начала медленно протискиваться к выходу, едва прокладывая себе дорогу. Какой-то придурок заорал мне прямо в ухо, и я чуть не задохнулась от его перегара.

«Боже! Только б выбраться!»

На сцене блистало лазерное шоу, над потолком висел железный каркас, к которому крепилось множество прожекторов. Все мерцало и светилось всеми цветами радуги, фанаты неистовствовали, все больше сходя с ума.

Я, стараясь не обращать ни на кого внимания, шла к светящейся надписи «Выход». Посмотрела на одного из фанатов — по нему как раз скользнул синий свет прожектора, перекрасив цвет кожи в мертвенный оттенок, да еще эти белые линзы в глазах. Дернулась, закричав от неожиданности, крик потонул в очередном зловещем аккорде.

«Да что я, в самом деле, обычный живой человек», — прошептала, стараясь унять страх, ту же высунувший мерзкую морду.

Чем ближе к выходу, тем идти становилось легче. Толпа начинала редеть. Когда я почти дошла до заветной цели, дорогу мне преградил мужчина и, не дожидаясь моей реакции, наклонился ко мне, клацнув заостренными зубами. Я побледнела, должно быть, став светлее, чем его грим. А эта жуткая гримаса заставила тело трястись от ужаса. Довольный произведенным эффектом, он потерял ко мне всякий интерес.

Мир вокруг начинал раскручиваться. Закрыла глаза, стараясь остановить это безумие, но чувство кружения начало усиливаться. Нарастающая паника давила, силясь подчинить разум, я все еще старалась взять верх, но проигрывала.

Я обхватила голову руками, желая замедлить начинавшую набирать обороты карусель, расплывающиеся силуэты продолжали кривляться под музыку. Заморгала, пытаюсь сфокусироваться, ноги лизнул белый, за клубившийся по полу туман, равнодушной змеей обвивая ноги, и неожиданно оказался возле самого лица, заглянул в глаза, увлекая в свои объятия.

Чьи-то сильные руки обхватили мою талию и одним рывком придали вертикальное положение. Я попыталась открыть глаза, но тело полностью не подчинялось мне, ведь разум находился не здесь, он блуждал далеко в лабиринтах моего личного кошмара. Мне только оставалось обмякнуть на чьих-то руках, а борющемуся сознанию — надеяться, что меня не

бросят под ноги беснующейся толпы.

Я застонала, перевернувшись. На мое незначительное движение голова отозвалась ноющей болью. Похоже, утро добрым не бывает. По крайней мере у меня в последнее время такое случалось крайне часто.

«Опять встала не с той ноги», — зазвучал в голове звонкий голос Адель.

— Да скажи лучше, какая та? — ответила я, находясь в пограничном состоянии между сном и пробуждением. — Глупости это.

Лишь приоткрыв глаза, поняла, что нахожусь одна и разговариваю сама с собой.

Откинув мягкое одеяло, села на кровати, попытавшись вспомнить, где я и как сюда попала. Номер выглядел недорого, но точно это не мой хостел. Опустив взгляд, поняла, что на мне нет джинс. И кто меня раздел?

Холодок, пробежавший по позвоночнику, заставил собраться и отыскать висевшие на стуле джинсы. Второпях натянув их, с еще большей опаской огляделась. Никто так и не выскочил на меня с криками и желанием прибить. Но искушать судьбу было опасно. На цыпочках добравшись до двери, выскользнула в коридор, всеми силами стремясь приглушить вопросы о неизвестно где проведенном остатке вечера. Потом, это все потом.

Уже проходя мимо стойки администратора, вздохнула с облегчением.

— Вам все понравилось, госпожа Лейла?

Я подскочила, озираясь по сторонам в поисках обладательницы такого же имени, как и у меня. Но нет, милая девушка за стойкой обращались ко мне.

— Да, спасибо, — натянуто улыбнувшись, хотела уже выбежать в широкие двери, ведущие на улицу, по непонятным причинам проигнорировав идею задать вопросы улыбчивой девушке.

— Вам просили передать письмо, когда вы спуститесь.

— Кто? — вновь начиная нервничать, уточнила я.

— Девушка, сказала, что ваша старая знакомая, — и, заметив разочарование и сморщившийся в задумчивости лоб, добавила: — Высокая, стройная, светло-рыжие волосы, карие глаза, дорогая одежда. Я в этом немного разбираюсь, — зачем-то пояснила она. — Вы вчера пришли с ней. Что-то отмечали?

— Была на рок-концерте.

— Неужели на шоу группы «Жизнь во мне»? — оживилась девушка, и огонек зависти неприятно блеснул в ее глазах. — Я их фанатка, но вчера меня не отпустили, пришлось скучать на работе.

Воспоминания о вчерашнем дне лишь усилили головную боль, захотелось приложиться лбом к каменной столешнице стойки. Даже вновь почудились эти едкие запахи дешевых духов, пота, перегара, смешавшиеся с каким-то резким и непонятным ароматом. Меня замутило от настолько яркой картины, усилилось желание поскорее покинуть холл и вдохнуть свежего воздуха.

Взяв себя в руки, я пожала плечами, смутно припоминая, что песню с названием «Смысл жизни во мне» исполняли целых три раза и, стремясь не выглядеть невеждой в мире музыки, сменила тему:

— Можно письмо?

Поджав губки, она достала из ящика стола запечатанный конверт. И уже набрала воздуха, чтобы продолжить допрос, но меня спас подошедший на регистрацию новый

постоялец. Мысленно поблагодарив высшие силы за шанс сбежать от назойливой служащей индустрии услуг, шагнула в хмурую пасмурную осень.

Первым делом я достала из кармана телефон и, открыв карту, проложила маршрут к моему хостелу, стоило забрать вещи. Время как раз близилось к выселению и сдаче ключей. Подходя к хостелу похлопала себя по всем карманам, выругавшись: ключи пропали.

Маленький хостел встретил молчаливой тишиной. Девушка у стойки нехотя подняла глаза от телефона и, натянуто улыбнувшись, поздоровалась.

— Чем могу помочь?

— Я ключи от номера потеряла, можно запасной, чтобы забрать вещи?

— Придется заплатить, — сообщила она и так известную мне новость.

Собрав рюкзак и окинув крошечное помещение взглядом, посмотрела в окно. Погода начинала проясняться, тучки не спеша разбредались в разные стороны, открывая взору всю красоту золотой осени.

— Приходите еще, будем рады, — уже выходя, услышала я голос, девушка вновь уткнулась в свой телефон.

Бредя по улицам, никак не могла выкинуть из головы слова администратора. Значит, девушка с рыжими волосами — я пнула ногой опавшие листья, тут же зашептавшие, словно возмущаясь, что их потревожили, — да не было у меня таких знакомых ни в школе, ни в институте. Что это знакомая, исключено!

Мимо пробежали, весело смеясь, мальчишки с рюкзаками на плечах. Беззаботное школьное время, как это было давно и как хотелось поскорее вырасти. Улыбнувшись, я проводила их взглядом.

Запах еды вплыл в мое состояние как само собой разумеющееся. Я вдохнула воздух, наполненный аппетитным ароматом картошки и мяса, и чуть не захлебнулась слюной. Ну надо же, со всеми этими странностями даже не вспомнила о еде, а ведь последний раз посещала кафе вчера вечером. Прищурившись, посмотрела на городские часы — три часа дня, обеденное время подходит к концу.

«Бом, бом, бом».

Я поморщилась от слишком громкого звука. Успевшая затихнуть головная боль всплывала из глубин, начиная давить на виски. Присев на низкий заборчик, огляделась. Суetyающиеся и спешившие по делам точно муравьи люди, гудящий и змеящийся непрерывным потоком транспорт начинал утомлять, захотелось тишины, покоя и... поесть, желудок сжался в нервном спазме и протяжно заурчал.

Оглядевшись кругом, заметила над аккуратно подстриженными кронами крышу небольшого красивого здания. Одноэтажное, оно казалось карликом среди домов и торгового центра, окружающих его с двух сторон. Возле входной двери лежал разноцветный коврик с приветственной надписью «Добро пожаловать». Выведенные на вывеске красные буквы гласили «Старые времена», а вокруг самой двери на входящего смотрела изящная надпись «Средневековая обстановка в прекрасном сочетании с современной кухней».

Я шагнула внутрь. Столики стояли в основном у самых окон, и центр помещения слегка тонул в полутьме. Я заморгала, привыкая к более тусклому освещению.

Прямо напротив входа в стене красовался миниатюрный замок с окошками и двумя башенками по краям. Композиция была выполнена в разрезе: передняя стена отсутствовала и взору открывался удивительно красивый интерьер. Залюбовавшись, я подошла ближе. Объемный замок очень походил на уменьшенную копию реального сооружения и достигал

не более двух метров в высоту. Центр композиции — большой танцевальный зал: на потолке хрустальные люстры, стены украшены фресками, плиты пола, черные и белые, уложены в шахматном порядке и по ним вальсирует пара в одежде девятнадцатого века, легко кружась по залу. Под замком в одеждах попроще также танцуют девушки.

Я и представить не могла, что увижу в таком неприметном кафе подобную красоту. Стоит приехать сюда вдвоем с папой, ему точно понравится.

Наконец справившись с первыми впечатлениями, я подошла к стойке и заказала себе картошку с отбивной, омлет с овощами и стакан морса. К моему разочарованию, в меню не нашлось никаких интересных блюд.

— Присаживайтесь. Вам принесут заказ, — зашебетала молоденькая девушка в белом фартучке, улыбаясь, и передала кому-то листок с моими «пожеланиями».

Я пошла между круглыми столами в самый конец заведения и, устроившись на мягком диване, скинула рюкзак, в ожидании заказа стала разглядывать общий интерьер кафе.

Недалеко от меня в углу стоял приличных размеров аквариум, с одного края его украшала башня замка, идеально вписывающаяся в небольшое пространство. Это походило на то, что утонувший замок лежал на дне моря, тут же вспоминался мультик про русалочку. Красивые, чуть ли не сказочные рыбки довершали этот образ. Потолок был украшен чем-то навряде мозаики, каждая часть рисунка другого цвета. Также на потолке располагались зеркала разных причудливых форм. Огромные окна, зеркальные с обратной стороны, позволяли безнаказанно любоваться улицей, спешащими и беззаботно прогуливающимися людьми.

Это сочетание современности и прошлого захватывало дух. Все так красиво. Танцующая в замке пара завершила очередной круг по маленькому залу.

Миниатюрная официантка в белом передничке и заколотыми на макушке волосами поставила мой заказ на столик и, пожелав приятного аппетита, удалилась.

Чуть не забыла! Порывшись в сумке, достала голубоватый конверт. Повертела его в руках, разглядывая внимательнее. На лицевой стороне выведено только мое имя и номер комнаты, в которой я очнулась. Недовольно поморщилась, глупо было надеяться на полный обратный адрес.

Внутри оказался белый лист бумаги, исписанный аккуратным почерком, очень красивым и ровным. Заглавные буквы украшали завитки, от края бумаги идеально ровный отступ. Это произведение искусства хотелось вставить в раму и повесить на почетное место, как идеал.

Картина... от этой мысли мне стало немного не по себе. В моем сознании всплыла недавно подсмотренная картина с двумя мужчинами и девушкой. А также тот неловкий момент, когда меня застукали за этим занятием.

Письмо начиналось так, будто мы действительно знакомы. Ничего не понимая, я заскользила взглядом по строчкам:

«Доброе утро. Скорее всего, ты меня не помнишь и мне хотелось бы исправить этот недочет. Приходи сегодня к десяти часам вечера в бар «Марионетка», расположенный через дорогу от гостиницы. Не волнуйся, я сама узнаю тебя и подам знак рукой. Предполагаю, что ты еще не все вспомнила о своем путешествии в прошлое и мне есть, что тебе рассказать, также постараюсь ответить на вопросы»

От прочитанного стало холодно и страшно. Что это такое и как понимать? Неужели... да нет, такого просто быть не может! Быстро спрятав конверт, я нашла в телефоне

расписание поездов. Последний скоростной поезд отходит через полчаса, оставалась только электричка, на ней придется тащиться на целый час дольше. Получается, прибуду домой почти ночью. Ну и пусть, никакой встречи! Это или злая шутка, или козни этого алчного докторишки. Ни то, ни другое проверять не хотелось.

Я помассировала виски, легкая боль не проходила с самого утра. Да еще эта таинственность обступала меня плотным кольцом, почти силой погружая в другой мир, преследующие меня образы и сны казались чуть ли не более реальными, чем сама жизнь. Главное — незаметно не сойти с ума, окунаясь в пучину этой круговерти.

Взгляд остановился на остывающем обеде. Тут же убрала руки от головы, осматривая еду. На слишком большой тарелке лежало несколько крупных кусков картошки и мяса. На его распиливание было потрачено немало сил, мясо упорно не желало резаться, а после и жеваться. А вот омлет с овощами я съела с удовольствием. Как жаль, что вкус еды сильно уступает интерьеру. Еще немного посидела, попивая небольшими глотками морс, и, окинув напоследок зал, вышла в начинающую хмуриться погоду.

Время близилось к восьми вечера. Я торопилась, проносясь мимо тянущих свои сумки и чемоданы людей. Третья платформа, четвертая... ускорила еще, давясь воздухом, опаздывая. Электричка стояла на перроне, готовая вот-вот тронуться в обратный путь.

Запыхавшуюся и чуть не падающую от перенапряжения, меня встретила пустая платформа, те немногие желающие, кто купил билет, уже заняли свои места.

Внутри меня ждал двойной ряд скамеек, покрытых поролоном и потертой искусственной кожей. Упав на свободное место, безжизненно откинулась назад. Двери скрипнули, закрываясь, поезд конвульсивно дернулся и начал набирать скорость. Немного отдышавшись, приоткрыла глаза и окинула взглядом почти пустой вагон. Мда, желающих отправиться в путешествие на ночь глядя да еще с такими удобствами, было немного, всего человек десять.

На соседней скамье сидела парочка, они, улыбаясь, держали друг друга за руки. Симпатичный молодой человек (это я отметила машинально) что-то нежно шептал ей на ушко, в ответ она чуть слышно посмеивалась. Неприятное чувство зависти заставило отвернуться и закрыть глаза. У меня все встречи заканчивались после одного-двух свиданий, за такое время глубокие чувства просто не успевали развиваться. Я с горечью вспомнила последнюю такую встречу перед самым сентябрем. Он полез целоваться, и я толкнула его, не ожидая такого, он приземлился прямо в грязную лужу и, обматерив меня, так больше и не позвонил. Мои действия были вызваны не страхом, мне просто не хотелось, чтобы он прикасался ко мне. Когда он ушел я стояла до тех пор, пока не начался дождь, всматриваясь в пустую улицу, с полным непониманием причины своего поведения и возникшей мысли о совершаемом предательстве. Предательство? Что за глупость у меня же нет парня.

Подрагивающее освещение чувствовалось даже сквозь закрытые веки. Вскоре равномерный стук колес укачал и я погрузилась в неглубокий сон. Разбудили меня громкие голоса. Сев ровнее, вытянула шею, стараясь рассмотреть, что происходит. Затекшие мышцы тут же напомнили о себе, тело отозвалось тупой болью.

В противоположном конце четверо молодых людей что-то громко доказывали, но вот кому?

— Да тебя просто пожалели, убогого! — донеслось до меня. Зло рассмеявшись, мужчина ткнул в кого-то пальцем. — По закону природы выживает сильнейший.

«Люди переступили закон природы, даря и спасая жизнь и слабым, и увечным, заботясь о них, страдая из-за них, усложняя себе жизнь, но по возможности не бросая, не поступая, как животные. Этим мы и отличаемся. Но насколько правильно мы поступаем? Ровно настолько, чтобы не чувствовать себя виноватыми, ведь именно мы, люди, виновны в их увечьях, в их неполноценности...», — эти слова обжигают сердце воспоминанием пронесли в голове, рождая в душе очередное смятение.

— Красотка, хочешь составить нам компанию? — один из них заметил мою одинокую фигуру, выпрямившуюся так не вовремя.

Захотелось вновь сползти ниже, но ребята, стоящие рядом с ним, уже оглянулись. Один из них сжимал в руке недопитую бутылку, да и в трезвости остальных стоило усомниться.

Я замотала головой, боясь подать голос, ведь в вагоне, к моему ужасу, кроме этой пьяной компании и меня, никого не оказалось.

— Да ладно, не ломайся! — и разговорчивый, слегка шатаясь, двинулся в моем направлении.

Заметавшись по лавке, я не знала, что делать. Электричка резко дернулась, замедляя ход. Молодого человека, успевшего преодолеть половину вагона, повело в сторону, и он упал в проход между лавками. Послышался трехэтажный мат. А я, схватив рюкзак, метнулась к выходу.

— Стой, сука! — взвыли, тяжело поднимаясь с пола.

Я оглянулась. Просто не смогла удержаться, да и оценить ситуацию не помешает, двери вагона все еще были закрыты. И тут я встретила с обреченными глазами человека, над которым издевалась четверка. Взгляд задержался на покалеченных ногах, он просто не мог убежать. Перед мысленным взором мелькнули глаза небесного цвета. Сердце забило быстрее, воспоминание глубоко ранило душу.

«Людам свойственна жалость, сочувствие и понимание того, что они ничем не хуже нас, и именно из-за этого они не решаются бросить калек: детей, сестер, родителей... Все люди таковы», — продолжил приятный голос в моей голове, но шипение открывающихся дверей вновь вырвало меня из грез, напоминая об опасности.

Я спрыгнула на перрон. В дверях показался один из обидчиков с гримасой вместо улыбки. Я в ужасе замерла и облегченно выдохнула, когда лязгнули двери и электричка устремилась вперед. В окнах вагона мелькнул еще один из банды, и даже показалось, что увидела того калеку. Что будет с объектом их нападков, думать не хотелось, ведь помочь ему было не в моих силах.

Так я и стояла в растерянности, провожая почти скрывшийся хвост электрички. Огляделась. Народу вышло немного, да и те уже спешили прочь от станции. И где я? Подошла к облупившейся табличке. Нет, название ни о чем мне не говорило. Судя по времени, до города оставалось ехать примерно час. Оглянулась назад, чуть в отдалении светились десятки маленьких окошек. Интересно, в этой глуши есть где переночевать?

Я настолько погрузилась в свои невеселые мысли, что не сразу заметила старушку, остановившуюся возле меня. Выцветший цветастый платок и серая вязаная кофта, рука, опирающаяся на деревянную трость, а проникновенный взгляд устремлен прямо на меня. Она выглядела бледным призраком на покинутой всеми пустующей станции.

— Чего такая растерянная? Не на той станции, что ли, вышла? — голос старушки оказался приятным.

От неожиданного ее обращения я вздрогнула.

– А? Уснула, – невпопад ответила я.

– Ну ясно. Со мной тоже такое случалось: задремлю и проезжаю мимо, только я предпочитаю ездить на обычной электричке, а то на скорой так уть... и за всю ночь не доберешься до дома. А когда еду на этой, со всеми остановками которая, так станция следующая близко, если что, я пешочком дохожу.

Я кивнула. Старушка продолжила неторопливое движение, не оборачиваясь, сказав:

– Так что столбом встала, уже темнеет, куда на ночь глядя пойдешь-то? Молодая девка одна под ночь. Идем! Место есть, переночуешь.

Я с радостью согласилась на предложение пожилой женщины. Под вечер начинало холодать, и неприятная прохлада уже оглаживала обнаженную шею, стремясь залезть под кофту. Сказывались и усталость, и эмоциональное переутомление, не говоря о том, что ела я сегодня всего один раз. В молчании мы прошли по пустым улочкам, свернули налево и вошли в скрипучую калитку.

Снаружи изба выглядела неухоженной и неказистой, но внутри дом потрясал своими размерами. Уже с порога я оценила чистоту и порядок. На первом этаже располагались три комнаты и кухня. В гостиной-кухне стоял диван, несколько кресел, книжный и кухонный шкаф, обеденный стол и маленький холодильник. Напротив входа огромная русская печь, занимающая значительную часть комнаты, и кухни, служившая своеобразной стеной. На полках, прибитых к побеленным стенам, расставлены разные сосуды, мерные стаканчики, шкатулки... На вбитых гвоздях висели пластмассовые весы и несколько картин с природой. Над дверью, как принято по поверью, — подкова на счастье.

Пожилая женщина оказалась приветливой и очень веселой хозяйкой.

– Не пугайся, если услышишь, что меня называют ведьмой, — она приятно улыбнулась своим словам. А я отметила, что у нее в молодости, должно быть, отбоя не было от ухажеров. — Я зла не творю, а только помогаю. Кого от болезни вылечу, кому травяной настой дам, несколько раз даже роды принимала.

Я подняла удивленный взгляд, посмотрев совсем по-другому на внезапную знакомую.

– Меня Ефросией зовут, можно просто Фрося.

– Лейла, – все еще стоя у порога, представилась я.

Старушка вздохнула:

– Ну и имена сейчас дают, кто во что горазд. Ты проходи, не стесняйся, сейчас есть будем.

Ефросия засуетилась возле холодильника, доставая и передвигая кастрюли и чашки. Заметив мое рвение, мягко остановила меня:

– Не стоит, отдохни с дороги, я быстро.

Сев на табурет стала наблюдать, как на столе появляются тарелки, блюда, кружки.

– Суп, правда, без мяса. Я вегетарианка, сама отказалась от мяса, осознав свою сущность. Знаешь, словно голос в голове предупредил, что для моих дел мертвая пища — только помеха.

Голос в голове, как же знакомо, усмехнулась я, к счастью, советов пока он не давал, но и без них тошно.

Стол потрясал своими размерами, мы вдвоем запросто терялись на двух его концах. Придвинувшись, поближе стала с аппетитом есть полезный и безумно вкусный суп (как же я все-таки проголодалась!), заедая кусочком хлеба.

– Спать будешь в дальней комнате, там потише.

Я кивала, не совсем понимая смысл ее переживаний. Тихо было везде, да так, что скрип половицы казался непростительно громким.

– Пей чай, полегчает, – добавила она загадочно.

Принюхавшись среди аромата трав я уловила нотки мяты, зверобоя и душицы, но распознать удалось далеко не все. Обмакнув и откусив сухарик, как раз поднесла кружку с ароматным чаем ко рту и дернула рукой от неожиданного стука в дверь, едва не пролив.

– А вот и пожаловали, – усмехнулась старушка, сразу помолодев, – каждый месяц приходят, – проходя мимо, хлопала меня по плечу, – посиделки у меня.

В дверь ввалились, смеясь и переговариваясь десять девушек, некоторые держали в руках пузатые пакеты.

– Да не нужно было, у меня все есть, – развеселилась старушка.

– Не возьмешь — обидимся, – заговорили они наперебой, смеясь.

Собрав все гостинцы, оставила их в прохладе возле порога. Я замерла, не зная, что делать и как стоит себя вести с такой компанией незнакомок.

– У тебя гости? — удивилась вошедшая первой на кухню.

– Да вот приютила на ночь. Вы ее не обижайте.

Напрочь забыв о чае и половине сухарика в другой руке, выжидающе ждала продолжения.

– Дуня, Софа, Верба, Глаша... – начали представляться девушки.

– Лейла, – закончила я поток имен.

– Ну вот и познакомились. Сперва по традиции попьем чаю и пойдем наверх.

Все стали рассаживаться, занимая свои места, а стол сразу начал наполняться жизнью. Старушка сидела молча, слушая истории, которыми без устали сыпали гости. Глаза из-под опущенных век смотрели молодо и задорно, то и дело возникала загадочная улыбка.

После по старой деревянной лестнице мы все дружно поднялись наверх. На втором этаже располагался стол со стульями возле самой стены, остальное пространство пустовало. Я огляделась, не понимая, для чего мы сюда пришли.

– Будут гадания, песни, танцы. Если утомишься, иди спать, — вновь пояснила Ефросия отчего-то шепотом, наклонившись ко мне.

Все вновь расселись, и я с интересом стала наблюдать за предсказанием судеб. Ефросия то брала карты, то принималась гладить и разглядывать руки, затем достала банку с пуговицами, которые несколько девушек высыпали на стол, далее в ход пошли какие-то мелкие серые предметы.

– А можно мне погадать на желание?

– А мне на будущее.

– А мне вчера снился сон, скажите, что он значит.

Девушкам не терпелось поведать о своих чувствах и опасениях, а также узнать и расспросить о ближайшем будущем.

– Тебе-то погадать? — предложила Ефросия, когда все желания и любопытства были удовлетворены, а большинство расположились в центре комнаты, затянув не знакомую мне песню.

– Нет спасибо, – мысленно моля, чтобы уговоров не последовало, ну не верю я во все это, а обижать подобными словами не хочу.

Вновь перевела взгляд на собравшихся. Кто бы мог подумать, что еще остались деревни с подобным укладом жизни. Я пересела поближе, уходить еще не хотелось, но сознание

медленно начинало погружаться в дремоту. С интересом наклонилась над серыми палочками, с помощью которых гадали, и отдернула протянутую было руку: на столе лежали маленькие косточки.

— Не бери в голову, — их тут же сгребли в холщовый мешочек. — Иди-ка спать, вон глаза слипаются. Давай провожу.

И хозяйка не спеша направилась в сторону лестницы. Шум сверху слабым эхом ощущался и внизу. Я вздохнула с облегчением, надо же, а ведь и вправду чувствовала себя среди них неуютно. Оглядевшись, не сразу поняла, куда делась старушка. Слабый свет привел на кухню, заглянув туда, заморгала на чудесную картину: Ефросия сидит на стуле и с интересом разглядывает кружку с остатками чаинок. Мою кружку!

— Садись, кое-что все же скажу, что не веришь, и так вижу. Но это тебе решать, — она нахмурилась, прибавив себе морщинок. — У тебя впереди дорога и нелегкий выбор.

Я скептически посмотрела на нее и едва удержалась, чтобы не хмыкнуть. Ну, сейчас начнутся общие, ничего не значащие фразы о том, что может произойти с любым человеком. Пальцем в небо. Мои действия не укрылись от ее неожиданно ставшим цепким взгляда.

— Рыжую девушку можешь не опасаться, она не причинит вреда, — и испытующе, словно ожидая моей реакции, посмотрела на меня. А мое лицо и вправду изменилось после ее слов. — А вот мужчину стоит поостеречься, от него исходит негативная энергия и тебе рядом с ним оказываться не стоит. Однако судьба может столкнуть вас и очень скоро, — она еще больше нахмурилась, прикрыв глаза. — Странно, его лица я не вижу. Его будто скрывает само время, — Ефросия посмотрела прямо на меня, но взгляд глядел мимо, став потусторонним и совсем чужим.

Не на шутку испугавшись, я вскочила со стула, готовая бежать вон.

— Стой глупая! — воскликнула она, приходя в себя, и уже спокойнее добавила: — Не хотела тебя напугать, но я так вижу.

— В пустой чашке? — голос дрогнул, сорвавшись на писк.

— Чашка с остатками чая — всего лишь проводник, главное, кто ее держал в руках.

Я заморгала, совершенно сбитая с толку ее словами. Ну не понимаю я в этом ничего.

— Иди спать. Я сказала все, что должна была.

Едва слышные мелодичные голоса тянули песню. Сон не шел. Еще бы, после таких-то слов! И кто тот мужчина: доктор или тот таинственный якобы вампир из моей головы? От этой мысли уголок рта сам собой дернулся, ну вот, сейчас напридумываю себе небылиц. Это или доктор, или какой-то придурок, третьего не дано. А вампир из прошлого... Боже, да меня впору в психушку положить за такие мысли.

Потом размышления вновь вернулись к рыжеволосой девушке. Только сейчас с удивлением отметила, что головная боль отступила, а когда это случилось, и не заметила. Чуть не подскочила, вспомнив, что не сообщила о задержке домой. Быстро напечатав смс, стала ждать подтверждения о получении, но его не последовало ни через минуту, ни через пять. Тогда набрала папин номер, оказавшийся недоступным. Вот дела, в первый раз он задержался в командировке, надеюсь, ничего не случилось. Прислушалась к себе, но чувство тревоги молчало. Прикрыла глаза, в очередной раз стараясь уснуть.

Мне чудилась девушка. Она вела, даже скорее несла меня сквозь орущую и дергающуюся толпу к выходу, ее рыжие пряди то и дело мелькали перед моим замутненным взглядом... улица, по обеим сторонам огороженная старыми домами, таких я нигде не встречала, не могла просто встретить... Ночь, ярко освещенный зал, полный народа, веселье,

смех и эта предательская дрожь в ногах из-за протянутой мне руки, приглашающей на танец.

Проснулась я от настойчивого гортанного пения петуха. За окном забрезжил рассвет, и деревенская живность давно приступила к своим повседневным делам. В доме стояла тишина, только со стороны кухни раздавался легкий скрип половиц. Встав и одевшись, быстро заглянула в туалет с маленькой раковиной и поспешила на звук.

– Как спалось? — это первое, что спросили у меня.

– Хорошо, спасибо, — зевая, ответила я.

– Садись поешь. Интернет то работает? — и, получив отрицательный ответ, протянула маленькую книжечку с расписанием электричек и поездов, видимо, принесенную заранее.

Чтобы успеть на поезд, останавливающийся в этой, как оказалось, совсем не маленькой деревне, стоило поторопиться. А вот ближайшая электричка прибудет через два часа. Подумав и правильно оценив ситуацию, — на занятия в институте я и так опоздала — решила не спешить.

Эмоции от пережитого вчера немного улеглись, подарив более трезвый взгляд на ситуацию. Я посмотрела на пожилую женщину, бодро перетаскивающую по два яйца на каждую тарелку, и мне почудилось, лишь на мгновение, что все сказанное ей просто приснилось.

– Ну вот и славно, — она развернулась и положила на край стола небольшой тканевый мешочек. — Пока не забыла. Просто так не принимай, только при сильной усталости или бессоннице.

Я протянула руку и ощутила через ткань колкие веточки и сухие листья, потревоженный мешочек разнес по кухне аромат вчерашнего чая.

– Не сон, девочка, не сон, — усмехнулась она, глядя на мое перекошенное догадкой лицо. — Травы помогут, но злоупотреблять не советую.

После разговора завтрак потерял всякий вкус. Отчего-то мне казалось, что старушке известно куда больше сказанного. Спросить напрямую я не смела, меня откровенно пугала сложившаяся ситуация и нервировала эта молчаливая тайна.

Выйти решила пораньше, оставаться наедине с всевидящей и молчащей о главном хозяйкой не хотелось.

– Ох и дров ты еще наломаешь, — грустно усмехнулась старушка. — Ну, с Богом, — напутствовала меня Ефросинья. — Скоро все сама узнаешь.

С этими словами она закрыла дверь перед самым моим носом. Я отшатнулась, пораженная последней фразой, и заторопилась выйти на дорогу, а там почти бегом бросилась к станции.

Комната была погружена в сумерки, только слабый свет иногда проникал из-за бесконечно сменяющихся друг друга туч.

Я сидела молча, стараясь не влезать в разговор, вообще оказалась случайным свидетелем их диалога.

— Твой супруг вчера переглядывался с Даной и даже покидал бал, — проронила наблюдательная гостья, которую все называли «Ландыш», игнорируя ее настоящее имя. Ей недавно исполнилось двадцать семь лет, и она вновь собиралась замуж после года вдовствования. Она снова передернула своими плечиками, словно замерзла, теребя кулон с большим камнем, лежавший на округлой груди. В ее фигуре вообще отсутствовали углы: круглое лицо, внушительная грудь, привлекающие внимания бедра, хотя они скорее угадывались из-за моды этого времени.

Раньше Ландыш и моя старшая сестра были неразлучны, но после свадьбы первой их дружба дала трещину и они стали видеться гораздо реже.

— Прекрати, — попросила моя сестра Изабелла. — Я знаю, что он очень красивый и на него заглядываются многие женщины, но он меня любит! Любит! И не стал бы порочить наш брак.

— Из-за любви? Глупости. — Отмахнулась Ландыш. — И вообще, для мужчины любовь — это скорее нечто мистическое.

— Не хочу слушать пустые сплетни, — упрямо повторила Изабелла. — Ты преувеличиваешь, а в тот раз Дана потянула ногу и попросила проводить ее до экипажа. Он мне сам все рассказал, не дожидаясь сплетен.

Ландыш усмехнулась:

— М-м-м, выходит целых два раза, — подытожила она. — Я не заметила, как они вместе выходили в парадную дверь. Зато я прекрасно видела, что он проследовал после нее в сад. Твой супруг отсутствовал довольно долго. Ты же тоже выходила на балкон в тот вечер, случайно не видела чего-нибудь странного?

Эти слова оказались обращены ко мне. Я поежилась от воспоминаний и перспективы ответить как минимум полуправду.

Та девушка, лежащая на траве... Дана, так ее назвал черноглазый незнакомец. Очнувшись, я поймала на себе пристальный и изучающий взгляд Ландыша.

— Нет, ничего такого не заметила. Да я и не отходила далеко от балкона, — соврала я. — Изабелла, а почему я тебя не встретила тогда на балу?

Сестра просияла, но, похоже, моему ответу поверили не все:

— Супруг ждал важное письмо, даже хотел не ехать, предполагая, что его должны привезти именно в тот вечер. Но я настояла, чтобы он ехал на прием, а сама согласилась остаться дома.

— Ты просто ангел во плоти. Сама даешь зеленый свет для измены.

Сестра нахмурилась, нервно дернув ногой.

— На балу присутствовало много влиятельных людей, с которыми он давно мечтал познакомиться. Я не могла видеть, как он разрывается между двумя желаниями.

— Не зря хоть заперла себя в четырех стенах?

— Я ни о чем не жалею. Тем более дома накопились неотложные дела.

Ландыш рассмеялась, поражаясь наивности бывшей подруги, закрыв пухленькими ручками лицо.

Да как ему удастся скрывать свою сущность? Одно актерского мастерства явно недостаточно, должно быть что-то еще. И от возникших мыслей мне стало дурно. Вдруг они вообще не люди, тогда кто знает, какими скрытыми способностями обладают.

Раздался голос матери, просивший, чтобы «Ландыш» спустилась вниз. Мы остались вдвоем.

— У тебя, что из-за любви к этому чудовищу здравомыслие отключилось? — не удержала я вырвавшиеся сами собой слова.

— Прекрати! И ты туда же! — Изабелла нервно усмехнулась. — Я не желаю это слушать. Мы с ним составляем единое целое. Точка, — с этими словами она подскочила с дивана и, звонко стуча каблучками, вышла из комнаты.

Чего так нервничать? Я всего лишь хочу помочь и снова натыкаюсь на запертую дверь, притом не замечая этого, продолжаю в нее стучать, сдирая кожу.

— Как будто ей промыли мозги. Неужели он и это умеет делать? — озадаченно взъерошила волосы, испортив несложную прическу.

За окном лил дождь. Погода так себе, тем более для поездки к не любившейся с первого взгляда тетке. Я сидела на кровати, в последний раз оглядывая свою комнату. На коленях лежала самодельная тетрадь с нарисованной мною на обложке галактикой Андромеда: нежные сиренево-розовые цвета с ярким центром и множество небольших мерцающих точек на почти черном фоне. Я как-то увидела изображение этой галактики и сразу влюбилась в него: дома, в мое время, у меня тоже есть несколько подобных зарисовок. О ней я помню немного, только что в состав Галактики Андромеды входит около триллиона звёзд и на ночном небе ее можно увидеть невооружённым глазом. Крайне скудная информация, я все откладывала более подробное изучение, а сейчас и не знаю, удастся ли прочитать.

Я открыла тетрадь и сделала очередную запись:

«Подходят к концу дни пребывания в этом городе, прощайте, балы и развеивающие грусть беседы с сестрами. В принципе, время, проведенное в этой семье, действительно прошло неплохо. Хозяйка занятого мной места так и не объявилась, поэтому сейчас я вынуждена отправиться вместо нее в деревню за много миль отсюда. Конечно, опасения чересчур наблюдательного Эдгара вполне понятны. И так я не совсем «вменяема», так еще родители увидели, как я общаюсь с Алексом. Было крайне глупо так попасться. Ну и скандал был. По их словам, я не имею права разговаривать с незнакомыми мужчинами, находясь с ними нанаедине. Мне что, бежать от них, если заговорят? А благодаря своим безнадежным поискам попалась, оказавшись в еще более осложненное положение и под неусыпный надзор. За мной, словно тень, всюду следовала прислуга в эти дни.

Ну вот и все. Уже зовут вниз, экипаж готов, и пора в путь».

Временами более-менее хорошая дорога переходила в звенящую тряску, меня подкидывало на жестком сиденье, швыряло из стороны в сторону, и в конце дня единственным желанием было, чтобы поездка скорее подошла к завершению.

Я старалась перенести свое нездоровое состояние на чужие плечи и злилась на Эдгара, специально заказавшего мне неудобный для долгих переездов транспорт. «В наказание», так он заявил мне, захлопывая дверцу.

В первый день пути я только пару раз выглянула за трепыхающуюся на ветру шторку. За ней тянулись бесконечные поля, позже сменившиеся редкими деревьями вдоль дороги. Мы объезжали ближайший город по самой его окраине. Я была раздражена до предела такой несправедливостью, а ведь мечтала увидеть его вблизи, рассмотреть подробнее, не исключая возможный побег, если не удастся ничего решить со свадьбой.

Дорога заняла целые сутки.

Сопровождающие меня кучер и мужчина, ехавший верхом, оплатили ночлег в недорогом постоялом дворе на окраине. Маленькая неухоженная комната вмещала непрезентабельного вида кровать и шкаф. Брезгливо осмотрела ее, но за неимением иных вариантов пришлось располагаться на этом недоразумении с серым бельем.

Следующий день прошел как в тумане. Разбитая из-за вчерашней ухабистой дороги, не выспавшаяся и без всякого настроения, не сдержавшись, рывкнула на так не вовремя подвернувшегося слугу. После чего несколько часов стыдливо не показывалась из своего убогого транспорта.

К обеду невыносимо разболелась голова: не выдержав, я высунулась наружу, собираясь

требовать немедленной остановки.

— Мы скоро прибудем, — не дожидаясь, пока я открою рот, пояснил слуга и, указав вперед рукой, добавил: — за этим холмом начинаются первые дома.

С облегчением вздохнув, собрала последние крупницы терпения. Радость была недолгой, к казавшимся недалекими домам пришлось тащиться целых три часа по извилистой и словно специально петляющей по кругу дороге.

Очередной раз нервно отдернув шторку, обнаружила вдоль дороги прячущиеся за зеленью живых заборов красивые и не очень дома. Скользнула любопытным взглядом по неспешно прогуливающимся немногочисленным людям, благодарная тому, что где бы мы сейчас ни оказались, это не походило на убогую, почти заброшенную местность, про которую упоминал Эдгар. Не удивлюсь, если здесь он не был о-очень давно.

Экипаж свернул и остановился рядом с домом из серого камня. Глупая радость захлестнула меня, наполняя внутри теплом, а шагнув на иссушенную землю, я едва не потеряла равновесие, растревоженный организм оказался совсем не готов к резкой смене положения тела.

— Добрый вечер, дорогая. Подожди меня, в дом войдем вместе! — донесся скрипучий голос слева.

Напускной суровый вид делал лицо Люсии намного старше. Огладив однотонное платье, она раздала приказы слугам, тут же кинувшимся исполнять поручения.

— Добрый вечер, — выдавила я, слова приветствия никак не хотели срывать с губ. Вид этой старухи отталкивал, а на произнесенную приторным голосом речь хотелось ответить аналогично.

— Что ты там шепчешь? — гаркнула она. — Иди сюда!

— Глухая, что ли? — спросила я саму себя.

За неделю, что мы не виделись, внешность тети стала еще более отталкивающей. Остановившись рядом с ней, разглядела глубокие морщины, вздутые мешки под глазами, цвет которых был карим, как и у ее брата. Неудивительно, что с таким характером и внешними данными она не вышла замуж.

— Что, не нравлюсь?

Только сейчас я поняла, что и она все это время разглядывала меня.

Смущенно перевела взгляд на суетящихся слуг. Врать не хотелось, а говорить правду... да она и так все прочитала по моему лицу.

— Сама только с дороги, час назад приехала от подруги. Так что не удивляйся, если в доме будет немного не прибрано, — я непонимающе заморгала, она что, всех слуг забирала с собой? — Эдгар расписал сложившуюся ситуацию, — она криво усмехнулась. — Не устраивает жених, значит?

Вновь удалось промолчать, подавив рвавшуюся реплику: «не ваше дело». Обида и злость вновь забурлили внутри, подмывая и без того шаткое терпение. С этой женщиной стоило вести себя сдержанно, если, конечно, не хочу превратить свою жизнь в ад.

Словно специально мы простояли на улице до самых сумерек. Экипажи разъехались, слуги поспешили скрыться от сурового взгляда хозяйки. Последние минут пятнадцать она просто стояла молча, делая вид, что наслаждается чудесным вечером, я же валилась от усталости, голода и желания отдохнуть.

— Пошли в дом, завтра начнем готовить тебя к замужней жизни.

Я чуть не споткнулась от такой завидной перспективы. Что бы это могло значить?

Спрашивать не стала, находиться в обществе этой злюки больше, чем надо, выше моих сил.

И все же на прощание уточнила:

— Как мне к вам обращаться?

— Мадам Люсия.

Кивнув, я поспешила за слугой.

— Фрукты и воду вы можете взять на кухне, — пояснил слуга, кланяясь.

И это вся еда почти за целый день? Я недоуменно замерла, взявшись за дверную ручку. Оказавшись внутри и облокотившись на дверь, я закрыла глаза, стараясь разработать стратегию дальнейшего поведения. В том, что Эдгар настроил эту старую перечницу против меня, не стоило и сомневаться. Самое главное — усыпить ее бдительность и суметь найти способ вернуться домой.

— М-да, будет непросто, — вздохнула я, открывая глаза.

Возле окна стоял Алекс, я запоздало вздрогнула, все это время не подозревая о чужом присутствии.

— Что ты здесь делаешь? — выдохнула я чуть едва слышно.

Алекс темной тенью расположился в кресле и внимательно разглядывал меня.

— Удивлена? — его голос еле шелестел.

Я кивнула вместо ответа, от нахлынувших эмоций забыв о приличиях. Он чуть улыбнулся, довольный произведенным эффектом.

— Так что ты здесь делаешь? — повторила я, так и не получив ответ. — Как ты тут оказался?

— Решил заглянуть в гости к соседям, у меня здесь недалеко поместье, — и, не получив никакой ответной реакции, сделал вид, будто собирается вставать. — Если хочешь, я могу уйти!

— Нет-нет. Я рада тебя видеть, просто это так... неожиданно.

Он снова улыбнулся:

— Так за что тебя отправили в ссылку? Ты не успела этого сказать на прошлой встрече. Да! Поздравляю со скорой свадьбой.

— Да пошел ты! — огрызнулась я.

— Ты бунтуешь? Ты из-за этого здесь?

— Причин много. Удивлена, что вообще не сослали в глухомань, — я вздохнула, сев на край кровати, прилившие на адреналине силы начали покидать меня. — В прошлую нашу встречу нас видели, и мой якобы отец нафантазировал лишнего.

— Почему «якобы отец»? Потому что ты якобы из будущего?

— И это тоже. Случайно выяснила, что дочь Миноры, то есть я, не являюсь родной Эдгару. Подслушала их разговор, когда они ругались по поводу предстоящей свадьбы.

— Как жестоко, — он немного помолчал и тут же весело рассмеялся, — никто не знает, что у меня здесь есть владения, они ведь записаны на чужое имя. Хотя сомневаюсь, что тебя отпустят прогуляться вечером.

— Но как... Получается, ты знал заранее, куда меня отправят?

Алекс улыбнулся, не проронив ни слова.

— Да, похоже, меня никуда не выпустят до самой свадьбы, — подтвердила я. — Удивлюсь, если эта старая карга всю душу из меня не вытрясет, — и встрепенулась дельной мысли. — Но ты ведь можешь придти? Мне просто необходимо найти того человека, из-за которого я попала сюда!

— Боюсь, что нет. Ваша тетя очень религиозна и верит в вампиров. Поэтому освящает дом, окна, двери... запечатывает. Тетка отсутствовала три месяца, уезжая навестить родственников и подлечиться. Прислуга ненавидит свою госпожу и проигнорировала приказ освящать дом, поэтому сегодня я смог прийти, но уже завтра прибудет священник и в ближайший месяц мне станет неприятно находиться здесь. Извини.

— Неужели легенды о вас правдивы? — не удержалась я от реплики.

— Легенды всегда имеют под собой основание. Другое дело, что со временем их искажают до неузнаваемости.

На некоторое время в комнате наступила тишина, шелестел ветер, за открытым окном шуршали листья.

— Где ты живешь?

Он словно ждал этот вопрос:

— Через лесок. Дом отсюда не видно, — с этими словами он встал и пошел к окну, — тебе не выйти незаметно, везде глаза и уши, — он остановился возле окна, открыв его шире. — Но если удастся, буду рад видеть тебя в нашем доме.

— Ладно, теперь уматывай, я хочу спать, — спохватившись, добавила: — Постой, а у кого это «у вас»?

Но ответить на мой запоздалый вопрос уже оказалось некому.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь и несколько безрезультатных попыток попасть в комнату, с трудом разлепив глаза, спросила:

— Кто?

— Госпожа приглашает вас к завтраку, — и, сделав паузу, добавили: — Я могу войти, чтобы помочь с одеждой?

Ну вот, похоже, отоспаться после тяжелой поездки мне никто не позволит. Нехотя выползая из-под одеяла, открыла дверь, провернув ключ. За ней, склонив голову, стояла молодая девушка в серой одежде прислуги. В руках она держала одно из моих платьев, самое нелюбимое, светло-бежевое.

Наученная прошлым, от помощи отказываться не стала, а вот волосы, не слушая восклицаний служанки, предпочла завязать в слегка растрепанный с виду хвост. После чего неспеша проследовала вниз. Не успела войти в столовую, тут же донеслось неодобрительное хмыканье.

— Девушка должна быть опрятна и выглядеть подобающе своему положению. В твоём гардеробе заметила мало хороших платьев, это почти единственное. И что за недоразумение ты сделала с волосами?

Она еще и в вещах посмела рыться? А в этом платье я кажусь бледнее поганки! Утро окончательно перешло в разряд недобрых.

— Вы хотите, чтобы я одевалась, подобно вам, так же безвкусно? — ну вот, хотела же вести себя паинькой.

— Дерзишь?! — взвывла Люсия и ударила морщинистой рукой по столу. — Я не мой братец, станешь вести себя подобным образом, просидишь запертой в своей комнате до самой свадьбы. И поверь, занятий со мной избежать все равно не получится.

Мимо подобно суетливым мышам прошмыгнули двое слуг с подносами. Расставив чашки и открыв крышки, они замерли в ожидании новых распоряжений. По комнате поплыл

восхитительный аромат еды.

— Садись. Позже обсудим распорядок дня, — и тут же уткнулась в уже наполненную тарелку.

Я протянула руку за третьим куском хлеба, как пальцы обожгло болью. Вскрикнув, отдернула ее, подняв взгляд на розги, которые держала улыбающаяся Люсия, и поймала слегка прищуренный взгляд моей надзирательницы.

— Кхм-кхм. С этого дня не стоит злоупотреблять хлебом и сладостями. Я узнала, что у Генри Барретта слегка своеобразный вкус, он любит стройных, даже тощих девушек.

Услышанная новость не обрадовала. Выходило, что мой внешний вид полностью устраивает старикашку. Не обращая никакого внимания на мой ошалелый взгляд, Люсия подошла, остановившись за моей спиной. Я дернулась, пальцы тетушки сильно впились в плечи, причиняя существенную боль.

— Меня не будет полдня, — как ни в чем ни бывало продолжила Люсия. — Через час придет священник Грегори. Он освятит все помещения. Прошу не приставать к служителю церкви с расспросами, — и она сурово посмотрела на меня, продолжив: — После обеда я приеду и поясню, что тебя ждет и как ты станешь жить до свадьбы, — и, отцепившись от меня, добавила: — На улицу не выходи, кроме своей комнаты, можешь посещать гостиную и кухню. Перемещения в другие места под запретом. И одернув подол платья, прошла в сторону дверей.

Продолжая поглаживать ноющую руку, вышла из шокового состояния и, доев, поднялась в свою комнату. Оставшись наедине с самой собой, бесцельно уставилась в окно. Вдалеке небо начинало темнеть и затягиваться тучами, ветер порывами раскидывал в стороны ветви деревьев. Я никак не могла избавиться от дурного предчувствия, казалось, витающего в комнате и пытающегося прокрасться в самые потаенные части души. Небо неожиданно озарила яркая вспышка, последовал далекий раскат грома и зеленые листья прогнулись под первыми крупными дождевыми каплями. Я зажмурилась от неожиданно нахлынувшей тоски по дому.

Обед прошел в полном одиночестве и раздумьях. Слуга уже убирал со стола, когда в доме зазвучали новые поручения и приказы.

— Девочка моя, — ее лицо озарила приторная улыбка, к сожалению, не красящая женщину. Люсия прибывала в отличном расположении духа. — Сейчас переоденусь, дождись меня здесь.

Я скривилась, а ведь совсем недавно еще надеялась, что дождь задержит ее до самого вечера, желая оттянуть во всех отношениях неприятный для меня разговор.

— Бокал вина и сладости, — распорядилась она, занимая стул, стоящий напротив меня. — Итак, начнем, — вновь противно улыбнувшись, окинула меня взглядом. — Во-первых, в ближайшее время мы вычистим твой гардероб и выкинем все эти, — Люсия повертела желтоватым пальцем в моем направлении, — детские платья. Пора уже привыкать носить одежду, более подобающую замужней женщине.

— И какую же? — вот честно, не поняла, чем они не пришлись ей по душе.

— Ты одеваешься слишком легкомысленно, поищем более закрытые и строгие наряды. Кроме того, мне выпала честь собрать тебя к первой брачной ночи, — после этих слов она ехидно улыбнулась, неужели думала, что начну выпрашивать подробности?

Я потупила взор, стараясь скрыть смешинки в глазах. Внесли вино со сладостями и, налив почти бордовый напиток в бокал, удалились.

— Будешь? — она покрутила хрустальный бокал в руке, так что несколько капель улетели на пол.

— Нет, спасибо.

— Правильно, я тоже не поощряю, когда молодежь пьет.

Это она мне еще проверки устраивать будет? Я поставила локти на стол.

— Во-вторых, займемся твоим обучением: правила поведения в обществе, с мужем и за столом, — и метнула в меня такой недобрый взгляд, что я невольно откинулась на спинку стула, желая оказаться подальше, — этикет, домашние обязанности, правила приема гостей, дети...

— Дети? И сколько их у вас?

Старуха сжала зубы и с ненавистью посмотрела на меня.

— Как видишь, ни одного, — мое замечание ее точно задело, — но моего жизненного опыта хватит, чтобы донести тебе азы, — после этого она сделала большой глоток вина, и расторопный слуга тут же наполнил его снова. — Танцы... пожалуй в это я лезть не стану. Терпеть их не могу, пустая трата времени, — фыркнула старуха, в глазах то и дело проскальзывал такой же блеск, как и в бокале. — С завтрашнего дня начнем обучение.

И, отвернувшись в другую сторону, дала понять, что разговор окончен.

Первым делом скинула с себя платье и расшнуровала спереди корсет. Его я заприметила в магазине недели три назад, и без преувеличений это оказалось лучшее вложение денег. Будь шнуровка сзади, мне стоило бы огромных усилий снять корсет, а чтобы самой надеть... это вряд ли.

После возвращения тревожные мысли помешали выспаться. Проворочавшись полночи, окончательно проснулась, когда на небе еще не потухли звезды. Встав, я начала ходить из стороны в сторону, ругая себя за несобранность. Ну вот как так-то? Такой выпал шанс без риска попасть к Алексу и попросить о помощи, а я, растерявшись, не только ничего не сказала, но и забыла вырезку из газеты?

А ведь сбора сонных трав осталось только на пару дней. Если идти за ними в магазин самой, вызову подозрение. Вся надежда на Мину, больше довериться некому.

Ранним утром Мина, как всегда, робко постучалась и, получив разрешение, вошла.

— Вы уже не спите?

— Мне нужна твоя помощь.

— Разумеется, самой одеваться проблематично, — и, положив аккуратно новое платье аля «бабушка», выжидающе посмотрела на меня.

— Не в этом. Хочу тебя просить купить мне немного трав, — Мина замахала на меня руками. — Прошу тебя, не отказывай! Я все узнала. Ты зайдешь в магазин «Звериные тропы», скажешь, что от Аниты из соседних краев, и отдашь список требуемых трав.

— Я не смогу. Это же почти преступление!

— Обычные травы, не яды. Никакого вреда никому я не причиню.

— Зачем?

Понимая, что меня просто не слышат, пришла в отчаяние.

— Затем, что я не хочу замуж за старика, не хочу допустить мысль, что это возможно, и ищу любые выходы из ситуации, — все сказанное вылилось на одном дыхании, и к концу предложения на глаза выступили слезы. Хотя я и не планировала и не хотела показаться настолько слабой кому-либо.

Я видела ее сомнения и метания, но, чтобы переступить последний рубеж, требовались

еще доводы. И я решилась на них, решилась на обман девушки. Спасибо ее родителям, сумевшим вырастить настолько ее чуткой к чужим бедам.

— У меня есть любимый, но он не так богат, как хочет отец. Мне необходимо улучшить момент, чтобы встретиться с ним, обсудить подробности плана побега. Иного выхода нет. Просто больше не знаю, что делать.

Опустившись на пол, я закрыла лицо руками, не желая мириться с потерей последней ускользающей нити, дарующей возможное спасение. И глубоко вздохнула, когда Мина обняла меня, проводя рукой по спине, успокаивая.

— Я попытаюсь, но денег у меня почти нет.

Всхлипнув, вымолвила:

— Деньги — моя забота.

Легко сказать и пообещать, а выполнять обещания сложнее в разы, ведь своих денег у меня не было. Сидя за завтраком, обдумывала план действий. Было, как всегда, одно «но» риск и опасность оказаться застуканной на месте преступления. Даже рассматривала вариант проникновения в покои Люсии или Грега.

Утро прошло как на иголках, но к обеду судьба смилостивилась, поменяв планы. Люсия влетела в гостиную подобно урагану.

— Дорогая, я взяла на себя смелость и купила тебе еще одно великолепное платье, украшения и прочую мелочь. Не волнуйся, все любезно оплатил милый братец. И теперь ты полностью готова к началу семейной жизни, — и, словно не замечая моего ступора, закончила: — Покупки занесут в твою комнату. Вижу, как тебе не терпится все рассмотреть и примерить, так что занятия на сегодня отменяются. Грег, проследи...

Ее дальнейшие слова потонули в водовороте мыслей, мир сузился до небольшой сумочки, украшенной камнями, забытой Люсией на стуле.

Как в тумане приблизилась и, затаив дыхание, открыла, запустив руку. Девушки этого времени также не отличались порядком, и в крохотном пространстве лежали расческа, несколько баночек и тюбиков, стеклянный флакон, веер, плоская коробочка с сигаретами и вожаденные деньги в тканевом кошельке. Непослушными руками с трудом открыла кошель и подняла голову. Сердце ухнуло вниз и пропустило пару ударов, пока затуманенный взгляд не осознал, что в дверях замерла не менее испуганная Мина.

— Что вы...?

— Тише, — шикнула я, приходя в себя и закрывая сумочку.

Поспешила как раз вовремя, из коридора послышалось цоканье каблучков. Быстро отойдя от места преступления, я замерла, стараясь придать лицу беззаботный вид, смотря прямо на вошедшую. И тут же спрятала трясущиеся руки с зажатыми деньгами за спину. Исключать ее жизненный опыт также не стоит.

«Если она заметит мое затравленное состояние, то догадается», — подумала я, подавляя паническую атаку, завладевающую мной.

И, воспользовавшись заминкой в поиске сумки, спешно покинула место преступления.

Уже следующим вечером Мина делилась своими полуобморочными впечатлениями от вынужденной вылазки.

— И больше не просите, повторять это выше моих сил. Вы не представляете, как на меня смотрел устрашающего вида продавец, когда я, позабыв нужные слова, перебирала их. А тело сотрясал такой мандраж, словно меня били плетью, — она нервно усмехнулась. —

Удивлена, как он вообще выделил нужные слова среди моего несвязного лепета, а не выставил за дверь.

Она протянула мешочек, наполненный сухими травами, каждый вид был завернут в отдельный кусочек ткани.

— Спасибо, — моему счастью не было предела.

— Предупредили, что их нужно как можно скорее разделить, чтобы не перемешивались аромат и свойства, — и дернулась, опустив руку в совершенно незаметный в складках платья карман. — Чуть не забыла. Еще мне вручили вот этот пузырек — сильное снотворное, но его необходимо употребить не позднее, чем через три дня. Сообщили, что он будет совсем незаметен в чае. Вы не сердитесь, что я самовольно взяла его?

— Конечно, нет. Ты умница.

Мина довольной птичкой выпорхнула из комнаты.

Такого прилива сил и надежды в лучшее давно не испытывала. Вчера высыпала из запасов последние крупички ароматного чая, а так не хотелось пропускать сегодня день и снижать накопительный эффект. А этот пузырек — просто послание богов. Открыв его, принялась, выцепив несколько знакомых ароматов: мята, зверобой и фоном какие-то непонятные сладковатые нотки.

«Надеюсь, не яд», — промелькнула издевательская мысль, и я отложила склянку, не решившись пока использовать.

Осталось заварить напиток и подать его тетушке.

Когда сумерки начали соединять небо и землю, я была в нетерпении. Спрятав вырезку из газеты и вновь приготовив дорожный мешочек, тенью выскользнула за дверь. И уже более-менее знакомым путем покинула дом.

Духота снаружи обволакивала, заставляя дышать чаще и глубже. От нехватки воздуха кружилась голова.

Подняла взгляд к небу с бесчисленно мигающими звездами и полной, до безумия яркой луной. Странно, у нас похожая погода предвещает сильные ливни. Неужели будет дождь? И тут же отмела зародившуюся мысль, ведь на небе не было ни облачка.

В этот раз путь не казался столь пугающим, но несколько раз я трусливо пряталась за деревьями, борясь с собственными страхами перед темнотой леса.

Постучав в дверь, с изумлением уставилась на открывшего ее Энджила.

— Слуг опять нет? — я настолько удивилась его появлению, что даже не поздоровалась.

— Привыкла чувствовать себя королевой? — усмехнулся он, и, не дожидаясь моего ответа, поехал прочь.

В гостиной оказалось пусто, Энджил больше не заговаривал, иногда поглядывая в мою сторону, не пытаясь скрыть заинтересованность.

— Где Алекс? — и за что мне это молчаливое общество? Внутри начинала закипать злость. Так и не дождавшись ответа, бросила: — Что не так?

— Все вы думаете одинаково, жалея меня. Это бесит.

— Да, мне жаль тебя, но не из-за физической травмы, а душевной. Ты так сильно ополчился на мир, что не замечаешь и крупички иных эмоций, ты их просто не желаешь видеть! — и, переведя дыхание, добавила. — Разберись в себе, прежде чем кидаться на других.

Его глаза расширились от удивления и моей наглости, он многозначительно хмыкнул,

тут же отвернувшись. Со стороны лестницы послышались быстрые шаги и веселый голос:

— Ругаетесь? И на минуту вас нельзя оставить одних.

Алекс лично принес с кухни чай, разлив его по трем чашкам, и поставил вазочку с печеньем и конфетами. Пока он отсутствовал, в помещении царило напряженное молчание.

— Угощайся, — и придвинул ко мне вазу со сладостями.

Печенья и конфеты уже два дня находились под строжайшим запретом. Не задумываясь, взяла пригоршню фигурного печенья, одно за другим быстро поглощая их. Следом пришел черед разноцветных конфет. Тут же слишком насыщенная сладость наполнила рот. Второпях сделав несколько глотков чая, отодвинула вазочку, представляя, насколько дико мои действия выглядели со стороны.

— Мне не съесть столько, — усмехнулась я своей глупости, пояснив, — чтобы стать толстой и некрасивой и напугать жениха.

Прикрыла пылающее лицо руками, понимая, что оба мужчины пристально смотрят на меня.

— На этот раз расскажешь, зачем пришла?

Глубокий вдох и медленный выдох чтобы придать себе сил. Сразу же зашуршала, доставая принесенную газетную вырезку, показывая изображенный на ней портрет Алексу.

— Откуда она у тебя?

— Не спрашивай, все равно не смогу объяснить, — отмахнулась я. — Тебе знаком этот человек?

По сведенным бровям было видно, что он задумался.

— Раз про него вышла целая статья, значит, человек знаменит в определенных кругах. Я поспрашиваю.

— Сколько это займет времени?

С досады потянулась за новой печенькой.

— Постараюсь разузнать о нем и месте, где его можно найти. Приходи через дня три-четыре. В любом случае, прежде чем с ним удастся встретиться, пройдет не одна неделя.

Сколько? От его слов слишком сильно сжала пальцы и печенье брызгами крошек разлетелось по столу и полу. Смахнув их к центру стола, задумалась. До свадьбы остается чуть больше двух недель. Успею или нет? Что мне делать, если все провалится, если мне так и не удастся поговорить с этим человеком? Бежать, но куда? Как поняла, прав у женщин здесь немного. Они что-то навряд ли приятного приложения к мужчине. В лучшем случае меня ждет тяжелая работа за кусок хлеба, в худшем... даже думать боюсь. Как применить мое хваленое образование и знания, толком так и не удалось придумать. Не удивлюсь, если здесь оно практически бесполезно: изобрести я ничего не смогу, в круг моих интересов не попали ни химия с физикой, ни хобби по построению рабочих моделей, а увлечение травами... мягко говоря, не приветствуется.

Я настолько погрузилась в грустные мысли, поглотившие меня с головой, что не услышала ни заданный вопрос, ни собственного голоса, произнесшего:

— Я, пожалуй, пойду.

И, встав, покинула комнату, даже не взглянув на хозяев дома. Отчаяние начало завладевать сознанием, безумно захотелось побыть одной и разрыдаться, не сдерживая рвущийся крик души.

Позади осталась половина пути, когда спохватилась о забытой сумке. И оказалась неприятно удивлена тяжелой капле, упавшей с неба на лицо. Раздавшийся раскат грома

заставил поспешить, взглядываясь в очертания деревьев среди почти полной темноты.

Контуры дома уже угадывались за черными стволами, освещаемыми яркими вспышками. До долгожданного укрытия оставалось совсем чуть-чуть, когда дождь резко обрушился стеной. Шипя, я скользила по влажной траве и проваливалась в разжиженную землю. Намокшее и отяжелевшее платье замедляло ход. Когда я добралась до лестницы, прежде всего пришлось скинуть туфли, чтобы не оставлять грязных и влажных следов на полу, и выжать ткань платья и нижние юбки.

В комнате из последних сил стянула с себя ставшее мокрой тряпкой платье, бросив его на пол. Трясаясь от холода и усталости, забралась под одеяло, свернувшись калачиком, пытаюсь хоть немного согреться. Организм нехотя погружался в липкий сон.

Последствия моего ночного приключения не заставили ждать. И разбудил меня отнюдь не первый луч солнца, а приступ внезапного кашля. Слабость и озноб усиливались, а к приходу Мины температура поднялась достаточно высоко, чтобы я скинула с себя одеяло. Запричитав, служанка, схватила не до конца высушенное платье выбежав за дверь.

Спустя несколько минут после визита Мины о моем ужасном состоянии знали все. Люсия отправила за врачом, который явился лишь ближе к обеду. Все это время я в беспомощности металась по кровати.

— У мисс Агнессы Слуцкой сильный жар, — заключил доктор, визуально осмотрев меня и лишь слегка тронув влажный лоб. — Скажите, она не замерзала? — ответ я не услышала, да и смысл сказанного понимался с трудом. — Раз нет, то причина кроется в слишком большом скоплении жидкости в организме. Принесите побольше одеял и укройте больную, рубашку меняйте несколько раз в день. Лучше, если вы затопите посильней печь, необходимо вывести лишнее из организма. И ни в коем случае не открывайте окна, сквозняки губительны.

Сознание уплывало, иногда все-таки выхватывая обрывки услышанных фраз. А когда на меня навалилась тяжесть одеял, я охнула и, облизав сухие губы, попросила воды.

— Жидкость в любом виде строго ограничена! Только один стакан воды вечером, второй завтра утром, — заявил врач, записывая свои рекомендации на листе бумаги. — Жаль, что я не смог приехать раньше, с недугом удалось бы справиться куда действенным способом — пропарив в бане. Но это требовалось делать только в первый час болезни, — он назидательно поднял палец, чтобы никто не вздумал учудить подобное сейчас.

Когда меня, словно в кокон, завернули в жаркие одеяла, от их веса стало трудно дышать. Попытки скинуть их были тут же пресечены.

В следующий раз очнулась от ломоты во всем теле, меня заметно потряхивало, каждая клеточка организма отзывалась болью. Полуслепым взглядом оглядела пустую комнату. Плотные задернутые шторы мешали понять, сколько прошло времени. Я моргнула, уставившись в потолок, по обрывкам фраз восстанавливая последние воспоминания. Тяжелые веки при каждом моргании так и тянуло больше не открывать, поддавшись сладкому забытию.

Заметив возле прикроватной тумбочки таз с водой, пересилила себя. Пить хотелось до безумия сильно. Первая попытка вытащить руки из одеяльного плена провалилась. Накатывающая волнами слабость выступила испариной на лице. Едва я освободила руки, встала новая задача — скинуть одеяла.

Пальцы дрожали и почти не слушались, толстые одеяла выскользывали из ослабевших рук, доводя до отчаяния. Не знаю, что за силы мне помогли, но одеяла одно за другим

медленно удалось скинуть на пол. От приложенных усилий закружилась голова, мокрая рубашка неприятно холодила тело.

Зачерпнув первую пригоршню воды, жадно выпила ее, второй смочила лицо и шею. Дотянувшись до чистой рубашки, аккуратно сложенной в ящике тумбочки, переделалась и почти без сил облокотилась о спинку кровати. Мир пришел в движение, глубоко и медленно дыша, постаралась привести себя в чувство, но кислорода не хватало. Жара от горящего камина и духота сводили на нет все мои усилия.

Перекатившись набок, тяжело рухнула на валявшиеся одеяла и, подтягивая следом чашку с водой, поползла к весело горевшему огню. Пот ручейками бежал по лицу и спине. Несколько раз силы покидали меня и я падала на пол, один раз ударившись об него лбом.

Пылающий камин обдал меня новой порцией жара. С трудом сев, сжала непослушные пальцы на чашке, опрокинув ее содержимое в камин. Огонь отступил, жалобно зашипев. Не разрешив себе слишком сильно расслабляться, добралась до окна и, стиснув зубы, подтянулась за подоконник, приняв вертикальное положение. Последние силы ушли на то, чтобы открыть створку окна.

Приток свежего ночного воздуха подобно живительному глотку воды одурманил, унося прочь последние крупинцы сил. Я улыбнулась своей маленькой победе и упала на пол.

Открыла глаза: комната закружилась, не давая возможности схватиться за что-либо взглядом. Тело отказывалось подчиняться. Глубокое, быстрое дыхание вырывалось из приоткрытого рта. Я лежала словно сломанная кукла не способная без чужой помощи привести себя в движение. Закрыла глаза, сил держать даже их открытыми совсем нет.

Странно, но мое тело словно взлетело, руки и ноги беспомощно заболтались в воздухе. Сквозь туманную пелену перед глазами мне почудилось чье-то лицо. Попытка поднять руку отняла последние силы, и я ухнула в забытие. Черное липкое пространство с радостью поглотило меня, лишая любых ощущений.

Мой рот приоткрыли, силой вливая жидкость, нещадно раздражающую все изнутри. Горьковатый вкус обжег горло. Закашлялась, не понимая, что происходит. Внутренний жар начал сменяться вожаделенной прохладой, дарящей спокойствие, и постепенно распространился на все тело.

Следующие два дня меня мучила слабость. Организм истощился до такой степени, что по большей части приходилось лежать с закрытыми глазами. Возникающие мысли стремительно улетали прочь, оставляя пустоту и звенящую тишину.

Тетя лишь раз появилась на пороге комнаты, прикладывая к носу накрахмаленный платок, боясь заразиться, и, убедившись в улучшении самочувствия, пожелала скорейшего выздоровления.

Наконец я окрепла до того, что с утра смогла самостоятельно сесть в кровати. Мина помогла привести меня в божеский вид, после покинув меня, чтобы успеть выполнить свои многочисленные обязанности.

Во рту все пересохло, а стоявший на столике графин оказался пуст. Пошатываясь от слабости, поплелась вниз, не слишком надеясь на скорый визит прислуги. Из прихожей доносился незнакомый низкий мужской голос, звучавший нараспев. Проходя мимо, не удержалась и заглянула за угол узнать, кто там. Лидия с трепетом глядела на церковнослужителя в черной рясе.

— Дочь моя... — начал он, осекшись, услышав сдавленный кашель за спиной.

Лидия встрепелась, метнув уничтожающий взгляд, и сладко произнесла:

— Дорогая, зачем ты покинула свою комнату?

— Со мной все хорошо, только кашель остался. Доброе утро, — обратилась я к гостю.

Тетя поджала от недовольства губы.

— Познакомься, это преподобный Маркус. В церкви, где он служит, будет проводиться церемония венчания, — и, обратившись к нему, добавила. — В этот раз я навещу вас раньше намеченного срока.

— Царьков благодарит за ваши щедрые пожертвования. Бог все видит с неба, и благие деяния непременно откроют вашей душе двери в Райские кущи.

Я чуть не закатила глаза от услышанного и читаемого благоговения в глазах Люсии.

Дверь отворилась, выпуская одного гостя и впуская другого. Когда я узнала вошедшего, у меня все оборвалось внутри и, бледнея, я уставилась на него.

Пока продолжалось приветствие, простояла неподвижно каменным изваянием, совершенно позабыв о воде. Сердце отчаянно бухало в груди, отдавалось в голове, мысли безнадежно вопили: беги, спасайся! А тело будто вросло в пол, пустило корни до самого основания дома, делая меня не способной к активным действиям.

— Барон Барретт, — всплеснула руками Люсия. — Какая приятная неожиданность!

— Миссис Люсия, прошу вас просто Генри Барретт. Надеюсь, вас известили, что я должен привезти свадебное платье моей дорогой невесте?

Все это время он продолжал мило улыбаться и лишь мельком скользнул по мне взглядом. Из-за активной мимики морщины, словно морские волны, накатывали на его лицо, делая бесформенным.

— Да-да, я получила письмо от брата на днях.

Внутри вспыхнули злость и отвращение к этим щебечущим персонам: оба себе на уме, обоим наплевать на чувства и мнение других. Почтение к этим старикам потонуло в негативных чувствах без шансов всплыть.

— Мне не терпелось увидеться с моей невестой и сделать ей приятный сюрприз.

— Никогда бы не подумала, что вы, барон, настолько не терпеливы, — она противненько захихикала и гаркнула показавшемуся слуге: — Ужин подать в столовую на трех персон, у нас гости. Пошевеливайся!

И величаво прошла мимо меня. В столовой я заняла самое дальнее кресло от Генри и начала молить, чтобы скорее завершилось это мучение. Оба старика разговаривали о новых веяниях моды, но в голосе постоянно проскальзывали фальшь, наигранный смех и желание угодить друг другу.

Я почти не понимала их разговора, оцепенение начало спадать, но внезапное осознание невероятно близкого дня свадьбы опутывало меня цепями, мешая думать о чем-то другом. И вот ужин, проведенный словно в тумане, подошел к концу. Сообщив, что устала, я собралась покинуть неприятное общество.

— С вашего разрешения, леди Люсия, я прошу позволения проводить мою избранницу и вручить ей небольшой подарок в знак моей безграничной любви.

Тетя вновь хихикнула, прикрыв нижнюю часть лица взявшимся словно из ниоткуда веером.

— Разумеется, но ведите себя прилично, барон Барретт, — погрозила она костлявым пальцем.

Он отвернулся, поморщившись от ее слов.

— Разумеется, никаких вольностей с моей стороны, — и добавил, обращаясь ко мне, —

ведите, я следую за вами, графиня Агнесса.

Злясь на весь мир и стараясь скрыть отвращение, нарочито медленно пошла к своей комнате, желая как можно дольше оттянуть момент, когда мы останемся наедине.

Наконец дверь аккуратно закрылась и наступила длительная пауза. Генри Барретт смотрел на меня прищурившись, а я старалась придать себе равнодушный вид, хотя лицо то и дело сводило судорогой от омерзения.

— У меня для тебя подарок, — он достал из небольшой коробочки браслет, — красные камни в знак моей любви и преданности.

В шоке от услышанных слов я подняла глаза, открыла рот, снова закрыла. В голове крутилось несколько неприличных фраз, готовых сорваться с языка, вместо этого я усмехнулась:

— Любовь? Преданность?

— Руку вытянула! — это был приказ, жесткий голос хлестнул как плетью. — Не желаешь по-хорошему, будет по-моему. Первой женушке я быстро обломал желание мне перечить, — это он прошипел, змеей кидаясь ко мне.

Больно ударившись о край стола, оказалась припечатана к стене, и, не дожидаясь моих действий, он нацепил браслет.

— Вот так-то лучше. Запомни, меня не стоит злить, — он оскалился и провел свободной рукой по моей шее, меня затрясло от дикости происходящего. А еще пугал разгорающийся нездоровый блеск в глазах Барретта, отчего тело отказывалось подчиняться и сопротивляться. Что же будет, когда я окажусь в его доме?

Усмехнувшись и не добавив больше ни слова, он вышел из комнаты. А я, наконец вздохнув глубоко, зашла в приступе кашля.

Полночи жалящее изнутри беспокойство не давало возможности сосредоточиться или бездумно посидеть. Кружащие мысли сворачивались в новый виток, и спираль продолжала скручивать и без того натянутые нервы. Но одна мысль кричала громче всех: мне жизненно необходимо как можно скорее побывать у Алекса и спросить, что он смог узнать о том мужчине. Только это еще может спасти меня, а возможно, и вернуть в мое время.

Этот и следующий день прошли в бешеном ритме ускоренного лечения: полоскания, обильное питье и травы поставили меня на ноги и помогли почти полностью избавиться от кашля.

С помощью Мины вечером удалось незамеченной пробраться на кухню. Я замерла, в нерешительности занеся флакон со снотворным над горлышком чайника, и мое промедление обошлось дорого. Я услышала приближающиеся шаги; рука, зависшая над свежим чаем, дрогнула, вылив чуть ли не весь пузырек снотворного. Времени исправлять содеянное не осталось, зашедшая служанка взяла поднос и, поклонившись, унесла. Давясь от страха, что может произойти, поспешила к тете. Ароматный чай успели налить в ее любимую фарфоровую чашку с розовой каймой. Люсия, отсчитав три ложки сахара, беззвучно размешала его, ни разу не задев тонкие стенки чашки. И, смакуя, сделала первый глоток, окидывая застывшую меня подозрительным взглядом.

— Что-то не так с моим лицом? — она недовольно нахмурилась, а я с большим усилием мотнула головой. — В чем дело? Узнаю этот виноватый взор, ты что-то натворила?

Я попяtilась, лишь подтверждая ее догадку.

— Говори! Не хочешь? — и вновь ее хищный смешок. — Тогда подойди и вытяни руки запястьями вверх.

Исполняя ее слова, уже знала, что меня ждет. Резкая обжигающая боль клеймом обожгла кожу. Вскрикнув, спрятала руки за спину.

— Так что произошло? — лилейным голоском поинтересовалась Люсия. Длинные прутья розги подрагивали у нее в руке.

Сказать правду было равносильно смертному приговору, и я продолжила играть в гляделки, пряча чувство вины.

— Руки!

Только не снова, я и так уже покарала саму себя. Содрогаясь от очередного наказания, забормотала первое, что пришло в голову:

— Вам показалось, я просто еще не до конца поправилась.

Тут же зажмурилась, готовясь к новой боли.

— Иди и не порть мне удовольствие от чая.

«По сути на чайник это не так и много, — размышляла я, поднимаясь по лестнице, слегка придя в себя от случившегося, — головная боль, тошнота, сонливость, пожалуй, пойдут ей на пользу».

Прошел достаточный срок, и, если Алекс говорил серьезно, то какую-то информацию точно удалось узнать. Времени оттягивать визит не осталось. Как можно быстрее пройдя по коридору, на лестнице зашла беззвучным кашлем, зажимая себе рот рукой. Оказавшись на улице, побежала подальше от дома, где позволила себе раскашляться по-настоящему.

В этот раз я спешила, подгоняемая непонятным чувством тревоги. И сбавила темп лишь у знакомого дома. Дверь мне открыла незнакомая девушка, я так и замерла с поднятой рукой, собираясь еще раз постучать.

— Проходи, — она улыбнулась и приглашающе открыла дверь шире. За ней замаячил слуга. — Идите, я сама провожу гостью.

— Здравствуйте, — фигурой девушка напомнила мне повзрослевшую Диану, но что-то в ней настораживало.

Проводив меня в столовую, она устроилась напротив Энджила с интересом разглядывая меня. Кивнув золотоволосому совладельцу дома, залпом выпила полстакана кисловатого сока, и вымотанная длительной пробежкой развалилась на стуле, насколько вообще позволял сдавливающий ребра корсет. Наблюдающая за моими действиями девушка, прищурившись, представилась:

— Я Глория. Еще на приеме вы показались мне странной и чудной, словно не из мира сего. Поначалу думала, Анатолий преувеличивает, — я вздохнула, переубеждать кого-то не было ни желания, ни сил. — Мельком слышала, что к старой Люсии прибыла племянница. Выходит, ты не настолько уж и затворница, как думает старуха, раз выбираешься сюда по ночам.

Смутившись от ее слов с явным подтекстом, почувствовала, что краснею. Неожиданно Глория нахмурилась, посмотрев на мои руки.

— И что ты сделала? Не упала перед ней ниц? — и кивнула, указывая на оставшиеся отметины от розги. — Старуха вновь принялась за воспитание своим излюбленным методом?

Стыдливо спрятав руки, едва сдержала улыбку. Если б только Глория узнала настоящую причину их появления, то, боюсь, еще стала бы сочувствовать мне.

Она продолжила задавать вопросы касательно моей жизни и небывалого везения при побеге. А когда узнала про травы, пришла в полнейший восторг и начала почти выпытывать

мои знания.

— Достаточно проверок, Глория. Девочке и так приходится несладко, — Алекс бодрым шагом вошел в помещение, легким кивком головы поздоровавшись со всеми.

— Анатолий, добрый вечер, — поприветствовала пришедшего Глория. — Откуда ты столько знаешь? Кто тебя обучал? — обратилась уже ко мне. Девушка совершенно бесцеремонно перешла на «ты», хотя мы виделись лишь мельком на балу. Ее медного цвета волосы были совершенно прямые, забранные в самую простую прическу. Густая челка заканчивалась вровень с бровями. Высокая и статная, внешне она выглядела старше своих лет.

Я покосилась на Алекса, не совсем понимая, можно ли говорить на интересующую меня тему. И, тут же отреагировав на бросаемые мной вопросительные взгляды, он сказал:

— Непростую задала ты задачу. Я поспрашивал про того мужчину. Байрон Дейлз оказался известным в узких кругах философом, математиком, физиком. Сложнее было узнать то место, где он может быть сейчас, — замерев, я старалась не пропустить ни одного слова, от них зависела моя дальнейшая жизнь. — Разочарую тебя, добираться до него придется не одну неделю.

Все надежды, лелеянные мной последние дни, рухнули под тяжестью произнесенных слов.

— Возможно, когда он окажется чуть ближе, удастся встретиться с ним, а пока... твоя погоня за «возможно, тем самым человеком», — процитировал произнесенные мной слова дословно, — займет неразумно много времени. Если честно, я не ожидал тебя сегодня, и у меня остались дела, не требующие отлагательств. Хотел бы предложить тебе экипаж, но подъехать с главного входа будет непростительной глупостью, — Алекс поклонился и вышел прочь.

Глория проводила его томным взглядом и выжидающе обратила свой взор на меня.

— Давно вы знакомы?

— Не очень, — от ее пристального взгляда захотелось сбежать.

— Агнесса, ты еще так молода и многого не знаешь, — я напряглась, не понимая, к чему она клонит, — советую для начала заняться самообразованием.

Она как-то странно ухмыльнулась в ответ на мое вытянувшееся выражение лица и продолжила как ни в чем не бывало:

— Примерно в твоем возрасте я тайком пробиралась в отцовскую библиотеку и читала запрещенные книги, — я приподняла брови в немом вопросе. — Про любовь, глупая. Все это очень пригодилось на практике. А сейчас могу такое сотворить...

Легкий румянец окрасил мои щеки, когда смысл сказанного достиг сознания, и, как часто бывает в подобных ситуациях, я стыдливо опустила глаза. Собеседница засмеялась:

— Извини. Не хотела тебя смущать, но в твоем возрасте подобное лучше знать. А то как ты хочешь завладеть мужчиной? Надо уметь его соблазнить.

Я уклонилась от ответа, пожав плечами, сказав, что изучала другие науки. Она пришла в восторг, подмигнув Энджилу, радостно глянула на меня.

— Мне это пока не интересно, — почему у меня такое чувство, что я начинаю оправдываться? Вот ведь знаю из интернета, о чем она говорит, даже больше, чем многие мои ровесницы в этом времени, но чувствовать себя неловко это не мешает.

— Ты просто не знаешь, что можно делать с мужчиной.

Разговор, похоже, совсем ушел в не ту сторону и выводил меня из равновесия. Я пожалала

плечами. Энджил смущенно улыбнулся, убирая упавшие на глаза волосы.

— Давайте сменим тему, — не скрывая веселости, предложил Энджил.

— Какой пряткий! Выгораживаешь ее? Между прочим, может быть, я хочу посвятить ее в тайны взрослой жизни?! Скоро будет вечер у мисс Максим, нужно непременно туда заглянуть.

— Танцы? — меня не покидало чувство, что эта особа смотрит на меня с высокомерием.

Собеседница кивнула.

— Я не могу. Тетя вряд ли меня отпустит, и тем более я ужасно танцую!

— Твою тетку я уговорю, можешь не сомневаться. А по поводу танцев... Ну, это не проблема, научись, и не такие неумехи бывают. Я поговорю с Анатолом, он в этом специалист.

Я замахала руками, показывая свое несогласие.

— Что-то ты больно бурно реагируешь на мое предложение. Может, он тебе нравится? Многим он симпатичен, — как само собой разумеющееся высказала она.

— Еще чего не хватало, — заулыбалась, как бы говоря всем своим видом, что только предположила. Я обратила внимание, что Энджил над чем-то задумался, похоже, не только мне не нравилась данная тема.

— А есть что-нибудь из еды? — обратилась я к оставшемуся хозяину дома.

На днях жених лично доставил свадебное платье, при примерке которого тете не понравилось, как оно сидит на мне. Даже учитывая то, что во время болезни я немного похудела.

— Кажется, что-то осталось на кухне, — он махнул куда-то в сторону двери. Я поднялась и замаялась на месте. — Ну хорошо, провожу.

Проследовав за ним в кухню, положила на тарелку несколько кусочков мяса и хлеба, не удержавшись, съела один, довольно заурчав. И опять этот задумчивый взгляд голубоглазого чуда.

Доедала уже в обществе двоих наблюдателей, понимая, что игнорирую напрочь этикет, беря небольшие кусочки мяса руками, но следовать правилам не было сил, голод диктовал свое. Желудок просто сходил с ума.

— Наверно я поторопилась звать тебя в общество, — рассмеялась Глория, закатывая глаза. — Мне жаль твоего мужа.

— Тебе его жалко, этого старика? — не поверила я, чуть не подавившись.

— Есть жених? — еще больше меня удивилась она.

— А для чего еще меня посадили на диету, чтобы я стала более стройной? Фигура им моя не нравится!

Ну вот и коснулись больной для меня темы. Из глубин начало поднимать свою противную голову отчаяние, мерзко посмеиваясь.

— Мои поздравления. Родители в свое время тоже нашли мне жениха намного старше меня, и это были худшие три года моей жизни, — и, недобро усмехнувшись, подытожила. — А потом были похороны, и часть состояния отошла мне.

Комната погрузилась в задумчивое молчание. В камине, моргая красными глазками, тлели угли, и свободно разгуливали по стенам тени. Заявление Глории повергло меня в еще большее уныние. Да с этим тираном я даже три года не проживу!

— Красавица-невеста, а в роли жениха — сморщенный чернослив, — не удержалась

упомянуть я еще вчера веселившую меня фразу.

Глория засмеялась беззаботным заразительным смехом, даже Энджил не смог удержаться от смешка. Не могла представить, что я могу быть настолько забавной.

— Ты прекрасно влияешь на него. Он редко смеется. Жених, наверно, очень богатый...

— Раз позволил себе купить меня? — закончила я фразу.

— Нет! Я не то хотела сказать. Поведаетесь, кто он? — Глория в нетерпении подалась вперед, чуть не уронив свой бокал вина.

— Генри Барретт.

Моя собеседница дернулась, как от пощечины, скривившись и сдвинув брови, погрузилась в свои мысли. Я, удивленная реакцией, перевела взгляд на Энджила, но и тот не порадовал, хмурясь, остановил взгляд на столешнице. В этот раз молчание затянулось на несколько минут.

— Сочувствую, — наконец выдала Глория, не глядя на меня.

— Неужели?

— «Этот мужчина, приближающийся к завершающемуся аккорду своей жизни, готов положить на алтарь своего самолюбия юную деву», — словно процитировала она строку из недавно прочитанной книги. Надо же, в ее взгляде промелькнула жалость? Я всматривалась в лицо с грустной улыбкой. — Кстати, если ты правильно описала цвет и запах снотворного, то оно скоро перестанет действовать и сон станет уже не таким глубоким, — сообщила Глория, напоминая о том, что времени находиться в гостях осталось не так уж и много.

— Что намерена делать? Пойдешь против родителей? — подал голос Энджил.

Я обняла себя за плечи и тяжело вздохнула:

— Я и так против всего мира, это ничего не изменит, — задумавшись, я как бы нехотя произнесла: — Как мне можно избежать свадьбы?

Повисла очередная пауза.

— Я поговорю с Алексом, мы что-нибудь придумаем.

— Энджил, ты с ума сошел? — возмутилась Глория, вскочив с места. — Ты не имеешь права лезть в чужую жизнь, разберись сначала со своей.

С этими словами она разъяренной фурией вылетела из комнаты, не проронив больше ни слова.

— Глория просто злится, что ей в свое время не удалось избежать свадьбы. Я обещаю попытаться, — он снова улыбнулся, заставив забыть на мгновение о навалившихся проблемах.

Кивнув в ответ, я вышла вслед за ней, боясь верить его словам, но и не в силах усомниться. Время уходило, и оттягивать возвращение становилось все опаснее.

Уже из коридора услышала знакомый голос Алекса:

— Не ожидал от тебя такого. Что это ты, мой друг, так испереживался о человеке? Смотри, не пожалей.

Резко затормозив и стараясь не шуметь, вновь вернулась, заглянув в покинутое помещение. В нем так же одиноко спиной ко входу сидел Энджил, и только колышущаяся на ветру штора выбивалась из общей картины.

И вот новый вечер, тьма, давящая со всех сторон, сжимает дом в страстных объятиях еще сильнее, чем в предыдущие. Отчего-то показалось, что за окном она движется и перетекает, словно живая. Я устало потерла глаза, всего несколько часов сна давали о себе

знать, распалая воображение далеко не успокаивающими видениями. Пришлось спуститься в полной тишине вниз. Не понимая причины своего беспокойства, достала из мешочка немного мяты, добавив в чайник. Успокоиться, необходимо успокоиться как можно скорее.

Скучные дни тянулись медленно, однообразное и бессмысленное прозябание в этом доме еще больше повергало в уныние. Несколько романов, не без труда найденных в самой пыльной части скудной библиотеки, перечитаны по два раза, иные книги о Боге, церквях, этикете, образовании, целая стопка старых пожелтевших газет показались ужасно неинтересными.

Задумавшись, чуть не обожгла себе пальцы, налив до краев воды, и поежилась от скользнувшего по коже сквозняка. Признаюсь честно, ощущала себя в этом пустевшем по вечерам доме неуютно и одиноко.

Направилась в обратный путь, и вновь этот прохладный ветерок. Остановилась и развернулась в сторону гостиной. И от увиденного чуть не облилась. Люсия в пестром халатике сидела за столом и пила точно не чай.

Поднятый на меня замутненный градусом взгляд слегка блуждал.

— И тебе не спится, составишь компанию? — и, икнув, поманила к себе рукой. Взяв бутылку, она плеснула в свой бокал добавки, пролив часть на стол.

— С вами все в порядке? — я даже забыла о своих переживаниях, настолько открывшаяся картина противоречила сложившемуся образу идеальной леди.

— Муж сказал, что не в восторге от готовящейся свадьбы.

Поперхнувшись застрявшими словами, вытаращила глаза. Муж? Он ведь давно мертв. И поставила неожиданно сделавшийся слишком тяжелым чайник на край стола.

— Он пропадает на какое-то время, но потом вновь является, когда меньше всего ждешь, — она мерзко хихикнула. — У этого изверга всегда было повышенное чувство справедливости, только слепой не увидит твое нежелание выходить замуж. Но так принято, думаешь, у меня спрашивали? — Люсия резко встала, тяжелый стул, застонав, рухнул на пол. Опершись о стол и прожигая пустое место пьяным взглядом, продолжила: — Каждый раз этот остекленевший взгляд и кровь на рубашке и на траве, много крови. Это не я его убила. Я лишь хотела справедливости и стать наконец счастливой, — она безумно оскалилась желтоватыми зубами и, словно на секунду избавившись от дурмана спиртного и поразившись своей минутной слабости, пошатываясь, подошла ко мне и прошипела в самое лицо. — Скажешь кому-нибудь, и я за себя не ручаюсь.

Пройдя мимо, со второго раза вписалась в дверной проем. Стойкий запах спиртного с вдохом обжег горло. Я стояла, пытаюсь прийти в себя от неожиданных излияний тетушки, стараясь осмыслить услышанное. А старушка-то, оказывается, с сюрпризом.

Два дня, всего два дня. Эти слова вертелись в голове и сводили с ума, каждое новое утро приходило подобно наказанию всевышнего, приближая день свадьбы. К тому же не знаю. случайность ли, но на двери, через которую я так удачно покидала дом все три раза, сменили замок. А в последнюю мою попытку чуть не попала на глаза Грегу, когда, расстроенная до слез закрытой дверью, возвращалась в свою комнату.

После завтрака, пребывая в тяжелых раздумьях, вышла на крыльцо, стараясь вновь придумать выход. Побег я рассматривала лишь в самом крайнем случае, всему виной случайный проезд по бедным кварталам. Грязные люди в рваных и заплатах одежде с измученными и затравленными лицами, и в глазах такая усталость от жизни, что я просто задернула шторку, не в силах смотреть. Нет, однозначно, я так не смогу. Жизнь попрошайки

в полуголодном обмороке, чешущейся от грязи и задыхающейся от вони своей и чужой точно не для меня. Да мне так и недели не протянуть без крыши над головой и навыков выживания.

Тогда что остается? Надеяться, что Энджил сдержит слово? Опять же, никакой гарантии. Везде тупик!

Мое состояние было на грани нервного срыва, даже успокоительные травы не спасали.

— Нравится шляпка? — уродливое недоразумение украшало голову тети. — У каждой истинной леди должен быть головной убор, украшенный своими руками.

Я поперхнулась, узрев в нагромождении перьев и лент чучело маленькой птички. И, о ужас, у ее ног увидела клетку с двумя беспокойными птахами.

— Сегодня мы сделаем чучела из этих красивых птиц, а после они станут главным украшением шляпки.

К такому повороту я оказалась не готова и, выпучив глаза, чуть не упала в обморок, представляя, как разрезаю пернатое тельце, чтобы достать внутренности.

— Дочка! — услышала я от двери. Доносившийся голос продирался ко мне словно через густые заросли мягкой ваты. И, не дав опомниться, меня заключила в объятия Минора. — Боже, как я скучала! — сквозь слова слышались всхлипы и причитания.

Следом из экипажа вышла Изабелла, мой взгляд скользнул по ее легкой накидке, застегнутой на шею. Улыбнувшись, она поприветствовала меня, обняв и поцеловав. От меня не укрылось ее болезненное состояние: бледная кожа и синеватые круги под глазами.

Минора несколько часов не отходила от меня, выспрашивая, как мне жилось и чем я занималась, нашла ли общий язык с тетей, и просто делилась со мной последними новостями. Это хоть и отвлекало от грустных мыслей, но боль и страдание в ее глазах сводили все на нет. Утомившись от ее переживаний и сославшись на усталость, поспешила укрыться от излишней опеки в стенах своей комнаты.

Проходя мимо покоев, отведенных Изабелле, остановилась у не до конца закрытой двери и без стука заглянула внутрь. Сестра в одном халате замерла возле зеркала, сосредоточенно что-то разглядывая на шее.

Это укус? Сделала шаг и приоткрыла дверь пошире, желая убедиться в догадке. Мое отражение возникло за спиной сестры. Изабелла вздрогнула, ее глаза расширились, она тут же развернулась, застыв в немом жесте. Застыла и я, заметив две маленькие покрасневшие ранки на ее бледной коже. Нездоровый вид плюс к неоспоримому доказательству не на шутку напугали меня. Да, это не моя родная семья, но к этим людям я прониклась теплотой, и внутри все сжалось от подобной несправедливости.

— Это... — пропавшим голосом просипела я.

Изабелла тут же опомнилась:

— Всего лишь укус какого-то насекомого, не больше, — ее рука вновь скользнула к шее, но замерла. — Не говори маме, она и так слишком о многом переживает.

Я подошла ближе и не таясь уставилась на укус.

— Кто тебе сказал про насекомое? — едва удержалась, не назвав подобное «бредом».

— Адис, — потупившись, пояснила она, хотя ответ был для меня очевиден, — я и сама сперва испугалась, но супруг утешил меня, сказав, что и он как-то раз сталкивался с похожим. Ранки должны пройти через несколько дней. Ты не представляешь, сколько в его глазах было участия и любви в тот момент.

Не удержавшись, я покачала головой. Не удивлюсь, если этому существу вообще чужда

любовь. Только холодный расчет, но в чем он заключается? И опомнилась, под ее подозрительным взглядом пояснив:

— Думаю, он прав, ранки скоро заживут, — а мысленно добавила: «Не факт, что не появятся новые».

В очередной раз усмехнулась тому, что люди могут быть так непохожи внешне, а вот внутренне... детская наивность и вера в лучшее... Минора и Изабелла как две капли души, отделившиеся от единого источника.

Она выдохнула, заметно расслабившись от моих слов, готовая защищать свой хрупкий мирок до последнего. Не желая ссориться и нагнетать обстановку, предпочла оставить все свои тревожные мысли при себе.

Я натянуто улыбнулась и, поцеловав ее в щеку, поспешила удалиться. Сердце в этот момент застучало слишком быстро, тревожась о девушке. В следующие часы размышления переросли в панику.

Время приближалось к полудню. Стоя возле окна своей комнаты, не могла избавиться от невеселых мыслей. Ведь с приездом родни вожделенный визит к Алексу превращался в неосуществимую затею. Собственно, а зачем ждать ночи?

От сильного порыва ветра задребезжали стекла, и это буйство стихии словно придало мне сил. Боясь растерять дарованный природой настрой, выбежала из комнаты и заторопилась вниз по лестнице.

По сути сейчас я могу спокойно выйти через главный вход и отправиться на прогулку в сад. На дорогу туда-обратно мне потребуется примерно час, плюс потрачу на разговор с Энджиллом максимум тридцать минут. Зато все удастся выяснить и с холодной головой подойти к поиску выхода. Если же все надежды напрасны, то поплачу и опять же приступлю к составлению новых планов. Возможно, даже эти часа два меня никто и не хватится. Если что, буду ссылаться на растерянность перед свадьбой.

На полпути к первому этажу боковым зрением уловила движение слева.

— Дочка! — несмотря на то, что слова были ожидаемы, я подскочила вверх и соскользнула ногой со ступени. Полетев вперед, ухватилась за перила, ударившись о них боком, и застонала от резкой боли в лодыжке.

Минора тут же оказалась рядом, поддержав меня, я же, давась непролитыми слезами, осторожно опустилась на ступени. Бережно ощупав сильно ноющую ногу, выругалась, не стесняясь в выражениях. Руки Миноры дрожали и, судя по тому, что реакции на мои внезапные излияния не последовало, она слышала только свой обвиняющий внутренний голос.

— Прости, я как-то не подумала, — всхлипнула она. Теперь дрожь ее рук ощущалась всей спиной, пока она убаюкивающе гладила меня, пытаюсь скорее успокоить саму себя.

— Думаю, простое растяжение, — потирая ногу, отозвалась я, невольно вспоминая аналогичный случай, и передернула плечами, осознав, что и вправду могла посчитать оставшиеся ступени, если не убиться совсем.

Слуга, вынырнувший на шум, учтиво помог подняться наверх, да и от излишне переживающей Миноры удалось избавиться не сразу.

Мне требовались тишина и покой, чтобы наконец расплакаться от бессилия и осознания, что остался всего день перед свадьбой, полный пустых хлопот. Больше часа я жалела себя, с головой окунувшись в это чувство, после погрузилась в тревожные сны.

Глава 2

Это чудное утро обещало стать началом дня кошмаров, бессонная ночь только подтвердила это. Солнце лишь собиралось показаться из-за горизонта, а я уже была на ногах и в нервном припадке от грядущего. Распахнув окно, поглубже вдохнула свежий воздух, позволив легкому холодку скользнуть под ночную рубашку.

Я была полна решимости бороться за себя и, если потребуется, бежать после свадьбы. Вчера удалось одной доковылять до сада и закопать несколько дорогих украшений на случай побега. Правда, кого я обманываю, даже идти сейчас непросто, несколько дней о побеге можно и не мечтать. Я нахмурилась, недовольная промелькнувшей мыслью: да меня это ужасное время просто пожует выбросит, как старую куклу. Нет, не позволю! Прежде необходимо найти этого Байрона Дейлза, а потом вернуться к привычной жизни. Хорошая мысль в очередной раз сменила плохую, когда в комнату вошла Минора, неся в руках красивую шкатулку, украшенную драгоценными камнями. Мне ничего не оставалось, как удивленно смотреть на это произведение искусства, протянутое мне. Минора заулыбалась:

— Нравится? Это тебе прислал твой будущий супруг. Вот теперь есть все для церемонии. Давай, открой.

Поставив шкатулку передо мной, Минора, улыбаясь, позвала служанку. Я брезгливо откинула крышку, ожидая подвоха. Внутри покоились фата, восковые цветы, венчальные свечи, обручальные кольца, духи, булавки и прочие золотые мелочи, украшенные драгоценными камнями, еще было немного лакомства — изюм да инжир — и розги (последнее повергло меня в шок).

Увидев мое замешательство, Минора пояснила:

— Не пугайся. Это символический знак: станет молодая жена прилежно работать — будут ее кормить и лакомить, а пожелает лениться — сечь розгами.

«Ни фига себе символический знак. Судя по припадку старика, он исполнит это с преобладающим удовольствием».

Вскоре появились две служанки-помощницы. Началась длительная подготовка: ванна, после масла, расчесывание и укладка волос в прическу, минимум макияжа и в конце ужасающее своим весом платье. В завершении на голову поверх длинной фаты надели венок из цветов померанца и миртовых веток.

Оставшись наедине с Минорой, бросила взгляд в зеркало. Не ожидай меня впереди столь печальное событие, сердце замирало бы от сотворенного со мной чуда. Сейчас же стоило большого труда не вцепиться в волосы, чтобы не испортить прическу.

К половине девятого утра к церкви должны начать прибывать гости. Время летело неумолимо, ощущение неотвратимой беды накатывало жалящими волнами.

— Дорогая! Что ты так долго? Сообщили, что жених уже прибыл к церкви. Ждут только нас, — Минора подошла сзади, сжимая в руках свадебный букет. — Вот, передали, — и опять в глазах промелькнула эта грусть. — Это будет самая лучшая свадьба.

— Ты в это веришь? — заглянув ей в лицо, спросила я.

Минора потупила взор, промолчав.

— Поторопитесь! Не стоит заставлять всех гостей ждать, — отец нервно постучал тросточкой по двери.

— Я не могу пойти в этом! — я развела руками.

— Ты великолепно выглядишь, девочка моя.

— Платье ужасно тяжелое, боюсь упасть посреди церемонии.

— Я понимаю, что ты очень волнуешься, все в такой день волнуются. Не бойся, мы тебе поможем.

«Ага, словами: давай! Вперед! Вряд ли мне это принесет ощутимую пользу».

— Пора, — не скрывая недовольства, напомнил Эдгар, недобрая улыбка искривила его лицо.

Внизу на улице ожидала большая карета, запряженная белыми лошадьми. В ней с нетерпением дожидались моего появления Изабелла с Дианой. Заметив меня, младшая сестренка замахала рукой. Когда все расселись, тяжелая карета выехала со двора и, покачиваясь, поехала в сторону церкви.

«Боже, помоги мне выдержать это».

Первым, после чего я осознала безвыходность ситуации, был черный фрак пожилого молодожена и его пронизывающий холодом взгляд, странно сочетающийся с приторной улыбкой. В голове промелькнула пугающе ясная картина первой брачной ночи, в этот момент я чуть не потеряла сознание от испытанного ужаса. Отчего-то еще утром представляла, что подобного исхода можно будет избежать: сейчас меня трясло, как в лихорадке, нестерпимая жара окружила плотным облаком.

Я встала с левой стороны от жениха и освободила правую руку от перчатки (как меня до этого наставляла Минора), то же проделал и жених. Священник отвел нас на венчальное место. Родственники и знакомые со стороны жениха становились справа, мои — слева.

Уже был разгар церемонии. Не знаю, каким образом удавалось стоять на подгибающихся ногах, голова шла кругом, а звучащая музыка превращалась в непонятное гудение. Нас окружали счастливые лица. Чувство такое, что я попала в приторно-сладкий пирог: от такого количества сахара бывает плохо после первого укуса.

А самое страшное, что я уже стояла у алтаря и священник держал наготове книгу, подходя к кульминации. Мой будущий муж смотрелся как сморщенный фрукт, обмотанный в дорогой костюм. Он улыбался, и эта улыбка ничуть не красила его, а только прибавляла уродующих его морщин, словно на тебя смотрит улыбающийся шарпей.

Неужели мне не помогут? Это что за наказание такое? Я готова была разреветься, стоило только подумать, что с этим человеком придется жить, пусть недолго и вряд ли счастливо, но все же.

— Согласна ли ты, графиня Агнесса Слуцкая, выйти замуж за барона Генри Барретта?

Пытаясь побороть отчаяние и прийти в себя, до боли сжала пальцы, открыла рот, но голос не слушался и из горла вырвалось нечто, похожее на стон. Перед глазами запрыгали черные точки, окончательно срывая крышу.

Генри наклонился ко мне и, словно желая успокоить, шепнул:

— Вздумаешь глупить, уже вечером приступлю снимать с тебя спесь слой за слоем, как кожу.

Сквозь человеческую маску на доли секунды проглянуло истинное лицо садиста. Понимая, как крупно я влипла, склонила голову, скрывая предательские слезы. Расправила плечи, стараясь побороть усталость и безнадежность, навалившиеся на меня. Сейчас не время вставать в позу, чуть позже улучу момент и сбегу, ждать вечера точно не стоит.

— Да, — напряженно выдавила я, поежившись от дикого холода, идущего изнутри.

Я непонятным образом пропустила предыдущую часть церемонии, опомнившись только после громко озвученного вопроса.

— Знает ли кто-нибудь причину, почему эти двое не могут быть в смете? Скажите о ней сейчас или не говорите никогда, — звучный голос поднялся к самому потолку.

В церкви воцарилась давящая тишина. Ни одной причины.

— В таком случае...

Дверь с силой распахнулась, жалобно скрипнув, молодой человек, одетый хорошо, но не слишком богато, буквально вбежал в церковь:

— Есть, у меня есть! — все оглянулись в сторону дверей. — Я люблю ее, мы оба любим друг друга. И я не допущу, чтобы эта церемония завершилась. Это сделает ее несчастной на всю жизнь, она моя удача, моя единственная, — люди начали тихо перешептываться, раздались возгласы негодования.

Я была в не меньшем шоке, этого человека видела впервые. К счастью, на лицо падала спасительная фата, закрывающая мое вытянувшееся удивленное лицо от любопытных взглядов.

А он продолжал гнуть свою палку, приукрашивая нашу с ним «любовь».

— Пойдем со мной! — предложил он. Я замешкалась, не до конца уверенная, что это придумали они. — Неужели ты хочешь выйти за этого сморщенного чернослива?

После этих слов я не сомневалась, уже не пытаюсь скрыть свою расплывающуюся улыбку. Он протянул руку, приглашая уйти с ним.

Барретт схватил меня и я, не помня себя, с силой оттолкнула прочь мерзкого старика, он, не устояв, полетел назад. Не дожидаясь, пока он поднимется, заторопилась прочь.

— Если сейчас уйдешь, то ты мне больше не дочь! — выкрикнул отец, разорвав внезапную тишину в клочья.

Он решил, что подобные слова меня остановят? Мне было все равно. Облегченно вздохнув и стащив с головы мешающую видеть фату, поспешила между рядов, позабыв о ноющей ноге и давящем весе платья, тяжесть которого растворилась в желании оказаться как можно дальше.

По пути встретилась с неожиданно радостно сверкающими глазами Миноры. Она прикрыла глаза, а, вновь посмотрев на меня, произнесла одними губами «будь счастлива», словно благословляя. Мне нестерпимо захотелось подойти к ней, обнять и впервые за долгое время назвать именно эту женщину мамой.

Далее скользнула по недоуменному лицу старшей сестры (из-за своей бледности она выглядела нездоровой) и восторженному личику младшей сестрички. Похоже, она возвысила мой поступок до героического. Больше я ни на кого не смотрела, только вперед.

Поднявшийся шум голосов заглушало биение сердца.

С тех пор, как моя свадьба расстроилась, я поселилась в доме Алекса и Энджила. Хотя очень странно осознавать, что я живу у почти незнакомых людей, да еще и под одной крышей с... не совсем человеком, да и по возрасту оба старше меня.

Еще меня смущало бесплатное проживание. В первый день моего прибытия эта тема затронута не была, а на следующий день я и сама боялась поднимать ее. Опасения были связаны, конечно, с Алексом, мало ли что он может попросить за оказанную услугу и крышу над головой.

Зевнув, спустилась вниз и в очередной раз уставилась на чуть подрагивающее пламя в камине с человеческий рост. Оказавшись в гостиной после побега, к своему удивлению, обнаружила этот величественный камин впервые, даже страшно подумать, насколько я была не в себе, раз не заметила его в прошлые визиты. Камин был установлен таким образом,

чтобы освещать только половину комнаты, вторая же часть погружалась во тьму.

Даже в летнюю жару Алекс любил сидеть напротив огромного зева камина и смотреть на мерцающие языки пламени.

Закрыв глаза, я представила, каково это — находиться здесь холодной зимой, когда ревущее в каминной нише пламя готово выскочить, съесть, поглотить тебя целиком. Поежилась от трепета, будто смотришь в огненную геенну, чувствуя восхищение от величественного творения и давящий страх маленького человечка.

С тех самых пор, как произошел побег, я не видела ни родителей, ни сестер, ни, что очень радовало, несостоявшегося супруга. Впрочем, не все осуждали мой проступок, Глория совершенно равнодушно восприняла эту новость. Но вот жить в одном доме с двумя мужчинами, пожалуй, не одобрил никто. Да и Энджил печально смотрел на меня, говоря, что не выйти мне больше замуж: одно дело отказаться от свадьбы, а другое — такой позор, как сейчас. Только Алекс улыбался, упомянув, что я получила именно то, что хотела, а раз совсем не подумала о будущем, то должна принять его таким, какое оно есть.

Цокот копыт снаружи оповестил о прибытии Глории, я тут же заторопилась встретить ее. Эта девушка великодушно предложила сопровождать меня по магазинам. Из собственной одежды у меня было только свадебное платье и еще два привезенных Глорией. Пришлось взять деньги, выданные Алексом, опять же и денег своих у меня не было. Да я вообще тут никто и звать меня никак.

Забравшись в экипаж, глянула на напоминающее лисье лицо девушки.

— Чего загрустила? Брось, прошлого не изменишь. Сегодня будем творить твое будущее. У меня на примете есть несколько особо лакомых магазинчиков. Тебе точно понравится.

— А почему мы выехали в такую рань? — я поспала от силы часов шесть.

— Ты еще спрашиваешь? — она усмехнулась сказанной мной глупости. — Случившийся казус со свадьбой не удалось утаить. Рано утром хотя бы есть шанс, что ты не встретишь никого из знакомых.

Я кивнула. Всю оставшуюся часть пути проехали молча.

Наконец экипаж остановился у магазина и вопрос Глории вывел меня из задумчивого оцепенения:

— Ты список необходимых вещей взяла?

Открыв рот, я вновь его закрыла. Ну вот что сказать, если даже не подумала составить список? Нет, я, конечно, прикинула примерно необходимое, но голову занимали совсем иные мысли.

И, оценив мое замешательство правильно, моя спутница извлекла из кармана свернутый листок бумаги.

— К счастью, я более предусмотрительна, — помахала она составленным списком передо мной.

В витрине первого магазина красовались платья. Звякнувший над нами колокольчик сообщил о приходе новых клиентов. Тут же в просторное помещение выбежала женщина, ей хватило секунды понять, что без покупок мы не уйдем. Поклонившись и поздоровавшись, она предложила присесть и рассказать, что именно нас интересует.

— Какие цвета и для какого случая?

— Повседневные, штуки три, — просто пояснила я, когда рядом раздалось недовольное покашливание.

— Пять, не меньше, и одно вечернее, — и одарила меня взглядом, давая понять, чтобы я не вмешивалась.

Стало обидно: деньги дали, платья выбрали, зачем я-то здесь?

— Как тебе это?

— Красивое, но... — я взглянула на ценник, — боюсь, слишком дорогое.

— Анатолий не обеднеет.

Я отрицательно покачала головой, настаивая на своем. Вот так просто тратить чужие деньги на дорогие вещи не могла себе позволить.

— Как знаешь.

Но перед самым уходом Глория отошла к консультантке и о чем-то переговорила с ней.

Следом меня повели в магазин корсетов и женских аксессуаров, обновки пополнили: перчатки, шляпки, накидки, зонт, веер, две сумки, всяческие шпильки, ленты, заколки для прически, все необходимое для ухода за волосами, чулки, два корсета. Далее прикупили три пары обуви и заключительным стал магазин белья, где я откровенно разглядывала не похожие на привычные для меня тряпицы.

Через два часа в нагруженном экипаже можно было отправляться в обратный путь, но и тут я выкинула неожиданное, зайдя в магазин мужской одежды и приобретя мужскую рубашку.

— А это еще зачем? — Глория была в недоумении. — Подарок?

— Нет, поддерживаю образ странной девушки, — усмехнулась я, первой заходя в экипаж и устраиваясь на сиденье.

Она усмехнулась в ответ уже собираясь последовать вслед за мной, но вдруг улыбка слетела с лица Глории, легким движением руки она опустила шторку и захлопнула дверь со стороны улицы. Послышались приближающиеся голоса, приветствия и непродолжительный обмен любезностями.

— Дорогая моя, мне вас сам Бог послал, — я замерла, вжавшись в сиденье, узнав лебезящий голос Люсии. — Я так увлеклась, гуляя по магазинам, что не заметила, как ушла довольно-таки далеко, — она сделала паузу и, проворно взявшись за дверную ручку, потянула ее на себя. В открывающемся просвете я уже заметила пыльную дорогу, клочок тротуара и часть пышного платья Глории. — Будь любезна, подвези пожилую женщину и ее слугу.

— Меня с утра мучает мигрень, — холодно отчеканила Глория, закрывая собой забрезжившую мою, а главное свою погибель.

Заметавшись в ужасе по экипажу, поняла, что спрятаться среди двух мягких сидений негде, только если вылезать в окно. Последовало еще несколько колких ответов моей спутницы и недовольное фырканье не сложившейся тетушки.

— Еще чуть-чуть, и поездка могла обойтись слишком дорого, — девушка залезла внутрь и вздохнула, потирая виски. Подняв глаза на меня, усмехнулась. — Расслабься, на тебя жалко смотреть.

Экипаж вздрогнул и, медленно пошатываясь, покатил прочь по дороге.

Большую часть дня я посвятила разглядыванию обновок. Как ребенка, меня восхищали, казалось бы, обычные безделушки: кружевной белый веер, гладкие, из тончайшего материала, перчатки, украшения для прически, даже косметика для кожи, губ и волос в миниатюрных баночках. Я перебрала и перенюхала все что можно, позже привезли мои новые платья и вновь пришлось погрузиться в созерцание прекрасного.

Опомнилась ближе к вечеру, поняв, что пропустила обед. От окутавшей мое сознание эйфории — а какой бы девушке не понравилось столько покупок — не заметила, как шагнула в столовую.

— Как прошел день? — Алекс сидел в кресле, положив ногу на ногу. — Мы уж думали, ты не спустишься к столу. — Проскользнула толика пренебрежения в голосе.

Не сразу мне удалось отлепиться от притягательного для взора вампира и поискать взглядом белокурого компаньона. Тот лишь кивнул, поймав мой взгляд. И вновь я почувствовала себя неудобно, словно незваный гость на таком долгожданном празднике.

— Хорошо, — смущенно выдавила я и, борясь с внутренним страхом, поинтересовалась: — Как мне тебя отблагодарить за новые вещи? — и, не желая, чтобы он успел вставить хоть слово, продолжила. — Могу прибрататься по дому, помыть посуду, приготовить еду, — и замолчала, вспомнив, кем является в действительности Алекс.

— Прислуги у меня хватает, — еще более внимательно разглядывая меня, ответил он.

Я занервничала, до жути испугавшись, что вот сейчас он попросит, что-нибудь... эдакое и... я правда не знаю, что тогда будет. Переступив с ноги на ногу и стараясь не выдать своего внезапного испуга, решила прервать длинную паузу, уточнив:

— Что тогда? — но голос предательски дрогнул и, опустив взгляд, не решалась поднять его вновь, услышав еще и движение со стороны Энджила.

— Что за мысли посетили твою милую головку? — рассмеялся Алекс. — Неужели ты решила, что мы все это устроили, чтобы просто с тобой позабавиться?

После такой откровенности в мой адрес почувствовала, что краснею. Захотелось выбежать прочь и закрыться в комнате, но я упрямо продолжала стоять на месте и смотреть только в пол.

— Если ты говоришь правду, я в предвкушении от рассказов о твоём времени. Я хочу знать все: новые открытия, моду, обычаи, религию... все. Надеюсь, ты не обманешь моих ожиданий.

Он тягуче встал и, поравнявшись со мной, едва коснувшись моего подбородка, заставил поднять на него глаза. Я вздрогнула, не выдержав прямого взгляда, и смущенно отвернулась, нарвавшись на прищуренные голубые глаза. Ну вот что за засада?

— За интересный разговор готов платить, и немало, — и, не задерживаясь, ушел прочь.

Дойдя до стула, со вздохом опустилась на него. Это он так намекнул, чтобы я не волновалась о деньгах? Его слова еще продолжали кружить голову, когда начали накрывать на стол. Уловив вкусные ароматы, живот требовательно заурчал.

Время за столом прошло в молчании, Энджил вообще редко разговаривал со мной, но сегодня мое любопытство оказалось на пределе. Я же совершенно не знаю Алекса, его интересов и хобби, не помешало бы наведаться в библиотеку и взять пару книг, узнать больше о девятнадцатом веке. Я усмехнулась, вот ни за что не подумала бы, что отвлекаться на уроках истории может выйдет мне боком.

— Спасибо тебе, — начала я разговор с Энджилом издалека. Да и лично поблагодарить того, кто выполнил обещание, не помешает. Стоит налаживать контакт.

— Не за что. К тому же я не считаю твое нынешнее положение намного лучшим, чем до этого, — я недоуменно на него взглянула, не веря в услышанное. Он продолжил как ни в чем не бывало: — Твоя семья не примет тебя, выгодному замужеству, увы, не бывать. Но найдя тебя, они могут отправить заблудшую дочь в монастырь, — он вздохнул, словно уже сожалея о содеянном. — А до твоего прихода мы обсуждали, что выходить за пределы особняка

также небезопасно, есть шанс повстречать знакомых. А если они сделают неверные выводы о месте твоего проживания, твоей репутации придет окончательный крах.

Я попыталась устроиться поудобнее на внезапно ставшем некомфортном стуле. Репутация и замужество меня мало пугали, надежда вернуться в свое время перечеркивала эти варианты развития событий. Тут же вспомнился липкий страх утром в экипаже, повторения подобного тоже не хотелось, да и проживание в монастыре напоминало ссылку без будущего.

— Скажи, а чем интересуется и увлекается Алекс? — сменила тему разговора, не желая портить настроение еще больше.

— Многим. Могу составить список, если пожелаешь.

Округлив глаза, я закивала. Судя по серьезному тону, про список он не шутил.

Думы о сложившемся положении не отпускали еще несколько часов. А ведь Энджил прав и выход куда-либо мне заказан. Я вновь измерила шагами комнату, осознавая, насколько попала, и пропустила стук в дверь. Развернувшись, чтобы прошагать до противоположной стены, застыла, взирая на удивленное лицо Алекса.

— Зачем на тебе мужская рубашка? — наконец выдал он.

— Спать, — и невольно скрестила руки на груди, стараясь закрыться от его любопытных глаз.

Его взгляд скользнул по моим обнаженным ногам, рубашка заканчивалась чуть выше колен, и я занервничала всерьез, быстро забежав под прикрытие кровати.

— Она немного другая, — он тронул свое за жабо и кружевные манжеты. Ну да, отпорота я их, мешаются только. — Так зачем я пришел? Ах да, — он достал похожий на духи пузырек и миниатюрную стеклянную баночку. — При выходе на улицу налеп полную и возьми с собой, должно хватить на четыре-пять часов. И лучше ее носить вертикально, придется подумать, как это сделать.

С этими словами он поставил склянки на трюмо, собираясь уходить.

Намереваясь спросить о вволю потрепавшем мои нервы денежном вопросе, вдохнув побольше воздуха, выдала:

— У меня просьба, — Алекс поднял бровь, ожидая продолжения. — Мне нужно забрать кое-что в саду у тети Люсии.

Он склонил голову, прикидывая, стоит ли вообще это его усилий, и наконец нехотя кивнул, вновь взявшись за дверную ручку.

— А зачем ты мне принес все это?

Обернулся и вновь окинул меня задумчивым взглядом.

— Действительно, зачем. Ты сбила меня с толку своим видом, — он усмехнулся, и мне показалось, что блеск в его глазах усилился. — Это поможет неузнанной ходить по улицам. На меня и Энджила оно не действует, проверено.

— Может, оно просто не работает? — усомнилась я в существовании такого средства.

— Скоро увидим. Приятных снов, Агнесса.

Впервые за долгое время я была рада новому утру. Терзающие меня мысли более-менее улеглись, ответы на давящие вопросы были получены. По крайней мере у меня появилось время, а это именно то, что требовалось. Алекс хочет разговоры и интересные факты? Что ж, в будущем этого добра хватает. И, не теряя времени, я села составлять список интересных фактов.

К завтраку я, конечно, опоздала и, спускаясь на первый этаж, не надеялась застать

Энджила в столовой. И действительно, заглянув в помещение, убедилась, что она пуста, поспешила в гостиную. На полпути мне повстречался торопящийся по делам молодой слуга. Он сразу остановился и, с почтением поклонившись, поинтересовался:

— Могу я чем-нибудь помочь?

Я тоже остановилась и, оглядев молодого человека едва старше меня на пару лет, постаралась мило улыбнуться:

— Если не сложно, можно мне чай и что-нибудь к нему?

Смутившись от моего обращения, слуга заверил, что все будет исполнено и подано в столовую. Пришлось возвращаться в пустое помещение с большим прямоугольным столом. Едва успела занять место и отвлечься на разглядывание напольных часов, которые показывали пятнадцать минут двенадцатого, как подскочила от слов, обращенных ко мне:

— Ну ты и соня.

Энджил подъехал к столу, заняв место напротив меня.

— Доброе утро, — поприветствовала я, тут же пожав плечами, опровергать высказанное им не хотелось.

Не удержавшись, искоса бросала на него взгляды. Вот если б его глаза не были так холодны, а в речи не проскальзывали резкие, режущие слух нотки, я бы возвела его в ранг совершенства, которым дозволено только любоваться, да и то издалека.

Нахмурившись, он протянул свернутый пополам лист бумаги.

— Ты просила, читай.

По мере того, как я быстро пробежала глазами по написанным строчкам, мое удивление начало перерастать в восхищение, а потом в непонимание.

— А когда он все это успевает?

— Я думал, о тайне ты в курсе, — хмыкнул Энджил и безучастно занялся разглядыванием своих рук.

— О том, что он вампир? — не удержалась я и чуть не прикусила язык под его суровым взглядом. — Извини, больше не буду.

Вот как так, просто посмотрел, а словно отчитал нашкодившего ребенка? Я замолчала и как раз вовремя, в столовую внесли прикрытые крышками тарелки с кашей. Поглощенный едой, Энджил перестал обращать на меня внимание, я же после случившегося без аппетита ковырялась в тарелке. Наконец любопытство пересилило, и я задала вопрос, мучавший меня после прочтения списка.

— Скажи, а сколько Алексу лет, реальных, если это не секрет?

— Сорок восемь, — отпив чая, ответили мне.

Я попыталась осмыслить сказанное, состыковывая реальность с его словами. Сорок восемь? Почти пятьдесят, да он мне в отцы годится, и тут же поежилась от моего к нему панибратского обращения.

— А тебе? — голос предательски дрогнул от захлестнувших эмоций.

— Двадцать семь, — будничным голосом вновь сказал Энджил.

Мы молча допивали чай, пока эту наигранную идиллию не прервал шум из прихожей. Я вытянула шею и прислушалась, Энджил никак не среагировал, лишь когда вошли двое девушек, зло бросил:

— Зачем ты ее притащила?

— И тебе добрый день мой хороший, — проворковала Глория. — Как спалось, Агни?

Не понимая, чего ждать, кивнула и постаралась поскорее прожевать пирожное. А вслед

за моей уже знакомой появилась темноволосая красавица с выступающими из выреза формами. Просверлив меня уничтожающим взглядом, она прошла мимо, сев на ближайший стул.

— Мне тоже чаю.

— Испортишь фигуру, — в этот раз тон оказался уж слишком спокойным, Энджил поднял на нее ледяные глаза.

Я поежилась, если он так на меня посмотрит, то точно окоченею. Но эта девица оказалась бесстрашной и, к моему удивлению, достав из сумочки свою небольшую чашку, налила чай, сцапав тонкими пальчиками ближнее пирожное.

— Из-за непредвиденной встречи мы вчера не заглянули в одно очень важное для девушки место, — и, таинственно замолчав, Глория поманила меня подняться в мою комнату.

Этим замечательным местом оказалась косметическая лавка натуральных средств. Передо мной на столике оказались расставлены не меньше десяти различных флакончиков и баночек, о применении которых, не умолкая, рассказывала Глория: бальзам Мекки, делающий кожу изумительно мягкой, белой и гладкой, два вида туалетной воды для умывания, бегеновое масло, масло какао, используемое в качестве помады, далее я просто перестала слушать, лишь кивая. Излишне содержательный разговор меня утомил.

— Что за девушка с тобой приехала? — прервала я ее излияния.

— Это Лилит, она... своенравная.

Я хмыкнула: м-да, это еще мягко сказано... И чем обоснована та ненависть в ее взгляде, я же впервые ее вижу? И тут сам собой вспомнился первый прием, рассказ Дианы о сестрах, одной из которых и была эта самая Лилит. И все равно причина непонятна.

— Все запомнила? — Глория закончила знакомство с невероятно важными для любой девушки баночками. Я утвердительно кивнула, плевать, разберусь сама, если вообще потребуется. — Ну отлично, пойдем тогда вниз.

В столовой стояла давящая тишина. Энджил и Лилит, полностью игнорируя друг друга, сидели успев допить чай. Притом тарелка с пирожными оказалась возле самого носа ангелочка.

— Нам пора.

И не говоря ни слова, Лилит поднялась и, наградив меня новым испепеляющим взглядом, вышла вслед за Глорией.

— Все настроение испортили, — пробурчал недовольно Энджил.

Чудом удержалась от смешка и замечания: а настроение было? И, не совсем понимая, зачем вообще вновь спустилась, попрощавшись, заторопилась выйти на улицу.

Почти всю оставшуюся часть дня гуляла по саду. Едва тронутый человеком, он не потерял своей естественности. Садовник лишь подрезал падающие на тропинки ветви да высадил рядом со скамейками цветы.

Под конец прогулки набрела на пруд с удивительно голубой водой. Именно здесь, сидя прямо на траве, я почувствовала, что время словно замерло. Взгляд медленно скользил по глади с играющими солнечными бликами, под морщинистой водой проплыли несколько золотистых рыбок, разносилось легкое шуршание ветра... и я сама не заметила, как склонилась к траве и, прильнув к ней щекой, задремала.

Очнулась я резко, даже сама не смогла бы толком объяснить, от чего именно, и оглядела

по сторонам потускневший пейзаж. Это сколько же я проспала? Вскочив на ноги, заторопилась к дому, пока еще можно было разглядеть петляющие тропинки между чернеющими деревьями. О том, что придется блуждать здесь в темноте, думать не хотелось.

Возле самой двери столкнулась с Алексом, одетым во все черное и, едва не врезавшись в него, ойкнула от неожиданности.

— У меня появилось несколько часов, ты просила свозить тебя к усадьбе тетушки.

Пытаясь осмыслить сказанное, уточнила то, что больше всего взволновало меня:

— Верховом? — и сама осознала, что выгляжу сейчас как глупый ребенок, спрашивая очевидные вещи.

— Переоденься в подходящее для этого платье. Оно ведь у тебя есть?

Получив утвердительный ответ, он придержал дверь, пропуская меня внутрь. С помощью служанки собиралась я относительно недолго, по меркам здешнего времени. Но невольно пришлось задержаться в комнате, от мысли о прогулке верхом закружилась голова. В своем времени на лошадях я ездила только по парку, да и то шагом и лошадь вела под уздцы девушка. Можно сказать, это был безопасный аттракцион для щекотания нервов за небольшую плату.

Понимая, что больше откладывать нельзя, очень медленно направилась вниз. Каждый шаг давался с трудом, и уже внизу лестницы я явственно представляла, как сегодня свалюсь с лошади и сломаю себе если не шею, то руку или ногу точно.

Когда я оказалась в дверях гостиной, разговор, доносившийся оттуда, стих и на меня уставились две пары глаз. На их лице читалось удивление, смешанное с восхищением.

— Тебе идет, — наконец выдал Энджил, слегка изогнув губы.

Ну вот чего они так застыли? Не совсем понимая их реакции, от волнения позабыла взглянуть на свое отражение, подошла к зеркалу. Замерла, сама не в силах отвести взгляд от отразившейся незнакомки. Амазонка цвета морской волны мягкими складками спускалась до пола, а глаза из серых приобрели невероятно красивый темно-голубой цвет.

— Нам пора, — прервал мои любования Алекс.

И я молча вышла вслед за ним, провожаемая неотрывным взглядом голубых глаз. Оказавшись на улице, мы молча проследовали в конюшню, сердце с каждым шагом все отчетливее стучало в голове и висках, набирая ритм. Я паниковала, пока только внутренне, но как только окажусь верхом... как вообще управлять этим животным? Не хочу думать об этом, только не сейчас, когда нужно сосредоточиться и собраться и залезть на... Мысли резко оборвались, когда до слуха донеслось ржание. Я замедлила шаг, трусливо отстав от моего провожатого.

— Мы поедем на одной лошади, как и в прошлый раз, — в голосе слышались насмешка и интерес: меня же уже начало потряхивать и его слова дошли до моего сознания не сразу. Он успел вывести коня, когда я, облегченно вздохнув, осознала услышанное.

Подсадив меня и запрыгнув следом, Алекс убедился, что я в состоянии удержаться в седле, не грохнувшись в обморок, и направил животное шагом. Мои ноги оказались по одну сторону от седла, правая нога расположилась между передними луками. Вновь почувствовала себя крайне уязвимо и неустойчиво, в таком положении слишком велика была вероятность упасть, судорожно выдохнула, стараясь не потерять хрупкого равновесия. И вновь слегка заметные покачивания, и легкие соприкосновения, и ощущения мужского тела, опять кольцо рук и мое смущение. Как хорошо, что сейчас он не видит мое лицо. Постаралась сосредоточиться на ритме и движениях лошади, так как впереди видела не

дальше пары метров, когда бархатный голос возле самого уха предупредил:

— Готова?

— К чему, — и опять эти трусливые и писклявые нотки в голосе.

— К поездке с ветерком. Не бойся, я удержу тебя.

И тут же после этих слов он ударил в бока животного каблуками. Лошадь, повинувшись наезднику, перешла на рысь. Завизжав, я до боли в пальцах вцепилась в чуть выступающую спереди часть седла. Перехватив вожжи в одну руку, второй Алекс обхватил меня за талию, плотнее прижимая к себе. Почувствовав уверенность в посадке, я, мысленно благодаря и ругая его, молила о завершении столь стремительного бега.

— Я держу, расслабься.

Из-за исходившего от него спокойствия легче не стало, я только перестала кричать, зажмурившись: что-либо различить впереди с открытыми глазами все равно не получалось, их застилала пелена слез. Наконец, несколько раз плавно дернувшись, конь перешел на шаг.

— С ума сошел, — когда смогла сделать хороший вдох, прошипела я, забыв, с кем разговариваю, — да когда слезу, я придушу тебя своими же руками!

Послышался приятный мелодичный смех, и его рука осторожно скользнула прочь, предоставляя мне возможность вновь распоряжаться своей жизнью.

Вскоре мы подъехали достаточно близко к дому тетушки и, натянув поводья, Алекс легко спрыгнул с коня, помогая оказаться на твердой земле и мне. Оставшуюся часть пути предстояло проделать пешком, стараясь стать как можно незаметнее. Привязав уздечку к дереву, он немедля направился в сторону дома. Я же задержалась, приходя в себя и ожидая, пока организм перестанет покачивать, словно на волнах, мешая движению и заставляя чувствовать себя неуверенно.

Алекс замедлил шаг, остановившись в ожидании. Догнав его, замерла рядом, недовольно сопя, ведь даже не подождал и не оглянулся:

— Где?

Указав куда-то вперед, решила пояснить:

— Левее от черного входа, возле большого дерева.

Он кивнул и бесшумно двинулся вперед, я же, наступая на всевозможные ветки, проваливаясь в ямы, запинаясь за коряги и цепляясь за сучья, издавала слишком много шума.

Впереди деревья начали редеть, и теперь даже моим человеческим зрением я смогла различить выступающие очертания дома. Поравнявшись с моим провожатым, намерилась шагнуть вперед, и тут мужская рука зажала рот, вторая железным обручем обвила талию, притягивая вплотную к себе, затрудняя дыхание. Волна нервной дрожи прошла по всему телу, и я забилась, пытаюсь высвободиться. Мысли в панике вылетели прочь, оставляя меня наедине с этим невероятно сильным существом.

— Тс-с, — я уже хотела изловчиться и пнуть его, когда до меня ветер донес не свойственный природе звук.

Со стороны дома мелькнула чья-то тень, прячась за черными стволами, мы оба затаились.

— Зачем ты меня мучаешь? Разве я недостаточно наказана за свой поступок? — до нас долетел только шепот, пришлось прислушиваться, чтобы разобрать слова. — Ты же знаешь, это не я виновата в твоей смерти.

Донеслись тихие рыдания, перешедшие в истерический смех.

— Люси, дорогая, — вмешался мужской голос, — пойдете в дом.

— Генри, он опять приходил! Он хочет свести меня с ума или... забрать к себе! Я должна поговорить с ним. Нет, пусть, пусть, — в этот самый момент я переступила с ноги на ногу и встала на очередную ветку, оглушительно громко хрустнувшую в ночной тишине. — Это он!

«Она нас увидит!» — эта мысль пронзила меня, точно стрела.

Я шагнула назад, готовая бежать, но уперлась в словно окаменевшее тело Алекса.

— Не мешай, — одними губами произнес он.

Люсия рванула в нашу сторону, молниеносно среагировавший Генри остановил ее и силой поволок к зияющему чернотой провалу двери.

— Старая карга, — прорычали мне на ухо, и я вздрогнула, в этот момент совершенно забыв об Алексе. Он убрал руку с моего рта, правда, не торопясь разжать вторую.

— Она сумасшедшая? — выдавила я, и неприятный холодок от осознания, что прожила с ней почти месяц, забрался под одежду.

— Сколько же пороков скрыто в человеке, — не отрываясь от двери, за которой скрылись двое, заключил Алекс. — Муки совести. Совесть, — хмыкнул он, — когда ты ей самолично вручаешь корзину со своими плохими деяниями, она продолжит методично сводить владельца с ума. Никогда не заключай с ней сделки, всегда ищи другие выходы.

— Не понимаю, о чем ты.

— И не надо.

После этих слов он отступил назад, предоставляя мне место для дальнейших действий. Отыскав брошенную мной в кустах лопатку, присела: корсет сжал ребра, не давая принять удобную позу для копания в земле.

— Дай лучше я, будет быстрее.

Через пару минут — даже не думала, что закопала шкатулку настолько глубоко, — он отряхивал деревянный прямоугольник и, вручив его мне, потянул прочь.

— У тебя кровь, — Алекс перехватил мою руку, не давая коснуться своего лица.

— Ерунда. Переусердствовал, — кинул он в ответ, белым платком стирая алую жидкость возле носа.

Весь обратный путь конь шел шагом, но накопившееся напряжение, подпитанное смущением, никак не хотело уходить. Когда я ступила на крыльцо дома, казалось, болело все тело, хотелось только упасть на кровать и пролежать неподвижно до самого утра.

Оставшиеся дни до конца недели Алекс в доме не появлялся, а если и приходил, то я с ним не встретила. Энджил в задумчивости молчал, иногда кидая на меня странные взгляды. Я не решалась заговорить первой. К моему сожалению, за это время Глория больше не приезжала. Я была предоставлена сама себе, и это одиночество, бесцельные прогулки и невозможность с кем-то нормально поговорить начинали сводить с ума. Случались дни, когда общение с Энджилом шло размеренно и будто само собой, но потом вдруг резко все обрывалось и, отвернувшись, он замыкался в себе. Я вновь начинала злиться на себя, на него и на весь мир.

Этой ночью спала урывками и проснулась в мокрой насквозь рубашке и прилипшими к лицу волосами. Распахнув ранним утром окно, сразу же пожалела об этом. Душный и жаркий воздух вплыл в комнату, окутав меня давящим покрывалом. Подобная жара установилась со вчерашнего дня, а я не теряла надежды на спасительный дождик. Мои мольбы, увы, до сих пор оставались без ответа. Погода не щадила никого, становясь

нестерпимо удушающей днем.

Желая освежиться, попросила налить в ванну воды, позволив себе немного расслабиться. Если честно, я крайне удивилась, обнаружив на первом этаже ванную комнату, в центре которой стояла оцинкованная ванна. Воду в ней подогревала крепившаяся к краю небольшая деревянная печь. В «родительском» доме сидячую ванну наполняли ведрами служанки, и остывала она довольно быстро.

Одевшись в чистое платье, поспешила к столу. Энджил, как чаще всего было, сидел за столом и о чем-то напряженно думал, нахмуренные брови и отсутствующий взгляд были тому ярким подтверждением.

— Доброе утро, — поздоровалась я после минуты созерцания и, так не получив никакой реакции, села на ближайший стул.

Наконец мое негодование достигло пика и, игнорируя его нежелание общаться, выдала:

— Пойдем сегодня погуляем на улицу, — не дождавшись ответа, встала и подошла к нему вплотную. — Мы сегодня идем гулять.

— Я не люблю прогулки, — он даже не поднял головы.

— Не говори ерунды! От духоты в доме невозможно находиться, а там хотя бы ветерок, — и неожиданно для самой себя осознала, что ведь действительно не видела, чтоб он выходил из дома. — С чего ты вдруг решил запереть себя в четырех стенах?

— Я — калека, — его слова были до краев полны презрением к себе.

— И что? На этом свет не сошелся клином. В мое время инвалиды борются за свои права, участвуют в соревнованиях. Они берут от жизни все, а ты себя заживо хоронишь. Многие даже не считают себя «другими». Хватит молчать, скажи что-нибудь!

— Да.

— Не поняла?

— Давай погуляем... только по саду.

Я улыбнулась, довольная внезапно проснувшейся упертостью.

Перекусив, мы направились по тропинке вглубь сада, стараясь держаться в тени густо переплетенных ветвей. Энджил был погружен в задумчивое молчание, я искоса поглядывала на него, пытаюсь по лицу понять, о чем он думает. Но оно было по-прежнему прекрасным и отрешенным, будто все происходящее вокруг его не касалось.

— Сюда забредают люди? — наконец решила я нарушить тишину.

— Что? — он вздрогнул, выйдя из оцепенения. — Нет, то есть да. Редко. Это ведь частные владения. Если и заходят, то я их выгоняю, нечего им тут делать.

— Ты? — изумилась я, резко остановившись.

Он грустно улыбнулся:

— Я чувствую, когда кто-то рядом, даже если не вижу его. Ощущаю его энергию, внутреннюю силу, настроение. Правда для этого нужно прикладывать некоторые усилия и быть сосредоточенным. Ты понимаешь?

Я кивнула — скорее из вежливости, хотя не понимала я ни черта.

Энджил продолжил:

— Я могу повлиять на решения людей и могу принять за них решение, что делать, — и вдруг поднял голову и улыбнулся. Его волосы перебирал ветер, и они напоминали расплавленное текучее золото. — Не бери в голову. Пойдем покажу мое любимое место.

Наконец мы добрались до озера. Его голубая гладь сверкала на солнце тысячами золотых рыбок.

— Здесь так красиво, даже дух захватывает.

Он лишь кивнул. Его глаза заблестели, должно быть, вспомнил что-то хорошее, все лицо преобразилось, черты стали мягче и прекраснее. Он убрал с лица пару непослушных прядей, которые тут же вернул на прежнее место озорной ветерок. Энджил медленно обводил взглядом живописную местность, стараясь ничего не пропустить. В этот момент он больше чем когда-либо напоминал Ангела.

— Все так преобразилось, даже не верится, что это то самое озеро, — изумился мой спутник.

Вдруг я осознала, что улыбаюсь, просто так, глядя на его необыкновенную внешность, но совсем не такую, как час назад.

Мы просидели в тишине минут десять. Это было такое время, когда не нужно ни слов, ни действий, ты просто чувствуешь, что не один, а большего и не надо.

— Как ты развлекаешься? — спросила я как бы невзначай.

— Читаю книги.

— Ну, а кроме книг?

— Любуюсь природой.

— А кроме? — допытывалась я.

Он посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами. Когда такие глаза обращены на тебя, то невольно вздрагиваешь.

— Что ты хочешь услышать?

— Слушаю музыку, играю в карты, домино, подшучиваю над кем-нибудь.

— Нет.

— Ничего такого?

— Нет.

— Как скучно, так можно и умереть с тоски.

Энджил ничего не ответил. Солнце поднялось достаточно высоко, и жара душила, каждый вдох начал даваться с трудом. Но как глубоко ни старалась дышать, кислорода по-прежнему не хватало, как будто его количество в разы уменьшилось в воздухе. И нестерпимое желание освежиться не покидало меня уже несколько минут.

— Давай поплаваем! — воскликнула я, стараясь разрядить обстановку.

Не веря в услышанное, собеседник поднял брови: невзирая на изумление, голос прозвучал монотонно и бесцветно:

— Я калека, урод.

Я возмущенно нахмурилась. Вот, значит, как он воспринимает себя.

— Во-первых, ты далеко не урод (при этих словах мое сердце екнуло), а во-вторых, если бы ты сказал, что не умеешь плавать, это прозвучало бы более веским основанием, чем то, которое привел ты.

— Я не умею плавать.

— Тоже мне, нашел причину. Да ты можешь плавать не хуже меня, правда, я плаваю не блестяще, но это другая проблема. Так что, пойдешь?

— Одежда намокнет.

— Рубашку можно вообще снять, и обувь тоже, и штаны.

— Ты не шутишь? — он внимательно посмотрел на меня, усмехнувшись услышанному.

— Ну пойдём, пожалуйста, так охота, но одна я не стану.

— Похоже, не шутишь, но штаны я оставляю.

Я, не желая понапрасну терять время, стала расстегивать застёжки и расшнуровывая корсет платья.

— А вот это уже неприлично, — заметил Энджил голосом, полным сарказма, — ты снимешь платье?

Я нахмурилась:

— Ты хочешь, чтоб эта баржа меня потопила? Это не спасательный круг, платье не приспособлено для плаваний.

— Как хочешь, — буркнул он, отвернувшись.

— Энджил, ты против?

— Нет, — ответил он слишком поспешно.

И, отменяя назойливые мысли, боясь передумать, стянула платье, и оно аккуратно было уложено на траву, остались еще нижние юбки. Снять все было отнюдь не легкой задачей. Я напоминала себе капусту, с которой раз за разом сдирают непригодные листья.

С трудом стянув последние тряпки, осталась в панталонах и в чем-то типа короткой рубашки с кружевами. Конечно, мало похоже на купальник, но эта одежда скрывала даже больше, чем мои летние вещи.

— Отвернись.

Пожав плечами, я выполнила его просьбу, а когда получила разрешение повернуться, Энджил уже лежал у берега в прозрачной чистой воде. Обращаясь к близлежащему дереву, он произнес:

— Я не умею плавать.

— Ах да, это не трудно, сейчас покажу! — и с этими словами я зашла по пояс в воду, обхватившую мое тело словно теплыми объятиями.

Энджил по-прежнему смотрел куда угодно, только не на меня. Винить его нельзя: другое время, другие правила и воспитание, но меня задело, что, разговаривая со мной, обращаются к кому-то непонятному.

— Энджил, я здесь. И если ты по-прежнему будешь так внимательно разглядывать природу, то вряд ли научишься плавать, — я уперла руки в бока. — Ты меня слышишь? ЭНДЖИЛ!

— Да. Разумеется.

Глянул на меня мельком, и на щеках появился румянец. Мои губы дернулись, и я чудом не расплылась в улыбке.

— Прекрати издеваться, — скривился он. — Ты обещала научить плавать, — в этот раз он смотрел прямо на меня, но, бьюсь об заклад, очень старался не замечать.

— Смотри внимательно. Вытягиваешь руки и разводишь, потом поджимаешь под себя и снова вытягиваешь. Понял?

— Не очень.

— Ну ладно, допоймешь в процессе.

Он переполз на более глубокое место, где вода доходила ему до шеи, руки немного провалились в мягкий песок. Энджил выглядел чуточку неуклюже.

— И не растопыривай пальцы, сожми их вместе, пусть они станут единым веслом, — сообщила я последние напутствия.

Его тело напряглось, мой ученик сильно оттолкнулся и сделал несколько быстрых гребков руками, слишком неуверенных и неумелых. Я моментально поспешила к нему, до дна он уже достать не мог.

Энджил с головой погрузился в воду, и я, не раздумывая, подхватила его (слава Богу, в воде все становится легче). Его глаза были широко раскрыты от шока.

— Ты перестарался, — если честно, то я и сама испугалась. — Грести надо медленно и размеренно, доверься воде. Если бояться, то не поплывешь.

Спустя секунду он пришел в себя, ему в лицо бросилась краска.

— Давай я снова попробую.

— Я тебя подержу первое время, — я поудобнее обхватила его за талию.

— Не...не надо, — смущенно отвернулся, мне тоже стало немного не по себе.

— А сейчас не спеша гребь руками... так... уже лучше.

Даже удивительно, насколько он оказался хорошим учеником. Через полчаса Энджил неплохо держался на воде, пожалуй, даже лучше меня. Я ему показала еще несколько способов, как можно плавать. Он был восхищен внезапной легкостью, ощутив себя фактически полноценным человеком.

— Догоняй! — крикнула я, поплыв вдоль берега по-собачьи. Теоретические навыки у меня имелись, но на практике не хватало силы в руках.

Вскоре меня что-то потянуло за ногу: я вскрикнула, он вынырнул на поверхность, раскидывая в разные стороны брызги с волос.

— Поймал! — я и не думала, что он будет так счастлив.

Увидев мое удивленное лицо, он пояснил:

— Под водой плыть быстрее.

Мы молча смотрели друг на друга. Словно сказка: так нереально, так волшебно, действительность порой бывает прекрасней всего.

— Ты словно золотая рыбка, Энджил, — произнесла я замороженно.

«У него такие красивые глаза, а золотые волосы пронизаны солнцем. Из-за своей внешности он выглядит фантастически».

Пока я плескалась в его небесных глазах, он чуть обнял меня за плечи и его губы коснулись моих в осторожном поцелуе. Даже не успела понять, что он сделал, а когда осознала, должно быть, стала вся пунцовой. Я была поражена, но и тронута случившимся. Ни за что не произнесла бы это вслух, но мне понравилось, хотя не нужно ничего ему говорить — глаза сказали все за меня. Они светились радостью, и я ничего не могла поделать, да и не хотела.

Где-то в глубине души я мечтала поцеловать этого земного Ангела, ох, как же стыдно себе сознаться в этом. Он такой замечательный и добрый, просто весь мир отвернулся от него, в таком случае трудно сохранить равновесие в душе и не закрыться от всего мира.

— И вам не стыдно?

Я ощутило вздрогнула, и мы оба повернулись на голос. Рядом с высоким кустарником стояла, хмурясь, Лилит. С чего бы это вдруг она забрела так далеко от дома?

— Это просто возмутительно, так ведут себя только куртизанки. Извините, что побеспокоила, продолжайте.

И она, хмыкнув, повела плечиком и пошла прочь по направлению к дому, демонстративно сломав пару веток.

«Меня обозвали шлюхой? Мило», — подумала я. Голова уходящей была высоко поднята, как бы говоря, что она думает о нашем поступке. — Чего ты ржешь?

— Извини... у тебя такой вид, а на нее не обращай внимания, она сама не слишком-то придерживается... гм, в общем, неважно, — он выдержал паузу.

Только хотела возмутиться, что Энджил сравнил нас, но не успела. Он задел меня по плечу.

— Теперь ты догоняешь!

Начинало вечереть. Солнце клонилось к закату, но мы не спешили возвращаться в душные комнаты. Сидя на увядшей траве, иногда перебрасываясь фразами. Одежда на нас уже высохла, лишь мои длинные волосы оставались немного влажными.

— Давай во что-нибудь поиграем! — предложила я, не выдержав затянувшегося молчания.

— Только во что? — тихо рассмеялся он. — Есть идеи? — он повернулся ко мне, и лицо его было спокойно и красиво. — Умеешь придумывать на ходу?

— Что ты имеешь в виду? — не совсем понятно, что именно придумывать он предлагает.

— Ну давай я начну, и сразу будет видно, получится игра или нет.

Я согласно кивнула.

Энджил помолчал минуту и, улыбнувшись, произнес:

— Среди ненастий, бурь и гроз растет цветок, о боже, как же он хорош.

Я перевела взгляд с Энджила на пару птичек, пьющих воду у самого берега. Ненадолго задумалась, подбирая рифму:

— Его питают глупые мечтанья, грусть, боль, печаль и ожидания.

— Но все-таки надеждою в ночи горит маяк, а может, пламя от свечи, — ответил он.

— Горит то страстью, то холодным огоньком, то вьюгой, то весенним ветерком, — я начала понимать, в чем суть предложенной игры: расслабиться и довериться своему воображению.

— Так хочется ему стать ближе к этому огню, боится только он: а вдруг сгорю?

— Так лучше уж сгореть, чем тлеть веками. Неведомо, что завтра будет с нами, — я откинула упавшие на лицо волосы и придвинулась спиной к дереву.

— Так думаешь, что лучше в омут с головой и все равно, что станет с тобой? — по его выражению лица было совершенно не понять, серьезно Энджил спрашивает или это только слова, пришедшие ему на ум в продолжение игры.

— Жизнь коротка, и в этом суть — успеть пройти свой незабвенный путь. И страх, и нерешительность — порок. Уходит время, утекает, как песок.

— Но стоит ли ее специально сокращать? И рухнуть, чтоб учиться вновь летать? Из пепла возродиться, словно феникс-птица — такое чудо может и не совершиться, — ветерок шелестел в ветках деревьев и играл их листвою, Энджил смотрел на потускневшее небо. — Нам не вернуть, не пережить уже и дня, что нежно, где-то в памяти храня тайком переживаем вновь и вновь, что будоражит и волнует кровь. А может, не придется возрождаться и возжелаешь все-таки остаться?

— А может быть, довольствоваться малым? Иль подождать тот огонек, который бы не ранил? — я и сама не понимала, откуда берутся эти предложения, немного подумать пришлось лишь над первым и вторым, остальные рождались сами собой.

— Тут главное — решить, а не тянуть, ведь ожидания сего порочна суть. Порок не кроется в поступке таковом, а в страхе, что же может быть потом?

— Боятся все... и в страхе нет стыда, уходит он, как талая вода. Проходит вместе с грезами, мечтами, которые когда-то были с нами, и гаснут все мечты, уходят дни и остаются люди не одни. И это жизнь, которой мы живем. Так год за годом, или день за днем, — я

заметила, что его выражение лица за время игры как-то преобразилось, став не просто задумчиво-отрешенным, а задумчиво-вдохновенным; напряжение, всегда присутствовавшее в Энджиле, пропало без следа.

— Но каждый хочет быть не одинок, чтоб в трудную минуту кто помог.

— И нерешительность, она же суета, нас побеждает — вовсе не мечта, которой жили. Пыль ушедших дней нам остается в памяти о ней.

— Пусть лучше в памяти останется лишь только счастье, его мы вспомним в большие ненастья, — концовка получилась довольно оптимистичной, чему я очень обрадовалась.

Энджил удовлетворенно вздохнул, давая понять, что игра окончена.

— Ветер усиливается, наверняка будет дождь. Вижу, и тебе стало прохладно, — я действительно обхватила себя руками, кожа то и дело покрывалась мурашками. — Думаю, для первого раза неплохо, может, когда-нибудь еще повторим.

— Обязательно. Никогда не думала, что у меня получится что-либо придумывать на ходу.

— Это легче, чем кажется на первый взгляд.

Быстро застегнув рубашку, он помог мне зашнуровать корсет и одеть платье. Если он продолжал смущаться, то не подал виду. Настроение взлетело выше нависших облаков, как будто стараясь разогнать их. На высохшую землю и жесткие, жаждущие свежести листья упали первые дождевые капли. Два дня нестерпимой жары наконец-то сменит относительная прохлада.

Когда мы с Энджилем вошли в дом, он, извинившись, отправился к себе, упомянув, что вспомнил о чем-то важном, а мне предложил пойти в гостиную. Вот как будто специально, предчувствуя, что там ждет. Я зашла в помещение одна, Лилит бросила на меня взгляд, как будто я тварь ползучая, а она — высшее существо. Ну и плевать, флаг ей в руки и перья в ж... Я тоже одарила ее любезным взглядом, она демонстративно отвернулась.

— Добрый вечер, как прошел день? — Алекс чуть склонил голову, в черных глазах мелькнул интерес.

Я даже не успела открыть рот, как оказалась грубо перебита.

— Вы оба друг друга стоите! И чем вы занимались, когда я ушла? Если не секрет, — и она скривилась в довольной гримасе, очевидно, означающей улыбку, мельком глянув в сторону хозяина дома.

Я не понимала, с чего вдруг эти нападки, а после последних слов, до краев наполненных ядом, в которых, не спорю, отчасти виновата сама, во мне зародились ответные чувства.

Легким движением отбросила растрепанные волосы назад:

— А ты подумай! — не сдержалась я, подкрепив ее пошлые предположения ехидной улыбочкой.

Глаза ее расширились. Ей пришло в голову именно то, что предполагал подтекст моей фразы.

— Узко мыслишь, — ядовито ухмыльнулась, огладив платье, движение вышло дерганое и нервное. — А ты не подумала, что мы просто играли?

— Ну-ну, — неприкрытое недоверие сквозило в голосе красавицы.

— Ясно, одна извилина и та направлена в одну сторону.

— Я очень образована, меня обучали лучшие учителя... — вспыхнула она.

— Но ты ничего ни запомнила, — закончила я ее фразу.

— Да я тебе покажу, ты не знаешь, с кем связалась, плебейка. Я — истинная ведьма в десятом колене, — Лилит прищурила карие глаза, блестящие злобой.

— А по-моему, у тебя шиза и ты глубоко в заднице.

— Прекратили обе, — голос громыхнул раскатом грома прозвучав как команда, и мы, вжав головы в плечи, безропотно подчинились.

В комнате наступило полное молчание, Алекс подошел ближе, и его шаги эхом вознеслись к потолку. Неожиданно он издал тихий звук, средний между вздохом и смехом.

— Ты! — обратился он к Лилит. — Если я узнаю, что из-за тебя или по твоей вине ей станет хуже, не позавидуешь тебе и твоим соучастникам. Всего хорошего, — он явно дал понять, что ей пора. — А с тобой у меня будет отдельный разговор.

— Почему ты ее защищаешь? — прошипела Лилит уже около двери и поежилась под взглядом, которым он наградил ее.

— Потому что она моя гостья.

— А по-моему, это твоя любовница.

У меня не было слов, их вытеснили удивление и обида от такой наглости.

— Прикуси язычок, иначе я его вырву, — голос прозвучал тише обычного, что не предвещало ничего хорошего.

Его черты лица стали более угловатыми, глаза — четкими и яркими и блестели яростью, губы искривились в улыбке, показывая заостренные кончики клыков.

У нее глаза полезли из орбит при виде его преображения. Она икнула, словно увидела перед собой морду кровожадного хищника и, чуть не запнувшись на ровном месте, стремглав кинулась к выходу.

Я огляделась и стыдливо потупилась, засмотревшись на стол. Если б случившееся сегодня было бы в моем времени... хотя и тогда вряд ли я бы предложила малознакомому парню поплавать наедине. Похоже желание избежать одиночества ударило в голову сильнее, чем думала. Да черт, что я жалуясь, ведь день прошел не так уж и плохо, даже замечательно! Я попыталась выкинуть из головы сказанный в мою сторону вздор. Но это оказалось не так-то просто.

Почувствовав на себе внимательный взгляд, невольно передернула плечами. Руками я теребила ткань платья — волнуясь. Молчание угнетало.

Наконец он повернулся и лицо его было прежним, Алекс улыбался дружелюбной обаятельной улыбкой.

— Ты бы правда сделал, то о чем сказал? — и что меня дернуло спросить именно это?

Он внимательно посмотрел на меня, улыбка исчезла, стало невозможно понять, какие эмоции он сейчас испытывает.

— Да, и она это знает, — он говорил серьезно, и я ему верила.

Алекс увидел отражение страха в моих глазах. А кто бы не испугался?

— Она сказала, что я... — я сжала кулаки, силясь не разреветься от обиды и стыда. — Пойду к себе, можно?

— Разумеется. А о случившемся поговорим позже, моя гостья, — и, видя мое состояние, он добавил, — завтра будь готова к семи вечера, — поклонившись, Алекс вышел, оставив меня один на один со своими мыслями.

Едва переставляя ноги по лестнице, остановилась, перед глазами возникла картина с поцелуем. Замерев, сжала зубы, пытаюсь все же дойти до комнаты, прежде чем потекут первые слезы. Да, увидь я себя со стороны, в голову бы точно так же закрались неприятные

МЫСЛИ.

Утром с трудом удалось разлепить опухшие глаза, бесцельно пролежав еще полчаса, выползла из-под одеяла. Завтрак давно прошел, время близилось к обеду, но хотелось закрыться в своей комнате и не выходить минимум неделю. Со своими законами из другого времени я неудачно влезла сюда и нарвалась на гадкие оскорбления. От этого становилось только обиднее.

Заспанным взглядом окинула комнату. Что меня приятно удивило и озадачило, так это букет цветов на маленьком столике. Подойдя, я вдохнула нежный аромат и прочитала всего два слова на стоявшей рядом домиком бумажке: «доброе утро». Неужели Энджил? Вот так сюрприз. Это немного ослабило горький осадок от его бегства вчера вечером.

Желудок издал жалобный рокот и, отдавшись болью, настойчиво потребовал еды.

Набравшись смелости и выпив полстакана воды (сейчас бы не помешала бутылка вина), спустилась вниз. Не успела я еще зайти в столовую, как меня отвлек голос Энджила, он, словно ожидая меня, тут же показался из-за лестницы:

— Извини меня.

Дернувшись от неожиданности, повернулась в его сторону:

— За что? — на автомате поинтересовалась я, не переключившись со своих размышлений.

— За случившееся, я не должен был, — он грустно улыбнулся и убрал за ухо неприбранные волосы, — это все из-за меня. Подставил тебя, — поднял руку вверх, запрещая возражать. — Алекс просил передать, что хотел сегодня пройтись по магазинам, и напомнить, чтобы ты налила флакон полученной жидкости. А я лучше пойду подумаю над своим поведением.

Я не стала возражать. Если честно, и сама не могла понять, как теперь вести себя с Энджиллом и изменилось ли что-то, да и хочу ли я сама перемен? Быстро поев, я тоже ушла к себе, на весь день погрузившись в чтение книг, которые успешно помогали справляться с нахлынувшей апатией. Ближе к шести вечера буквы потеряли свою четкость и начали расплываться, прикрыв от усталости слезящиеся глаза подошла к трюмо. Стоило заранее подготовиться к предстоящей поездке. Открыв флакон, принялась, но вновь не уловила никаких посторонних запахов, жидкость походила на обычную воду. Наполнив маленький стеклянный флакончик, закрыла и положила в заранее пришитый кармашек. В заключении сборов покрутилась перед зеркалом, убедившись, что он словно исчез став незаметным в рюшах платья.

Но сборы оказались напрасны. Ни в этот, ни в следующий вечер Алекс так и не появился.

Дни вновь потекли скучной и однообразной чередой. Сидеть целыми днями в доме оказалось просто невыносимо, чтение книг надоело, как и прогулки по уже знакомым дорожкам сада. Развлекающие беседы с Глорией стали невозможны: к моему сожалению, накануне она отбыла погостить к своим дальним родственникам. Энджил же всячески избегал моего общества, строя из себя обиженного ребенка, хотя это вроде я опороченная сторона, а не он.

Ох, как же мне надоела эта игра в прятки! И, не дожидаясь разрешения, после восхода солнца я, пусть это было слегка глупое и беспечное решение, покинула дом. Миновав часть

сада, выскользнула за забор. Отчего-то сама себе напомнила одержимую, которой срочно потребовались новые впечатления.

Раннее утро только начинало совершать свои осторожные шаги, окрашивая небо в светлые тона. Я, погрузившись в свои чувства, не спеша шла по пыльной дороге, стараясь в них разобраться. Каша, полночи творившаяся в голове, воспоминания, граничившие с непонятными предчувствиями, — все это сводило с ума. Хотелось действий и немедленных, но в каком направлении начать копать? Единственной зацепкой оставался Байрон Дейлз, но опять же найти его самой без помощи не получится.

Миновав забор, опоясывающий владения, двинулась по дороге. Вскоре на горизонте, располагаясь на небольшом расстоянии друг от друга, замаячили крыши одинаковых, как под копирку, домов, напомнивших мне сцену из старого фильма. Это сравнение мне показалось забавным, словно я стала его участницей.

Засмотревшись, я пропустила тот момент, когда в мои мысли вмешался настойчивый детский голосок, поманивший за собой, как кусочек сыра — мышку из мультиков. Ускорив шаг, начала сокращать разделяющее нас расстояние и прислушиваться к разговору спешащих матери с ребенком.

— Мама ты купишь мне новое платье? Мое все в заплатках, — девочка лет девяти с рыжеватыми, немного растрепанными волосами с надеждой подергала маму за платье.

— Сейчас у нас нет денег на такую роскошь. Доносишь старое за старшей сестрой.

— А почему вы ей на день рождения подарили платье, а мне опять донашивать? — не унимался ребенок.

Женщина остановилась и, присев перед дочкой, заглянула ей в глаза, попросив:

— Я помню о твоём дне рождения, и как только заработаем, то тебе первой купим обновку.

И, обняв обиженного ребенка, заметила мою приближающуюся фигуру. Тут же выпрямившись, взяла малышку за руку и поспешила по дороге с холма, к крохотным домикам. Поднявшись следом, не отрываясь наблюдала за удаляющимися фигурами, проследив, пока представлялась возможность, их путь.

И вот я снова задумчиво стою перед воротами и сама не понимаю, чем меня зацепил подслушанный разговор. Ведь по сути эта простая просьба о новой одежде не могла получить отзвук в моей душе, больших проблем с деньгами наша маленькая семья никогда не испытывала, и знакомых со схожей сложной судьбой не припомню.

Уже был вечер, когда в гостиную зашел Алекс и, сделав вид, что меня не замечает, прошел к окну. Я так же хотела проигнорировать его, все два дня его отсутствия обида скреблась внутри и оставляла неприятный след. И... опять не выдержала ощущения, что я пустое место.

— Много крестьян проживает на твоей земле?

— Я не считал, около десяти семей.

— И все они работают у тебя?

— На меня, — поправил он и наконец-то прямо посмотрел на меня. — Ты обижаешься, — поджала губу, попыталась напустить равнодушный вид, но эти притворство и театральность всегда давались мне с трудом. Глаза заслезились, пришлось отвести взгляд первой. — У тебя полчаса на сборы, и возьми с собой флакончик.

За окном стемнело не больше часа назад, а я уже стояла на крыльце и подпрыгивала от

нетерпения. Ну наконец представилась возможность выбраться и провести вечер вне дома. Прикрыв глаза от внезапно налетевшего ветра, услышала неприятный хруст гравия, потревоженного большими колесами. Крытый экипаж остановился чуть в стороне. Только я успела подойти, как из открывшейся двери вышел Алекс в классическом черном костюме. Подал мне руку, помог забраться внутрь, сам сел напротив.

Сердце забило сильнее. И чего я вдруг разволновалась? Встретить здесь моих многочисленных знакомых, да еще и в определенное время, шансов было не много, а вот развеяться точно не помешает.

— Куда мы едем? — не выдержала я, потому что он молчал чуть прищурившись, изучая.

— По магазинам.

Экипаж дернулся, набирая ход. Удивленно подняла брови.

— И зачем? Так ты хочешь проверить действие этой жидкости? — с сомнением в голосе произнесла я, покачиваясь в такт движению.

Как-то странно ухмыльнувшись, он подался вперед.

— Можешь не сомневаться, шанс представится.

А вот после этих слов дернулась уже я, захотелось выпрыгнуть наружу, его уверенность в словах меня насторожила.

Отвернувшись к окну, он отодвинул шторку. Окна проезжающих нами домов отбрасывали блеклые полосы света, попадая в экипаж подобно ползучим змеям. Было уже около восьми часов, может, чуть больше, в это время все цвета успели потускнеть, став более устрашающими. Деревья, виднеющиеся вдаль, выглядели неестественно, не было видно ни объема, ни других оттенков, кроме черного. Возникало такое чувство, что они вырезаны из черной бумаги и приклеены сюда для наведения ужаса на прохожих.

— Энджил упоминал, что ты интересовалась моими увлечениями, — констатация факта, не более. — Надеюсь, представится возможность поговорить и об этом. Тем более последний твой рассказ про транспорт будущего меня впечатлил. Хотел узнать, какие в ваше время веянья о вампирах.

— Вампиры — это всего лишь легенда, миф, — машинально отозвалась я и тут же подавилась словами, поймав его хищный взгляд зверя. — Легенды возникли слишком давно, чтобы их менять, — Алекс хмыкнул, должно быть, мои слова не убедили. Пришлось продолжить: — Хотя в мое время выходит много романов, а вот там чего только не напишут. Вы и кровожадные бездушные убийцы, и соблазнитель, и герои. Но это только фантазии дорвавшихся до бумаги писак. К чему этот вопрос? Тебе лучше меня известна правда.

— Люблю знать чужие мысли и заблуждения. Это не только интересно, — а иногда и смешно — но и полезно. Как считаешь, мы прокляты? — как ни в чем не бывало спросил он.

Я чуть помедлила, пытаюсь справиться с внезапным чувством загнанной антилопы, но все же сказала:

— Возможно, вы обречены... на очень долгую жизнь. Уверена, найдутся те, кто откажется от подобного предложения, — и поняла, что Алекс поднял бровь, ожидая пояснения. — Люди в возрасте или калеки.

— Я понял, о чем ты. К тому же увидеть смерть близких и детей — сложный барьер, но, когда он пройден, поверь мне, дальнейшая жизнь уже не видится в темных красках. Это всего лишь непродолжительный участок времени, безусловно, один из самых тяжелых, этого я не отрицаю.

«Интересно, он говорит из собственного опыта или просто предполагает? И скольких родственников он потерял?». Однако спросить о столь личном так и не набралась храбрости.

— Но время не стоит на месте и залатает раны от утрат, оставив в памяти только рубцы, — он положил голову на спинку сиденья, стало видно, что он очень устал. — Скорее не согласятся люди с устойчивыми принципами и верой в Бога, таких людей очень сложно привлечь подобным искушением без обмана.

Я с укором посмотрела на него. Об Изабелле, молящейся каждый день и исправно посещающей церковь и, несмотря на это, попавшейся на крючок вампира, ничего больше не слышала. Хотелось верить, что она жива.

— Ты пробовал?

Он усмехнулся, в полутьме блеснули клыки:

— Чего я только не пробовал. А ты бы отклонила подобное предложение?

— Я? Я... не знаю, — столь неожиданный вопрос застал меня врасплох, взгляд сам собой уставился в пол.

— Не лги мне, ни за что не поверю, что ты ни разу не задумывалась об этом.

— Это ты сказал, а не я. Мне кажется, все зависит от ситуации. Есть моменты, когда человек ни за что бы не променял свою жизнь на любую другую, а порой люди призывают смерть сами. Ты мне хочешь предложить стать вампиром? — я пыталась выглядеть раскованно, но от напряжения сводило плечи.

— Нет. Пока нет.

Я выдохнула задержанный воздух:

— Тогда и ответа я дать не могу. Хотела узнать кое-что не по теме.

— Что именно тебя интересует? — он машинально облизал губы, вольготней развалившись на упругом сиденье.

— Какое твое настоящее имя? — я с затаенным дыханием ожидала ответа.

— Алекс, — пауза и легкое подрагивание прикрытых век. — По прибытию сюда я сменил имя на Анатоля, это простая необходимость. Хочу пояснить: в моем доме можешь называть меня как хочешь, но на людях только Анатодем.

Он замолчал, мне показалось, что разговор окончен, но через несколько минут последовало продолжение.

— А какие в ваше время теории появления вампиров? Про Бога и Дьявола можешь не упоминать. Исходя из этого взгляда и мы, и вы прокляты, — Алекс пробежал пальцами по жабо на груди, словно играя, я невольно наблюдала. — Для некоторых бессмертие — это наказание, они считают, что с годами в человеке накапливается все больше отрицательной энергии и злости. Вечно живущий обрекает себя на существование под тяжестью все скапливающихся знаний и воспоминаний. Он живет без событий, способных удивить и потрясти.

— Ты тоже так считаешь?

Волосы упали Алексу на глаза, когда он чуть опустил голову:

— Наверно. Порой бывает очень сложно, а временами невыносимо. Вот в детстве что приносит радость? Да почти все, — сам же ответил он. — А сейчас? То, что казалось тебе волшебством, — обыденная и неинтересная вещь. И с каждым годом таких становиться все больше.

— Но как же? Теперь тебе ведь известно, насколько будущее отличается от настоящего.

— Не в этом дело. Вот ты очутилась здесь, неужели тебе настолько все тут не нравится?

— В этом времени интересно, но...

— Вот именно, тебя многое устраивает, но ты скучаешь. Там все родное, знакомое с детства, все твои мечты и надежды. Твоя жизнь. Мы всегда будем с теплотой вспоминать место, где выросли, ведь именно там родились первые положительные, самые искренние детские эмоции и впечатления. Не так-то просто почувствовать то же самое сейчас и смириться. Ну вот, приехали, — заметил он, слегка растягивая слова.

Мой спутник толкнул дверь магазина, пропуская даму (то есть меня) вперед. Кивнув и улыбнувшись ему, прошла внутрь просторного помещения. В нашу сторону тут же направилась девушка, одетая в нейтрального цвета платье, но Алекс четким движением руки дал понять, что ее присутствие пока не требуется.

С опаской огляделась: одежда, перчатки, веера, вдалеке расположена витрина с украшениями, и, не увидев ни одного знакомого лица, облегченно вздохнула. Человек восемь лениво ходили по магазину, лица мужчин были задумчивыми, женщины, наоборот, светились от предвкушения обновок в гардеробе. У дальней витрины о чем-то тихо спорили девушки, двое мужчин уже расплачивались за выбранные спутницами покупки.

Не знаю, чем руководствовался Алекс, приведя меня именно в этот магазин, но тратить чужие деньги на безделушки мне однозначно не хотелось.

Я бесцельно бродила по залу, когда взгляд, скользя, зацепился за детское платье с белыми подолами и более плотной алой тканью сверху, собранной наподобие арки, с воздушными рюшами по низу и рукавами-фонариками. В голове тут же возник образ той малышки, а ведь точно, оно идеально подойдет к ее светло-рыжим волосам. Странная и безумная мысль, учитывая то, где живет этот ребенок.

— купишь мне это платье и три метра вон той ткани?

— Зачем? Оно же детское, а ткань дешевая, — изумился он, остановившись за моей спиной.

— Если скажешь, где можно продать украшения, я покрою сегодняшние затраты, вырученных денег, надеюсь, хватит? А еще могу помочь по дому...

Алекс усмехнулся, не дав договорить:

— Упрямая ты, — и, склонившись к самому плечу, чтобы слышала только я, добавил. — Деньги не нужны и в помощи прислуга тоже не нуждается, — и, выпрямившись, подозвал работницу магазина, по-прежнему зорко наблюдающую за посетителями. — Не знаю, зачем тебе нужно это платье, но я куплю его. Мои требования ты слышала и не предлагай больше этих глупостей.

Мы уже подошли к двери, когда она в очередной раз открылась и в дверном проеме возникла Изабелла. Я остановилась так резко, что едва не упала на входящую. Та тоже замерла, напуганная моей реакцией. Дрожь, пробившая мое тело подобно разряду молнии, заставила поежиться почти от физической боли. А когда за ее спиной замаячила фигура Миноры, тело скрутило точно в судороге.

Попытившись, я открыла рот в немом крике, пораженная неожиданной встречей.

— Вам плохо? — с готовностью отозвалась Изабелла.

К нам тут же подбежала сотрудница и, засуетившись, усадила меня на мягкий пуфик.

— Выпейте воды, — все тот же участливый голос и протянутая рука, сжимающая стакан с прозрачной жидкостью.

Заволновавшись, Минора склонилась ко мне.

— Девочка моя, вы так бледны, — и от этого нежного и родного голоса боль вместе с

глотком воды, разлилась по всему телу. И вновь эти глаза, полные затаенного горя и всепоглощающей любви. — Мы знакомы? — осторожно покосилась по сторонам, однако Алекса, который мог стать моим спасательным кругом в данной ситуации, видно не было. Он словно растворился в многочисленных тенях магазина.

— Н-нет, — заикаясь, но уже начиная приходить в себя, вымолвила я.

Изабелла повернулась к сотруднице и, беседуя с ней о чем-то, слегка оттянула давящую на шею бархотку. Мне показалось, что я вновь заметила две маленькие ранки. Изи выглядела еще бледнее, чем при нашей последней встрече, синие круги под глазами были обильно замазаны, а неудачный цвет платья делал ее внешний вид болезненным.

Не давая мне толком прийти в себя, на плечо легла рука, ощутимо сжав. Я дернулась, резко повернув голову. Как бы в ответ на мой затравленный взгляд губы Алекса тронула безжизненная улыбка.

— Пойдем, то, ради чего мы пришли, подтвердилось.

И не обращая внимания на встревоженные взгляды Миноры, поднял меня за локоть. Я нашла в себе силы только кивнуть в ответ моей бывшей семье. Отчего-то захотелось разреветься, и, чтобы не выглядеть еще более странно и не привлекать больше внимания к своей персоне, прикусила до боли губу.

Дорога назад проходила в угнетающем молчании, в голове стояла звенящая пустота. Отчего-то случившееся выбило из-под меня землю похлеще первого дня осознанного пребывания в этом времени. Мысль скользким ужом крутилась где-то на периферии сознания, и наконец я поняла причину. Этот флакончик вновь сделал меня никем, словно пустым местом в жизни знавших меня людей. Вот так просто — раз, и стерли мою личность из общих воспоминаний.

Быстро достав ненавистную стекляшку, я кинула ее на пол. Послышалось жалобное звяканье.

— В чем дело?

— Она работает! Эта чертова жидкость работает! — голос сорвался на крик, и я резко замолчала.

— Я уже понял, — терпеливо ответили мне. — Думал, ты обрадуешься возможности покинуть мои владения, — голос звучал мягко и успокаивающе.

Я притихла. Странно, что меня настолько задели возникшие мысли, но о положительном эффекте в те минуты голова напрочь отказывалась думать. И тот печальный взгляд таких родных глаз... Поняв, что пальцы впились в ткань платья, нещадно сминая ее, вдохнула поглубже, постаралась расслабиться.

Как очутилась в своей комнате, понимала с трудом, но сейчас, сидя на маленьком диванчике, взглядом наткнулась на завернутые в бумагу покупки. Аккуратно распаковав их, вновь залюбовалась платьем: будь у меня рыжие волосы, непременно мечтала бы именно о таком. Та девочка вновь возникла передо мной, и те трогательные слова о подарке, который она ждет. И тут же нахмурилась, поняв, что от приобретенного гостинца точно откажутся, слишком оно отличается от повседневной одежды этих людей. Поспешив убрать его в шифоньер, развернула ткань. Простая, не слишком дорогая, серого цвета с легким зеленоватым оттенком. Улыбнулась. Вот и пригодились курсы кройки и шитья из школы. Фанатом подобного я никогда не была, и сшитые фартук, две юбки и платье так и провисели в шкафу, но знания, как сделать простую выкройку, сохранились до сих пор.

Наметив на глаз основные размеры и скрепив две части ткани несколькими стежками,

вырезала заготовку. Спать не хотелось; если честно, во время работы я потеряла счет времени, даже не обращая внимания на навалившуюся до этого усталость. Облизнув очередной раз уколотый палец, внимательно оглядела практически готовое платье. Что ж не плохо. Не сказала бы, что у меня получилось прямо как с завода, но выглядело вполне сносно, мне определенно нравилось. Вывернув платье, еще раз убедилась, что швы не разойдутся, и, удовлетворенно кивнув, повесила его на спинку стула.

И только когда легла в кровать и мысли вновь завертелись вокруг недавних событий, вспомнила про Минору. Тут же замотала головой, пытаясь прогнать болезненный образ, но ее полные тревоги глаза никак не отпускали мое сознание. Уткнувшись в подушку, зажмурилась. Среди возникших ярких пятен теперь угадывалась фигура Изабеллы с неестественно бледным цветом кожи. Захотелось вскочить и тут же кинуться к Алексу, хотелось кричать и плакать над ее и своей судьбой. Но не вышло. Тело просто отказывалось выполнять физические движения, слабость и усталость наконец-то настигли меня. Пролежав в неподвижной позе какое-то время и вслушиваясь в шуршание дождевых капель за окном, к своему удивлению очнулась уже утром.

Даже не позавтракав, запаковала сшитое платье и поспешила на улицу. Солнце к этому времени выглянуло из-за горизонта и начало припекать, согревая остывший после ночного дождя воздух. С наслаждением огляделась. Насколько хватало взгляда пространство заполняла сочно-салатовая рябь, колыхаясь подобно бескрайней воде и маня окунуться в эту прохладу и освежиться. Улыбнулась, вспомнив море и с наслаждением сдохнув утренний воздух зашагала по дороге, осторожно обходя появившиеся после дождя лужи.

Спустя пол часа дошла до небольшой дереушки и после недолгих расспросов мне указали на нужный дом. Не оборачиваясь я пошла вперед. Любопытные взгляды наблюдали за мной из-за каждого забора, окна, калитки, словно я достопримечательность или редкая зверушка. Остановившись возле нужной двери и со вздохом посмотрев на запылившийся подол платья и грязные туфли, осторожно постучала в дверь, ожидая, когда откроют.

На пороге появилась женщина. Ее я сразу узнала, на лице открывшей, увидев меня, сразу отразилось легкое беспокойство. Она шире раскрыла дверь и, учтиво поклонившись, замерла в ожидании. Я статуей стояла напротив, машинально отметив морщины на лице, опрятную одежду и эту словно витающую в воздухе нерешительность вперемешку с немым вопросом. Женщина еще несколько секунд растерянно смотрела на меня, наконец, всплеснув руками, заговорила:

— Добрый день, госпожа! Чем могу помочь? — она чуть поклонилась, но вдруг по ее лицу пробежало озарение, на секунду сменившееся страхом, — она узнала во мне гостью Алекса. Немного помедлив, посторонилась, жестом приглашающая войти в ее скромное жильё.

Мужчина в возрасте заторопился подать стул, предварительно вытерев его какой-то тряпицей. Я спокойно села, не показав ничем неприязнь к грязному и темному жилью.

— Чем могу служить? — волнуясь, перебирая руками подол фартука, повторила хозяйка. — Может желаете воды с дороги?

— Благодарю, мне не хочется, — мотнула головой в такт словам. — Я хотела бы видеть вашу дочь.

— Дочь? У нас их четыре, — удивился глава семейства подергав себя за густую бороду. Четыре чумазых мордашки с интересом выглядывали из-за печи. Так странно, но мне показалось, что у троих совершенно обычные русые волосы.

— Она что-нибудь натворила? — испугалась женщина, с укором посмотрев на детей. — Мы никогда чужого не берем, нам не нужно.

— Здравствуй! Как тебя зовут? — трое девочек тут же исчезли за печкой, а та, на которую я смотрела, немного замешкалась, но в последнюю минуту передумала, выйдя из-за укрытия. Девочка была хрупкой, с кудрявыми волосами грязно-рыжего оттенка, большие зеленые глаза с интересом разглядывали мое красивое платье. Именно это сочетание волос и глаз произвело в прошлый раз сильное впечатление.

— Это Лола.

Увидев все еще обеспокоенное лицо матери, я ответила на ее молчаливый вопрос:

— Нет-нет, не волнуйтесь. Просто я случайно услышала, что у нее на днях был день рождения, — я улыбнулась, достав и протянув сверток, — это тебе. С днем рожденья!

Девочка смущенно посмотрела на мать, интересуясь, можно ли взять подарок, женщина едва заметно кивнула. Когда сверток оказался у нее в руках, она вновь спросила:

— А можно открыть посмотреть?

— Открывай, конечно, не знаю, правда, понравится или нет, — я постаралась говорить как можно более приветливым голосом.

Быстро разорвав бумагу, девочка с удивлением стала рассматривать сшитое мной платье. Не скажу, что удалось в точности повторить одежду, которую носили бедняки этого времени, по правде, я к этому и не стремилась, поэтому подарок получился особенным, с ярко выраженной индивидуальностью.

— Это мне? — она посмотрела на обоих родителей. — Можно взять? — и вновь этот взгляд, полный сомнения в своем внезапном счастье. Снова взглянув на меня, родители кивнули.

— Большое спасибо, — и счастливая улыбка озарила ее детское личико. Взвизгнув от восторга, она прижала подарок к груди и быстро забежала за печь к сестрам.

Мать, покачав головой, извинилась за слишком бурное поведение дочери.

— Все в порядке, дети есть дети.

Все замолчали. Неловкая пауза затянулась и улыбнувшись предпочла покинуть дом, не представляя, как вести себя дальше. Шагая прочь на несколько минут погрузилась в себя, закутавшись в приятные чувства, точно в накидку. В данную минуту я гордилась собой, ощущая себя по-настоящему счастливой.

Дорога домой заняла куда больше времени, если честно, просто решила спокойно погулять. Я шла медленно, уже не придавая особого значения заметно запылившемуся подолу. Тревожащая меня мысль наконец начала сформировываться в голове, и я уже хотела поторопиться, чтоб вновь не потерять ее, как меня обогнал экипаж, притормозив.

— Эй ты! — донесся оклик, правда я не сразу поняла, что обращаются ко мне.

Я остановилась, недоуменно разглядывая экипаж и мучительно вспоминая, кому принадлежит молодой женский голос. Только сейчас меня настигла мысль, что ведь и вправду могу столкнуться со знакомым.

— И что ты тут делаешь? — широко отодвинув шторку, Лилит с ехидной улыбкой стала разглядывать уставшую меня. — Не устала еще греть ложе? Интересно, а ты к ним по очереди ходишь или вы вместе развлекаетесь? — хорошенькая прелестница преобразилась в безобразное чудовище, яд так и сочился из ее рта. — Хотя судя по твоему виду, тобой только пользуются. Когда ты не нужна, развлечений приходится искать самой и в одиночестве.

Внутри словно очнулось что-то обжигающее и живое, причиняющее мне почти

физическую боль. Я слегка наклонила голову, стараясь скрыть отразившуюся на лице боль и подступившие слезы. Как же мерзко прозвучали брошенные слова, а злорадное выражение на ее лице захотелось сбить лопатой.

Вдохнув поглубже, стараясь выровнять голос, процедила:

— Судя по твоим рассуждениям, ты сама не прочь занять мое место, — и, не удержавшись, посмотрела прямо на нее.

Улыбка сползла с ее лица, голос приобрел угрожающие нотки:

— Я не настолько тщеславна. Ты рано или поздно надоешь и тогда твое тело, точно вещь, пополнит один из борделей, — резкий смех заполнил тишину. — Трогай!

И противная девица исчезла за задвинутой шторкой. Экипаж дернулся и поехал прочь, оставляя меня в расстроенных чувствах и наедине с невеселыми мыслями.

Экипаж с хамкой давно скрылся из вида, осевшую пыль подметал легкий ветерок. Не знаю, сколько прошло времени, оно для меня вообще словно перестало существовать.

— Ты меня слышишь?

Я замерла, только сейчас придя в себя и осознав, что все это время медленно шла. Повернулась, рассеянным взглядом ища говорившего, внешность которого показалась мне смутно знакомой.

— Доброе утро, — желая прервать затянувшееся молчание, выдавила я.

— Уже давно день. С тобой все в порядке?

Я недоуменно глянула на небо, и действительно: солнце поднялось довольно высоко. Только сейчас ощутила, насколько этот раскаленный круг безжалостно опалает мою кожу.

«Наверное, Энджил волнуется, ведь не сказала, куда и надолго ли уйду», — и тут же поежилась, вспомнив неприятный разговор.

— Ты так странно себя ведешь. Неужели не узнала? — обеспокоился говоривший, спрыгивая с лошади. — Я слышал про свадьбу. Если так не хотела ее, то почему мне не сказала? Я бы постарался помочь.

Прищурила глаза, стараясь повнимательнее присмотреться к говорившему. Вот точно, лицо знакомо, но ни имени, ни где мы могли встретиться, вспомнить не удалось. А судя по его речам, мы хорошо знакомы.

— Где ты сейчас живешь? — он сделал шаг в моем направлении, и я поспешила отступить, предпочтя держаться подальше. — Могу я чем-нибудь помочь?

Я отрицательно покачала головой.

Его губы изогнулись в приветливую улыбку.

— Думал, что мы больше не увидимся, ты так внезапно исчезла. Надеюсь, не будешь против общения в дальнейшем? Я понимаю, что тебе сейчас нелегко, именно поэтому не стоит разбрасываться старой дружбой, — по-прежнему не проронив ни слова, стояла напротив него. — Я буду ждать тебя здесь каждый четверг к полудню. Не переживай, все наладится, я помогу. Можешь на меня положиться.

И правильно растолковав мое нежелание общаться, запрыгнул на лошадь и, отсалютовав мне, поехал в противоположном от меня направлении.

— Постой, — наконец отмерла я, осознав, в какую опасность может вылиться эта встреча. Полуобернувшись, он вопросительно глянул на меня. — Не рассказывай никому что видел меня.

Мужчина слегка кивнул и, ударив лошадь пятками, помчался галопом.

Сильные впечатления от вчерашней встречи в магазине, почти бессонная ночь,

проведенная за работой, мимолетное забытьё сном незадолго до утра и эти внезапные встречи отвлекли меня от не менее взволновавшей проблемы. Поняв это, глянула на успевшее покрыться облаками небо и, приподняв подол платья, побежала к дому. Чуть не задышавшись, остановилась у самых дверей, стараясь хоть немного отдышаться. От сдавливающего корсета грудная клетка начала болеть, невозможность вдохнуть полной грудью обжигала легкие.

Еще даже не успела закрыться за мной дверь, как недовольный голос спросил:

— Где ты была? Больше не исчезай, не предупредив, — и добавил уже мягче: — Я волновался. Думал, Лилит уговорила тебя ехать с ней.

— Она была здесь? — изумилась я, поморщившись при ее имени.

— Да, — усмехнулся Энджил, — всю ночь ждала кое-кого, так и не дождавшись. Мне не хотелось, чтобы своим плохим настроением и паршивым характером испортила жизнь другим.

— Я ее не видела, вышла немного прогуляться, — попыталась сделать беззаботное выражение лица, не уверена, правда, что вышло правдоподобно.

До самого вечера так и не удалось уснуть. В голове крутились взволновавшие меня мысли вперемешку со страхом как забыть, так и прояснить ситуацию. Только услышав знакомый голос, отдававший распоряжения прислуге, заторопилась вниз.

Я ворвалась в гостиную как неистовый вихрь, все внутри кипело негодованием, за целый день мне удалось знатно накрутить себя, и, даже не поздоровавшись, накинулась на Алекса:

— У Изабеллы на шею были укусы! — возмущению моему не было предела. Алекс даже не шелохнулся после моего появления, замерев, с закрытыми глазами. Он стоял, прислонившись к стене, словно вслушиваясь в незримую мелодию, звучащую специально для него. — Что ты молчишь?!

Не выдержав, я топнула ногой.

Глаза Алекса блеснули в полутьме комнаты, словно у хищника. Он резко отлепился от стены, сделав шаг.

— Можно было бы и поздороваться. Что ты от меня хочешь?

Тоненький голосок здравого смысла тут же запричитал, что не стоит продолжать разговор в такой тоне и я скорей всего ворвалась не вовремя, но, шикнув на него, упрямо мотнула головой.

— Ты же можешь ему помешать?

— Могу, но не буду. Этот неудачный эксперимент не посмеет выйти за рамки дозволенного.

— Точнее не хочешь, а должен, — не пытаюсь понять его ответ, я нервно стала крутить перо, непонятно как попавшее мне в руки. — Он ведь твой друг, — до конца не уверенная в своих словах, выдала я, — а мы в ответе за тех, кого приручили.

— Я его не приручал, — стоял он на своем, в голосе послышались первые нотки злости.

— Ты можешь повлиять на него, — поджав губы выдала я.

— Послушай, — он глубоко вздохнул, беря верх над своими чувствами. — Пить кровь людей не запрещается, а без ее согласия даже не стоит пытаться обратиться. И не факт, что она еще сможет стать одной из нас.

Я вытаращилась на него, пытаюсь в полной мере осознать сказанное, увидеть всю картину целиком. Он не шутит? Похоже, нет.

— Не понимаю, ты бредишь? — изумилась я, слова вырвались раньше, чем успела подумать, а стоит ли произносить их вслух.

Губы его расплылись в улыбке, после чего из горла вырвался смех. Жаль, мне не хочется смеяться над моей человеческой мимикой. Наверное, мое лицо к этому располагало.

— Ты умная девочка и понимаешь плачевность ситуации, если количество вампиров слишком увеличится. У нас много недостатков, но самоубийство в их число не входит. Тем более никто не хочет, чтоб на его территории проживали конкуренты — велика вероятность обнаружения, — он встал напротив, почти соприкасаясь с моим платьем. Голос превратился в шепот. — Наиболее могущественные уничтожают слабых и молодых, если у его создателя не хватает силы защитить свои творения. Еще, если ты недостаточно силен, а тем более не достиг определенного уровня, то новообращенный после смерти обратившего умрет, если не сразу, то скоро.

Он чуть наклонился, дыхание коснулось моей кожи, исчезая легкой прохладой. Мысль отодвинуться, чтобы увеличить между нами расстояние, не появилась, видимо, взяла отгул.

— Ты такая теплая.

Эти безобидные слова прозвучали совсем не невинно. В лицо бросилась краска, стало труднее дышать.

— Что значит: твой эксперимент? — голос звучал с придыханием.

— Он мой первый... — он чуть коснулся моих губ, я вздрогнула и по всему телу пробежала дрожь, — мой вампир.

Я удивленно заморгала, но увидеть выражение его лица, когда он произнес это, не смогла, слишком близко мы находились друг от друга.

— Вижу, ты не совсем понимаешь. Превращения должны хотеть оба. Даже просто желание изменить жизнь способно поменять исход. Это как у людей: любовь с одной стороны — это треть успеха, если любят оба — больше половины, остальное — работа в паре. Но человек сам по себе должен быть сильным, как и тот, кто его хочет обратить. Обратившему необходимо не только иметь физическую силу, но и быть готовым взять на себя ответственность за чужую жизнь.

Сама не заметила, в какой момент он успел взять мою руку. Лишь очнувшись от его гипнотизирующей речи, когда он губами прикоснулся к запястью. Стараясь прервать касание и дернула руку к себе. Алекс отпустил, но от его объятий осталась саднящая боль.

Чуть с краю послышалось покашливание. Я отскочила, словно получила пощечину, от резкого движения перо из руки улетело под стол.

В дверях в инвалидной коляске сидел Энджил и, нахмурившись, смотрел в противоположную сторону. Мне показалось, что он стал меньше, усох в этом кресле. Хотя, мне, наверное, показалось.

— Извините, — пробубнил он. — Не хотел вам мешать.

Энджил развернул коляску, собираясь убраться прочь.

«Только не оставайся с Алексом наедине», — вопил внутренний голос, и в этот раз я его послушала.

— Нет! Останься!

Ужасно хотелось убежать из комнаты, от этого разговора и остаться наедине с собой, но я переборола это чувство. Энджил остановился, с недоумением оглянувшись. Он вопросительно глянул на Алекса.

— Ты боишься меня? — вопрос был обращен ко мне. Голос Алекса стал озорным и

веселым, как у подростка.

— Я не доверяю тебе.

— А может, не доверяешь себе?

Я поперхнулась от такой наглости, бросая на него негодующие взгляды, вернулась к теме разговора:

— Она не хочет становиться вампиром. Изабелла каждую неделю ходит в церковь, верит в Бога и в бессмертие души. Цитирую: «Вампиры — это исчадия ада, питающиеся чужими жизнями за неимением своей, похотливые и порочные существа. Они отвергнуты Богом и никогда не смогут вкусить райской жизни, которая ждет праведников после смерти». Конец цитаты, — я вздохнула, переводя дух. — Изабелла не хочет слышать, что Адис вампир. Короче, облом по всем статьям.

— Каким статьям? — не понял Энджил.

Алекс пропустил мою последнюю реплику мимо ушей, возразив:

— Вижу, ты настроена категорически. И сколько можно повторять? Без ее согласия и согласия совета ничего не получится. Тем более не вижу никакого смысла в подобных действиях.

О-о-о!!!

Я даже подпрыгнула, начиная терять терпение.

— Как никто не разглядел его сущности? — нервно накручивая прядь волос на палец, продолжала я, невольно вновь повышая голос.

— Умение маскироваться нам необходимо как воздух. Основные наши навыки направлены именно на это, — высказался Алекс продолжил, разговаривая словно с сам собой. — При нашей первой встрече и предположить не мог, что нас так крепко свяжет судьба.

Меня не устраивало все: его ответы, нежелание понять, слова, не имеющие для меня четкого смысла. Сжав кулаки, заговорила, цедя сквозь зубы каждое слово:

— Он запудрил ей мозги, наврал с три короба, навешал лапши, — увидев их округлившиеся глаза и готовые сорваться с языка сотни вопросов, я экстренно добавила: — Он сыграл на ее чувствах. Додумаешься сам или сообщить подробности?

Алекс чуть кивнул. Я восприняла этот жест как позволение продолжить.

— В ход пошел типичный способ: он спросил, хочет ли она все время быть с ним и умереть в один день. Счастливая сказка. Коварно использовал ее веру и надежду в светлое и прекрасное будущее. Она одержима им, но точно не хочет жить вечность и причинять страдания людям!

— Откуда тебе известно, чего желает она? Чужая душа — потемки. И уверяю мы не живем вечно.

— Прекрати буквоедствовать. Надеюсь то, что вы живете в десятки раз дольше людей, ты не станешь отрицать? — этот разговор двух глухих порядком достал, у меня от нервов даже начал дергаться глаз.

Собеседник тоже был не в восторге. Он не хотел слышать меня. Все без толку. Образно говоря, ворота в этот дом мне сегодня не откроют.

— Как мне быть?

В ответ не последовало никаких комментариев или совета.

— Ответ на твою просьбу — «нет». Иди в свою комнату. У меня есть дела, — отчетливо проскользнувшее недовольство в голосе, тем, что я сую нос в чужие дела задело.

Я пронзила его взглядом, впрочем, результата никакого.

Я стояла, потирая ноющую руку, размазывая по ней кровь, сочащуюся из маленькой царапины на запястье. Вздохнув и не подумав простаться, пошла наверх. И замерла на пороге своей комнаты, расположенную в его доме. Дом? А где он, мой дом? Точно не здесь, не в этом времени.

На следующий день я попыталась поговорить на эту тему с Энджилом.

— Ты же видела, в каком настроении вчера пребывал Алекс, не могла подождать немного? Разозленным, к счастью, тебе не довелось его видеть.

— Ну хотя бы попытайся, — взмолилась я, — пусть приглядит или повлияет на Адиса. Ты бы видел ее, белая как полотно, словно всю кровь выпили.

— Я попробую, но обещать ничего не могу.

Через два дня я чуть не запнулась, спускаясь с крыльца, когда рядом с небольшой клумбой заприметила девочку, очень похожую на Лолу. Пытаясь осознать, обман это зрения или реальность, окликнула ребенка. Девочка повернулась, и я заметила в ее руках небольшую лейку.

— Здравствуйте, госпожа, — ее лицо лучилось счастливой улыбкой.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я, подойдя ближе и отметив на клумбе влажную, только что политую землю.

Девочка поклонилась, и неподдельное восхищение отразилось в ее глазах.

— Это только благодаря вам.

Я оказалась сбита с толку, о моей вылазке никто не знал. До этого момента я в этом была уверена.

Ребенок продолжил как ни в чем не бывало:

— С сегодняшнего дня я буду работать и жить вместе с другими слугами, и за мою работу будут платить, — на последних словах, если бы это было возможно, то девочка взлетела бы от переполняющего ее счастья. А из-за непоколебимой уверенности ребенка, что это только моя заслуга, я так и не решилась спросить подробности.

Мы так и стояли несколько минут напротив друг друга, щурясь от яркого солнца, пока к нам не подошла экономка Мэри, женщина лет сорока пяти, на ее лице каждый раз не отражалось ровным счетом никаких эмоций, лишь исполнительность в голосе и слепое следование распоряжениям хозяев дома. До этого никогда не видела человека, настолько контролирующего, вернее, скрывающего любые проявления чувств.

— Лола, ты закончила? — и тут же поклонившись мне, добавила равнодушным тоном. — Доброе утро, госпожа, — дождавшись моего ответа, пояснила Лоле. — Полей еще клумбы за домом, а потом возвращайся, я дам тебе следующие распоряжения.

И, откланявшись, стала обходить меня, направляясь в дом. В задумчивости опустив взгляд и огладив ткань амазонки, не успела даже сообразить, как слова зазвучали сами собой:

— Лола, а ты умеешь ездить верхом?

Девочка как раз вылила остатки воды из небольшой лейки, собираясь наполнить ее заново из жестяного ведра, по-прежнему мечтательно улыбаясь, кивнула. Подскочив от небывалой удачи и не теряя времени, окликнула заходящую в дверь женщину.

— Извините! Мне потребуется помощь Лолы, возможно освободить ее на сегодня от работы? — холодные глаза смотрели точно на меня, и мне показалось, что она откажет, поэтому добавила в надежде, что хоть это убедит ее: — Ал... Анатолю я сама все объясню.

Мэри еще раз скользнула по мне взглядом и, чуть заметно кивнув, прикрыла дверь.

Я стояла и глупо улыбалась своей странной удаче, по-другому и назвать нельзя и уже представляла, как эта ситуация поможет мне разрешить одну из моих внезапно свалившихся в этом времени проблем.

Теперь уже мы вдвоем шагали по тропинке, удаляясь от дома.

— Вы не представляете, насколько я рада оказаться здесь, ведь это очень поможет моей семье. Мама просила кланяться вам и передать, что она будет молиться за вас.

Впереди показалось небольшое здание конюшни и, точно сегодня мой день, даже конюх оказался на месте. Боясь, что он уйдет, ускорила шаг, девочке пришлось чуть ли не бежать следом. Заметив наше приближение, мужчина остановился, выпрямившись во весь свой немалый рост, и замер в ожидании.

— Доброе утро, мне нужна лошадь, только самая спокойная.

И мы все тотчас же углубились в прохладу конюшни. Внутри я поморщилась, стараясь не дышать, и подавила порыв зажать нос рукой, чтобы скрыться от неприятного запаха, пропитавшего все вокруг.

Все стояла располагались с правой стороны. Миновав первое стойло, откуда выглядывал темно-коричневый конь Алекса, мы остановились у второго, из него показалась любопытная рыжая морда, подергивающая ушами и несколько раз фыркнувшая в нашу сторону. Лошадь вытянула шею, и я дернулась от резкого громкого ржания в метре от меня.

— Извините, а эта точно самая спокойная? — идея научиться ездить верхом неожиданно показалась мне просто ужасной. Жила же я все это время без этого, так неужели не проживу и дальше?

И, не дожидаясь ответа, прошла дальше. Третье стойло оказалось пустым, а вот в четвертом точно кто-то был. Я подошла к двери и, встав на цыпочки, заглянула внутрь. И не поверила своим глазам. Там стояла небольшая лошадка, не пони, конечно, но и не такая высокая, как предыдущие две.

— Я хочу покататься на этой!

— Как пожелаете, но леди не пристало ездить верхом на подобном животном, — его слова показались мне странными, поэтому, усмехнувшись пришедшей мысли, сказала:

— Это ведь не осел?

— Нет, — он мельком глянул на меня, видно, не оценив шутку.

— Тогда подойдет, — махнула я рукой, стараясь выглядеть непринужденно.

В скором времени эту небольшую невзрачную и словно уставшую лошадку вывели из конюшни. Остановившись сбоку от меня, конюх поставил на землю перед Лолой небольшую скамеечку и, поклонившись, задержался на несколько секунд в ожидании новых приказаний. Но так как их не последовало, еще раз поклонился и удалился в направлении от конюшни.

— Что-то не так? — Лола обеспокоенно посмотрела на меня. — У вас такой потерянный взгляд.

— Давай на ты, хотя бы пока находимся наедине, — взмолилась я, ее обращение словно воздвигало между нами, стену. — Наверно спрашивать, как садиться в такое седло, бесполезно?

Взгляд девчонки вновь стал весело-озорным, она подошла к лошадке и дружественно хлопала ее по шее, та в ответ подозрительно скосила на нее глаза.

— Видела, как это делают знатные дамы, но сама ездила, как и все друзья, верхом и без седла. Мы, бывало, поздно вечером пробирались на поле, где паслись чужие лошади, и

несколько часов катались верхом. А почему вы, — она запнулась, все же быстро исправив ситуацию, — почему ты не умеешь, я думала, всех знатных особ обучают азам верховой езды?

И я, вздохнув, высказала краткую версию моего вранья:

— Я потеряла память, в том числе забыла, как ездить верхом.

Лола изумленно глянула на меня, невольно открыв от удивления рот. О том, что я вообще не дружу с этими животными, даже не знаю, с какой стороны подойти к ним, и боюсь до дрожи в коленях, умолчала. По примеру Лолы сделала шаг, желая наладить контакт с лошастью, та нервно дернула мордой, издав неприятный звук.

— Ты боишься ее? Надо было взять лакомство, это бы помогло, — заключил мой маленький учитель.

Следующие минут пятнадцать я боролась с собой, общаясь с лошадкой, гладила ее по шее, по морде, трогала жесткую гриву.

— Как нам ее звать? — мы переглянулись, а ведь правда, имя нам не озвучили, — пусть будет Лошадка. Маленькая, миленькая и, надеюсь, безобидная. Так, переходим к следующему этапу: как мне оказаться верхом?

— Очень просто. Садись боком, левую ногу в стремя, а правую ногу забрасываешь на вот ту штуку, — она указала на верхнюю луку.

Ну да, по-моему, так и есть, правда поезду с Алексом помню смутно, и более подробное объяснение было бы сейчас совсем не лишним. Когда я поднялась на скамеечку, мне пришлось постараться, чтобы оказаться в седле. Лошадка так и норовила двинуться с места, бодро переступая с ноги на ногу.

Наконец я приняла более-менее устойчивое положение и, вцепившись в выступающую спереди часть седла, как и при прошлой поездке, принялась бороться с предобморочным состоянием.

— Тебе нехорошо? Своим поведением ты нервируешь животное, — Лола взяла под уздцы Лошадку, погладив ее, успокаивая. — Надо расслабиться, и лучше двигаться, а не стоять на месте.

И мы не спеша поехали вперед, меня слегка покачивало и наставление «расслабиться» никак не удавалась выполнить. Лошадка послушно шла, обмахивая бока длинным хвостом и напряжение, от которого уже начинало сводить мышцы постепенно покидало мое тело.

Выйдя в поле со скошенной травой, Лола остановилась и вручила мне поводья. Я тут же задергалась: перспектива, что лошадка останется без должного управления, вновь разбудила задремавшее было чувство самосохранения.

— Я только поставлю скамеечку вон туда, чтоб не мешалась, — махнула Лола рукой, засмеявшись на мою бурную реакцию.

Став полноправной наездницей, я нервно сжала пальцы на выступающей луке, не отрывая взгляда от девочки. Вот она отошла на приличное расстояние, повернулась ко мне спиной, чтобы опустить свою ношу на траву и... Лошадка, дико заржав, рванула с места. Неистово заорав, тут же захлебнулась встречным ветром, бросив все силы на возможности удержаться верхом.

Кто бы мог подумать, что в такой невысокой лошадке проявится подобная резвость. Быстро перебирая коротенькими ножками, она неслась, не разбирая дороги. Чтобы не слететь, случайно выпустила повод, свободно болтавшийся сейчас на шее животного, — дотянуться до него и вылететь из седла были понятия равносильные.левой ногой упиралась

во вторую луку и только благодаря этому не выпала из седла, а лишь бешено прыгала вверх-вниз, не только представляя, но и ощущая все телом свое будущее падение.

Пропустив момент, когда животное начало сбавлять скорость и мои подпрыгивания стали более отчетливыми и редкими, заморгала, прогоняя застилающие взгляд слезы.

— Ты как? — услышала я мужской голос, начиная чуть всхлипывать. — Все хорошо. Агнесса, ты меня слышишь, Агнесса?

Успокоиться удалось не сразу, Лошадка уже мирно щипала травку, пока я пыталась справиться с собой.

— Вы в порядке? — донесся испуганный голосок Лолы. — Я не думала, я не знала... — и по ее всхлипам начала понимать, что ребенок напуган не меньше моего.

— Я хочу слезть с этой твари!

— Сиди, — от резкого и грубоватого тона мы обе замолчали и уставились на него и только сейчас я осознала, кто передо мной, что мой спаситель не кто иной как Эдвар. Имя, забытое при недавней встрече, всплыло само собой. Он посмотрел мне прямо в глаза, не собираясь отступать, пояснил, — если сейчас струсил, всегда будешь бояться сесть верхом. Побороть свой страх ты должна сейчас, я буду рядом.

Его слова вселили уверенность, кивнув, затравленно огляделась, оценив, что его конь значительно выше моей клячи, а значит быстро догонит, если Лошадка вновь взбрыкнет.

— Вот и хорошо, мы немного прокатимся по кругу, пока твое лицо не станет прежним, — я опустила взгляд, чувствуя, как смущение завладевает мной. А ведь и вправду, вид у меня должен быть еще тот. — И хватит вздыхать, ты меня смешишь, — после этих слов я боялась даже взглянуть в его сторону, поэтому как следует рассмотреть старого знакомого так и не удалось.

Уже на пути к дому Эдвар остановился и подал поводья Лоле:

— Оберегай свою хозяйку, а мне пора.

Какое-то время я еще наблюдала за удаляющимся подтянутым мужчиной с красивой осанкой, затем предпочла слезть на твердую землю и оставшуюся часть пути пройти пешком.

Мы подошли к дому в полном молчании, Лола загрустила, чувствуя себя виноватой. Меня саму закончило потряхивать совсем недавно, мысли путались, а перед глазами до сих пор стояла картинка, как я перелетаю через лошадь и ломаю себе шею. Зато дикий страх прошел, все благодаря Эдвару, появившемуся так вовремя.

— Сможешь сама отвести ее в конюшню? — запоздало спросила я, когда Лола уже потянула лошадку в сторону стойл и, только повернув голову к крыльцу, заметила наблюдающего за мной Энджила. Прищуренные глаза следили за мной не отрываясь. Поежившись, попыталась улыбнуться и вернуть беззаботное выражение на лице. Его сощуренные глаза остались серьезными, похоже он не поверил в правдивость надетой маски, истинное настроение не укрылось от него.

— Доброе утро, — мысленно пнув себя за невнимательность, зашагала к нему.

— У меня для тебя сюрприз.

Придержав перед ним дверь, я зашла в холл. Я шла следом, пытаюсь придумать оправдание, но в конечном итоге отбросила эту затею, тем более с Лолой мы ни о чем не договорились и когда ее спросят, именно я стану выглядеть глупо. Не хотелось терять

расположение мужчин на пустом месте.

Пока шли по коридору на первом этаже, мимо прошла прислуга и, поклонившись, сообщила, что все готово.

— Проходи, не обижу.

Я замерла в дверях его комнаты. И озадаченно посмотрела на ухмыляющегося Энджила. Входить в его комнату в первый раз было страшно. Огляделась, собираясь с духом меня не торопили.

Комната оказалась светлой, более женственной по обстановке, чем моя. Мое внимание привлекли большая светло-бежевая кровать с множеством цветных подушек и диван с косой спинкой и одним подлокотником, обитый светлой тканью с вкраплениями более темных оттенков, что придавало ему пористый каменный вид. Справа от дивана стоял круглый столик, напоминающий перевернутую клетку для птиц, через прутья которого виднелось изображение яркого попугая, нарисованного на стене, создавая иллюзию, что он сидит на жердочке в темнице. Красиво, даже очень.

— Нравится? — прервал мои мысленные восхищения Энджил, — Алекс постарался.

И, не дожидаясь моего ответа, открыл дверь в смежное помещение. Взору предстала небольшая комната с креслом и столом, у дальней стены расположились стеллажи. Мое внимание привлекли стоящие на столе бокалы разных размеров. Подошла ближе.

— А зачем в них вода?

— Увидишь. Пока присаживайся, можешь перекусить.

Расположившись в кресле с противоположной стороны стола, задумчиво оглядела тарелку с закусками. Да, организм не заставил себя ждать, от вида еды желудок сжался в голодном спазме. Немного утолив голод, подняла взгляд и заметила пляшущие в небесных глазах смешинки, словно блики на голубой глади воды.

— Я училась кататься верхом, — вырвалось у меня, так как показное безразличие Энджила к недавней ситуации меня насторожило.

— Ты не ушиблась? — он даже немного приподнялся, оглядывая меня.

— Ты ведь и так догадался, где я была, — и замерла в полном непонимании, на что злюсь. — Мне показалось, что тебе все равно.

— Я волновался и мне не все равно, — его голос стал мягче и волшебным образом погасил мое раздражение. — Если б мог, научил бы тебя сам, но, прошу, больше так не делай. Это небезопасно.

Кивнув, попыталась заглушить чувство вины за молчание об Эдваре.

— А сейчас прошу тебя помолчать и просто слушать.

Мне не удалось вставить и слова: он быстро обмакнул пальцы в воду и провел по краю одного из бокалов, затем по-другому. Его движения были плавными и расслабленными. Я замерла, пораженная услышанными звуками. Энджил не отвлекаясь воспроизводил какую-то смутно знакомую мелодию. Внутри все пело, каждая клеточка отзывалась и вторила неземной музыке. Пребывая в невероятной эйфории, я чувствовала, что разум отключился, словно перезагрузившись, и внезапную черноту сменили неожиданно яркие краски. Солнечный луч пробился сквозь тучи проникнув в помещение и осветил музыканта неземным сиянием.

Волосы, множеством золотых нитей окутывали голову, а когда Энджил поднял глаза, я в благоговении замерла, пожелав, чтобы он продолжал с таким трепетом смотреть на меня и дальше. Даже если бы сейчас за его спиной раскрылись белые крылья, не удивилась, это

выглядело бы естественно.

— Тебе понравилось?

Я не сразу поняла, что он говорит, да и когда завершилась музыка, не отследила.

— Ты слишком хороша, — выдавила я смущенно. Звонкий и чистый смех наполнил комнату, заставляя улыбнуться в ответ. — А это сложно?

— Если тебя обучали музыке, то не сложно. Иди сюда, попробуешь.

Я встала и, начиная волноваться, подошла ближе, сев на стоящий рядом с ним небольшой табурет, вопросительно глянула на него, с интересом потянувшись рукой к бокалу.

— И что мне делать, учитель?

Его рука коснулась моей, от неожиданности я дернулась, задев крайний бокал. Опрокинувшись, он со звоном упал со стола разбившись, успев окатить нас прохладными брызгами.

— Извини, — виновато потупилась я, ну вот, испортила момент волшебства.

— В будущем все люди такие нервные? — усмехнулся он, стряхивая холодные брызги с одежды. — Давай попробуем еще раз.

Соглашаясь, я кивнула, он придвинулся еще ближе. Положив свои руки поверх моих, обмакнул наши пальцы в воду и начал выводить несложные звуки. Трепет в душе начал вновь нарастать.

— Это называется Стеклянная арфа, — его дыхание прошло по шее, и я совершенно забыла о расслабленных пальцах, необходимых для игры, нечаянно опрокинув на стол очередной бокал. Разлившаяся вода медленно потекла в противоположном от нас направлении.

Новая порция извинений готова была сорваться с губ. Повернула голову, чтобы озвучить их, и удивленно распахнула глаза, когда его рука легла на талию, привлекая меня ближе, и его губы коснулись моих. В этот раз Энджил позволил себе больше, чем целомудренный поцелуй. Дрожь в пальцах и гулкую дробь сердца заглушили волшебные ощущения, лишая возможности думать.

Он отстранился, а я сразу даже не смогла открыть глаза, а когда открыла, то постаралась не смотреть на него. Под кожей словно пылал пожар, начиная медленно затухать.

— Надеюсь, тебе понравилось, — правда, так и не поняла до конца, к чему конкретно относились его слова. — И спасибо, что не оттолкнула.

После последних слов я чуть не подняла удивленный взгляд, вовремя одернув себя. Боясь, что он увидит сомнение в моих глазах, ведь только благодаря неожиданности все произошло, как произошло. А если б я знала?

Выходя, еще раз окинула комнату задумчивым взглядом и подняла голову вверх на потолок, на котором висела большая, изготовленная из тонких прутьев люстра. Повторяя диаметр люстры, было нарисовано нечто похожее на солнце, круг с отходящими в разные стороны лучами с переливом от темного к светлому и обратно. И неожиданно поняла, насколько эта комната подходит хозяину: светлая, словно дышащее живое существо, привлекающее тысячи взглядов и в то же время холодное и одинокое.

— Я поговорю с Анатолом о твоей сестре, постараюсь убедить его ради тебя.

Улыбнувшись, я, точно маленькая птичка, вылетела наружу.

Заглянув на кухню и прихватив с собой хлеба и фруктов, решила сегодня лечь спать пораньше. Насыщенный эмоциями день вымотал, и теперь хотелось только упасть на кровать и забыться до утра.

Уже поднимаясь наверх, прокручивая все события, произошедшие за сегодня, в голове промелькнул вопрос: а какой сегодня день недели, неужели обещанный Эдваром четверг? Я остановилась, нахмутив лоб, вспоминая. Нет, сегодня вторник, тогда как объяснить настолько вовремя появившегося Эдвара? Столь неожиданное совпадение насторожило.

Обхватив и повернув дверную ручку, толкнула дверь, точно зная, что Алекс уже вернулся и скорее всего оба хозяина сейчас в гостиной. Возможно, прямо сейчас начинался разговор на волнующую меня тему. Вздохнула, упрощая высшие силы, чтобы все получилось. И уже закрыв дверь и поставив чашку с едой на столик, стоящий в пяти шагах от входа, запоздало почувствовала опасность.

Его фигура, почти полностью укутанная тенью, растянулась на моей кровати. Свободная и расслабленная поза словно говорила сама за хозяина — кто в этих четырех стенах главный. Я вся сжалась, от страха замерев, точно кошка в свете автомобильных фар, чувствуя явную угрозу. Страх настолько завладел мной, что только спустя несколько минут я начала пятиться к двери, открыла рот, чтобы закричать или сказать что-либо, но мне не дали.

— Только посмей закричать, — в ледяном голосе отчетливо слышались злые нотки.

Пискнув, я развернулась и побежала к двери. Схватила за ручку, дергая ее на себя, плохо соображая, почему дверь не поддается. Меня резко дернуло назад, отшвырнув в центр комнаты. Упав и больно ударившись рукой, притихла, пытаюсь разглядеть в этой темноте хоть что-то.

— Глупая непослушная девочка, — я видела, как тень качает головой, — пожалуй, стоит тебя немного проучить, а заодно в другой раз подумаешь прежде, чем лезть туда, куда не следует.

Он не спеша приближался, а я неуклюже пыталась ползти, трясясь от ужаса, наводимого им. Тело отказывалось слушаться, и несколько раз я упала на ковер спиной, в панике осознавая свою человеческую слабость. Он наступал, пока моя спина не уперлась в преграду, и только тогда полностью сократил расстояние между нами.

В слабом свете, падающем из окна, мне удалось разглядеть злой оскал и нездоровый блеск в глазах Адиса.

— Они не придут, не рассчитывай. Я осмотрительно предупредил Алекса, что сегодня могу оказаться неподалеку. И у меня припасено несколько припрятанных козырей — отвлечь их внимание. А тут такая удача и белобрысый красавчик по твоей милости занят. Ты сильно облегчила мне дело своей глупостью, — он нагнулся, протянул руку, коснувшись моего лица, я дернулась. Это не укрылось от его взгляда, и уже через секунду его рука сомкнулась на моей шее. — Встала!

Не подчиниться было невозможно, сдавливающее ощущение на шее не оставляло иного выбора. Только я оказалась на ногах, сразу толкнул меня ближе к кровати.

— Ненавижу таких глупых девочек, до которых не доходит с первого раза. В первую нашу встречу я был недостаточно убедителен или мой вид тебе показался милым? — я молчала, плотно сжав зубы, боясь, что будет слышен их стук. — Отвечай! — голос был тих, но настолько ужасал, что чудом не осела на пол.

Адис наигранно вздохнул, стремительно сократив расстояние. Я только и смогла, что

поднять на него огромные начинающие слезиться глаза.

— Неожиданно, — его брови взметнулись вверх, он беззвучно рассмеялся, продолжив: — Алекс обучил тебя скрывать мысли, что бы это могло значить? — и, подойдя вплотную, придавил меня к стене. Я успела выставить вперед руки, и теперь они оказались зажаты между наших тел. — Что вас связывает? — в глазах мелькнул победный огонек, словно он заранее знал ответ, и он его очень устраивал.

Его рука коснулась моего подбородка, приподнимая.

— Интересно, и чем же такая посредственность могла его зацепить?

Не желая поощрять его нездоровый интерес и боясь, что любые оправдания будут повернуты под удобный для него угол зрения, еле вымолвила:

— Алекс тоже не может читать мои мысли.

Адис прищурился, его лицо оказалось в опасной близости от моего и, не в силах бороться с паникой, я впечаталась затылком в стену. От резкой боли закрыла глаза, застонав, и не сразу поняла, что губы Адиса замерли возле моего уха.

— Значит, ты у нас особенная? — сказано было с издевкой, наверно, он охотнее бы поверил, подтверди я его догадку. — Впрочем, мысли глупой девчонки мне неинтересны.

— Что тебе нужно?

— Неужели тебе любопытно мое мнение? Заботливый нежный цветочек, я слышал, ты и к нелюдимому Энджилу нашла подход. Может, и меня обласкаешь?

— А я слышала, что у тебя много подстилок и есть кому согреть. Я же могу стать для тебя только костью поперек горла, неужели хочешь подавиться? — сама не знаю, что на меня нашло и придало сил, но злость помогла выдержать его давящий взгляд, правда далось это с большим трудом.

— Не переходи мне больше дорогу. Многие из тех, кто меня разозлил, не доживали до утра, — левой рукой он потянул за завитый локон, заставляя наклонить голову. Губы жадно сомкнулись на моей шее и скользнули чуть ниже, замерев. Почувствовав, что его зубы коснулись кожи, задергалась. Мысль, что это конец, надо мной сейчас произдеваются, попив моей крови, а может, и... Всклипнула, не в силах побороть отчаяние.

— Запомни свой ужас и постарайся больше не высовываться. И кстати, надеюсь, не надо объяснять, что эта встреча должна остаться между нами? — Адис как-то странно посмотрел в мои глаза, захотелось зажмуриться, скрыться от этого ненавистного прожигающего взгляда, но я не могла даже моргнуть.

Он отступил, разжимая свои стальные объятия, и я тут же осела на пол возле его ног. Даже не глядя, чувствовала, что он довольно ухмыляется. И как только комната опустела, нервно стала тереть шею, пытаюсь уничтожить гадкие прикосновения его губ.

Ночь прошла нервно. Состояние беспомощности не покидало меня. Получается, он может в любой момент появиться здесь, а я, что могу я? Дрожать как осиновый лист и молиться, чтобы этот момент не настал никогда?

Утром вылезать в новый день совершенно не хотелось. Я долго лежала и смотрела сквозь приоткрытую штору на ясный солнечный день, не радующий меня. Ближе к десяти все же поднялась, ощущая себя разбитой, а затем наспех склеенной вазой.

Служанки споро одели меня, прибрав волосы, а вот в гостиной меня ждал очередной сюрприз.

— Вижу, любишь поспать? Жду тебя уже минут тридцать, — Лилит лучезарно улыбнулась, не отрывая от меня взгляда.

Ну вот как так-то? Все, кого я меньше всего желаю видеть, начинают без приглашения вторгаться в мою жизнь. Нахмурившись, остановилась в дверях.

— Не обижайся, — она встала, намереваясь подойти ко мне, — понимаю, что наше знакомство началось немного неправильно, — и опять эта лживая приторная улыбка. — Я хочу все исправить, ты ведь не против?

Я не торопилась отвечать любезностью на любезность, чувствуя неискренность с ее стороны. Хоть взгляд Лилит и был устремлен прямо на меня, но частые моргания и невероятно резкий контраст с прошлым поведением наводили на определенные мысли.

— Можно хотя бы просто поговорить? Я сейчас распорядюсь, чтобы подали чай.

И словно ощущая себя здесь полноправной хозяйкой, прошла мимо меня.

Ох, не нравится мне все это, вот только бессмысленно бежать, лучше попытаться разгадать ее мотивы.

— Агнесса, доброе утро, меня сегодня не будет несколько часов после обеда. Хотел предупредить тебя, — разнесся по коридору бодрый голос Энджила.

— А вот и белый принц, — проворковала Лилит, возвращаясь в комнату, слишком довольная улыбкой отчего-то некрасиво искажила ее лицо.

— Что ты тут делаешь? — веселость с его лица исчезла, подобно маске. — Тебе запретили появляться здесь днем.

— Я не к тебе, хотела лучше узнать милую Агнессу, — Энджил нахмурился еще сильнее, недобро прищурил глаза. — Какой взгляд, я должна тут же пасть от твоего праведного гнева? — она рассмеялась над своими же словами.

На несколько минут в комнате повисло молчание, пока накрывали на стол, никто не проронил ни слова.

— У змеи змеиные повадки. Разговор состоится в моем присутствии.

Она только покачала головой в ответ:

— Да брось, твои подозрения меня обижают.

— От такой гадюки, как ты, приличным людям нужно держать подальше, — проговорил Энджил уже спокойно, вот только руку сбоку от кресла сжал в кулак.

Они еще недолго обменивались колкостями, не обращая никакого внимания на меня. Желание встать и оставить их наедине только усилилось. Наконец, мне надоела эта пустая перепалка:

— Мы поговорим, но только на территории особняка и недолго, — тихо проговорила я, но мой голос был услышан обоими.

Энджил недоуменно повернулся, Лилит победно вскинула подбородок.

Следующие двадцать минут прошли в размышлениях за поглощением пищи. Сжевав несколько бутербродов, показавшихся безвкусными, продолжила цедить чай.

— Думаю, стоит пройтись по саду, — это были просто мысли вслух, Лилит не спрашивала ничьего мнения. — Буду ждать на улице.

Когда входная дверь захлопнулась, Энджил поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

— Ты не должна идти, — и, поймав меня за руку, добавил. — Я волнуюсь за тебя.

Вздохматив ему волосы, посмотрела в встревоженное лицо. А ведь и вправду волнуется.

Лилит нетерпеливо вышагивала на крыльце и вновь странно улыбнулась при моем появлении. Насторожившись еще больше, пошла рядом с девушкой.

— Как тебе здесь живется? — ее глаза просканировали меня, я начинала жалеть, что

вообще согласилась на эту прогулку. — Я слышала, ты почти нигде не бываешь. Не скучно?

Понимая, что долго с ней наедине просто не выдержу, резко остановилась в ожидании, когда она обернется на меня, желая максимально сократить время нашего общения:

— Только не говори, что тебя интересует моя жизнь.

Рассмеявшись и превратившись вновь в прежнюю упрямую и дерзкую Лилит, выдала:

— Я до последнего надеялась, что все не так плохо, — она нервно дернула из высокой каменной клумбы цветок, вырвав его с корнем. — У меня почти получилось задуманное, даже не представляешь, сколько времени ушло на это, и тут явилась ты. Ненавижу тебя! Ты все испортила! Ты, ты... — от злости, переполнявшей ее, девушка нетерпеливо подпрыгнула на месте и, бросив напоследок уничтожающий взгляд, промчалась мимо, едва не сбив меня. Но так просто она уходить не пожелала. — Ты знаешь, сколько таких простушек было у белобрысого? Он их менял несколько раз на дню. А будь он сейчас в прежней форме, то прошел бы мимо, даже не взглянув на тебя, — Лилит победно улыбнулась, заметив мое искажившееся болью лицо. — Он с тобой от безысходности.

Грудь обожгло обидой, а ведь ее слова правда, мне ли не знать, что такие, как я, словно дешевая мебель для подобных ему, неинтересная и неказистая. Удивленно моргая, я осталась в одиночестве, сбита с толку: неужели она пришла сюда, только чтобы задеть? Бездумно пройдя до конца тропинки, свернула обратно к дому обнаружив перед входом экипаж и смотрящего в никуда Энджила.

— Если хочешь, я отложу поездку, — не поднимая головы, произнес он.

— Не стоит, — постаралась придать словам убедительности, хотя потревоженные эмоции при его виде вновь противно зашевелились, а от мысли, что пробуду несколько часов в одиночестве, становилось жутко. Привыкла, что Энджил всегда рядом.

Запустив руку в карман, он что-то извлек и, сжимая в кулаке, протянул мне.

— Хотел подарить тебе это чуть позже, — на его раскрытой ладони лежал медальон, напоминающий не до конца распустившийся бутон розы на изящной цепочке-стебле.

Я уже собиралась опустить взгляд на прохладную вещицу в своей руке, но задержалась на словно преобразившемся лице: сияющие в прищуре глаза, легкая небрежность волос и улыбка, ради которой многие бы согласились на все. Это больше походило на издевательство. Неужели с его стороны тоже игра? Он поднял руку, собираясь коснуться меня, и, не выдержав саркастические замечания внутреннего голоса, предпочла скрыться за деревьями сада.

Из сада в дом я вернулась примерно через час, когда удалось справиться с собой и загнать свои бредовые мысли в сундук, наполненный аналогичной шелухой.

Внутри дома царил полумрак. Зачем открывать шторы, если, когда ты бодрствуешь, на улице все равно темно? К тому же освещенное помещение, как на ладони для любопытных глаз. Вот именно поэтому в некоторых комнатах окна постоянно были занавешены.

Преодолев сумрачный коридор, прислушалась. Как же тихо. Обычно днем слышны шорохи и шаги работающего персонала, сейчас же дом наполняла гнетущая тишина.

Я кралась вперед, с большой осторожностью и в полном недоумении. Со стороны дверного проема гостиной падала темная тень. Невольно сделала шаг назад, точно помня, что шторы в ней открывала с утра лично. Шум из темноты заставил подпрыгнуть, вскрикнув. Шуршание в гостиной резко прекратилось.

— Кто здесь? — шепотом, едва слышно произнесла я. Но дом молчал, полностью погрузившись в удручающую дремоту.

Интуиция сигналила, что пора уносить ноги, здравый смысл же упорно говорил, что это все мое воображение и в доме, полном слуг, опасаться нечего. Возможно, это как раз один из них. Всегда была трусихой, и это неожиданно начало раздражать. Решила заглянуть в комнату, только заглянуть и присмотреться получше.

Нервно теребя рукой оборки на светло-сиреневом платье, попыталась успокоиться, осторожно сделав еще несколько шагов в глубь помещения. Первое, что бросилось в глаза, это свет, пробивающийся через плохо задернутые шторы и длинной полосой падающий на пол. Но уже через пару метров он тускнел, поглощаемый тенями. У самых стен тени пересекались, накладывались друг на друга принимая причудливые формы диких животных, готовых напасть на несчастную добычу. От этого поежилась, ощутив себя неудобно. Впрочем, минутой позже все поменялось и небольшой дискомфорт сменился ужасом.

Я вздрогнула, когда тень ожила и вновь утонула в полумраке. Затем появилась и исчезла вторая.

— Кто здесь? — воскликнула я уже громче, лихорадочно оглядываясь, стала отступать, жалея, что вообще зашла в комнату.

Их было двое. Благодаря тусклому свету, смогла рассмотреть одежду из грубой бесцветной ткани, растрепанные спутанные волосы, щетину. Оба выше меня на голову. Неопрятный и немного безумный вид делал их похожими на уличных маньяков, впрочем, ненормальных хватало во все времена.

— Извиняйте нас, ле-ди, но наше дело малое, приказали и делаем, — пробасил один из них.

— Не противляйтесь, и сё тих и мирн уладим, — добавил второй хриплым голосом, разминая руки так, что суставы захрустели.

И почему у меня сложилось впечатление, что меня собираются кокнуть, а не мило побеседовать? Меня поразило то, что они действовали уверенно, и совершенно не боялись, что на шум может кто-нибудь прийти.

— На помощь! Помогите! — завопила я в полный голос, однако на мой крик действительно никто не торопился. Ответом были только смешки и злые гримасы незнакомцев.

Отступая назад, я пятилась к двери на ощупь, обходя кресла и стулья. Купленные деньгами безграмотные крестьяне разошлись в разные стороны, стараясь окружить меня. Они, словно две голодные гиены, крадучись подходили все ближе и ближе, зная, что газели не уйти. Меня явно решили загнать в угол. Главное — выпутаться. Вот только как?

Я — маленькая девчонка против двух здоровых мужиков. Прямо боевик какой-то!

Заходившему справа, осталась буквально пара больших шагов до меня. И кому я так сильно насолила? Но, думать об этом, не было времени.

— Не люблю грязную работу, — пробасил он, доставая из-за пояса грубыми рабочими руками разделочный нож.

— Можно и потерпеть, когда так платят, — усмехнулся второй, явно наслаждающийся происходящим.

Я икнула от страха, понимая, чем это может обернуться. Но мириться с происходящим совершенно не хотелось. Вновь заорав и опять не получив никакого ответа, запоздало поняла, что дом опустел. Ох, как же не вовремя уехал Энджил!

Они оба мерзко засмеялись. Смех одного из них стал походить на хрюканье, безжалостно рвущее ушные перепонки, он-то и выдернул меня из внезапно завладевших дурных мыслей.

«Помогите кто ни будь, ну хоть кто ни будь!» — молила я вслух и про себя.

— Давай прикончим ее и получим вторую часть денег, — зло бросил один другому, второй утвердительно кивнул.

Оба преступника, уверенные, что все пройдет тихо и мирно, не торопились нападать, нарочито медленно и словно с наслаждением оттягивая неизбежное. Размечтались! Так просто сдаваться не намерена!

Платье стесняло движения. Будь я в штанах, безусловно, оказалась бы более быстрой и юркой, чем эти сильные увальни. Но, увы, не так-то легко двигаться, будучи перетянутой корсетом и под стать этому времени широкой юбке-колоколу.

Впав в ступор, не заметила, как расстояние между нами стало опасно близким, запоздало понимая, что не увернусь. Я четко увидела приближающийся нож, стиснутый в руке, его грани ловили мельчайшие крупички света, отражая холодное сияние. Губы маньяка изогнулись. Медведеподобный мужлан замахнулся и... неуклюжим движением, как будто нехотя, резанул себе по горлу. Его глаза широко открылись. Удивление и непонимание отразилось на перекошенном от боли лице. Из рта послышались булькающие звуки. Он закашлялся, выплевывая кровь. Она стекала по подбородку, шее заливая рубаху на груди и животе. Продолжая хватать ртом воздух, он рухнул на пол возле моих ног, несколько раз дернулся и затих.

Второй замер, не менее удивленный, челюсть его отвисла. Несколько раз он пытался что-то сказать — безрезультатно. Наемник пришел в себя первым, я даже не успела еще отдернуть взгляд от... от первого безумца.

— Как ты это сделала? Применила чары? Наложила проклятье? — голос у него стал придушенный, злой. — Ты ведьма! Исчадь ада! Смерть ведьме!!! — тут же завизжал он. В его голосе слышалась тонкая нить страха, но слепая вера в свою правоту придавала ему сил. Главное избавить общество от страшного чудовища — волка, принявшего вид бедной овечки.

Он бросился на меня, ослепленный яростью. Подняла взгляд. В полутьме лунным светом блеснул металл, вновь слившись с тьмой. Тут же липкий ужас, паучьими лапками забрался под платье, отрезвляя. Я отшатнулась, поскользнувшись на луже крови и бессмысленно взмахнув руками, рухнула на пол. Завопила, пытаюсь подняться. Ноги заскользили по вязкой жидкости, случайно толкнув труп. Меня передернуло от омерзения.

Оказавшись на ногах, осознала — преимущество потеряно. Маньяк оказался совсем близко. Его губы беспрестанно шевелились, произнося... молитву? Он сделал выпад. Я дернулась, выставив перед собой руку, вскрикнув. Выступила кровь. Мужик злобно закричал, собираясь нанести новый удар, более удачный.

Мой взгляд заметался в поисках спасения.

«Боже, помоги мне!» — вылетевшие слова укрыли меня, точно белые крылья. Молитва чудесным образом, придала сил. Паника схлынула и тело словно стало двигаться само. Последовали четкие, уверенные движения, которыми я не управляла.

Отскочив влево к столу, схватила из стопки верхнюю тарелку, метнув ее в нападавшего. Тот выставил вперед руку с ножом, защищаясь, от удара нож выпал, улетев под кресло. Не успев даже сообразить, что произошло подняла огромную, из тонкого фарфора, вазу, забытую слугами под столом. От тяжести захотелось разжать руки, но я упрямо вскинула их,

подавшись вперед и с криком опустила на наклонившегося в поисках ножа простолюдина. Ваза быстро достигла его макушки, сопровождаемая своим немалым весом.

Наемник пошатнулся, но не упал, поднял на меня ошалелые глаза. В них читалась четкое желание моей смерти.

«Убью!» — пронеслась чья-то мысль в голове и я, подгоняемая захлестнувшей меня волной страха ударила еще. Вся злость и ужас, затаившиеся у меня внутри, хлестнули наружу. С третьим ударом дорогушая ваза разлетелась на куски, рассыпавшись по полу множеством острых осколков.

Взглянув на пол, я в ужасе отшатнулась. Комната начала вращаться, ноги подкосились, я пришла в сознание уже сидя на полу. Подташнивало. Руки дрожали. В голове царил бардак.

Разве я могла такое сделать?

Мужик лежал, неподвижно повернув обезображенное лицо в мою сторону. Пропитавшиеся кровью волосы блестели и мокрыми прядями прилипли к щеке, половина лица — кровавое месиво. Меня затрясло. Стоило бы проверить, жив ли он, но я лишь отодвинулась дальше. Сердце билось о грудную клетку так неистово, словно собиралось покончить жизнь самоубийством. Я открыла рот, хватая неожиданно исчезнувший воздух, начиная задыхаться.

Два трупа в комнате. Кому я могла так насолить?

Я отползла от трупов, словно боясь, что они оживут и закончат то, зачем явились. По щекам заструились первые слезы, но я даже не замечала их.

В комнату вбежала Глория. От увиденного она так резко остановилась, что едва не упала:

— Боже! — Глория неуверенно шагнула вперед, прикрыв рот рукой. — Не успела!

Всклипнув, я пожалала плечами, сомневаясь, что в состоянии говорить.

— Пойдем скорее в другую комнату, — она помогла мне подняться и буквально вытолкнула за дверь, ноги почти не слушались.

Глория расспрашивала меня, по-моему, некоторые вопросы прозвучали несколько раз. Я кивала невпопад. Для меня ее голос постепенно превратился в неразборчивое бормотание. Наконец она сдалась:

— Побудешь одна? — с болью в голосе выдала она, растерянно поглаживая меня по голове. — Пойду потороплю Энджила.

Я подняла на нее глаза, будто только сейчас обнаружила, что не одна. Вздвогнув, когда дверь жалобно скрипнув закрылась.

Если я и была в сознании, то прибывала не в этой реальности. Наконец попыталась абстрагироваться от всего и включить разум. Слезы понемногу высохли, им на замену пожаловала сильная головная боль. Я поморщилась, пытаюсь собраться с мыслями.

— Я забираю ее, — стояла на своем Глория и, по-моему, не в первый раз повторяя эти слова. — Ты думаешь только о себе, Энджил! А какого ей после пережитого продолжать находиться здесь?

Ей что-то тихо ответили, если честно, даже не попыталась прислушаться.

— Считаешь, что я дура? Не глупее тебя, поверь.

Меня взяли за руку, и, вздрогнув, я подняла глаза, посмотрев на Энджила. На его лице читались и боль, и разочарование, и вина. Я не выдержала этой пытки небесным взглядом,

слезы вновь наполнили успевшие высохнуть глаза и пролились по щекам встревоженным ручейком.

— Мы скоро увидимся, — я видела, как его губы шевелятся, произнося слова, но рядом со мной словно шумел, срываясь вниз, водопад, слова исчезали во всеобщем шуме.

Глория повела меня по коридору, напоследок добавив:

— Уладь все и постарайся удержать Алекса от неразумных поступков.

Время перестало существовать. Сколько мы ехали в полном молчании, мне не известно. Говорить не хотелось, а слышать сочувствие и видеть жалость тем более, даже от одной мысли об этом все внутренности скручивало и выворачивало.

Экипаж остановился. Неожиданно повеяло знакомым запахом. Я осмотрелась, сбита с толку, и вдруг улыбнулась, вспомнив прогулку в парке, и точно такой же аромат свежескошенной травы. Это благоухание забивалось в нос и заставляло втягивать воздух глубже, стараясь удержать его. Вдыхаю и мне сразу становится легче и спокойнее, будто будоражащие ум воспоминания успокаивают меня и отодвигают переживания, предоставляя свободу и возможность мыслить.

Ведомая Глорией, я оказалась в небольшой комнате, мысленно поблагодарив ее за неброские песочно-зеленые цвета помещения. Почти сразу же внесли вазу с фруктами и графин воды.

— Мне побыть с тобой? — даже сквозь туман в голове к сознанию прорвались печальные нотки. Я тут же мотнула головой. — Отдыхай, если что-то понадобится, только скажи первому встречному слуге.

Чьи-то руки помогли мне расшнуровать корсет, кажется, дальше я просила оставить меня, и когда платье упало к ногам, какое-то время простояла без движений. Очнувшись, подошла к кровати и упала поверх покрывала. Я лежала неподвижно и до сознания, до этого защищавшего меня, медленно прорывалась действительность.

Я убила человека!

Слезы начали душить меня с новой силой, всхлипывая и вытирая лицо о намокшую подушку, вспоминала дикую ярость и страх, приказывающий бить до последнего. Или я, или он! От этих мыслей не становилось легче.

За окном, завывал ветер. Первые капли дождя застучали в стекло, словно прося о помощи. Звуки ненастья раскатами грома врываются в помещение. Я то и дело вздрагивала от этих звуков и пытаюсь укрыться спрятала голову под подушку. За последний час мне удалось накрутить себя до такой степени, что даже малейшие движения причиняли боль. Оставалось только тихо лежать, поскуливая раненым зверем, моля об избавлении. Не знаю, за какие заслуги сон все-таки посетил меня, прекратив дальнейшие самоистязания.

Снов не было, а только непроглядная чернота. Я плыла в ней из ниоткуда в никуда. Мир и другие люди так же отсутствовали, я оказалась одна, опять одна в незнакомом месте.

Утром, сев на край кровати, в первую минуту решила, что случившееся просто приснилось. Даже успела улыбнуться своей глупости и трусости, поддавшись вздорному сну. Однако незнакомая обстановка и забытое на стуле платье в бордово-коричневых разводах быстро убедили в обратном.

Безжалостно закинув его в угол, поспешила к шкафу — пусто. Обняла себя за плечи, замерев боясь увидеть запачканную вещь на прежнем месте. В дверь тихо постучали и, получив мое одобрение, зашла служанка, с новым платьем в руках.

— Можно это выкинуть? — поинтересовалась я, указав в угол не зная, как объяснить пятна крови на ткани. В ответ мне только кивнули, не поднимая глаз, и после того, как помогли одеться, попросили пройти следом.

Глория, полная сил, ожидала внизу в небольшой столовой.

— Надеюсь, ты отдохнула? Ближайшие дни у нас очень насыщенные.

Мимо меня проследовали две служанки со слегка опущенными головами и, проворно расставив приборы, удалились.

— Что это с ними? — странное поведение насторожило меня.

— Это моя прихоть, не люблю видеть глаза, в них обычно отражаются истинные мысли, зачастую неприятные.

Озадаченная ее словами, села на свободный стул. Мне что, тоже так делать?

Глория рассмеялась, ее позабавила реакция и выражение на моем лице. Вновь вошли служанки, внеся какую-то выпечку. Она замолчала, пристально наблюдая за их движениями. Я только вдохнула аромат, идущий от сдобы, как в голове запустились воспоминания о маминых кексах, невыносимо яркие, и в ушах зазвучал мамин голос. Комок подступил к горлу, захотелось вновь обнять ее и посмотреть в наполненные любовью глаза.

Дождавшись, пока служанки уйдут, хозяйка дома сделала приглашающий жест рукой, предлагая приступить к еде. Протянув дрожащую руку, машинально откусила кусочек, и воспоминания начали меркнуть, вкус оказался совершенно иным. Я облегченно вздохнула, ведь справляться с подобным мне всегда было нелегко, несмотря на то, что прошло столько лет.

— Почему я здесь?

— Я пригласила тебя в гости, захотелось поближе познакомиться, — Глория мило улыбнулась. Ее взгляд вроде бы и не был направлен на меня, но чувствовался постоянно. — У меня выдалось несколько свободных дней и захотелось провести их в компании, — и, заметив внезапную смену моего настроения, уточнила: — Неужели хочешь вернуться?

— Нет, — поспешно ответила я, вспомнив уничтожающий мое самообладание взгляд Энджила.

Глория как ни в чем не бывало продолжила завтракать. Покосившись на собеседницу, отметила, что каким-то странным образом ее отношение ко мне не изменилось, она вообще вела себя так, словно не видела меня рядом с двумя трупами.

Я хмыкнула, прекрасно понимая, что она лукавит. Краем глаза окинула помещение, больше напоминавшее сумрачную пещеру. Темная мебель и наполовину занавешенные шторы делали его слишком мрачным. Столовая, словно магнит, притягивала угрюмые мысли. Не выдержав нахлынувших чувств, встала и на полную раздвинула тяжелые шторы. Свет из окна ослепил. Зажмурившись, постаралась прогнать заплывавшие перед глазами яркие круги и точки.

— Сегодня мы поедем кататься верхом.

Услышав ее планы, я выплеснула на стол и себе на руку горячий чай. Вскрикнув, стала дуть обожженную кожу, недовольно хмуря брови.

— По правде говоря, я не помню, как ездить верхом.

— Неужели ты и это позабыла? — Глория отвлеклась от смакования пирожного и, не веря моим словам, смерила меня взглядом. — Тогда планы немного меняются.

— А может, я и до этого не особо умела? — словно извиняясь и стараясь хоть как-то оправдать себя, улыбнулась в ответ.

Сразу после завтрака меня переодели, и мы неспешным шагом направились к конюшне, за нами следовала служанка Дора с какой-то вещью в руках. Еще издали я заметила рядом с загоном для лошадей странное здание квадратной формы. И когда мы свернули именно к нему, непонимающе спросила:

— Куда мы идем?

Глория в ответ только загадочно улыбнулась и машинально сорвала несколько высоких стеблей травы, в избытке росших с обеих сторон тропинки.

Зайдя внутрь, я огляделась. Здесь оказалось почти пусто: небольшие деревянные загородки вырисовывали форму круга, оставляя небольшой проход между стеной и изгородью, где находились сено и ведра с водой. В противоположной части обнаружилась привязанная лошадь. Невольно сглотнула подступивший к горлу ком, вновь оказаться верхом было до жути страшно.

Когда наш приход заметили, молодой мужчина, должно быть, конюх, по указу Глории отвязал животное и подвел ближе.

Сперва я подошла и погладила умную животину по шее и морде, заглянула в блестящие глаза и, только немного справившись с волнением, позволила помочь взобраться в седло.

— Сразу не отпускайте, — пискнула я не своим голосом.

В первую минуту кружилась голова, я закрыла глаза, стараясь не упасть в обморок, не забыв при этом вцепиться в седло. Воспоминание о неудачной последней поездке живыми картинками пронесли в памяти.

— Так дело не пойдет. Ты слишком напряжена, — шаги, приглушенные песком, усеивавшим пол, стали ближе. — Вы можете идти, — обратилась она к слуге-мужчине. — А ты слезай, будешь учиться другим способом.

Вздыхнув, я с облегчением оказалась на твердой земле. Повинуясь жесту хозяйки, служанка проворно начала расстегивать на мне платье. Взвизгнув, отпрянула от нее.

— Да не волнуйся ты так, — мои глаза отказывались верить в происходящее, ведь Глория уже ослабила подпругу и стягивала седло. — Меня в детстве обучал отец, — заявила она, будто это что-то объясняло. И, наконец закончив распрягать лошадь, повернулась ко мне. — Ты меня смешишь, видела бы ты себя со стороны. Сейчас надень эту широкую юбку, — так вот что несла служанка, — и начнем с малого. Будешь привыкать к лошади и к ее шагу.

Следующие полчаса я, сидя верхом на мускулистой спине, двигалась по кругу. Это оказалось большим испытанием, и все мысли были сосредоточены на том, как бы не слететь вниз, на притоптанный грязный песок. Несколько раз опасно наклонялась в сторону, и тогда я беспомощно старалась выровняться на спине, подергиваясь и сильнее сжимая круп лошади ногами. Отсутствие упора и возможности схватиться за седло, для меня это оказалось настоящим испытанием.

— Уже лучше, — крикнула Глория, наблюдая за моими жалкими попытками ровно сидеть на животном. — А сейчас отпусти вожжи, Дора будет вести лошадь, а ты разведи руки в разные стороны и постарайся слиться с ее движением, а еще лучше, если получится закрыть глаза. Прочувствуй каждый шаг, каждый пережат мускулов под тобой.

— Что? Ты хочешь моей смерти? — не удержалась я.

Глория не ответила, сев на скамеечку и продолжив анализировать мои жалкие попытки не упасть лицом в песок.

Тренировка длилась всего пару часов, но я от усталости и перенапряжения валилась с

ног. Но отдохнуть мне не дали и сразу после обеда Глория потащила меня гулять и не оставляла ни на минуту до самого вечера.

— И что нас ждет завтра? — устало вымолвила я, зевая.

— Скучать точно не будешь, — усмехнулась Глория, давая понять, что выдавать подробности своего замысла не собирается. — Сейчас вернемся в дом и сразу иди спать.

Я непонимающе подняла брови: солнце только начинало клониться к закату, и никак не ожидала, что так рано отправят в свою комнату.

— Завтра рано вставать, — и вновь эта загадочная улыбка и многообещающий взгляд. Ну что еще она придумала, чтобы занять меня и отвлечь?.. Я даже притормозила, запоздало понимая, что за весь день от силы пару раз вспоминала о случившемся.

Прикрыв за служанкой Дорой дверь своей комнаты, устало повалилась на кровать, показавшуюся неожиданно мягкой и удобной. Полежала какое-то время, прислушиваясь к внезапно возникшим ощущениям. Перенапрягшиеся мышцы, расслабляясь, начали побаливать. С упоением забралась под одеяло и первое время не могла отвлечься от этих тянуще-болевых ощущений и за наблюдением не заметила, как уснула.

После вчерашней встряски организма утро априори не могло начаться хорошо. Едва зашевелилась, потягиваясь, как растревоженные мышцы напомнили о вчерашнем, я застонала от внезапной боли во всем теле. Болело ВСЕ.

Больших усилий мне стоило собрать себя, а процесс одевания вызвал новый приступ боли. Даже привычный спуск по лестнице не был простым. Сидя в кресле, старалась по возможности не шевелиться, замерев, точно статуя. В таком виде меня и застала довольная и неожиданно счастливая Глория.

— Готова к новому дню? — словно не замечая моего состояния, спросила она. — Чуть не забыла. Анатолий просил тебе передать.

Она протянула руку, и на моей ладонке оказалась та самая маленькая склянка с уже налитым зельем. Я настороженно приняла ее, покосившись на Глорию, боясь, что вот сейчас она истошно завопит, не узнав меня. Но девушка уже отвернулась, отвлекшись. Выходит, и на нее не действует? Не понимаю тогда, как вообще это работает.

— И куда мы сегодня? — отмерла я, пряча флакон. Она весело засмеялась, от этого звука я дернулась, вскрикнув.

После завтрака экипаж уже ждал нас возле самого крыльца. Не успела я устроиться напротив Глории, как та наклонилась ко мне, зашептав:

— Завтра я организую званый ужин. Будут только самые интересные люди и ты, — она хохотнула от своего остроумия. — А сегодня мы отправимся выбирать тебе платье и еще кое-какие мелочи для меня.

Я мысленно съёжилась, терпеть не могу длительные походы по магазинам. Но, сегодня, похоже, придется потерпеть.

В первом магазине, большом и светлом, продавалась, конечно, одежда. Глория заставила меня перемерить пять платьев разных цветов. Вроде и не так много, но пока наденешь-снимешь каждое, кажется, проходит целая вечность. В итоге ее взгляд остановился на бирюзовом платье с небольшим количеством рюш по подолу и рукавом две четверти. Глория указала на туфли, подходящие к ним.

— А это еще зачем? — не поверила я своим глазам, когда она выбрала чулки.

— У каждой девушки должны быть, — отрезала она, давая понять бессмысленность моих возражений. И наклонившись к самому уху, шепотом добавила. — Если хочешь, могу

более подробно рассказать об отношениях мужчины и женщины. Я немало знаю секретов обольщения, на званом ужине сможешь опробовать.

Подмигнув, она выпрямилась и кивнула на вопрос продавщицы.

Когда мы вышли на улицу, прошло не меньше трех часов. Оглядевшись, я, к своему удивлению, обнаружила, что среди относительно небольшого числа разодетых господ мелькали люди в более простых, повседневных одеждах: зазывалы, уличные торговцы всевозможной едой, живыми птицами, печатной продукцией, слева работал своей метлой подметальщик. Откуда-то доносился голос уличного певца.

По сути число раз, когда я была в городе, можно пересчитать по пальцам, да и то большинство из них я проезжала мимо или ожидала в экипаже. Сейчас открывшаяся моему взору картина была невероятно интересна.

— Девушка, хотите знать свою судьбу? Я вам расскажу все: когда вы выйдете замуж и сколько у вас будет детей, — этот женщина выскочила словно из неоткуда. Я посмотрела на нее с опаской, не зная, как реагировать. — А может, хотите приобрести снадобье на удачу или привлечение любви? — странным образом мой голос пропал, изо рта вырывались лишь отдельные звуки.

— Пошла вон, шарлатанка, — раздался уверенный голос подошедшей Глории, и незнакомка тут же исчезла, слившись с мимо идущей толпой. — Ни на минуту тебя нельзя оставить одну. — Она ободряюще улыбнулась и потянула к следующему магазину.

В последующие два часа успели побывать в ювелирном, в магазине аксессуаров, косметики. Из каждого за нами выносили коробки, складывая их в ожидавший нас экипаж.

— Еще долго? — взмолилась я, кроме того, что мышцы не давали покоя, я успела проголодаться.

Правильно оценив ситуацию, Глория поискала в толпе взглядом и, жестом подозвав рослого мальчишку, отдала деньги. Я с интересом выглянула из-за ее плеча.

— Уже недолго. Держи, — и в моей руке оказался кусок хлеба с колбасой, смазанный сероватым маслом. Поднесла его ближе к лицу, приняв хавшись, лизнула — действительно масло. На вид выглядит не очень, но на вкус вполне сносно.

Кто бы мог подумать, что вся из себя Глория станет есть уличную еду. Неожиданно она предстала передо мной в новом свете не девушки, познавшей многое за свою жизнь, а обычным человеком. Умяв бутерброд, она сразу выдала мне указания:

— Сейчас покажу тебе магазин утвари, от тебя требуется выбрать три вазы в мою приемную, где будет проходить званый ужин, — и не дожидаясь, пока с моих губ сорвется очевидный вопрос, добавила, — а мне нужно зайти кое-куда, это личное. Я тебе доверяю. А сейчас идем, провожу до дверей магазина.

Рассеянно заморгав, поспешила за успевшей уйти вперед Глорией. Пройдя по главной улице, мы свернули налево, углубившись в менее шумный проулок. Взгляд скользил по дверям, окнам и немногочисленным витринам и неожиданно зацепился за знакомую черную дверь, успевшую покрыться слоем пыли, на которой выделялись четыре длинные темные полосы. Сердце забилось чаще и, не успев даже подумать, оказалась возле двери, сделанной из неровных, с небольшими щербинками, досок, пальцы сами скользнули к круглому кольцу ручки.

— Боже, Агнесса, ты так и норовишь притянуть неприятности, — Глория остановилась рядом и непонимающе посмотрела на мою замершую в нескольких сантиметрах от кольца руку. — Этот магазин давно не работает.

— А когда он работал? — задумчиво выдала я.

— Помню, когда я была еще маленькая, тут было что-то, — отмахнулась она. — А почему ты вообще подошла сюда?

Я моргнула, приходя в себя от шока, ответив:

— Дверь понравилась.

И ничего больше не пояснив, развернулась, возвращаясь на прежний маршрут. А в голове от увиденного случился настоящий взрыв и захлестывающие меня эмоции не давали сосредоточиться. Как же так, в первую минуту я была точно уверена, что это тот самый магазин с книгами, в котором странный продавец вручил мне газету со статьей о Байроне Дайлзе. Хотя я могла и ошибаться и где-то есть точно такая же черная дверь в тот самый магазин. Сколько я ни старалась убедить себя в этом, но чувство уверенности в обратном не покидало.

В итоге, оставленная одна в магазине, я поняла, что забыла спросить главное: какие цвета преобладают в комнате для приемов. Обойдя несколько раз помещение и не найдя три одинаковых вазы, а мне казалось, это бы облегчило мои метания, задумалась. Мысли упорно возвращали меня к книжному магазину, отказываясь помогать. Сама не знаю каким чудом, вскоре нашла искомое: мне упаковали три коробки, спустя пять минут зашла довольная Глория.

— О, вижу, ты уже справилась, — она тут же договорилась, чтобы покупки донесли до экипажа.

Выйдя из магазина, мы свернули в противоположную сторону, и мне так и не удалось еще раз взглянуть на злосчастную дверь. Глория взяла меня под руку, рассказывая историю, которую я не слышала.

Оказавшись в экипаже, я задумчиво выглянула в окно, любуясь на освещенные газовыми лампами витрины магазинов, в надвигающихся сумерках они выглядели волшебно.

Второй день вымотал не меньше первого, в этот раз, правда, не физически, а морально. Послевкусие после разочарования и непонимания происходящего вызывало дрожь в руках и выводило из равновесия.

Что за ерунда происходит вокруг меня? Нет, сам факт моего появления здесь — уже нечто необъяснимое, да и встреча с настоящими вампирами не особо вписывается в логическую цепочку жизни, но чтобы я побывала в магазине, в котором долгое время и магазина никакого не было... Это уже выходит за все рамки.

Неожиданно сердце пропустило удар, а я чуть не задохнулась от внезапного понимания, что дверь точно та. А светлые полосы не что иное, как следы от моих проведенных ней в прошлый визит пальцев. Тело пробил озноб, стало холодно и страшно от возможности сойти с ума из-за всех этих происшествий.

Уже с самого утра Глория раздавала прислуге распоряжения: что и где должно стоять, когда и куда приносить еду. Я застала ее с хмурым выражением на лице в той самой комнате, в которой должны собраться гости. Просторная, в приятных бежево-коричневых тонах, минимально заставленная мебелью, с достаточно свободным местом, чтобы разгуляться и даже потанцевать, если количество собравшихся не превысит десяти человек.

— Видимо, зря надеялась на женское чувство стиля, — недовольно выдала она. — Чем ты руководствовалась, выбирая это? — Глория шагнула в сторону, давая возможность

полюбоваться.

— Что это? — опешила я от открывшегося взору великолепия.

На столе стояли три вазы: фиолетовая, серая, третья же оказалась расписана в цветочек, все разных фактур и размеров. Увидев этот ужас, поняла, что именно их вчера довелось выбирать мне. И здесь точно не прокатит оправдание о том, что совершенно не знала расцветку помещения. Они просто не могли составить ансамбль даже друг с другом, не то что с этой комнатой. Видя мою растерянность, хозяйка махнула рукой.

— Ладно, поставлю их в другие комнаты, а сюда придется выбрать что-то из имеющегося в наличии. Хотела занять и тебя, но сейчас вижу, что поторопилась с решением, поэтому до приема ты просто ходишь за мной, наблюдаешь и запоминаешь.

Я виновато опустила голову, вот совершенно не помню, как выбирала именно эти экземпляры, вчера меня занимали совсем другие мысли.

Последующие три часа прошли скучно. Я хвостиком следовала за Глорией и наблюдала, думая в этот момент о своем. Спроси меня хоть что-нибудь из рассказанного в эти часы — убей не вспомню.

Далее последовали длительные сборы: ванна с душистыми маслами, бирюзовое платье, прическа, минимальный макияж, серьги, колье, кольца — от последних наотрез отказалась, сложив их обратно в шкатулку. Ну не привыкла я к ним, а раз так, они будут мешаться на пальцах и раздражать, переживу уж, если сделают на пару комплиментов меньше.

В моем времени даже сборы в часа два утомляли, а сейчас безусловно я выглядела достойно, но потратить на это добровольно пять часов жизни — нет уж, увольте.

К шести вечера начали собираться гости — с заверения Глории, я познакомлюсь с лучшими умами общества. Вместе с учредительницей приема я встречала прибывших, мило улыбаясь. Когда пришел последний гость, начало сводить челюсть от приветливой улыбки.

Вскоре приглашенные разделились на несколько групп, бурно обсуждая, споря, делясь своими мыслями и впечатлениями. Мужчины от тридцати до пятидесяти вначале с интересом поглядывали в мою сторону, даже несколько из них подошли, обступив меня и заведя разговор. Не желая столь откровенного внимания, предпочла прикинуться дурочкой, и интерес к симпатичной особе, обделенной умом, со стороны просветленных господ был потерян.

Глория поначалу шипела на мою неразумную выходку, но потом оставила в покое, переходя от компании к компании. Я опустилась в кресло, стоящее в самом углу, подальше от этого шума, и взяла в руки книгу, но смысл прочитанного из-за царящего гула растворялся в написанных строчках.

— Интересная книга? — я машинально кивнула, почувствовав, что говоривший усмехнулся. — Поэтому ты читаешь одну страницу больше пятнадцати минут?

Подняла голову, уже зная, кого увижу.

— Привет. Ты давно пришел?

— Около получаса, — вновь странный блеск в глазах и ухмылка. — Прекрасно выглядишь, тебе идет этот цвет.

Благодарно улыбнулась, бросив мимолетный взгляд в другой конец комнаты. Уже немного подвыпившие гости бурно жестикулировали, стараясь доказать каждый свою правоту.

— Они все еще спорят? И не надоело им?

— Это уже не первая тема. Сейчас идет спор о появлении человека. А ты что думаешь

по этому поводу?

Он встал так, чтобы только мне было видно его лицо, и широко улыбнулся. Невольно засмотрелась на слегка выделяющиеся клыки. Он ловил каждый мой взгляд.

— Теорий много, — одернув себя, потупила взор, — но кто бы сказал, какая правдива? Это бессмысленно.

Встав с левой со стороны, он слегка развернулся, положив руку на спинку кресла за плечо. Я тотчас сменила положение, подавшись вперед и сев прямо. «Случайно или не случайно он это сделал?» — вертелось в голове. От смущения хотелось убежать и спрятать голову в песок.

— По-твоему, спор бессмысленен? — его рука сжала мое плечо, возвращая тело в прежнее положение, вот только неприятное ощущение в мышцах не покидало меня.

— Спор всегда имеет смысл, по крайней мере, для спорящих, — через силу выдавила я.

Он прищурился, с интересом разглядывая меня и над чем-то раздумывая. Гости Глории разошлись не на шутку: из шкафа достали несколько книг и с непередаваемой настойчивостью зачитывали текст, поднося книгу к самому лицу несогласного с выдвигаемой теорией. Начали проскальзывать выражения на повышенных тонах.

Я настороженно покосилась на мужчин:

— Они не подерутся?

— Давай оставим их. Пройдешься со мной?

Если честно, сидеть в уголке и делать вид, что очень занята, надоело. Я немного поколебалась, но интерес пересилил затянувшуюся скуку.

Алекс чуть согнул руку в локте; смущаясь, обвила ее своей. Заметила мимолетный обмен взглядами моего покровителя и хозяйки дома, но, прежде чем успела что-либо понять, Алекс мягко потянул следом.

Мы молча проследовали по первому этажу и стали подниматься по лестнице.

— Смею надеяться, что ты поделишься своим видением на происхождения человека. Думаю, в твоё время их придумали ещё больше, — в коридорах стоял полумрак, мне никак не удавалось хорошо рассмотреть его лицо, но по интонации казалось, что он вновь улыбается.

Мысленно уже начала перебирать известные мне теории создания живого: Бог, эволюция, теория большого взрыва, НЛО...

Открыв дверь дальней комнаты, он отошел, пропуская меня вперед. Небольшое полупустое помещение с диванчиком и книжным шкафом во всю стену. Полумрак приглушал цвета, делая их безликими.

— Здесь нам никто не помешает, — отчего-то сказанные слова показались зловещими, я настороженно огляделась, боясь перевести взгляд на Алекса.

— Зачем мы здесь? — голос трусливо дрогнул.

— Ты же знаешь, я нечасто выхожу в свет, предпочитая узкий круг знакомых шумным компаниям. А если откровенно, то внизу я заскучал.

— Я должна тебя развеселить? — голос прозвучал ещё более жалко, я прокашлялась.

Он рассмеялся, даже в глазах заплясали озорные огоньки.

— Захочу веселья, устрою его себе сам. Присаживайся, — его изящный жест рукой невольно привлек мое внимание.

Сев на краешек дивана, замерла. Алекс не спеша зажег несколько свеч и поставил их на не замеченный мной низенький столик. Обойдя диванчик, остановился за мной и

неожиданно обхватил меня за плечи. Я рванулась вперед, но сил не хватило, пришлось со стоном плюхнуться обратно. Пальцы ослабили хватку, разминая плечи.

— Смотри на свечу, — мне показалось, что от страха я перестала дышать. — Вижу, вы хорошо общаетесь с Энджиллом.

— Нельзя? — едва слышно прошептала я, в мыслях представляя самое худшее.

— Похоже, не с того начал, — он вздохнул. — Просто хотел отвлечь тебя, чтобы ты расслабилась. Если б ты меня заинтересовала как девушка, я бы действовал другими методами. Давай просто поговорим. Так что там по поводу твоего мнения о разгоревшемся внизу споре?

Алекс разжал пальцы и уселся с противоположной стороны маленького дивана. Мне захотелось отсесть подальше: сейчас, если протянуть руку, спокойно коснешься оппонента. Бегло оглядела комнату, но ни стульев, ни кресел не нашла.

Разговор длился долго; постепенно осмелев и немного расслабившись, я даже подняла глаза, бросая мимолетные взгляды на собеседника. Его лицо выглядело спокойным и удовлетворенным, иногда в особо интересные моменты брови мужчины взлетали вверх, делая его лицо более живым.

Несколько черных прядей выбились из хвоста, падая на глаза. Алекс, кажется, даже не обратил на это внимания. А мне с каждой минутой все сильнее хотелось убрать их, борясь с порывом, пришлось сжать руки.

Словно заметив мои терзания, он развязал волосы, они на секунду заслонили лицо. А когда он встряхнул головой, меня поразили ставшие внезапно необычайно черными глаза. Невольно замерла, будто увидела нечто диковинное перед собой.

«Надо же, и почему раньше не замечала, насколько он красив?» — мелькнула шальная мысль.

Заворожено наблюдала, как он грациозно встает и подходит ко мне. Опомнилась, только когда в поле зрения появилась его рука, отчего удивленно и немного растерянно заморгала.

— Потанцуем? — Алекс слегка наклонился и занавес волос вновь скрыл большую часть лица.

— Здесь нет музыки.

— Разве она нужна, когда поет душа?

— Я не умею танцевать, — и не удержалась от смеха, вспомнив похожий разговор с Энджиллом. М-да, глупыми оправданиями грешит не только он.

Не став комментировать внезапно улучшившееся настроение, поднялась с дивана. Мы медленно кружились по комнате, я извинялась и краснела, наступая в очередной раз партнеру на ноги.

— А как танцуют пары в твоём времени?

— По-разному, — предчувствуя, к чему он ведет, — ну если самое простое... — перед взором сразу предстала картина, как танцевали, находясь на вытянутых руках друг от друга, в лагере на дискотеках. Но нет, это будет слишком по-детски. — Ты кладешь свои руки мне на талию, а я свои тебе на плечи.

Он сделал, как сказала, ожидая дальнейших инструкций. Я начала двигаться, покачиваясь из стороны в сторону, одеревеневшее тело не желало слушаться.

Через несколько минут Алекс уточнил:

— И это все?

— Это самый простой танец для пары, — у самой последнее слово вызвало непонятный диссонанс в душе. — Чем ближе знакомы танцующие, тем меньше между ними расстояние, — зачем-то ляпнула я.

Едва успев договорить, охнула, притянутая к его телу. Незнакомая ранее волна тепла прокатилась внутри, прикрыв глаза, мысленно постаралась прогнать ее. Это возникшее неожиданно чувство сбивало с толку, восхищало и отталкивало одновременно.

— Так гораздо интересней, — он легонько подул, приятно охлаждая лицо, — не смущайся так. Пока есть время, хочу еще потанцевать с тобой.

Попытавшись абстрагироваться от путающихся эмоций, поудобнее переместила руки.

— Этот зануда Энджил поговорил со мной. Я выполнил просьбу, за свою сестру можешь больше не волноваться, — сообщил Алекс, откланиваясь примерно за три часа до рассвета.

На прощание он слегка прикоснулся губами к моей руке, оставив приятное покалывание на коже. Стоя на крыльце и прислушиваясь к небывалому для горожанина спокойствию ночи, я запоздало подсчитывала, сколько часов мы провели наедине. Не меньше четырех часов! И сама испугалась мысли, что могли подумать оставленные нами гости и Глория. Если она спросит, как объяснить наше отсутствие? Вновь захотелось сбежать от возможной беседы, а еще лучше оказаться подальше отсюда, где не потребуется ничего никому объяснять.

Я развернулась, чтобы зайти в дом, и мне показалось, на доли секунды, что чей-то силуэт промелькнул слева от дома, скрывшись за ним. Поежившись от не заставивших себя ждать мурашек, быстро закрыла за собой входную дверь.

В комнату постаралась пробраться как можно незаметнее. Удача улыбнулась и на пути мне не повстречались ни прислуга, ни сама Глория. Все еще витая в своих мыслях, пыталась выцепить, что же произошло сегодня и в какой момент мое поведение дало слабину. Задержалась, закрывая дверь комнаты, с запозданием заметив притаившуюся опасность.

Он вновь лежал, вытянувшись на кровати так, чтобы ни за что не пропустила, и при этом скрыв лицо в тени балдахина. Страх окатил все тело ведром холодной воды, сделав два шага назад, уперлась спиной в дверь. Силуэт лениво приподнялся, потянувшись точно кот, спустил ноги на пол и вошел в слабую линию света, падающую из окна.

Ноги подкосились, и я, чудом не осев на пол, ухватила за дверную ручку, нервно дернув ее вниз. Замок сам собой приглушенно щелкнул, запираясь, хотя Адис остался на прежнем месте, довольный произведенным эффектом. Я запаниковала. Да как такое вообще возможно? Он словно нехотя сделал шаг в моем направлении. Не выдержав тишины и дергавшей меня за нервы, точно марионетку, взметнувшейся тревоги, крикнула:

— Что тебе нужно? — и, получив в ответ лишь молчание и вспыхнувший блеск в глазах, медленно сползла по двери на пол.

— Боишься? — бесшумно подойдя и опустившись на одно колено, прошипел он.

Я вскрикнула от ужаса. Как он... как такое возможно?

— Что тебе нужно? — уже тише повторила я пересохшими губами. Захотелось отстраниться, но некуда. В голове пронеслись несколько бредовых мыслей и начало его ответа я пропустила.

— ... я буду твоим наказанием!

«За что?» — вслух так и не решилась спросить, взглянув в преобразившееся лицо Адиса. Сейчас передо мной был не человек, а зверь, маньяк, предвкушающий начало новой игры. Он грубо схватил меня с двух сторон выше локтей, дернув вверх. Беспомощно задергалась, из последних сил пытаюсь вырваться и бежать, если не в дверь, то в окно. Правда второй этаж, но эта перспектива лучше, чем остаться с ним наедине. Помня последнюю нашу встречу, не сомневалась, что жизнь человека для него мусор, который можно просто уничтожить.

Открыла было рот, чтобы закричать, как щеку обожгла звонкая пощечина.

— Только пискни, — эти два слова прозвучали лаконичнее всяких угроз, его рука почти любя коснулась моей пострадавшей щеки. — И все, что случится сегодня, утром уже не вспомнишь.

Во мне все еще тлела надежда, что нашу возню могли услышать, но время шло, а за дверью царила прежняя тишина. Я прислушалась. Мне показалось, прошло не больше нескольких секунд, но, моргнув в очередной раз, обнаружила себя стоящей рядом с кроватью, а платье — валяющимся рядом на полу. Меня уже никто не держал, а Адис отошел на шаг, пристально разглядывая. Вещей на мне оставалось порядочно, но произошедшее сбивало с толку.

— Как жаль, как жаль, — он сокрушенно покачал головой, частично озвучивая свои мысли, — что ж, испробую тебя... совсем немного... чтобы не заметили.

Смысл услышанного отскочил от моего сознания, оно просто не пожелало принимать реальность как она есть. Из-за этого я даже не среагировала на реплику. Резкий толчок в грудь заставил пошатнуться, рухнуть на кровать. Закашлявшись, попыталась перевернуться на живот, он не позволил, потянув за ноги вниз. Извиваясь, все же умудрилась пнуть его ногой: хватка тут же ослабла и тело Адиса вдавило меня в матрас.

— Хотел сделать все как можно безболезненнее, дал тебе последний шанс, но ты его упустила, и сейчас я не стану сдерживаться, — вырвавшиеся слова больше походили на шипение ползучего гада.

Рука вампира скользнула вверх по ноге, задирая сорочку, скользя по ткани, и, не отводя взгляда от моего напряженного лица, он потянул вниз штаны. Его взгляд таинственным образом приковывал и парализовал, лишая воли и желания к действиям. Он смаковал, растягивая каждый момент, предоставляя возможность прочувствовать его и мне. Адис упивался страхом, поглощая его подобно крови.

Вдруг он замер, рука прошлась вверх-вниз по моему бедру и, не поняв, что он нащупал, скомкал сорочку до самой талии.

— Интересно... — протянул он, — это что-то новое в женской моде?

Ответа, конечно, не дождался, но, не удержавшись, провел пальцами по краю небольших черных трусиков, одетых под штаны. Даже легкое касание заставило втянуть живот в надежде избежать неприятных ощущений. Наконец происходящее полностью осозналось моим мозгом и из глаз хлынули потоком слезы. Я жалко всхлипнула, предполагая, что сейчас произойдет. Из последних сил попыталась шевельнуться, однако и руки, и ноги ощущались тряпочками без признаков мышц.

Вопреки моим ожиданиям он отвел левую ногу чуть в сторону, грубо впившись клыками во внутреннюю поверхность бедра, совсем рядом с черной тканью. Я закричала, но звук так и не появился, застряв в горле. Четкость комнаты поплыла, слезы все сильнее застилали взор, отнимая возможность видеть. Все сознание затопила жгучая боль. Тело словно охватил огонь, он был повсюду: снаружи и внутри, он тек по венам и артериям вместе с потоком

крови, раздирая плоть в клочья.

Достигнув пика, пламя полностью поглотило меня, сжигая дотла и даря чудесную прохладу тьмы.

— Я буду с тобой долго и вернусь еще не раз, — шептала тьма, убаюкивая.

Жутко хотелось спать. Я зажмурилась от яркого света, бьющего из окна, и, перекатившись на живот, накрыла голову подушкой. Почему же так плохо? Попыталась найти ответ, но он никак не давался, сама причина, сама суть ответа ускользала.

Тело ломило, эпицентр неприятных ощущений находился вверху левой ноги. Попыталась сесть, тут же повалившись от сильной слабости. Ложиться под утро случалось и раньше, вот только самочувствие при пробуждении было немного иным: болели голова, глаза, но нога... Облокотив подушку об изголовье кровати, подтянула себя выше, сев. Задрала сорочку, внимательно изучая эпицентр боли.

Вот точно болит здесь, пальцы нащупали что-то, убрала руку — ровная кожа. Что за ерунда? События вчерашнего вечера вяло потекли в голове. Нет, нет и еще раз нет. Я не ударялась, никто меня не трогал. Бред какой-то.

Глаза сами собой закрылись: организм попытался получить недостающие часы сна хотя бы сидя. Едва я начала дремать, как стук в дверь заставил подскочить, разбудив.

— Агнесса, — голос Глории был бодр и полон энергии, — сейчас подадут обед, просыпайся, служанка будет у тебя через несколько минут.

И почему я не дома? Сейчас бы полежала в постельке до самого вечера и распорядиться своим временем никому не дала. Потянувшись, села, затем подошла к окну в надежде окончательно проснуться и замерла в недоумении. Слабость пропала, навязчивые ощущения в ноге еще беспокоили, но в целом самочувствие стало лучше. Странно.

Одевшись, бодро сбежала вниз по лестнице, застав Глорию с задумчивым выражением на лице. Она подняла глаза с недовольным прищуром, поняв, что это, я тут же улыбнулась.

— Что-то случилось? — озадаченно поинтересовалась я.

— Ты сегодня бледная. Как себя чувствуешь? — вместо ответа спросила она. — Ты так и не вернулась вчера, я волновалась.

Я опустила взгляд в пол. Ну вот, а так хотелось избежать этих неудобных объяснений. Глория не стала дожидаться ответа:

— Сегодня тебя вновь ожидает верховая езда.

Застонав, я опустилась на стул, с шумом придвинув его ближе к столу. Мы замолчали, ожидая, пока слуги расставляют чашки с закусками и салатники, а после подадут второе и суп. Все эти дни я удивлялась ее аппетиту. Глория ела столько, что я оказалась удивлена наличию у нее хоть какой-то фигуры. Украдкой несколько раз бросила взгляд на хозяйку дома, замечая отголоски эмоций, четко проявившихся недавно.

Уже через два часа мы прошли мимо конюшни, ступив в полумрак знакомого строения. Там, трясая головой, по кругу вышагивала лошадь, откидывая копытами крупицы песка.

В этот раз я чувствовала себя более уверенной и ни проверка со стороны животного, ни звучное ржание не заставили трястись от страха. Мне удалось не только без рук усидеть на лошади уже в начале занятия, но и позже успешно поуправлять им. Странно, страх ушел. Огромное животное подо мной не выглядело столь устрашающе и сегодня оно подчинялось моим командам.

— Если бы своими глазами не видела первое занятие, то не поверила в такой успех, — похвалила Глория. — Думаю, на сегодня достаточно. У меня дела, поэтому оставшуюся

часть дня можешь провести как пожелаешь, — на лице Глории мелькнула грусть. Девушка не желала делиться своими эмоциями, отвернувшись. — Через два дня мы распрощаемся, — бросила она на ходу, направляясь к ожидающему ее экипажу.

Оставшиеся дни в доме Глории прошли на удивление скучно и быстро. Мне показалось, что хозяйка дома по неведомым мне причинам стала избегать общения. Я терялась в догадках о внезапной смене ее расположения ко мне. Поэтому едва моя комната погружалась в сумрак, приходилось ложиться спать. Утром никто не будил, оттого просыпалась только к обеду с желанием провалиться, укрывшись одеялом, весь день.

На третий день, сдержанно попрощавшись, отправилась в обратный путь.

Придержав шторку, зевнула, подставляя лицо теплему ветерку. Однообразный пейзаж быстро наскучил, а монотонные укачивания отнимали последние силы. От слабости тело казалось чужим. Устав бороться с собой, облокотилась на мягкую ткань обшивки, прикрыв слипающиеся глаза.

А вот и дом. Когда экипаж остановился, не сдержала тяжелый вздох. Слуга тут же открыл передо мной дверь, помогая выйти, и направился относить привезенный багаж. На крыльце заметила Энджила. Приветливая улыбка не сходила с его прекрасного лица. Все те же золотые волосы, пронизанные лучами заходящего света, отчего глаза стали пронзительно голубыми. Такой прекрасный, слишком прекрасный для человека.

— Привет.

— Привет, — эхом повторил он, недовольно нахмурившись, — ты неважно выглядишь.

— Устала немного, не против, если пойду прилягу?

Я прошла мимо, желая только одного: поскорее упасть на кровать и уснуть.

— Я скучал, — подумав, что мне послышалось, поднялась по лестнице, не оглянувшись.

Уснула я при открытом окне: мне не хватало воздуха и непонятная духота душила, вынуждая тревожно ворочаться на кровати. Проснулась с жуткой мигренью. К закату мое самочувствие немного улучшилось: боль в голове утихла, тело перестало ломить. А неожиданно приснившаяся прогулка по саду вчера вечером смутила. Не помню я никакой прогулки. Это натолкнуло меня на дальнейшие размышления: где я провела вчерашний вечер? Глория вернулась поздно, знакомыми я так и не обзавелась. Поежилась от неприятных ощущений, ведь действительно, несколько часов просто выпали из памяти. Помню, как вышла из дома на крыльцо и... следующих часов словно не существовало. Надо же, такое со мной случилось впервые.

Поднявшись, обнаружила на столике тарелку с фруктами — внутренности противно сжались в отвращении, а вот графину с водой несказанно обрадовалась. Но как только я поддалась искушению и выпила стакан воды, захотелось еще и еще, в конце концов я стала себе напоминать непрозрачный булькающий аквариум, мерзкое ощущение.

По-хорошему стоило позвать служанку и переодеться, ведь платье после сна помялось, а от прически остались одни воспоминания. Но вспомнив, что предстоит пережить во время переодевания, застонала, отмечая эту мысль. Может, накинуть на плечи платок? В последние дни после захода солнца становилось прохладно. Не успела открыть шкаф, как рука сама потянулась к шейному платку. Вот зачем он мне? Этот кусок цветной ткани совершенно не сочетался с платьем, уродуя. Сделала шаг ближе к зеркалу, посмотрела на себя: уставшая, бледная, с бесцветными губами.

Придав щекам свежесть и мазнув по губам розовой помадой, постаралась как можно

быстрее миновать гостиную, опасаясь оживить дремлющие воспоминания, и торопясь вышла через входную дверь в обволакивающее тепло улицы.

В лицо настойчиво подул нежный и почти невесомый ветер. А подняв голову высоко вверх, залюбовалась раскинувшимся бескрайним небом с яркими вспышками звезд, по которому легкой дымкой скользили полупрозрачные облака. Невольно засмотрелась. Сделав еще несколько шагов, обо что-то запнулась, вскрикнула, метнув взгляд себе под ноги на сидящего на верхней ступени Алекса. Упершись локтями о ноги, его фигура выглядела сутулой и уставшей.

— Можешь и дальше меня не замечать, — выдал на мой немой вопрос он.

«Что это с ним?» — не поняла я, опешив от услышанного, растерявшись. Помня наш последний разговор, застыла, не зная, как поступить: скрыться в доме или ненавязчиво постоять на крыльце.

— Ты считаешь, мы прокляты? — то ли спросил, то ли подытожил Алекс. Так и не поняв, адресован ли вопрос мне, нервно переступила с ноги на ногу. Потревоженная доска издала жалобный скрип.

Он вообще конкретно про себя, или и меня зацепило его фантазией?

От повисшей напряженной паузы в горле пересохло. Сейчас я уже жалела, что вовремя не юркнула обратно в дом, разговор, начавшийся с подобного вопроса, априори не мог закончиться ничем хорошим.

— Не думаю.

Из парка ветер донес шелест перебираемых листьев и отрывистый голос кукушки, по поверьям предсказывающей спросившему оставшееся количество лет.

— Правда? — ожил Алекс, обернувшись. Сомнение ярко проскользнуло в интонации.

— У каждого своя жизнь, — пожалала я плечами, осмелев. В том, что его что-то гнетет, не осталось сомнений, и хотелось верить, что Алекс не решит за свои неприятности отыграться на мне. Тлеющие угольки глаз не отрываясь прожигали мою фигуру, вынуждая продолжить: — Разве можно сравнивать и утверждать, что жизнь комара лучше, чем лягушки? Только когда ты так сам решишь, это станет правдой. С чего вдруг такой вопрос?

Алекс хмыкнул, поднявшись.

— Эрик, будь он неладен. Умеет он поселить смуту в душе и сознании.

Мотнув головой, пошел в сторону потревоженных ветром деревьев. Я замешкалась, не понимая, это было предложение идти следом? Спустившись и пройдя пару метров по ухоженной тропинке, Алекс застыл в ожидании. Пришлось пойти следом. Уходить вглубь парка не стали, остановившись на небольшой полянке. Отсюда сквозь росшие кусты просматривался дом, в окнах которого через задернутые шторы пробивалось слабое свечение. Алекс молча опустил на заранее разложенный на траве плед. Прямая осанка, спокойное выражение на лице давали надежду, что буря отменяется.

Стараясь до конца подавить притупившуюся тревогу, потередила край шейного платка и опустилась рядом.

— Во сколько ты можешь появляться на улице? — осмелилась я нарушить задумчивую тишину. Этот вопрос давно волновал меня, однако подходящего момента спросить не выпадало.

— Сразу после захода солнца, — он задумался, подняв взгляд на почти огненную луну, я проследила за ним, изумленно открыв рот. Луна, до этого укрытая облаками, сейчас разливалась вокруг себя красноватый цвет. Алекс поменял позу, вытянув ноги. — Знаешь,

люди вампиров просто не замечают, мы точно призраки в этом мире.

На его лице плясали розоватые отголоски света, и Алекс казался таким настоящим, живым, только глаза выдавали его, став опасными. В них тоже появились огоньки.

Я обвела взглядом его распущенные волосы, прямой нос, слегка приоткрытые губы, а когда встретилась с цепким взглядом, не смогла скрыть своего смущения.

Наступило молчание. Тишину нарушали только шелест ветра и крик ночных птиц, приносимый издалека. Мысленно повторяла его последние слова. и в голове медленно формировалось понимание легенд. Большинству выгодно в них видеть только легенды и не пытаться перенести реальную жизнь. Момент принятия слишком фантастичен, слишком опасен, слишком...

Неосознанно вновь потянулась рукой к шейному платку, отчего-то неприятно сдавившему шею.

— Сними, — от резкого тона отдернула пальцы озадаченно переведя взгляд на недовольно нахмурившегося Алекса. — Сними его.

Перемена в нем встревожила, пальцы под его жестким взглядом никак не хотели слушаться и, казалось, только сильнее затягивали узел. С трудом справившись, сдернула непонятно зачем завязанный платок. Его взгляд скользнул по открывшейся коже и, кивнув, он удовлетворенно отвернулся, не объясняя причины своих действий.

— Ни разу не интересовался, как тебе живется в этом времени? — наконец заговорил он, я посмотрела на Алекса, возвращаясь к реальности, перебирая руками траву со спящими цветами.

— Непросто, хотя лучше, чем могло быть. По правде говоря, я очень хочу домой, но не вижу выхода, — горько усмехнулась, в груди больно сжалось от одной мысли, что, возможно, больше никогда не увижу дорогих сердцу людей. И, желая сменить тему, спросила. — Кто такие вампиры? Откуда взялись?

— Тебе и так известно больше, чем стоит, — и его рука резко оборвала жизнь цветка, откинув в сторону. — Не стоит совать нос в чужие тайны.

Его ответ задел. Поджав губы, отвернулась, понимая в глубине души, что он прав. Пауза затянулась. Наша встреча все больше напоминала бесконечную череду молчания, прерываемую лишь изредка.

— У Эрика очередное безумство, и страшное проклятье он видит в каждом, — наконец излил тревожащие мысли Алекс и, поймав мой недоуменный взгляд, добавил, — Эрик — мой старый друг.

Я дернула бровями, удивляясь неожиданной смене темы разговора. Алекс повернул ко мне голову, и глаза с отблесками пламени смотрели прямо на меня. Я поежилась, только сейчас осознав в полной мере, что мы одни сидим среди огромного полутемного парка: я и вампир. Прошлые беседы всегда проходили в доме, и сейчас окружающая нас природа вместо привычных стен выглядела странно. Бр-р, аж мороз по коже.

— Почему? — заполнила я тишину.

— У Эрика всегда были пессимистичные взгляды на жизнь, а сейчас этот гад притащился и испортил настроение и мне, — Алекс наклонил голову набок, тень полностью скрыла его лицо. Мой собеседник ухмылялся.

Я кивнула, тоже чуть улыбнувшись.

— А этот Эрик живет где-то недалеко?

— Нет. Эрик нечасто бывает в этих краях. Он, словно сытый хищник, рыщет по свету,

забавляясь людскими жизнями. Его внешность неуловима, а взгляд завораживает и пугает одновременно.

По телу пробежали мурашки. Какой-то маньяк этот друг, услышанное оставило неприятный осадок.

— Ну и друзья у тебя, — не удержалась я, усаживаясь поудобнее и невольно протягивая руку к распустившемуся ночному бутону. Слова прозвучали едва слышно.

Алекс слегка коснулся моей руки, выводя из западни мыслей.

— Ты права, друзей нужно выбирать лучше.

Я открыла рот, снова закрыла, наконец, смогла выговорить:

— Это было произнесено мною вслух?

— Ничего, я не обиделся. Сам знаю о своих недостатках, но с ним меня познакомил Николаус, мой учитель. У Эрика слишком непостоянный характер, поэтому дружба на расстоянии — это про него.

Где-то в темноте захлопала крыльями птица, подняв шум, на ее крик откликнулось еще несколько голосов. Похоже, нечто незаметное человеческому взору спугнуло их с насиженного места.

— Сова настигла добычу, — я прищурилась, устремив взгляд в направлении, куда повернулся Алекс. Наивно было полагать, что смогу хоть что-то увидеть.

Особенно сильный порыв ветра отбросил мои волосы назад, заставив прикрыть глаза рукой. Луна полностью скрылась за облаками. На мгновение почудилось, что я вновь нахожусь в лесу, пробираясь от тети к их дому. Передернула плечами, вспоминая свою панику и подгоняющий страх, заставляющий двигаться вперед.

— Пойдем в дом, продолжим в другой раз, — от него не укрылась моя дрожь. Алекс помог подняться, вновь поймала его изучающий, словно ищущий что-то взгляд.

Оказавшись внутри дома, я ненадолго остановилась в дверях столовой, заглянув внутрь. За время, что нас не было, большинство свеч догорели, оставшиеся слабо поблескивали, точно прощаясь с жизнью. Благодаря этому мрачные тени заполнили помещение, перекрасив его в оттенки серого.

Алекс молчал, и я не хотела прерывать тишину.

Прошло три дня. Я устало потеряла ногу с внутренней стороны бедра. Сегодня боль ощущалась особенно остро. Не выдержав, подошла к трюмо и, взяв маленькое зеркальце, неприлично высоко задрала подол. Опять ничего, что могло вызвать такую боль. Непонимающе уставилась на небольшие круглые синяки на другой ноге. Если б не моя уверенность, что в этих местах меня никто не касался, то подумала бы... Попробовала расположить пальцы на отметинах. У меня не получилось: расстояние между ними оказалось больше. Мерзкие синевато-красные отпечатки точно оставила не моя женская ручка.

Спускаться вниз не хотелось. От слабости и резко наступившего голода начало подташнивать. Вздохнув, все же подошла к шкафу чтобы одеться. Открыла дверцы, пробегая взглядом гардероб. Меня повело, комната крутанулась и я, сделав несколько неуклюжих шагов врезалась в кресло, завалившись в него.

Задышала чаще, пытаясь унять подступившую к горлу тошноту, и расплывающимся от влаги взглядом зацепила висевшую в шкафу сорочку. Она странным образом оказалась испачкана снизу. Полумрак шкафа и пасмурная погода хорошо скрадывали грязноватые

разводы на задвинутой в самый угол ткани. От волнения я прикрыла глаза. А ведь вчера с утра под платье я надевала именно эту сорочку с одним потерянным маленьким бантиком слева.

Отойдя подальше от шкафа, словно это он во всем виноват, села на пол, пытаюсь вспомнить весь вчерашний день. Но память обрывалась на моменте моего выхода из комнаты посреди ночи.

Подобные провалы в памяти случались не в первый раз. Я запаниковала. Слишком резко вскочив на ноги, почувствовала, как тяжелеет тело, наливаясь свинцом, в следующую минуту сознание погрузилось в темноту. Очнулась я, лежа на кровати. Тело трясло точно в эпилептическом припадке, желудок скрутило спазмом, и если б я успела поесть, то все содержимое уже валялось бы на полу.

«Надо звать на помощь!» — крутилось в голове. Вот только чем больше я сопротивлялась, моля о помощи, тем мне становилось хуже. Я беспомощно металась по кровати, хватаясь за угасающий, точно закат разум.

Потеряв ориентацию в пространстве и времени, отпустила сознание, и тело начало успокаиваться, расслабляясь.

Ближе к вечеру в гости заглянула Глория.

— Здравствуй, — даже не взглянув, поздоровалась со мной и заняла один из стульев в столовой. — Неважно выглядишь.

Неужели все еще дуется со дня моего отъезда? Да что вообще тогда случилось?

— Здравствуй, дорогая, — входя, кивнул ей Алекс.

Девушка поджала губки и, грустно вздохнув, спросила:

— Мы не виделись почти неделю. Ты не скучал?

— Извини, много дел. Думаю, в ближайшее время придется видеться еще реже.

Метнув взгляд в мою сторону, девушка тут же отвернулась.

В тишине прошло не меньше пяти минут. Алекс задумчиво стоял возле окна, Глория, источая недовольство, смотрела ему в спину, а я в который раз подумывала встать и покинуть это начинающее напрягать общество.

— Агнесса, может, съездим на бал? Нам обеим будет полезно. Ты слишком давно сидишь дома, да и я не помню, куда выбиралась в последний раз. У графини Экшелен скоро состоится прием, — любезно предложила Глория, мило улыбнувшись.

От неожиданной смены настроения собеседницы широко открыла глаза в полном непонимании происходящего. А в памяти тем временем сами собой всплывали картины огромного зала, приглашенных в ярких платьях и строгих костюмах, легко кружащихся пар, заставляя сердце биться чаще. Я открыла рот, не решаясь сказать «да», понимая, что частые головокружения и недавнее падение в комнате — плохой знак.

— Я согласен, тебе не помешает развеяться, — влез так не вовремя появившийся Энджил. Ну вот, все против меня.

— Прием состоится через пять дней, если необходимо сделать покупки, время есть.

И я сдалась, посчитав, что успею поправиться. И тут же усмехнулась. Ох, не завидую я будущим кавалерам и их отдавленным ногам.

Зашел слуга с подносом в руке, аккуратно поставил на столик четыре чашки, чайник и вазочку с печеньем. Спросив, не надо ли чего еще, и, поклонившись напоследок, удалился.

Никто не торопился занимать места за столом. Чашки одиноко стояли на столике, из

чайника клубился пар. Стараясь занять себя, подошла и, налила полкружки, сделав два глотка.

— А кто еще будет на приеме? — робко спросила я, боясь столкнуться с обретенными здесь мамой и сестрами.

— Не переживай, твои родные не приглашены, — и последующая кривая усмешка и ответ Алекса на мой произнесенный вопрос. — На твоём лице отразился испуг, как при недавнем столкновении с ними.

Я задумалась, стараясь ухватить давно крутившуюся мысль за хвост и потрясенно выдохнула, вспомнив статную фигуру графини:

— Графиня вампир?

Глория вздохнула, чуть подвинув свою чашку:

— Нет, конечно.

— Тогда, может, ведьма?

Глория рассмеялась, наполнив комнату резкими звуками:

— Опять не угадала.

Я напряглась, теряясь в догадках. Алекс, сжалился, пояснил:

— Графиня благородна. У нее был выбор, но она не воспользовалась им, решив остаться человеком. Быть хрупкой и уязвимой, но все же человеком. Я уважаю ее выбор, — он обвел комнату задумчивым взглядом. — Сама Экшелен не так проста, как кажется на первый взгляд. Это сейчас все знают ее как влиятельную особу. Однако ее отец мечтал о мальчике, а родилась она. Вот родитель и воспитал свою дочь как мальчишку, в том числе обучив фехтованию.

Услышанное удивило, создав в воображении образ сильной, возможно, высокомерной женщины, лишенной страха, напролом идущей к цели. Неоднозначно цокнув языком, я произнесла:

— Мда... неожиданно.

Глория первый раз за весь вечер улыбнулась:

— Разумеется, такое воспитание не афишировалось.

Собеседница встала и прошла по комнате, словно размышляя. Черты ее лица сделались угловатыми, хищными.

— Анатолий говорил, что граф Экшелен превратил его?

Мои брови поползли вверх. От такой новости забыла про чашку чая в руке, наклонила ее, вылив половину содержимого на стол. Тут же вскочила на ноги, опасаясь, что уже подбирающаяся к краю стола жидкость испачкает платье.

Алекс недовольно зыркнул на говорившую.

— Граф давно мертв, а тебе лучше уйти.

Услышанные слова не обрадовали Глорию, и, не спеша пройдя по комнате, она остановилась напротив Алекса и, обворожительно улыбнувшись, процедила:

— Со мной ты был более осторожен, или тебе наплевать, что будет с ней?

— Ты ошибаешься, — бесстрастно отчеканили ответ.

— Ну-ну. Твое отношение ко мне изменилось, а эти отговорки о срочных делах смешны. Думал, я не замечу? — короткий кивок головы в мою сторону.

Я, наострив уши, ловила каждое слово, однако Глория, резко замолчав, продолжила шевелить губами беззвучно заканчивая свою речь. Недоуменно взглянула на Энджила, но он лишь пожал плечами.

— Хорошо, я уйду, — громко выдала Глория. Повернувшись, одарила меня взглядом полным жалости и презрения, — отдыхай побольше и пореже приглашай гостей в свою комнату.

От услышанного у меня отпала челюсть, а от жара, заструившегося по телу, стало сложно дышать. Захотелось провалиться под землю, чтобы не встретиться взглядом с оставшимися мужчинами.

Неужели и она думает подобное обо мне? Да за какие поступки я заслужила такое отношение?

— Не обращай внимания. Она сегодня не в духе, — тихо рассмеялся хозяин дома.

Кивнула, боясь поднять глаза, что они оба смотрят, чувствовала кожей.

— Можно я пойду? — голос сделался слабым и хриплым.

Прошел еще один день, а мне так и не удалось рассказать о творившейся со мной чертовщине. Что-то не давало этого сделать, и я не могла понять что. Любые попытки и просьбы о помощи заканчивались одинаково — мне становилось хуже; чем сильнее проявлялось желание, тем сильнее прилетала отдача. Я отстранилась от мира, возведя стену, отделившую всех от меня. А на все мое маленькое существо невыносимой тяжестью наваливалось чужое «я».

Я угасала на глазах, хоть и пыталась все скрыть, зачем-то создавая фальшивые улыбки, которые день ото дня получались все менее правдивыми, наносила грим на мертвенно-белое лицо, замазывая синяки под глазами, подкрашивала губы.

Хотелось кричать, что со мной творится нечто непонятное. Но я молчала. Отчего-то слова застревали в горле и даже мысль об этом причиняет боль.

Сейчас я сжала в руке тюбик с помадой и не смогла сдержать слез. Из зеркала на меня смотрела измученная и больная девушка, и сердце разрывалось от жалости к себе.

Дверь с шумом открылась — я как раз заторможенно взирала на свое отражение и словно под гипнозом наносила помаду на верхнюю губу. От неожиданности резко развернулась, едва устояв на ногах и прочертив алую линию на щеке.

Сократив разделяющее нас расстояние, Алекс остановился в одном шаге. Его лицо было сосредоточенно, взгляд скользил по не прикрытой платьем коже, ловил каждое движение, каждый жест, любое изменение на моем потрясенном лице. Непонятно отчего, но меня обуял страх, словно вихрь, внедрившийся в мое тело и прочно зацепившийся там. Мой взгляд заметался, как будто я совершила преступление и искала малейшую возможность избежать наказания.

— Что с тобой происходит? — эти слова точно пытка резанули по венам, причиняя нестерпимую боль, а мое желание поделиться поспособствовало ее усилению.

Алекс подошел и очертил мое лицо от виска к подбородку, пропустил между пальцами безжизненные и тусклые пряди волос, водопадом мертвой воды падающие ниже плеч.

Застонав, я осела на пол, храня молчание, помада, выскользнув из рук укатилась под трюмо. Он тут же склонился, ловя мой взгляд, и выругался, вспомнив, что мои мысли недоступны для него.

Еще пара ругательств (судя по интонации) на незнакомом мне языке сорвались с его губ, прежде чем он извлек маленький предмет и, прикрыв глаза, сжал в руке.

— Ты нужна мне, Анита.

Открыв рот от удивления, я наблюдала, как голубоватое свечение высвобождается из его

сжатой ладони, принимая форму прозрачного силуэта женщины.

Меня повело назад, голова закружилась, потеряв связь с реальностью, я утратила возможность мыслить и понимать.

Я пришла в сознание, лежа на чем-то мягком. Первой мыслью было, что я у себя дома и, судя по ломке в организме, умудрилась простыть. Требовалось заставить себя встать, взять телефон и позвонить Адель, сообщить, что прогулка сегодня отменяется. Попыталась вслепую нащупать аппарат, и рука вместо тумбочки соскользнула в пустоту.

— Тише, девочка, тише, — зашептал над ухом незнакомый женский голос.

Растеряв последние крупницы сна, дернулась намереваясь сесть, однако руки женщины, оказавшиеся неожиданно сильными, вернули меня в лежащее положение.

Я обратила на нее дикий взор. Одежда чуть богаче простолюдинки, волосы аккуратно убраны в легкую прическу. В глазах — мудрость. Она нахмурила лоб и сдвинула брови, но тут же спохватившись улыбнулась мне. Ее глаза засветились теплом, и лучики-морщинки побежали по увядающей коже.

— Где я? Кто вы? — я вновь дернулась, но, заметив за ее спиной Алекса, облегченно застонала, перестав сопротивляться.

— Можешь звать меня Анита, — кратко пояснила незнакомка, замолчав.

Заметив, что меня больше не держат глубоко вздохнула, заставляя тело расслабиться. Руки женщины, скользнув вдоль моего тела, замерли в нескольких сантиметрах от головы. Затем Анита, закрыв глаза, начала медленно вести их вниз. Чуть дольше задержавшись в районе груди, затем живота, слегка дотрагиваясь, будто сканируя. Там, где проходили ее руки, под одежду проникало тепло.

Мое же тело отяжелело и, налившись свинцом, отказывалось подчиняться. От мысли, что рядом ведьма слепой страх сковал сознание, и чувство, что в этой ситуации я бессильна, било по вискам. Закончив свои манипуляции, она энергично встряхнула руками.

— Как ты себя чувствуешь? — вкрадчиво и нежно поинтересовалась Анита.

— Хочу домой, — захныкала я, облизав пересохшие губы. Размазывающая по кровати слабость вопила, что мне плохо.

Поднесенная веточка неизвестной травы с мелкими сиреневыми цветочками обожгла легкие едким запахом. Поморщившись, постаралась отвернуться, но эта ведьма еще пару минут заставляла вдыхать этот ненавистный аромат. Источаемый растением едкий запах отдаленно напоминал мускус и вызывал в голове четкие негативные ассоциации.

— Выйди! Я позову.

Дверь за Алексом тут же закрылась, оставляя нас наедине. Не тратя времени, руки Аниты проворно расшнуровали корсет, стянув с меня лишнюю одежду. Оказавшись под пристальным взглядом незнакомого человека, съежилась и желая укрыться потянула на себя покрывало. Не обратив на мои действия никакого внимания, Анита удовлетворенно кивнула.

— Выпей все, — к мои губам прижали овальный сосед с узким горлышком, напомнивший походную фляжку. Едва языка коснулась горько-кислая жидкость, закашлялась, выплевывая ее на себя и постель. — Волью силой, — пригрозила Анита, прижимая горлышко плотнее ко рту.

Стараясь не дышать, осушила его до конца и, вновь закашлявшись, повалилась на подушку. Жар сменил холод. Тело моментально покрылось гусиной кожей, и первая волна дрожи прокатилась сверху вниз.

Пока меня трясло гостья нашла в шкафу ночную сорочку, помогла переодеться, укрыв

одеялом.

— Предупреждала ведь. Сейчас я ему выскажу все, что думаю, — донеслось тихое шипение Аниты.

Закрывшаяся дверь унесла с собой все слова и тревоги, и я последовала за горьким привкусом трав в сновидения.

Я лежала на кровати, уткнувшись в подушку. В голове еще звучали чужие слова: «ничего не было. Ты не видела Адиса всю прошедшую неделю». Абсурд какой-то, встречу с этим неприятным типом я бы точно запомнила. Я удивленно заморгала, приходя в сознание.

За окном начинало светать. Но отчего я чувствую себя настолько разбитой? Мышцы ныли, и даже легкое прикосновение покрывала к коже доставляло дискомфорт. Голова включалась медленно, и первое, что я вспомнила, — мне вчера стало плохо и я потеряла сознание. Странно, но никаких подробностей, память словно затерта ластиком.

Мои самокопания прервал робкий стук в дверь. Лениво перевернувшись набок, подала голос, разрешая посетителю войти. В образовавшуюся щель втиснулась смущенная Лола. Ее рыжие волосы, заплетенные в косу, блестели, и невзрачная одежда прислуги выглядела неуместной. Я представила ее в красивом платье. Да, этот образ подошел бы лучше.

— Извините что так рано, — переминаясь с ноги на ногу возле двери, начала она, крепко держа перед собой поднос с чайником и кружкой.

— Не переживай, я уже проснулась, — и, отчетливо осознав, что хочу пить, покосилась на графин.

Это не укрылось от ребенка. Девочка подошла, опустив свою ношу на круглый столик, и проворно наполнила стакан водой, протянув мне. Не без усилий сев, залпом проглотила безвкусную жидкость.

— Что вчера со мной случилось?

— Господин сказал, стало плохо, — Лола раздвинула шторы, и невидимые солнечные лучи наполнили комнату теплом. Стало жарко. — Вам что ни будь нужно?

Откинув одеяло, попросила подать из комода легкое покрывало.

— Мы же договаривались на ты, — вздохнула я, заглянув в извиняющееся лицо ребенка и едва сдержала гримасу, прочувствовав, насколько дико слышать обращение «господин», особенно из детских уст.

— Чуть не забыла, — Лола подскочила, засуетившись, наполнив травяным настоем кружку. Когда я сделала первый глоток, горький привкус всколыхнул память, и я едва не подавилась, вспомнив прозрачный силуэт девушки, зависший в воздухе. Должно быть, вчера мне было хуже, чем предполагала. Горький вкус наполнил рот, в горле запершило сильнее, и я закашлялась, выплюнув остатки жидкости, желтовато-коричневыми пятнами забрызгавшей светлую ткань покрывала.

Весь мой день прошел в кровати. Насколько я поняла, Лоле приказали мне во всем помогать, слушаться и скрашивать мое одиночество, освободив от прочих обязанностей. За это я благодарна. Лежать одной в четырех стенах без телевизора и гаджетов оказалось сущим мучением. Правда несколько раз тайно я вставала, когда Лола покидала комнату. Мне хотелось размяться, но даже эти незначительные усилия вымотали, а после начало клонить в сон.

В дни моего выздоровления Лола оставляла комнату только на ночь, а с первыми лучами солнца мышкой сидела на диванчике в ожидании моего пробуждения, и, едва я

просыпалась, завязывались длинные разговоры. Она увлеченно делилась историями, рассказывала о своей семье, друзьях, играх, а когда речь заходила о шутках и шалостях, голос ее переходил на шепот.

Я от души смеялась, когда Лола описывала лицо рыбака, в очередной раз выловившего из реки рваную тряпку.

— Это Рен придумал, он постоянно смешит меня, — и, приблизившись ко мне, смущенно добавила, — не говори никому, но Рен мне нравится.

— Думаю, и ты ему, — ободряюще подмигнула я ребенку.

Вера в мои слова вспыхнула в глазах, и ее губы расплылись в улыбке.

Ближе к наступлению ночи, когда я осталась одна, тяжелые мысли заполнили голову, вновь возвращая к ускользающим воспоминаниям вчерашнего дня. Мне казалось, что я забыла нечто важное. И едва тьма скользнула с улицы в комнату, наполняя собой, как тревога заворочалась внутри, требуя бежать прочь. В полном непонимании я откинула покрывало и свесила ноги, но тут же взяла себя в руки. Разве мне что-то может угрожать, когда дом полон людей?

Лишь на третий день силы вернулись ко мне и я смогла покинуть наскучившую комнату. Безумно хотелось оказаться на улице и полной грудью вдохнуть свежий воздух. Спустившись по лестнице и почти дойдя до выхода меня остановил печальный голос:

— Прости меня.

Растерянно обернулась. Энджила поглотили коридорные тени, он опустил голову, разглядывая свои руки.

— За что? — не поняла я, взглядом дав понять Лоле, чтобы подождала на улице.

— Стоило сказать сразу, — сделав паузу, он собирался с мыслями. — Знаю, что ты переживаешь по поводу нападения крестьян, но в их смерти есть и моя вина, — я стояла рядом, слушая полный волнения голос. — Ты так отчаянно просила о помощи, но я знал, что не успею, поэтому... — сбившись, он так и не решился закончить предложение, — к сожалению, на второго сил не хватило.

Ужас произошедшего кипятком прокатился по телу, мне даже привиделась лужа крови возле моих ног и явственный запах смерти, от которого попятилась, начав задыхаться. Замерла. Глубоко вздохнув и медленно выдохнув, постаралась отстраниться от воспоминаний; но слова Энджила, словно пилящий смычок, проехали по моим воспаленным нервам. Странно, но во время выздоровления я не вспоминала о нападении, сейчас отозвавшегося жгучей болью.

Он сильно сжал пальцы, вновь опустив голову, однако я успела заметить, как ярко заблестели в глазах непролитые слезы.

— Я должен был справиться, должен был, — пробормотал Энджил скорее самому себе.

— Спасибо, — стоило подойти, обнять, ведь и так понятно, что эти мысли не первый день съедали его, но я испугалась, вспомнив нашу первую встречу и его реакцию на мою жалость.

«Ты сделал больше, чем можешь представить — подарил мне жизнь», — мысленно произнесла, борясь с подступившими слезами надеясь, что он поймет все сам. И немедля покинула дом, закрыв за собой дверь.

Шагнув за порог, потянулась и, через силу улыбнувшись, сощурила глаза, глядя на солнце. Яркий день ослепил. Я прикрыла веки, желая забыть, выкинуть все из головы, а еще лучше вновь стать ребенком и заново научиться радоваться жизни.

Я не прогадала. Едва нас скрыла зелень, приглушив голоса слуг, Лола, расслабившись, стала вести себя, как и принято ребенку: бегать за бабочками и кузнечиками, валяться в траве, смеяться, всячески пытаюсь увлечь меня в свою игру. Сначала я только улыбалась, думая, подобно большинству взрослых, что такие развлечения не для меня, но в итоге сдалась, на время забыв обо всем.

В воспоминаниях, исцеляя душу, ожили картины моего детства, где мы вдвоем с Адель играли в высокой траве и прыгали между большими жесткими лопухами. Совершенно не помню, по каким правилам проходило то веселье, но то, что мы смеялись до упаду, выныривая из-под огромных листов, было без сомнения.

— Ты обиделась на него? — перестав улыбаться, поинтересовалась малышка.

— На кого?

— На господина Энджила. Он очень добрый и сильно волновался за тебя. Скажу по секрету, господин приготовил тебе сюрприз, — она сложила руки и умоляюще посмотрела на меня. — Поговори с ним.

Говорить не хотелось, но полные детского волнения и мольбы глаза просто не оставили выбора.

— Поговоришь? Ну пообещай! Я знаю, ты ему нравишься, — последняя фраза была произнесена заговорщическим тоном, точно строжайшая тайна.

Я кивнула. Лола просияла, захлопав в ладоши и закружив вокруг меня. Не в силах сдержать улыбки прислушалась к себе, соглашаясь, что это единственно верный выход. А недавний побег — поведение испуганного ребенка и это злит еще сильнее.

Вернувшись в дом, отправила Лолу проследить за подготовкой ванны и на ватных ногах проследовала в ненавистную с недавних пор гостиную. Ссутулившийся Энджил смотрел в окно. Едва услышав мои робкие шаги, он тут же оглянулся, и в глазах мелькнула надежда.

— Не думал, что ты придешь сюда, — голос слегка подрагивал.

— Прости. Я поступила эгоистично, — замолчала, собирая смелость по крупицам. — Лола просила...

— М-м-м, ясно, — выдавил он, отвернувшись.

Понимая, что сморозила очередную глупость, поскорее сократила разделяющее нас расстояние и опустилась на колени возле него.

— Прости, — он не шелохнулся. — Посмотри на меня, — последняя фраза прозвучала резче, чем хотелось, поэтому добавила уже мягче, — пожалуйста.

Поколебавшись, он повернул голову, и я чуть не утонула в плещущейся в его глазах боли.

— Я рад, что все обошлось, — Энджил осторожно сжал мою руку, — я приготовил для тебя сюрприз. До утра подождешь? — и, не дожидаясь, когда я встану, поднес мою руку к губам, поцеловал и приложил ладонь к своей щеке. — Прости, что не смог тебя защитить. До завтра.

Непонятное волнение накрыло меня, глупо улыбнувшись и кивнув, заторопилась покинуть место действий.

Новое утро выдалось солнечным. Вчера вечером забыла задернуть в комнате шторы, поэтому проснулась ни свет ни заря: яркое солнышко освещало кровать, словно прожектор. Я чувствовала себя точно на раскаленной сковороде. Стоило подойти к окну и задвинуть шторы, но вместо этого откинула покрывало и отвернувшись от окна, попыталась заново уснуть, но не тут-то было.

Устав от бессмысленных попыток, зевнула, свесив ноги с кровати, и села на край,

зажмурились от слепящего света. Пока боролась с сонливостью в дверь постучали и, услышав мой заспанный голос, сообщили, что завтрак уже готов и господин Энджил ожидает меня внизу.

«Сюрприз!» — тут же ожили воспоминания вчерашнего разговора и вновь незнакомое тепло прокатилось волной по телу.

Взбодрившись, подбежала к шкафу, с интересом изучая гардероб. Захотелось чего-то особенного, красивого... Неужели из-за Энджила? Испугавшись своих мыслей, вытащила первое попавшееся. Это оказалось платье нежно-голубого цвета с едва заметными цветами и рукавом три четверти. Вокруг талии завязывалась ярко-голубая ленточка. Вовремя подоспевшая служанка помогла одеться и прибрать волосы, заколов часть на затылке, а остальные оставив волнами спускаться по спине.

Просторное помещение столовой встретило скоплением солнечных зайчиков на стене. Они подрагивали, словно играя и перешептываясь друг с другом, от этих ярких пятен помещение сделалось просторнее. В центре столовой стоял большой деревянный стол с резными ножками, покрытый белой скатертью, с левой стороны был камин. Стены украшали две картины с изображением охоты в красивых позолоченных рамах, они светились, пряча в своих завитках все тех же солнечных проказников.

Взгляд сразу нашел Энджила, и я замедлила шаг, удивленная цветом выбранной им одежды. Он с прищуром смотрел на меня, опустив локти на подлокотники кресла. На манжетах рубашки цвета безоблачного неба сверкнули, отражая свет, синие камни запонок. Совпадение? Едва заметив меня, он приветливо махнул рукой, приглашая к столу.

— Удивлена? Я так и знал, что ты наденешь именно это платье, — таким довольным давно его не видела, если б существовала возможность, то мой собеседник расцвел бы, точно цветок.

— Откуда? — не поверила я, пододвигая тарелку с кашей, в ней одиноким корабликом таяло масло.

Он провел тонкими пальцами по мягкому жабо, специально привлекая мое внимание. Покраснев, я уткнулась взглядом в тарелку.

— Интуиция, — хитрая улыбка скользнула по лицу.

Съев несколько ложек каши, озадаченно посмотрела на наблюдающего за мной Энджила.

— Ты уже поел? — и, чувствуя нарастающее смущение, уронила на стол ложку, решив не доедать, отодвинула от себя тарелку, принимаясь за чай. Он отвернулся, довольная улыбка стала еще шире.

— Я хотел пригласить тебя в парк, — переключился мой собеседник, приоткрывая завесу тайны.

С недавних пор по распоряжению Алекса основные дорожки сада выложили камнем, засыпав песком неровности, чтобы Энджил гулял самостоятельно.

Сделав последний глоток горьковатой жидкости, поинтересовалась как бы невзначай:

— Зачем? — желая разгадать замысел, но кроме пикника на природе ничего не шло в голову. Энджил продолжал загадочно ухмыляться.

В молчании покинули дом и направились по тропинке вглубь парка. Звуки природы лились ото всюду наполняя спокойствием. Я подставляла лицо ветру, наблюдая за его игрой. Ветер прятался в густой кроне выдавая себя веселым трепыханием листвы. Обнаруженный мной он устремлялся вниз, шелестя травой и со свистом кружась вокруг, подкидывая оборки

платья. Я отвлеклась, заслушавшись пением птиц и вскрикнула от неожиданно выпрыгнувшего из травы кузнечика.

Возле старого дерева мы остановились, и Энджил сделал вид, что задумался. Я вопросительно посмотрела на него. И куда дальше? Тропинка расходилась в трех направления. Не удержавшись, я хихикнула, вспомнив подобное в сказках. Энджил недоуменно покосился на меня, никак не прокомментировав на внезапную радость, и уверенно свернул вниз к озеру.

Мы продолжили идти по широкой утоптанной дорожке, обходя озеро с левой стороны. Оглядевшись по сторонам заметила, что в глубине парк больше напоминал лес, даже каменные вазы вдоль тропинки заросли сорняками, похоже садовник заглядывал сюда не часто. Я зажмурилась. За кустарником блестела вода и, отражаясь в ней, солнце слепило глаза. Над водой летали птицы, ловя на лету зазевавшийся обед. Красиво здесь. И почему я раньше не забредала сюда? И тут же ответила сама: мне слишком понравилось место, где мы плескались. Именно там я проводила время.

Первое что я увидела, когда дорожка свернула к берегу, — плакучую иву с тонкими свисающими ветвями. Спадая вниз, они касались воды, пуская по глади рябь и превращая отражение берега и неба в расплывчатый акварельный рисунок.

Ветер гнал волны к берегу, но, встречая преграду — деревянный бок лодки, — они разбивались об нее, откатываясь назад. От восторга приложила руку к губам, невольно улыбаясь. Лодку качнуло чуть сильнее, и она заплясала из стороны в сторону, приветствуя нас.

Энджил самостоятельно перелез через накренившийся бортик, заранее попросив меня отвернуться. Когда я шагнула следом, то ненадолго потеряла равновесие, балансируя. Суденьшко пришло в движение, точно живой организм.

Поочередно работая веслами, Энджил направил лодку к центру озера. Я проводила взглядом брызги, отлетающие от лопастей, они, превращаясь в маленьких головастиков, ныряли в воду. Мы не преодолели еще и третью часть озера, а на спине уже выступил пот, захотелось сдернуть многослойную ткань и почувствовать касание ветра. Вместо этого наклонилась, коснувшись кончиками пальцев воды и, ощутив долгожданную прохладу, зачерпнула прозрачную жидкость, желая освежить лицо и шею. Моя рука скользнула вдоль декольте, оставляя влажный след, кожа сверкала точно посыпанная бриллиантовой крошкой. Я подумала продолжить спасительные процедуры и даже наклонилась, наполовину свесившись за борт, вытянув руку. Замерла. Отсутствие привычного плеска воды насторожило. Опущенные в воду весла больше не шевелились, привлекая к себе стайки маленьких рыбок. Лодка замедлила ход. Энджил, не отрываясь, следил за движением моей руки, ловя каждый жест. В его глазах мелькнула досада, когда я выпрямилась, наклонив лицо так, чтобы скрыть порозовевшие от смущения щеки.

— Если проголодаешься, в корзине под сиденьем есть фрукты и сок, — выдал он хриплым голосом. Всплеск весел, и лодка пришла в движение.

— Спасибо, — кивнула я, надвинув на лоб шляпку, желая избежать прямого контакта глаз.

Постепенно я успокоилась. Остановившись в центре озера, Энджил завел разговор, стараясь развлечь, переходя от одной ничего не значащей темы к другой.

— Знаешь, в свое время мне очень понравилось читать «Фауста» Гете, у него вся книга изложена в стихах, — поделилась я пока Энджил снимал закрывающую корзину ткань. Я

аккуратно взяла половину яблока, откусив. — Даже выучила несколько небольших частей, хочешь, прочитаю?

Хрустя от удовольствия, Энджил энергично, как ребенок, закивал на мое предложение.

Звучный плеск воды рядом с лодкой отвлек мое внимание, я наклонилась и в зеркальной воде увидела уплывающих на глубину оранжевых рыб. Отломив кусочек хлеба, мой спутник начал крошить его в воду. словно из ниоткуда возникли пять голодных ртов, жадно поглощая упавшую с небес еду.

Но едва услышав голос Энджила, цитирующего знакомые строчки, замерла, потеряла всякий интерес к обитателям глубин:

— ...Через мир промчался быстро, несдержимо,

Все наслажденья на лету ловя.

Чем недоволен был, пускал я мимо,

Что ускользало, то я не держал.

Желал достичь — и вечно достигал,

И вновь желал. И так я пробежал

Всю жизнь — сперва неукротимо, шумно;

Теперь живу обдуманно, разумно.

Он замолчал. Его ровный звенящий голос завораживал, а эмоциональная подача текста подпитывала лишь одно желание — слушать бесконечно. Я заморгала, неохотно освобождаясь из-под его чар, смутно припоминая эти строки. Энджил довольно шурился, заслоняясь одной рукой от слепящего солнца, другой начиная выруливать лодку, уносимую течением в бок.

Я собрала разбегающиеся от потрясения мысли и, нахмутив лоб, все же вспомнила несколько строк:

— Достаточно познал я этот свет,

А в мир другой для нас дороги нет.

Слепец, кто гордо носится с мечтами,

Кто ищет равных нам за облаками!...

Получилось не столь изысканно. Несколько раз я делала паузы, припоминая, а один запнулась, сбившись, прекрасно понимая, насколько убого мое выступление по сравнению с прошлым чтением.

Несмотря на это, Энджил заплодировал и, смеясь, зачерпнул немного воды, обрызгав меня. И с чего я взяла, что живущие здесь люди настолько невежды, что не читают классику? Высоко поднявшееся солнце усиленно припекало, и я жалела, что пикник устроен не на привычном берегу под раскидистыми ветвями старого дуба.

— Похоже, я тебя утомил, — Энджил достал из-под лавки и протянул мне кружевной белый зонт. Его забота тронула до глубины души. Вопреки желанию, наши взгляды встретились и в душе закралось сомнение, а не свидание ли это? Первая отвела взгляд, еще больше смутившись от своих мыслей и поспешно открыла зонт.

Плавно покачиваясь, мы приближались к зеленой стене из свисающих ветвей ивы. Ее кривой ствол изгибался, нависая над водой. Надо же, а с берега ива выглядела не так впечатляюще. Нос лодки легко раздвинул тонкие ветки с длинными листочками, превратив их в зеленую арку. Я с замиранием сердца наблюдала за происходящим, ожидая, с другой стороны, начало волшебной сказки.

Занавес закрылся, и разноголосая капель побежала с веток ивы ныряя в воду. Я подняла

голову и мне на лицо упала звонкая капля, возникнув прямо из воздуха. Свежесть витала вокруг, заставляя забыть недавнюю духоту.

Воздух наполнил едва уловимый аромат. С наслаждением вдохнула сладковатый запах, заметив среди колыхающихся веток незнакомое растение с крупными цветами. Так вот что так чудесно пахнет! Тем временем Энджил сорвал один из розовых бутонов и протянул мне. В смущении приняла цветок, а от легкого касания наших рук сердце забилось сильнее.

«Это просто случайность!» — убеждала я себя и, стараясь успокоиться, начала крутить в руках гибкий стебель цветка.

Пока мы возвращались, безуспешно пыталась разобраться, отчего я так реагирую на внимание со стороны Энджила? Ко всему прочему еще вспомнила о предстоящем приеме. А ведь он уже завтра! От волнения я шла, не замечая ничего вокруг, и чуть не упала, наступив на камешек. Ловя равновесие, взмахнула руками, и цветок улетел в ближайшие кусты шиповника, а попытка достать его закончилась капелькой крови.

— Я пойду к себе, ты не против? Хочу прорепетировать танец, — переложив зонт из правой руки в левую, придержала входную дверь.

— У меня еще кое-что есть для тебя.

— Еще? — смущенно отвела взгляд, подобное внимание было непривычно. — Сегодня ты мой персональный волшебник, — произнеся последние слова, я проследовала за ним. В столовой из небольшой ниши возле маленького камина он достал что-то завернутое в тонкую бумагу.

— Это тебе, — сказал Энджил, вручая мне сверток.

— Что это? — осторожно развернула упаковку. — Боже, как красиво! — я держала в руках фарфоровую статуэтку ангела с полукрыльями и задумчивым лицом. Изящная тонкая работа, до мелочей продумана каждая деталь, штрих, изгиб. Ангел-юноша держал в руках цветок. Ничего прекрасней этой фигурки я не встречала даже в огромном разнообразии безделушек моего времени. — Ты сам сделал?

Он кивнул. Очарованная его работой, не смогла вымолвить ни слова. Энджил смущенно отвернулся. Поставив творение на стол, я поспешила к нему и потянулась, желая поцеловать в щеку, в этот момент он повернул голову, его лицо оказалось напротив моего.

Наши губы соприкоснулись. Разряд тока цепной реакцией пробежал по всем клеточкам организма. Удивленно расширив глаза и глядя в такие же большие глаза Энджила, я пискнула. От вынужденного объяснения спас неприятный сюрприз.

— Я как всегда вовремя!

Сердце ушло в пятки, стыд и негодование накрыли одновременно, и я чуть не упала, вскочив.

— Тебя никто не звал, — последовал резкий ответ Энджила.

Улыбка Лилит вышла злобной, как в фильме ужасов, не удивлюсь, если в руке за спиной она припасла нож.

— Я просто хотела поговорить, — ангельская интонация противоречила выражению лица. — Ты не против?

Поежилась, вспоминая прошлый разговор, и неприятный осадок после. Молчание затянулось. Лилит нарушила его первой.

— До этого дня у меня были сомнения с чего это вдруг тебя приютили, да еще бесплатно кормят, одевают, развлекают. Хотя нет, развлекаешь, как вижу, здесь ты, — и вновь этот неприятный оскал и раздраженный взмах руки, откинувший выбившуюся прядь

волос.

— Ты никогда не понимала Анатоля и его мотивов, — негодуя бросил Энджил.

— Какой человек в здравом уме станет тратить столько денег на инвалида и никчемную девчонку? Значит, ему это выгодно! — и такое торжество в голосе, словно она разгадала великую тайну.

— Такие, как ты, не интересовали и никогда не интересуют Анатоля. Ты зря тратишь свое время, — хмыкнул Энджил, сдерживая бушевавшие внутри эмоции. Только сжатые челюсти и напряжение в теле выдавали зарождающуюся бурю в душе.

— Да вы... да ты... — задыхаясь от возмущения, она топнула ножкой, — ночная подстилка и бывший ловелас.

Животный блеск засветился в ее глазах, показывая, что в эту секунду она готова на любые безумства, лишь бы навредить обидчикам, задевшим ее за живое. Скривившись в гримасе счастья, она в два шага подлетела к столу и смахнула на пол оставленную мной статуэтку.

Я услышала свой жалобный и никем не услышанный вскрик, который перекрыло холодящее душу хрипение Лилит. Она беспомощно хватала ртом воздух, царапая шею с таким остервенением, словно готова была разорвать себе глотку.

Застыв, перевела ничего не понимающий взгляд на Энджила. Не моргая, он смотрел на незваную гостью. От напряжения у него между бровями появилась складка и несколько капель пота готовы были скатиться с виска по скуле. А необычное перетекание голубых вод в прищуренных глазах встревожило.

— Энджил!? — окликнула его и осознавая, что спасти скоро будет некого, Лилит почти затихла полудохлой рыбой разевая рот. — Прекрати! — взмолилась я, все еще не до конца веря в его причастность.

Глухой стук, Лилит грохнулась на колени, не в силах больше держаться на ногах. Ее глаза покраснели и расширились от испуга, звук больше не вырывался изо рта, он лишь открывался и закрывался в немом прощении. Руки медленно начали опускаться, обнажая израненную и окровавленную шею.

— Прошу, умоляю Энджил, остановись! — в нарастающем отчаянии я затрясла его, пытаюсь привести в чувство, вспомнив, как он смог убить одного из напавших на меня, отсутствуя на тот момент в доме. Смерть человека из-за какой-то безделушки, пусть и очень красивой, казалась кощунством.

Мои мольбы были услышаны, и, с видимым усилием прикрыв глаза, он разжал побелевшие пальцы, стиснувшие подлокотники.

Лежащая на полу девушка захрипела и закашлялась. Бордовое лицо постепенно начинало светлеть, по щекам извилистой дорожкой катились слезы. Она дотронулась до горла и, обнаружив на руке свою кровь, всхлипнула, губы задрожали, выдавая пережитый ужас. Энджил не сводил с нее презрительного взгляда, в котором не было ни крупицы жалости.

Лилит сделала несколько неловких движений, пытаюсь ползти, ноги путались в широкой юбке. Рукой задев осколок статуэтки, она вздрогнула все телом, как если бы ее ударило разрядом тока, отпрянула назад. Не поднимая головы и не решаясь оторвать глаз от пола, она встала на ноги, и, чтобы не потерять равновесие, схватилась за стул.

Тишина, затопившая комнату, угнетала, лишней раз напоминая о чуть не случившейся трагедии.

Грохот закрывшейся за пострадавшей двери вернул меня в реальность. Мурашки противными уколами пробежали по коже, только сейчас до меня дошла вся суть произошедшего. Захотелось убежать, скрыться от ангела, на миг оголившего свою внутреннюю сущность.

В первый раз я не увидела в поступке Энджила опасности, но сейчас все случилось на моих глазах, я чуть не стала свидетелем хладнокровного убийства. А вдруг в следующий раз ему не понравится мой поступок? От возникшей мысли попятилась к двери.

Видимо, мысли отразились на моем лице, а прозвучавшие слова заставили замереть на месте пойманной взглядом мышкой:

— Я не трону тебя, — в интонации белой нитью проскользнула горечь.

— Можно я пойду? — голос предательски подрагивал, хоть я и попыталась это скрыть.

— Конечно.

Не удержавшись, метнула взгляд в его сторону. Он не смотрел на меня, вселенская боль застыла на лице, придавив, сделав его фигуру меньше. Сейчас Энджил больше всего походил на обделенного жизнью калеку, лишившегося всего, потерявшего самое дорогое.

От пережитого у меня поднялась температура, вначале я даже обрадовалась, решив использовать это как предлог не ехать на прием. В последний момент, правда, передумала, Алекс упоминал, что Байрон Дейлз вернулся из-за границы, и возможность встретить его если не у графини Экшелен, то вне стен дома значительно больше.

К утру температура спала. Не теряя времени, выбрала платье синего цвета и после мытья, натирания кожи маслами — этот ритуал мне особенно понравился, да и свободное время к этому располагало — позвала служанку. Еще полчаса мне расчесывали и сушили волосы, собрав их в простую прическу: часть волос убрали на затылок, завили кончики; несколько шпилек, украшенных белыми цветами, воткнули в волосы.

Наконец-то довольная своим отражением, повертелась перед зеркалом, вспомнив, что похожий цвет платья был на первом балу. Правда, удачи он мне не принес, зато вечер запомнился возом и маленькой тележкой негативных эмоций, да еще это беспардонное исчезновение Алекса. Наполнив пузырек жидкостью, подаренной мне госпожой Анитой, спрятала его в небольшом кармашке в складках и приступила к легкому макияжу: нанесла бежевые тени, тонкой линией подвела глаза, помедлив подкрасила и ресницы. Мило и неброско, все равно красоваться не перед кем.

Я прошлась по комнате стараясь в очередной раз разобраться в себе. Память вновь и вновь рисовала картину задыхающейся и корчащейся на полу Лилит, ее перекошенное лицо и скрюченные, точно у мертвой птицы, пальцы. Резко остановилась, стараясь унять тревогу и поднявший свою мерзкую морду страх. И как теперь быть? Как вести себя с Энджиллом?

На завтрак я так и не решилась спуститься, противоречивые чувства, точно сцепившиеся звери продолжали раздирать весь день. Я и хотела, и боялась встретиться с Энджиллом, поэтому выбрала единственно безопасный вариант — избегание. Обед, уже с прической, но в простом домашнем платье, так же прошел в моей комнате. Я, такая трусиха, не осмелилась спуститься на первый этаж.

В пять вечера служанка сообщила об ожидающем экипаже. Пока шла, молилась, чтобы Глория ничего не знала от Лилит. Не смотря на ее переменившееся ко мне отношение продолжала надеяться на дружбу и поддержку. Заметив меня, Глория поджала губы и кивнув мне отвернулась к окну. Я остановилась. Да что не так? Уже открыла рот, желая озвучить свои мысли, но передумала. Что толку от ее слов? Только испортит настроение, с первого

ведь взгляда было понятно насколько мы разные.

— Найду этого Байрона Дейлза и исчезну от сюда, — мысли придали решимости и раздраженно мотнув головой шагнула в экипаж молча уставившись в окно.

Резкие порывы ветра, точно пастухи, пригнали на небо попасться черных кудрявых барашков. Стало душно. Ветер затих в ожидании дождя. Глория отточенным движением открыла веер, обмахиваясь им. Ее искусству в обращении с веером смело можно позавидовать: всего несколько точных жестов, и информация, переданная языком веера, достигала адресата. Она даже хотела обучить меня, но я неожиданно тупела, пугая и махая им не те знаки.

Мысли, вторя лениво проплывающему пейзажу потекли сами собой. Неожиданно вспомнились школьные походы, наши с родителями поездки по выходным в сад. Вздрогнув от оживших образов, склонила голову, чтоб скрыть влажный блеск глаз. В этот момент экипаж подпрыгнул и ударившись лбом о стенку мысли быстро сменили свое направление. Перед глазами, возникло некрасивое родимое пятно над левой бровью и безумные, расширенные глаза Дейлза. Его пальцы вцепились в мое плечо. Я вскрикнула, ударив наотмашь.

— С ума сошла? — Глория потирала ушибленную руку. — Приехали.

— Как? — захлопала сонными глазами.

В знакомый по первому балу дом мы вошли вместе и тут же Глория ускользнула, растворившись в толпе и оставив меня наедине со своими страхами.

Волнение нарастало. Пришло понимание, что наверняка придется танцевать. Танец с отдавленными ногами, по-прежнему оставался моей слабостью.

Борясь с тревогой и желанием убежать с приема, подняла голову и отправилась по залу, наблюдая за собравшимися. Одиночек было мало, приглашенные неспеша переходили от одной компании к другой: споря, беседуя, флиртуя. Я, чувствуя себя не в своей тарелке не понимала зачем пришла сюда, нервно оглядывалась по сторонам, боясь заметить знакомых или наткнуться на чей-то заинтересованный взгляд.

— Могу я вас пригласить на следующий танец? — юноша поклонился, подавая руку. Его глаза блестели, а торчащие уши пылали.

Пока я отметала одну за другой бредовые идеи отказа — привлекать излишнее внимание не хотелось, — он, осмелев, взял меня за руку и повел в центр зала.

«Я справлюсь, тем более мне все равно, что он подумает», — уговаривала я себя, от волнения так некстати закружилась голова. Стараясь унять бегущее быстрее меня сердце, задыхалась медленнее. Бросила взгляд на его счастливое раскрасневшееся лицо, тут же поспешив отвернуться.

К концу танца краснела уже я, не менее восьми раз пройдясь по его ногам, пьяный дурачок уже не пылал таким откровенным счастьем и с каждым новым разом кривился от боли. Даже не знаю, кто из нас казался счастливее к завершению танца, но, торопливо проводив меня, неудачливый ухажер исчез из поля зрения.

Следующие минут пятнадцать старалась стать как можно незаметнее. Как же подобные вечера красиво описаны в книгах и показаны фильмах. Мне же, кроме стресса и подтверждения, что в этом времени мое образование не имеет ценности и одной мне здесь попросту не выжить, этот прием ничего не дал.

Проходя рядом со столом с напитками и легкими закусками, взяла бокал вина, быстро осушив. По телу начало растекаться приятное тепло, прогоняя страх одиночества. И зачем

меня вообще понесло сюда? В очередной раз спросила себя. Ах да, Байрон. Заняв удобную позицию для наблюдения, принялась оглядывать зал. Чуть в стороне заметила флиртующую с кем-то Глорию и пропустила тот момент, когда рядом возник Эдвард.

— Потанцуем?

Подпрыгнув от неожиданности, взглянула на второго претендента на отдавленные ноги. Он улыбнулся, подавая руку. Внезапно для самой себя я так обрадовалась знакомому лицу, что согласилась.

— Предупреждаю, я одному уже успела пройти по ногам, — хмыкнув, поставила в известность моего кавалера.

— Знаю, — он тряхнул головой, усмешка не сходила с его лица, — видел ваш танец, но по окончании потерял из виду.

«Какой позор. Да блин, — тут же одернула я себя, — мне должно быть все равно».

Мы начали неторопливое скольжение по паркету. Напряжение не отпускало. Признаюсь, этот танец слегка приподнял мою самооценку с уровня плинтуса, а вот начатый Эдвардом разговор насторожил.

— Ты так ни разу не пришла на место встречи, а я ждал, — большим пальцем он погладил мне пальцы, сильнее сжав наши руки. Вымученно улыбнувшись, подавила желание высвободиться. Совру, сказав, что его порыв был совсем неприятен, но я не давала повода для перехода к активным действиям. — Давно хотел тебя пригласить в гости.

— Это так неожиданно, — выдала я глупую фразу из просмотренного по телевизору фильма, — я подумаю.

«Придурок! Да что он о себе вообще возомнил?» — едва сдержалась, чтобы не произнести это вслух.

Он придвинулся ближе, чужое дыхание стало отчетливо ощущаться на коже. Когда наконец закончится этот глупый танец? Стараясь отвлечься от назойливого щекочущего шепота, перевела взгляд на танцующие пары. Судя по томным и светящимся от счастья глазам, многим нравился партнер, некоторые так же, как и мы, успевали говорить, флиртовать, девушки обворожительно улыбались строя глазки.

В прошлый раз я так сильно была взволнованна приемом, что не успела как следует рассмотреть пеструю толпу собравшихся. И только сейчас поняла, насколько все хотят казаться беззаботными и веселыми, словно тревоги и переживания — это все не про них. Нахохлившиеся мужчины и пестрые, точно павлины, стремящиеся привлечь больше внимания, девушки. К моему удивлению сейчас, среди приглашенных, я все чаще натыкалась на взрослых седеющих мужчин, и таких ловеласов собралось немало.

— Ты необычайно хороша собой, — Эдвард сделал вид, что задумался, через секунду сняв эту маску. — У такой интересной особы наверняка много поклонников? Может еще помнишь Луиса? — слова Эдварда разорвали в клочья мои размышления, не дав закончить мысль.

Вопрошающе подняла глаза и тут же сбилась с шага, пройдясь по его ногам.

— Извини, — не знаю, смогла ли улыбка скрыть счастье от затихшей музыки.

— Смею надеяться на скорейшую встречу?

Не глядя на сопровождающего меня кавалера, слова которого раздражали с каждым разом все сильнее, шла, рассеянно скользя взглядом от одного яркого пятна платья к другому, не сразу почувствовав, что рука Эдварда больше не держит.

Сознание, все еще окутанное легким дурманом вина, затуманилось, и, слегка

покачнувшись, я остановилась. Опьянела из-за одного бокала? Такое со мной первый раз. Оглянулась. Странно, кругом только незнакомые лица, а ухажера и след простыл. Повернулась, намереваясь продолжить прерванный путь, и почувствовала, как кровь замерзает в жилах от пристального взгляда скользящего ко мне человека. Попадающиеся на его пути гости сами собой расходились в стороны, мне даже показалось, что они не понимают, отчего вдруг сменили траекторию движения.

Захотелось позвать на помощь, бежать и прятаться, ведь на меня, не отрываясь и словно не моргая, смотрели зеленые глаза хищника. А я, замерев испуганным зверьком стояла, приклеившись к полу, не в силах пошевелиться. Паника, вырвавшаяся на свободу, начала разрастаться, грозясь разорвать меня в клочья. Кто-то из проходящих довольно ощутимо задел меня плечом. Я пошатнулась. Мужская рука осторожно поддержала за локоть.

Поднимая глаза, я уже знала, что передо мной вампир. Под небрежно застегнутым темно-коричневым пиджаком виднелась изумрудная рубашка, весь его облик кричал, что я удостоилась внимания не простого гостя.

Добравшись до лица, на долю секунды остановила взгляд на тонких, четко очерченных губах и, не в силах удержаться, подняла голову еще выше. Встреченный мной цвет глаз увлек в свои глубины, заставляя окунуться в зеленый океан с головой. Животный ужас граничил с неприкрытым интересом: съест или поиграет прежде, непонятно почему, но хотелось последнего.

— Интересно, — бархатистый голос окутал, точно теплый бриз, согревая и волнуя, задевая какие-то потаенные струны в душе. — И чья же ты игрушка? — его длинные пальцы скользнули по скуле к подбородку, еще выше поднимая голову.

Моргнула, и стоявший рядом вампир так же неожиданно исчез. Грудь сдавило от сошедшего с ума сердца, оно подобно железному молоту билось о ребра, причиняя физическую боль. В эти минуты прием, даже целый мир перестал существовать. Я не слышала музыку и утратила возможность думать, по-прежнему вспоминая опасные зеленые глаза, а в голове — бархатистый вкрадчивый голос. Страх, в первое мгновение охвативший меня, точно пожар, затух, лишенный необходимого кислорода, и разгорелся вновь, от непонимания, как этот мужчина исчез.

Очнулась я совершенно в другом месте, возле стены, стоя к ней лицом. Развернувшись, недоуменно всмотрелась в шумный зал, заторможенно вспоминая случившееся.

— Что ты здесь делаешь? Обыскался тебя.

Я тут же дернулась, вскрикнув. Увидев вытянувшееся лицо Алекса, глупо рассмеялась, отшутившись, что задумалась.

— Что-то произошло?

Отрицательно покачала головой. Сейчас, когда душащие и мешающие мыслить эмоции улеглись, начала сомневаться в реальности случившегося. Какую гадость я выпила недавно, что привиделось такое?

— Думала ты не пришел, — мой взгляд скользил по залу в поисках привидевшегося существа.

— Извини, едва отвязался от Глории.

Вновь всплыл вопрос о внезапной перемене ее отношения ко мне. Неужели...

— Ей хочется больше твоего внимания? — выдала я прежде, чем подумать, понимая, что начинаю краснеть.

Алекс внимательно посмотрел на меня, не собираясь отвечать.

— Не против прогуляться? — он безразличным взглядом окинул собравшихся, предлагая свою руку.

В соседнем помещении, как и в прошлый раз за столиками расположились игроки, вокруг столпились болельщики. Тишину прерывали радостные возгласы победителей и сдержанные ругательства проигравших. Выйдя в сад, остановились на лестнице.

«Сегодня прохладно», — отметила я мысленно, обнимая себя за плечи. Повернула голову, словно вновь оказавшись в прошлом. На траве привиделась девушка в коричневом платье, моргнула, и наваждение исчезло.

— Первое наше знакомство прошло не слишком хорошо.

Я подскочила от неожиданности, позабыв, что он тенью стоит за мной.

— Да уж, — сердце забилося еще быстро, и голос прозвучал приглушенно.

Осиротевший сад зашелестел листвой, словно приветствуя заблудших путников. Я не знала, куда мы идем, тропинка просто петляла, огибая деревья и кусты, и резко сворачивала, становясь вновь идеально прямой.

— Знаешь, возле того дерева граф смотрел, как я цепляюсь за ускользающую жизнь. Тогда я был жалок, — он непонятно чему усмехнулся и покачал головой. — Ни с одним человеком я не обсуждал это, — увидев недоумение на моем лице, лукаво улыбнулся, остановился, с тоской посмотрев на небо.

— Было страшно? — с замиранием сердца спросила я, желая удовлетворить любопытство.

Хищно прищурившись, он замер взглядом на мне. Поежилась, невольно отметив сходство с зеленоглазым вампиром. Показалось? Желая отвлечься, переключила внимание на заброшенный парк и теряющуюся в темноте и высокой траве тропинку.

— Когда понимаешь, что это конец, отчаяние заставляет хвататься за жизнь из последних сил, — Алекс опустил на одинокую скамейку, и, не дожидаясь, пока устроюсь рядом, продолжил. — Не люблю я эти мероприятия. Ты видела приглашенный сброд? Треть из них слишком молода и хочет поскорее окунуться во взрослую жизнь, наивно полагая, что там сбудутся их мечты. Еще часть близка к могиле, и из последних сил хватается за жизнь и ее фальшивые краски. Ты видела эти голодные глаза, пожирающие молодую плоть? В их мыслях столько мерзости. А эти кокетки, ищущие партнера на одну ночь за дорогой подарок, к ним же противно прикасаться, зная, скольким они отдавали себя. Ты ведь уже поняла, для чего Глория приходит в дом? — он даже не посмотрел на меня, просто ответил сам. — У нас взаимовыгодный обмен: она мне кровь, я ей — новые ощущения.

Хотя я догадывалась об этом и слова не стали откровением, но услышанное неприятно поразило.

— Зачем ты это рассказал?

— Честно, не знаю, — и неожиданно резко повернувшись, прищурился, заставив меня ойкнуть, — тебе отчего-то хочется довериться. Отношения и любовь — сложная штука.

— За советом не ко мне, — наклонившись назад, постаралась уклониться от любопытного взгляда.

— Да знаю я, — весело засмеявшись, Алекс сменил тему, — хочется развеять грусть этого сада. Потанцуем?

Я же, смутившись от его слов, отвернулась, голос выдавал мое внезапное волнение:

— Не боишься? Я уже двум все ноги отдала, ты бы видел их лица. Ой, что ты сделал с волосами? — встав, я закутилась возле него, пытаюсь заглянуть за спину, он же постоянно

поворачивался, играя со мной.

Лишь несколько прядей щекотали ему лицо.

— Собрал волосы. Тебе не нравится?

— Да нет, без разницы, — напустила я равнодушный вид. То, как он ловко уворачивался от моих любопытных взглядом, раздражало.

Встав, он подошел достаточно близко, внимательно всматриваясь в мое лицо. Я вопросительно подняла брови.

— Ты сегодня какая-то другая, — смущаясь от такого внимания, опустила голову. Он зацепил пальцами падающую вперед русую прядь и убрал ее за ухо, едва коснувшись кожи. Ощутимо вздрогнув, вскинула голову, прочитав легкую усмешку в глазах. — Так необычно накрашена. Тебе идет.

И, не дожидаясь моего согласия, потянул за собой. С Алексом оказалось танцевать намного проще. Я поняла, что предыдущие кавалеры, точно неумелые птенцы, сами подталкивали меня к ошибкам ненужными жестами и речами.

Рука Алекса неприлично крепко прижала к его телу. Глубоко вздохнула, стараясь мысленно сосредоточиться только на движениях. Первое время не замечала ничего вокруг, краснея и смущаясь от своей неловкости. Алекс заговорил, отвлекая, и, о чудо, я не сбилась, перестав повторять этот ставший бесполезным счет.

— Когда шагаешь назад, ногу отставляй немного в сторону, а не прямо назад, мне нужно больше места для шага. И твои ноги целее останутся.

Я кивнула, сама понимала, что делаю что-то не так.

Алекс не переставал смеяться и подшучивать надо мной, похоже, вгонять меня в краску доставляло ему удовольствие.

— Ничего ведь сложного, да? Главное — почувствовать партнера и понять, что веду я, а тебе лишь стоит довериться мне.

Под его взглядом я не знала, куда деться и, все же сбившись, встала ему на ногу.

— Раз, два, три... — одними губами произнес он, дразня, и, к моему восторгу, у него в глазах заблестели звезды. От чарующего зрелища захотелось прижаться к нему еще плотнее, вместо этого я, сделав большой шаг назад, увеличила расстояние между нами. Он не стал удерживать силой. — Надеюсь, ты не собираешься убежать?

Мы замерли напротив друг друга, какое-то время просто изучая и наблюдая. Наконец он ожил и осторожно поднес мою руку к губам, поцеловав ее, — я сопровождала этот жест слегка шокированным взглядом.

— Не хочу возвращаться в зал. Не против сразу поехать домой?

Вот только судьба распорядилась иначе. Мы уже шагнули с улицы в небольшое помещение для игр. За двумя из трех столов шла нешуточная борьба, и именно вокруг них скопились люди. Из двери, ведущей в зал для танцев, вошли двое мужчин. Непроизвольно замерла, не в силах отвести от одного из них глаз. От волнения у меня перехватило дыхание, а радость затопила с ног до головы. ЭТО ОН.

Остановившись почти в центре комнаты и не дойдя до шумного сборища, они принялись спорить. Я, не мигая, уставилась в их сторону. Словно почувствовав мой взгляд, интересующий меня мужчина обернулся и, сняв цилиндр, поклонился. Сквозь потревоженные волосы с левой стороны лба у самого глаза проглядывало родимое пятно, четкое, в виде капли, которое я запомнила перед падением в бассейн.

Сердце бешено забилося. «Я нашла его, нашла! Неужели наконец-то я смогу вернуться

домой».

Алекс повернулся ко мне, закрыв собой обзор. Нетерпеливо подпрыгнув, попыталась вынырнуть из-под его прикрытия.

— Перестань, — он нахмурился, придерживая меня за руку.

— Ты не понимаешь, ведь это он, Байрон Дейлз! — мои глаза сияли, а голос дрожал.

— Стой здесь и, пожалуйста, не делай глупостей.

Алекс развернулся и не спеша пошел в направлении двух мужчин, от которых я так и не смогла отвести пристального взгляда. Поклон приветствия, недолгий разговор и вот уже Алекс ведет с собой человека, о котором я грезилась несколько месяцев.

— Как мне вернуться в свое время? — выпалила я, как только они оба стали в зоне досягаемости.

— Я вас не понимаю... — растерялся мужчина от такого напора.

— По твоей вине я оказалась здесь, как мне вернуться домой? Что ты молчишь?

Хотелось вцепиться в лацканы пиджака и встряхнуть как следует, выбивая признание.

Алекс мягко подтолкнул нас обоих к выходу в сад, мои неоднозначные, слишком эмоциональные реплики могли привлечь лишнее внимание.

— Даже не знаю, что сказать. Вы меня просто ошеломили, — развел руками на мои слова мужчина, когда стеклянные двери закрылись за нами.

— Совсем обалдел! Какого ты мне лапшу вешаешь!!

— У меня нет лапши, — возразил незнакомец. — И вообще мы не знакомы, я вас вижу впервые. Позвольте представиться...

Но я оборвала его, вновь нарушая правила приличия.

— Ты издеваешься? — зашипела я, не выдержав. Мои надежды таяли на глазах. Ведь именно с ним я связывала переход и считала, что он-то уж точно подскажет верный путь вернуться.

На плечо мне опустилась рука, я подскочила, оглянувшись.

— Успокойся, дорогая.

— Этот индюк не говорит мне, как вернуться домой. Может, дело в этой дурацкой жидкости? — вытащив из скрытого кармана флакон, едва не запустила им в кусты. Алекс молча покачал головой, выхватив склянку и вернул ее на прежнее место.

Незнакомец, словно за соломинку, «ухватился» за моего спутника:

— Я — лорд Байрон Дейлз. Ваша спутница, должно быть, переутомилась.

— Просто Анатолий, не люблю титулы. Очень приятно.

— Мне тоже, — и желая прояснить ситуацию, продолжил. — Мы с другом вчера вернулись из-за границы, и мне определенно непонятно, о чем просит меня ваша дама.

Я было открыла рот, но пальцы Алекса сильнее сжали мое плечо, советуя помолчать.

— Можно я поговорю с лордом наедине? — обратился он ко мне.

Поджав губы и не довольная сложившейся ситуацией, спустилась по лестнице, оставив их наедине. Остановившись уставилась в шевелящиеся, точно живые тени сада. До меня долетел слабый звук восторженных криков, оповещающий об окончании игры.

Спустя минут пять мы уже шли по бальному залу в направлении выхода.

— О чем вы говорили? — любопытство пересилило, поскольку он не торопился делиться подробностями.

— Ты повела себя крайне глупо и некрасиво.

— Глупо? А как я должна была поступить?

— Сначала нужно думать, потом действовать, а не наоборот.

— Можно подумать, ты совершенен!

— Нет, и я это не отрицаю. А ты из-за своих необдуманных действий чуть не навлекла беду.

— Только не надо нотаций, — я дернулась, желая отцепить руку, которой держалась за него. Алекс быстро прижал локоть и второй рукой сжал мои пальцы.

— Не здесь. И нотации не помогут, — скривил он губы в улыбке, — все равно ты поступишь по-своему.

— Так что он сказал? — я резко остановилась, и какая-то пара лишь чудом не врезалась в нас.

Ускорив шаг, Алекс настойчиво потащил меня к выходу, не обращая внимания на мои сопротивления.

— Он не помнит тебя, — отрезал он.

— С чего ты взял?

— Как ты однажды выразилась, покопался у него в голове. Мне пришлось извиняться за твое поведение. Я сказал, что ты не в себе после потери брата.

— Ты сказал, что у меня съехала крыша? Ну спасибо! — фыркнула я.

Вздыхнув, Алекс покачал головой:

— Опять ты меня не слушаешь и видишь все в других красках.

Всю дорогу я молчала, насупившись и отвернувшись к окну, демонстративно не желая замечать Алекса. Едва мы подъехали к дому, я первой выскочила из экипажа. Отчаяние и смятение наполняли до краев. Не желая никого видеть, пробежала мимо вышедшего встречать нас Энджила, проигнорировав его робкую улыбку.

Погруженная в темноту комната полностью отражала мое внутреннее состояние пустоты и покинутости. Заметавшись по ней, не знала, куда себя деть. Сидеть на одном месте не получалось, но что можно предпринять в сложившейся ситуации?

Заходила по комнате, задевая пышной юбкой мешающуюся мебель.

— Дурацкое платье, чтоб тебя, — нервно зашипела, пытаясь самостоятельно снять его. Дернула, оторвав рюши, украшающие корсет. После нескольких минут безуспешной борьбы выругалась, опустившись на пол.

— Как же все бесит! Ну как так-то? — я замотала головой, вот только тревожные мысли никуда не делись.

А я ведь видела в Дейлзе единственный шанс на спасение и даже не смела усомниться в этом раньше. А теперь все потерянно. Неужели я заперта здесь до конца своих дней и больше никогда не увижу ни папу, ни подруг, не смогу прогуляться по знакомым с детства улочкам? Это осознание было слишком ужасно. С силой зажмурила глаза, запрещая себе реветь. Пытаясь хоть как-то отвлечься, стала выдергивать из прически шпильки, не замечая причиняемой себе боли.

Еще несколько дней прошли словно в тумане. Мысленно питая собственную беспомощность и отчаяние, отказывалась от еды, с головой погружившись в самобичевание. И лишь на третий день желудок скрутило с такой силой, что я застонала, приходя в себя. Свесившись с кровати, я ощутила лишь привкус желчи: желудок давно был пуст. Я тихо застонала, с трудом подтянув к груди колени, и свернулась в позе эмбриона.

И почему эта новость настолько подкосила меня? Я жива, здорова, нахожусь в красивом

доме, а не шатаюсь по грязным подворотням. У меня даже появились друзья! Единственное — моя гордость и воспитание никак не могут смириться с положением приживалки.

— Возьми себя в руки, Лейла, и хватит хандрить!

Солнце только показалось из-за горизонта, окрасив небо в розово-красные цвета, а я, сжевав яблоко, позвала служанку. Я ведь и вправду засиделась в четырех стенах. Хотелось, пока накрывают на стол, успеть подышать свежим воздухом и насладиться видом утреннего сада.

С тревогой прошла мимо гостиной. От событий, случившихся в ней, и от недавних откровений Энджила бросило в дрожь, пальцы замерзли и словно онемели. Страшно подумать, что вот так просто он мог... Но несмотря на все то хорошее, что сделал для меня Энджил, даже одна мысль его увидеть вызывала внутреннюю тревогу. Какая же ты трусиха, Лейла!

Оказавшись на улице, заметила рыжеволосую малышку.

— Лола! — окликнула я девочку, спрятавшуюся за дерево и наблюдавшую сквозь открытые ворота за пробегающими мимо мальчишками.

Услышав мой голос, она встрепенулась, улыбнувшись, поправила оборки алого платья.

— Ты чего прячешься?

Она, словно извиняясь, сжала губки, потупив виноватый взор.

— Не хочу, чтобы они меня видели, — в пояснение своих слов кивнула за забор. Мальчишки уже убежали, и только птицы кружили над указанным местом.

— Ладно, я не сержусь, — погладив ребенка по голове, потянула ее подальше с открытой местности.

Она, как всегда, начала беззаботно щебетать, в этот раз перечисляя любимые игрушки и игры, а я, замороженная ее откровениями, ловила каждое слово. Не могу себе объяснить до сих пор, но общение с этим ребенком давалось очень легко, темы находились сами собой, и даже разница в возрасте не имела значения. Конечно, о своем детстве пришлось приврать и приукрасить.

— Знаешь, вчера после вашего ухода в дом ворвалась какая-то девушка. Она так кричала на Энджила.

— Девушка? — недоуменно переспросила я, забеспокоившись.

— Имени не знаю, — сделав паузу и, подпрыгнув от внезапного нетерпения, продолжила, — до этого она приходила несколько раз!

— Сможешь описать? — мне и самой становилось любопытно, кто же эта отважная самоубийца.

— Темные волосы, богатое платье и такой страшный взгляд, ух, — ее передернуло от воспоминаний, — я испугалась и просидела за лестницей до тех пор, пока все не стихло. А когда услышала фразу, что она скоро станет здесь полноправной хозяйкой, чуть не умерла от страха.

Полное надежды лицо ребенка повернулось ко мне. Но я лишь сдержанно улыбнулась, приобняв: утешить мою собеседницу было нечем.

«Неужели это была Лилит? Да она не в себе, раз решила вернуться, — метнулись первые мысли, — может, Алекс продает дом? Нет, не может быть».

Под конец нашей прогулки от постоянных размышлений голова раздулась точно воздушный шар и начала болеть. Желанный отдых и возможность отвлечься от гнетущих

мыслей провалились. Даже Лола, вновь оживившись, не вернула утренний настрой.

К вечеру погода испортилась. Свистевший и задувавший в оконные щели ветер, казалось, хотел сдуть дом, как волк из сказки. Холодящие душу стенания продолжались уже несколько часов и, не в силах больше выдержать на этом словно идущем в шторм домекорабле, шагнула за пределы комнаты. На моей памяти подобное буйство стихии первое за мое прибывание здесь.

Я в задумчивости шла по притихшему вымершему дому и, ступив на первый этаж, пробежала взглядом по темному коридору. Яркая вспышка, сотрясающий небеса и землю, грохот... И именно в этот момент появился гость. Точнее он просто возник перед закрытой дверью, точно призрак из мрака, скопившегося в углах. Я, подскочив, попятилась назад. Он внушал страх, нет, скорее животный ужас.словно перед тобой огромный хищник, кружащий вокруг, играющий добычей. Подавляющий тебя. Его глаза, словно прыжок в изумрудную бездну, и вот ты уже летишь ей навстречу и знаешь, что впереди тебя ждет гибель.

Сила, исходящая от него, давила. Такое чувство, что меня заворачивают в гибкий стальной лист, все плотнее сжимая в центре. Задыхающейся рыбой я открывала рот, стараясь проглотить хоть немного воздуха в легкие.

Он стоял и ухмылялся, бесцеремонно разглядывая меня. Когда в мою сторону был сделан шаг, я готова была завизжать, открыла рот, чтобы сделать это, но не произнесла ни звука.

— Правда уходящее лето выдалось небывало теплым? — голос кончиком пушистого хвоста скользнул по ногам, я готова была поверить, что рядом трется большущий кот.

— Достаточно Николас. Для чего эта демонстрация силы? — от знакомого голоса я встрепенулась, слабо пискнув, мужчина даже не обернулся. — Ты забываешь, где находишься.

— Как я могу? Ты ведь не дашь этого сделать, — гость нехотя оглянулся и они не отрываясь смотрели друг на друга не меньше минуты. — Она твоя...

Но его грубо прервали, не позволив закончить:

— Она не еда. Если собираешься здесь остаться, соблюдай мои правила.

Я едва различала слова, гулкий бой барабанов заглушал большую их часть. Оказалось, это всего-навсего мой сошедший с ума пульс, усиленный рвущимся на части страхом.

Николас резко развернулся, в одно мгновение оказавшись возле Алекса.

— Это ты забываешь, кто я, — прошипел он.

— Помню. Учитель, который бросил своего ученика и даже не сообщил, что жив.

— Обижаешься? — Николас тыльной стороной руки дотронулся до щеки Алекса.

— Не тронь! Ты сделал выбор, проваливай из моей жизни, — и смахнул замершую в воздухе руку.

Глаза Николаса вспыхнули недобрым огнем.

— Мальчишка. Ты ведешь себя, как мальчишка! — от едва слышного шепота по спине побежали мурашки.

Их пальцы сплелись. Одно мгновение, и неприятный хруст пронзил слух. От увиденного мои огромные от ужаса глаза наполнились слезами. Не отрываясь, посмотрела на торчащий под неестественным углом палец, затем медленно перевела взгляд на Алекса. Его лицо застыло, словно маска. Быстрый взгляд на Николаса, он не смотрел в мою сторону, но это тяжелое ощущение слезки пронизывало все мое существо.

Тело затрясло, сознание помутилось, я начала медленно сползать на пол, ноги,

обессилев, перестали держать.

— Извини, перестарался. Давай помогу перевязать, — и Николас протянул длинный кусок ткани, словно заготовленный заранее.

— Сам справлюсь, — раздалось шипение в ответ.

Николас не настаивал, рука гостя по-прежнему сжимала материю. Меня потряхивало. Я дрожала, пока он вправлял палец, меня трясло от этого зрелища, но я не могла отвести взгляд, лишь судорожно дышала, стараясь не потерять сознание. А еще чувствовала у дверей присутствие Николаса, но не слышала, если не знать, что там кто-то есть, то и не догадаешься. Но наблюдая, как Алекс безуспешно пытается наложить повязку одной рукой, не выдержала.

— А мне можно, — начала я, выйдя из ступора, с трудом поднявшись на ноги и, пискнула, оказавшись под взглядами двух мужчин, — помочь?

Алекс сам подошел и протянул обломок карандаша и ленту.

Трясущимися руками туго обмотала палец вместе с деревяшкой, из последних сил держась на ставших ватными ногах.

«Вот так просто сломал кость, а ведь Алекс даже не вскрикнул», — эта мысль поразила. Подняла на него глаза. В глубине их я увидела проявление истинных эмоций, и это было точно не безразличие: в них плескался океан боли.

— Не отвлекайся, — спокойно попросил он, возвращая меня к реальности.

Последний раз ткань описала круг, и оставшийся хвостик был аккуратно спрятан.

— Это Фернандо виноват в смерти Еланы, — Ник криво усмехнулся, его глаза нездорово заблестели. — Меня постигла участь обратившего меня с тем лишь отличием, что он отделался смертью, а я жизнью с болью, разрывающей сердце.

Наконец Алекс повернул голову, и они безмолвно уставились друг на друга, словно ведя неслышимый диалог.

— Я могу идти? — шепотом поинтересовалась, глядя на непривычно-безразличное лицо Алекса: оставаться в помещении, где напряжение зашкаливает, не представлялось возможным.

Алекс, отмер, утвердительно кивнув.

С опаской поглядывая на гостя, неосознанно обошла его по большой дуге. Моргнула и нашла его стоящим совсем в другом месте, ближе ко мне. Попятилась. Не удержав равновесие, взмахнула руками, рухнув назад. Платье нелепо взметнулось пышной волной. Тут же увидела протянутую мне руку, ту самую, которая недавно переломила кость. Вот так вот и смотрела, не в силах заставить себя принять ее, фантазия рисовала не лучшие варианты развития событий. В них я корчилась от невыносимой боли.

Николасу надоела эта немая сцена, и он легонько хлопнул по топорщащемуся подолу.

— Тогда сама, а то твое положение навеивает неприличные мысли.

Хватило секунды, чтобы понять, о чем он, тут же лицо и уши запылали, а глаза уткнулись в пол. Быстро примяв подол и вскочив на ноги, умчалась прочь, укрывшись от его пошлого взгляда.

Я сидела, уставившись пустым взглядом в окно. По стеклу бежали торопливые ручейки, делая его похожим на водопад сверкающей падающей воды. Я видела только это, но не осознавала, все чувства захлопнулись внутри, человеческая психика оберегала меня от

неминуемого перегрева.

Очнувшись, я заторможенно осмотрелась. Обрывки неожиданной встречи всплывали в сознании и тут же тонули в ее глубинах. Желая выплеснуть эмоции, схватила декоративную подушку и запустила ей в противоположную сторону. Затем еще одну и еще. Раскидав все, тяжело дыша, опустилась на пол и, подтянув к себе ближайшую, забылась тревожным сном.

Очнулась неожиданно. За окном шелестела ночь, доносилось тревожное завывание ветра. Вскочив и задернув шторы, расшнуровала корсет и, надев ночную рубашку, забралась в прохладную постель. Я лежала, укрывшись покрывалом с головой, боясь уснуть. Сама не знаю отчего, но эта встреча выбила из-под меня твердую почву, и этот мужчина с давящей и подчиняющей силой... поежилась. От усталости и постоянного напряжения мышцы ослабли, голова начала кружиться. В отчаянии я прикрыла глаза. Чей-то окрик в коридоре заставил резко сесть в кровати.

— Уже день? — застонала, не веря в подобную несправедливость. Тяжелая голова и резь в глазах кричали, что ночь для меня и не начиналась.

С опаской заглянула за штору. Солнце уже сидело на острых макушках леса. Вернулась к кровати, без сил рухнув на матрас и свернувшись калачиком, накрывшись с головой одеялом.

Новое утро началось ближе к вечеру. Первое, что пришло в голову после пробуждения, — это образ торчащего под неестественным углом сломанного пальца. Передернула от отвращения плечами, благодаря небеса за отсутствие каких-либо сновидений.

Дернула колокольчик, висевший рядом с кроватью, вызывая служанку. Ко мне не торопились. Раздраженно спрыгнула на пол, подойдя к двери. За ней царила гробовая тишина. Закрыв дверь, я сползла вниз, вспомнив, что с недавнего времени и с моего согласия именно по четвергам Алекс отпускал всех слуг на единственный выходной. Сомневаюсь, что так делает кто-то еще. Господа-богатеи без слуг[T1], точно малые дети без няньки не смогут обойтись.

Подошла к шкафу и, опустившись на колени, достала небольшую шкатулку, в которой прятала украденные украшения. Четко вспомнились мысли о побеге, о котором я почти перестала грезить. И вот опять. Кто этот незнакомец, всколыхнувший их? Как он связан с Алексом и вернется ли еще в дом? Одни вопросы, на которые требовалось найти ответы как можно скорее. Жить под таким давлением я не смогу. А если сбежать, то, продав эти побрякушки, я смогу жить только первое время, но что делать дальше?

Спрятав шкатулку, быстро сполоснула лицо и, запретив себе думать, о чем замыслила, схватила с вешалки первое попавшееся платье. Выбор оказался неудачным, и, промучившись минут пятнадцать, оставила его лежать на кровати. Надула губки, понимая, что пробовать то же самое с другим платьем ой как не хочется. А вот чего действительно хотелось, так это есть. Живот заурчал, упрямо напоминая, что он пуст. Ну вот и как быть?

Выбрав легкое алое платье чуть длиннее колен, заказанное в качестве ночной рубашки, и перехватив его на талии широким поясом, вышла за дверь.

Кухарка любила чистоту и порядок, поэтому каждая вещь и еда имели свое место. В первую очередь я откинула полотенце, прикрывающее хлеб, и откусила, утоляя первый голод. До безумия вкусно! После вдохнула запах хрустящей корочки и отрезала еще два куска. В нише нашлось запеченное мясо с овощами и, заранее предвкушая трапезу, поставила тарелки с едой на поднос. В последний момент положила еще и яблоко с грушей в надежде, что этого хватит и мне не придется покидать комнату до утра. Удовлетворенно кивнув, не

спеша вышла в полутемный коридор, поворачивая к лестнице, но не тут-то было.

— Составишь нам компанию, — мой недавний кошмар даже не пытался спросить моего мнения, просто поставил перед фактом, требуя подчинения.

Едва не выронив поднос, замерла, чтобы унять дрожь в руках, и медленно развернулась на голос. В голове выла предостерегающая сирена, а только я сделала первый шаг, как ноги перестали слушаться. Хотелось бежать не разбирая дороги, вместо этого я прикрыла глаза, выравнивая дыхание, и до боли стиснула поднос, норовивший выскользнуть из трясущихся рук.

Свет свечей в столовой то и дело подрагивал, создавая уродливые тени на стенах. Они плясали, подбираясь к сидящим за столом и, едва касаясь одежды, испуганно отступали. Тишина нервировала. И только пощелкивание и шипение огня разбавляло ее. Невольно взглядом зацепила величественную фигуру Николаса: поднос дрогнул, и на пол с глухим ударом упало яблоко, закатившись под тумбу. Алекс, задумавшись хмурой тучей сидел слева от него. Ищущий спасения взгляд нашел встревоженного Энджила. Он ободряюще улыбнулся, кивнув на соседний стул; меня затопила благодарность. На душе стало спокойней. Сейчас я готова была простить Энджила, позабыв случай с Лолой, лишь бы он находился рядом. Стараясь не замечать тяжелый прожигающий взгляд незнакомца, медленно, без резких движений доплелась до стола и чересчур резко, со стуком, опустила выскользнувший поднос на стол. Чашки подскочили, эхом повторив показавшийся слишком громким стук. Мышцы рук, резко расслабившись, заныли, непроизвольно потеряла левую, но одернув себя, чинно опустилась на стул.

— Рад видеть тебя, — лицо Алекса преобразилось, глаза восхищенно блеснули. Николас же удивился, совсем по-человечески расплывшись улыбкой, но таящиеся в ней обещания заставили отвернуться.

— А я думал, что больше неожиданностей не будет.

Я стыдливо опустила глаза. Его голос пушистым хвостиком скользнул вверх по ногам. От волнения стало жарко и трудно дышать.

— Вижу, ты полна сюрпризов. Я тоже не против собраться за столом без одежды, — почти почувствовала, как он облизал губы и потянулся к верхней пуговице рубашки.

От услышанного с силой сжала сиденье стула, обида и стыд вытеснили страх. И не важно, что я раньше надевала платья и покороче. Николас играл со мной, и мне нечего было ему противопоставить.

— Ты переходишь грань приличия, — громко, без угрозы предупредил Алекс. — Она — гостья, и, будь добр, веди себя подобающе в моем доме.

Уткнувшись в тарелку, молча слушала их пререкания. Голод исчез, и от лежащей передо мной еды начинало подташнивать. Или это от холодного, завладевшего мной страха?

Так и не осмелившись проронить ни слова, сжевала несколько безвкусных кусочков мяса и с облегчением вздохнула, получив разрешение покинуть стол. О чем они разговаривали? Думаю, ни о чем серьезном, все слова проплыли мимо меня потоком. Я не запомнила ничего, лишь раз подняла затравленный взгляд на Энджила и, увидев в его глазах свое жалкое отражение, больше не решилась на это.

Едва дверь комнаты закрылась, губы задрожали и из глаз полились исцеляющие слезы. Я не пыталась их смахнуть, и они капали на платье, оставляя темные кляксы на ткани. Немного успокоившись, доползла до кровати и, эмоционально обессиленная, рухнула на нее.

Не желая просыпаться, я отвернулась, что-то проворчав. Меня толкнули в бок более

настойчиво. Раздраженно фыркнув, открыла глаза, тут же в шоке вскочила на ноги.

— Лейла, вы что-нибудь хотите добавить к моим словам? — строго спросила лектор, недовольно сведя брови на переносице.

Находясь под пристальными взглядами одноклассников, удивленно заморгала.

Адель подергала меня за низ кофты, выводя из оцепенения.

— Извините, — пробормотала я, садясь на прежнее место, провожаемая понимающими смешками.

— Да что с тобой происходит? — в шепоте подружки отчетливо слышались тревожные нотки.

Сама толком ничего не понимая, помотала головой, стараясь придать лицу беззаботное выражение. Еще раз недоверчиво оглядела аудиторию, пораженная контрастом с последними воспоминаниями.

Что происходит? Я всего лишь уснула на лекции? Сбитая с толку, пыталась вспомнить как можно больше подробностей, ведь воспоминания об отдыхе на море, как и почти всего лета, словно засосала черная дыра. Что-то не сходилось, вот только подсознание не стремилось подавать дельных мыслей. Неожиданно в голове щелкнуло.

— Аделька, скажи, а с каких пор мы учимся вместе?

Во взгляде подружки мелькнула пустота, и она зависла, глядя сквозь меня.

— Адель, прошу к доске, — тут же раздался спасительный оклик преподавательницы, и она, бодро вскочив и бросив мне «поговорим позже», умчалась просвещать умы.

Подперев подбородок рукой, оглядела аудиторию. Мне никак не верилось, что случившееся оказалось всего лишь сном, очень ярким, длиною в несколько месяцев, но сном. Одноклассники, парты, стены — все расплывалось под моим невидящим и задумчивым взглядом, и только необычайно четкий силуэт на периферии зрения вывел меня из этой полудремы. Моргнув, внимательнее посмотрела в противоположную часть аудитории. Опущенная к парте голова и раскинутые в разные стороны руки. Черные волосы, скрывающие лицо, гладкими прядями спускались к самому полу. Чувство, что я его вижу не в первый раз, а следом и неясная тревога накрыли меня, точно черная вуаль.

Это однозначно не студент. Тогда что он здесь делает? Незаметно переползла на место Адель, стараясь получше разглядеть этого типа. А ведь ни один человек в аудитории не обращал на него внимания, даже те немногие, кто сидел за соседними партами.

Я так увлеклась созерцанием, что едва не упала со стула в проход, наклонившись слишком сильно. Встревожено посмотрела на соседние парты, готовая глупо улыбнуться и пожать плечами на вопросительный взгляд. Все взоры оказались обращены вперед, загнипнотизированные эмоциональным рассказом подружки.

Но едва мой взор вновь обратился к мужчине, как он начал, словно в замедленной съемке, поднимать голову. Длинные волосы шевелились, переползая с место на место, будто живые существа, и вот его лицо оказалось устремлено на меня. Глотнув побольше воздуха, я заорала. Это нечто не имело ни глаз, ни рта, и все же я кожей ощущала, что оно ухмыляется.

— Лейла, в чем дело? — строгий голос преподавательницы сорвался на крик как раз, когда у меня иссяк запас воздуха.

И вновь я в эпицентре внимания и ни один не смотрит на чудовище, занявшее одну из парт. А тем временем оно неторопливо встало и, словно издеваясь, в таком же темпе направилось в мою сторону.

Вскочив, я попятилась, не обращая никакого внимания на возгласы преподавателя, гул,

поднявшийся в аудитории, и недоуменные взгляды. Зацепившись за ножку стула, упала в проход.

— Хочу понять кто ты, — ледяной голос ощупал меня, касаясь открытых участков кожи намокшей шерстью. Меня передернуло от внезапного холода и страха.

Не в силах соображать здраво, под всеобщий хохот на четвереньках поползла к выходу. Замораживающие прикосновения незримой рукой скользили по ногам, рукам, смыкаясь на шее, заставляя хрипом вырываться проглоченный воздух.

Задыхаясь, я рухнула с кровати, больно ударившись локтем, по инерции продолжила уползать от жуткой твари. Боль разрывала горло, животный инстинкт заставлял меня спасти жизнь, но застилающая глаза муть начала проясняться. Едва осознав, где нахожусь, разрыдалась, свернувшись калачиком.

Блеклые солнечные лучи заходящего солнца едва пробивались через серые облака, падая косыми полосами на ковер. Ветер учтиво донес резкий звук, от которого я подпрыгнула и испуганным олененком с точно такими же огромными глазами выскочила за дверь. Дико озираясь по сторонам, кинулась к лестнице, желая поскорее оказаться не одна.

Вот уже половина ступеней позади, ноги еле успевают за моим желанием нестись вперед. От испуга перестаю замечать, что происходит вокруг.

— Какая встреча, — голос кусочком льда скользнул вдоль позвоночника.

Я подскочила и вскинула голову, встретившись с зеленым океаном мертвой воды, плескавшей в его глазах. Сделав неловкий шаг назад, слабо вскрикнула, взмахнула руками в слепой надежде ухватиться за перила и, теряя равновесие, инстинктивно зажмурилась, с ужасом осознавая, что падение отменяется и руки Николаса крепко держат меня за талию, прижимая к себе. Сколько же в нем бурлило силы! Хватит одного желания, чтобы эти руки стиснули меня до смерти.

Сердце бешено стучало, не торопясь умерить мой страх. Я негнущейся палкой лежала в его объятиях, готовая в любое мгновение потерять сознание. Как такое возможно, почему он тут, ведь до захода солнца еще осталось не меньше пятнадцати минут.

Я боялась даже вздохнуть лишний раз, беспомощно уткнувшись уму в грудь.

— Удивлена? Разве Алекс не говорил, что для нас день — это не повод спать? И при закрытых шторах мы можем передвигаться по дому? — услышанное шокировало. Его руки вольной птицей скользнули по спине. — Я только проснулся, а в мои объятия попала такая обворожительная нимфа. — В самое ушко шепнул бархатный голос. — От кого спешишь в таком растрепанном виде?

И действительно, неприлично короткая по этим временам ночная рубашка, спутанные волосы и дикий взгляд отвергали на корню образ кроткой барышни. Сама не понимаю, как мне удастся попадать в такие пикантные ситуации. От неприятного намека и его чрезмерной наглости разозлилась, но лишь закусил губу, чтоб не сболтнуть лишнего. Слишком опасен собеседник.

— Спасибо за помощь. Можно я пойду? — сдавленно, не поднимая головы, шепнула я.

Меня тут же отстранили на длину вытянутых рук, отпустив. Оказавшись на свободе, я растерялась еще сильнее.

— Милая фигурка, — это прозвучало бы пошло, но интонация голоса была иной. — Кто ты такая?

Вопрос насторожил. Неприятные ассоциации липкой лентой завертелись в голове

сравнивая оригинал с выдуманной сном иллюзией. Неужели это он вторгся в мой сон и могут ли так вампиры? Исходящие от него уверенность и внутренняя сила вгоняли в ступор. Николас хмурясь, пронизывал меня взглядом. Я тряслась от закравшихся в душу предчувствий: он ведь не может знать обо мне... или может?

— Напугал? — довольная усмешка. — Можешь не отвечать... сейчас, но к разговору мы непременно вернемся.

Он развернулся и пошел вниз по лестнице. Какое-то время я еще стояла, растерянно хлопая ресницами, затем, встрепенувшись, вспомнила, куда шла. На пути больше никто не встретился, хотя до слуха долетал далекий скрип половиц. Ну хоть в этом повезло. Представляю поползшие сплетни слуг, столкнувшихся со мной, спешащей полуголой в покои господина.

Боясь привлечь внимание, толкнула дверь и без стука вошла в комнату. Энджил давно проснулся и, облокотившись на подушку, читал книгу. Взгляд голубых глаз тут же обратился ко мне. Удивление и тревога смешались в них в опасный коктейль.

— Что случилось? — беспокойство отразилось на его лице отчетливее всего.

Боясь расплакаться под его чутким взглядом, подбежала к нему и, забравшись на кровать, уткнулась лицом. Руки Энджила осторожно обхватили меня, даря необходимую защиту и поддержку.

Он не допытывался и не требовал ничего рассказать, легкими движениями поглаживая спину, касаясь волос, словно убаюкивал напуганного ребенка.

— Извини, — нервно усмехнулась я, взяв себя в руки, — просто приснился плохой сон.

И смутилась от сложившейся ситуации, отстранившись.

— Ничего страшного! — немного помедлив, произнес Энджил. — Даже с опухшими глазками ты прелесть, — и он платком смахнул застывшие на ресницах слезинки. — Говорят, слезы помогают, — это прозвучало скорее наполовину утверждением, наполовину вопросом. — Я не против, если продолжишь.

Потупив взор, спряталась за упавшими на лицо волосами. Тщательно скрываемая жалость проглядывала сквозь тревогу и переживание, словно сверкающие звезды, таящиеся в глубинах глаз.

— Я могу уйти, — внезапно выдал Энджил. От какого заявления только усмехнулась, ведь комната-то его. А эта боль и грусть в его глазах, словно зеркальное отражение моих чувств, начинала раздражать. Неожиданно остро прочувствовала эмоции Энджила в нашу первую встречу, и стало самой противно от этого понимания.

— Как ты стал таким? — внезапно для самой себя выдала я.

Прекрасные черты его лица исказились, все тело вздрогнуло, будто его настиг гибкий хвост плети.

— Извини, я не хотела, — поспешно выдохнула я, желая загладить свою вину. — Просто мне так плохо, — я села в позу лотоса на противоположный край кровати, завернувшись в покрывало, — молчи, достаточно я причинила боли.

За окном послышался гром, сверкнула молния: погода быстро портилась, ветер трепал деревья. Только сейчас я заметила, что здесь звук с улицы совершенно иной, чем в бетонной многоэтажке. Надо же, и как раньше не обратила на это внимание?

— Я расскажу, раз тебе интересно. Это было давно, — Энджил грустно улыбнулся, отдернув взгляд от меня и переведя его в пространство комнаты. — Когда рассказываешь, становится легче.

Успев пожалеть о решении явиться сюда, притихла, стремясь слиться с помещением, мечтая, чтоб обо мне просто забыли и вспомнили в более веселое время.

— Я расскажу тебе то, о чем почти никто не знает, — начал он печально. — Это случилось пять лет назад. Я был красив, состоятелен, молод. Для меня не существовало преград, за что бы я ни взялся, все получалось. Девушки меня интересовали мало, хотя если быть точным, ни одна не могла увлечь настолько, чтобы я смог забыть об остальном мире и посвятить себя лишь ей. Так, мимолетные свидания, разрывы, не приносящие мне боли и мучений. Весь мир тогда был у моих ног, — он вздохнул, повернув голову, будто увидел тень прошлого. — Но потом появилась она — Жозефина, красива, умна, грациозна. И я влюбился... впервые по-настоящему. Однажды я встретил ее с молодым человеком, и в той горячке я вызвал его на дуэль.

— Ты его убил, — охнула я, затаив дыхание.

— Нет. Лучше б он не промахнулся. Мой выстрел был второй... и он достался ей. Жозефина его заслонила, предпочтя умереть самой, но не потерять его.

— Она его любила? Тогда зачем обманывала тебя?

— Ты еще так молода и многого не знаешь, — хмыкнул он, мазнув по мне взглядом. — Она была красива, и для нее все это было лишь проплаченной игрой. В этот раз игрушкой был я. Любовь жестока и далеко не всегда взаимна, — Энджил сделал минутную паузу, поправил растрепавшиеся волосы. — Прошло два дня с ее смерти, я не мог ни есть, ни спать, наверно, это были самые трудные дни. И от отчаяния я решился на безумный шаг, пошел к обрыву и... и прыгнул, и все же остался жив. Вторым раз избежал я смерти! Но, как видишь, плата оказалась велика. Я сломал ноги и как видишь они срослись неудачно, теперь с трудом могу передвигаться. В то время отец сильно болел и в скором времени умер. И однажды пришел он — Алекс, и забрал меня с собой. Все мое имущество продали с аукциона за долги отца: он был игрок, и несколько лет фортуна не благоволила ему. У меня не осталось ничего, кроме болезненных воспоминаний.

Он вздохнул, вложив в этот вздох всю печаль пережитого. Повисла пауза, каждый погрузился в свои мысли.

— Мне даже неизвестно, как Альенде меня нашел, а впрочем, это и не важно... — по лицу Энджила потекли слезы, воспоминания вновь причинили ему боль, уже не такую сильную, но некоторые события тревожат нас годами. — Жозефина говорила, что любит, но слова те были пустые. Теперь я знаю — ложь ранит сильнее ножа и, прежде чем что-то сказать, стоит хорошенько подумать.

Его глаза безумно блестели, он нервно поправил волосы и разгладил успевшую помяться рубашку. Наверно, это был первый раз, когда я видела его таким небрежным

— «Упал с обрыва и не разбился»[1], — Энджил горько рассмеялся.

Утром совесть проснулась вместе со мной. На душе после вчерашнего разговора с Энджиллом было паршиво. Мне даже показалось, что от боли, причиненной воспоминаниями, его глаза поменяли цвет, став почти серыми. Вот ведь дуреха, неужели я не могла прикусить язык и просто помолчать?

Распахнув шторы, с удовлетворением окинула начинающее светлеть небо. Звезды еще давали о себе знать, мерцая тусклыми точками, а солнце все настойчивее приглушало их свет, желая стать самой яркой из звезд.

— Так, пора исправлять ситуацию. Столько раз баловал меня Энджил, теперь мой черед.

Служанка помогла мне одеться, и я, к ее изумлению, отклонила попытку сделать мне прическу и самостоятельно заплела волосы в косу. Поклонившись, служанка удалилась, а я со вздохом опустилась в кресло. Как же надоело постоянно держать себя в соответствии с написанными нормами. Даже дома правила требовали переодеваться несколько раз на дню, особенно если приезжали гости. Скучаю по родным местам, где в одной одежде могла провести весь день, посетив университет, кафе, клуб...

Так, опять отвлеклась на не нужные сейчас воспоминания. Похоже, намеренно откладываю встречу с Энджилом. Неужели боюсь этого?

На кухне давно кипела работа: чистили, резали, варили, мыли посуду. Заметив меня, три девушки прекратили работу, выжидающе оглянулись в мою сторону. Я огляделась, стараясь найти сковороду, осознавая, что без помощи мне не обойтись.

— Доброе утро! Будет пожелания по завтраку или обеду? — тут же обратилась старшая по кухне.

— Мне бы хотелось... — нерешительно начала я объяснять, удивляясь, насколько это трудно дается. Неужели так быстро я поддаюсь влиянию этого времени и теперь мне некомфортно находиться на кухне? Тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли. — Я бы хотела приготовить завтрак, но мне понадобится помощь, — быстро выдала я, боясь запнуться.

Девушки замерли, удивленно переглянувшись. Старшей кухарке хватило одного взгляда, чтобы все вновь вернулись к своим обязанностям.

— Я вам помогу. Что вы хотите приготовить? — снисходительно поинтересовалась она.

Не удивлюсь, если мое пожелание приняли за очередную прихоть избалованной особы. Вытащив и повязав на мне фартук, она вся обратилась во внимание. Помощницы с опаской продолжали бросать любопытные взгляды, боясь быть замеченными кухаркой.

— Из продуктов нужны четыре яйца, молоко, соль и специи, — засмотрелась, как эта немолодая женщина быстро положила требуемое на стол. — А также две глубокие чашки и миксер, то есть вилка для взбивания, — вовремя исправила я себя. Нужно быть осторожней.

Аккуратно разбила яйцо, отделив желток от белка. Точно так же поступила и с оставшимися тремя. Перемешав, добавила в желтки соль и молоко.

— Нужно взбивать белки, пока они не превратятся в пену, — пояснила я, и кухарка старательно принялась исполнять мое поручение.

Вылив желтки на сковороду, подождала, пока они схватятся, обернувшись к стучащей по чашке кухарке. Ее лицо покраснелось, и по резким движениям было понятно — она устала. Пена, в которую успели превратиться белки, меня порадовала. Если честно, ни разу не готовила это блюдо без миксера и не была уверена, что получится.

Выложив пышную пену на сковороду поверх желтков, распределила ее ровным слоем и стала ждать. Прошло не меньше пяти минут, прежде чем белок начал пружинить от нажатия лопатки, став упругим.

Ко времени, когда я выложила пышное чудо на плоскую чашку и, разрезав пополам, соединила половины вместе, все работники кухни собрались рядом, с изумлением разглядывая приготовленный завтрак. Признаюсь, оно больше походило на десерт, чем на привычный для них омлет.

— Впервые такое вижу! — наконец подала голос кухарка, все закивали, подтверждая ее

слова.

Довольная, я разрезала лежащую передо мной половину еще пополам, разложив по двум тарелкам. Добавив на поднос два стакана сока, мило улыбнулась притихшим слугам и, победно вскинув голову, вышла из кухни.

Столовую заливали яркие солнечные лучи. Надо же, оказывается, я долго возилась, за на улице расцвело. Энджил сидел возле окна и сосредоточенно читал книгу. Стараясь ступать как можно тише, подкралась к столу, опустив с легким стуком поднос.

— Позже принесите печенье, а к обеду приготовьте яблочный пирог, — выдал он, не поднимая головы.

— Не уверена, что у меня выйдет, — засмеялась, я не сдержавшись. Даже представила, что у меня получится в здешних условиях. Пирог точно подгорит, если вообще будет съедобным.

Энджил удивленно поднял голову, найдя меня взглядом.

— Доброе утро. Я думал, принесли завтрак.

— А я и принесла, — подтолкнув поднос с края стола, расставила тарелки и сок.

Подняв брови, он подъехал ближе, с нескрываемым любопытством разглядывая мое творение.

— Это пирог?

— Попробуй, — я знала, что это вкусно, но не смогла избавиться от легкой тревоги. А вдруг ему не понравится?

Убрав с колен книгу, отломил кусочек. Положил омлет в рот, медленно прожевал.

— Ммм... похоже на воздушное облако, никогда такое не ел. Неужели ты приготовила? — засмеялся он, не в силах скрыть удивления. — Скажешь, наконец, что это?

Я кивнула, радуясь, что не решилась на более сложный рецепт. Если честно, с готовкой я не особо дружу. Чтобы получилось вкусно, мне нужен рецепт с точными пропорциями, а при импровизации часто получается несъедобная гадость.

— Омлет, — точное название я не помню, по сути это и не имело значения. — И почему я слышу сомнение в голосе? Не веришь, что это я сделала?

— Пойми правильно, у нас знатные девушки не готовят и, думаю, даже не умеют.

И это разумно. Не отвечу же, что и я бы не стала, боясь спалить дом без современных гаджетов. А еда — это извинение за мою вчерашнюю несдержанность и бестактность. Вместо этого я победно улыбнулась, сказав совсем другое:

— Тебе ли не знать, кто я и откуда, — выдала я, садясь напротив и принимаясь за завтрак.

К моему облегчению, Николас исчез так же внезапно, как и появился. Я было пристала к Алексу с расспросами, но он заявил, что это меня не касается и мои вопросы так и остались без внимания. А как мне не вмешиваться, если я вздрагиваю даже от мысли об Николасе? Шли дни, Ник больше не приходил, но это не значило, что он не явится завтра или после завтра. Алекс раздраженно переводил тему, когда я пыталась разузнать хоть что-то. Его молчание нервировало.

Каждый вечер с тревогой ждала сгущающиеся сумерки и все чаще меня посещали мысли о родном доме. Они крутились в голове заведенным волчком, постепенно разбиваясь о безвыходность ситуации. От безнадежных мыслей спасало только душевное беседы с Энджиллом.

После его откровения мы вновь стали ближе. Мне хотелось, а главное стало комфортно не только общаться, но и просто находиться с ним рядом. Видимо, тот разговор заставил посмотреть на него по-другому, увидеть настоящего и поверить наконец, что он не причинит мне вреда.

Мы стали часто проводили время втроем: я, Энджил и Лола. К моей радости, он очень любил детей и, похоже, обрадовался ее появлению в доме даже больше меня. Он часто общался с Лолой и баловал ее подарками. В последнее время Энджил, неожиданно охваченный вдохновением, вечерами уединялся в мастерской, скрывая от меня подробности.

Из чайника белыми барашками плыл вверх белый пар. Вдохнув бодрящий аромат недавно заваренных трав с ясными нотками зеленой мяты, сделала глоток и прикрыла от удовольствия глаза. Благодаря недавним событиям нервы, натянутые до предела, начали расслабляться. Натянутые до предела последними событиями нервы постепенно отпускаяло, и я уже не вздрагивать по пустякам, чувствуя зыбкую безопасность.

Выпив чай, вернула пустую кружку на столик и с легкой грустью устремила взгляд в окно. Накрапывающий несколько дней дождь закончился только этой ночью; все эти дни я с нетерпением поглядывала на улицу, ожидая именно этого момента, а в подаренное ненастьем время наконец нашла силы заняться собой.

Ближе к вечеру солнцу, то и дело прячущемуся за пушистыми тучами, удалось подсушить промокшую насквозь землю. Не дожидаясь, когда освободится Энджил или вернется от родителей Лола, направилась в одиночестве прогуляться по пустынным дорожкам сада.

Придерживая наброшенную на плечи накидку, с упоением вдохнула посвежевший воздух. Сама не знаю почему, но я вдруг вспомнила парк недалеко от дома, где мы в детстве часто гуляли с папой и мамой. Парк отличался от здешнего. В нем росли многочисленные кусты сирени, дикие яблони, некошенная трава с обеих сторон дорожек часто дорастала до колен, но я любила это место, наверное, оттого что тогда все мы были вместе. Как же давно это было, словно в прошлой жизни.

Осмотрела вздрагивающую на ветру реальность залюбовавшись, как в тени деревьев поблескивают дождевые драгоценные капли, а когда, играя ветерок качнул травинки, они точно по горкам скатились вниз, спеша просочиться в подземные глубины. За раздумьями не заметила, как стемнело. Объекты вокруг меня стали более контрастными: светлые и темные пятна с четкой границей. Опомившись, свернула в сторону мерцающего огоньками дома.

— Здесь я чужая, — вздохнула, вспомнив, чего лишилась. Грусть черной кошкой заслонила лицо, я нахмурилась от накативших переживаний. Стало трудно дышать.

Нет, нет и еще раз нет. Упрямо вскинула подбородок и сжала кулачки, не желая больше впадать в черное уныние.

— Грустишь? — раздался голос в ночи.

Я подпрыгнула. В панике обшарила взглядом темноту, кусты и деревья вокруг тревожно зашелестели, то и дело окутываемые разлитыми между ветвями чернилами. Я замерла будто в ожидании появления хищника, и он лениво вышел в свет луны. Лицо Алекса походило на голубовато-белую маску, он широко улыбнулся, специально блеснув клыками.

— Как прошел день? — в голосе даже слышался интерес.

— Нормально, — я скептически осмотрела его черный костюм, так удачно соединяющий его и тьму.

Несмотря на странный цвет кожи, он был красив, темные волосы на висках отливали сединой. И все же Алекс — истинное создание ночи, заметила я с восхищением.

Я вздохнула, отводя от него глаза.

— Хочешь покататься на лошадях? — он прищурил глаза.

— Вот так сразу, без вступления?

— К чему лишние слова? — от Алекса ко мне потянулась заряжающая энергия, проникающая под кожу против моей воли. По всему телу разливалось наполняющее силой тепло, захотелось сорваться с места и просто бежать, потратить бьющий ключом источник.

Я охнула от подобного ощущения, он лишь с интересом посмотрел на меня и втянул оставшуюся энергию назад. Ошарашенно заморгала, смущенно улыбаясь. Что это было? Даже от мысленного вопроса о случившемся стало неловко, решила отложить расспросы на потом. Уже на бегу крикнула:

— Сейчас только переоденусь, — и, окрыленная и одурманенная бурлящей силой, поспешила к дому, оставив Алекса безмолвно стоять в темноте.

К женскому седлу я так и не смогла приспособиться, поэтому надела мужские брюки и рубашку, сверху накинув неприметный фрак серого цвета, прибрав волосы.

Когда я вновь вышла, луну скрыли плоские белесые облака, дул теплый ветерок нежно касаясь пушистым хвостом по кожи. Алекс ждал на прежнем месте, держа под уздцы двух лошадей. Он слегка ухмыльнулся моему внешнему виду, но комментировать не стал.

Наш путь пролегал через проезжую дорогу и далее сворачивал в поля. Сначала мы ехали молча, лишь изредка перекидываясь фразами. Алекс пребывал в задумчивости, я особо не расстраивалась, наслаждаясь неспешной поездкой. Я по-прежнему ощущала трепет, страх и полную зависимость от моей лошадки, это заставляло сосредотачиваться и прилагать дополнительные усилия, максимально концентрироваться на шаге лошади, подстраиваясь под него, прислушиваясь к покачивающимся движениям животного. Сейчас это были мои первоначальные задачи. Когда мне удавалось абстрагироваться, попадание в такт происходило само собой, я восторженно ловила такие моменты, и улыбка непроизвольно озаряла мое лицо. Но как только возвращалась способность мыслить и анализировать, я быстро сбивалась с ритма.

Алекс натянул поводья, замедлив шаг своего коня, прислушиваясь. Я, поглощенная мыслями, продолжила движение вперед, не обратив на его маневр должного внимания. Его жеребец топтался на месте, раскидывая мелкие камни, попадающие под копыта. Алекс резко ударил коня с обеих сторон ногами, привстав. Повинуясь желанию седока, животное рвануло с места в галоп, оставив за собой столб пыли. За несколько секунд расстояние, разделяющее нас, было преодолено.

— В чем дело? — изумилась я его странному поведению, когда рука Алекса потянула за уздцы мою лошадку, останавливая.

— Навстречу едут несколько человек, и боюсь, что избежать встречи нам не удастся, — ответил он, задумавшись и окидывая взглядом небольшой лесок впереди и одинокие поля по краям.

Я тоже огляделась кругом: по обеим сторонам слегка поворачивающей вправо дороги росло несколько деревьев. Спрятаться было негде. Прислушавшись, я не уловила ничего, кроме живых звуков природы.

— Я слишком расслабился, времени укрыться у нас нет. Ты взяла флакон? — я покачала головой, виновато опустив глаза. — Нельзя, чтобы поняли, кто скрывается за мужским

костюмом, — он оглядел мой наряд, задумавшись.

— А разве ты не можешь что-нибудь сделать?

— Ты перечитала книг, мне не справиться с тремя людьми в одиночку. Или предлагаешь лишить их жизней?

Округлив глаза, я отчаянно замотала головой. Становиться соучастником преступления точно не собиралась, хватит с меня крови.

С силой сжала пальцы. Эта ситуация могла повлечь очередные неприятности, которые коснутся не только меня, но и дорогих мне людей. Вот, спрашивается, и зачем я так вырядилась? Учащенный пульс отбивал ритм во всем теле, отчего-то мне вспомнилось лицо Энджила, и в эту минуту я готова была пожертвовать многим, лишь бы никогда больше не видеть боль и разочарование в его глазах.

— Неужели нам остается только стоять и ждать, должен же быть другой выход? — полная решимости к действиям, я вскинула голову.

Алекс внимательно посмотрел в мое лицо, странно ухмыльнувшись, отцепил шляпу, прикрепленную сзади к седлу, и ловко надел на меня.

— Когда они подъедут, склони голову и молчи, — его тон требовал только подчинения. Я повиновалась, совершенно не представляя, что будет дальше.

Из-за поворота выехали трое всадников, одетых в темные одежды. Алекс держался чуть впереди меня, поджимая мою лошадь к обочине.

— Добрый вечер вам, — поприветствовал их мой спутник.

— И тебе хорошего вечера, — отозвались они, смеясь над только им знакомой шуткой: слегка подвыпившие друзья были навеселе. — Отчего же молчит твой друг, или нем он?

Двое из них усмехнулись, третий прищурил глаза, пытаясь рассмотреть меня получше.

Я придержала одной рукой полы шляпы, якобы спасаясь от ветра, и еще ниже надвинула ее, одновременно поклонившись в сторону встречных.

Те, забавляясь моим приветствием, так же ответили немым поклоном, задерживаясь возле нас. Этот затянувшийся момент начал нервировать. Я потянулась к Алексу, желая, чтобы он как можно скорее завершил эту беседу. Между перчаткой и манжетой стало видно тонкое запястье. Это не укрылось от взгляда одного из собеседников.

— Ваш друг стройный, как девушка, — подозрительно спросил самый любопытный, наклоняясь к шее своей лошади и пытаясь все же заглянуть под края шляпы.

— Ну что вы, он просто молод, — Алекс старался отвечать вежливо, сохраняя приветливое выражение лица. — Я могу вам чем-то помочь?

— Нет, мы привыкли преодолевать трудности сами, — с вызовом заявил один из них, взмахнув в воздухе невидимой шпагой и, развернув лошадь, помчался прочь. Второй немного замешкался, перекинувшись еще парой фраз с Алесом.

Третий, стоявший ближе всех ко мне, якобы случайно выронил из рук поводья и вновь наклонился вниз. Налетевший порыв ветра чуть не сорвал с меня шляпу. Я встретила с его прищуренным в усмешке взглядом, и он тут же выпрямился, с задором предложив:

— Думаю, мы и так слишком задержались. Все правила этикета соблюдены, не смеем мешать вам.

Второй согласно кивнул, и они умчались догонять своего друга. Алекс, проводив удаляющиеся фигуры взглядом, вновь возглавил нашу маленькую прогулку.

Поравнявшись с ним, я высказала свои опасения:

— С одним из них я знакома.

— Я заметил. Ты думаешь, он узнал тебя? — я кивнула. — Кто он?

— Лорд Эдвард Найт, похоже, мы с ним давно знакомы. Это плохо, да?

— Он не выдал тебя, думаю, и друзьям не проболтается, а позже навещу его. Моя прекрасная леди, надеюсь, это событие не испортит нашей прогулки?

От слов, что они встретятся, в груди все сжалось, ведь я скрыла, что виделась с ним несколько раз. В то же время сердце приятно екнуло от милого обращения ко мне.

— Нет, — это все, что я смогла выдавить из себя. Я знала, что выгляжу глупо, что по лицу можно прочесть, насколько я смущена словами, так легко слетевшими с его губ. — Называй меня по имени, пожалуйста, — на последнем слове голос предательски дрогнул.

Алекс проигнорировал мои слова, сделав вид, что не услышал просьбу.

— Куда мы едем? — наконец произнесла я с придыханием от быстрой скачки. Левая рука, вцепившаяся в седло, начинала ныть, а волосы, подвязанные лентой, растрепались, мешая. Столько тренировок, а мне по-прежнему не удавалось расслабиться, почувствовав себя наездницей, непринужденно держащейся в седле. Видимо, верховая езда — это не мое.

— Увидишь. Ты любишь природу?

— Она кругом, — я в растерянности от вопроса огляделась.

— Поля, леса, луга...

— Романтика, — подытожила я, натягивая поводья, получая несколько ощутимых пинков седлом в пятую точку, пока лошадь переходила на шаг.

Он улыбнулся, наблюдая за мной:

— Если хочешь, — Алекс подмигнул мне, заигрывая, я тут же отвернулась. — Просто иногда появляется желание подурочиться, выпустить на свободу эмоции. Скучаю по былым временам, тогда мы с Николасом и Еланой такое вытворяли... — сбросив темп, лошади пошли рысью, и голос стало слышно отчетливей, а говорить — проще.

— Ты предлагаешь побегать?... — у меня перед глазами появилась именно эта картина детского веселья, и я совершенно не ожидала, что Алекс с ней согласится.

— Угадала, — он был доволен, — можно поваляться в траве или на сене.

Я рассмеялась, приняв последние слова за шутку.

Небольшая извилистая дорога свернула в сторону от проезжей и запетляла между редкими деревьями, затерявшись в поле с ершиком скошенной травы. Дурачиться так дурачиться.

Я хлопнула Алекса по плечу:

— Догоняй! — и не оборачиваясь поскакала вперед.

И вновь незабываемые ощущения, яркой звездой зажегшиеся в день моего первого галопа. Лошадь словно взлетала, и я вместе с ней. Страх свалиться держал меня в седле, не давая ни малейшего шанса слететь кубарем. Лошадь касается земли, мощный толчок ногами, и вновь полет. Встречный ветер норовил скинуть с седла. Я пригнулась, почти ложась на спину животного, опираясь только на одни ноги, практически стоя на них.

С неба светила полная луна — ярко-желтая, похожая на блин. Она отбрасывала холодный свет, и трава окрашивалась синевой.

Вскоре мы спешили, отпустив лошадей и стали кружить меж разбросанных по полю снопов сена, играя в догонялки, точно маленькие дети. Алекс в очередной раз «заяпал» меня, и мы вновь начали петлять.

— Все, я устала! — выдохнула я, согнувшись пополам, тяжело дыша.

Он лениво подошел ближе и облокотился спиной о колючий сноп сена.

— Неужели тебе совсем не нравится Лилит? — произнесенные слова удивили даже меня, не думала, что вообще осмелюсь их озвучить.

Он прищурился и развернулся на девяносто градусов, оказавшись ко мне лицом:

— С ней неинтересно. Лилит, как и я, привыкла к победам, а труднодостижимая цель вдвойне желанна. Почему ты вдруг вспомнила о ней?

— Давно не видела, наверно, — пожалала я плечами, пряча бегающий взгляд. — Лучше быть первой не достигнутой целью, чем шестьдесят третьим любовником?

— Разумеется. Ты когда-нибудь валялась на сене? — сменил он неинтересную тему.

— Разумеется.

— А наверху снопа? Незабываемое чувство.

— Почему бы и нет, домой возвращаться рано.

С готовностью вложила свою руку в его. Я почти взлетела по скользкому боку снопа.

Этот вечер оказался настолько странным, что мне оставалось только удивляться происходящему. Алекс был дружелюбен и внимателен, словно это была не просто прогулка, а свидание.

Он позволил мне увидеть себя с другой стороны, без маски надменности и безразличия, которая защищала его. Такой Алекс мне нравился больше.

— Давно хотела спросить, почему вы живете вместе с Энджилом?

— Это длинная история, — уклончиво ответил он.

— Очередной секрет? Может, краткий вариант? — с надеждой заглянула ему в лицо. Слишком много вопросов было в голове, и хотелось, чтобы хоть несколько обрели ясность.

Порыв ветра набросил волосы на лицо, закрыв обзор, вокруг едва уловимо шуршала ночь. Казалось, она хочет сама раскрыть этот секрет. Мы смотрели друг другу в глаза, и в этот раз я дала себе слово не разорвать зрительный контакт первой. Я выиграла, и довольство собой затопило всю меня.

— Я рос в благополучной семье и думал, что счастлив, — начал он. — Мама и отец меня любили, но лишь повзрослев, я узнал правду. Родители лишь, притворялись семьей.

Я тогда случайно узнал, что отец изменяет матери и не просто изменяет, а водит девушек в наш дом, совершенно не скрывая своих поступков. Я стал его презирать, избегать встреч с ним, игнорировал. Разразился скандал. Отец орал, что мама не уследила за мной, он был в бешенстве. Тогда он поднял на нее руку, но, думаю, это был далеко не первый раз. Я убежал, раздавленный и потерянный, смог вернуться лишь под утро и тут же узнал, что маме нездоровится. Приехавший врач уже не смог ничем помочь. Она умерла от внутреннего кровоизлияния той холодной весной.

Почти сразу отец привел жить в дом свою любовницу, поначалу не в качестве супруги, конечно. Я не мог этого вытерпеть и покинул дом. Позже у них родился сын.

Пропуская следующие годы жизни, скажу сразу, что, став вампиром, я нашел Энджила и еще несколько лет наблюдал за ним.

Увидев мое ошеломленное лицо, Алекс кивнул:

— Ты правильно мыслишь. Мой отец и отец Энджила — один и тот же человек. Я следил за ним, но, когда он стал калекой, мне стало жаль его. Ведь по сути он не виноват. Мы оба оказались пленниками обстоятельств. Его любили оба родителя, но это не помешало девушке, ставшей причиной распада нашей семьи, встретить новую любовь и оставить сына.

Его глаза были закрыты. Лицо спокойное, руки он сложил в замок на животе. Открыв глаза, Алекс внимательно начал всматриваться в ясное небо.

— Вон там, — он поднял руку, указывая чуть в сторону, — созвездие Цефея. — Я проследила за его движением, рукой Алекс рисовал фигуру, комментируя. — Звезды образуют неправильный четырехугольник, над верхней частью которого находится треугольник. А на его голове блестит красным светом звезда Цефея.

Устроившись поудобнее рядом, вглядывалась в небесную высь. Само созвездие я обнаружила, но вот красную звезду, к сожалению, разглядеть не смогла.

— Созвездие Цефея окружено созвездиями Кассиопеи, Ящерицы, Лебедя, Дракона и Малой Медведицы. С этим созвездием связана история о любви.

Я что-то слышала по этому поводу, непроизвольно нахмурилась, но припомнить подробности не удалось.

— Напомнишь?

Алекс глянул на меня сонным взглядом, улыбка довольная. Этого вопроса он и ждал.

— Была такая страна — Эфиопия, ею управлял царь Цефей с супругой Кассиопеей. У них была дочь-красавица Андромеда. Царица часто хвасталась ею, чем задела морских нимф и они пожаловались властителю морей Посейдону. Он наслал на Эфиопию чудовище, которое каждый день появлялось из моря. Страх и ужас охватили жителей Эфиопии. В отчаянии царь Цефей спросил у оракула, как можно спасти страну. И оракул ответил, что необходимо отдать чудовищу дочь Андромеду. Такова воля богов.

Долго думали царь с царицей, но все-таки отвели свою дочь к скале.

Море разбушевалось, и из него появилось чудовище. Увидев Андромеду, оно исторгло языки пламени. Андромеда закричала от ужаса.

Но с неба в крылатых сандалиях на помощь ей примчался Персей. Он подлетел к чудовищу и пронзил мечом. Но чудовище не погибло. Тогда он достал из мешка голову Медузы Горгоны, и монстр обратился в камень. Восхищенные подвигом, родители отдали Андромеду ему в жены.

— Я что-то такое припоминаю.

— Это известный миф. Красивая история спасения прекрасной девушки и счастливая дальнейшая жизнь. На земле столько созвездий, которые связаны с мифами. Может, в другой раз, если тебе будет интересно, я расскажу другой.

Мы будто оторвались от реальности и лежали на мягком облаке, глядя в черное, мерцающее звездами небо. Я представила, что там, наверху, о чем-то перемигиваются светлячки.

Алекс привстал, наклонившись ко мне, и осторожно запустил пальцы в мои волосы. Я замерла, он оказался неожиданно близко.

— Чего ты так волнуешься? — его лицо очутилось прямо напротив моего. — У тебя сено в волосах, я убрал.

Даже после этих слов мое возникшее вдруг напряжение никуда не ушло, я неотрывно следила за его действиями. Из моих волос он и вправду извлек небольшую сухую веточку.

«И чего я так переживаю?»

— Хорошая сегодня погода, — как ни в чем не бывало продолжил Алекс. — Это лето на удивление теплое.

Вдруг он уткнулся в мои волосы, приобняв за плечи. Я ахнула и постаралась вырваться из его объятий, но Алекс крепко держал меня. Его дыхание согревало шею; легкое

прикосновение губ у самого уха, и он отстранился.

Я совершенно не знала, что делать, щеки и уши пылали. Невольно скосила взгляд на его губы, поймав себя на странном желании, и тут же дернула головой, настойчиво напомнив, что внешность обманчива и по возрасту он годится мне в отцы. Вот только желание и не думало пропадать и, противореча самой себе, отвернулась, неуклюже сев. Каждый вдох и выдох давался с усилием, словно корсет неожиданно стал тесным. От волнения воздуха перестало хватать, и я никак не могла надышаться. Поборов свое смущение и стараясь не смотреть в его сторону, стала слезать со снопа.

Приземление вышло не слишком удачным, скатилась я на пятую точку, не найдя, за что зацепиться, и вырвав несколько клочков сена из общей кучи. Алекс оказался рядом легко и быстро, словно кошка, инстинктивно приземляющаяся на лапы.

Он подал руку, чтобы помочь встать, но я лишь хмыкнула.

— Зачем? Зачем все это? — страх возник внезапно, нельзя переходить черту, не знаю, кто я для них обоих, но вряд ли смогу стать их девушкой. А если опыт окажется неудачным и они наиграются в кошки-мышки, то что тогда станет со мной?

— Извини, я не сдержался, привычка. Такого больше не повторится, я надеюсь, — Алекс задумался, словно вспоминая давно забытое прошлое, взгляд стал грустным. — Давно мне не было так легко и весело. Весь в предвкушении новой встречи. Не откажешь?

Я вздохнула. Живу в его доме, на его деньги, никого особо не знаю в этом времени. Есть ли у меня выбор?

— Если прекратишь играть со мной.

— Этого не могу обещать, — я вскинула голову, в удивлении глядя на него, Алекс смотрел прямо на меня, свой взгляд отвела первой. — Не пойми меня неправильно: это не любовь или какие-то сильные чувства, а простое желание попробовать то, что хочется, но твоим быть не может. Ты стала частью нашего дома, но все-таки остаешься такой чужой, — последнюю фразу он добавил, уже залезая в седло.

Дорога домой оказалась приятной и легкой, даже нет, не так, словно едешь действительно домой, будто все происходит так, как и должно быть. Несколько раз мысли возвращались к сказанному Алексом, но не смогла полностью разобраться в услышанном.

Лошади брели неспешным шагом по неровной почве, заросшей травой. Непрекращающийся стрекот цикад и мелодичное пение схоронившихся в отдаленных деревьях птиц радовали слух. Алекс неожиданно остановился, и услышанные слова вызвали у меня искреннее недоумение.

— Тот камень слишком тяжелый для человека, поэтому под ним можно спокойно отдохнуть днем и быть уверенным, что его никто не сдвинет.

Сощурившись, я старалась рассмотреть этот гигантский камень, но, скользя по колышущейся траве, взгляд спотыкался только об овальную проплешину. Алекс никуда не спешил и внимательно наблюдал за моими действиями. Он ждал. Чтобы хоть что-то разглядеть, мне пришлось спуститься на землю и обследовать близлежащую местность. Неуверенные и скованные движения выдавали человеческую слепоту и неприспособленность к ночной жизни.

Чуть не споткнувшись об то место, что приняла за оголенную землю, выругалась потирая ушибленную об край камня ногу. На земле лежала плита, практически ровная, метра два в длину. Станным образом при своих габаритах она не бросалась в глаза и со стороны очень правильно вписывалась в окружающий пейзаж.

— Чертов булыжник! — зашипела я. — Зачем ты показал мне его?

Выражение его лица поглотила тьма, поэтому не удалось понять, что на нем отразилось. Он склонил голову, ожидая, а до меня медленно начинал доходить смысл услышанного.

— Ты там... — язык не поворачивался закончить предложение, вместо этого я соскочила с камня, не желая верить, глупо надеясь, что это моя выдумка.

— Мне не составит труда поднять его, под ним скрыто одно из множества дневных укрытий, — пояснил он.

— Там спать? В земле? — не поверила я, зябко передернув плечами и делая еще один шаг прочь. Воображение услужливо нарисовало во всех красках изложенный вариант: черную влажную землю, закрывающий сверху, точно покрывало, холодный камень и всевозможных ползучих гадов в почве.

— Фу, — наконец выдала я, — это противно.

— Почему? Темно, прохладно, мягко, если хочешь. И я не совсем человек. Забыла?

— Нет. Помню. С тобой забудешь, — пробурчала я дрогнувшим голосом. — Зачем тебе эти кошмарные логова, ведь ты спишь в доме?

Он как-то странно на меня посмотрел, словно я произнесла полнейший бред.

— Я в таких укрытиях время от времени прячусь. Иногда приходится, иногда просто хочется побыть наедине с собой и подумать. И так, на всякий случай. Мало ли что. Жизнь учит, что необходимо предвидеть не один вариант развития событий.

Я поежилась от противного ощущения, словно сотни маленьких лапок насекомых забегали вдоль позвоночника.

— Это твое секретное логово? А вдруг я случайно выдам? — и я тут же замолчала, поняв, что ляпнула лишнее, инстинктивно отступив на шаг от него.

Он оскалился и неожиданно для меня рассмеялся веселым громким смехом. Я уставилась на него, сбитая с толку: то ли бежать и звать на помощь, то ли принять это за плохую шутку.

— Не скажешь, — я моргнула, совершенно позабыв, о чем мы только что говорили. — Это будет наша маленькая... тайна, — он подмигнул, но лицо приобрело уже обычное выражение. И продолжил как ни в чем не бывало. — Это всего лишь одно из... их у меня много, и то, что ты узнала об этом, не имеет значения.

— Тайна так тайна.

— Твое поведение, общение... Ты другая, и это мне нравится, — лошадь оживилась, затанцевав под седоком. — у нас девушек обучают иначе. Будущие хранительницы очага должны растить детей и заниматься домашними делами, вязать, играть на фортепиано.

Я фыркнула, когда он это произносил. Алекс сильнее потянул за уздцы упирающуюся лошадь и пошел дальше по утоптанной дороге. Я заторопилась забраться в седло. Лошадь двинулась следом, поднимая вверх серую пыль.

— Как ты там говорила: в будущем будет равноправие между мужчинами и женщинами? Не вздумай такое высказать кому-нибудь, подобные размышления не приветствуются.

— Не разрешается высказывать идеи и спорить с господином? — поддела я с сарказмом.

Он кивнул, криво улыбнувшись, добавил:

— Хотя лично мне это доставляет большое удовольствие. Ты вся дрожишь. Тебе холодно?

Алекс стянул с себя плащ черного цвета и накинул на мои плечи, так что я почти слилась с ночью. У крыльца мы спешили. Взяв мою лошадь за повод, он направился в конюшню.

[1] Строки из «Король Лир»

В дом я зашла в приподнятом настроении и тут же смутилась под взглядом ясных глаз. Энджил по-видимому давно с нетерпением ждал моего возвращения, его взгляд с досадой скользнул по скрывающему меня плащу, принадлежавшему Алексу. Моя мечтательная улыбка погасла, уступая место опасению и нерешительности: поспешно развязав плащ, повесила его на вешалку. Непонятное чувство вины подкатило к горлу, пришлось прокашляться, чтобы начать говорить.

— Давно ждешь? — отчего так сложно поднять глаза и прямо посмотреть на него? В воспоминаниях возникло лицо Алекса, настолько близко, что я нервно потянула за лямку, связывающую волосы. Они рассыпались по плечам, скрывая лицо, наполненное нервными чувствами.

— Хотел тебе кое-что показать, — голос прозвучал неуверенно. — Пойдешь со мной? — в общее звучание вплелись просящие нотки.

Я была сбита с толку. Что он напридумывал, пока ждал? Или это случилось, когда я появилась с этой дурацкой улыбкой на губах, завернутая в чужой плащ? И его потухший взгляд наводил на не самые веселые мысли. Я кивнула.

Пройдя через его комнату, направились прямо в мастерскую. Энджил вел себя подозрительно тихо, начиная раздражать своими беспочвенными подозрениями. Но когда в свете расставленных на столе свеч я увидела его творение, обида прошла сама собой.

— Это ты сделал? — восхищенно прошептала я, подходя ближе к окну.

Рука сама собой поднялась и потянулась к витражному окну, пальцы замерли совсем рядом, я медлила, опасаясь разрушить это чудо одним прикосновением. Цветы всевозможных оттенков красного тянулись вверх, переплетаясь с длинной травой и незаметно переходя в голубое небо.

На столе лежали несколько коробочек с перемешанными в них стеклышками разного размера и цвета, небольшие баночки с жидкостью и деревянные лопаточки. Сделала шаг вперед, приоткрыв от восхищения рот. Пальцы все же скользнули по прохладному стеклу, по шероховатым стыкам, перебегая от одного кусочка мозаики к другому.

— Как тебе удается каждый раз меня удивлять? — я подошла к Энжилу и, чувствуя, как овладевшее мной тепло медленно распространяется по телу, обняла его. Почти сразу же меня прижало к его телу, пальцы Энжила начали нервно перебирать мои волосы. Так некстати вспомнились черные глаза Алекса, но после услышанных слов мысли унеслись, точно гонимые сильным ветром облака.

— Ты мне нравишься, сильнее, чем я думал, сильнее, чем кто-либо, — в едва различимом шепоте проскальзывали и радость, и вселенская печаль. — Это пугает меня, — замерев и забыв как дышать, я слушала внезапные откровения, боясь поверить.

Он отстранился и не дав так же сделать мне, взял за подбородок заставляя слегка склониться, его ласкающий взгляд остановился на моих губах и, больше не медля, Энджил приблизился, заставляя и так плохо соображающую голову отключиться совсем.

Мы целовались целую вечность. От его поглаживаний и легких прикосновений возникало лишь одно желание — чтобы все это длилось бесконечно.

— Ты устала, иди отдыхать, — севшим голосом попросил Энджил, все еще выводя пальцем фигуры на моем плече.

— Что? — плохо понимая услышанное, изумилась я, вновь потянувшись к манящим губам.

— Тебе требуется отдых. Прогулка наверняка тебя утомила.

Я попыталась возразить, но он был непреклонен.

— Спасибо за подарок, — смущенно произнесла я, машинально облизав губы, только сейчас осознавая, что на самом деле произошло. Напоследок добавила, заикаясь: — Я... я... до завтра.

«Что на меня нашло?» — размышляла я, сидя на кровати. Алексу, значит, дала отворот поворот, а Энджилу... Значит ли это, что он мне нравится больше, или это всего лишь стечение обстоятельств?

Непривычный жар распространился по всему телу. Сначала испугалась, что у меня температура, но слабости, головной боли и сонливости не наблюдалось. Наоборот, я была чересчур бодра и энергична. Замотав головой, приложила ладони к пылающим щекам. Сумасшедший вечер, лучше поспать и подумать обо всем завтра.

Едва я успела проснуться, как меня ждал очередной сюрприз — сидящая на пуфике, словно мышка, Лола. Она не отрываясь смотрела в плачущее окно, наблюдая за влажно блестящими змейками дорожек. Заслышав возню на кровати, девочка, обернулась и, тут же спрыгнув на пол, подбежала и взволнованно протянула мне запечатанный конверт. Потерла заспанные глаза, стараясь окончательно проснуться, и, недоуменно покрутив в руках послание, развернула его. Внутри оказалось несколько строчек от Глории. Она приглашала меня в гости. Немало удивившись — последний раз мы виделись на приеме, да и то почти не общались, — скинула покрывало. Лола нетерпеливо поерзала, поглядывая на приглашение.

— Глория после обеда зовет в гости, — удовлетворила я любопытный взгляд. — Поедешь со мной?

Девочка тут же закивала, словно ожидала моего предложения. Быстро позавтракав, я уговорила Лолу надеть купленное мной платье. Взглянув на ее преображение, обняла ребенка: сейчас никто бы не усомнился, что перед ним стоит маленькая принцесса.

Пока мы ехали, мелкий дождь прекратился, оставив после себя лужи, сырую траву и хлюпающую грязью дорогу. Я с упоением вдыхала вкусный воздух, а вот душа отчего-то была не на месте. Пытаясь снять нервозность, переключилась на Лолу. Она нервничала, то и дело оглаживая ткань платья.

— Все будет хорошо, — подбодрила девочку и заодно себя, Лола кивнула в ответ, лучезарно улыбнувшись. Родись она в других условиях, внимание мужчин, как и зависть многих женщин, были бы ей обеспечены, а так...

Экипаж свернул с дороги, проезжая в ворота, и мягко остановился недалеко от входных дверей. Поклонившись и поприветствовав нас, слуга поспешил в дом известить о нашем приезде хозяйку. И та вскоре вышла, высоко подняв голову. Ее надменный взгляд насторожил, но я по-прежнему отказывалась верить дурному предчувствию.

— Агнесса, дорогая, — воскликнула она, поменявшись в лице, — что за ангела ты привела с собой? — заключив меня в неожиданно нежные объятия, отстранилась, наклонившись к ребенку. — Как тебя зовут, дитя?

— Лола, — едва различимо прошептала та, торопливо прячась за моей юбкой.

Звонко хлопнув в ладоши, Глория, позвала к себе слугу:

— Проводи этого ребенка к детям прислуги, пусть поиграют. Нам с Агнесой нужно поговорить о своем, ты ведь не против, милая? — и тут же махнула рукой мужчине, показывая, что он может приступить к исполнению приказа.

Девочка ничего не ответила, вцепившись в ткань моего платья, мне же в каждом ее слове слышалась фальшь, слишком слащавы стали ее речи. В чем же причина? Необходимо разобраться.

— Я недолго, — и успокаивающе погладила Лолу по голове. Она тут же взбодрилась, расправила плечи и, кивнув в знак того, что справится, пошла следом за мужчиной.

— Накинь, а то замерзнешь, — повинувшись ее словам, другой слуга подал мне теплую накидку: после дождя погода испортилась, неприятный ветер колючими иголочками колот кожу.

И, не дожидаясь меня, Глория пошла в сторону небольшого ухоженного садика. К выложенной камнями дорожке склонялась трава, усыпанная переливающимися бриллиантами капель. Едва не поскользнувшись на влажных плоских камнях, окликнула Глорию.

— Зачем мы идем сюда? — мысль, что ей хочется прогуляться именно сейчас, не укладывалась в голове.

— Хотела с тобой поговорить... наедине, — не оборачиваясь пояснила она. — Почти пришли.

Впереди я разглядела беседку с крышей, обвитую плющом и заметную лишь вблизи. Когда я жила здесь, времени и желания гулять по саду не было, а разглядеть с дальнего расстояния утопающую в зелени беседку, точно хамелеон сливающуюся с окружающим пейзажем, человеческому глазу просто не под силу.

Внутри она оказалась достаточно просторной, чтобы вместить две скамеечки и небольшой столик с фруктами, чайником и тлеющими ароматическими свечами; идущий от них запах показался знакомым.

— Угощайся, — ее тон стал неприятно-резким и, проигнорировав ее приглашение, села. — Как тебе живется? — от вкрадчивого голоса передернула плечами и, стараясь, чтобы собеседница не заметила моей реакции, получше завернулась в накидку, делая вид, что замерзла. Продолжать разговор не хотелось, но я по-прежнему сидела словно приклеенная.

— Вот мне стало интересно: чем ты привлекла Алекса, что он предпочел тебя?

Я глупо заморгала. На что она намекает? Кружащийся сладковато-пряный запах неприятно щекотал нос.

— Тебе нравится, как он целуется? — облизав губы, она налила себе в чашечку парящего белыми облачками чая, почти сразу забыв о нем и оставив одиноко стечь на столе. Голос ее стал неожиданно низким, грудным. — Так нежно и страстно, заставляя забыть обо всем. После он спускается ниже, и, едва касаясь, целует в шею, — ее пальцы скользнули по подбородку, — слегка массируя кожу, — рука двинулась дальше, отодвинув повязку, шелковую ленту с кружевами. Мой ошалелый взгляд выхватил две зажившие точки на тон светлее остальной кожи.

Я следила за ее движениями и мне становилось дурно. Она пригласила меня за этим? Маленькие капельки дождя застучали по укутанной в зелень беседке. Я не слышала их, с каждой минутой самочувствие ухудшалось, тело начал бить озноб. Еще и раздражающий

запах, хотелось отмахнуться от этого противного аромата, невольно чихнула, трясая головой.

— Он знает, где целовать, чтобы женское тело отзывалось и трепетало только от одной мысли о нем, — Глория прикусила губу, и в глазах зажегся коварный огонек. Слова продолжали литься словно сами собой. — Он целует и ласкает тело, гладит там, куда платье не позволяет так легко добраться, и ты начинаешь постепенно зажигаться и пылать страстью, растворяясь в этих ощущениях, забывая о самой себе.

Я поежилась: накидка не помогала согреться, боль медленно расходилась по телу, и ее центр находился где-то ниже талии. Жар проходил по венам, барабаном ударяя в виски, завершая круг и начиная новый, не менее мучительный.

Прекрасно слыша и осознавая ее речь, не могла понять, для чего этот спектакль. Она что, пытается показать, что я теряю, или, наоборот, хочет, чтобы я присоединилась? В любом случае ее слова звучали неприглядно для меня.

— А когда он спускается еще ниже, — Глория прижала руки между ног, примяв платье, — и целует все настойчивей, с силой, — с ее губ сорвался стон.

Дрожь усилился, как и озноб, теперь мне не удалось бы скрыть его от чужих глаз. Тело заметно потряхивало, и жар, как морские волны на берег, накатывал не переставая. Голова взорвалась болью и я, согнувшись пополам, прикрыла глаза, задышав глубоко.

В память будто из-за завесы ворвались образы: я беспомощно лежу на кровати, а Адис, навалившись сверху, прижимает меня своим весом, на лице улыбка, больше похожая на оскал.

«Думаешь, самая умная и безнаказанно продолжишь избегать неприятностей, прикрывшись слишком самоуверенным Алексом? — слова возникают в голове, въедаясь в мозг, подобно отраве. — Ты сломала мне план, а ведь твой брак с Барреттом сулил мне много, очень много денег и нужные связи, — он наклонился так низко, что за его дыханием стала улавливаться чья-то недавняя смерть. — Тебе не избежать наказания, я буду твоим наказанием».

Где-то в далекой реальности Глория продолжала лить тираду восхищения, не замечая ничего вокруг:

— Этот экстаз, этот разрастающийся огонь внутри, это удовольствие на грани боли...

Мое сознание засасывало все глубже в собственные воспоминания. В них Адис сидел на моих ногах и, не давая мне и шанса освободиться, разрывал мою ночную рубашку, не пытаясь соблазнить, скорее раздражаясь, что приходится возиться со мной. И вновь этот запах, совсем близко, пряный, дурманящий аромат мускуса.

«Испробую тебя... немного... чтоб не заметили. А ты, — он вновь посмотрел на меня обезумевшую от ужаса, но отчего-то смирно лежащую, — это станет твоей платой за мои потери по твоей вине», — и, отодвинув мою ногу чуть в сторону, грубо впился зубами во внутреннюю часть бедра.

Я закричала, но звук, застряв в горле, так и не вылетел наружу, неподвижное тело облокотилось на спинку скамейки неживым манекеном.

Меня всю охватил огонь, я уже не понимала, реальность ли это или продолжение воспоминаний. Кожа горела, пламя пробиралось внутрь, раздирая и поедая мою плоть. Кислород, выжигаемый скручивающей болью, заставлял делать частые вдохи. Я почувствовала, что мир падает, или это была я? За минуту до самой долгожданной темноты голова ударилась обо что-то твердое, зародившаяся вновь боль уже не имела значения.

Закашлявшись, я нехотя пришла в себя. Упершись ослабевшими руками в скамейку и

тяжело поднявшись, привалилась к ее спинке. Тело озябло, а от долгого пребывания в неудобной позе одеревенело и не слушалось.

Глория развернулась и, обдав меня равнодушным взглядом, продолжила спокойно попивать чай. Пытаясь сконцентрироваться, я перевела расплывающийся взор на посеревшее небо, сплошь затянутое тяжелыми свинцовыми облаками.

— Очнулась наконец-то, — хмыкнула она, зло усмехнувшись, — и что он нашел в тебе? Падаешь в обморок на ровном месте.

Сглотнув подступивший к горлу комок, в панике осознала, что все увиденное действительно случилось со мной. Но почему я не помнила об этом раньше? Горько усмехнулась, тут же найдя в своей памяти ответ. Ведь Адис сам внушил не говорить никому, а в последний приход вообще забыть содеянное. По-любому здесь не обошлось и без Алекса.

— Это все из-за ревности? — во рту пересохло, и выдавить из себя слова удалось с большим трудом.

С нескрываемым раздражением Глория стукнула чашку о стол.

— Я могла его делить с Лилит, она для меня как сестра, — мне не удалось сдержать гримасы удивления, взлетевших бровей и округлившихся глаз. Мое изумление не укрылось от нее, — Алекс сдался ее чарам и пришел к Лилит несколько недель назад, они провели в постели всю ночь. Знаешь, я даже рада за нее.

— Это какой-то кошмар, — твердила я себе, встряхивая руками и ногами, желая скинуть последние отголоски боли, пляшущие по телу, стараясь побороть разливающуюся слабость. Общество Глории стало настолько противным, что я поднялась, собираясь уйти, но, тут же пошатнувшись, схватилась за край стола.

— Иди-иди и забери привезенную с собой нищенку, — в два шага обогнув стол, хозяйка вытолкнула меня из беседки. Чуть не задохнувшись от подобного обращения, проглотила подступившие слезы и, не удержавшись на ногах, вскрикнула, падая в чьи-то объятия.

— Я больше не желаю видеть тебя в своем доме. Все кончено, — руки Алекса крепче сжали мои плечи, позволив облокотиться на его грудь, удерживая. Если б не это, то, не устояв, я бы осела на землю, оказавшись в еще более унижительном положении. — Напоминаю тебе про молчание, иначе пострадают и говорящий, и слушающий. Это я могу гарантировать, — холод его слов чувствовался даже через пальцы, проникая и въедаясь в кожу.

— У нас был уговор! — вспылила Глория.

— Ты боишься, что мы расстанемся, или что не ты бросила меня? — усмехнулись ей в ответ.

Не произнеся больше ни слова, Алекс развернул меня, не оставляя не единого шанса взглянуть в сторону Глории, и повел прочь от злосчастной беседки.

Его конь, нетерпеливо поднимающий поочередно ноги, был привязан к нашему экипажу. Кругом сгущались сумерки, но, даже прикрываясь темнотой, не могла дать волю слезам.

— Где Лола? — надрывным голосом спросила я, слегка шатаясь.

И почти сразу увидела ее высунувшуюся мордашку в окне экипажа. Не желая задерживаться, заторопилась залезть внутрь и только тогда замерла в молчаливом недоумении. Ее замечательное платье было испачкано и порвано, в волосах застряли остатки съестного.

— Кто это сделал? — в памяти тут же всплыли обидные слова Глории в адрес Лолы.

Девочка, державшаяся до этого, всхлипнула, спрятав лицо в ладонках. — Вот гадина!

Скинув руку пытающегося задержать меня Алекса, бросила на него злой взгляд, давая понять, чтобы не лез, и вышла на слабо освещенный двор.

Гнев добавил сил, заставляя забыть о плохом самочувствии. Печальная Глория с поджатыми от обиды губами стояла возле лестницы, ведущей на террасу. Заметив меня, она оскалилась в улыбке, вскинув подбородок.

— Решила поглумиться лично? — от напряжения ее голос стал резким и неприятным, красивые черты лица исказились.

В голове крутились десятки слов, которые я хотела ей сказать, и вот сейчас, ловя на себе ее липкий, полный желчи взгляд, понимала, насколько эта идея бессмысленна. Гордая фигура проигравшей возвышалась надо мной, глаза Глории смотрели сверху вниз, как на мусор. Ее взгляд скользнул вниз, подавая знак слуге вернуть мне поднятый с земли поясок.

— Это, кажется, оторвалось от платья твоей служанки. Она у тебя такая неосторожная. Не смотри так, девчонка возомнила, что лучше других, а дети порой бывают так жестоки, — красивый поясок был вырван с корнем из платья и с одной стороны висел распустившимися нитками. Но Глории и этого показалось мало. — Заботишься о чужом ребенке, а о своей больной сестре даже и не вспоминаешь.

Последнее сказанное ей предложение даже не успело полностью проникнуть в сознание. Больше не сомневаясь в правильности своих действий, сжала кулак и, стараясь отключить голову, чтоб не было соблазна передумать, размахнулась, вложив в удар всю накопившуюся злость и обиду.

Вскрик, и Глория, потеряв равновесие, завалилась набок, упав на ступени. Слуга на несколько секунд застыл истуканом, но, услышав слабые постанывания своей хозяйки, поспешил к ней. Несколько любопытных слуг показались в окне. Я же, не дожидаясь, пока спадет всеобщее оцепенение, быстро стуча каблучками, добралась до экипажа, и, как только заскочила внутрь, мы поехали прочь.

Потирая ушибленную руку, не смогла сдержать улыбку, а когда обратила внимание на моих путников, рассмеялась в голос. Вытянутые лица и приоткрытые рты — пожалуй, одно это зрелище стоило того, чтобы Глория получила по заслугам.

— Это было потрясающе! — звонким вскриком прервала паузу Лола. — А меня научишь?

Не скрывая своих эмоций, она подскочила с места, обняв меня. Погладила рыжие волосы и, не удержавшись, подняла взгляд, Алекс тепло улыбался, едва сдерживая рвущийся смех.

— Научишь? Тогда меня никто не обидит, — щенячьи глазки устремились на меня.

— Хорошо, но сегодня сразу спать.

Засияв солнышком, она уселась на свое место, а перед моими глазами встали картины из прошлого, когда папа показывал несколько простых приемов против докучавших мне мальчишек. Кто же думал, что они пригодятся спустя столько лет. Глаза защипали подступающие слезы, и я отвернулась к окну, стараясь думать о чем угодно, но не вспоминать утраченную жизнь.

Дорога прошла в молчании. Уставшая Лола дремала, Алекс потерялся в своих мыслях. Я же разбирала по полочкам полученные воспоминания, сопоставляя их с уже имеющимися, и с каждым сложившимся кусочком мозаики мое негодование росло. А тут еще эхом пронеслись последние слова Глории, смысл внезапно достиг сознания и я, беспрестанно

сжимаемая и разжимаемая ткань платья, не могла дожидаться окончания дороги. К концу поездки я едва сдерживала себя от разрывающего голову крика отчаяния. И как только слуга забрал спящую Лолу, а мы оказались в доме, развернулась и зашипела, точно гадюка:

— Я ведь тогда не простыла? — поняв, что он не спрашивает и не удивляется моим словам, застонала. — Ты все знал, да? Зачем было скрывать?

— Зная правду, стало легче? — невозмутимо спросил Алекс.

— Не стало! — с силой толкнув его в грудь, продолжила. — Но я чуть копыта не отбросила, окунувшись в эти воспоминания.

— Адис больше не посмеет притронуться к тебе. Посвящать в забытые воспоминания не видел смысла, — и вновь этот отстраненный взгляд, словно надвинутая на лицо маска.

Заскрежетав зубами, заходила из стороны в сторону. Не хотелось признавать, но отчасти он прав, предпочла бы забыть этот ужас, а еще лучше — не знать его никогда. И вновь сознание подбросило сухих поленьев в затухающий очаг, развернув течение мыслей в новое русло.

— Где Адис? Прикажи ему не трогать Изабеллу.

Вопросительно изогнув бровь и неспешно дойдя до кресла, он устроился в нем и только тогда выдал свой вердикт:

— Я не стану оберегать всех твоих родственников.

— Ты не хочешь или не можешь? — дрожащим от гнева голос рокотал.

Ответом послужило затянувшееся молчание и взгляд, полный любопытства, скользнувший с интересом по моему меняющемуся ежесекундно лицу.

— Так будет правильно.

Я сжала кулаки, борясь с собой, чтобы не закричать на него. Он был так спокоен, и это выводило из себя.

— Правильно? Для кого?! — я не смогла справиться с эмоциями, и голос все равно сорвался на крик. — Пожалуйста, поменяй решение, — взмолилась я, решив испытать все варианты.

— Я не собираюсь рисковать ради человека... которого не знаю и не узнаю. Ты еще слишком молода, чтобы осуждать меня.

Мне привиделось, как Изабелла, обессиленная, лежит на кровати, а рядом довольный собой, сытый и ухмыляющийся Адис. Злость стала побеждать здравый смысл, что бывает крайне редко. Его равнодушие и безразличие послужили долгожданным топливом для бушующих эмоций — все внутри вспыхнуло. И прежде, чем я смогла понять, что делаю, полная отчаяния подошла и размахнувшись ударила его.

Его голова дернулась в сторону, волосы закрыли лицо. Когда Алекс повернулся — взгляд мог убить, глаза блестели ледяным металлическим блеском.

Я сглотнула и попятилась назад, даже припомнить не могла, когда в последний раз так боялась. Тело точно пронзил острый нож и, хватая ртом воздух, попыталась вымолвить хоть слово. Упершись в край второго кресла, плюхнулась в него. Он подошел, присев, заслоня собой возможность убежать.

— Отодвинься из моего пространства, — нерешительно начала я, взгляд метался в поисках выхода.

— А то что? — с вызовом шепнули в ответ.

— Я закричу, — все прочие слова из головы просто унесло.

— Слабый довод.

Алекс положил свою руку поверх моей, я тут же выдержнула ее. К моему удивлению, он встал.

— Иди в свою комнату, — это было сказано почти шепотом, но не подчиниться было невозможно.

Пол, казалось, уходит из-под ног, сердце было где-то отдельно от тела. Я бежала прочь, стремясь поскорее уйти как можно дальше отсюда, от его ледяных глаз, от безразличия к чужой судьбе. Я его боялась — очень. Только теперь осознала, что мне о нем почти ничего не известно. Кем он был? Кто он сейчас? И хочу ли я знать ВСЮ правду? Нет, только не теперь.

Поднявшись в комнату, подперла дверь стулом, полностью осознавая, насколько это бесполезно.

Ночь укутала деревья в тени, погрузив в черноту дорожки и кусты. Сидя возле окна, я вытирала беспрестанно бегущие по щекам слезы и скинула наконец подачку Глории — завязанный вокруг шеи платок, пропитавшийся на концах влагой. Что за несправедливость? Мне казалось, вокруг меня затягивается удавка. До боли не хотелось верить в худшее, но как спасти Изабеллу, я не понимала. Случись что, глаза мамы вновь наполнятся болью, сделавшись точь-в-точь такими же, как в нашу первую встречу. Эта мысль пугала не меньше потери внезапно обретенной сестры. А еще до безумия хотелось домой, чтобы обнять папу и почувствовать себя вновь маленькой девочкой.

В голове мелькал калейдоскоп картинок прошедших дней и, словно по волшебству, возникло улыбающееся лицо Энджила. Всхлипнув в последний раз, хлюпнула носом, уткнувшись в прохладу подушки.

Сон затягивал меня нехотя, маня, подпуская ближе, а затем отдаляясь. Я то погружалась в его глубины, теряясь в объятьях Морфея, то всплывала на поверхность, вновь осознавая себя. С трудом, но я растворилась в его просторах, исчезая, забывая все вокруг, создавая новый вариант реальности.

Зеленые луга с обозначенными вдалеке деревьями резко ухнули вниз. Я завизжала, теряя под собой твердую опору, неожиданно зависнув. Внизу, подо мной, раскинулась чарующая и пугающая бездна. Поспешила оглядеться вокруг и, подняв голову, закрыла лицо руками, сжавшись в комок. Сверху на меня обрушилось небо. На минуту облака влажной ватой окутали меня, быстро растворившись в глубинах черноты. С тревогой подглядев, что творится вокруг, и убедившись, что опасность миновала, стряхнула прилипшие водяные капельки.

Все происходящее казалось закономерным, и только неожиданные перемены вокруг вызвали легкой трепет, но ни разу не возникло вопроса: нормально ли такое и может ли происходить? Это была моя реальность, придуманная в голове, являющаяся частью меня, поэтому не вызывающая отторжения.

Паря в пространстве, бесцельно смотрела кругом. Мое внимание привлекло что-то внизу. Оно словно двигалось, и, судя по увеличивающимся размерам, очень быстро. Пригляделась, а когда, моргнув, вновь открыла глаза, меня ударило снизу долетевшим наконец-то полом. Удивленно застыла, рассматривая сквозь упавшие на лицо волосы натыканные повсюду стеллажи с книгами. Они, как лабиринт, расползались в разные стороны.

Все это породило в душе только одно чувство — восторг. Мне захотелось бежать по

этим узким коридорчиком, останавливаться и рассматривать книги, в хаотичном порядке расставленные на полках.

— Так много книг, — удивлялась я. — А ведь это библиотека.

Меня не покидало непонятно откуда взявшееся сомнение и чувство, что я раньше была здесь.

Пройдя вперед, замерла, оглядев полку слева: история, биографии, химия, астрономия, география, физика. Мои пальцы сами собой сомкнулись на корешке с серебряными мерцающими буквами.

«Что делать, если попал в другое время. Пошаговый справочник».

Резкий порыв холодного ветра пронесся по коридору, унося с собой морозное дыхание. Я поежилась, открыв странный экземпляр на оглавлении.

— Способы попадания и возможные причины. Что делать и как себя вести, — передернула плечами, начиная понимать суть прочитанного. А ведь эта информация для меня важна, но почему? Наморщив лоб, попыталась вспомнить. Отметив взглядом очередную главу, пролистав книгу вперед, раскрывая ее на новой странице. — Способы вернуться в свое время.

— И отчего эта часть привлекает всех в первую очередь? — раздался тихий голос совсем рядом. Пожилой мужчина стоял, облокотившись на трость, и смотрел с задумчивостью. И, устремив взгляд выцветших глаз на меня, закончил. — Если прочитаешь только заключение, никогда не поймешь всю красоту книги и сюжет целиком.

Я разжала руку, и книга с грохотом рояля рухнула на пол.

— Вы?

— Вспомнила, — усмехнулся он, скрипучий голос неприятно разнесся эхом. Он провел рукой по пыльной полке, оставляя чистые полосы, и звучно чихнул от взлетевших вверх маленьких частиц пыли. — Едва удалось пробиться к тебе. Неслабая защита у этого дома и у тебя в частности, — в задумчивости потер подбородок, добавив: — Приходи, я жду тебя.

Пожилой мужчина усмехнулся и с силой, которой не должно обладать его хрупкое тело, ударил тростью в пол, одновременно подбросив вверх блестящий предмет. Его губы еще шевелились, произнося слова, но вокруг меня уже словно образовался вакуум, не пропускающий ко мне любые звуки. Тряся головой, стараясь прогнать эти неприятные ощущения, не заметила, как, ухнув вниз, в разверзшийся под ногами проем, в ту же секунду распахнула глаза, проснувшись.

Я лежала на давно не мытом полу, из-за чего комната казалась нежилой. Всю мебель покрывала белая защитная ткань, ставшая серой в результате скопившегося слоя пыли. Как я здесь оказалась, а главное, где я?

Стараясь ступать как можно осторожнее, чтобы не поднимать в воздух стелящиеся в углах и лежащие в складках ткани клочья мохнатой пыли, двинулась по комнате. В слабом свете, падающем сквозь прорези в портьерах, серебром блеснула дверная ручка. Взявшись за нее, повернула и подергала. Слабый щелчок замка и скользнувшее змейкой отчаяние. Закрыто.

Вновь закрутила головой, озираясь по сторонам в поисках иного выхода. Выход обнаружился, но не совсем таким, как я представляла. За темными портьерами, закрывающими собой всю стену целиком, нашлось небольшое окно, выходящее на крышу. Выглянула. Звезды тускло подмигивали с неба, из-за облаков нехотя выглядывала луна.

Открыв его, я перекинула ноги и несколько минут сидела на подоконнике, собираясь с духом и вспоминая те пару раз, когда я оказывалась на крыше многоэтажки. Впервые это случилось скорее от одиночества и желания побыть одной в тот самый год, когда не стало мамы, второй — несколькими годами позже в компании друзей. С того, первого, раза подобные места стали вызывать грусть и чувство одиночества. Легко соскользнув на шершавую черепицу босыми ногами, встала и осторожно пошла по карнизу.

Осмотревшись, поняла, что я каким-то образом попала в закрытую комнату в доме Алекса. Стоило насторожиться и позвать на помощь, но вместо этого дошла до середины крыши, сев. Это сон? Ветер усиливался, принося с собой запах дождя. Я поежилась, только сейчас заметив, что по-прежнему одета только в одну ночную рубашку, развевающуюся и раздувающуюся на ветру, точно парус.

Словно специально, подсознание щедро подбрасывало счастливые воспоминания из детства. По щекам потекли беззвучные слезы. Когда тело начало трясти от холода, я обхватила себя руками в жесте, полном обмана, не греющем, а лишь создающем иллюзию.

— Надеюсь, я здесь не случайно, — одними губами промолвила я, притянув к груди колени и обняв их, — в худшем случае я стремлюсь вернуться в уже чужой для меня мир.

Стерев высушенные ветром дорожки слез, встала на карнизе, закрыв глаза, и развела руки. До чего реалистичные ощущения, наверное, забыла закрыть в комнате окно. Ветер колыхал волосы, с силой откидывая их то в одну, то в другую сторону, забираясь под легкую ткань. Такое чувство, будто летишь над бранным миром. Страны, города, люди — больше не имеют значения. Только свобода... восторг в душе.

Чья-то рука осторожно сомкнулась на моем запястье. Вздвогнув, я распахнула глаза.

— Слезай! Ты же можешь упасть! — взмолился Алекс, странно было слышать в его голосе такую явную тревогу.

— Я и не думала, — затаившаяся усталость вылилась вместе с этими словами наружу. — В этом месте время останавливается и кажется, что весь мир у твоих ног, отчего же он представляется теперь таким ненужным? — я улыбнулась пустоте, в глазах мелькали искорки безумства. — Эмоции правят людьми, без них мы пустые оболочки.

Первые тяжелые капли дождя упали на землю, в лунном свете кляксами блестя на темной крыше. Алекс поднял голову к небу, наверняка видя там что-то свое, недоступное человеческому взору.

— Погода портится, пойдем в дом, — Алекс посмотрел не вниз, а вдаль, туда, где соединялись воедино земля и небо. Я не спеша сделала шаг к нему навстречу, балансируя над пропастью.

— Тебе здесь неуютно? — желая поддеть его специально пошатнулась. Только во сне или в опьянении, можно быть такой бесстрашной и глупой. Вот только когда я успела выпить бокал-другой, позабыла.

— Ты играешь со смертью, и ни к чему хорошему это не приведет, — пальцы Анатоля крепче сжали мои.

Порыв ветра, подувший в нашу сторону, отбросил мои волосы ему на лицо, скрыв друг от друга наши глаза, ослепив. Я пошатнулась, потеряв зрительный ориентир, в ту же секунду оказалась прижатой к его груди. В первый раз я уловила исходящий от него запах свежести, точно ощутила горный воздух. Захотелось уткнуться ему в грудь и вдохнуть глубоко, так, чтобы все тело пропиталось этим запахом. Тут же испугавшись нахлынувших чувств, уперлась руками, отстранившись.

— Пойдем. Но ты так говоришь, будто видел смерть в лицо, — поддразнила я, только после сказанного поняв, насколько близка к истине.

Он нахмурился, слишком сильно сжав мою талию. Охнув от неприятных ощущений, последовала за ним.

— До чего любопытное создание, сующее нос, куда не следует, — с холодком в голосе заявил он.

Мы быстро дошли до окна, и Алекс помог мне спуститься с подоконника в мрачное помещение. И пройдя по комнате коснулся одного из накрытых предметов, потянув ткань, скидывая ее на пол. В лунном свете отчетливо стало видно пыльное облако, мельчайшими частицами кружащееся и поднимающееся вверх. Вдохнув наполненный пылью воздух, не удержалась, чихнув.

— Знаешь, весь этот хлам, — это единственное, что связывает меня с прошлой жизнью. — Алекс с любовью, едва касаясь кончиками пальцев, провел по верху изящного трюмо. — Оно стояло в комнате моей мамы, — и, потянув за ручку, подцепил из ящика кольцо с зелеными камнями. — Она любила украшения и умело подбирала их к случаю и платью, — ожерелье с глухим звуком соскользнуло назад, ударившись о такие же покинутые женские мелочи.

Я окинула прояснившимся взглядом небольшое помещение. Платяной шкаф, большое овальное зеркало, несколько пуфиков, стол с разбросанными на нем вилками и ложками. Все предметы дышали прошлым.

Пройдя мимо меня, он открыл дверцы шкафа, и взору предстали висящие на вешалках женские платья непонятного, припорошенного годами одиночества цвета. Даже сквозь серый налет на ткани проглядывали цветы.

— Одежду, украшения и еще несколько мелких вещей я выкрал тайно после переезда сюда. Отец не позволил забрать ничего ценного, прибрал к своим рукам все имущество.

Не зная, что говорят в таком случае, я молчала, слушая, как Алекс приоткрывает для меня тайны своего прошлого.

— Мама считала, что каждого человека ведет судьба, и всегда будет так, как задумано ей. Ведь это глупости? — он наконец развернулся ко мне, и потревоженные воспоминания засверкали в черных глазах.

— Каждый решает сам, во что верить.

— Я считаю, что полностью доверяться судьбе просто глупо. Я видел это на примере моих родителей: они не пытались жить вместе, а просто сосуществовали в параллельных мирах. Тогда я этого не понимал. Думаю, как и все дети, просто боготворил их, веря словам, стараясь заслужить их любовь. А потом сказка рухнула, окунув меня в дерьмо под названием «жизнь».

Он с силой захлопнул двери шкафа, и облако пыли окутало его силуэт. Из-за потрясения от услышанного и открывшихся детских переживаний по щекам побежали слезы. Захотелось крикнуть, чтобы он прекратил и не бередил душу, но я молчала, беззвучно оплакивая прошлое.

— Знаешь, я и сейчас продолжаю бороться с желанием отдаться на волю судьбы, в такие моменты перед глазами встает лицо матери, полное радости, за которой таится беспросветная грусть, и заставляю себя идти вперед. Извини за откровения, — окрепшим голосом сказал он. — Но когда я увидел, как ты можешь глупо погибнуть, я разозлился. Надеюсь, из-за этого не причинил тебе боль?

Заведя за спину правую руку и придержав саднящее запястье, попыталась скрыть причиненное увечье. Этот жест не укрылся от Алекса и, пока он осторожно касался моей руки, поглаживая, я совершенно забыла, о чем только что шла речь.

Проводив меня до моей комнаты, он остановился в нерешительности, все же добавив:

— Побереги себя; а если станет совсем плохо, то вспомни о родителях, они готовы ждать своих детей хоть всю жизнь. Неужели ты уже отчаялась вернуться домой?

От этих слов меня прошиб пот, мышцы ног задрожали, и мне пришлось облокотиться о стену.

— Ты побледнела, тебе нехорошо? — услышанные слова застряли в голове, беспрестанно повторяясь, подобное выводило из равновесия и пугало. — Тебе лучше отдохнуть. И больше не тревожь покинутые людьми комнаты.

Он вновь улыбнулся краешками губ, проведя тыльной стороной руки по моей щеке, в ответ я лишь растерянно кивнула, машинально покрутив на указательном пальце левой руки кольцо.

В таком непонятном состоянии я и зашла в комнату и лишь спустя несколько минут одиночества недоуменно посмотрела на неизвестно откуда взявшееся кольцо, плотно обхватившее палец. Дело в том, что кольца я никогда не носила, и вот этот экземпляр на моем пальце вызывал неподдельное изумление.

Крошечные красненькие камушки поблескивали по всей окружности, напоминая капельки свежей крови. Сняв его, чтобы лучше рассмотреть, пригляделась и дернулась словно от удара тока.

В голове эхом зазвучали последние слова старика из сна, заглушаемые до этого моим же сознанием:

— Жду тебя на прежнем месте не позднее чем через неделю. А это, — и его морщинистая рука кинула в мою сторону кольцо, — чтобы не приняла увиденное за сон.

Кольцо выпало из моих ослабевших рук, звонко ударившись о пол, и закатилось под кровать. Я обессиленно осела на пол.

— Неделя, у меня есть одна неделя, а что потом? — страх, казалось, проникал из самого сердца, вытягивая свои клейкие щупальца, обнимая, заворачивая попавшуюся жертву.

Мысли рвались то в одну, то в другую сторону, пытаюсь предугадать возможный исход встречи, но сознание словно заледенело, не давая подпитки для развития сюжета. Рука сама собой куда-то потянулась, и через считанные секунды в ладонь больно впился ободок кольца, пальцы с силой сжимали его, боясь вновь потерять, как самую большую драгоценность.

Когда я очнулась, сумев избавиться от сковавших меня точно заклинание слов, за окном зарождался рассвет.

Я так хотела покинуть это место, так рвалась прочь отсюда, словно из клетки, а утраченная свобода ждала меня там, за сотню лет, в будущем. И когда появился шанс, сомнения не покидают меня, а сердце переполняет тоска.

Я заходила взад-вперед по комнате, пытаюсь понять причину этого. Взгляд скользнул по столику, на котором стояла стеклянная ваза с нежными цветами, отдаленно напоминающими розы. Застыв, уставилась на очередной знак внимания. Невольно приблизилась, желая вновь ощутить легкий аромат цветов, и, ошарашенная прозрением, прошептала только имя. Энджил. В голове отчетливо зазвучали слова признания, и я невольно всхлипнула, разрываема противоречивыми чувствами. Насколько бы все было

легче, вернись я домой до знакомства с ним. А сейчас мне так не хочется потерять его. Я заметалась еще сильнее. На одной чаше весов папа, друзья, привычная жизнь с перспективами на будущее, на другой Энджил. Девушке в девятнадцатом веке еще мало что позволено, поэтому единственное, что меня тут ждет, — дети и редкие вылазки на светские мероприятия. Такая жизнь точно не для меня.

Решительно вернув на палец кольцо, вызвала служанку. К моему удивлению в комнату вошла совершенно не знакомая мне девушка с подносом, на котором стояли чайник с кружкой и вазочка с печеньем. Она чуть дергано поклонилась.

— Я тебя раньше не видела, — удивилась я, недоверчиво оглядывая опустившую взгляд служанку.

— Я новенькая, — и она зевнула, повернув голову в сторону.

Пожав плечами, по сути, пусть поможет, раз другие заняты, а вечером попрошу Алекса, чтобы ко мне приходила прежняя девушка. Мы с ней вроде как нашли общий язык.

— Может, желаете чая? — она слишком поспешно поставила поднос на столик и схватила чайник.

Отрицательно покачала головой, пить хотелось не сильно.

Пока собиралась, девушка успела зевнуть бесчисленное количество раз. От ее вида саму стало клонить в сон, чтобы взбодриться, потерла лицо руками. Так странно. Но к концу сборов девушка уже едва передвигала ноги. Неужели Алекс настолько загонял прислугу, что она готова уснуть во время работы?

Мельком оглядела свое отражение: темно-синее платье, распущенные волосы, слегка уставший вид, бывало и лучше, но затягивать время сборов не хотелось.

— Позвольте, я застелю постель и приберусь?

Нахмурилась: речь, как и движения помощницы с момента ее появления стали заторможенными. Прислужница по-прежнему смотрела в пол, избегая прямого взгляда. Оглядев комнату — а стоит ли вообще прибираться или отослать ее, — поймала взглядом наполовину распустившиеся бутоны в блестящей на свету вазе. Сердце вновь екнуло, ускорившись и быстро кивнув служанке, я заторопилась на поиски моего Ангелочка.

Преодолев лестницу, остановилась возле гостиной, только сейчас обратив внимание на давящую тишину во всем доме. Нервно дернулась. Воспоминания ожили и шипящими змеями оборачивались вокруг моего тела, ядом скользя по коже.

— Есть кто? — слишком тихо, почти шепотом произнесла я, сомневаясь, что мои слова вообще мог кто-либо услышать. Тревога, зародившаяся еще в комнате, сменила вектор направления, резко начав усиливаться.

Нахмурившись, постаралась припомнить, планировал ли на сегодня Алекс отпускать слуг, но мне все больше казалось, что эта странность вновь не случайна. По телу пробежала нервная дрожь и, услышав из левой части дома приближающиеся шаги, не помня себя юркнула в столовую, спрятавшись за штору.

Подоконник больно уперся мне в поясницу, сжав его прохладный край, затаила дыхание. Звук шагов ускорился. Теперь они стучали часто, отбивая тревожный ритм рядом с комнатой. И вот в тишину ворвалось глубокое сопение, казалось, вошедший втягивал носом воздух, принюхиваясь.

Топорщащуюся штору скрывал шкаф с сувенирной посудой и статуэтками, но стоит пройти от входа левее, и неприлично торчащая ткань непременно привлечет внимание. Осторожные шаги затихли, приглушенные ковром, сейчас мне оставалось только гадать, в

каком направлении движется человек.

От затаившегося ожидания мышцы начало сводить и трясти, от неприятных ощущений тело дернулось сильнее. Я прикусила губу, надеясь, что колыхание ткани вышло не столь заметным со стороны.

— Выходи, я тебя нашел! — вкрадчивый голос резанул тишину, разрывая ее в клочья. — Мы одни в доме.

Зажав рот рукой, чтобы не вскрикнуть, закрыла глаза на секунду став маленькой девочкой, верящей, что если ты никого не видишь, то и тебя не заметно. Жаль, что это чудесное время, наполненное наивными и глупыми мыслями, осталось далеко позади.

— Хватит прятаться, — с этими словами шторы отдернули, и я чуть не запрыгнула на подоконник от пожирающего меня взгляда.

— Эдвард? Что ты здесь делаешь? — как бы я не старалась, голос сорвался на писк, да и мои жесты говорили красноречивее слов. — Где все?

— Спят, — спокойно протянул он. — Знаешь ли ты, что после чая клонит в сон?

Я, делая небольшие шаги, сместилась в сторону, обходя его. К моему удивлению, Эдвард не препятствовал, лишь не сводил прищуренных голодных глаз.

— Где Энджил? Что ты с ним сделал? — меня начало заметно колотить от страшных мыслей, которые с радостью предоставляло воображение.

— Все спят. Не хотел, чтобы нам кто-то помешал.

Наконец между нами оказался круглый столик с одиноко стоящей кружкой.

— Что тебе надо?

— Мечь, — гремучей змеей прошипел он. — Из-за тебя погиб мой двоюродный брат, мы были близки с детства, — Эдвард оскалился в подобии улыбки. — Жалкий мальчишка подумал, что любовь сможет преодолеть все. Вижу по твоему лицу, что ты даже не понимаешь, о ком я. Этот глупец проиграл, та, ради кого он перестал дышать, забыла о нем, — от резкого удара кулака о столик я вскрикнула и, схватив стоящую кружку, метнула в его сторону.

Он ловко отбил ее, бросившись вперед, фарфор разлетелся осколками, глухо застучавшими о пол. Протяжно застонав, кофейный столик полетел в стену. Подскочив от неожиданности, завизжала и, чуть не растянувшись на ковре, успела броситься в сторону, создавая между нами новую преграду. Сейчас ей стал обеденный стол.

Хитрая улыбка мелькнула на лице:

— Мы совсем одни, кричи и зови на помощь сколько угодно!

— Ты с ума сошел?! Наверху служанка, — выпалила я. — Что тебе нужно?

— Думаю, она уже спит, — и он засмеялся, довольный собой.

Эдвард метнулся вправо, мне хватило ума не попасться на его обманный маневр.

— Я долго выслеживал тебя, изучая до малейших деталей, — Эдвард облизнул пересохшие губы. — Хотел расквитаться с тобой сразу, но ты оказалась живучей, а потом немного увлекся. Помнишь случай с взбесившейся лошадью?

Ошарашенно уставилась на него, отказываясь верить в столь резкую перемену. Человек передо мной и тот, которого я видела раньше, казались братьями-близнецами. В голове не укладывалось, что это один и тот же безумец.

— В наши встречи ты казалась просто милой, но в тот вечер, когда на тебе была мужская одежда, ты выглядела очень притягательно и необычно, — не обращая внимания на мой шок, продолжал он. — Думаю, сперва, немного поиграю с тобой.

Захотелось, чтобы небольшой камин за его спиной превратился в жуткое чудовище и, разинув свою черную пасть, поглотил обидчика. Пока я отвлеклась, он быстро расстегнул пиджак, не глядя откинув его в сторону и ловко запрыгнул на стол.

Не ожидая подобного маневра, замешкалась, застыв напуганным зайцем, а придя в себя, кинулась к двери. Это промедление стоило мне дорого, да и пышная юбка совершенно не помогала, цепляясь за стулья и дверной проем, когда я неаккуратно пыталась вписаться в него, сбивая забытые на полу вазы. Слышала, как он, выругавшись, перемахнул через спинку дивана, шаги заглушил мягкий ворс. Я так и не осмелилась обернуться, пытаюсь как можно быстрее выбежать на улицу.

Эдвард догнал меня уже у выхода из дома и почти впечатал в стену, сжал обе руки в одной своей, у меня над головой. Губы болезненно впились в мои. Не желая терпеть это унижение, я приоткрыла рот, цапнув его за нижнюю губу. Эдвард зарычал, разжав руки, прилетевшая следом пощечина оглушила, отозвавшись звоном в ушах. Ошеломленная и потерявшая опору, рухнула ему под ноги.

— Эти двое ничем не лучше меня! — сплюнув кровавые слюни, дернул за волосы, заставляя подняться на ноги и, перекинув мое обмякшее тело через плечо, понес в сад.

Меня парализовал страх, голова опустела, я даже и не вспомнила, что сама стремилась на улицу в поисках защиты. Почти уронив меня на траву, он выпрямился, даже не думая скрываться. Шок исчез так же внезапно, как и появился. Словно кто-то нажал кнопку на игрушке, перегрузив систему. Я дернулась назад, пытаюсь отползти прочь. Он не позволил, наступив на ткань платья, а блеснувший в его руке нож заставил вновь застыть на месте, не сводя расширившихся глаз с опасного предмета.

Дыхание перехватило, липкий страх пополз по мне медленной улиткой. Эдвард вновь злобно усмехнулся, покрутив в руке нож, лезвие красиво сверкнуло в тусклом свете собирающегося отправиться на покой солнца.

— Жаль, что не захотела по-хорошему, тебе могло понравиться, — он наклонился, схватив ткань юбки, и резко полоснул по ней вверх. Раздался неприятный треск. Следом такая же участь постигла и нижние юбки.

Я лихорадочно соображала, ища выход из этого безумия. Лишняя ткань нижних юбок теперь грудой тряпья валялась рядом, и синее платье бесформенно покоилась поверх ног.

Эдвард пробежал пальцами по виднеющейся из разрезанной ткани коже и нервно облизал губы, убирая нож.

— Так-то лучше, — я, брезгливо поморщившись отдернула ногу. Его угрожающе злобный ответ с хорошо читаемым подтекстом не заставил себя ждать. — Энджил и Анатолий какие-то особенные, что им можно? Вы целовались со светловолосым в воде и ведь не только целовались, да?

Приоткрыла рот пораженная его высказыванием, ведь кроме одного человека об этом не знал никто.

— Значит, это все-таки правда. Я думал, Лилит опять врет. Не представляешь, сколько усилий потратил, чтобы втереться ей в доверие, — данное развитие событий его явно устраивало. — Ты живешь с двумя мужчинами, если я стану третьим, от тебя не убудет. А если будешь хорошей девочкой, то, возможно, проживешь дольше, чем я планировал.

Его пальцы до боли вдавились, обхватив запястье, грубо дернув наверх. Найкер прижал меня к дереву, переплетение объемного рисунка коры чувствовалось даже через корсет. Губы Эдварда скользнули по шее, оставляя влажный след. Меня передернуло от отвращения

и, уперев свободную руку в грудь мужчине, попыталась хоть немного оттолкнуть его. Резко отстранившись, он сжал мои щеки и с животным напором поцеловал, лишая меня любой возможности уклониться от поцелуя. Разорвав поцелуй со смачным чмоком и устремив свой безумный, слегка затуманенный желанием взгляд на меня, выплюнул:

— Дура. Все вы одинаковые, — он резко провел ногтями по нежной коже шеи, оставляя красные полосы, от чего колючие крупинки боли скатились по коже к моим ногам. Все это время наши взгляды: его — торжествующий и мой, взгляд кошки, которую загнала в тупик свора собак, были прикованы друг к другу. — Ты точно ведьма! Я и не заметил, как стал думать о тебе каждый день. Разве возможно обычной девчонке очаровать столько мужчин? Даже тот дурак, которому на последнем приеме отдала ноги, весь вечер искал тебя, — он приглушенно рассмеялся, наклонившись ближе, я замерла, боясь вдохнуть. — Твои глаза приобрели цвет грозового неба, в последний раз они были голубые. Как такое возможно?

Я молчала, не зная, что ответить на его обвинения.

Он усмехнулся и облизав в предвкушении губы поставил ноги шире, заняв более устойчивое положение и уперся руками о дерева, заключая меня точно в каменную башню, наклонился ко мне. Я вся сжалась. Чувство беспомощности и страх попавшего в силки зверька овладели разумом, а его глаза, светившиеся превосходством, не давали отвести взгляд.

Кар, кар-р. Голос огромного черного ворона прервал затянувшуюся тишину и отчаянно хлопая крыльями птица полетела в сторону дома. Эдвард даже не повернул головы, а я, вздрогнув, втянула голову в плечи, опустив наконец взгляд. Чужое прерывистое дыхание перешло в нетерпеливое сопение и обжигающее тепло коснулось кожи и в этот момент мозг вновь включился. Мысль еще формировалась, а тело уже среагировало и выдох боли дал понять, что мое колено попало в цель.

Он опустился возле моих ног тщетно пытаясь говорить, но лишь злобно рычал. Получив свободу, сделала шаг, от пережитого ужаса ноги ослабли, и я оперлась рукой о дерево сделав несколько глубоких вдохов и бросилась прочь.

Не помня себя, я кинулась к дому, почти сразу наступив на ткань подола — платье, потеряв форму, стало слишком длинным — и кубарем пролетев по песчаной дорожке. Кривясь от боли и вытирая беспрестанно бегущие слезы, подобрала подол, наконец-то переступая порог.

Дом встретил мертвой тишиной, словно тонущий в сумраке корабль.

И что теперь? Необходимо продержаться еще около часа до захода солнца, надеясь на приход Алекса. Нужно спрятаться, забиться в самый дальний угол.

В панике огляделась. Тратить драгоценное время и бежать наверх не имела смысла. В гостиной, столовой, библиотеке месь, чтобы укрыться почти не было. Понимая плачевность своего положения до боли сжала руки. И тут взгляд потонул в небольшом темном коридоре уходящим под лестницу и сердце сжалось так сильно, точно его сдавили до размеров грецкого ореха. Туда! Скорее!

Из последних сил доковыляв до знакомой двери, закрыла ее изнутри, повернув оставленный в замке ключ. Израненная кожа шеи зудела и чесалась, словно по телу бегали сотни муравьев, болезненно ныла на окровавленных руках и коленях. Нервно, резкими движениями, я растерла кожу, стараясь избавиться от этого сводившего с ума ощущения, но лишь размазала сочившуюся из ран кровь.

Я была насквозь пропитана чужим запахом, а прикосновения ощущались с такой

реальностью, что я невольно огляделась кругом, ожидая увидеть перед собой Эдварда. Но взгляд наткнулся лишь на Энджила, лежавшего на кровати в полусумраке задернутых штор. Кисти рук покоились на животе. Мир неожиданно замер, став черно-белой, молчаливой картинкой. Ноги подогнулись, и я шлепнулась на пол, зажав рот рукой, сдерживая крик. Воспоминания, когда я видела в последний раз безжизненное тело мамы, заструились по телу раскаленной лавой. Кошмар детства встал перед глазами отчетливее реальности.

— Энджил, — позвала я шепотом, — пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

Боясь получить подтверждение своих мыслей, не смела приблизиться, а только вжалась в двери, уткнувшись лицом в колени.

«Он мертв, он мертв», — звучало в голове все отчетливее.

Сквозь поток черных мыслей я слышала громкий голос Эдварда, разносившийся во всех частях дома. И неожиданно вскинула голову, удивленная сверкнувшей надежде. А ведь в саду он что-то говорил по поводу Энджила. Что же? Обхватив голову руками, я сдвинула брови, пытаюсь вспомнить, но мысли, точно перепуганные воробьи, попавшие в клетку, метались не желая замирать ни на секунду. Не получается. Я начала раскачиваться из стороны в сторону, пытаюсь убаюкать собственную беспомощность.

А в голосе Эдварда все отчетливее проступала злость. Послышался грохот падающих предметов и выкрикиваемые проклятья. Для меня это были просто угрозы без смысла, слова ровным потоком сливались гулом в голове, разобрать который не стоило и пытаться.

Резкий удар в дверь, к которой я привалилась, находясь на грани обморока, и собственный вскрик. Запоздало зажала рот, понимая, насколько глупо выдала себя.

— Открывай по-хорошему! — взревели за дверью.

Сердце забилося сильнее. Попыталась убрать упавшие на лицо волосы и с удивлением уставилась на трясущиеся руки.

— Какая же ты живучая, я решил, что в третий раз тебе не повезет, — новый удар, в этот раз дверь жалобно застонала, готовая сдать. — На лошади ты удержалась, даже нанятые нами с Лилит наемники не смогли тебя прикончить. Все надо делать самому.

Он разбежался, ударив с разбегу, затрещав, дверь наклонилась, повиснув на одной петле.

— А вот и я, — последние усилие, и Эдвард шагнул в комнату. Я отползла к кровати, сил встать не осталось. — Сейчас ты ответишь за загубленную жизнь моего брата и за сводящие с ума мысли о тебе. Я тебя уничтожу, и ты потеряешь власть надо мной! Но сначала... — Не закончив фразу уголки его губ дернулись. Grimаса, отразившаяся на лице Эдварда, больше походила на оскал голодного волка.

Стремительно оказавшись рядом, он навалился сверху и придавил всем весом к полу, впился в шею, больно укусив. Я кричала, молотя по его спине, но Эдвард лишь резко рассмеялся моим жалким попыткам, дернув за волосы, запрокидывая голову, заставляя от боли забыть о сопротивлении. Словно желая выпить из меня всю жизнь, припал к губам, в отместку укусил до крови. Неприятный привкус заполнил рот, начало подташнивать.

От желанья черты его лица стали более резкими, балансируя на грани уродства. Он сел сверху, разрывая на груди платье. Я не сопротивлялась, силы покинули меня от понимания — мне не справиться, застилающие слезы превращали все вокруг в размытые силуэты.

Отстраненно почувствовала, как давящий вес исчез, затем удар и крик боли. Тело сжалось, с запозданием приходило понимание, что кричу не я. В поле зрения остекленевших, затуманенных болью и отчаянием глаз попала завернутая в темный плащ

фигура Алекса. Он за шкуру вытолкнул извивающегося и кричащего от боли Эдварда, послышался жуткий грохот считающего ступени тела. Наступившая после тишина давила на уши.

Алекс опустился рядом, я, по-прежнему замерев, лежала на полу, не делая даже попытки подняться.

— Все будет хорошо, — в этот момент перед собой я увидела такое участливое выражение лица, что не смогла сдержаться — разревелась навзрыд.

Алекс обнял меня, я прижалась к нему, схватившись руками, словно он был единственным спасением. Он гладил меня по волосам и спине, беспрестанно шепча на ухо, что все будет хорошо.

— Не оставляй меня больше одну, — едва смогла произнести между разрывающих горло всхлипов.

Слезы текли по щекам, все тело сотрясалось. Шмыгнула носом, чувствуя себя беспомощной как никогда. Анатолий осторожно повернул мое лицо за подбородок и прикоснулся к моим губам, провел языком, слизывая слезы. От удивления приоткрыла рот, отчетливо почувствовала солоноватый вкус слез, смешанный с кровью. От этого мимолетного и нежного прикосновения очнулась, почти физически испытав чужое желание защитить. Его объятия подарили мне спокойствие, укутывая мое озябшее от страха тело в мягкий плед внутреннего умиротворения. Я прикрыла глаза, желая продлить и усилить эти ощущения. Алекс словно нехотя отстранился. Совершенно не понимая, зачем он меня мучает, и, не соображая, что делаю, потянулась к нему навстречу, целуя в ответ.

— Отдохни, — шепнул спокойный убаюкивающий голос, меня начало клонить в сон.

Постепенно пропало ощущение влажных дорожек на щеках, пропало все. Я затерялась в подаренном мне сне.

Глава 3

Как оказалась в комнате, разделась и легла в постель, совершенно не помню. Меня разбудили шорохи и шаги в коридоре. Открыв глаза, бесцельно уставилась в полумрак комнаты, наблюдая, как из-под штор просачивается едва различимый солнечный свет. Сколько я спала? К сожалению, я получила ответ на совсем другой, невысказанный вопрос. Мысли удовольствием предоставили осколки вчерашнего бегства. Я сжалась в комок, мелкая дрожь прошла по телу. Зубы застучали, выбивая ритм нарастающей паники. Вытерла холодный пот и до самых глаз натянула покрывало.

— Думай о хорошем, — твердила я себе, стараясь перевести мысли в положительное русло, и едва не упала с кровати. — Энджил!

Скинув одеяло и резко дернув шторы, позволяя свету заползти в комнату, накинула голубой бархатный халат и, не тратя драгоценного времени, босиком выскочила в коридор.

Пока я бежала по лестнице, внизу мелькнул силуэт замершего от удивления слуги. Плевать, пусть думают что хотят. Поворот, коридор, и, распахнув дверь, маленьким цунами влетела в хорошо знакомую комнату. Сразу беспокойный взгляд зацепил Энджила. Его руки застыли, позабыв о не застегнутых пуговицах.

Казалось, вздох облегчения отнял все силы, и, тяжело привалившись к двери, я схватилась рукой за железную ручку. Ноги дрожали, слабость с потоком крови разливалась по всему телу. Смахнув со лба выступивший от перенапряжения пот, я, не в силах больше стоять, осела на пол.

— Прости, — голос, перемешанный с болью, заставил поднять глаза. — Похоже, я опять не смог тебя защитить.

Его пальцы продолжили безрезультатно возиться с пуговицами, а глаза, полные боли и презрения к себе, прикрыли ресницы. Я поежилась, уставившись на него, ощущая, как влажные дорожки вновь бегут по щекам и тяжелыми каплями исчезают в складках ткани.

— Ты зря пришла в таком виде, тебя могли заметить, — мое лицо дрогнуло и это не укрылось от Энджила, он нахмурился, — я разберусь с этим. Ты можешь встать?

Я кивнула, сама не до конца уверенная в этом. Подняться удалось с трудом, тело не слушалось, точно я пробежала многокилометровый марафон, а не спала без сновидений в кровати.

Я устало потерла глаза. Сколько же я спала в действительности, раз сил уже не осталось? Вместо интересующего меня вопроса поднялась и в замешательстве окинула свой неподобающий вид, быстро отвернулась, запахивая полы халата и завязывая безжизненно болтающийся пояс. Едва завершив процесс, протянула руку, проводя по новой белой двери. На фоне нее кровавыми семенами граната блеснули камни, обхватывающие палец. Взгляд остекленел. Вновь услышала голос старика, бесконечно повторяющийся, напоминающий о нашей скорой встрече.

— Алекс заменил ночью, — слова Энджила заставили очнуться. — Ты пришла в мою комнату в поиске защиты...

Он не договорил, я слишком резко перебила его речь:

— Нет. По крайней мере это не вся правда, — сглотнув подступивший к горлу ком, обвела контур замочной скважины, от которой приятная прохлада успокоительной волной разливалась по телу от самых кончиков пальцев. — Я испугалась... за тебя, а когда увидела неподвижно лежащего на кровати, подумала... — голос прервался, слова застряли в горле, боясь быть произнесенными.

Даже услышав шуршание колес, не сразу смогла повернуться, быстро моргая и пыталась прогнать непрошеные слезы. Звук затих, и его руки обхватили меня. Ахнув от неожиданности, замерла, стараясь собрать осколки разлетевшегося разума. Прижавшись лбом к моей пояснице и слегка поглаживая руками мои ноги, он вымолвил:

— Прости, что заставил волноваться, — в голосе слышались плохо скрываемые чувства. Немного повозившись, Энджил развязал голубой пояс и замер, предоставляя мне выбор. Я не шелохнулась. Тогда он нырнул под бархатную ткань халата и осыпал поцелуями. Даже через тонкую ночную рубашку прикосновения его губ обжигали кожу. Забыв, как дышать, я стояла растерянная, тающая в мужских объятиях. — Я люблю тебя.

Он меня любит! Его слова теплым бризом ласкали слух, проникали в кровь, растворяясь в ней, зажигая каждую клеточку тела, заставляя проснуться дремлющие желания. Я растворялась в них, лишаясь себя, теряя разум в биении сердца.

— Можно я останусь? — голос дрогнул, произнесенные слова оказались большой неожиданностью даже для меня. Его прикосновения тут же пропали, он нахмурился, словно и сам не ведал, что творил. — Можно? — робко, едва различимым полусшепотом вымолвила я. Не удивлюсь, если он просто не услышит.

Молчание затянулось и, поборов смущение, мельком кинула взгляд в его сторону. Странное выражение лица сменилось мягкой полуулыбкой.

— Оставайся, — на его ресницах блестели сверкающие слезинки, взгляд с мольбой и трепетом смотрел прямо в душу.

Боль и радость от его слов ударила в самое сердце, прерывисто вздохнув, повела плечами, скинув мешающийся халат, и опустилась перед ним на колени.

Что я делаю? — мелькнула мысль, бесстыдно растворяясь в разрастающемся вихре чувств.

— Я ничего не прошу взамен, просто будь рядом, — его пальцы переплелись с моими волосами, и эти простые ласки стали самыми волшебными мгновениями в этом времени.

Его шепот и сбивающееся дыхание хотелось слушать вечно. Мои руки сплелись за его спиной, пальцы затронули безразличный к чувствам металл, стягивая его с пальца.

Я стояла возле калитки нашего садового участка, скрючившись от холода. Вместе с ледяным ветром с ветвей осыпалась колючая изморозь, а изо рта, разрывая пространство, шел пар. Как я здесь оказалась в летнем платье? Потом разберусь, сейчас главное попасть в дом и переодеться. Не гнущиеся от холода пальцы едва справились с щеколдой, запирающей калитку. Оказавшись возле входной двери, нащупала спрятанный под столиком запасной ключ и уже вставила в замочную скважину, когда услышала крик о помощи. Кричал отец. В этот миг мир заледенел вместе со мной, а собственный голос разлетелся над садом испуганными птицами.

Я заметалась по участку, поскользываясь на мокрых дорожках и опавшей листве, царапая руки об обнаженные пики веток, не находя источника звука. От страха и собственной беспомощности перестала чувствовать царивший вокруг холод, только голос, родной и любимый, продолжал молить о помощи.

Первое, что я почувствовала после пробуждения — намокшую под щекой подушку, влажные щеки и волосы. Соскользнув с гладкой простыни, подошла к окну, остановившись.

— Куда ночь туда и сон, — за окном чернота давно съела краски дня. — Боже, что я несу? Уверенность, что это не просто дурной сон, усиливалась с каждым вздохом. Пугающий крик о помощи все еще резал сознание. Это не может быть просто сном. Что-то случилось! Вера в этом крепла. Обхватив голову руками, тихо застонала. Страх завладел мной. Тягучие мысли связывались в прочные петли понимания — я сделаю все, чтобы вернуться к папе, и даже Энджил не удержит меня! Решимость пронзила насквозь, отчего одна из нитей натянулась, порвавшись. Ухнув вниз, она увлекла с собой надежду на счастье с Энджилом.

Сегодня. Все узнаю сегодня, иначе сойду с ума. Поспешно задернула шторы, бросив растерянный взгляд на руку. Его нет! Занервничав еще сильнее, опустилась на пол, пытаюсь вслепую нашарить выброшенное кольцо, чтобы вернуть его на палец.

Торопливо надев ночную сорочку и завязав халат, с опаской оглянулась на кровать. Энджил улыбался во сне, притянув и обняв подушку. Пряди волос закрыли часть его лица; повинувшись внезапному порыву, подошла, осторожно зацепив их кончиками пальцев. Как ты прекрасен! Но попавшее во взгляд колечко заставило дернуться от болезненно сжавшихся внутренностей. Кровавые камни напомнили о тревогах и ускользающем времени. Моргнула, не удержав слезы, они напуганной змейкой заскользили по щекам, капая с подбородка.

Стиснув зубы, вспомнила столько раз повторенные Энджилом признания, сжала зубы, стараясь не закричать. Агония змеиным ядом мчалась по венам, причиняя невыносимую боль. Потерявшись в этих чувствах, постаралась выровнять дыхание и вернуться к реальности.

Голубые глаза, наполненные любовью и тревогой, волны золотистых волос, как же мне вас будет не хватать... Потянув, осторожно развязала ленту, и освободившись, волосы заслонили комнату, словно разделив наши с ним миры.

Когда я оказалась в гостиной, ее освещал только тусклый свет звезд. Шторы колыхались, пропуская в комнату теплый ночной ветерок, плясавший по комнате. Алекс сидел в кресле напротив зажженного камина, наблюдая за двумя порхающими мотыльками. Пламя манило их. Их легкие кружения, взмахи светлых крылышек напоминали танец. Новое вращение, легкая дуга, и один приблизился слишком близко к сверкающему огню, вспыхнув, сам на мгновение став огнем. Второй запорхал, тревожно кружа.

Алекс поднялся с кресла и, оказавшись возле камина, поймал второго мотылька. Бросил горестный взгляд в мою сторону и так сжал пальцы, что судьба насекомого, казалось, была предрешена. Не проронив ни слова, подошел к открытому окну и разжал пальцы. Бабочка, дрогнув крылышками, вылетела в ночь.

Я застыла в нерешительности — увиденное привело меня в смятение — и опомнилась, лишь когда почувствовала прикосновение его руки — он убирал за ухо растрепавшиеся после сна волосы. Не спеша подняла голову, отмечая теплую улыбку и ошеломившую меня грусть в глазах. Алекс замер, точно художник, желающий запомнить ускользающую красоту, и вдруг, расправив плечи и не проронив ни слова, покинул комнату.

Словно на иголках, я провела остаток ночи. Сон не шел, а закрывая глаза, мысленно вновь и вновь прокручивала вылазку в город. Самое главное — это вести себя естественно и не выдать свои намерения глупым поступком или репликой.

Рассвет только начинал распространять свои краски по небу, а я, дерганная и не выспавшаяся, стояла возле окна, взглядом ловя красоту утра. Забавно, столько здесь нахожусь, а это мой первый восход. На моей памяти только несколько ярких закатов, но восход — это другое, он напоминает зарождение жизни.

Увеличивающаяся ярко-желтая полоса с переливом в синий на быстро светлеющем небе гипнотизировала. Моргнула, прикрыв на миг глаза, меня повело, и я едва не упала, на мгновение отключившись. Придя в себя, распахнула окно, запуская в комнату свежий воздух, пытаюсь взбодриться. Впереди меня ждал, возможно, самый желанный день моего пребывания здесь. Невольно вспомнила папу, на душе разлилось приятное тепло, захотелось как можно скорее обнять его, убедиться, что с ним все в порядке.

Пока я торопливо спускалась по лестнице, моя душа уже рвалась прочь, туда, где меня ждал тот загадочный старик в не менее загадочном магазине.

— Ты уходишь? — услышав это, я пискнула от неожиданности, едва не растянувшись.

— Да... Нет... то есть да, — я виновато посмотрела на застывшего меня Энджила, а ведь хотела улизнуть и вернуться к обеду с готовым планом действий. — Решила съездить в город, — и опять неловкая пауза.

Нервно прижав руки к груди, почувствовала усилившееся сердцебиение. Отчего же возникло это поганое ощущение, что предаю его чувства? От этих невеселых мыслей внутренности сжались, отзываясь тупой болью.

— Я постараюсь вернуться к обеду.

Улыбнулась, извиняясь за свой неожиданный отъезд и медля с уходом.

— Я люблю тебя, — замерла по центру коридора, ощутив, как все тело расслабляется и жар от нахлынувших внезапно чувств опалает изнутри. Вспомнила нежные прикосновения, поцелуи, шепот прошлой ночи. Не удержалась, кинувшись к нему. Осмелев, отстранилась (была не была, что я теряю после ночи с ним?), осторожно прикоснулась к губам и тут же

оказалась притянута к Энджилу. От обрушившихся на меня поцелуев, наполненных яркой точно огонь страстью, чуть не задохнулась.

Тело окутало тепло, его руки касались меня, ускоряясь вслед за дыханием. Захватившее нас безумство грозило срывом поездки. Пересилив себя, разорвала поцелуй.

Как же я буду без тебя? Осознание скорой разлуки поразило меня. Открыла рот, почувствовав, как слова, прежде чем превратиться в звук, застряли в горле. Поглубже вдохнула, шепнув:

— И я... люблю тебя, — замерла испуганным зайцем, прислушиваясь к ощущениям.

Взяв за плечи, Энджил отстранил меня, заглядывая в глаза, позволяя увидеть свои, ярко вспыхнувшие мягким голубым светом.

Я очнулась, когда часы отсчитывали седьмой удар.

— Мне пора, — волнение усилилось.

— Буду ждать, любимая, — с придыханием ответил он, нехотя выпуская мою руку.

От услышанного захотелось взвыть, броситься к нему и рассказать все, что творится на душе, в надежде, что он остановит и не придется никуда идти.

— С тобой все хорошо? — не выдержал Энджил, одарив меня точно таким же взглядом, как иногда смотрел Алекс.

Поежилась от замеченного сходства. Неожиданно осознав, что сама цепляюсь за его руку, не отпуская.

— Держи, — он достал из кармана алую ленту для волос. — Сегодня ветрено.

Глаза защипало; еще немного, и от меня точно потребуют объяснений. Сжимая подарок в руке, вышла на залитый тусклым солнцем двор, пряча блеск глаз.

Как долго тянется время, особенно когда мысли, одна тревожней другой, зарождаются в душе, сливаясь и превращаясь в неуправляемое цунами. Я вновь скользнула взглядом по знакомой дорожке, с шуршанием убегающей в сад, в глубине которого притаился, грея свое нежное брюшко, пруд.

Обязательно схожу туда с Энджиллом, когда вернусь, — от этих мыслей стало теплее.

Из отъезжающего экипажа взглянула на дом, улыбнувшись провожающему Энджилу. Кучер ударил хлыстом, и копыта двух запряженных лошадей звонко застучали по уложенному камнем двору. Тревога еще сильнее сдавила грудь: занервничав, я высунулась в окно, желая рассмотреть лицо Энджила, но дом превратился в желтоватую кляксу, на которую наплывали зеленые и голубые пятна. Шмыгнув носом, я облизала солоноватые губы, хранящие вкус поцелуя, и спряталась в экипаж, машинально скручивая и раскручивая ленту.

За окном неспешно проплывал однообразный ускользящий пейзаж, постепенно равномерное покачивание убаюкало меня, веки отяжелели. Я с тревогой распахивала их, лишь когда экипаж трясло на кочках.

Мне снилось детство, где моя маленькая семья еще была полной и счастье, казалось, будет длиться вечно. Тогда каждый восход солнца приносил новые чудеса и открытия, а любовь родителей лилась рекой.

Мы впервые возвращались домой около полуночи, и я жадным взглядом ловила каждый миг, боясь упустить хоть кроху. Прислонившись изнутри к стеклу трамвая, мерно стучащего по рельсам, наблюдала, как быстро проносятся яркие огни фонарей, освещающих теплым светом улицу вдоль дороги, смотрела на спешащих домой людей, на все еще горящие и спящие квадраты окон. А после мой взгляд устремился вверх, на черное, необычайно чистое

небо, казалось, сегодня на нем зажглись одновременно все звезды. А самая яркая пульсировала, словно живая, и мне чудилось, что она сверкает для меня, освещая мою судьбу своим загадочным холодным светом.

— Дочка, пора выходить, — мягкий голос мамы отвлек от созерцания самого чудесного вечера последних лет.

В стекле отражались прозрачными призраками их обнявшиеся силуэты. Трамвай качнуло, и непонятный стук сбоку заставил повернуть голову. Мама с папой так и стояли, не разжимая объятий, улыбаясь мне. Стук с настойчивостью повторился вновь. Отведя взгляд, стала искать источник. Новый стук, и сон начал рассеиваться; запоздало осознавая, что сплю, нехотя открыла глаза.

Экипаж замер возле знакомых магазинов с выставленными в витринах бальными платьями, в них я была вместе с Глорией. Заранее начиная волноваться, вышла на проснувшуюся улицу.

Первое, что служит визитной карточкой города и выдает его, — это суета, громкие голоса и звуки, сливающиеся в общий шум. Люди торопятся жить. Улыбнулась, вспоминая не спящие мегаполисы будущего.

Быстро огляделась, оценивая обстановку. На противоположной стороне улицы собрались торговцы овощами, рыбой и фруктами, с разных сторон доносились голоса зазывал, мальчишек, предлагающих газеты, услуги по чистке труб, удобрения и поношенную одежду. Воздух гудел точно улей потревоженных пчел.

Самое важное сейчас — незамеченной пройти по улице и свернуть в проулок. Выругалась, чувствуя на себе тяжелый взгляд кучера, и сперва зашла внутрь магазина, притаившись за разодетыми в пышные платья манекенами. В тревоге закусил губу, боясь пропустить нужный момент, упрощая высшие силы помочь мне, и покосилась на начавших странно посматривать сотрудниц магазина.

Наконец внимание моего надсмотрщика отвлек мальчишка с подносом пирожков в руках. Несколько раз кинув взгляд на мое укрытие, он ослабил надзор, повернувшись к мальчишке и доставая из кармана монеты.

Поспешно развернулась к выходу, заметив, что ко мне от прилавка, за которым замерли, перешептываясь, две девушки, идет мужчина в строгом костюме с таким же выражением на лице. Не дожидаясь его приближения, я вынырнула из магазина и, пригибаясь, пряча лицо, свернула в ближайший проулок. Тяжело дыша, остановилась, оглядываясь, пытаюсь понять, куда идти дальше. С обеих сторон грязной узкой улочки возвышались шербатые кирпичные стены, бросая тень и создавая уютный полумрак. Точно в туннеле здесь завывал ветер. Поежилась и, растирая озябшую кожу плеч и рук, заторопилась миновать непримечательные закоулки городка.

Улочка уходила вверх, из последних сил подымаясь к блестящему голубому небу. От усталости дыхание сбилось, а каждый новый шаг замедлялся, даваясь с большим усилием. Прежде чем я успела достигнуть конца улочки и свернуть на соседнюю, в просвете между двух стен с грохотом промчался экипаж и двое людей, громко бранясь, свернули с главной улицы. Я оглянулась. Одного заметно мотало из стороны в сторону, и он, пытаюсь поймать равновесие, цеплялся за второго. Его друг явно злился и, прикрикнув, выдернул руку из слабого захвата. Потеряв опору, охмелевший мужчина начал заваливаться назад. Приятель, пытаюсь удержать, схватил его за рукав, и когда ткань, не выдержав, лопнула, первый рухнул на землю, сопровождаемый хриплым смехом. Я остановилась. Ситуация действительно

выглядела забавно, но лишь до того момента, пока меня не заметили. Смех и ворчание резко оборвались. Они замерли, недоуменно уставившись на меня, пожирая блестящими глазками мою фигуру, а на опухших лицах начала медленно появляться ухмылка.

— Потерялась?

Попятившись и едва не рухнув, зацепившись за выступающий камень мостовой, заторопилась вперед. Туфли скользили на отполированной сотнями ног брусчатке, замедляя и без того небыстрый бег. Не обращая внимания на ноющие мышцы, я бежала вперед. Сзади отчетливо доносились сопение и ругательства. Взобравшись по уходящей вверх улице и достигнув поворота, остановилась. Стягивающий ребра корсет не давал глубоко вдохнуть, мне казалось, еще немного, и я задохнусь. Оглянулась: один был довольно близко, опережая другого.

— Постой, мы не обидим!

Приподняв подол юбки и борясь с полуобморочным состоянием, свернула на соседнюю улицу и, преодолев несколько метров, споткнулась.

— Дура, вот дура, — ругала я себя, вставая морщась от боли, и, едва подняв голову, открыла рот, потеряв дар речи.

Не может быть! Это она. Но как такое возможно? Дверь выглядела еще более грязной и пыльной, сейчас казалось, скрытое за ней помещение умерло много лет назад. Прорвавшись сквозь мои мысли, мужские голоса зазвучали отчетливой. Ближе, еще ближе к повороту. Отбросив ненужные рассуждения, поднялась и, схватившись за прохладный металл ручки, заметила, как преследователи вывернули из-за угла. Вскрик слетел с губ, когда я, опустив ручку вниз, из последних сил навалилась на дверь.

Из открытого проема навстречу шагнула тьма, и едва стоило перешагнуть порог, как меня с головой словно завернуло в мягкое одеяло, я запаниковала, потеряв возможность что-либо видеть, но тут же обволакивающее чувство пропало, открыв взору знакомые книжные полки.

С тревогой оглянулась: место двери занял книжный шкаф.

Удалось! — вопила каждая клеточка моего тела. И, настроенная получить ответ на единственный действительно волнующий вопрос, пошла вперед по лабиринту стеллажей, в этот раз не обращая внимания на запыленные книги.

Поворот, еще поворот — и, спеша к своей цели, чуть не сбила лестницу, приставленную к стеллажу, а подняв голову, на самом верху увидела старика, заботливо протирающего книги.

— Пришла значит, — не глядя на меня, вымолвил он. — Я уж боялся, не успеешь, — и, вернув чистую книгу на место, заткнув тряпку за пояс, начал спускаться.

— Не ушиблась? — он с усмешкой глянул на мое замаранное платье и вытянувшееся лицо. — Извини за этот фокус, до прежнего расположения двери ты могла не добежать, а новое иначе просто не заметить.

Он замолчал, и дальше нас продолжили сопровождать только шаркающий звук ботинок и стук каблуков. Книжные полки китайской стеной надвигались со всех сторон, но старик уверенным неторопливым шагом вел меня вглубь лабиринта.

— Снаружи это помещение не выглядит таким большим, — изумленно вымолвила я, пытаюсь разглядеть в сумраке противоположную стену.

— Понимаю, что у тебя накопилось немало вопросов, — не оборачиваясь поднял руку, запрещая моим словам сорваться с губ. Сухо пояснил: — у нас осталось мало времени,

девочка. Мое время здесь почти истекло, так что лучше перейдем сразу к сути.

От тревоги и радости защемило сердце. Впереди показался высокий массивный стол, заваленный бумагами и книгами. Из его ящика старик достал большую тетрадь, открыл и, долистав до последней заполненной страницы, остановил палец на предпоследней записи. Я прищурилась, стараясь понять написанное. Страница оказалась аккуратно расчерчена на столбцы, заполненные мелким почерком, с краю особенно выделялись пометки, сделанные красными чернилами.

— Сегодня, — категорично подытожил он.

— Не поняла...

— Ты либо вернешься домой сегодня или застрянешь здесь до конца своих дней, — он горько усмехнулся, отводя взгляд, а повернувшись ко мне, все же закончил: — Но с неудобными в любом мире и времени судьба быстро расправляется.

— Что это значит и кто такая эта Судьба? — услышанное въелось в мозг, его речи пугали, ведь он говорил о судьбе, словно о живом существе, это обескураживало.

— Судьба, рок, фортуна, называй как хочешь. Каждому человеку предписано достичь определенного предназначения, при этом получив требуемые знания. Когда это достигнуто, начинается новый виток жизни. А если судьбе становится понятно, что в этой жизни их завершить не удастся, то живое существо вновь возвращается к началу обучения. Тебе ведь судьба подавала красноречивые знаки?

— Вы о чем? — я захлопала ресницами, совершенно сбитая с толку услышанным.

— Разные случаи, возможно, даже почти смертельные, — его внимательный взгляд изучал меня, пытаюсь понять, постигла ли я суть.

— Что-о? — подскочила от возмущения я. — Да я чуть не умерла раз сто! По-моему, попытки убить меня — недостаточно прозрачный намек к конкретным действиям. Эта ваша Судьба не могла изъясняться точнее?

Старик хрипло засмеялся на мои проявления излишней эмоциональности.

— А вы кто такой? — наконец-то до меня дошло, что я даже имени этого странного старика не знаю.

— А разве это имеет значение, если твоя дальнейшая жизнь под вопросом? — прочитав растерянность и испуг в широко распахнутых глазах, все-таки сжалился. — Хорошо. Я тот, кто помогает попавшим в другие миры и время.

От невероятности вываленной за несколько минут информации закружилась голова, и, нашарив за собой одинокий старый стул, опустилась на него, закрыв лицо руками, пытаюсь переварить услышанное. После нескольких минут тишины старик кашлянул, привлекая внимание.

— Что мне делать? — бесцветным голосом вымолвила я, облизав пересохшие губы. И тут же вскочила от вспомнившегося крика о помощи, закрыла глаза, замотав головой, но садовые дорожки проступили даже сквозь черноту сжатых век.

Это не укрылось от внимания старца.

— На, выпей, — перед самым лицом возник стеклянный стакан с водой в железной подставке, точь-в-точь как выдают в поездах. — Ты должна вернуться сегодня.

— Сегодня? Но вы говорили...

— Сожалею, — тут же вскинула голову, не веря в услышанное, — не беспокойся, времени добраться до места должно хватить. Я раздобыл более привычную для твоего времени одежду.

С этими словами он скрылся за ближайшей книжной полкой, напевая себе под нос незамысловатую мелодию. Я сидела, уставившись в одну точку, преодолевая нарастающую панику, блуждающие в голове нерадостные мысли не отпускали.

— Вот, держи, — довольный собой старик протянул черные штаны и футболку.

Машинально приняла дар, и упавший на одежду взгляд замер на пришитой к черной ткани нашивке божьей коровки. Прикоснулась к красному пятнистому жучку, ощутив пальцами переливы ниточек, а ведь я точно такой же картинкой замаскировала образовавшуюся дырку. Развернула футболку, непонимающе подняв голову, встретившись с усмевающимся множеством морщинок лицом.

— Да твое это, твое.

А ведь это та самая одежда, которую в моем чемодане унесла в номер Адель. Как бы я ни сдерживалась и ни пыталась держать себя в руках, губы предательски задрожали. Только сейчас осознала в полной мере, насколько скучала и что время вернуться к привычной жизни наступило, и я тут же зарыдала в голос, уткнувшись в пахнущую домом одежду.

Вытирая влажное от слез лицо футболкой, еще несколько раз всхлипнула и, вновь овладев голосом, спросила:

— Как мне попасть домой?

— Точно так же, как и сюда.

— Через воду? — ужаснулась я. — Но... но тогда я ничего не сделала, я оказалась в воде из-за того мужчины, Байрона Дейлза.

— Не волнуйся, у тебя и в этот раз получится, а помощь... помощь будет, — уверенно заявил он, косо взглянув на записи в тетради и сверившись с временем по карманным часам. Достав из верхнего ящика стола свернутую карту, разложил ее поверх разбросанного хлама, что лежал на столе. — Смотри, мы сейчас здесь, — и его скрюченный палец опустился на красную точку, — а тебе нужно попасть вот сюда, к озеру.

Я проследила предстоящий маршрут и удовлетворенно кивнула — скорее самой себе, ведь место, что он указал, было мне знакомо. Подавшись вперед, чтобы лучше рассмотреть предстоящий маршрут, ответила:

— Я знаю, где это.

— Очень хорошо. Ровно в десять вечера проход закроется, лучше поспешить.

Задумалась, прикидывая, сколько может потребоваться времени на дорогу, выходило, что даже пешком это не займет больше четырех часов.

— Поторопись, — подгонял он, подталкивая меня за ближайший стеллаж. — Тебе чем-то нужно помочь?

Недолго думая, развернулась спиной, указывая рукой на затянутый корсет. Уже через десять минут я стояла возле стола в привычном удобном облиии.

— Накинь, это поможет тебе не привлекать лишнего внимания.

— Вы думаете, поможет? — хмыкнула я, принимая нечто напоминающее мантию с большим капюшоном.

— Поверь, в наступающей темноте маскировка вполне подходящая.

Прищурилась, недоверчиво уставившись на него, не в силах поверить в услышанное. Ведь когда я зашла сюда, солнцу было далеко до зенита, а здесь я никак не могла находиться больше пары часов.

— Время — странная штука, — философски изрек собеседник, — оно легко может ввести в заблуждение не посвященного в законы его течения, — и с усмешкой глянув на

меня, добавил. — С той стороны двери прошло около восьми часов.

От услышанного рот открылся сам собой, а пальцы, перебиравшие спутавшиеся концы волос, оказались позабыты. Заплетенная наполовину коса начинала медленно расплетаться, распадаясь на глазах.

— Тогда мне не успеть, — бледнея, прошептала я.

— Придется поторопиться, — отрезал он сурово, захлопывая журнал и устремляясь по узким проходам в направлении двери.

Я почти не смотрела по сторонам, лишь иногда боковым зрением подмечала цветные корешки книг с то и дело вспыхивающими буквами и неизвестными символами, словно провожающих меня. На ходу доплетая косу, притормозила возле самого порога и, замерев на границе таинственного магазина и большого мира, потонувшего в сумерках, растерянно спросила:

— И много таких, как я?

— На моем веку ты тысяча пятидесятая, в списке уже проявился следующий номер.

Сама не понимая, для чего мне полученная информация, кивнула, застегивая накидку на единственную пуговицу у горла. Мой силуэт растворился в темном цвете струящейся ткани.

— Удачно тебе вернуться домой, девочка, — после этих слов старая дверь со скрипом закрылась, и мне показалось, что она стала еще более древней и пыльной, чем с утра.

Не помня себя, почти вслепую я бежала по опустевшим улочкам, вздрагивая от каждого шороха, тихого звука, а особенно от людских пьяных голосов. В голове отстукивали оставшееся время часы, время утекало золотистым песком в пустоту. Я не успевала — даже если стану бежать без остановки, усилия будут напрасны.

Тяжело дыша, огляделась. Впереди маячила одна из центральных улиц, по которой прогуливались жители, предпочитающие ночной образ жизни или заработка. Еще ниже натянув капюшон на лицо, вышла из тени проулка.

Широкий проспект хоть и не был сильно наводнен людьми, но и этого вполне хватило, чтобы постараться затеряться человеку, похожему на бедного путника. Газовые светильники лили в темноту свой тусклый свет и располагались в основном рядом с открытыми заведениями. Большинство же окон смотрели темными или занавешенными провалами на бурную ночную жизнь людей.

Пригибая голову и лишь украдкой оглядываясь по сторонам, продвигалась вперед, по-прежнему не представляя, как добраться до нужного пункта. И почему я не попросила немного денег? И тут же выругалась про себя, ведь к платью был привязан мешочек с немаленькой суммой, а я его просто оставила лежать на полу, забыв.

Поравнявшись с магазином женской одежды, в котором пряталась утром, усмехнулась, мечте, что оставленный мной экипаж по-прежнему здесь. И на несколько минут замерла, вглядываясь в нечеткое отражение в витрине, в которой отображалась непонятная личность, окутанная мраком плаща. Осознав, что специально тяну время, поспешила дальше, предусмотрительно не забывая отворачивать лицо от встречных прохожих.

А тревожные мысли не отпускали, грозясь в любой момент обрушиться паникой. Я настолько глубоко погрузилась в себя, что не заметила, как откуда-то сбоку вывалился совершенно пьяный мужик и, потрясая кулаками, неприлично выругался на закрывающуюся дверь. Едва успела затормозить, как его повело, и перебравший с выпивкой приземлился в шаге от меня на пятую точку. Ругаясь на чем свет стоит и пытаясь встать, он схватился за низ моей накидки. Едва почувствовав натяжение ткани, попыталась вырвать ее из чужих цепких

рук, но сильный рывок заставил меня пригнуться к самой земле.

Охнув от неожиданности, ударились коленями о тротуар, выставив одну руку, чтобы не расквасить еще и нос. Невольно вдохнув зловоние, плотным коконом окутывающее пьяницу, закашлялась, допуская вонь глубже в легкие и, выпустив ткань капюшона, зажала рот рукой, борясь с рвотным рефлексом. Пустой желудок свело болезненным спазмом, зажмурившись, начала дышать ртом.

— Ты кто такой? Пшел отсюда! — еле шевелившийся от выпитого язык заплетался, искажая слова. Махнув рукой, он едва не завалился на живот, почти ткнув меня носом в уложенный большими плитами тротуар. Мое промедление сыграло со мной злую шутку. — Какие ухоженные ручки!

Я дернулась, но грубая грязная ручища уже накрыла мою. Брезгливо скривилась от зрелища. Немногочисленные прохожие все чаще бросали на нас косые взгляды, несколько скупающих зевак остановились, с интересом наблюдая, чем закончится стычка, не торопясь вмешиваться.

Гуляка поддался вперед, желая рассмотреть меня. Не на шутку испугавшись, подняла голову, встретившись с его замутненным взглядом. Щурясь, он пытался придать резкость оказавшемуся возле самого носа лицу.

Отшатнулась от столь неожиданной близости, безуспешно пытаюсь высвободить прижатую к тротуару руку, и пискнула от охватившего сознание страха. Тонкий голос, видимо, помог утвердиться в догадках, и заросшее щетиной лицо озарил пьяный оскал, а в глазах промелькнули крупницы заглушенного спиртным разума. Его громкий рык готов был оповестить об увиденном всю улицу.

— Та-ак ты... — заторможенная речь прервалась и внезапно в мужских глазах мелькнул... страх? Тело, как будто с силой придавленное к земле, конвульсивно задергалось. Опасаясь, что он опомнится, рванула руку, оцарапав ладонь о шершавый камень, с силой оттолкнула от себя замершее тело и, забыв о ноющих коленях, вскочила на ноги.

Пошатываясь на внезапно ослабевших ногах, оглядела ухмыляющихся, переговаривающихся и откровенно смеющихся зевак. Пригнулась и, натянув капюшон так, что кроме своих мелькающих ног мне не было видно ничего, рванула мимо, скрывшись за ближайшим поворотом, едва не врезавшись в лошадиный зад.

Хвост животного дернулся, взметнувшись в воздух, задев меня хлестким движением жестких волос. Попятилась, стараясь уйти с самого удачного места мишени для копыт и нервно оглядываясь в поисках хозяина. В узком переулке, куда почти не проникал свет луны и звезд, застряв на кончике крыши, я стояла одна. Нервно дернув плечами и усмехнувшись своему умению попадать в незаурядные ситуации, обошла лошадь.

Лошадь недоверчиво уставилась на меня и на мои неуверенно тянущиеся к поводьям руки. Узел никак не давался, кожу поврежденной руки саднило и пощипывало, пальцы отказывались слушаться, и надежда, что удастся все завершить незаметно, таяла с каждой секундой.

Со стороны улицы послышались приближающиеся мужские голоса и женский наигранно громкий смех. Выругавшись, дернула из последних сил, узел распался. В отчаянье потянула поводья на себя, лошадь взволнованно повела ушами и, качнув мордой, встревожено заржала.

— Тише-тише, милая, — зашептала я, стараясь придать дергающемуся голосу как можно более миролюбивый тон. — Пойдем со мной, пожалуйста.

— Ты уже домой? — мужские голоса замерли буквально перед самым поворотом. — А то поехали с нами продолжим веселье, в экипаже место найдется.

— Я верхом, вон, слышишь, Булан приветствует меня, — прозвучал ответ, — сейчас заберу коня и непременно догоню вас.

Укрыться на прямой улице оказалось просто негде. Присев, попыталась спрятаться за мускулистым телом животного.

— Так ты конь, прости, не разглядела, не обижайся на меня, — и без сил привалилась к неровной прохладной кладке дома, — все пропало, — обреченность, безысходность и тревога завладели мной. Тело, точно стекло, начало покрываться льдом от рвущегося изнутри ветра безнадежности.

Животное продолжало прислушиваться, нервно переступая с ноги на ногу и, неожиданно на долю секунды замерев каменным изваянием, вновь пришло в движение. Подалось вперед, слегка толкнуло меня мордой, словно подбадривая, натянутые поводья свободно повисли, зашевелившись, точно живые.

Недоверчиво сделала шаг назад, осторожно потянув коня за собой. К моему удивлению он, перестав сопротивляться, легко пошел следом. Не веря в свое счастье, ускорила шаг, в любой момент ожидая оклик разъяренного хозяина. Не желая попасться, с замиранием сердца перешла на бег. На душе потеплело. Едва завернула за угол и, не оставив себе времени отдышаться, забралась в седло, сразу хлестнув поводьями. Повинуясь приказу седока, Булан перешел на шаг, а после требовательного подпинывания ногами — на рысь.

Попетляв по малолюдным, а порой и совершенно пустым улочкам, вновь вынырнула на главную. Напряжение и разыгравшееся воображение выдавали странные звуковые дорожки. Мне казалось, что моему коню вторил чужой стук копыт, преследуя. Пытаясь убежать от дурных мыслей, повторяла, что будь это погоня, сперва меня бы окликнули.

В очередной раз поправив сползший на лицо капюшон, едва не вылетела из седла, успев вцепиться в переднюю луку. От ужасахватила ртом освежающий воздух, стараясь прогнать прочь все еще пляшущую бездну перед глазами. Не желая больше рисковать понапрасну, сдернула капюшон, больше не заботясь, что подумают прохожие, а едва приблизившись к границе города, сорвалась в галоп.

Пытаясь не поддаваться тревоге, я гнала животное, пригнувшись, одной рукой для уверенности вцепившись в седло. Боже, помоги мне не заблудиться в этой бесконечной черноте! К счастью, света, льющегося с небесных светил, было достаточно, чтобы озарить поле с проплешиной широкой дороги. Слева зашевелился старый дуб, а вот и поворот. Еще немного. Конь взметнулся вверх, перепрыгивая препятствие, и приземлился передними ногами в ямку, скрытую грязью. От неожиданности едва не перелетела вперед, душа ухнула в пропасть, а сердце было готово обогнать ветер. Запоздало натянув поводья, усмирила бег, а осмотревшись, заметила отблеск луны на водной глади.

Непривычно холодный для августа ветер ударил в лицо, выбивая слезы и заставляя зажмуриться. Встрепанные из-за стремительного галопа волосы выбились из косички, колыхаясь из стороны в сторону. Смахнув их с лица, взгляделась, ожидая увидеть портал, арку, ну или нечто подобное. Но черноту разбавляли лишь мерцающая золотая дорожка и отражение полной луны.

Конь тревожно приплясывал подо мной, не давая забыться, капельки пота блестели на его округлых боках, ноздри с шумом втягивали воздух. Булан резко наклонил морду, потянувшись к траве, чуть не вырвав поводья из рук. Соскользнув на землю и в

благодарность похлопав умное животное по шее, направилась к самой кромке набегающей на берег воды.

Моя одинокая фигура замерла черным силуэтом на безлюдной местности. Покрутив головой, огляделась повнимательнее и, не найдя подсказки, как действовать дальше, огорченно опустила глаза. У самых ног встревоженно билась вода. Что делать? Поддавшись непонятно откуда взявшемуся порыву, нагнулась, коснувшись воды и едва не оказалась отброшена на песок еще более сильным порывом ледяного ветра с озера. Накидка взлетела за моей спиной черным покрывалом, оставляя тело без защиты.

Выругалась, укутывая озябшее тело в тонкую ткань и непроизвольно дернулась, задрав голову, когда щеки коснулись холодные иголки. Сверху медленно падали, кружась, снежинки.

— Снег?

Вытянув руку, поймала одну из белых резных звездочек, которая, соприкоснувшись с кожей, тут же превратилась в капельку.

— И правда снег, — ветер толкнул в спину. — Ты хочешь, чтобы я лезла в воду? — ужас перед неизвестностью удавкой начал затягиваться на шее.

Снег продолжал кружиться, растворяясь в черной воде. Опустившись на песок, подоткнула под себя полы накидки и стала прокручивать в голове полученную за последние несколько часов информацию, все больше убеждаясь, что иного выхода для меня просто нет.

— Весь мир против меня, — нервно усмехаясь, подытожила я. — Или выберусь, или скоро погибну, незавидная перспектива, а сам способ нравится еще меньше, — шмыгнув носом, смахнула выступившие слезы.

Дрожащие пальцы лишь со второго раза расстегнули пуговицу у горла, бесформенной кучей тряпья накидка упала с плеч. Оказавшись без этой с виду тонкой материи, зябко поежилась, стоя на открытой местности. Удивительно, но, оказывается, она неплохо грела. Погода продолжала портиться. Стоя в одной футболке на пронизывающем ветру, инстинктивно обхватила себя за плечи, холод нещадно кусал кожу, пробираясь под нее, разбегаясь тысячами мурашек по телу.

— Папа, папочка, мне так страшно, — всхлипнула я, трясущимися руками стягивая обувь. Освобожденная нога тут же погрузилась в податливый прохладный песок. Боясь даже представить, как я войду в воду, зажмурилась, сделав последний отделяющий от воды шаг. Ноги будто лизнул влажным теплым языком огромный пес, а когда открыла глаза, не сразу поверила в увиденное. Над водой поднимался едва уловимый пар, стелясь возле самой кромки белесым туманом, напоминающим взбитые сливки.

Новый порыв ветра ударил с такой силой, что я помимо воли сделала несколько неуклюжих шагов, погрузившись в воду чуть ниже колен. Стараясь не думать и не концентрироваться на завладевшем мною сомнении, постаралась удержать равновесие и не плюхнуться в воду. Ох, и как я не люблю эти заходы в воду, когда перепад температур заставляет кожу превращается в шершавую, неприятную на ощупь поверхность.

— Это и есть обещанная тобой помощь? — не сдержавшись, крикнула я. — Эта затея все больше смахивает на самоубийство.

Озвучивать давно крутившуюся в голове мысль не хотелось, только услышать, а тем более ответить на мое восклицание было некому. Я потерянно стояла в озере, пряча замерзшие пальцы в кулаках. Туман, поднимающийся из самой воды, становился с каждой минутой все гуще. Вскоре из-за плотной дымки противоположный берег казался

призрачным.

«Прямо мистика какая-то», — мелькнула в голове здравая мысль.

Внезапно испуганное ржание Булана заставило подскочить, конь бежал прочь, удаляясь от озера. Что его напугало? Оголодавшая собака или люди? Не желая, чтобы меня заметили, и поднимая вверх брызги, устремилаь вперед. Остановилась я, когда вода сомкнулась на моей талии, укутав своим теплом нижнюю часть туловища.

В ужасе оглянулась, завертевшись кругом. Густой туман застилал взор, и дальше вытянутой руки разглядеть что-либо не представлялось возможным. Сердце начало с силой биться о грудную клетку и, чуть не задохнувшись от внезапного ритма, открыла рот, хватая ртом воздух, пытаясь успокоиться. Пришлось прижать руки к груди, сделав глубокий вдох и задержать дыхание, усмиряя свое тело.

— Я не смогу, — едва шевеля губами, произнесла я в пустоту.

А воздух становился все холоднее, обжигая горло и пощипывая щеки и нос. Снежинки оседали на белых сливках тумана, застревали в волосах, и порывы ветра кидали их на оголенные участки кожи. Приложив ладони к лицу, на секунду забылась, наслаждаясь мимолетным теплом. Опустила руки и, шепнув:

— Я не смогу, — неуверенно сделала несколько шагов в сторону предполагаемого берега.

Полностью раствориться в поиске верного пути не позволило хлопанье и яркий звук взлетевших и падающих назад в воду брызг. Ощущение близкого чужого присутствия вывело из ступора, но, озираясь по сторонам, почувствовала себя слепым беспомощным котенком. Туман вокруг сгустился настолько, что обволакивал, готовый сожрать заплутавшего в нем путника целиком. Меня затрясло от понимания, что я совершенно не знаю, в какой теперь стороне находится берег.

Всплеск повторился и уже совсем близко, запаниковав, я кинулась в противоположную от него сторону, отчаянно помогая себе руками. Вперед, осталось только вперед, пути назад нет, да и не было никогда.

Вода заколыхалась, словно разволновавшись не меньше моего, туман покрыл меня липкими лохмотьями. Сделав очередной гребок руками, ушла с головой под воду, дно резко закончилось и мои безнадежные попытки его отыскать таяли на глазах. В борьбе за жизнь мир сузился до отчаянных брызг и черных вод, желающих поглотить меня, точно голодный удав. Я задыхалась. От понимания, что силы на исходе, сделала последний рывок, схватив ртом последний глоток воздуха, с ужасом позволяя воде утянуть безвольное тело на глубину.

Белая пелена кругом — последнее, что я видела при погружении. Раскрыв свои объятия, вода с радостью приняла меня, укутав в кокон приглушенных звуков, утягивая в свое царство. Наконец почувствовав, что меня совершенно точно куда-то тянет, перевернулась и стала грести руками, подгоняя себя плавным движением ног.

Не знаю, насколько реально было все происходящее, но вода вокруг меня с каждым метром становилась все плотнее и чернее, хотя я и до этого, открывая глаза, не видела ничего. Создавалось ощущение, что плыву в густом чернильном киселе.

Внутри вспыхнуло чувство, что вот он, переход, и от понимания, что в легких начинает заканчиваться воздух, удвоила старания. Гребок, еще один, еще... Чья-то рука намертво сомкнулась на моей щиколотке, замедлив мое продвижение, крадя драгоценные секунды. В испуге постаралась пнуть того, кто может стать моей погибелью, хватка сдавила сильнее железных тисков, дернув назад.

Я закричала, запоздало понимая, что с беззвучным криком вдаль уносится и часть драгоценного воздуха. Вытянув вперед руку, попыталась ухватить мерцающие пузырьки. Бесполезно. Сил бороться не осталось, и, отдавшись судьбе, тело обмякло, став податливым чужой воле.

— Прости меня, я не справилась, — яркой вспышкой сверкнула мысль, а веки накрыли потускневшие глаза.

— Я люблю тебя, — теплые слова толкнули сердце, волшебным образом наполняя легкие воздухом. Не понимая, как я могла что-либо услышать, приподняла ресницы. Последний всполох сознания явил взору невероятное видение. Рядом плыл полупрозрачный силуэт Энджила, светящийся изнутри.

«Как бы мне хотелось тебя обнять и поцеловать в последний раз», — мысли заторможенно ворочались в голове, неосознанно потянулась к нему.

«И мне жаль, что мы из разных миров, но благодарю, судьбу за нашу встречу», — прозвучал молчаливый ответ.

Он улыбнулся, поймав мой умиротворенный взор, и его образ стал смещаться назад. Едва потеряла его из виду, хватка на моей ноге пропала, и меня усилившимся бурлящим течением потянуло вперед.

Легкие нестерпимо жгло от нехватки кислорода, и чтобы не хлебнуть воды, я прижала руку к лицу, закрыв нос и рот. Впереди дрожащим круглым пятном забрезжил слабый свет, теплая вода согревала кожу. Меня по спирали вращало в воронке. Держась уже из последних сил, понимала, что мое время на исходе. Еще немного, и мое сознание покинет тело, с ним закончится способность контролировать собственные действия, и тогда... плотнее сжала губы, чувствуя — вот он, предел, и бесконтрольно открыла рот, собираясь сделать глоток...

Меня вышвыривает на поверхность, и внутрь с небольшим количеством воды попадает воздух — я тут же закашливаюсь, вновь окунаясь с головой в кристально-голубую воду. Ступни касаются твердой поверхности: я отталкиваюсь и вновь выныриваю, хватаясь за железные перила лестницы. С нестерпимым кашлем изо рта льется вода, в надсаженном горле ощущаю вкус хлорки. Едва успокоившись, выползаю из бассейна и без сил падаю на теплый кафель, перекатившись набок, вытаращенными глазами осматриваю все кругом. Несколько фонарей по периметру разгоняют ночную темноту, выхватывая потревоженную мной кристально чистой гладь бассейна и здание отеля за ним.

Предпоследнюю неделю уходящего лета смыло дождем. Он лил целый день, иногда делая передышку и начиная падать на зонты и мокрую одежду противной изморосью. Мои знакомые суетились и старались успеть доделать все дела до начала учебного года. Будто потом нельзя. А я откровенно скучала и, сидя вечерами на подоконнике, часто ловил себя на мысли, что меня одолевает тоска.

Расположившись на диване, прижала любимого мягкого медведя — на часах только семь вечера, а откуда-то изнутри на меня накатывала убаюкивающими волнами дремота. Весь день прошел в ненужных делах, и я надеялась, что вечером узнаю окончание захватившей вчера книги. Но глаза слипались, и мне с большим усилием удавалось открывать их вновь. Отложив мишку, встряхнулась. Нет, так рано спать ни за что не пойду, я выспалась, да и какие-то полчаса назад готова была кричать от избытка сил.

Ополоснув лицо и заварив себе кофе, вернулась и села на стул, оперев локти о столешницу, раскрыла книгу. Строчки задорно забегали, затягивая в свои приключенческие сети, и я, улыбаясь и отхлебывая из кружки, проглотила две главы. Перевернув страницу,

мечтательно перевела взгляд в окно, откуда небо подмигивало мне тысячами глаз. Неожиданно звезды вздрогнули и пропали, не успев испугаться, я распахнула глаза. Уснула? Я огляделась. Прошло не больше пяти минут с прочтения последних слов, но усталость навалилась с удвоенной силой. Тело стало вялым и непослушным, а от прилагаемых усилий держать глаза открытыми они начали слезиться, и режущая боль заставляла раз за разом тереть их рукой.

— Да что за напасть-то? И как хочется дочитать! — не желая сдаваться, я легла на согнутые перед собой руки, прикрыв глаза, принимая решение отдохнуть одну минуту. Всего одну минуту.

С трудом открыла глаза, оглядывая незнакомый интерьер, хотя нет, и мебель, и светлые стены отозвались в душе восторженной вибрацией. Где я?

— Извини это моя вина, заставил тебя ждать, — голос шел из залитого солнцем места возле окна. Невольно зажмурилась, ослепленная ярким светом, приложив ладонь над глазами в виде козырька. Легкой походкой ко мне шел золотоволосый ангел. Свет будто пронизывал его насквозь, создавая впечатление, что свет и есть этот неземной юноша.

Парализованная увиденным, не могла отвести взгляд и словно замороженная наблюдала за приближающейся фигурой. Он приближался легкой походкой, как будто летел, не касаясь пола, и вот его невыносимый блеск померк, и мои глаза расширились от удивления: эти волнистые волосы, легкая полуулыбка и божественно голубые глаза...

— Энджил? — невольно вырвалось у меня, и я охнула, прикрыв рот рукой. Да я ведь в его комнате! Когда я сюда пришла и зачем?

— А ты ждала кого-то другого? — обиженно поджав нижнюю губу, усмехнулись в ответ.

Он опустился рядом на пол и, лучезарно улыбаясь, посмотрел на меня. Глядя на него, пыталась запомнить каждую черточку, каждый изгиб. И все же что-то во всем происходящем было не так.

— Почему ты так смотришь? — изумленно изрек друг, мои эмоции не укрылись от его внимательных глаз. — Может, поиграем?

Я выгнула бровь в немом вопросе, нереальность происходящего не покидала меня ни на минуту. Окинув еще раз комнату, опять не нашла видимых причин. Задумалась. Отмерла, когда его голос озарил еще сильнее посветлевшее помещение. Странно, откуда столько света?

— Я — лишь отраженье твоей мысли,
Предрассветная тень,
Что растворяется с восходом солнца,
Оставляя свои слезы росой на зеленой траве.

Я в полной растерянности увидела, что потолок начал исчезать и сверху устремились в комнату ветви деревьев. Открыла рот, чтобы вскрикнуть, но голос выдал ответные строчки:

— Что ж, может быть, я ошибалась,
И ты — всего лишь миф, игра,
И все слова — как будто пепел,
Всего лишь пепел от костра.

Голубое небо над нами наполнилось облаками, солнце подсвечивало эти пушистые кусочки ваты, и они казались еще объемнее. Энджил продолжил нараспев:

— Все может быть,
И, может быть, сомненья —
Лишь наши неземные отраженья,
Что ловим мы в безмолвии ночи,
Но гаснет все,
Как пламя от свечи...

В комнату, где еще оставались стены, уже приобретшие зеленый цвет, залетели несколько птиц и начали щебетать. Я, любуясь на них, прибывала в плохо скрываемом восхищении и потрясении от происходящего вокруг. Ответ родился сам собой:

— То пламя от свечи — оно не вечно,
Оно — всего лишь миг,
Что радует теперь.

На западе взойдет пусть солнце бесконечное,
Оно куда сильнее...

Одоброящая улыбка его губ, и мой взгляд задержался на ней слишком долго:

— Не каждый видит в солнце теплый свет,
Что сердце согревает так беспечно,
Ведь у кого-то пламенный рассвет — мечта,
Что будет сниться бесконечно...

Два павлина, изображенные на стенах комнаты, вдруг моргнули, встряхнув оперением, расправили крылья и хвосты и слетели на пол, важно прохаживаясь. Один распушил разноцветный хвост, демонстрируя все великолепие, я даже не сразу смогла выговорить слова от изумления:

— Мечты, мечты, они нас согревают,
Но ранят они нас,
Даря нам только боль...
... та боль горит в душе,
И пламя нас сжигает...

Энджил наклонил голову и, глядя на мое пораженное лицо от слетающих с губ строк, протянул мне нежно-розовый цветок, промурлыкав:

— А боль — она всегда, она повсюду,
И мы уже давно не верим в чудо...

— Дочка, пойдём есть, — в дверь тихонько постучали и, подняв помятое лицо, попыталась прийти в себя, не сразу ответив на зов.

Дверь тихо отворилась, и в образовавшуюся щель заглянуло встревоженное лицо отца.

— Ты спала, что ли? — он вошел в комнату, и я с нежностью отметила на нем фартук, тот самый, который за год до смерти подарила ему мама. Я замотала головой, стараясь прогнать последние крупницы сна. А ведь то был не сон, скорее красивая сказка... и почему я не могу вспомнить подробности? — Я приготовил твои любимые сырники с изюмом, — улыбнулся отец и, подойдя, поцеловал меня в лоб. — А эти странные символы на твоей щеке выглядят забавно, — жизнерадостно пропел он, — я жду на кухне ровно пять минут, а потом съедаю ВСЕ сам.

И, поманив рукой, прикрыл дверь. Взглянув в зеркало, обнаружила на щеке отпечаток похожий на бутон цветка, оставшийся от смявшейся ткани рукава.

К субботе дождь прекратился и температура на улице резко подскочила вверх. Неделя дождей сменилась невыносимой жарой. Последняя неделя лета выдалась самой жаркой за все три месяца. Наполненная влагой почва быстро теряла свою мягкость, превращаясь в пыльную дорогу, и ее сухие частицы разносил душный ветер. Уже к четвергу кончики травы, растущей на клумбах и по краям тротуара, начали жухнуть от палящего солнца, а небольшие корешки не могли достать из почвы, превратившейся в песок, достаточно питания.

Находиться в квартире становилось просто невыносимо, к концу дня кожа чесалась от пота, а майка и шорты согревали не хуже меховой шубы. И именно в момент, когда от жары я уже не знала куда себя деть, а она умудрялась проникать в помещение даже при плотно задернутых шторах и густо обволакивала тело, создавая эффект бани, позвонила Адель, пригласив в кафе.

И вот я уже плетусь по тротуару за бодро вышагивающей Адель, удивляясь, откуда у нее столько сил. Я тяжело дышу, одной рукой отирая пот со лба и после прижимая к нагретой голове. Сейчас мое самочувствие близко к обмороку, и беззаботная болтовня подруги меня мало интересует. Переползая дорогу, я не сразу поняла, что мы почти пришли и, когда Адель толкнула двери кафе «Счастливый случай», с блаженством окунулась в прохладу кондиционеров.

Не дожидаясь меня, Адель прошагала к стойке и сделала заказ. Я же зажмурилась от удовольствия, почувствовав свободу и прилив сил, поступающий ко мне с каждым новым вдохом, с упоением наслаждаясь, как прохладный воздух свежестью пробегает по телу.

Разговоры и веселый смех беспрестанно шелестели, точно потревоженная опавшая листва. Я пригляделась, не заметив свободных мест. Не понимая, где наш столик.

— Ты долго? — едва сдерживая смех, поинтересовалась подруга.

Кивнув, направилась к Адель, отмечая массивные деревянные балки на потолке со свисающими плетеными светильниками, деревянные столы и стулья и невольно засмотрелась на поленницу, занимающую почти всю стену слева.

Едва отойдя от полуобморочного состояния, пошла следом за Адель, к своему удивлению отметив, что она направляется к лестнице, ведущей на второй этаж. Странно, она никогда не любила есть на втором этаже. Звуки шагов гулко отдавались по железной винтовой лестнице, украшенной витиеватой резьбой, преодолев ее, мы очутились словно на балконе огромного старинного особняка.

Я огляделась. Посетители, занимавшие два столика, начали торопливо собираться. Остальные места были пусты. Странно. Осматриваясь, пропустила тот момент, когда официант расставил перед нами заказ.

Не замечая бросаемых мной взглядов Адель села, вытирая салфеткой руки. А я не могла избавиться от давящего чувства тревоги, ведь на втором этаже мы были одни, даже долетающая снизу оживленная беседа начала действовать удручающе. Почему хочется встать и убежать, а вместо этого я втыкаю вилку в листья салата и курицу, оставаясь на месте? Попытавшись успокоиться, протянула руку за соком, заметив, как к соседнему столику вальяжной походкой подошел высокий мужчина, мельком глянув в нашу сторону. Меня немного смутил его странный, будто посыпанный пеплом цвет волос. Обстриженные чуть

ниже ушей они падали на лицо человека, скрывая от посторонних глаз. Но в мужчине привлекла не внешность, сама бы не смогла объяснить, но в нем улавливалось нечто знакомое.

Адель сидела спиной к лестнице поглощенная едой, не сразу заметив появившееся на моем лице напряжение.

— И на кого ты так уставилась? — откусывая пиццу, поинтересовалась она, пододвигая ко мне стакан сока.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но неожиданно встретилась с пугающими бледно-серыми глазами. Он посмотрел точно на меня, и по позвоночнику прокатился кубик льда.

Брошенные в мой адрес слова заставили в растерянности заморгать, боясь пошевелиться:

— Давно я не видел таких чистых глаз.

Я потерянно улыбнулась, заторможенно понимая, что он не открыл рта. Мужчина отвернулся, продолжив.

— Глаза — это зеркало души, в глубине твоих таятся и утраченная любовь, и боль. Не помнишь? — он повернул голову, мне показалось, что под его взглядом на меня сверху падают хлопья снега. Каждое его движение говорило о таящихся знаниях, ответах на вопросы, которые мне знать не хотелось. Губы изогнулись в приветливой улыбке, создавая жуткий контраст с ледяным взглядом.

— С тобой все в порядке? — подруга коснулась моей руки и начала поворачивать голову, неожиданно неуклюже завалившись на стол.

Я охнула, тут же принимаясь испуганно трясти ее за плечо. Хотелось встать, закричать, позвать на помощь, но я лишь молча тормозила обмякшее тело.

— С ней все в порядке, — незнакомец оказался совсем близко и, наклонившись ко мне, хитро улыбаясь, без стеснения разглядывал.

Не заметив его приближения, слабо вскрикнула и вскочила со стула. Мысли заметались пойманными в силки птицами, но ноги тут же будто выросли в деревянный пол.

— Не кричи, договорились? — я беспомощно продолжила стрелять глазами. — «Что ж, может быть, я ошибалась, и ты — всего лишь миф, игра, и все слова, как будто пепел, всего лишь пепел от костра...»

Он поднял руку, и стягивающие меня невидимые нити опали. Сама не знаю почему, но моей реакцией на услышанные строки стали выступившие слезы и щемящее чувство внутри. Я поспешила опустить глаза в пол, пытаюсь стереть влагу трясущимися руками.

— Кто, кто ты? — дрогнувшим голосом едва выговорила я.

Не спрашивая разрешения, мужчина сел на соседний стул и взял с моей тарелки отрезанный уголок пиццы, тут же отправив его в рот.

— И какие же чувства вызвали услышанные строки? Тепло, разочарование, гнев? — интерес в его глаза стал почти осязательным.

— Боль, — беззвучно выдохнула я, сжав руки в районе незримо кровоточащего сердца.

Он нахмурился, выпрямившись.

— Память все же странная штука, — усмехнулся собеседник, облизывая пальцы, испачканные в соусе. — Интересно, советы Мириуса Фигеля оказались полезны?

«Откуда ему известно?» — пронеслась в голове безумная мысль. Он усмехнулся, холодно глядя в мои удивленные глаза.

— Пора вспомнить, время уходит, — протянув руку, мужчина беспрепятственно

коснулся моей кисти, ведя вверх. Кожу защищало и закололо, точно от острого лезвия. Я слабо ойкнула, закрыв глаза руками, перед которыми начали проступать образы и действия с такой живостью, с какой невозможно их увидеть ни в кино, ни человеческим взглядом. Передо мной предстала ночь с вышины птичьего полета, дышащая точно живой организм. Каждый звук в отдельности, пронизывающие спокойствие и величие природы, незнакомые улицы и дома. Это было больше, чем образы, эти чувства составляли саму жизнь. Словно видимую реальность вывернули наизнанку, заставили пронестись сотни лет в одно мгновение, длящееся целую вечность. Свет и тьма оказались единым целым, жизнь как бесконечный круговорот сменяющих друг друга событий.

Внезапно в душе наступило спокойствие и умиротворение.

— Эрик, так меня зовут. И хватит уже бежать от прошлого. Пора вспомнить все, — и воспользовавшись моим замешательством, слегка коснулся указательным пальцем моего лба.

Мужчина встал со стула — только сейчас я заметила морщинки в уголках глаз, выходит, он старше, чем мне показалось вначале, — собираясь уходить.

Пока он шел к лестнице, я не сводила с него глаз, а ведь и правда, он мне кого-то напоминает, нет, не внешне. Пожалуй, я не могла бы объяснить своих чувств даже самой себе. Уже спустившись на несколько ступеней, он остановился и, не поворачивая головы, подытожил:

— Ты мыслишь в верном направлении. Я тот, кто я есть, от тебя я это не скрывал, но незачем знать это всем, — он холодно усмехнулся. — И не стесняйся, воспользуйся водой.

Только сейчас я заметила стакан с утонувшими в нем кусочками льда. Послышался скрип ступеней, кто-то, весело переговариваясь, поднимался вверх, а я по-прежнему не могла заставить себя разжать пальцы, вцепившиеся в сиденье стула. Сбитая с толку его словами, не понимала, что произошло. Эта встреча потрясла меня больше, чем все события уходящего лета.

Новые посетители еще только усаживались за один из столиков, когда рядом со мной кто-то застонал, а сообразив, что Адель пришла в себя, тут же кинулась к ней.

— Ты как?

— Щекой ударилась, — пожаловалась подруга, — похоже, зря я не взяла сегодня бейсболку. Перегрелась и голова раскалывается.

Торопливо опустив край тканевой салфетки в стакан, протянула ее подруге. Та благодарно кивнула, обтерев лицо и шею.

— Долго я была в отключке?

— Нет, — поспешно соврала я, принявшись с неожиданным усердием за салат, испугавшись, что она может считать лишнюю информацию с моего лица. А едва на глаза попался частично съеденный кусок пиццы, аппетит пропал.

Пустые столики быстро заполнялись, и вскоре беззаботные разговоры уходящего лета лились со всех сторон. К удивлению Адель, все симптомы перегрева прошли, и вскоре она без умолку делилась впечатлениями о своем новом поклоннике, прикрывая от удовольствия глаза от вкуса самого лучшего в ее жизни пирожного.

А я не могла выбросить из головы того человека. Как он все это проделал? Те образы и этот странный приступ Адель, да и отсутствие в тот момент людей на балконе? И его слова о моих мыслях... да не-ет, такого просто не может быть.

Наконец покинув кафе, вновь окунулись в духоту реальности, сразу же свернув за угол, на тенистую улицу, и последовавшее предложение Адель обескуражило меня.

— Пойдем зайдем в антикварный магазин!

К слову, она и то старье, что там продают, были несовместимы. Адель всегда брезгливо морщилась, завидев подобные безделушки, а тут прям сама решила зайти?

— Зачем? Тебе плохо? — съязвила я.

— Действительно странно, — хмыкнула она, — ладно, сегодня будет исключение, — весело рассмеялась подруга и, когда ее голос затих, закончила, — поглядим на эту рухлядь, раз желание появилось, а заодно временно скроемся от жары.

Я пожалала плечами и зашла следом в магазин.

Значительный перепад температуры обжег тело, но ощущения очень скоро превратились в приятные. Адель быстро переходила от одной вещи к другой, практически не разглядывая древности. Я лениво шла следом и по непонятным для меня причинам остановилась, ноги (или я?) не хотели идти дальше. Мой непонимающий взгляд шарил по вещцам, а от сковавшей меня беспомощности хотелось бежать сломя голову. Прям мистика какая-то творится вокруг меня в последнее время.

Мой взгляд блуждал по помещению, задержался на долю секунды на спине подруги, мило начавшей щебетать с продавцом, а сбоку что-то ярко блеснуло. Я повернула голову, скользнув по предметам и двери, не сразу осознав, что вижу лишь отражение в зеркале.

Прямоугольник стекла, примерно метр на четверть метра, висел на стене, закованный в резную деревянную раму. Вырезанные цветы и птицы переплетались в дивный узор, который с первого взгляда казался просто завитками и закорючками, но если приглядеться, то там не было ни одного повторяющегося элемента. Они все разные, со своим характером и судьбой. Большие выразительные глаза, взъерошенный хохолок, изящный изгиб перьев...

Я повернулась, остановившись напротив него, словно в первый раз взглянув на свое отражение. Вроде обычная стекляшка... неожиданно в нем мелькнула чья-то фигура. Я не успела ее разглядеть, тут же отпрыгнув, оглянулась — никого нет. Что это было? Да и на одно мгновение помещение в зеркале стало выглядеть по-иному.

— Ты что здесь замерла? О! Прикольное зеркальце, — Аделька посмотрела в него, поправляя и без того лежащие идеально волосы. — Ну что, можно идти?

Подруга уже хотела двинуть в сторону выхода, но я ее остановила, окликнув продавца.

— Извините, а что это за зеркало? — обратилась я к молодому человеку в теплом свитере, лениво расположившемуся на стуле и потерявшему всякий интерес к нам как к покупателям. Лишь когда Адель обворожительно улыбнулась ему, тот снизошел до ответа.

— Стоит тысячу рублей. Дешевая подделка под древность.

— Так дешево? — удивилась я.

— Цены устанавливаю не я, — пожал плечами продавец.

Еще раз с опаской заглянула вглубь зеркала и с трудом отвела взгляд, оно притягивало точно магнит.

— Я его беру.

— Ты уверена, что не поедешь домой?

Вздыхнув, я кивнула. А что я там забыла? Папа в командировке, мне все чаще кажется, что его жизнь стала чередой разездов: едва закончится один, как наступает другой. Что это за работа такая у него секретная? Порой мне кажется, что он бежит из дома, чтобы не видеться с Сильвией. Да нет, это бред, в таком случае и со мной он не видится. А что папа

меня любит, сомневаться не приходится, поддержка и помощь с его стороны чувствуются всегда, даже когда он далеко. Может, попросить сменить работу или развестись с Сильвией?

— Эх, была не была, — махнула Адель рукой, словно проводя под только ей ведомыми мыслями черту, начиная рыться в недрах сумки, — отменяю я это свидание.

Чуть не выпустив из рук упакованное зеркало, озадаченно посмотрела на нее, стараясь придать лицу более уверенный вид. Ну неужели я выгляжу настолько жалкой, что она отменяет свидание с парнем, о котором давно мечтала? Перерыв всю сумку подруга, наконец, довольная, сжала в руке телефон.

От меня не укрылось разочарование на ее лице, прикрытом падающими волосами.

— Давай ты поможешь мне донести зеркало до электрички, а сама приедешь завтра с утра?

Задумавшись — по наряженному выражению лица было заметно, как желание пойти борется с намерением поддержать меня, — кивнула головой.

— Поехали тогда, до дома помогу донести, зачем тащиться в сад и ночевать там одной?

Она права, в сад ехать особого желания не было, но сидеть дома в своей комнате, пока Сильвия расхаживает по квартире хозяйкой и с пренебрежением смотрит на меня, хотелось еще меньше. Каждый раз удивляюсь: и как ей удастся так мастерски притворяться? А ведь я делала неоднократные попытки записать или заснять ее закидоны, но она так хорошо прикидывается любящей женой и мачехой, что я потеряла надежду разоблачить ее.

Я опустила взгляд, не желая, чтобы она заметила появившуюся в них боль и обиду. Адель удивленно захлопала накрашенными ресницами.

— Это Сильвии? Я правильно поняла? Тогда, может, переночуешь у меня?

— Давай лучше ты сама приедешь утром и поделишься подробностями свидания? Ты же знаешь, каждую твою историю жду с нетерпением.

Наконец мне удалось справиться с собой, и я подняла на нее уверенный взгляд, приняв решение побыть в одиночестве.

— Ладно, но я буду у домика рано-рано утром, и только попробуй заставить меня ждать на улице. Ты знаешь, я страшна в гневе, — выдала она, с явным облегчением отступаясь от затеи, и, ловко ухватившись за край зеркала, пошла в сторону вокзала.

И чего я такая упрямая? Уже начинало темнеть, и весь большой, раскинувшийся за стеклом мир медленно погружался в дремоту. Я сидела на старой кровати, стоявшей на веранде, и мне вдруг стало не по себе. Стемнело. Как замороженная, с трепещущим сердцем всматривалась во тьму. Отчего-то казалось, что оттуда, из той непроглядной ночной тени цвета черной дыры, кто-то наблюдает. Поежилась. Что за странные мысли лезут в голову? Передернула плечами, сбрасывая неприятные ощущения.

И все-таки любопытство пересилило, а красота и тихие ночные звуки в этом спокойствии завораживали. Прильнув к стеклу, посмотрела вверх, сквозь листву наблюдая, как загораются яркие звездочки.

Присмотревшись к безоблачному небу, поняла, что надо мной раскинулась целая карта звездного неба. Мой взгляд скользил по небу в поисках созвездий, и, к своему восторгу, я обнаружила созвездие Цефея: неправильный четырехугольник, над верхней частью которого находился треугольник.

— Волшебный миф про историю любви, — усмехнулась я и замолчала, не понимая, откуда взялись эти мысли. Я не настолько увлекаюсь звездами, чтобы читать небесные карты.

В душе разливалось приятное тепло, словно кто-то большой мягкой кистью смазал там теплым маслом. Непонятно почему, но губы растянулись в улыбку. Я стояла так, замерев, облокотившись на подоконник, и лишь когда боковым зрением заметила непонятное движение, резко осела на пол, едва не упав.

То, что я увидела, заставило похолодеть, кожа точно покрылась тонкой корочкой льда. Неуклюже отползая к противоположной от зеркала стене, не могла поверить в чертовщину, творившуюся в нем. Вместо знакомого отражения маленькой уютной веранды полутемный двор. Девушка и двое растрепанных бородатых мужиков напротив нее, их губы беззвучно двигаются. Суровые лица со сведенными на переносицах бровями внезапно озаряют отвратительные гримасы, отчего их рожи выглядят еще более отталкивающе. Они кивают, после чего в протянутую непропорционально большую ладонь одного из них со звоном опускается мешочек.

Тусклый свет, падавший из окна, отражался от зеркала, создавая уродливые блики на стене. Не сводя расширенных глаз с изображения, я попыталась встать и обойти злосчастную стекляшку. Ноги едва двигались, отказываясь слушаться. В лунном свете в руке одного из них ярко блеснуло лезвие ножа, сердце тут же ухнуло под пол, пустившись от меня вскачь, ноги подогнулись, и, беспомощно хватая ртом воздух, я повалилась на кровать.

— Я тебя так долго ждал, а ты не просыпаешься, — за встревоженным голосом таилась обида. Энджил наклонился, задев мое плечо, слегка встряхивая.

От неожиданного прикосновения дернулась, распахнув глаза, тут же вновь зажмурилась от яркого света, который предусмотрительно заслонила чья-то фигура. Его очертания подсвечивались белым светом, размываясь по краям, а волосы золотой паутинкой разлетались в разные стороны. И он улыбался, я это чувствовала.

Удивительно, я вновь очутилась в светлой комнате, точно прошло не больше одного взмаха ресниц с нашей последней встречи. Сонливое спокойствие вновь овладело моим сознанием, вот только тело непроизвольно вздрагивало.

— Ты вся дрожишь, замерзла? — достав из-за спины клетчатый плед, накинул его на мои плечи, завернув. — Продолжим?

— Что? — непонимающе изумилась я, все еще не до конца приняв, где нахожусь.

— Игру, — слишком коротко пояснил он. — Ты начинаешь пугать меня. Забыла, что ли? Мы играли в рифмы.

Отведя растерянный взгляд, попыталась собраться с мыслями и сообразить, что он имеет в виду. И уже открыла рот уточнить, как оттуда полились точно заготовленные заранее слова.

— Но стоит ль жить, чтоб боль испытывать одну?

Я закрыла рот, сбитая с толку, зачем вообще это выдала, и стрельнула глазами в сторону Энджила, заметив легкую улыбку одобрения на его лице.

— Быть может, стоит,

Может, нет,

Сомненья... вот каков ответ.

Вдруг огонь в камине вспыхнул настолько ярко, что обои, задымившись, начали потрескивать, пламя весело побежало по стенам, меня все это совершенно сбilo с толку, но странным образом не напугало.

— Сомненья... их не избежать,

Но разве стоит все в себе держать?

Ведь человек способен чувствовать не только боль.

Но вот сомнения играют здесь большую роль...

Мы чувствуем лишь то,

Что может быть,

Лишь то, чего не можем мы забыть.

Энджил погладил подошедшего павлина — недавнюю картинку, сошедшую с обоев, искоса поглядев на меня, от этого мое сердце предательски забилось быстрее. Его ответ не заставил себя ждать:

— Забыть не можем мы лишь сильные из чувств,

А прочее путь растворится

И растает, словно грусть.

Лишь отрешенье не отпустит нас,

И мысли наши в этот поздний час

Не растворятся, как печаль,

Не скроет их заманчивая даль...

Стены уже догорели, и в туманной дымке виднелся сад. Энджил с упоением наблюдал за преобразованиями, указав взглядом на красоту за полупрозрачными стенами дома. Он мотнул головой, мол, продолжай. Я молча кивнула:

— Зачем скрывать?

Они — частичка нас,

Как звездочка, они блестят подчас.

Порой не в нас скрывается порок,

Его искоренить никто не смог.

Энджил не сводил с меня глаз, отвечая:

— Вот ночь наступит и узором тень

Укроет от чужих нас глаз,

Даруя новый день...

Быть может, ночь подарит чистоту,

Но кто-то вновь вернет нас в пустоту...

Нежное небо над головой, почти растворившийся дом со смутно знакомым садом и длинными лианами плакучей ивы, заменившей одну из стен... Неожиданно я поняла, что это сон, но голос в голове молил не просыпаться. И я сознательно отказывалась что-либо менять:

— Быть может, в этот раз не будет пустоты?

Ты будешь не один, и сбудутся мечты...

— Один... быть может, лучше так,

В моей душе остался только мрак.

Тут, облокотившись об пол, я отдернула руку, стряхнув с нее капельки воды. Мы сидели на двух близко расположенных островках, слегка выступающих макушками над зеленоватой гладью воды, а верхушки махровой травы едва виднелись, создавая иллюзию изумрудного ковра. Энджил дотронулся до моей руки, успокаивая. Глядя в его чудесные глаза и желая угомонить, по большей части, свою мечущуюся душу, произнесла:

— Не верю я твоим словам,

Тот мрак в душе ты сотворишь сам...

— Не я молю к безвечной тьме,

И не она идет ко мне...

— Тогда в чем дело? Не пойму,

Иль сон, иль явь,

Что наяву?

— Порой я сам не понимаю,

Чего ищу, о чем мечтаю....

— ... и чего хочу.

Подняв глаза, я от изумления широко раскрыла их. Энджил стоял рядом на ногах и протягивал руку.

— Давай потанцуем напоследок. Думал, уже никогда не испытаю этого удовольствия.

Я заулыбалась, слезы предательски выступили на глазах, со всех сторон зазвучала знакомая мелодия вальса, созданная самой природой: голосами птиц и хлопаньем крыльев, шуршанием ветра и плеском воды. Она проникала в самое сердце, наполняя мелодией душу. Соединив наши руки и взгляды, мы совершили первые шаги вальса, двигаясь по самой поверхности воды. Меня сопровождало непередаваемое чувство легкости. Легкие касания пробуждали знакомые чувства, отчего не хотелось прерывать происходящее.

Мы долго кружились, а после просто стояли и смотрели друг на друга, не в силах расцепить объятия.

— Спасибо, что ты есть. Я всегда буду с тобой, только не забывай, — слово до боли знакомо прозвучало возле самого уха. Теплое дыхание и это блаженное спокойствие, не иначе я попала в нирвану.

Едва уловимый далекий стук, напоминающий тяжелые капли, срывающиеся с большой высоты, с каждым мгновением становящийся все отчетливее и громче. Энджил нехотя отпустил мою руку и начал быстро отдаляться. В отчаянии я бросилась за ним, ноги с каждым шагом все больше вязли в воде, сейчас напоминающей загустевающую жижу. Догнать его никак не получалось.

Вокруг все плыло, становясь нечетким, сон помимо моей воли начинал рассеиваться.

Вернувшись в реальность, устало потерла слипающиеся глаза и потянулась, вытаскивая руки из-под одеяла. Судя по свету и теням, которые отбрасывали близрастущие деревья, рассвет уже наступил. По стеклу молотил дождь. Удивленно взглянув на влажную подушку и такие же пальцы, попыталась вспомнить, что же мне снилось. Кошмар? Да, скорее всего, немудрено, что я расчувствовалась.

Сев и подобрав ноги я прикрыла глаза и неожиданно вспомнив про отражение, покосилась в сторону зеркала. Пусто. Его нет, только крашеная стена. Дождь настойчиво забарабанил в стекло, заставляя обратить на него внимание. Подняла голову и тут же встретила с обеспокоенным взглядом Адель. Она активно жестикулировала, на что-то указывая, я проследила взглядом. Дверь. Странно, что она молчит, могла бы просто крикнуть, чтоб отрыла, звукоизоляция в домике не настолько хороша.

Опустив ноги на пол, ощутила ступнями обжигающую прохладу. За ночь домик остыл. Шлепая босыми ногами, взволнованно обернулась на кровать, сбитая с толку увиденным. Я что, сама сумела расправить ее и лечь? Огляделась. Зеркала нигде не было. Ничего не понимаю.

— Что с тобой случилось? — набросилась подруга, стряхивая ливень капель с зонта. — Звоню — не отвечаешь, стучу — тишина, кричу — результата никакого. Поздно легла, что

ли?

Я тут же воспользовалась придуманной лазейкой и кивнула, соглашаясь.

— Ты чего так затравленно озираешься? Потеряла что-то? — не унималась Адель.

— Зеркало... — растерянно протянула я, натягивая носки. — Которое вчера с тобой купили.

— Ты бредишь? — одной рукой она коснулась моего лба, второй открыла дверь в комнату, вталкивая меня и усаживая на кровать. — Говорила же, не стоит ночевать здесь одной, — поставив на плиту чайник, Адель без зазрения совести перерыла все ящики в поисках еды. — Ты замерзла. Сейчас чайку заварю, согреешься, а я, так уж и быть, составлю тебе компанию и повеселю тебя рассказом о вчерашнем свидании. Ты ведь сгораешь от нетерпения? Да сиди на месте, чего вскочила?

— Зеркало в красивой раме...

— Сходи на прием к врачу, уже не смешно. Вон твоё зеркало висит на стене лет сто уже как.

— Не то, ну помнишь, ты вчера мне его до электрички помогла донести? — с надеждой в глазах вымолвила я.

— Ты как хочешь, но чай попьём в другом месте, а ещё лучше плесну тебе успокоительного, а может, чего покрепче, — и, схватив со столика ключ и мою куртку, подтолкнула к выходу. — И повторяю ещё раз, вчера мы ничего не покупали.

Разговор с Адель лишь усилил нервное состояние. Если честно, успокоить разошедшуюся подругу удалось не сразу, она порывалась позвонить сперва отцу, потом (к моему ужасу!) мачехе. Приложив огромные усилия, я смогла убедить её, что зеркало мне просто приснилось. И я, не до конца проснувшись, приняла сон за реальность. В конце концов Адель присмирела, вновь заговорив о вчерашнем свидании.

Тени, гонимые закатным солнцем, уже начали удлиняться, став четкими, точно нарисованными. Поспешно дойдя до подъезда, юркнула в его мрачную прохладу и, не желая ждать скрипящий на верхних этажах лифт, пошла по лестнице. Пребывая в задумчивости, я медленно поднималась по лестнице и вынырнула из своих мыслей со щелчком открывшейся двери. Замерла, вернув занесенную ногу на ступень ниже, с удивлением обнаружив, что несколько ступеней и я на месте.

До меня донеслось шуршание мягких шагов, и лязг открывшихся дверей лифта заставил податься вперед, чтобы увидеть уходящего гостя, ведь с той стороны только две квартиры, одна из которых моя. Во мне зародилось надежда, что это отец, а мне сейчас так не хватало поддержки близкого человека. Возможность упустить его, разминувшись, заставила выглянуть из моего укрытия.

Взгляд зацепил темную строгую одежду. Отец не любил черное, значит, гость заходил к соседям. Лифт дернулся и со скрежетом поехал вниз, а я чуть не выпала на площадку, заметив в проеме открытой двери Сильвию в неприлично коротком платье.

— Привет, ты вернулась? — она быстро взяла себя в руки, скрыв отразившиеся эмоции.

— Кто это был? — не тратя время на приветствия, холодно спросила я.

— Да так... друг, — отмахнулась Сильвия, улыбнувшись. — Как у тебя дела?

Я нахмурилась, прекрасно понимая, что мои дела никогда её не интересовали.

— А отец знает, что ты водишь в дом таких друзей?

И не дожидаясь, пока она придумает ответ, легко проскочила мимо.

— Конечно, знает, глупенькая, — никак не реагируя, я сняла обувь и шагнула в

квартиру. — Кстати, — стараясь догнать ускользающую падчерицу, повысив голос, крикнула она, — я записала тебя на очередной прием к доктору Мартину, прошлый ты необоснованно пропустила, могла бы позвонить и предупредить. Он очень расстроился.

— Я не пойду, — раздраженно бросила через плечо, уже толкая дверь в свою комнату.

— Как? Я, между прочим, заплатила деньги! — в ее голосе начали проскакивать истерические нотки.

— Разве прием не бесплатный? — от услышанного даже замерла в дверях, искренне удивившись и растерявшись.

— Я заплатила... чтобы тебя приняли пораньше... ты ведь моя дочь.

— Твоя... кто? — с силой сжала зубы, да как у нее только язык повернулся такое произнести. — А ну повтори, что ты сказала! — разозлилась я, развернувшись к ней и пригвоздив злым взглядом.

Сильвия странно хохотнула на мою бурную реакцию. Только сейчас я обратила внимание на ее странное поведение: она стояла в туфлях на каблуке, слегка пошатываясь, и ее цвет глаз словно изменился, став темнее. Прищурилась, пытаюсь понять в чем дело. Сильвию повело в сторону, и она неуклюже села на низкую тумбочку. Пьяная, что ли?

Она сделала попытку встать, но подвернувшаяся ледышка заставила ее рухнуть на место, и все это сопровождал нервный смех.

— От тебя что, убудет? — хихикнула она, скинув туфли и встав прямо.

Хмыкнув и не собираясь больше продолжать этот спектакль, закрыла дверь своей комнаты на защелку.

Раздался непродолжительный стук в дверь, и все стихло. Видно, сдалась, ох, и когда же вернется папа? Этот вопрос не выходил из головы, ведь его телефон по-прежнему был недоступен.

Посидев немного без дела, — сосредоточиться на чем-то конкретном никак не получалось — решила прогуляться на кухню. Завернула за угол, прикидывая, что хочется сейчас зажевать больше, яблоко или банан, и остановилась рядом с дверью в ванную комнату, предвкушая, мысленно смакуя каждый фрукт. Шум льющейся воды смолк и до меня отчетливо донесся голос Сильвии

— Я сказала! Ты что, за дуру меня принимаешь? — пауза, похоже, сейчас говорил таинственный человек по другую сторону телефона. — Я даже назвала ее дочкой! — голос пискляво взлетел вверх, по-видимому, услышанное задело мою мачеху.

Поняв, что речь идет обо мне, подошла ближе к двери, прислушавшись. С той стороны доносилось лишь гневное сопение и шаги.

— Не переигрываю я. Сделала что могла, — уверенно заявила она, — не потащу же я ее силой на прием? И не смей угрожать мне! Да делай что хочешь! — завопили из-за двери так резко и громко, что я невольно подпрыгнула, испугавшись, пропустив окончание разговора. А вот когда щелкнул замок, бежать оказалось поздно: до ближайшей двери далеко, а останусь в коридоре, и у нее не будет сомнений, что я все слышала. Я сделала единственно правильный выход из этой западни — юркнула за уже открывающуюся дверь, от волнения перестав дышать.

Сильвия, не отрывая свой взгляд от экрана телефона, прошла вперед, и мне удалось незамеченной юркнуть в коридор, ведущий на кухню.

«С кем она только что разговаривала обо мне и что этот человек собирается предпринять»? — замотала головой, чувствуя себя участником малобюджетного фильма.

Выглянув из-за угла и убедившись, что он пуст, на цыпочках проскользнула за дверь своей комнаты. Есть расхотелось, а вот тревожных мыслей прибавилось.

Следующим утром меня разбудила телефонная трель смс-ки. Приоткрыв левый глаз, глянула на загоревшийся экран телефона: шесть утра, и это был мой последний летний денек. Завтра начнется учеба, вновь беготня, занятия, чтение и зубрежка домашних заданий, рефераты... застонала от такой несправедливости. Перевернулась на другой бок. Но нет, сон не шел, а мысль о том, кто же так подгадил с самого утра, не выходила из головы. Протянув руку и разблокировав экран, открыла злосчастную смс.

Если до этого я еще надеялась продолжить валяться в кровати, а возможно, и уснуть, то после прочтения сообщения «абонент снова в сети» проснулась окончательно.

«Папа, папа скоро приедет!» — вновь и вновь повторялась самая счастливая мысль за последние несколько дней, я и сама не хотела ее отпускать, перекатывая на языке, точно любимый леденец.

Руки чесались тут же позвонить ему или хотя бы написать, но вовремя себя одернула: папа всегда звонил сразу, как появлялась возможность. Должно быть, переговоры или важная встреча еще не закончились, а мысль, что ему не хочется разбудить меня в шесть утра, не сразу посетила мою голову.

Не теряя времени, включила компьютер и, набрав в поиске «тушеное мясо с овощами», стала искать оригинальный рецепт. Готовить в день возвращения папы стало уже моей традицией и хотелось заняться этим прямо сейчас.

Почитав просторы интернета и вдохновившись аппетитными фотографиями, добавила одну из страниц в закладки и решительно закрыла браузер, боясь пропасть там на долго.

Через час я уже не находила себе места. Список продуктов лежал в кармане куртки, а я мерила комнату шагами дожидаясь времени открытия магазина. На часах стрелки показывали без пятнадцати восемь, ближайший продуктовый магазин работает с девяти. Еще немного посомневавшись, сменила штаны и футболку, схватила со стула куртку и, очень стараясь не шуметь, покинула погруженную в утреннюю дремоту квартиру.

По дороге в магазин меня не покидали теплые мысли о скорой встрече с папой. Я во всех красках уже представляла наше воссоединение и не менее волнительный разговор, пыталась придумать вопросы и его ответы, а фантазия вырисовывала невероятные исходы таких откровений.

И вот он магазин с длинными рядами полок. Покупателей почти не было, и я задумчиво шла по центру прохода разглядывая представленный товар. В корзине уже лежали мясо, кабачки, баклажаны, помидоры, несколько пакетиков с приправами и вроде вот она, заветная касса без единого покупателя, но нет, в этот раз я решила поэкспериментировать и добавить в мясо немного меда. Резко развернувшись, поменяла направление и столкнулась с мужчиной. Серая кофта на его животе натянулась, сделав морду нарисованного волка слишком широкой.

— Извините, — машинально вырвались слова. Пока поднимала взгляд, мужчина отвернулся и быстрым шагом скрылся за соседним стеллажом, на ходу надевая капюшон с волчьими ушами.

«Станный какой», — подумала я. От зарождавшихся подозрений спас звук смс. Поспешно достав телефон, прочла: «прости, буду через три дня». «Приезжай скорее, жду» — тут же отправила ответ, понимая, что некоторые продукты к его приезду успеют

испортиться. И уже не спеша поплелась до нужного отдела.

Идти домой расхотелось, да и срочность в этом отпала. Придерживая капюшон, я едва плелась по тротуару, а когда от тяжести ручки пакета большо впилась в кожу остановилась за деревом. Поставив пакет и растирая красные полосы села на выступающий корень, прикрыв глаза. Стоит выспаться, сейчас приду и попытаюсь уснуть. В голове шумело, а глаза нещадно жгло. Ранним утром на подъеме адреналина совершенно этого не заметила, а вот теперь от резких движений мир вокруг начинал угрожающе шататься. Разлепив глаза, лениво блуждала взглядом вокруг: высокие, шумящие листвой деревья, спешащая женщина в красном, несколько смеющихся и подпрыгивающих активно жестикулирующих подростков, дедушка-собачник, выгуливающий свое маленькое визжащее недоразумение, мужчина, облокотившийся локтями о свои ноги. Волчьи уши его капюшона трепал ветер.

Встрепенулась. Тот же самый, что и в магазине? Спрятавшись за дерево, прищурилась, пытаюсь разглядеть повнимательнее. И правда похож, хотя в магазине я его и рассмотреть то не успела. Ну вот что за паранойя началась? Может, сел отдохнуть. Так некстати вспомнился случайно подслушанный разговор Сильвией. Хмыкнув, выпрямилась. Совсем задержала свои нервы с творящимися вокруг непонятками. Но все-таки неясная тревога не покидала меня, и я прошла через кусты к другой, не заметной отсюда, тропинке.

Последний день перед учебой хотелось провести в спокойствии, отдохнув напоследок, лишние потрясения и эмоции уже ни к чему.

Первый учебный день — дело не из легких, а втягиваться после длительного отдыха вообще непросто. К последней лекции мозг отключился, и я, машинально записывая информацию, льющуюся ровным потоком, уже думала о своем: о событиях прошедшего лета и всем необычном, что произошло со мной. Тот неожиданный вальс с красивым смуглым парнем, концерт и загадочное письмо от моей якобы знакомой, этот пугающий мужчина в кафе с промораживающим цветом глаз, потрясающе живой сон с зеркалом. Да еще этот чокнутый доктор. Как-то слишком много непонятного за последние месяцы.

На улице заморосил дождь, настойчиво застучав по стеклу и скатываясь объемными каплями вниз, сливаясь с другими, ускоряясь и безудержно несясь прочь по его гладкой поверхности, искажая реальность за окном.

Мое внимание привлек одинокий мужчина, неподвижно замерший под черным зонтом. Темное полотно скрывало лицо. Засмотревшись, вытянула шею, пропустив момент, когда преподаватель назвала мое имя.

— Лейла, раз вы мысленно отсутствуете, то потрудитесь приготовить к следующему занятию реферат. Запишите тему: десять способов сосредоточиться на деле.

Тяжело вздохнув, записала неплановое домашние задание.

Студенты быстро покидали здание института, я же, словно случайно наклонившись перевязать шнурки, незаметно огляделась вокруг. Дождь кончился, оставив после себя сырость на траве и грязные лужи на дорогах и тротуарах.

Облегченно вздохнула: того подозрительного человека видно не было.

— Вот ведь растяпа, — выругалась я, глянув на часы. Мой автобус прибудет на остановку уже через пятнадцать минут, а следующего придется ждать больше получаса.

Переходя на бег, свернула в парк, желая сэкономить несколько минут. Утоптаные дорожки старого парка петляли и пересекались, вздымались маленькими холмиками, резко или едва заметно опадая вниз, пересекаемые толстыми корнями, местами поднимающимися из земли, точно готовые напасть змеи. Я почти летела, едва успевая перепрыгивать

возникающие препятствия, замечая, что дыхание начинает сбиваться. Наконец, глубоко дыша и стараясь унять боль в боку, я остановилась, готовясь к очередному забегу, когда начало резко темнеть, а от поднявшегося ветра жалобно застонали деревья. Грозовые облака черной краской наступали на серое небо. Дрожащие тени, сгущаясь, накладывались друг на друга, становясь сплошными чернильными пятнами.

И только когда звучно треснула, сломавшись, сухая ветка, я настороженно замерла. Быстро обернувшись, предчувствуя неладное, и увидела того самого человека, крутившегося возле моего института. Узнав в нем мужчину с изображением волка и ушами на капюшоне. Он тоже остановился и, не таясь, пристально посмотрев на меня. Сердце неистово забилося о свою клетку, в разы усилив панику. Я кинулась бежать не разбирая дороги. Едва протоптанная тропинка сильно петляла, точно желая запутать преследователя. Я неслась, стремглав перепрыгивая ямы, обломленные сильным ветром ветки, торчащие корни, уворачиваясь от ранищих кожу ветвей.

Бег с препятствиями в надвигающемся сумраке мешал сфокусироваться. Собственные шаги и бьющий в лицо ветер заглушали все прочие звуки, и я не могла понять, преследуют ли меня. Впереди замаячили знакомые ворота выхода из парка. Резкий хрип вырвался изо рта, глаза то и дело застилала черная пелена от резкой боли в боку, колющими ударами отдающейся в плечо.

Резкий рывок назад, и я кубарем отлетела к кустам. Для своей не худенькой комплекции мужчина отлично справился с погоней, кажется, даже дыхание не сильно сбилось. Он довольно хмыкнул, вытягивая из кармана веревку. От страха меня лихорадило, холодный пот выступил на лбу и противными каплями скользил по спине, впитываясь в футболку. Округлившимися глазами я наблюдала, как его мясистые пальцы достают все тянущуюся и тянущуюся веревку. Попыталась отползти, но ноги не слушались, а перенесла максимально вес тела на руки, едва не упала на подогнувшихся локтях.

Шаг ко мне... еще шаг... медленный и неторопливый. Он точно уверен, что я никуда не денусь и нам никто не помешает. Открываю рот, пытаюсь выдавить крик о помощи, мысль, что мы не одни во всем парке, греет душу.

Гортанный звук, напоминающий звериный рык, прогремел совсем близко, вздрогнув от этого, резко повернула голову в направлении предполагаемого источника, ожидая увидеть оскаленную собачью морду. Голос предательски пискнул, оборвавшись, когда мой преследователь, точно сбитый тяжелым предметом, отлетел в сторону и затих. Я моргнула от резкой смены картинки. И это странное давящее, пытающее поработить чувство навязывание чужой воли, эхом скользнуло по мне.

Неожиданно для самой себя голова прояснилась, словно включился резервный режим. Надо бежать! Торопливо поднявшись на ноги, кинулась напрямую через кусты, растущие за мной. Ветки больно хлестали по открытым частям тела, оставляя красные полосы. Острые обломленные концы ранили кожу. Зацепившись за не вовремя попавший под ноги корень, вывалилась на центральную тропинку парка. Вдоль нее стояли покинутые лавочки и одиноко светили фонари.

— Ты поранилась, — голос раздался настолько близко, что я, затравленно пискнув, сжалась в комок.

Он стоял, не делая попыток подойти, я, по-прежнему замерев, сидела на земле. От чрезмерного напряжения болела каждая мышца.

— Помогите! За мной гонятся, — наконец выдавила я, с трудом поднимаясь на ноги.

— Я знаю, — эхом ответили мне.

От услышанного едва не грохнулась вновь, все вокруг дружно качнулось, грозясь завертеться бешеной каруселью, пришлось опять вернуться в сидячее положение. От страха и непонимания, кто передо мной и что ему надо, обхватила себя руками за колени, желая вжаться в землю, пытаясь унять произвольные потряхивания и молясь, чтобы он не тронул меня, а еще лучше просто провалиться под землю.

— Тебе помочь встать? Я не причиню вреда, — в голосе отчетливо промелькнула грусть.

От неожиданного заявления вскинула голову на скрытую тенью фигуру.

— Кто вы? Что вам нужно? — кроме того, что голос дрожал, неприятно клацнули зубы, когда почувствовала, как даже воздух вокруг этого незнакомца излучает невидимую опасность.

— Призрак из прошлого, — почти ощутила, как лицо говорившего исказила гримаса боли.

— Я не верю в призраков.

— А в таких, как я? — и, не дожидаясь ответа, он вышел на освещенный фонарем участок.

Я сощурилась, произвольно желая лучше разглядеть говорившего. Прямые черные волосы, остриженные чуть ниже плеч, тонкие черты лица, темные, при таком освещении кажущиеся скорее черными глаза.

Это лицо показалось мне смутно знакомым, всколыхнув где-то глубоко внутри знакомые спящие чувства. Почти физически ощутила его неотрывный взгляд, он следил за мной, за моей реакцией, за каждым движением, улавливая, казалось, любые изменения.

Мной завладело отчаяние. Если убежать от первого преследователя представлялось вполне реальным, то сейчас, вымотавшись, скрыться от возникшего из ниоткуда молодого мужчины не представляло возможности. Нервно сжав пальцы, проскребла ногтями по влажной земле. Затянувшееся ожидание душило. Опустив голову, я безнадежно замерла. Пустота заполняла сознание, лишая возможности мыслить здраво.

— Что вам нужно? — неприятное покалывание усиливалось, когда его словно ощупывающий взгляд скользил по моей коже. — Да кто ты такой, черт тебя побери?

Непонятные образы, подернутые туманной дымкой, всплывали в памяти, я резко мотнула головой, прогоняя их прочь, но они с маниакальной настойчивостью повторялись.

Возня и неприятные звуки отвлекли меня, вырвав из калейдоскопа картинок. Повернув все еще замутненный взгляд, произвольно заморгала от открывшегося зрелища.

Грязная, в пыльных разводах, одежда моего первого преследователя и по-прежнему тянущаяся из кармана длинная веревка, зацепившаяся за куст. Он, словно огромный бульдог, полз на четвереньках, странно припадая к земле. Дернувшись в сторону, издала едва уловимый шум, но и этого хватило, чтобы глаза уставились на меня. В них плескалось безумие и ни грамма узнавания. Словно на моем месте росло дерево, одно из многих в этом парке.

Тут же тонко захихикав, он наклонился к земле, принявшись лизать грязь. Я поморщилась от представшей картины. Ветер сменил направление, подув в мою сторону, а нос уловил слабый запах фекалий. Зажав рот и нос, попятилась. Мир вновь крутанулся, едва не упав на меня.

А ведь когда отшвырнуло первого нападавшего, в воздухе чувствовалась надвигающаяся

угроза, словно знакомое всем состояние природы перед страшным ливнем. Я ведь и испугалась в тот момент как раз этой внезапно сверкнувшей стихии, состоящей из враждебности, злости, тревоги... Неужели... Пазл начинал медленно складываться и, пребывая в замешательстве от догадок, подняла взгляд на забытого, отступившего в тень человека.

— Это вы...? — не в состоянии выразить словами, неопределенно мотнула головой в сторону валяющегося и катающегося по земле, точно дворняга, человека.

— Перестарался, — а в голосе не промелькнуло и грамма раскаяния.

Он не пытался увильнуть от ответа, просто констатировал факт, и даже не знаю, радовало ли меня внезапное спасение, ведь спасший меня уж точно был куда опасней.

— Что вы с ним сделали?

Для меня было диким видеть то, что вытворяет горе-нападавший. А он, точно животное, грыз ветки, катал по земле камни, подкидывал успевшие опасть листья, тыкался лицом в кусты и даже задрал ногу, точно собака. Мне стало жутко от одной мысли, что вот так играючи он сумел перепрошить мозг. В мельком пойманном взгляде не осталось ничего человеческого, там разливалась безграничная пустота.

Да кто ты такой? — собственные мысли показались слишком громкими. Думать о чем-то другом мешали разыгравшаяся паника и фантазия, специально рисующая картины одна хуже другой.

— Это обратимо? — голос дрожал, но ответ был важен, чтобы рассчитать свои шансы, если меня постигнет та же участь. В душе я и сама знала правду.

— Ты замерзла? — спросил он вместо ответа и этот знакомый жест рукой, когда он поправил волосы и загнутый от порыва ветра воротник.

А ведь и действительно, сейчас от сковавшего холода не чувствовала пальцев рук, а повторяющиеся сотрясения тела могли мной так и остаться незамеченными.

— Это не убийца и не маньяк, просто очередная жертва, попавшая под влияние денег. Он следил за тобой на протяжении нескольких дней, а сегодня собирался похитить. Я чуть не опоздал, — он одарил презрительным взглядом пытающегося почесать себя ногой человека.

Мозг разрывало от противоречивых чувств. Мужчина, ставший животным, резко повернулся в мою сторону, приняв себя, и гримаса перекосила его лицо. Попытавшись отползти еще дальше, упала на спину и закрыла лицо руками, не в силах сдержать рыдания. Меня трясло, и между всхлипами и резкими выдохами я пыталась схватить воздух, чувствуя, как от его нехватки жжет внутри.

— Убирайтесь, убирайтесь оба! Оставьте меня в покое! — смысл сказанного плескался в моих глазах пойманным в капкан зверьком.

Его брови взметнулись вверх, сразу же последовал шаг в моем направлении. Меня резко бросило в жар, выступил холодный пот, моментально впитываясь в ткань футболки. Ветви кустов уперлись в спину, прогнувшись, не пуская дальше. Выставив вперед руки в панике, замахала ими, словно отгоняя внезапный морок в его лице.

Он медлил. От безвыходности тело застыло, забыв о необходимости дышать.

— Как пожелаешь, Агнесса, — шепот разнесся дуновением ветра.

Произнесенное имя не сразу смогло отпечататься в моей голове, будто застряв на пути в лабиринте извилин.

— А-несса? — едва сумела вымолвить между всхлипами близкое сердцу имя. — Кто

ты? Почему произнес это имя? — услышать ответ оказалось настолько страшно, что зажмурила глаза. Еще никогда я так не боялась правды и так не желала ее услышать.

Но вокруг вновь воцарилась тишина. Неужели послышалось?

Затравленно заозиралась по сторонам. Сейчас парк полностью погрузился в сонную тьму, странным образом продолжая сгущаться вокруг меня все плотнее, точно обволакивая. Сквозь слезную муть обнаружила, что незнакомец исчез, затихли и жуткие игрища спятившего преследователя, затерявшись в темноте.

Неужели одна? — возникла мысль. Так и лежала, даже не пытаюсь встать, зная, насколько бесполезно это занятие. Ослабевшее и уставшее тело слушалось с трудом. Едва рука нашарила в куртке, телефон изо рта вырвался вздох облегчения, а пальцы, еле попадая по кнопкам, начали набирать знакомый номер Адель. Заветные гудки, и сердце в надежде ускоряет ритм, когда я слышу заспанный голос.

Неожиданный звук разлетающегося вдребезги предмета оглушает, а моя рука, сжимающая воздух, взорвалась болью. Распахнув глаза, я непонимающе смотрю на поблескивающие осколки своего любимого телефона.

— Ты не останешься одна. Не сегодня.

Я резко подняла голову, шейные позвонки жалобно хрустнули. Боже, это был Адис! Это имя неоновой вывеской выдала память. Как и тогда, он стоял, глядя на меня свысока (рост здесь не причем), осознавая свое превосходство. Луна осветила его нахально улыбающееся лицо, но все же что-то в его чертах изменилось, только вот так сразу я не могла уловить, что именно.

— Ты пойдешь со мной.

Ну вот и влипла.

Адис развязной походкой сделал круг, вернувшись, легко вздернул меня на ноги и потрянул, словно куклу. От неожиданности и очередного шока не успела собраться, ударившись затылком об дерево. Голова взорвалась болью, моментально сменившейся холодной тьмой.

Я медленно приходила в себя, разрывающая на части головная боль заставляла морщиться. Послышались приглушенные шаги, и яркий свет, упавший на мое лицо, ослепил, вынудил резко отвернуться и вскрикнуть от нарастающей мигрени.

— Как ты себя чувствуешь? Я уж думал, что ты... впрочем, все обошлось, — Адис замолчал, прислушиваясь к далеким звукам, слышимым только ему.

И, наконец оставив фонарь в сторону, сам уселся на дощатый пол, катнув в моем направлении бутылку с водой. Едва увидев плескающуюся жидкость, облизала пересохшие губы и жадно припав к бутылке, большими глотками начала поглощать освежающую жидкость.

Организм настолько устал испытывать эмоции, что сейчас внутри наступила спасительная пустота. Сев, уставилась на мужчину. Свет фонаря почти не касался его, но даже так без малейших усилий узнала черты лица. Все та же самоуверенность и чарующее спокойствие в расслабленной позе. Даже в таком месте и в пыльной одежде он выглядел принцем, а не нищим. Адис не мешал, но ухмылка все это время не сходила с его лица.

Наконец он встал и прошелся по небольшому помещению, распиная по углам валяющиеся камни, крупные обломки досок и веток. Странно, но с виду развалина оказалась

недостроен, недоделанный пол был устлан свежей стружкой со странными коричневыми пятнами. Строение все еще вкусно пахло горьковатым деревом, под которым притаились страх и смерть.

Он остановился у противоположной стороны, освещая фонарем стены, потолок, не спеша разглядывая строение, на самом же деле следя за мной, не пропуская ни вдоха, ни малейшего движения.

— Я вроде бы здесь и одновременно меня нет. Это ужасно, ощущать себя не там, где ты должен быть. Тебе ведь это знакомо? — Адис нахмурил брови.

Одет он оказался весьма просто: джинсы и черная футболка и какие-то дешевые ботинки, футболка слишком плотно обтягивала тело. Скорее всего, все это ранее принадлежало другим людям. От такой догадки стало не по себе.

Чуть заметно кивнула.

— Я ничего не понимаю: как оказался здесь? — он посмотрел на меня, ожидая ответа.

Я сглотнула слюну, сбитая с толку его речами. Нетерпеливо скрипнув зубами, зло выплюнула:

— Делаешь вид, что не понимаешь? — неожиданно быстро он оказался возле меня, и его шепот заструился ядом. — Помнишь те чудесные ночи, когда я приходил к тебе? Можем повторить.

Дернувшись, постаралась увеличить между нами расстояние, но он не пустил, с силой сжав плечо.

— Я... я действительно не понимаю, — захныкала в ответ. Картины прошлого оживали, окрашиваясь в настолько реалистичные краски, что заставляли почувствовать совершенно беспомощной.

— Ты помнишь тот день, когда тебя зачем-то понесло в озеро? Я следил за тобой от самого города. А когда ты полезла в воду, попытался вытащить. Каюсь, преследовал определенные цели, мне нужно было заполучить прощение Анатоля, а через тебя это представлялось наиболее легко, — он засмеялся, словно воспоминания доставили ему наслаждение.

Округлила глаза, все, что он описывал, тотчас же вырисовывалось ярче реальности.

— Отвечай мне! — сжав мои щеки, заставил податься вперед, оказавшись в непосредственной близости от него.

Адис облизал сухие губы, показав заостренные клыки. Только сейчас я рассмотрела засохшие пятна на футболке и грязные волосы, неаккуратно забранные в хвост. И этот металлический блеск в глазах... настораживал.

— Так это был ты? — не удержалась я, смешно шевеля собранными в бантик губами.

Адис бросил на меня такой взгляд, что мне стало дурно, но рука немного ослабила хватку, давая мне возможность общаться свободнее.

Я задумалась. Как ему вообще объяснить то, во что самой не верилось до сегодняшнего дня? По правде говоря, все странности лета я списывала на разыгравшееся воображение, и опа... я вновь лицом к лицу столкнулась с кошмаром. Вот только сейчас страха нет, слишком много переживания, волнений, событий... навалилось разом.

— В тот момент, когда мы оказались в озере, прошлое, настоящее и будущее стали едины, в тот миг время перестало иметь значение. Мы совершили путешествие во времени и в пространстве, — объяснение старика-проводника из того необычного книжного магазинчика вспомнилось само собой. Странно, а как же его звали?

— Не представляешь, сколько мне потребовалось времени, чтобы понять — всему виной ты. Попав к нам, ты тоже полностью не помнила свою жизнь до? — он начинал злиться, потому что не понимал. Да и я никогда не умела объяснять.

Задумавшись, мотнула головой.

— Нет, свою жизнь до перемещения в прошлое я помнила хорошо, а вот попав сюда, забыла почти все. Вообще настоящее и будущее — это мираж, а прошлое — только отголоски жизни.

Не оценив мой юмор, Адис ударил кулаком в стену очень близко от моей головы. Дерево жалобно затрещало, от появившейся вмятины пошли зигзагообразные трещины. Я вскрикнула, сжавшись. Обхватил мою голову руками, и я потонула в его силе, в понимании того, что стоит ему лишь пожелать и сильнее сжать пальцы, и моя жизнь закончиться.

— Прекрати бросаться ненужными словами и объясни, — сквозь зубы процедил взбесившийся вампир, — как мне вернуться обратно?

Я сделала минутную паузу, приходя в себя, разбуженный страх бился бешеным пульсом на языке. Голос дрожал, то и дело прерываясь:

— Ты совершил резкий скачок через века. Мне было сказано, что такие путешествия, разрывающие пространство на куски, опасны и не проходят бесследно. А организм из-за резкого перемещения может сбиться, не в силах сразу настроиться под нужные ритмы.

Хищно улыбнувшись, он откинул меня на импровизированную лежанку из тряпок. И, резко встав, прошелся по комнате, размышляя над чем-то. Да уж, а ему совсем не шла дешевая одежда с чужого плеча.

— Ты так и не ответила, как мне вернуться? — злобно рыкнул, он и резкие тени, упавшие на его лицо, напомнили, кем он является, — хищником, безжалостным и всегда добивающимся своего. — В воде я слышал голос. Мне дали понять, что я влез куда не следует и, если не вернусь, — Адис горько усмехнулся, отчего из-за кривого освещения напомнил безумца, — я исчезну совсем.

— Я не знаю, как тебе помочь. Я почти ничего не знаю.

Как ему вообще удалось разыскать меня?

— Ты лжешь!!!

Он легко поднял меня над полом и швырнул в противоположную стену. Удар. Вспышка боли от чего потемнело в глазах.

— Глупая девка! — ярость клокотала в нем, разрастаясь все сильнее. — Я не хотел ничего этого, ты понимаешь? — неожиданно взмолился Адис, склонившись надо мной и посадив на охапку сена, принесенную из-за двери, пока я, скрючившись, приходила в себя.

— Помоги мне, это ведь в твоих силах, — его голос перешел на успокаивающий шепот. — Ты ведь это сделаешь для меня? А я взамен отпущу тебя живой.

Не знаю, что именно меня насторожило больше: странное обещание оставить в живых или резкая смена настроения. Но то, что отразилось на моем лице, ему о-очень не понравилось.

Адис зачерпнул рукой сухую землю и с плохо скрываемым злорадством провел по моему лбу, щеке, шее, оставляя грязный след.

— Хочешь поиграть? Что ж, ты знаешь, какие игры по мне, — он схватил за волосы и, наклонив голову вбок, медленно провел языком от самых ключиц до уха. От творившегося я находилась на грани обморока. — Сейчас я слишком проголодался, у меня на сегодня припасен человечек и новая могилка, — Адис в этот момент был настолько доволен собой,

что, казалось, он делится со мной фееричной идеей для праздника. — Недалеко я создал целое кладбище, как-нибудь устроим романтическую прогулку вдвоем и я познакомлю тебя с достопримечательностями. А может, ты захочешь понаблюдать за процессом и отпустить грехи умирающему?

— Ты сошел с ума!

Его глаза сузились, превратившись почти в щелки. Я что это произнесла вслух?

— А ты помнишь, как я целовал тебя, — и его губы коснулись моих, а рука оказалась на затылке, фиксируя, — гладил, — вторая рука скользнула вверх, под футболку, сжимая, причиняя боль, — а твоя кровь дарила безумное удовольствие?

Не сомневаясь, что он доведет незапланированную игру до конца, в отчаянии уперлась умом в грудь, укусив за внаглую проникший в рот язык. К вкусу старой крови примешался свежий. Желудок предательски сжался, начиная нервно пульсировать. Меня замутило, и я едва успела отвернуться, когда сжимающие меня объятия ослабели, на грязный пол выплюнула полупрозрачную жидкость. Я закашлялась, пытаюсь не рухнуть на внезапно ослабевших руках.

Адис встал, подтолкнув ногой в мою сторону полупустую бутылку с водой, и направился к двери, напоследок чмокнув губами, от этого звука меня неслабо передернуло. Щелкнул, закрываясь, засов.

— Завтра принесу еды и одежду. Потерпи, моя милая, — от разрезавшего тишину голоса подскочила, найдя мертвенно бледное лицо, заглядывающее в окно. — А моим подарком тебе будет небольшой кошмар, — поймав мой взгляд, подмигнул и, плотно закрыв ставни, заблокировал их.

Я и не заметила, когда Адис забрал фонарь, и сейчас помещение погрузилось в темноту. Замерев, долго сидела неподвижно, вслушиваясь в тишину шуршащего леса. Высокие деревья стонали, раскачиваемые ветром, где-то плакала ночная птица, а в траве надрывались сверчки. Изба тоже жила, в местах неснятой со стволов древесины то и дело слышалось скрежетание. Вспомнив о живущих в коре огромных белых личинках, рванула подальше от стены, чуть не упав. Меня остановила длинная натянувшаяся цепь, крепившаяся к кольцу на лодыжке.

Снова и снова я дергала и тянула привязь, безумно желая вырваться и убежать из этой западни, пока мучитель не вернулся осуществить обещания. И только когда ноющие руки начали проехались по заскользившему от крови железу, поняла бессмысленность своих действий. Без сил упала, и подтянув ноги обхватили их руками. Постепенно дыхание выровнялось, пульс перестал отчаянно стучать в висках и холод начал проникать сквозь одежду острыми иголочками разбегаюсь по телу.

Отчего-то вспомнился Алекс. Это ведь он спас меня. Но почему он промолчал, почему не попытался хоть что-то объяснить?

Сжав кулак, ударила несколько раз по доске, разрыдавшись, и от отчаяния дернула ногой, железное кольцо вновь резко впилось в израненную кожу. Свернувшись калачиком на сене, покрытом тряпьем, я лежала и всхлипывала, не в силах обуздать рвущиеся наружу эмоции, не спеша погружаясь в дремоту.

Я стояла перед хорошо знакомой дверью, до такой степени боясь заглянуть внутрь, что тело заледенело от рвущегося изнутри холода. Рука сама собой потянулась к дверной ручке, и ледяные пальцы болезненно сомкнулись на не менее холодном предмете.

Почему я здесь? Оглушительно громкий поворот замка, а в действительности едва

ощутимый щелчок, заставил вздрогнуть и съежиться от царившего на душе хаоса.

Через приоткрывшуюся щель из коридора упал ровный луч света, и стало отчетливо видно цветастый ковер и кусок стола со стоящим на нем жутким деревянным предметом. Нервно сглотнула, оглянувшись. Отец строго-настрога запретил входить в эту комнату. Неуверенно шагнула внутрь, неплотно прикрыв дверь.

Из-за отсутствия источника света в комнате тут же сделалось жутко. Стараясь подавить крик, прошла к окну, раздвинув серые шторы. Помещение залил свет, и комната стала слишком радостной.

Мама всегда любила яркие предметы: статуэтки, книги, броши, картины, и, вновь попав под преобразующие лучи света, они заиграли невероятно чистыми красками. В глазах поплыли цветные пятна, я зажмурилась.

На дрожащих подгибающихся ногах пошла в сторону книжного шкафа, где стоял стол, и, остановившись в шаге от него, дрожащей рукой откинула падающие на глаза волосы и удивленно уставилась на трясущиеся руки. Меня передернуло от ужаса происходящего, от холодного пота футболка неприятно прилипла к спине.

Как хорошо, что зеркало напротив занавешивала ткань. Не хотела бы я увидеть в нем жалкое подобие былой меня. Когда я сделала последние шаги к деревянному ящику, сердце замерло, забыв, что стоит биться.

Не знаю, сколько я простояла в нерешительности, пока наконец оказалась в состоянии совершить задуманное. Одна-единственная мысль, засевавшая в голове, не давала покоя, изводя. Собственно, ради этого я и решилась не смотря на строгий запрет проникнуть сюда.

Взобравшись на стул, вцепилась в край гроба и ощущение, что это я недавно умерла, стало до безумия отчетливым. От осознания происходящего губы задрожали, а перед глазами встала непонятная муть. Сознание из последних сил пыталось защитить детскую психику, скрыть правду.

Быстро заморгав, прогнала мешающую пелену, увидев до боли родное лицо. Было похоже, что мама просто спит. Кончиками пальцев коснулась ее щеки, вопреки ожиданиям кожа оказалась мягкой. Может, действительно спит?

— Мама... мамочка! Ты меня слышишь?

Тишина. Дыхание сделалось частым. С силой сжав одной рукой деревянный край гроба, второй обняла ее, положив голову на грудь. Под знакомым, родным, уже едва уловимым цветочным запахом чувствовался другой, чужой и пугающий. Я лежала, и слезы тревожным потоком бежали из глаз, впитываясь в тонкую ткань маминого платья.

И тут пришло неожиданное понимание природы маскирующегося и прячущегося чужого запаха. Смерть. Я прислушалась. Давящая тишина, без привычного сердцебиения, стала для меня откровением.

Ее больше нет. И подавляемые ранее чувства отчаяния и безысходности затопили, впившись в мое тело тысячами игл.

Едва различимый смех Адиса заставил с вскриком отстраниться. А в сознание закралась мысль — это всего лишь сон. Как же давно меня не тревожил этот день. Нет, нет, только не опять! Не хочу, я уже пережила это!

Тяжело дыша, закрыла лицо руками, отступая к выходу. Отмершее сердце стучало с удвоенной скоростью, и я начала задыхаться, беспомощно хватая ртом воздух.

Сделав очередной неуклюжий шаг, запнулась, упав на спину и, не пытаясь встать, поползла, ощущая себя вновь той маленькой восьмилетней девочкой, раздавленной горем.

Случившийся в далеком прошлом кошмар вновь повторялся с ужасающей реалистичностью.

Нет, я не готова пережить это еще раз!

Проставленная к краю комода крышка гроба пошатнулась и с грохотом разорвавшейся бомбы упала на пол, и белая рука взялась за края гроба. Погружаясь все глубже в липкую паутину ужаса, я зажмурилась. Время замерло.

Мягкие, осторожные, словно не желающие спугнуть меня прикосновения успокаивали и дарили непередаваемое блаженство. Нехотя я разлепила глаза, обнаружив, что надо мной склонился отец.

— Пап, ты уже вернулся? — заморгала, прогоняя остатки жуткого сна, встревоженное сердце отозвалось на дорогого человека трелями соловья.

— Я уже поел. Спасибо тебе, как всегда, было очень вкусно.

Озадаченно посмотрела на его улыбающееся лицо. И когда это я успела приготовить?

Еще одно невесомое касание. В блаженстве я прикрыла глаза, но, открыв их вновь, обнаружила, что обе папины руки спокойно лежат на коленях. Зависла от несоответствия происходящего.

А невидимая рука словно мягким мехом пощекотала ушко, перебирая длинные волосы, переместилась на спину, ощущения от нее растекались по телу блаженными волнами. Заподозрив неладное, перекатилась на бок, что-то звякнуло, и лодыжку пронзила резкая боль.

Тут же открыв глаза, слепым котенком, уставилась во тьму. Это был сон? Разочарование, что я не дома душило, не давая покоя. Поежилась от холода. Никогда бы не подумала, что в начале сентября такие прохладные ночи, подышала на окоченевшие и саднящие руки, растирая их, пытаюсь заставить кровь быстрее бежать по венам. Поморщилась. Из-за засохшей крови кожа ощущалась наждачной бумагой. Израненные ладони и пальцы припухли и чесались.

Вновь прислушалась к себе, осознавая, что прикосновения, дарящие спокойствие, возобновились вновь, а помещение наполняла такая знакомая чарующая сила. Хруст покачивающейся пластиковой бутылки заставил выпрямиться, насторожившись, а так как зрение в темноте для человека совершенно бесполезно, попыталась обострить слух. И вновь плескание воды и мягкие перекаты.

Адис здесь? Но он же обещал вернуться только завтра. Прижалась спиной к стене и совершенно забыв о кишках в ней гадах, ловила каждый шорох. И сразу же начала сомневаться в своих домыслах. Сами ощущения присутствия были иные, в них чувствовалось больше силы и ласки. Они словно бы самостоятельно гуляли по помещению, незримо исследующие его и... меня. Руками попыталась стряхнуть эти мягкие пушистые прикосновения.

Свет обычного фонарика вспыхнул со стороны двери, освещая пол, едва касаясь стоящей там фигуры. Я вскинула руку, стараясь защитить глаза.

— Люблю эффектные появления, — и, наигранно тяжело вздохнув, добавил: — Ну и придурок он. Ты голодна?

В очередной раз застигнутая врасплох, застыла статуей с замершими в воздухе руками. Не знаю как, но я уже догадалась, чье лицо увижу, столь живые и неоднозначные ощущения дарил только он.

Николас направил фонарик так, чтобы я смогла рассмотреть его лицо. А оно не изменилось, но столкнусь с Николасом на улице, точно прошла бы мимо, не узнав. Его

длинные густые волосы оказались обрезаны каскадом чуть ниже ушей, а на лицо падала длинная рваная челка.

Не теряя времени и не дожидаясь моей реакции, он уверенной походкой приблизился, тут же накинул на мои плечи неизвестно откуда взявшийся плащ. Я не могла отвести взгляд от завораживающих движений и невольно скользнула взглядом по серебряной вышивке блеснувшей на манжетах рубашки.

Хотелось кинуться к нему, умоляя, чтоб Николас помог, спас, но я молчала. Вряд ли он явился сюда за этим, раз до сих пор медлит. Неожиданно возникшая перед лицом рука с завернутыми в пакет бутербродами озадачила не меньше. Решил покормить меня вместо спасения? Он издевается?

— Что тебе нужно? — вышло резче, чем планировала.

Безумно хотелось есть, но вступать в очередную игру, не зная правил, было глупо и опасно. По сравнению с ним Адис как соперник — новичок.

— Ешь, — не дожидаясь моего расположения, уронил пакет мне на колени. — А я думал, Эрик слукавил, что нашел тебя. Агнесса, девочка из будущего.

— Меня зовут Лейла, — исправила я нахмурившись, и не сдержавшись свое недовольство мысленно добавила, — раз ты пришел не помогать, то катись прочь со своими речами.

Веселый смех заполнил помещение, Николас сполз по стене на пыльный пол, не в силах остановить звонкий голос.

— Такой я тебя и запомнил, — Николас слегка наклонил голову, будто в поклоне. — Но теперь ты можешь закрывать свои мысли когда захочешь, хотя раньше они были просто недоступны, — подняв бутылку, он протянул ее мне.

Я вопросительно посмотрела на выплескивающуюся жидкость, бутылка оказалась открыта. А когда моего лица коснулась влажная ткань, едва не заорала.

— Можешь продолжить сама, — широко улыбнувшись, гость вложил мне в руку белый платок.

Нервно посмотрев на него, вспомнила, насколько легко он сломал Алексу палец и насколько эта кажущаяся хрупкой внешность обманчива. В животе требовательно заурчало, виновато отвела глаза, увлеченно рассматривая пылинки, кружащиеся в луче яркого света.

— Хватит упрячиться, ешь, — и, усевшись на пыльный пол, вытянул ноги.

Жуя безумно вкусный хлеб с колбасой, едва не подавилась, вновь почувствовав, как невидимые прикосновения бархатистой тканью скользнули вдоль позвоночника. Закашлявшись, чуть не померла, когда Николас возникнув рядом решил заботливо похлопать по спине. Наконец с едой было покончено, и оставшийся пустым пакет гость убрал в карман.

— Ты милая, жаль, что это не я встретил тебя первым.

Подняв фонарик, словно действуя по плану, он пересек половину помещения. Дернувшись за ним, была остановлена длиной цепью.

— Ах да, чуть не забыл, — скорее для самого себя произнес Николас, и, мгновенно оказавшись возле меня, присел на корточки. — Я заберу свой плащ, ни к чему оставлять лишних следов.

И неожиданно напрягшись, посмотрел вдаль, мне показалось, что он видит даже сквозь стены. Его глаза неестественно ярко сверкнули, отчего внутри скрутился неприятный тугой комок. Даже обращенный не на меня, взгляд затягивал черной бездной, картинка начала искажаться, словно я смотрела через кривое стекло. Вокруг тела сомкнулся плотный

давящий кокон, воздух стремительно покидал окружающее меня пространство. Я беспомощно открывала рот, хватаясь за горло.

— Вот ведь мелкий гаденыш, вздумал вернуться? — он подхватил меня, когда тело пошатнулось, отказываясь держать вертикальное положение, и осторожно уложили на импровизированную постель. — Извини, не хотел задеть тебя. Уже успел позабыть, насколько люди восприимчивы и хрупки, — прохладная рука коснулась лба. — Спи, тебе скоро понадобятся силы.

Сквозь тревожный сон мерещились странные звуки, объяснения которым никак не находилось. Тьма по-прежнему сжимала меня в своих объятиях, не давая и малейшего шанса пробиться к свету. А я словно вновь тонула в ней, как когда-то в черных водах. Теплый водный поток обнимал за плечи, заботливо прижимая к чему-то. По телу от мест соприкосновений волнами расползались ожившие мурашки. И я, поддавшись призрачному шансу на спасение, ухватилась за невидимый объект, руки сомкнулись на вполне осязаемом предмете. Я быстро заморгала, открыв глаза, не полностью понимая, что происходит.

Сердце ухнуло вниз, показалось, что нити, удерживающие его, растянулись до предела, заставляя съежиться от странной мысли, что внутри может все оборваться. Сверху нависала ненавистная деревянная крыша, через открытое настежь окно проникал слабый желтоватый свет луны.

Плохо соображая, скользнула глазами в сторону. Изображение плыло, захотелось зажмуриться и убрать нарастающую тревогу в душе. Меня вновь побеспокоили, устраивая поудобнее в полукруге рук. Теплое дыхание скользнуло щеке и дружеский поцелуй коснулся лба.

— Ты сможешь идти? — в знакомом голосе прозвучало столько беспокойства и теплоты, что я невольно сощурилась, фиксируя картинку.

— Ты? — глаза защипало, и мир затянуло водной пеленой. Быстро смахнув подступившие слезы, попыталась взять себя в руки.

— Прости, я тогда... не хотел тебя обидеть и повел себя как дурак.

Опираясь на его руку, неуклюже попыталась встать. Открыла рот, давась ненужными словами.

— Тс-с, это я должен извиняться, не ты. У нас мало времени, если потребуется, я понесу тебя.

Придержав меня, Алекс помог встать ровно, заставляя ощутить всю прелесть затекшего тела. И только после того, как убедился, что я в состоянии стоять сама, убрал руки.

— А как же... — имя мучителя застряло в горле, настороженно глянула в окно, ожидая увидеть в нем сумасшедший взгляд. Его обещание иглами пронзило память.

— Быстрее, он скоро вернется, — Алекс взял меня за руку и настойчиво потянул к двери.

— А может, дождаться его и обезвредить, а то он так просто меня не отпустит, — по ходу он хорошо приложил меня головой или запугал, раз я хочу подождать Адиса здесь.

— Хочу, чтоб ты поскорее забыла этот кошмар, идем.

Едва покинув пределы бревенчатого домишки, мы побежали. Алекс уводил меня прочь, мимо поваленных возвышающихся деревьев, огибая овраги и страхуя на скользких, поросших мхом спусках. Луна угрюмо проникала сквозь редкие проблески между деревьями, помогая мне хоть отчасти видеть дорогу.

Алекс замер, отчего я ткнулась в него, не сумев вовремя затормозить. Его тело

выпрямилось, приняв неестественную позу, и он настороженно, точно зверь, почувявший опасность, прислушался к лесному шепоту.

— Скорей! Бежим! — Алекс еще крепче сжал мою ладонь, теперь я едва поспевала за ним, спотыкаясь и не падая только благодаря его поддержке.

Он тащил меня вперед, не давая перевести дыхание, ноги подгибались, воздуха не хватало. Мелькали деревья. То ель, то сосна или береза возникали на миг в поле зрения и тут же исчезали вдаль, ветви тянулись к одежде, цеплялись за волосы, царапали кожу.

— Я устала!

— Мы не можем останавливаться, иначе он быстро нас догонит, — отрезал Алекс, даже не оглянувшись.

Я остановилась, схватившись ослабевшими руками за дерево.

— Мы не можем, — повторил мой спаситель, взяв за руку, и помимо моей воли потянул за собой сквозь переплетающиеся ветви.

Деревья резко закончились, и прямо перед нами высоко вверх поднимался отвал из огромных валунов и земли.

— Скорей! Мы почти пришли! — ободрил меня Алекс, останавливаясь и явно намереваясь пропустить вперед.

— Вверх? — чуть ли не задыхалась, простонала я, — не могу.

— Ты должна! Неужели мы с Лолой зря так долго искали тебя? — он смотрел строго, взгляд ощущался колючей проволокой. Услышав знакомое имя, вспомнила милое детское личико в обрамлении рыжих волос и, открыв рот, оказалась перебита строгим: — Вперед! — Это была, бесспорно, команда.

Двигаться вверх оказалось немного легче, чем бежать сломя голову, не зная дороги и практически ничего не видя. Алекс лез следом, помогая, поддерживая, а порой просто подталкивая.

С детства я обожала лазить по заборам, деревьям и скалам, конечно, такой шанс выпадал нечасто, но эти теплые детские воспоминания придали сил. Не удержавшись взглянула вниз на пройденный путь: уменьшившиеся, ставшие больше похожими на кусты деревья, беспокойную гладь леса, раскинувшуюся ворсистым ковром внизу; от этого вида в полумраке у меня захватило дух. А возникшая из-за серых кружевных облаков почти полная луна окрасила вид в багровые краски. Глянула вверх. Мое внимание привлек странный свет с той стороны склона.

Засмотревшись, оступилась, неудачно поставив ногу, меня тут же развернуло, уронив на спину и я, беспомощно вскрикнув, заскользила по камешкам и угловатым кусочкам земли, частично рассыпающихся подо мной. Сильная рука обхватила меня, и вес чужого тела пригвоздил к земле, останавливая случайное падение. Частицы земли и камней продолжили катиться вниз, исчезая в крошечной тьме, и только звук оставался реальным доказательством случившегося.

— Тебя нельзя оставить ни на секунду, — усмехнулся он, и его волосы защекотали мне лицо.

Аккуратно усадив меня, расположился рядом.

— Думаю, пара минут отдыха не помешают.

Притянув колени и обхватив их, постаралась расслабиться, вопреки всему сковала тело. Оказалось, что бежать и лезть в гору гораздо легче, чем отдыхать. В расслабленном состоянии мышцы начинало тянуть и сводить.

— Мы почти пришли, — подбодрил меня Алекс, видимо, посчитав время привала оконченным. Я почувствовала, что он усмехается, наклонившись опасно близко. Не выдержав взгляда, отвернулась.

Мы продолжили взбираться. В этот раз он не отходил далеко, страхуя. Мои руки и ноги ныли от перенапряжения. Но я и сама уже видела вершину горы, упрямо цепляясь за вросшие камни и скользя на более мелких. Еще мгновение, и мы спасены. Вот и вершина!

Я чуть не закричала, упав на четвереньки в пожухлую скошенную траву:

— Ты что издеваешься? Здесь ничего нет! Только поле

— Местность немного изменилась за последние годы. Я здесь давно не был, — он виновато улыбнулся.

— Я не могу даже пошевелиться. Пусть лучше этот кровосос меня прибьет, — тут же опустилась на сухую листву. Тело трясло мелкой дрожью, оно будто протестовало против любых дальнейших передвижений.

Алекс, не спросив, поднял меня на руки и быстрой уверенной походкой проследовал вперед. Под ногами шуршали успевшие опасть листья, трещали мелкие ветки.

От охватившего меня смущения сердце испуганным зверьком бросилось на утек, а каждый вздох до боли наполнял легкие воздухом. Инстинктивно обхватив Алекса руками, непроизвольно наблюдала за развивающимися на ветру спутавшимися волосами. Нерешительно перевела взгляд вверх на стиснутые челюсти и плотно сжатые губы, пропустив момент, когда губы изогнулись в улыбке. В его взгляде промелькнули веселые искорки. Поняв, что меня застучали за откровенным разглядыванием, в полной мере ощутила неловкость. Застенчиво улыбнувшись, поняла, что дальше хочу пойти сама.

— Дальше я сама, можно? — шепнула в его грудь.

Алекс остановился, выпуская из своих объятий.

— Давай руку, — просто сказал он, раскрывая ладонь и осторожно сжимая мою.

Быстро глянула на него, пытаюсь понять, что скрывается за всеми этими жестами и словами. Но этому не суждено было случиться, мы уже побежали по полю к только ему ведомой цели.

Впереди между редким рядом деревьев виднелась яма метра четыре в ширину, наполненная черной протухшей водой, надежно скрывающей дно. Через нее оказались переброшены два дерева средней толщины. Я притормозила. На них то и ступил Алекс, протягивая руку мне, замершей в нерешительности. Создавалась иллюзия, что под хрупкими с виду стволами раскинулась бездна. Голова закружилась, и вместо шага вперед сделала его назад.

Алекс напрягся, мое отступление напоминало начало бегства совсем не в том направлении.

— Я удержу тебя, ну же!

Глубоко вздохнув, закрыла глаза, собираясь с силами. Рука Алекса поймала мою, крепко сжав, блокируя любую возможность побега. Судорожный выдох, и нога опустилась на импровизированный мост. Сразу же почувствовала, насколько ненадежны и подвижны стволы. Живот стянуло от напряжения. Чернота воды притягивала, словно смотришь в пустоту бездонного колодца, манящую прыгнуть и окунуться в его безмятежность с головой.

Он уверенно ступал по шатким стволам, я же еле передвигала дрожащие от волнения и усталости ноги.

Я осторожно, небольшими шажками двигалась по бревну. Стоило бы не смотреть на

чернильного цвета воду, но я не удержалась, моментально чуть не потеряв равновесие запнувшись за один из сучков. Мост мелко дрожал и шевелился, точно живой. Алекс притянул меня ближе, позволяя почувствовать исходившую от него уверенность. Наконец с блаженством шагнула на твердую землю, переводя дыхание и вытирая выступивший пот.

— Почти на месте.

В первое мгновение не придавала значения изменившемуся освещению. А когда прозрела, справившись со своим страхом, передо мной открылся потрясающий вид на карьер, освещенный прожекторами. Он уходил на много метров вглубь земли и содержал в себе, казалось, все оттенки серого и коричневого с переходом в оранжевый, от этого вида у меня вновь закружилась голова. Несколько более-менее приличных домиков виднелись на противоположной стороне, точно забытые детьми игрушки.

Недалеко стояло сооружение, напоминающее сарай, Алекс пошел именно к нему. Наконец-то я поняла, куда мы держали путь. Вот только зачем?

За заброшенным зданием к дереву были привязана лошадь серой масти. Заслышав шаги, она сразу же подняла морду, уши ее шевелились, она прислушивалась к ночному говору.

— Немного проедем верхом, а то нас схватят раньше, чем доберемся до станции. Там мы должны оказаться завтра к двум часам ночи, чтобы сесть на электричку. Не думаю, что Адис легко сможет просчитать траекторию нашего пути, а полученного времени им хватит.

— Хватит кому? — однако ответа не последовало.

Алекс быстро развязал поводья и помог мне взобраться в седло. Непривычно поерзав, попыталась вспомнить правильную посадку и движения тела. И, едва почувствовав, как его руки с обеих сторон задели меня, поудобнее перехватывая поводья, сжалась и тут же выгнулась, стараясь почти не касаться его спиной. Спустя полчаса навалившаяся усталость буквально придавила к спине лошади. Сгорбившись и переместив большой вес на руки, неуклюже переваливалась, вторя покачивающемуся ходу. Пришлось замедлить движение животного до шага.

— Лейла! Впрочем, я могу позволить тебе отключиться, — легкий смешок, и я, едва не задремав, встрепенулась, сев ровнее, повернув голову чуть назад, к говорившему. Глаза слипались, и, похоже, усталость не мог побороть даже страх упасть с лошади.

— Я справлюсь, — мысль оказаться совершенно беспомощной немного отрезвила.

— Нам нужно успеть доехать до опушки леса. Облокотись на меня.

Не дожидаясь моей заторможенной реакции, притянул мое тело к себе на грудь, зафиксировав левой рукой и перехватив поводья правой. Туман начал покидать сознание, зрение прояснилось и по телу растеклась волна чужой энергии.

«Ты обещал так не делать!» — едва не выкрикнула я, прекрасно понимая, что происходит. Но вовремя прикусила язычок: если б не он, давно свалилась на землю.

Когда показались первые деревья, линия горизонта светилась восходом. Дарованная сила быстро иссякала, и я не издала ни звука возмущения, когда Алекс на руках спустил меня на землю, понимая, что сама просто бы съехала, рухнув в траву.

— Выпей это, — кажется, я на секунду отключилась, потому что не видела, откуда он мог достать небольшой железный термос.

Из сосуда шел теплый пар, переплетающийся с пряным ароматом трав. Сделав глоток, я поморщилась:

— Кисло, — скривившись еще больше от усилившегося послевкусия.

— Умница. Теперь посиди здесь, сейчас все приготовлю, — осторожно облокотив меня

о дерево, он растворился между могучими стволами. Хотя учитывая мое плачевное состояние, возможно, я просто прикрыла глаза.

Сон отпускал постепенно. Сперва ощутила запах земли, скрывающий под собой остаточные нотки туалетной воды и давящую, сковывающую тревожным состоянием тишину. Разлепив опухшие от слез глаза, — а меня разбудили именно собственные всхлипы — вновь встретила с давящей чернотой. Возникла шальная мысль, что последние события мне просто померещились, тут же вернулся страх, что Адис может явиться за мной в любой момент. Собралась и упершись во что-то относительно мягкое, рванула вверх.

— Тише, — не давая мне подняться, чужие руки притянули, уложив на прежнее место, — я рядом.

Притихнув в стискивающих объятиях, уловила участвовавшее биение чужого сердца. Потребовалось несколько долгих минут, чтобы воссоздать полную картину случившегося.

— Алекс? — с сомнением произнесла я.

— Давно мечтал, что ты назовешь меня по имени, — откликнулись в темноте, ослабляя объятия, заботливо сменившиеся легкими поглаживающими движениями, одновременно подтягивая повыше сползший от моих бурных действий плед.

— Где мы и что с Адисом?

— Помнишь, однажды я тебе показал временное укрытие? — спросили меня вместо ответа.

Я нахмурилась. Действительно нечто подобное всплыло в памяти и, желая проверить догадку, вытянула вбок руку. Едва она коснулась стены, как с легким шелестом обвалились кусочки потревоженной земли.

— Это... — удержать внезапно накотившую панику не получилось.

— Это обычное углубление в земле, прикрытое камнем, — переплетя свои пальцы с моими, Алекс спрятал наши руки под теплый плед. — Здесь немного тесно, придется потерпеть, укрытие рассчитано только на одного.

Получается, мы под землей, кишасей червями, жуками и личинками? С опаской извернулась, дотрагиваясь до обещанного камня над нами. Алекс не мешал. Пальцы коснулись шершавой, слегка прохладной поверхности, а затем нащупали небольшой мягкий упругий участок. Мгновенно представив, что за мерзость это может быть, с визгом отдернула руку.

— Это мох, — не в силах сдержать смех, пояснил Алекс.

Переведя дыхание, вновь устроилась на груди спасителя, прислушиваясь. Ровный стук сердца подо мной, сопровождаемый плавными подъемами грудной клетки, вызывал легкий трепет и непонятное чувство облегчения и душевной теплоты. Захотелось плотнее прижаться и почувствовать тепло тела, убедиться, что он не иллюзия. От собственных мыслей сделалось неуютно. Что за странные желания посетили мою голову?

Осознав, что поглаживания стихли, а рука Алекса замерла, прислушалась к участвовавшему сердцебиению обоих сердец, закрывая свои мысли. Оказалось, мои руки обхватывали мужской торс. Собственное сердце позорно пустилось вскачь, выдавая волнение. Не желая больше усугублять свое положение, прикрыла глаза, ослабив хватку, просто ожидая окончания нашего временного заключения.

— Скажи, а как ты меня нашел? — долгое молчание угнетало, а тихие приглушенные

звучи заставляли временами нервно сжимать пальцы.

— Один друг подсказал.

Я недоверчиво заморгала, безуспешно всматриваясь в то место, где должно быть лицо. Поняв свою оплошность, пояснила:

— Не сейчас, а вообще.

Мне показалось, он задумался, почти сразу после моего вопроса начав перебирать мои волосы.

— Когда ты пропала, уехав в магазин... поиски не прекращались несколько недель. Ты ведь знала, куда направляешься, не так ли? Могла оставить хотя бы записку, — Алекс не сделал паузу для моего ответа, он и так его знал. — Несколько лет спустя меня нашел тот самый человек, с которым мы столкнулись на приеме, Байрон Дейлз, и поведал мне странную историю, неожиданно всплывшую в памяти после пробуждения посреди ночи. Он утверждал, что видел тебя раньше, оказавшись в незнакомом месте. Его тогда вели голоса, говоря помочь очутиться одной молодой девушке там, где ей предназначено быть. Дейлз подробно описал место и события, они совпали с твоими воспоминаниями. Он был настолько возбужден своим внезапным открытием, что болтал без умолку всю ночь, желая разобраться во всем. После я стер ему память.

На его последнем откровении у меня открылся рот. Стер память? А говорит так, словно одолжил у него ручку.

— А... со мной ты такое проделывал? — вопрос прозвучал неожиданно даже для меня. Я замерла, заранее опасаясь того, что могу услышать.

— Нет.

Повисла напряженная пауза и недосказанность. Проведя рукой по лицу, убирая мешавшие волосы, почувствовала под пальцами неприятную, шершавую, измазанную в грязи кожу. Сразу же вспомнились гадкие прикосновения Адиса. И в таком неприглядном виде меня застал Алекс? Какой позор! Заскребла ногтями, пыталась привести себя в более-менее подобающий вид. Бесполезно.

— Есть вода? — отвернулась, стараясь сделать все возможное, чтобы мое лицо не попало в поле зрения вампира, прекрасно помню, он неплохо видит в темноте.

Алекс зашевелился, пытаясь извлечь желаемое, затем послышался щелчок и звук льющейся воды.

— Посмотри на меня!

— Что? — непроизвольно вскинулась, и по лицу прошла влажная прохлада, уверенно прочерчивая линию.

Попыталась уклониться, но рука, державшая меня за подбородок, не разрешила.

— Позволь мне, — и тут же продолжил, не разрешая вставить слова протеста. — Знаешь, ты останешься красивой, даже измазавшись в грязи полностью, — не в силах пошевелиться, быстро перебежала по темноте глазами, вновь стараясь выровнять сбившееся дыхание. Он продолжил прерванный рассказ. — Время шло, появлялись открытия, описанные тобой, города сменяли один другой. Я проклинал себя за то, что не запомнил название города, где ты жила, и хоть какие-то стоящие зацепки. Но в то далекое время это казалось таким ненужным. Отчаявшись, мы думали, что не найдем тебя.

— Мы? — мне показалось, что я ослышалась. Внезапно узнать ответ стало очень важно.

Алекс вздохнул.

— Я и Лола.

— Что? — подскочив вверх, резко уперлась головой в прижатую к затылку руку, следуя моему порыву Алекс приподнялся.

— Не так резко, а то ударишься о камень.

— Но... но... но... она, — от переизбытка чувств начала заикаться.

— Она давно не ребенок.

Значит, они вместе? Неприятное чувство кольнуло в самое сердце. Поджав губы, повела плечами, скидывая ставшими привычными, объятия. И все же недосказанность чего-то важного червячком засела в голове, но желание дальнейших расспросов исчезло, освободив место непонятной обиде.

Кажется, я задремала и очнулась, оттого что меня осторожно переворачивают, укладывая на спину. Дернувшись, впилась ногтями в сухую землю, неприятные ощущения и ассоциации заполнили воображение.

— Нам пора, — голос, раздавшийся надо мной, выдавал напряжение. — Не двигайся, скоро мы вновь окажемся на поверхности.

Закивав, точно болванчик, с трепетом наблюдала за увеличивающимся проемом. Свежий воздух наполнил душное укрытие, только сейчас в слабом свете смогла разглядеть земляные стены и устилающую дно плотную ткань.

Выбравшись на поверхность, с упоением вдохнула полной грудью, оглядывая опушку леса. Высокие сосны уходили своими вершинами в небо, а стволы покачивались из стороны в сторону под порывами ветра. Где-то одиноко куковала кукушка.

В животе заурчало. Смущенно потупив взгляд, предпочла не смотреть в сторону идущего ко мне Алекса.

— Держи, — мне протянули наполовину пустую бутылку с водой, — через часа четыре сможешь поесть.

Благодарно кивнув, сделала несколько глотков.

Спустя меньше двух часов мы, отпустив лошадь, сидели на скамеечке с облупившейся голубой краской, дрожащий и мигающий свет неисправного фонаря начинал нервировать. Поглядывая на тени, отбрасываемые на платформу нами, забором, верхушками недалеко растущих деревьев, украдкой поглядывала на Алекса. До этого момента мне ведь так и не удавалось как следует рассмотреть его.

Делая вид, что всматриваюсь куда-то вдаль, скосила глаза на него, встретившись взглядом. Сглотнув подступивший комочек, выдавила из себя подобие улыбки, на что Алекс, вопрошая, поднял бровь.

— Э-э-э, ты совсем не изменился.

— Ошибаешься, — и этот снисходительный взгляд.

— Я про внешность, — чувствуя себя неловко, уточнила я.

— Говорю же, ошибаешься.

Под его пристальным взглядом неосознанно коснулась своего лица, отворачиваясь. Представляю, насколько ужасно выгляжу в его глазах. Пальцы Алекса, едва касаясь, скользнули вверх по моей скуле, осторожно убрав за ухо выбившиеся волосы. От взгляда черных глаз по телу побежали мурашки.

— Ты по-прежнему прекрасна, — он сел чуть ближе, заслоняя меня от прохладного ветра. — Не волнуйся, я стер всю грязь с твоего лица.

Уже и забыла, насколько смешанные эмоции дарили наши с ним прогулки наедине. Из неловкого момента меня выручил звучный гудок приближающейся электрички.

Мы вошли в вагон. Тусклый, желтый свет старых ламп практически не освещал его. Мельком оглядевшись, задержала взгляд на двух колоритных старшеклассниках. Они сидели недалеко от входа и что-то обсуждали, склонившись к телефону. У одного голову украшал белый ежик, у другого молодежная, словно общипанная клочками стрижка, закрывающая половину женственного лица. В центре расположились несколько мужчин, женщина преклонных лет с внуком, молодая пара. Народу в столь поздний час совсем не много. Мы заняли места у дальних дверей. Не желая вгонять себя в еще большее смущение, уставилась в окно.

— Тебе нельзя возвращаться домой, — бросил Алекс, нарушая шаткую тишину.

Повернув голову налево, посмотрела ему в глаза:

— Что? Адис ведь до сих пор где-то поблизости, а вдруг он нападет на папу или Адель? — на лице Алекса ничего не отразилось, словно время смыло все эмоции.

— Тебе все равно?

— Я не могу защитить всех, — просто ответил он.

«Где-то я слышала такой ответ», — возникла четкая мысль.

— Мне и не нужно всех! — не удержала я рвущееся наружу возмущение, схватив его за рукав рубашки, несколько человек с любопытством оглянулись на нас.

На следующей станции часть пассажиров вышла и зашел один старичок. Электричка, лязгнув, вздрогнула железным телом, тронувшись дальше. Надувшись обиженным ребенком, уже открыла рот, намереваясь выплеснуть придуманные аргументы, но Алекс поднял руку вверх, призывая к тишине, и, откинувшись на спинку, прикрыл глаза, прислушиваясь.

— Неподходящее место и время для споров, — и, предупреждая очередной вопрос, добавил: — Смотри.

Дверь в вагон плавно открылась, и внутрь ввалилась шумная компания из четырех подростков. Среди обилия мата с трудом угадывались знакомые слова. О чем-то оживленно споря, они резко остановились возле двух запримеченных мной ранее ребят.

— Деньги гони! — разговоры стихли, пассажиры стали оглядываться.

Один из банды вырвал прижатый к груди светловолосого рюкзак и бесцеремонно высыпал содержимое на скамью, расталкивая по карманам понравившиеся вещички.

— А где бабло?

Не споря, второй с модной удлиненной стрижкой, вытащил из кармана смятые купюры. Белобрысый прижался спиной к стене, успев отползти к самому окну.

— Что за подачка, засунь ее себе... — и, глянув в лицо темноволосого мальчишки, весело заметил, — опа, пацаны посмотрите, какая тут цаца. Ты мальчик или девочка?

— А может, эти двое голубки? — выдал другой.

— Ненавижу геев! — рыкнул вновь первый и, швырнув деньги в мальчишку, с размаху ударил его в лицо. Двое дружков хохотнули, тот, что слева, одобрительно похлопал по плечу.

— У нас больше нет, — пискнули оба, прижавшись к стене вагона.

— Молчать, мразь! — не глянув в сторону говорившего, бросил кто-то из компании.

Разозлившись, противник смазливых мордашек грубо схватил темноволосого мальчика за грудки, подтянув ближе, и со смешком скинул на пол, пнув тяжелым ботинком. Мальчик закашлялся, свернувшись точно улитка, хватаясь за бок.

— Скрылся с глаз! — и новый удар, пришедшийся по ноге.

Скрюченное тельце зашевелилось, пытаюсь заползти глубже под лавку. Теперь он лежал наполовину под сиденьем, свернувшись в позу эмбриона, тихо постанывая.

Резкий, звучный удар по деревянному сиденью, не сговариваясь, оба подростка вскрикнули.

— И не вылазь, пока не разрешу, — резкий хохот дружной компании разнесся по вагону.

Белобрысый внезапно пришел в себя, его голос сорвался на крик, моля о помощи. Никто из пассажиров не шелохнулся. Пожилая женщина, сидящая в центральной части вагона, пригнувшись, встала и, подталкивая перед собой внука, успела сделать несколько торопливых шагов по проходу.

— Куда собралась старая? Сядь на место и жди своей очереди.

Воспользовавшись моментом, светловолосый мальчик, перемахнул через невысокую спинку своей и соседней лавки и побежал по вагону, прося защиты.

Он притормозил возле старика, ища помощи, но тот лишь опустил виновато глаза. Эта пауза обошлась ему слишком дорого, услышав непристойные слова и бросив испуганный взгляд через плечо, он сорвался вперед, успев сделать лишь несколько шагов, прежде чем тяжелый предмет ударил в спину.

Распластавшись на полу, он попытался встать, но опустившаяся сверху нога придавила к полу.

— Папочку собрался звать? — зло усмехнулся догнавший его, оттягивая голову, умудрившись схватиться за короткие волосы.

— Помогите! — захрипел едва различимый голос.

Заржав пальцы, он надавил с размаху ударил лицо бедолаги о пол, с нескрываемым удовольствием размазывая хлынувшую кровь по грязному линолеуму.

Я зажмурилась, не в силах видеть эти издевательства. Стоны, звенящие в воздухе, натянутой струной разрывали сердце. Чувство бессилия вперемешку с животным страхом за свою собственную жизнь промораживало до костей.

Немногочисленные пассажиры старались стать незаметными, со страхом отводя глаза.

— Деньги! — это был приказ, адресованный абсолютно всем, — А чтоб не думали, что мы играем...

— Они не тронут нас, — перевела озадаченный взгляд на развалившегося и прикрывшего глаза Алекса и пропустила момент, когда бандит достал небольшой ножик и с размаху воткнул в правую ладонь светловолосому, пригвоздив к полу.

— Какое-то время придется не ласкать своего дружка, — издеваясь, выплюнул преступник.

Сорвавшийся вопль мальчишки заставил встать дыбом волоски на теле, но он тут же был остановлен скомканной тряпкой, бесцеремонно всунутой ему в рот. И желая поглумиться еще сильнее, злодей будто случайно встал на пальцы искалеченной руки. — Упс, больно, да?

Напавший больше напоминал сумасшедшего, и даже Адис бы позавидовал безумству, огнем горящему в глазах. Отмахнувшись от неприятных воспоминаний, я нехотя возвращалась к реальности. Выделившийся адреналин затуманил сознание. Судорожно сглотнув, отчаянно замотала головой, стараясь прогнать все еще звенящий в ушах крик.

— Помоги им! — не выдержала я, безрезультатно пытаюсь унять дрожь в голосе, стараясь отлепиться от лавки, в которую вжималась.

— Ты говорила, чтобы я помог только твоим близким, но только сейчас поняла, как сложно пройти мимо чужой боли.

Я была не в состоянии задержать на чем-то мутный от тревоги взгляд. Картина происходящего двоилась и троилась, увеличивая количество агрессоров. А еще так некстати всплыл обреченный взгляд инвалида в уезжающей электричке. Схватив Алекса за руку, отметила про себя его ледяное спокойствие.

— Почему никто не поможет? — зашептала я, ведь в вагоне присутствовало несколько пусть и в возрасте, но мужчин. Я искренне не понимала, как все эти люди могут сидеть, юркнув в свои мирки и ждать, что их это не коснется?

— Боятся. Многие здесь встречаются с ними не впервой.

— Боятся подростков? — не поверила я.

— Некоторых деньги сводят с ума, рождая агрессию, жестокость — эти чувства могут двигать горы. Это страшные чувства. Они уничтожают изнутри. Их боятся. Эти «дети» могут и убить... и убивали... безнаказанно.

— Откуда ты?.. — я осеклась.

Он только грустно улыбнулся.

Я бросила взгляд на размазанную по полу кровь, похожую на случайные мазки кистью. Зверь выглядывал из глаз каждого подростка. Им не было известно, что такое жалость или пощада.

Труссы! Какие же все труссы! И даже я боюсь за свою жизнь, но просто сидеть и ждать своей очереди в этот раз нет сил.

Когда я вынырнула из своих мыслей, ужасные звуки, которыми пропиталась каждая частица воздуха, гудели агрессией и ненавистью. Распластавшийся недалеко от нас мальчишка не шевелился, потеряв сознание. Обезображенное кровью лицо выглядело сломанной маской. Ко второму склонился один из группы, что-то шепча и с силой тыкая в дергающееся под скамейкой тело пальцем. Но, похоже, на этом мучители не собирались останавливаться.

Не понимая, что творю, вскочила, успев сделать шаг.

Рука Алекса сомкнулась на запястье, развернув. Он посмотрел на меня так, будто я только что здесь появилась, материализовалась из воздуха.

— Сядь, — покачал он головой на мою внезапную глупость.

Усадив безвольно замершую меня на лавку, он не спешно пошел по проходу и, переступив через тело, впился пальцами в плечо покалечившего мальчишку преступника, потащив подростка в начало вагона.

Я, нервно сжимая и разжимая пальцы, пыталась побороть нарастающее головокружение и унять чувство вины и тревоги. Не понимаю как, но на него смотрела только я, все остальные пассажиры будто замерли, потеряв интерес к происходящему, и странным образом начали возвращаться к делам, которыми занимались до этого кошмара.

Постаравшись отбросить дурные мысли наблюдала за высокой фигурой в черном и вытянувшимися по струнке подростками. Никаких действий, слов, угроз, разборок. Обычный взгляд глаза в глаза. Я вытянула шею, пытаюсь разглядеть хоть какие-то манипуляции, но он молчал, словно изучая каждого.

Не почувствовав ощущений, испытанных в парке, заволновалась еще сильнее. Затянувшаяся тишина и спокойствие нервировали больше, чем недавняя стычка. Мне уже начало мерещиться, что бандиты злобно переглядываются, а один успел положить руку в карман, желая достать очередное орудие преступления...

Вдруг один за другим все четверо очнулись, удивленно заморгав, в глазах появилась

осмысленность. Они переглянулись и, не обратив внимания на двух избитых мальчишек, поспешно покинули вагон. За последним лязгнула дверь.

Алекс тяжело опустился рядом, краем глаза уловила промелькнувший белый предмет испачканный алым.

— У тебя кровь! — я еще сильнее сжала пальцы, пытаюсь унять завладевшую телом дрожь. Он ранен? Белоснежный платок, приложенный Алексам к носу, пропитывался кровью. — Прости, прости!

Я сидела, боясь поднять глаза, гложущее чувство вины и понимание, что я подвергла кого-то опасности, не давали покоя.

— Ты волнуешься за меня, приятно это слышать. Позволь мне немного отдохнуть, нам осталось ехать всего две остановки, — и, положив свою руку на мою, с усилием разжал мои побелевшие от напряжения пальцы. — Ты причиняешь себе боль.

Удивленно посмотрела на ладонь с оставшимися следами от ногтей.

Кровь остановилась. Значит, его не ранили, тогда почему пошла кровь? Не произнося больше ни слова, Алекс расслабился, прикрыв глаза.

Желая утешить скорее себя, забралась коленями на лавку, обняв его:

— В этом я виновата, да? — уткнулась уму в плечо, пряча беззвучно текущие слезы.

— Нет, Агнесса, это мой выбор, — чуть слышно вздохнули в ответ.

— Ты уверена, что хочешь домой? По-прежнему настаиваю, что сейчас не лучшее время возвращаться туда.

Я грустно улыбнулась: идти обратно в квартиру действительно не хотелось, возможно, этот поступок был неразумен с моей стороны, вот только повторяющиеся события раздражали. В том времени я зависела от Алекса полностью, неужели и сейчас будет то же самое? Это напрягало и пугало одновременно.

Не смея больше настаивать, Алекс уступил.

— Ну хорошо, но сначала... — раскрыв мою ладонь, он вложил в нее блестящий ключ. — Это от нашей с Лолой квартиры. Пойдем, хочу, чтобы ты знала куда идти, когда понадобится.

От наших переплетенных пальцевхватило дух, не понимая, что со мной, упрямо остановилась.

— Скажи адрес, я посмотрю в интернете.

Он сильнее сжал пальцы, не отпуская, не давая мне высвободиться, чтобы бежать... бежать от самой себя.

— Не упрямясь, так будет спокойнее для меня. Если не хочешь сейчас заходить, я не стану настаивать.

В темноте, освещенной уличными фонарями и редкими желтыми окнами, похожими на упавшие звезды, долго не могла понять, где мы идем и в какой стороне мой одинокий дом. Алекс не разговаривал, задумчивое выражение на лице наводило на серьезность обдумываемого вопроса. Мне тоже было о чем поразмыслить. Слишком многое навалилось за последнее время, а главное, совсем не с кем этим поделиться. Покосилась на Алекса. Нет, у него и без меня хватает забот. И так я в прошлом создала ему массу проблем.

— Пришли, — подняв голову, он указал на темное окно пятого этажа, — первый подъезд, тридцать шестая квартира.

— Угу, — машинально кивнула я, сама, однако, засмотрелась на высокую стройную фигуру божества, идущего в нашем направлении по тротуару.

Восхищенно улыбаясь, наблюдала, как приближается длинноногая девушка. Ее волосами, кажущимися в полутьме темно-рыжими, играл ветер, фарфоровая кожа кукольного лица сияла белизной. Необычного кроя кофта и подрагивающая при каждом шаге юбка говорили многое о вкусе их обладательницы. Когда едва уловимый стук каблучков замер, невольно задержала взгляд на туфлях с тонкой шпилькой. На таких я не то чтобы ходить, даже устоять не в состоянии. С легкой завистью облизала губы, с запозданием осознав, что женская фигура замерла в нескольких метрах от меня.

— Здравствуй, Лейла, — обратилась ко мне обладательница мелодичного голоса.

— Мы знакомы? — потрясенный голос и ошарашенный взгляд выдавали мои истинные чувства.

Нежно улыбнувшись, изогнув чуть тонковатые губы, она убрала прядь волос за ухо. Ее движения завораживали, и мне с трудом удалось отвести от нее взгляд на недовольное лицо Алекса.

— Лола, я же просил... — скрестив руки, он нахмурился еще больше.

— Лола? — потрясенно выдохнула я, невольно отшатнувшись. Стоящая передо мной девушка вызывала восхищение, да что там, ощущение поклонения. Алекс осторожно тронул меня за плечо, и наваждение пропало.

Недоуменно заморгав, потеряла глаза.

— Это обман?

Протестующий против очередных потрясений организм начала колотить нервная дрожь.

— Извини, я не специально, — надув губки, прощбетала Лола и, встrepенувшись, подплыла к Алексу, поцеловав в щеку, не отводя от меня глаз.

Мне сделалось дурно, внутри разлилась огненная лава, сжирая внутренности, и от милой улыбки, которой хотела прикрыться, свело лицо. Захотелось бежать прочь, потому что выцарапать глаза этой рыжей обольстительнице мне не под силу.

— Ты зайдешь? — хитро улыбнувшись, она провела длинным ногтем по его щеке и, взяв Алекса под руку, потянула в сторону подъезда.

Опустив голову, я пнула попавший под ногу камень. Она специально так ведет себя? Чего Лола хочет добиться? Показать, насколько они подходят друг другу?

— Она устала и хочет домой, — спас меня от объяснений голос Алекса, тогда как собственный потонул в охватившей меня робости и неуверенности. — Иди домой, Лола! — в голосе послышалось раздражение.

Высвободившись из ее цепких рук, Алекс немедленно повел меня прочь.

Мы вновь молчали. Неприятное напряжение проскальзывало между нами электрическими разрядами, тревожа душу. И я точно знала, что оно связано с Лолой. Перед такой девушкой не устоит ни один мужчина, похоже, и Алекс не исключение.

Заморосил дождь. Натянув на голову капюшон кофты и спрятав руки в карманах, подставляла лицо крошечным прохладным каплям. Пусть хоть дождевые слезы скользят по лицу, раз разреветься сейчас нельзя. А ведь мне и вправду хочется плакать. Остановилась, застигнутая этой мыслью врасплох, ища ответ. Ревность? Едва не произнесла это вслух, сглотнув подступивший к горлу ком. Да нет, приди в себя! Кто я и кто он и Лола...она выросла, и эту девушку я совершенно не знаю, то же самое касается и Алекса.

— С тобой все в порядке?

Настенные часы показывали три часа ночи, когда, я, приняв душ, забралась под одеяло.

Изнуренное недосыпанием и физическими нагрузками тело требовало отдыха, а вот встревоженный последними событиями разум подкидывал все новые и новые темы для размышлений. Повторяющиеся события последних дней сводили с ума. Последней каплей стал образ обнимающихся Алекса и Лолы. Нервно скинув одеяло, нашла в аптечке снотворное и, ожидая, пока оно подействует, бездумно начала водить карандашом по бумаге, стараясь освободить голову от мыслей.

Доведя последнюю черту, всмотрелась в полученное изображение.

— Да чтоб тебя! — среди звезд и соединяющих их линий узнала созвездие Цефея, смяв лист, кинула на пол. — А ведь вы давно следили за мной, иначе как объяснить тот случай на концерте и так вовремя появившегося Алекса в парке. Да и Николас, — я осеклась, вспомнив о нем. Странно, а ведь о его появлении я не обмолвилась и словом.

Черное безоблачное небо за окном сверкало тысячами звезд, идущая на убыль Луна через какой-то час должна будет скрыться из вида, перекочевав на другую, не видимую из окна часть неба. Раньше ночь всегда дарила спокойствие и умиротворение, сейчас же все больше тревожила.

Взгляд, блуждающий по ночному пейзажу, запнулся о темный силуэт. Он поднял голову, словно почувствовав, что привлек чье-то внимание, и я отпрянула от окна, замечая, как он растворяется. Хватая ртом воздух, рухнула на пол, неуклюже отползая. Адис, Алекс?

Перевернулась, пытаясь доползти до кровати, все предметы нелепо искажались, закручивались, принимая странные формы. Создавалось чувство, что, продвигаясь вперед, я тяну за собой автомобиль. Невидимая сила грозила отбросить назад, навалившись сверху, сводя мои попытки на нет. Крутанувшись, мир рухнул в черную бездну.

Алекс подошел и зажег камин одним нажатием кнопки. Искусственный огонек заблестел на реалистичных дровах, и мой собеседник опустился на пол. Увиденное сбивало с толку.

Фальшивый огонь плясал, создавая необыкновенный узор из подрагивающих света и тени. Как же красиво горит огонь в темноте. Это ни на что не похоже. Как будто нечто потустороннее пробралось в комнату.

— Где мы?

— Неважно где, главное с кем, — философски заметил Алекс.

Опустила взгляд вниз и потрясенно провела по пышным рюшам ночной рубашки. После последовали несколько неуверенных шагов, ступни коснулись мягкого ворса ковра, и, дойдя до Алекса, села рядом.

Невольно засмотрелась на знакомые черты лица. Вспомнила, сколько дней мне давалось, чтобы созерцать их, иногда слишком близко. Тонкий нос, улыбка, тронувшая губы, — вроде оно ничего особенного не выражало. Но как тогда я могла чувствовать исходящую от него тревогу? И эти частично убранные в хвост волосы, открывающие белые пряди у висков.

— Мне всегда хотелось узнать, откуда у тебя седина?

Похоже, он не ожидал подобного вопроса и явно не хотел касаться данной темы, и все же ответил.

— Слишком много боли и... страха, — он очень хорошо замаскировал свои эмоции и нежелание говорить на эту тему. Лицо Алекса замерло восковой маской, отвернувшись, он с

грустью устремил взгляд на фальшивый камин.

— Вампиром?

Минутная пауза.

— Нет. Тогда я еще был человеком, — вздох, будто ответ дался ему с трудом. Алекс посмотрел на меня, в глазах переливались эмоции. Я виновато потупилась. — В детстве мы с братьями сбежали, решив погулять там, где за нами не будут постоянно следить. Тогда одного убили. А второго сильно ранили, я по стечению обстоятельств упал в реку, едва не утонув. По правде говоря, просто струсил, убежав, бросил их, — Алекс сделал паузу, ожидая моих слов, и, не дождавшись, отошел в угол комнаты, заложив руки за спину, встал спиной ко мне, скрывая свое лицо.

Что я испытала в этот момент? Грусть и неловкость от своей несдержанности. Легко поднявшись, подошла к нему замерла за спиной, отчего-то борясь с желанием обнять его. Он повернулся и обнял меня сам, уткнувшись в волосы, прижимая меня к себе, словно единственное спасение.

— Спасибо, — услышанная благодарность удивила. Вот за что он благодарит?

— Недавнее происшествие в электричке, — выдохнула я, желая поднять голову, чтобы посмотреть на него, но Алекс не позволил, чуть крепче прижав к телу.

— Да, было очень похоже. Безнаказанность опьяняет не хуже алкоголя, — шепотом признал он. — Знаешь, люди странные существа, которые ценят жизнь лишь на пороге смерти, но тогда я не придавал жизни должного значения, замкнувшись в себе. А это оказалось только начало моих неудач. Вскоре умерла мама, и я долго слишком долго винил в случившемся отца. Но всегда ведь виноваты оба. А знаешь, что самое отвратительное? Еще не успело пройти время траура, а он привез в дом другую женщину. Сейчас все это кажется страшным сном.

— Мне жаль, что тебе пришлось пережить это, — прошептала я, поборов смущение и обняв в ответ.

— А мне нет. Жизнь дает нам хорошие уроки, иногда крайне жестокие. К тому же кому под силу вмешаться в течение времени?

— А как же я?

— Ты самое лучшее исключение. А если б мне сейчас предложили изменить мое детство, я бы не стал. Измени я хоть что-то, мы могли и не встретиться, — немного отстранившись, Алекс очертил мою линию скул, осторожно наклонил мою голову и поцеловал в шею, я дернулась, почувствовав легкое прикосновение острых зубов.

— Я обещал тебя не трогать, ты не забыла?

И все же я напряглась.

— Наша встреча так много для тебя значит?

— Теперь да.

— Что же изменилось?

— Я.

Так некстати всплыли слова, брошенные им: «Ты мне не нравишься, ты просто другая», а образ великолепной Лолы заставил усомниться в услышанном. Большие напольные часы пробили четыре глухих «бом».

Я считала каждый удар и очнулась от осторожных покусываний уха, сбитая с толку его действиями. От волнения боясь пошевелиться, все же нашла силы подать голос:

— Что ты делаешь?

— Заигрываю.

«Время меняет все, залечивает все душевные раны, от него не убежать и не скрыться. Оно ужасно и справедливо, пугающе и милосердно. Время — это наша жизнь, им пропитано все, оно рядом с каждым из нас и присутствует внутри всех», — чужой голос прозвучал в голове, будто прочитывая строки неизвестного произведения.

— Ты сможешь меня полюбить?

Мне показалось, что после его слов твердую землю внезапно выдернули из-под ног и я ухнула в бездну. Не знаю, что отразилось на моем лице, но Алекс отвел взгляд, прочитав там что-то свое.

— Видно, я поспешил. Когда ты проснешься, то забудешь наш разговор.

Покрутив ручку появившегося старинного граммофона, Алекс установил иголку на самый край черного диска пластинки, и с легким скрежетом из динамика полились строки:

— Меня согреет голос твой,

Такой забавный и смешной.

Улыбку, милые черты

Увижу я среди пустоты.

И ночь расступится, и свет

Предаст забвению рассвет.

И трепет снова обретет,

Тот смысл, что в себе несет,

Твой милый взгляд, твои мечты,

Придут, если поверишь ты...

Утро началось с боли. Очнувшись, потерла щеку с четким отпечатком пальцев, та часть тела, что прижималась к полу, онемела и при малейшем движении отдавалась ломотой в мышцах. Потерев глаза, с трудом разлепила свинцовые веки и заморгала, сбитая с толку, отчего же в глазах застыли не пролившиеся слезы и непонятная ускользящая мысль, которую так хочется произнести вслух. Мда, вот так ночь.

— Ты в комнате? Открывай! — раздался стук и требовательный голос Сильвии. — Почему я должна за тебя краснеть? Ты не отвечаешь на звонки, пропускаешь назначенные сеансы, ставишь меня в неловкое положение перед людьми...

Я зажала уши руками. Раскудахталась с утра! И без нее тошно. Хотелось перебраться в мягкую кровать, укрыться теплым одеялом и посмотреть еще пару-тройку снов.

— Ты меня слышишь?

Похоже, не выйдет. Покидав тетради в сумку и вытащив из ящика стола старый телефон, щелкнула замком.

Странно помятый вид и круги под глазами Сильвии удивили. Неужели плохо спала из-за моего позднего возвращения? Не дожидаясь, пока она примется обвинять во всех смертных грехах меня одну, настойчиво протиснулась мимо и, накинув курточку, покинула место, в которое когда-то так любила возвращаться.

Я куталась, придерживая то и дело слетающий капюшон. Ветер усилился. Стоило бы вернуться и надеть еще кофту, но я упрямо не согласилась с этой мыслью, продолжая смотреть в грязное окно автобуса. А вот и здание института. Я торопилась, ведь до начала лекции оставалось не больше десяти минут, а еще требовалось обогнуть здание и пройти к главному входу вдоль забора. Трусливо огляделась, убедившись, что кругом ни души, и

пролезла в дыру в заборе, желая срезать путь по заросшей тропинке, окруженной кустарником.

Резкий рывок вправо, и, чуть не падая, я делаю неуклюжие шаги в надежде поймать равновесие и впечатываюсь спиной в неровный ствол дерева.

— Ты пропустила вчера сеанс, а я ждал. Никому нельзя доверять, только себе. Ты согласна? — маслянистый взгляд неприятно удивил. — Как некрасиво обманывать, — он нервно передернул плечами и прищурился слепой совой, забывшей очки.

— Что вам нужно? — сквозь раздражение проклюнулся страх, и, как назло, рядом ни единого прохожего.

Он нажал на плечи, придавливая к дереву. В спину больно уперся обломанный сучок, заставляя поморщиться.

— Послушай, девочка, я специально освободил сегодня день, отменив встречи. И сейчас мы сядем в машину, — сжав мое запястье, дернул. И откуда в этом полноватом коротышке столько силы? — Ты ведь что-то скрываешь, и сегодня я вытащу из тебя правду любой ценой. Хватит уже этого серого закулисья, я должен прославиться.

Меня, упирающуюся и цепляющуюся за хрупкие ветки, потащили к припаркованной у тротуара машине. Это похищение? Я закричала.

— Эй! Что вы делаете? — раздался незнакомый голос высунувшегося из окна студента.

Старикашка замешкался, лишь на минуту прикрыв лицо и ослабив хватку. Из последних сил дернув руку, приземлилась спиной в кучу пожухлой листвы, тут же вскочив, и не разбирая дороги бросилась прочь.

— Не-ет! — несся в спину отчаянный вопль старика, безуспешно пытающегося догнать меня.

Я просто бежала, сама не задумываясь куда. Знакомые места сменяли неизвестные детские площадки, отчаянно сигналившие водителям нажимали на визжащие тормоза. Мне было все равно, я безнадежно искала укрытия в городе, где его не было. Болтающаяся сумка несколько раз ударила проходящих рядом прохожих, ругань и оклики провожали меня, заставляя отчаянно ускорять бег. Перебежав очередную дорогу и схватившись за фонарь, резко повернула, выбив из рук женщины подарочные коробки, и, даже не извинившись, вновь свернула в узкий проем между домами.

Заприметив маленький закуток, забила в него и прислушалась: шум улицы, голоса людей, лай собак... Глубокий вдох и выдох, вдох и выдох. Похоже, оторвалась.

— Я вновь убегаю, — нервно рассмеялась, подтягивая к себе колени, — похоже, это входит в привычку.

Достав телефон, быстро написала смс: «Ты во сколько приедешь?». «К часам семи, дочка», — пришел незамедлительно ответ.

Решив, что до этого времени лучше побыть вне дома, встала, отряхнувшись и попыталась сориентироваться, куда меня занесло.

Знакомый дом и подъезд обнаружили быстро: может, случайно, а может, и подсознательно бежала именно в этом направлении. При солнечном свете двор казался ярким и приветливым. Компания девчонок качалась на качелях, а мальчишки-школьники, склонившись, что-то разглядывали на столе. Обычный двор, даже странно, что Алекс не выбрал для Лолы и себя место поприличней.

Недолго думая, зашла в подъезд и, поднявшись по ступеням, в нерешительности замерла у дверей тридцать шестой квартиры. В пятый раз измерив шагами площадку, наконец

собралась с духом, чувство, что намереваюсь проникнуть в чужую собственность никак не отпускало.

Наконец удалось побороть неловкость. Достала ключ, пытаюсь попасть им в замочную скважину, когда замок щелкнул. Отпрянув, уронила сумку, а за распахнутой дверью появился приветливо улыбающийся смуглый молодой человек.

— Я... я, извините, видимо ошиблась дверью, — залепетала, пытаюсь хоть как-то оправдать свой поступок.

Он сжал губы, проведя рукой по влажным, коротко стриженным волосам, наброшенное на плечи полотенце слегка съехало, открывая взгляду спортивную фигуру. Сплотнув, смущенно подняла глаза.

— Да нет квартира та, просто устал ждать, пока ты откроешь. Даже успел почти одеться.

Мне сделалось жарко от одной мысли, что бы я увидела, открой дверь сразу. Посторонившись и сделав широкий жест, он пригласил меня войти.

— Не-ет, спасибо. Я, пожалуй, пойду.

— Испугалась, что ли? Мы же знакомы, забыла наш вальс?

Перестав совершать мелкие шажки к отступлению, пригляделась. А ведь точно, мне не показалось. Ведь это он спас меня в клубе, и именно с ним мы выиграли ужин на двоих, заняв второе место. Только волосы стали еще короче и пропала легкая щетина.

— Ты?

— Слава богу, — подняв вверх руки, молитвенно произнес он.

— Что, что ты тут делаешь? — сбитая с толку, начала искать разумное объяснение случившемуся.

— Заходи уже, а то я замерз, — высунувшись на лестничную площадку, он увлек меня в квартиру, хлопнув дверь.

И вот я и полуобнаженный молодой человек стоим и смотрим друг на друга, пока я мысленно пытаюсь побороть чувство неловкости.

— Располагайся. Сейчас оденусь и постараюсь все объяснить, — кинув связку ключей на тумбочку, обернулся, — кухня там. Можешь налить себе чаю, позже найду, чем можно перекусить.

И, напевая мелодию сдернул с плеч полотенце, скрывшись за ближайшей дверью. Из-за двери разносилась по квартире громкая ритмичная музыка.

Повернувшись вокруг своей оси, огляделась. Небольшая прихожая оказалась пустой. На вешалке висела куртка, а внизу стояла одна пара ботинок. Как же так? Ведь Алекс сказал, что они здесь живут. Сделала шаг к шкафу, но передумала, не слишком вежливо сразу заниматься обыском, подожду объяснений. Скинув обувь и поставив сумку, пошла в указанном направлении в поисках кухни.

Миленько, очень миленько. Минимализм и ничего лишнего. Наполнив стакан водой, не удержалась и заглянула в кухонные шкафчики. И вот что, спрашивается, я хотела там найти? Резервуары с кровью? Усмехнулась своему неразумному поведению и присела на стул. Ожидание затягивалось. Отзвуки ритмичной музыки сменились рваным звоном рока. Не знаю, во что он там хочет одеться, но нервное состояние заставляло дергать ногой в надежде успокоиться.

— Почему так долго?

Налила себе в стакан еще воды и, взяв его с собой, выглянула в коридор и, немного

помявшись, попыталась убедить себя все-таки остаться на месте, однако уговоры кухне потерпели полное фиаско.

«Ладно, лишь одним глазком загляну за соседнюю дверь».

За дверью оказалось темно, нащупав рукой выключатель, включила плоскую потолочную люстру, оглядевшись. Странно все же. Если хоть что-то здесь выбирал Алекс, то он сильно изменился. Комната, обставленная светлой мебелью, больше всего напоминала кабинет. Ближе к окну стоял стол. На нем в беспорядке раскиданы чистые и исписанные листы, письменные принадлежности и несколько книг, из полной мусорки выпало несколько смятых листов. Рядом с дверью стеллаж, до отказа заставленный книгами. Я улыбнулась, вспомнив, что точно такой же беспорядок царил в его личном кабинете.

Шагнув внутрь и прикрыв дверь, обернулась на скрытую до этого стену и замерла. На ней в простой раме висела картина с изображением троих людей: недовольного темноволосого мужчины с поджатыми губами, улыбающейся девушки и... третьего.

Рука, сжимающая стакан, ослабела, разжавшись и он, выскользнув, со звоном разлетелся на куски, оставив мокрые следы и острые осколки. Прижав ладонь к дрожащим губам, не заметила, как теплые слезы заскользили по щекам, капая и разбиваясь у ног. Мир на миг потемнел, и я машинально схватилась за дверную ручку, стараясь удержаться на ногах, с трудом перевела взгляд, все еще видящий перед собой милое лицо с голубыми глазами и волнистыми белокурыми локонами.

Боже, как же сильно я скучала! Как я могла забыть? И почему вспомнила именно сейчас? Не справившись с рвущей меня точно дикий зверь болью, согнулась пополам, рухнув и беспомощно застонав, приложила руку к ноющему сердцу.

Я лежала, точно маленький избитый ребенок, а картины из прошлого сменяли друг друга. Мелькнуло раздраженное лицо Энджила при нашей первой встрече, купание и первый осторожный поцелуй, наши прогулки, его чудесные подарки, восхищающие меня своей непредсказуемостью, и та ночь, проведенная в его комнате. Каждый кадр, словно острый нож, оставлял на теле глубокую рану. Я истекала невидимой кровью, не в силах защититься или убежать.

Погружаясь глубже в лабиринты памяти, увидела наше прощание. Он смотрел с непередаваемой теплотой, согревая душу.

— Возвращайся скорее! — одними губами тогда произнес Энджил.

Точно, это были последние слова в день расставания. А ведь он... он... Осознание, что его больше нет, достигло наконец моего понимания. Сама не знаю, откуда взялись подобные мысли. И осмысление этого острым копьём проткнуло насквозь, освободив замурованные памятью чувства.

Мне казалось, что внутренняя боль уничтожает тело. Не помню как, но я сумела встать и сделать несколько шагов к двери: слишком больно, слишком остро чувствуется здесь прошлое. Ноги подогнулись, и, сопротивляясь самой себе, я поползла, с усилием подтягиваясь на руках. Тело точно парализовало. Я как будто умираю, утратив смысл жизни.

Перед глазами плясали цветные пятна, постепенно принимая вид знакомого силуэта. Меня опрокинуло на спину, и я без сил распласталась на полу.

— Я ждал тебя. Теперь все будет хорошо, так, как должно быть, — он склонился надо мной, светясь золотыми искрами, касаясь моих губ, обжигая поцелуем. Вскрикнув, приоткрыла рот и это сияние раскаленной лавой скользнуло внутрь, просачиваясь в кровь и острыми иглами пронзая разум. — Прекрати сопротивляться и прими реальность как она

есть, — шептал тихий голос.

Извиваясь в агонии и по крупице прощаясь с рассудком, продолжала неравную борьбу.

— Ты должна принять эту боль и пустоту и понять, что она не вечна. Прими меня, прими себя, прими нас, наше прошлое и будущее без меня.

Резкая вспышка боли, и огонь внутри начал затихать, и я ощутила, как на месте живого сердца гуляет сквозняк.

— Теперь постарайся найти новый источник света. Пора заполнять образовавшуюся пустоту собственными планами и действиями, — Энджил улыбался, с любовью дотрагиваясь до меня, оставляя легкое покалывание на коже.

— Я скоро, — голос из реального мира просачивался по капле. — Небось, заждалась?

Новый звук песчинкой падал, перекрывая доступ к прошлому, предоставляя шанс для организма вновь начать дышать. Прояснившееся зрение сфокусировалось на крупном осколке стекла, валявшемся возле самого лица. Протянув руку, сжала его, вздрогнув от физической боли, тут же отбросила прочь.

С трудом поднявшись, точно пьяная, широко открыла дверь, несколько тяжелых темных капель упали под ноги. Меня штормило, а желудок грозился вывернуться на изнанку. Облокотившись о стену, попыталась начать думать — выходило отвратительно.

Не помню точно, но я оказалась на улице.

Вверх-вниз, вверх-вниз. Перед глазами появлялся то клочок земли, то солнечное небо. Затормозив ногами движение качели, остановила это вечный маятник, оглядевшись. Я сидела в знакомом дворе недалеко от своего дома, тусклое солнце клонилось к горизонту. Каким чудом я добралась сюда, сама толком не могла понять. Попытавшись встать, едва не упала, ослабевшие пальцы едва сжали железные цепи. И как я вообще держалась на качелях?

Тупая, словно не моя боль сконцентрировалась глубоко внутри, ненавязчиво напоминая, не давая забыть. Прислушалась к себе: хотелось спать, закрыть глаза и не просыпаться сотню лет, как спящей красавице из сказки, ожидая, когда все разрешится само собой. Усмехнувшись несбыточным мыслям, поплелась в квартиру.

У двери пришлось остановиться и натянуть улыбку (все что угодно, но только не боль, иначе отец не отстанет), с трудом нажав маленькую кнопку звонка.

— Дочка, ты сегодня поздно, — объятия сомкнулись вокруг меня ватным одеялом, согревая и утешая. Как же хочется сейчас разреветься. — Что-то случилось, ты сама не своя?

— Просто очень устала. Можно пойду спать?

— Есть будешь?

Отрицательно покачала головой, даже не вникая в суть вопроса, и, закрыв дверь, в одежде упала в кровать.

Папа постучал в дверь и, выждав минуту, зашел внутрь. Склонившись над столом, нехотя подняла голову, закрывая лежащую передо мной книгу.

— Что ты читаешь, дочка? — остановившись за моей спиной, с интересом перескочил взглядом с первой, на вторую и на третью обложки, проглядывая названия. — Это книги про вампиров? Не знал, что тебя такое увлекает.

Я смущенно накрыла их разбросанными на столе тетрадами, пожав плечами.

— Лейла, ну почему ты отказываешься? Ты же все уши прожужжала про этот спектакль, я с таким трудом достал три билета, — за день это была уже четвертая попытка вытащить меня из дома, — поругалась с подружкой или, может быть, с мальчиком? — папа присел в кресло, продолжив: — Я знаю, что говорить со мной на эту тему не очень удобно...

— Все нормально пап, правда. Сложная неделя, охота просто поваляться дома, — и тут вспомнила о назойливом докторе, доставившем немало проблем. Порывшись в ящике стола, протянула клочок бумаги с номером телефона. — Можешь позвонить ему и сказать, что я не намерена больше посещать его приемы? — и, чтобы точно убедить, но не шокировать, с невозмутимым видом добавила. — Представляешь он пришел ко мне в институт уговаривать. Позор-то какой. Только не говори своей фурии, он пожалуется ей сам.

Отец нахмурился, став серьезным. Фанатиков, лезущих со своей помощью, он и сам сильно недолюбливал. Коротко кивнув и пожелав хорошо отдохнуть, покинул комнату.

Вот я и осталась одна. Забравшись с ногами на подоконник, просто смотрела на мигающие фонари и загорающиеся окна, на черные силуэты прохожих и резво бегающих друг за другом собак.

Сегодня холод ночи, идущий от стекла, успокаивал, в первый раз став самой пустотой с миллионами мерцающих огоньков. Проведенные в одиночестве часы начинали усыплять уставшее сознание, зрение то и дело уплывало в никуда. Непонятное движение, отразившись в окне, заставило повернуть голову, не подскочила от неожиданности только благодаря внутреннему безразличию.

— Как ты?.. — бросила вопрос, нахмутив брови.

— Ты забыла сумку, а в ней ключи от этой квартиры, — сказал Алекс, по-прежнему стоя в дверях комнаты и словно бы не решаясь войти. — Ты в порядке?

Понятно. То, что ему известен адрес моей квартиры ничуть не удивило.

— Почему промолчал? — подавленно выдавила я, не скрывая проскальзывающий в голосе холод.

— Прости, — виновато опустил голову, пряча лицо за упавшими вперед волосами, — я не знал, как сообщить, что...

— Что его больше нет? — закончила я, оборвав его. — В твоём кабинете произошло нечто странное.

Свесив ноги, прыгнула на пол, сама не понимая, что сейчас хочу больше: накричать на него или чтобы он тихо ушел, замерла, не зная куда себя деть.

— Картина пропитана сильными эмоциями. К тому же Энджил был не совсем обычным человеком.

— Энергетический вампир, да помню я, — легкий озноб от такого родного имени не сразу покинул тело. Сама осознанно произнести его ни вслух, ни про себя так и не решилась.

Звук поворачивающегося во входной двери ключа заставил занервничать. Подбежав, закрыла свою дверь, мазнув по выключателю, гася свет, и уже в полной темноте приложив палец к губам, призвала к молчанию. Шелест снимаемой одежды, шаги и осторожный стук в дверь. Боясь пошевелиться и выдать, что я не сплю, перестала дышать.

— Они прошли в спальню, — шепотом сообщил Алекс, успев переместиться левее. — Выглядишь не очень. Тебе тоже лучше отдохнуть.

Хмыкнула, потирая покрасневшие глаза. Мой внешний вид в данную минуту заботил меня меньше всего, а отдых... если честно, то я просто боялась засыпать и вновь видеть навевные прошлым сны.

— Мне уйти? — Алекс наконец-то поставил принесенную сумку на пол, ожидая моего вердикта.

Пока я размышляла над ответом, в дверь постучали. Алекс напрягся, резко развернувшись в сторону двери, а более сильный и настойчивый стук повторился еще

несколько раз.

— Открывайте, я знаю, что вы там, — насмешливый голос точно издевался, удары по двери отбивали ритм в такт произносимым словам.

По телу вновь заплясали приятные ощущения, словно самой кожи касался удивительно шелковистый мех. Поежилась, почувствовав себя будто без одежды.

Отодвинув меня с дороги, Алекс сам распахнул дверь.

— Вдвоем, да еще и в темноте. Чем вы занимались? — едкая ухмылка и ни капли раскаяния от проникновения в чужое жилище. Точно сытый кот, в дверь вальяжно вошел Николас, щелкнув выключателем. Из-за вспыхнувшего света зажмурилась, прикрыв глаза рукой.

— Что тебе нужно? — встав между нами, Алекс враждебно посмотрел на нежданного гостя. Похоже, он так же, как и я не испытывал теплых чувств от встречи.

— Неужто не рады видеть? — облокотившись о стену, он скрестил руки на груди. — А я-то, дурак, рассчитывал на теплый прием.

Я справилась с дернувшимся из глубины удивлением, но на поверхность начали выползать еще менее приятные чувства смятения и растерянности. Переступив с ноги на ногу, глянула в чуть приоткрытую дверь. Коридор тонул в темноте. А ведь папа с Сильвией точно вернулись домой, звонкий стук женских каблучков не мог померещиться. Перевела взгляд на довольное лицо Николаса, в зеленых глазах начинал разгораться азарт.

— Где папа, что ты с ним сделал? — страх разорвал в клочья переполнявшее меня равнодушие. Внутри все скрутило в настолько тугий узел, что от разрывающей внутренности боли я не сразу смогла вздохнуть. Забыв об усталости и закрыв переживания о себе в самом дальнем уголке души, кинулась к выходу. Алекс успел перехватить меня, прижав к себе, не подпуская близко к Николасу, все это время так и не сменившему позы, даже не шелохнувшемуся. — Пусти! — злость, порождаемая страхом за жизнь папы, больше не умещалась внутри и неуправляемыми взрывами вырывалась наружу. — Я убью тебя, если ты хоть пальцем посмел его тронуть! — взгляд, предназначенный Николасу, горел ненавистью. И все же вырваться из объятий Алекса, пока он сам того не захочет, оказалось не под силу.

Николас показательно облизал губы и, подняв руки, точно сдаваясь на милость победителю, открыл дверь настежь.

— Они спят. Ты мне не веришь? — и вновь эта дешевая игра на публику, будто оказалась в третьесортном театре: слишком наигранные, четкие эмоции выглядели нереалистично. — Он просто спит. Можешь убедиться сама.

В очередной раз задергалась, стараясь хотя бы с конвоем, но исполнить задуманное.

— Если будешь мешать, я и тебя убью. Пустил быстро! — последние слова я уже кричала, не в силах справиться с собой. В комнате сделалось невыносимо душно, и воздух, точно став раскаленным, обжигал легкие.

Алекс осторожно разжал объятия, и, когда я была готова выбежать, Николаса преградила мне путь, упершись рукой о наличник. Насупившись, недовольно скосила взгляд на возникшее препятствие.

— Очередные правила твоей безумной игры? Что мне нужно сделать: проползти под ней, перепрыгнуть, а может, перегрызть?

Обладай я хоть малейшими возможностями, сарказм, переполнявший каждое слово, мог бы живьем снять кожу с обидчика. Сама не знаю, как мне удалось сдержать себя и не впиться ногтями в приблизившуюся довольно хохочущую рожу.

— Тс-с, — он, приложив палец к моим губам, заговорщицки придвинулся еще ближе, вскользь проведя по ним. — Просто хотел попросить вести себя потише. От твоего благоразумия зависит их жизнь.

Отмахнувшись от назойливой руки и схватив за лацкан темно-коричневого пиджака, оттолкнула вампира подальше. Глаза Николаса округлились, и, вновь засмеявшись моим импульсивным действиям, он наконец посторонился, шагнув в комнату.

— Ты прелесть. Даю слово, что не трону твоего отца, но про не шуметь я серьезно, — и, заканчивая наставление, развалился в кресле, закинув длинные ноги на пуфик.

Не дожидаясь повторного разрешения, выбежала прочь. Папа с мачехой и вправду лежали на кровати, каждый сложив обе руки у себя на груди, одинаковое положение их тел делало открывшуюся картину жутковатой. Страх юркой змеей обвился вокруг меня, стянув так, что я охнула. Стараясь унять дурные воспоминания и подступающую истерику, закрыла глаза, начиная медленно считать, сопровождая мысленные слова медленным вдохом и выдохом. Когда слабость и дрожь в ногах отступили, преодолела расстояние, оставшееся до кровати, и присев на колени, с тревогой всмотрелась в движения грудной клетки. Вроде дышит, но сомнения остались. Не до конца доверяя зрению, приблизилась вплотную, проверяя наличие дыхания. Дышит!!!

Улыбка тронула мои сжатые губы, и, немного расслабившись, облокотилась на край кровати, предпочтя задержаться, не сводя взгляда с самого близкого во всем мире человека.

— Ты всегда приходишь без приглашения, — именно на этой реплике я и застала спор.

Они оба стояли в разных концах комнаты, точно на ринге, готовые вступить в бой в любую минуту. Довольное лицо Николаса выводило из себя. А он ведь специально устроил эти кривляния, кидаясь маскирующими реальность фразами, чтобы пощекотать мне нервы и потешить свое самолюбие. Я ведь и вправду решила, что... в голове вид неподвижно лежащего отца наложился на точно такую же застывшую позу мамы в далеком детстве... и ужас, испытанный когда-то, смешался с гневом.

Ускорив шаг, почти подбежала к нему и, яростно сверкнув глазами, вlepила звонкую пощечину. Лицо вампира удивленно вытянулось, но, прежде чем я успела заметить дальнейшую реакцию, появившийся рядом Алекс заслонил собой. Немой поединок взглядов продолжался без моего участия.

— Давно я не получал пощечины, — голос резко обесцветился, побуждая искренне рассмеяться. — Ты заставляешь меня вспомнить, что значит жить.

— Может, хватит? — ослабленное новыми сильными переживаниями сознание вновь перешло в оборонительный режим пофигизма, приглушив эмоции и чувство самосохранения. — Если б Николаус хотел прихлопнуть меня, то сделал бы это еще при прошлой встрече.

— Вы виделись раньше? Когда? Почему ты не сказала?

Вроде бы обращение предназначалось мне, но Алекс даже не подумал обернуться, чтобы не предоставить сопернику момент для очередной уловки. Я заскрипела зубами, понимая, что самолично удлинила время нашей общей встречи лишними вопросами и ненужными сейчас объяснениями.

— По-твоему я должна отчитываться перед каждым знакомым, где я и с кем? Значит, последние три месяца вам не было никакого дела до меня, и откуда сейчас эта материнская забота? Вы ведь нашли меня еще тогда, на море, но решили не вмешиваться. Вот и сейчас не

лезь!

Оказывается, Алекс уже успел развернуться и теперь я тыкала его в грудь пальцем, указывая на найденную ахиллесову пяту. Звучные аплодисменты наполнили комнату чувством восторга от происходящего. От наших синхронно-недовольных переглядываний Николас закатил глаза, повернувшись на каблуках вокруг своей оси.

— Вы неподражаемы!

— Не переигрывай, Николаус, — сделав акцент на его имени, прошипела я.

— Мстишь?

— Просто я в восторге от твоего полного имени, — внаглую соврала я, выходя из роли нападавшего.

Больше не обращая на нас внимания, Николас заходил по комнате, изучая взглядом каждую рассаженную мягкую игрушку, его улыбка все расцветала. Разных цветов зайки, мишки, львята, кошечки не отрывали своих блестящих круглых глазок от наблюдателя.

— Жаль, не знал о твоём увлечении, а то бы купил что-нибудь для пополнения коллекции, — взяв в руки заинтересовавшую его игрушку, повертел, изучая, — а этот котик с зелеными глазами вылитый я. Неужели специально выбирала? Ладно, достаточно уже спектаклей.

— Единственный, кто тут играет, — это ты.

Нахмурившись, Николас посерьезнел и, швырнув игрушечного кота на кровать, вытянулся, став похожим на несгибаемый ствол дерева.

— Алекс, вышел!

— Я не оставлю ее наедине с тобой.

— Не сомневался, что ты так скажешь, упрямец. В любом случае решать не тебе, а ей.

Застигнутая врасплох его заявление, я медлила.

Черты Николаса заострились, угловатое лицо стало похоже на жутковатую рисованную маску, обтянутую тонкой папиросной бумагой со впалыми кругами глаз. Не произнося не слова, Алекс оттолкнул меня в сторону, в тот же миг Ник возник рядом с ним, зарывав, точно готовящееся напасть животное.

Не веря в преображение, быстро заморгала, вслепую залезая на кровать, прячась от их невероятно быстрых перемещений и движений. Что это за способности, позволяющие творить такое?

От бурлящей в комнате силы по коже словно забегали насекомые. Ощущения от маленьких лапок сводили с ума. Эти прикосновения казались слишком реальными. Насекомые то появлялись, то исчезали, а затем вновь появлялись. Они были по всюду: ползали по рукам и ногам, забирались под одежду, становясь навязчивой идеей. Стараясь стереть эти мерзкие прикосновения, начала безостановочно растирать кожу руками, не замечая ничего вокруг. И вернулась в реальность, когда оба мужчины замерли. Алекс оказался прижат к полу, а левая рука вывернута наверх.

— Что ты задумал?

— Хочешь, чтобы я сразу раскрыл свои планы? Так неинтересно, — Ник надавил сильнее, заставляя лежащего сменить положение, приподнявшись. — Он не отступит, может, ты сама решишь, продолжать ли нам этот бесполезный поединок или перейти к делу?

Я молчала, пораженная открывшимся действием. А напор Николаса усиливался. Лицо Алекса странным образом покинула жизнь, оно стало словно фарфоровым, только в глазах

закручивалась нарастающая боль. Отчаянно сдавила прижатую к себе подушку, отчетливо представляя, что сейчас может произойти. Алекс закрыл глаза, запрещая мне видеть его состояние. Я пошатнулась, едва не завалившись набок, с ужасом вспоминая торчащую окровавленную кость. Он и вправду пойдет до конца? Захотелось кричать, покрыв их обоих матом.

Николас усмехнулся и дернул краешком губ, когда его взгляд скользнул по мне. Не стоило сомневаться, что устроенное им представление преследовало одну цель, которой он достиг.

— Не тронь его! Пожалуйста, не надо! — поднявшийся из-за страха адреналин вновь заставил кровь бешено бежать по венам.

Спрыгнув с дивана, вцепилась в намертво сжатые пальцы Николааса, царапая, оставляя на белой коже розовые полосы. Пальцы разжались, и Алекс рухнул на пол. Случившееся порождало только одно желание: чтобы все отстали и предоставили меня самой себе. Уткнувшись в успешного перевернуться Алекса, обняла его, чувствуя себя виноватой в случившемся, шепча слова извинения. Ведь еще немного, и из-за меня он мог пострадать.

— Кто он для тебя, Лейла?

Сама не понимаю почему, но вопрос странным образом напугал меня, хотя уверена, что Николаас не использовал и грамма своей силы.

— Друг, — пискнула в ответ первое, что пришло в голову.

— Вы безнадежны, оба.

И, поманив рукой, указал на место, где я должна буду сесть. Погруженная в тишину комнаты, ожидала, пока в ней останутся только два участника дальнейшего представления.

Нахмурившись на его дурацкую выходку, замолчала, повернув голову в сторону. Вновь ставшее уже родным чувство тревоги и уязвленности накатывали волнами, грозясь затопить отвоеванный мной островок безразличия.

— Может, поговорим или так и будешь дуться? — дождавшись, когда обращу на него внимание, вопросительно изогнул бровь. — Я начну с небольшого вступления, о котором лучше не рассказывать никому. По правде говоря, об услышанном сейчас должна знать только ты.

«Как я переживу эту потрясающую новость, как общая с тобой тайна?» — хмыкнула я, стараясь думать погромче.

— Для того чтобы соблюдались законы нашего мира, в далеком прошлом был создан совет древних. Также существуют помощники, решающие мелкие правонарушения и выполняющие разного рода задания. С не очень давних пор я один из них, — Николаас замолчал, давая мне возможность переварить услышанное. — Они узнали, кем ты являешься, — резко закончив вступление, высказался он.

— Маленькой запуганной девочкой? — не удержалась я.

— Избранницей судьбы. Той, кто побывала в прошлом и вернулась в будущее. Они уверены, что ты захочешь стать одной из нас, и... хотят отсрочить этот момент.

Не поверив, правильно ли поняла информацию, заерзала. И отползла к противоположному краю кровати подальше от собеседника, нервно засмеявшись.

— Мне никто не предлагал стать вампиром, или ты собираешься это сделать?

— Не стоит храбриться, я слышу, как ускорилося твое сердце, — он усмехнулся, откинув

волосы с лица. — Никто из тебе подобных не оказывался так близко к нашему миру, а вероятность высказанного мной исхода слишком велика. Да не волнуйся ты так, никто не хочет тебя убивать или запирает в подвале, — протянув руку, он поманил меня вернуться на покинутое место. — Я всего лишь покажу.

— Покажешь? Что именно?

— Правду, которую скрывают ото всех. Саму суть перехода от одной жизни к другой. У тебя первой появится выбор, осознанный выбор, ведь ты будешь знать обе стороны медали.

Вытащив откуда-то маленький ножик, он провел лезвием по подушечке пальца, оставляя полоску с тут же показавшейся алой каплей.

— Что ты делаешь? — в панике рванула назад и, не рассчитав, потеряла равновесие, рухнув с кровати.

Николас только улыбнулся, качая головой. Слушать и разговаривать с ним расхотелось. И почему я приняла мысль остаться с ним наедине за разумную? Невооруженным взглядом видно, что за такой длинный промежуток времени у него слегка съехала крыша.

Добравшись до окна, уперлась в холодную батарею, не зная, как быть дальше. Николас раздраженно похлопал по мягкой кровати.

— Значит, не хочешь по-хорошему? — сняв пиджак, небрежно бросил его на пол.

За это время я совсем как ребенок залезла под стол, спрятавшись, прекрасно осознавая бесполезность своих действий.

В воздухе разлилось приятное тепло, коснувшееся кожи мягкой упругой зефиркой. Подобрав под себя ноги, попыталась отстраниться, закрывшись от неправильных ощущений. Смыкающиеся в голове двери против моей воли начали открываться, заставляя меня впускать этот дурманящий воздух.

«Это мне кажется», — повторяла я, пытаюсь бороться.

— Подойди, — сильный голос потянул на себя, точно аркан. Тело, подчиняясь, выползло из нелепого укрытия, а вот в глазах все еще проглядывала собственная воля.

Открыла рот возразить и увидела, как он просто качнул головой и слова застряли в горле сухим комком. Он довольно улыбнулся.

— Сиди и не шевелись, — я застыла каменной глыбой, от сухости начали слезиться глаза, — моргать можешь, — блаженно закрыла глаза, избегая смотреть, что он собирается предпринять дальше. — Открой рот.

Не знаю для чего это ему, однако этот поворот не предвещал ничего хорошего, а главное, помощи ждать точно неоткуда. Одна надежда на себя. Сконцентрировалась на задуманном, с трудом поднимая налившиеся свинцом руки, соединив пальцы в замок, закрыла ими рот. От сильного напряжения на лбу выступила испарина.

— Не думал, что ты сумеешь проделать такое, — с воодушевлением потеряв ладони, придвинулся ближе сам. — Ну хорошо, поясню, раз настолько пугает неизвестность. С помощью крови я покажу тебе свои воспоминания.

Если он рассчитывал, что мне полегчает, то не вышло. Кроме того, от перенапряжения руки начала сводить судорога, отчего разжать их никак не получалось. Мое лицо безэмоциональной маской смотрело на Ника, ничем не выдавая просьбу прекратить это мучение.

Вновь надрез, и сочившаяся кровь начала скользить по его пальцу. Второй рукой он легко отвел мои вниз, и я, открыв рот, словно в удивлении, не могла противиться задуманному им.

Неожиданно он хитро прищурился и, лукаво подмигнув, выдал то, отчего я захотела придушить этого нахала.

— Сделай мне приятно, слизни ее язычком, — меня бы перекосило, управляй я своим телом. Я выпучила глаза от неслыханной наглости, одновременно осознавая, что выполняю просьбу.

С любопытством разглядывая меня, точно дивную зверушку в клетке, он улыбнулся шире, а я, пунцовая от стыда, совершила неожиданное — обхватила губами палец и сжала челюсти.

— Ай, кусаться не обязательно! — шикнул Ник. — Ладно, достаточно.

Развернув спиной к себе, он привлек меня, обняв. Из-за пошлых просьб в мой адрес совершенно забыла, зачем Николас вообще это все задумал, а стоило бы начать уже волноваться. От едкого вкуса крови замутило, а осторожные прикосновения рук к голове заставили испытать забытое чувство падения в бездну. Внутренности дружно подскочили к горлу, пытаясь спешно покинуть тело. Легкость в ногах и тяжелая голова мешали возобновить мыслительный процесс.

В ужасе от происходящего сглотнула горечь, наполнявшую рот. Напряжение нарастало. Сквозь дурман чувствовала, как руками сжимаю ткань покрывала.

— Расслабься и, позволь, я поведу тебя.

Встрепенувшись, точно маленький желторотый птенчик, заслышавший незнакомый клич, ссутулилась, пытаясь вжаться в обманчиво безопасное укрытие.

— Ты под защитой, — в этот раз Николас использовал вкрадчивый тихий голос, проникающий в разгоряченное сознание, мягко и осторожно успокаивая его.

Туман в голове начал рассеиваться, и неясные образы проступали, заставляя недоуменно вглядываться.

«Кажется, там кто-то есть», — подумала я, всматриваясь в белую молочную мусть.

Во все стороны раскинулось поле. Невысокая, поглаживающая ноги трава шептала, что я покинула пределы своего ограниченного мирка. Стуцавшиеся сумерки дарили прохладу и легкий трепет. Ветер, заигрывая, облетел меня по кругу, и вместе с ним реальность разорвали точно дремавшие ранее звуки. Далекий лес звал поиграть с ним в прятки, а небо беспрестанно подмигивало зажигающимися звездами.

Недоуменно закружилась, не сразу замечая приближающиеся темные фигуры. Хрупкий мальчик контрастно выделялся на фоне высокого и широкоплечего мужчины, который шел размашистым широким шагом, заставляя мальчишку едва ли не бежать следом.

Этот нерешительный юноша, прячущий красивое лицо за падающими волосами, показался смутно знакомым. Захотелось подойти и рассмотреть этих людей получше и заодно узнать, где я. Приблизившись к ним, остановилась, не понимая, почему на меня до сих пор не обратили внимания, ведь я стою достаточно близко, не скрываясь.

Свет невероятно яркой белой луны, вышедшей из-за грязных облаков, осветил задумчивое лицо мужчины. В его слишком резких жестах читалось нетерпение, в лице же — решимость. Оглянувшись по сторонам, мужчина посмотрел мимо меня и что-то шепнул мальчишке.

Меня не заметили или сделали вид, что никого нет? Ну и ладно. Они пришли пешком, значит, недалеко есть люди. Сделав такой вывод, развернулась, зашагав прочь. Каждый последующий шаг давался все труднее, и вот я замерла, окончательно завязнув в невидимой

субстанции.

— Помогите! Кто-нибудь меня слышит?

Я растерялась, запаниковав. С трудом повернулась и, приложив немалые усилия, поплелась в обратном направлении, с удивлением понимая, что невидимая преграда рассеивается.

В мое краткое отсутствие они успели повздорить. Мужчина что-то злобно шептал, нависая над мальчишкой, тот, словно уменьшившись в росте, поджал губы и смотрел себе под ноги, трусливо не решаясь поднять на агрессора глаза.

— Все давно решено. Ты должен умолять меня продолжить, ведь то, что я сделал в свое время, не в силах искупить ничто. Вспомни, в какой помойке я тебя нашел!

Мальчик едва кивнул, соглашаясь, от злости сжав в кулаки.

— Позволь еще один день. Я хотел... — мольба и душевные терзания читались в словах и жестах.

— Достаточно! — суровое лицо, нахмурившись, стало неприятным.

Грубо схватив мальчишку за плечи, он встряхнул с такой силой, что голова несчастного мотнулась вперед-назад, упав на грудь.

— Ну же! — терпение мужчины было на грани.

От силы сдавливающих рук мальчик поморщился и нехотя повернул набок голову, открывая тонкую шею. В свете вновь засиявшей луны его глаза превратились в безумно зеленые сапфиры. А взгляд, устремленный на меня, заставил забыть готовый сорваться с губ вопрос.

Николас? А вблизи он оказался не так юн. Подобный обман создавал огромный мужчина рядом. Не понимаю как, но я оказалась возле него. Хрупкая рука рванула ко мне, и тонкие пальцы сомкнулись на запястье, тут же дернув на себя. Я пошатнулась, теряя равновесие, начала неуклюже заваливаться на Ника.

Выставив вперед руки, готова была оттолкнуться от нахала, но они, так и не коснувшись плоти, прошли сквозь нее. Обжегшая прохлада подавила разум, запрещая сопротивляться. Я съежилась от налетевшего холода, и без предупреждения шею обожгла колючая боль, словно по ней провели лезвием ножа. Вскрикнув, схватилась за чье-то тело, держащее меня, желая оттолкнуть.

Чужое дыхание, частое и горячее, согревало кожу, а руки все сильнее прижимали, чужой рот впивался в шею, причиняя жгучую боль, стремясь подчинить, поработить. Собственный жалобный стон вызвал презрение. Еще мгновение, и объятия разжались, и я небрежно упала в траву.

Я лежала, полностью погрузившись в пульсирующие ощущения на шее, кажется, оттуда вырвали целый кусок плоти. Хотела проверить свою догадку, вот только тело отказывалось слушаться.

— Открой рот, — со сказанными словами в мозгу сработали моментальные ассоциации. Николас, это он что-то со мной сделал. Методичные поглаживания по волосам захлопнули возможность мыслить самостоятельно, выкидывая меня в чужую реальность безвольным соучастником. Я потерялась в чужих мыслях, перестала существовать.

Распахнула глаза, уставившись в раскинувшееся надо мной темное небо со слабо светящимися звездами. После случившегося меня не собирались оставить в покое, с силой надавив на челюсти, заставляя открыть рот. Синхронный стон двух голосов проник в царившую тишину, спугнув с ближайшего дерева ночную птицу. Знакомый неприятный вкус

начал наполнять рот и стекать в горло. Не успело пройти и нескольких секунд, как чужая кровь, распространяясь внутри меня, словно став расплавленным железом, принялась сжигать заживо. Смешиваясь с чужой, моя кровь начала меняться, замерзать, кристаллизируясь, расширяясь в объеме, разрывая артерии и сосуды, превращая их в бесформенную кашу. Кусая губы, я молила, чтобы все прекратилось.

Тело непроизвольно выгнуло дугой, булькающий неправильный крик затруднял дыхание. Пытаясь хоть как-то справиться с болью, вцепилась себе в лицо, повреждая кожу, безжалостно оставляя на нем красные полосы. Едва сумев перевернуться на живот, я поползла вперед, вонзая скрюченные пальцы в землю, ломая ногти, сдирая о мелкие камешки кожу. Больше всего хотелось потерять сознание или найти большой камень и биться о него головой, пока та не превратится в окровавленное месиво. Или схватить нож и, вспоров живот, выбросить подальше никак не сгорающие внутренности. Тогда точно стало бы легче...

— Это уходит жизнь, — эхом отозвалось в голове. — Совсем скоро начнется новый этап.

Боль ушла. На тот момент она убила во мне все живое, способное чувствовать. Дикая усталость и небывалый даже при моих скитаниях голод мучили не меньше часа.

— Пройдешь последнюю ступень, и телесная боль отступит, — голос наставника, того самого мужчины, стал неприятен. — Доверься охотнику внутри себя.

Я кое-как встал еще не осознавая, чего ждать дальше. Поднял голову, почувствовав чужой страх. Резко выпрямившись, побежал в направлении жертвы, безошибочно избегая препятствий. Девушка заметила меня. Вытянула стройную шею, вглядываясь.

Хорошенькая, даже слишком, с гладкой светлой кожей и растрепанной паутиной волос. Не оставляя мне времени думать, наставник снимает часть контроля. Проникшее в мозг узнавание, смывает волной желание обладать жертвой.

Встав, девушка нерешительно делает шаг мне на встречу, что-то беспрестанно шепча. Замираю. Прислушиваюсь. И слегка натянутый поводок контроля вновь ослабевает, лишая воли. С ее губ срываются не имеющие никакого смысла слова.

Я срываюсь на бег. Нас поглощает высокая трава. Девушка кричит, сопротивляясь, пытаюсь выбраться из-под сбившего ее тела. Ее хрупкие руки обхватывают мое лицо. Она с испугом и неверием стараются рассмотреть. Но что она хочет там найти?

«А она красивая», — последняя мысль посещает мою голову, и я окончательно превращаюсь в животное.

Поводок снят. Я обезумел от сладкого аромата крови. Хотелось испить этот сосуд до дна. До капли.

Она продолжает выкрикивать слова, много слов и одно из них повторялось особенно часто. Я не понимаю. Я разучился слышать и думать. Из больших испуганных глаз потоком текут слезы. Мне все равно. Чувство жалости для только что рожденного не знакомо. Грубо повернув ее голову, присосался к горлу, разрывая его, вгрызаясь в плоть. Странно, отчего то мои глаза застилают непрошенные слезы?

Утолив жажду, человечность понемногу начинает возвращаться. Придя в себя, осмотрелся и опустив взгляд едва не обезумел. Трясущимися руками откинул слипшиеся длинные волосы с лица жертвы, осознав, что натворил. Из горла вырвался вопль умирающего зверя.

Наконец смог взглянуть в лицо девушки. Не знаю как, но умерев она стала еще

прекрасней. Не желая мириться с действительностью, начал безумно целовать ее лицо, губы, содрогаясь, не в силах остановиться.

— Люблю, люблю тебя, — закрыл рукой по-прежнему кровоточащую рану на шее. — Прости я не понимал и не слышал столько раз повторенное имя. Прости я виноват.

Я кричал, проклиная себя, и неожиданно осознал, кто во всем виноват. Он стоял сзади, внимательно наблюдая за моими мучениями, упиваясь причиненными болью и смертью. Не понимаю, как ему удавалось раньше скрывать свою сущность от меня? Это кровожадное животное не имело ничего общего с заботливым и внимательным учителем.

— Оставь меня, прошу, — не оглядываясь, едва произнес эти слова, вырывающиеся из горла разорванными кусками. Учитель, бросив что-то железное, оно лязгнуло о камни, молча удалился, я точно знал, что отведенное на прощание время быстро закончится.

Приподняв и прижимая к груди безжизненное тело, запустил пальцы в сильно спутавшиеся волосы. Душа истекала кровью, пока я, словно засыпающего ребенка, укачивал мою любимую, монотонно двигаясь вперед и назад. Пора, шептал внутренний голос. Прежде чем встать, в последний раз заглянул в бледное лицо с белыми, чуть приоткрытыми губами и распахнутыми от ужаса глазами, теперь навсегда смотрящими в никуда.

Я сидел рядом со свежим холмиком земли, недалеко беспокойно журчал ручей. Я неслучайно выбрал это место, ведь она так любила воду и мы мечтали поселиться в небольшом домике у самого озера в тихом уютном месте. Мечтали... вздохнув, положил на земляной холмик спящие полевые цветы с сомкнутыми на ночь бутонами. Теперь они, как и моя любовь, больше никогда не распустятся.

Всю ночь я был предоставлен сам себе, погружаясь в мрачные мысли, и чуть не потонул в них к рассвету. Очень долго лежал, уткнувшись лицом в траву, размышляя, отчего даже моя любовь не смогла меня предостеречь от хладнокровного убийства?

— Любовь здесь не при чем, главное в жизни — сила. Если ты достигнешь значительного мастерства в управлении ей, то сможешь справиться со всем и всеми.

Зажмурившись и в последний раз вдохнув ускользящий знакомый аромат, решительно встал. Да, я должен стать сильным, и тогда никто не посмеет мной управлять и помыкать. Я стану хозяином своей жизни.

— Так-то лучше, — довольно хмыкнул учитель. — Пошли домой, — вскинув голову, взглянул в лицо моего мучителя, в нем не отражалось ни капли сочувствия или раскаяния. Там не было ничего, кроме нескрываемого злорадства и превосходства.

— И давно тебе все известно?

— Достаточно. Ты собирался бежать с ней, пренебрегая моим добрым расположением и милостью.

Оказывается, мои неосуществленные действия задела его. Неужели только из-за этого он сотворил такое?

— Ты же мог воспользоваться моей слабостью, и я бы стал твоим рабом.

Надо же, а я ведь и вправду так считал и, предложи он выбор, согласился бы на все, только бы спасти мою любимую.

— Разве ты не понял, что и так мой раб? Красивая личная игрушка, которой я безоговорочно распоряжаюсь. У меня на тебя большие планы, и я не намерен использовать какие-либо сторонние цепи, чтобы тебя удержать.

Невольно остановился. Осознавая, что случившееся недавно — просчитанный до

мелочей план.

— А как же Джонатан? — мое замешательство его позабавило.

— Эта трусливая собака? Жалкое существо, он хорош только для утех. Советую, можешь пользоваться, когда пожелаешь, признаюсь, в постели ему нет равных.

Я поморщился от сказанной мерзости. Никогда не посмею с ним сделать подобного.

Отяжелевшие веки закрылись. Запертая в чужом теле, я не могла ни на что повлиять и едва осознавала, что происходит.

Сквозь закрытые глаза пронеслась череда картин, смазанных очертаний. Ресницы дрогнули, и очень близко перед самым лицом возникло смеющееся лицо Алекса. Весело хохоча, он ткнул меня в бок, отбегая к мосту. Запрыгнул на низкий забор, отгораживающий спуск к реке, и, ухватившись за фонарный столб, покрутился вокруг него, ускоряясь, легко перепрыгивая с одной стороны железного заборчика на другой.

— Можешь так? — нас дразнили.

Вокруг раскинулись пустынные улочки ночного города. Старинные невысокие — всего в два-три этажа — здания плотно жались друг к другу. От Николаса я знала — это криминальный район, здесь по ночам гулять не просто страшно, а опасно для жизни.

Тишину разрезает наш крик:

— Поберегись! — и мы, разбежавшись, с воплем бросились с моста в мерцающую отражением звезд мутную темную воду.

Мы вместе, он — крича, я закрытая в ее сознании, беспомощно визжа от страха, ухнули в ледяную глубь. «Смог, я смог!», — взметнулись в голове его мысли, а кругом бурлили, закручиваясь пугливые стайки пузырьков. Едва выбрались на берег, как рука Алекса одобрительно похлопала по плечу.

— Ну ты даешь, превзошел все мои ожидания, а ведь говорил, что боишься! — звук родного голоса успокаивает, давая надежду, что худшее уже позади.

— Боже! Вы оба неисправимы! — раздавшийся сверху недовольный женский голос словно упрекал не в меру расшалившихся детей.

Сквозь мокрые свисающие пряди волос мы разглядели, как девушка, переступив с ноги на ногу недовольно скрестила руки на груди, ее короткие волосы трепал задира-ветер. Не удержавшись, поприветствовали ее, чувствуя, как счастье наполняет душу.

Мир погас, и в голове раздался спокойный печальный голос:

— Знаешь, одна из способностей Алекса вызывала сильную зависть. Будучи только новообращенным, он сумел сделать то, что не удалось мне, — выиграть противостояние самому себе и сделать свой выбор, не поддавшись воле создателя. Он уже тогда был сильнее меня, а сегодняшний расклад — это его выбор. Каждый раз он поступал как вздумается, тем самым выводя из себя. Управлять им получалось с трудом.

С опаской открыла свои глаза, увидев светлый потолок и защекодавшие волосы склонившегося надо мной Ника.

— Что это было? — произнесенные слова неприятно обожгли пересохшее горло.

— Воспоминания. Правда, которую многие предпочтут замолчать. Мы ближе к маньякам и насильникам, чем люди думают. За века перестаешь чувствовать так остро и чужая боль становится непонятна. Я с самого первого дня обращения ненавидел своего учителя, считая дни, когда смогу поквитаться с ним. А обратив одного мальчишку, по иронии судьбы стал для него точно таким же чудовищем, которому он отомстил куда более жестоко, чем я своему учителю.

Я попыталась встать, Николас не позволил этого сделать. Прислушалась к своим ощущениям, не понимая, отчего такая слабость. Мой собеседник молчал, видимо, ожидая вопросов. Поглощенная чужими воспоминаниями, я сейчас желала лишь одного: как можно скорее забыть их, особенно вкус чужой крови и разодранное в тот момент мной горло.

— У Алекса есть свое преимущество, — непонятно для чего принялся пояснять Николас, — на собственном опыте я понял, что сама по себе сила мало что значит. Ее в полной мере могут компенсировать ум и верные друзья, принимающие тебя таким, какой ты есть. У Алекса всегда было и то, и другое. Мне так не везло. Любимчик судьбы, если так можно выразиться по отношению к нему. Хотя, каюсь, и отняла она у него немало.

И вновь выжидающая пауза. Нахмурившись, решила спросить хоть что-нибудь, раз настаивает.

— В вашем мире слишком много психов. Совет боится, что я стану одним из них?

— Совет ничего не боится, — отрезал он. — Я всего лишь показал каково это — быть одним из нас. Ни больше, ни меньше. Как тебе увиденное?

Длинные разговоры начали утомлять, с каждой минутой удерживать глаза открытыми становилось все сложнее.

— Увиденное не способствовало укреплению моего хрупкого душевного равновесия, — попыталась отшутиться я.

Я моргнула, задержавшись в этом моменте дольше, чем требовалось, а открыв глаза, обнаружила лицо Николаса слишком близко к моему, одно неловкое движение — и мы соприкоснемся губами. От одного этого понимания перестала дышать.

— Все наши утраты делают нас сильнее, нужно радоваться прекрасным моментам и искать то, что приносит радость, в настоящем, — я содрогнулась, а ведь Ник будто видел меня насквозь. — Ну хорошо, я закрою боль внутри тебя, и она станет постепенно просачиваться, это даст тебе время принять ее, — после короткой паузы он добавил: — Пожалуй, уберу и воспоминания об убийстве».

Прекрасно понимая, что эти слова об Энджиле, я разрыдалась. И когда теплые, необычно мягкие губы коснулись моих, я искренне желала поверить в услышанные слова.

— Отойди от нее!

Николас нехотя отстранился и, убрав за ухо свисающие пряди, с привычной ему усмешкой спросил:

— Ты защищаешь ее или ревнуешь?

Неуловимое движение, и Николаса отбросило в стену; ударившись об нее, он рухнул на пол. Потрясенные полки с жалобным скрипом и стоном обрушились следом.

— Убирайся! — произнесший слова голос был чужим, низким, угрожающим.

Николас тяжело поднялся, вытирая тыльной стороной кровь с рассеченного лба, и, отбрасывая несчастную полку в сторону, подхватил валяющийся на полу пиджак. Бросив красноречивый взгляд в мою сторону, просто оставил нас наедине.

Почувствовав, как Алекс присел рядом, облегченно вздохнула: очень уж не хотелось вновь становиться свидетелем их ссоры. Я погрузилась в себя, привыкала к давно забытому чувству спокойствия. Пребывая в этом состоянии, пропустила момент, когда он слегка коснулся губ, раз за разом его движения становились увереннее, постепенно делая поцелуй более глубоким. Пальцы с трепетом поглаживали руки, слегка задевая кожу. Приятные ощущения потоком теплой воды скользили по телу, непроизвольно заставляя желать, чтоб этот момент длился вечно.

И только открыв глаза, осознала, кто именно целует меня. Болезненно дернувшись, вскочила, ударившись об него головой.

— Что ты делаешь? — потирая ушибленный лоб вскрикнула я.

Он отстранился, сев прямо, на лице отразилась обида.

— Ему можно, а мне нет? — желчно заключил он. — Чем все они лучше меня?

— Что? — поперхнулась словами, не веря в услышанное. О ком он говорит? Да как он вообще смеет вытворять такое, живя вместе с Лолой?

— Идиот! — в сердцах выругался Алекс. — Извини, меня Лейла, — с этими словами вновь потянулся ко мне.

Испугавшись его внезапного перепада настроения, слетела с кровати и, запнувшись за брошенные не на месте тапки, растянулась между столом и стеной. Едва руки Алекса коснулись меня, я бешено задергалась в его объятиях. Прикосновения показались неестественно горячими, а реакция собственного тела напугала сильнее всего.

— Уходи, оставь меня! — завопила я, глядя куда угодно, лишь бы не на него. Стыд и вина непонятно за что требовали одиночества. На секунду объятия стали крепче, паника от непонимания самой себя достигла предела. — Убирайся отсюда!

Отчаяние и беспомощность, вот что явственно проступило на лице Алекса прежде, чем он отпустил. Почувствовав свободу, кинулась на кровать, уткнувшись в подушку. Все тело сгорало от стыда, а мозг кричал, что после такие громких слов это конец. Отвернувшись к стене, я так и не узнала, долго ли он еще находился в комнате и когда ушел. Вокруг царила гробовая тишина.

Ночные приключения не прошли даром, едва зазвонил будильник и я разлепила глаза, включилась головная боль, точно кто-то только ждал момента, чтобы нажать на красную кнопку.

Мешающая пульсация в висках требовала продолжить отдых, сознание же напоминало о ранее пропущенных днях лекций. Заставить себя встать удалось не сразу. Одевшись, умылась ледяной водой, только после этого немного полегчало. Папа, допивающий утреннюю чашку кофе, удостоился вялой улыбки.

— Не выспалась, дочка? — бодро поприветствовал он, кивая на горячий чайник и пододвигая ко мне тосты и баночку джема.

— Да, — вздохнула я, заливая пакетик чая кипятком, — а ты как?

— Небывало бодр и свеж. Представление было отменным, в последнее время я сильно уставал и только пришел домой, тут же отрубился. С утра уже успел закончить кое-какую работу.

Папа развернул газету. По утрам он никогда не смотрел телевизор, не сидел в телефоне и не читал книг. Газета утром — его пунктик много лет. Опустившись напротив, принялась вяло намазывать джем на тост, по привычке читая страницу, обращенную ко мне.

— Ну наконец-то приняли меры.

— Ты о чем? — не отрывая бегающих по строчкам глаз, поинтересовался он.

— Пишут, что на следующей недели будут сносить старое здание у нас в парке. Технику начнут стягивать к объекту в середине недели.

Он закашлялся, быстро перевернув газету и, не произнеся ни слова, принялся жадно вчитываться в изложенный текст.

— Папа я хотела сегодня...

— Позже дочка, позже, — глубокая морщина пролегла между бровей, он встал,

опрокинув кружку с недопитым кофе и поспешно выбежал из квартиры.

Не совсем понимая причин подобного беспокойства, подтянула к себе газету, дочитав статью до конца. Странно, обычная информация о сносе обветшалого здания, ничего особенного.

В институт добиралась людными улочками, всюду мерещились следящие за мной и идущие по пятам люди, нервно оглядываясь, пыталась за заметить хоть одного.

На лекциях тоже сосредоточиться не получилось. Мысли то и дело возвращались к вчерашнему вечеру, подкрепляя уверенность, что Алекс больше меня не захочет видеть. Я даже поймала себя на мысли, что перегнула палку. Вот бы с ним увидеться, только что ему сказать при встрече? Извиниться?

Едва дождавшись окончания лекции, приняла решение встретиться с отцом. Его утреннее поведение засело в голове, да и недавние происшествия не давали покоя. Ясности требовала хоть одна из этих странностей.

Выбрав скамейку напротив офиса, где работал папа, села, осматриваясь кругом. Здесь на деревьях только начали появляться первые желтые листочки. Не знаю почему, но осень сюда всегда добиралась позже. Красных и желтых листьев было совсем немного, из-за чего хотелось сорвать их в надежде отсрочить приход осени. Я наблюдала за гуляющими людьми и ждала, ждала... а в памяти начали вырисовываться странные детские воспоминания.

— Дочь, ты чего тут делаешь? Меня ждешь?

Надо же, пропустила конец рабочего дня. Я улыбнулась и кивнула.

— Какой приятный сюрприз. Ну пойдём прогуляемся.

Я встала со скамьи, и мы пошли рядом, никуда не торопясь.

— Давно мы с тобой не гуляли.

— Ага, — я перебирала слова, чтобы начать разговор. Столько вечеров представляла этот момент и именно сейчас весь наработанный шаблон словно стерся из памяти.

— Как у тебя дела? Как прошли каникулы? Ты не успела рассказать подробности. Хорошо отдохнула?

— Нет, то есть да. Вообще то я хотела с тобой поговорить немного о другом.

— Что-нибудь случилось? — папа остановился, встревоженно вглядываясь в мое лицо. — Это про того ненормального доктора? Я звонил ему, он уверял, что больше не побеспокоит.

Помотав головой, озвучив пришедшие на лавочке мысли.

— Помнишь, однажды в детстве поздним вечером мы пробрались в заброшенное здание и бродили по нему несколько часов? Мне почему-то вспомнились твои слова, что очень скоро мы окажемся в необычном месте и вход вот-вот должен открыться.

Отец побледнел. Его замешательство вызвало в душе ликование и скрытую тревогу. Я сама еще до конца не поняла, что хочу узнать с помощью почти стершегося из памяти прошлого.

— Я... — он откашлялся, приводя севший голос в порядок, нервно рассмеявшись, — ты наверно позабыла, что это маленькое приключение было навеянное моей сказкой и твоими просьбами повторить ее в тысячный раз.

Наморщив лоб, постаралась припомнить, о чем идет речь. Сказка действительно была, да еще какая! Про путешественника по мирам.

Внезапный громкий писклявый лай раздался совсем рядом. Я подскочила от неожиданности, а внутри вспыхнула костром невероятная мысль, обдав жаром, озвучивая

которую, я не сводила глаз с отца, боясь пропустить и одновременно увидеть возможную реакцию.

— Эта сказка о тебе?

Было видно, что данный вопрос застал его врасплох. Отец был сильно удивлен. Он расслабил внезапно сдавивший горло галстук.

— С чего ты взяла? Герой просто похож на меня, — растерянно рассмеялся он. — Это детская сказка.

— Однажды я видела, как ты заходил в то здание, но так и не вышел. На следующий день, волнуясь, позвонила к тебе на работу и мне сказали, что ты взял отпуск. А для нас ты якобы уехал в командировку, — кусочки пазла начали складываться в картину, изображение которой меня ничуть не радовало. — Так что происходит?

Отец усмехнулся:

— Какая ты проницательная, взрослеешь. Думал, что идеально все просчитал и прокололся на такой мелочи как здоровый интерес. Ну что ж поделаться... — он развел руками, словно извиняясь за дальнейшие слова. — В мире существует множество параллельных измерений, они связаны друг с другом в определенных точках перехода, но существуют отдельно друг от друга. Но не понимаю, почему ты вдруг этим заинтересовалась?

— Папа ты уходишь от ответа. Где ты был все это время и последние две недели?

Вздых, такой тяжелый, мне показалось, что на его плечи опустили мешок с кирпичами.

— Не думал, что этот разговор когда-нибудь наступит. В такое сложно поверить, — он перешел на шепот, — я путешествую между мирами.

Компания людей поравнялась с нами, и мы замолчали. Я зависла, и обрадовавшись, и испугавшись одновременно. Что же это получается, он тоже путешествовал... но куда именно?

— Надо же, — протянула я, пытаюсь собрать воедино разбегающиеся мысли. — И где ты побывал и как смог вернуться?

Отец сощурился, внимательно рассматривая мои заблестевшие любопытством глаза.

— Произошло то, о чем я не знаю?

Я потупила взгляд, собираясь соврать, но вовремя успела одернуть себя. Он ведь сказал мне правду, хоть и скрывал ее так долго. Похоже, пришло время отважиться на откровенный разговор, я этого так долго ждала.

— Просто летом, когда мы ездили на море... я побывала в прошлом.

— Как это случилось? — отец даже остановился от неожиданного откровения. — Надеюсь, ты никому об этом не рассказывала?

Покачивая головой, я поведала, как попала в прошлое. Вкратце рассказала о событиях, случившихся там со мной, и как неожиданно нашелся путь назад. Видно было, насколько он потрясен.

— Но я не понимаю, как ты перемещаешься? — мне не терпелось увидеть все картину происходящего целиком.

Он задумался, подбирая правильные слова.

— Полагаю, то здание и я пульсируем в одном резонансе. Когда туда прихожу, то сначала ничего не происходит. Затем краски становятся ярче, силуэты теряют четкость. Это похоже на головокружение. Когда я прихожу в себя, то уже там. Но у тебя это страшновато как-то случилось, дочка, надеюсь, ты не хочешь вновь переместиться? Не хочу

тебя потерять, вдруг ты утонешь.

— Ты думаешь, я попала туда именно благодаря воде? Может, дело все в отеле и это у меня это единичный случай перемещения? — я вздохнула. — Хотела и еще кое-что узнать.

— Спрашивай, расскажу все что знаю. А по поводу воды, это вопрос спорный, но и такое не исключено. Если именно в том месте переход, возможно, он в виде воронки и просто засосал тебя. А еще меня смущает упомянутый тобой человек из прошлого, благодаря которому ты упала в бассейн. В этом вопросе нельзя быть уверенным на сто процентов в чем-либо.

Все это время мы не спеша брели по дорожкам парка. Постепенно людей вокруг становилось все меньше. Завтра вновь рабочий день, и многие торопились домой.

— В твоей сказке присутствовала девушка, она реальна?

— Да, — его лицо озарила внезапная улыбка, — конечно, она не похожа ни на тебя, ни на меня, в ней нет красоты, как люди понимают ее. Но эта девушка прекрасна. С ней так легко, так спокойно.

— Ты никогда не думал остаться там? — я задержала дыхание в ожидании его слов и чуть не столкнулась с идущим навстречу человеком, увлеченно уставившимся в телефон. Отец вовремя потянул на себя, предотвращая столкновение.

— Думал. Даже слишком много. Я хотел, чтоб мы вдвоем перенеслись туда, но ничего не произошло, — я кивнула, вспомнив, как сильно тогда отец расстроился.

— Да, в тот день мы так долго ходили с этажа на этаж, бродили по длинным коридорам и заглядывали в грязные и пыльные комнаты, что устали. Мне казалось, ты что-то ищешь, и так нравилось придумывать разные причины, почему мы там находились. Это выглядело загадочно.

— Хорошо, что ты нашла путь назад, и странно, что вернулась именно в тот день, из которого попала в прошлое.

Мы проговорили допоздна. Отец рассказал про тот мир: голубо-розовое небо, деревья высотой с наши девятиэтажные дома, могучие и красивые, кстати, жители обитают именно на деревьях в очень удобных квартирах. Там многое по-другому, не так, как на Земле. Они рассказывали, что и раньше к ним приходили чужаки, но не все смогли выжить и найти поддержку.

В итоге, проголодавшись, мы зашли в кафе и, расположившись у самого окна, заказали салат. Ожидая официанта, молчали, размышляя об услышанной друг от друга информации. В задумчивости я смотрела сквозь стекло, когда на ближайшем фонаре, точно на гигантской свече, запоздало вспыхнул свет, и на небе пульсирующими светлячками начали загораться звезды.

Получалось, что наши перемещения отличаются друг от друга подобно небу и земле. Исходя из сказанного стариком-проводятым, людей выбирает судьба, значит, это не дар, достающийся по наследству. Папа доел первый и, сделав глоток чая, продолжил свой рассказ:

— Путешествую я не с самого рождения, уже будучи взрослым, в двадцать пять лет, первый раз попал туда. Это вышло случайно. Во второй раз — примерно через год. После смерти твоей мамы мне стало это особенно важно. Стараясь отвлечься, я потратил много сил, чтобы разгадать тайну своих перемещений. Но я всегда возвращался домой, ведь ты ждала меня.

— Теперь все становится на свои места, — голуби и воробьи за стеклом прыгали по

тропуару в желтых пятнах света фонарей, растаскивая уроненную кем-то булочку, хлопая крыльями и при этом забавно поворачивая головы. Я сглотнула подступивший к горлу ком. — Знаешь, в прошлом я встретила кое-кого.

Боковым зрением заметила движение. Мужчина за соседним столиком поправлял замотанный вокруг шеи шарф. Он достал электронную сигарету и затянулся, пуская клубы искусственного дыма. «А здесь вообще разрешено курить?» — подумав, нахмурилась я.

— Ты про того молодого человека, Алекса, кажется?

— Да, — повернувшись, усмехнулась я слову «молодой», — но я не всю правду тебе рассказала о нем. Хотя сейчас вижу, что именно ты сможешь поверить.

Отец с интересом посмотрел на меня, а я наконец уловила сладковато-горький аромат электронной сигареты.

— Алекса я встретила и в том, и в этом времени. И он не путешествует, он просто живет.

— Но этот человек сейчас должен быть очень стар. Сколько ему лет?

Вспомнив его, тогда и сейчас едва не рассмеялась.

— Я думала, ты сразу поймешь, в чем дело. Но видно, если видел одно чудо, не обязательно поверишь в другое, — внезапно разволновавшись, помешала ложечкой остывший чай, беря верх над чувствами. — Он не совсем человек. Да, Алекс был человеком, но сейчас и в то время его сущность — вампир.

Отец выронил из рук недоеденный кусочек булочки.

— Ты серьезно? Они существуют?

— Такое чувство, что это не ты только что рассказывал мне про другой мир, — усмехнулась я. И все же я была довольна произведенным эффектом.

— Это сенсация! — он понизил взлетевший от переизбытка эмоций голос и наклонившись ближе ко мне продолжил. — Многие бы отдали золотые горы за такую информацию. Путешествия во времени — это одно, им в истории есть доказательства, свидетельства, но вот вампиры... одни слухи и предположения. Они ускользают от навязчивых людей, смеясь.

Я притихла, размышляя о сложившейся ситуации.

— Знаешь, доктор, у которого я проходила обследование... он знает о вампирах, — отец слушал внимательно, давая мне время высказаться, — этот врач вводил меня в состояние гипноза. Похоже, он очередной псих, стремящийся к всемирному признанию.

Отец призадумался, нахмурил брови, что не предвещало ничего хорошего.

— Знаешь, это плохая новость. Если этот фанатик действительно верит твоим воспоминаниям, то он может пойти на многое. Тебе следует быть осторожной.

Папа встал, оставив деньги на столике, накинул пиджак, ожидая меня. Мой взгляд вновь зацепился за посетителя. Машинально сделала шаг, желая развеять гложущее чувство, увидев лицо этого человека. Он положил руку с зажатой сигаретой на стол. В полумраке блеснуло серебро, переходя в тусклый перелив черного гематита. Я замерла, узнав перстень, попятилась боясь дышать и желая убраться отсюда как можно скорее.

— Дочка, мы и так задержались, пойдем, — с этими словами папа потянул меня к дверям.

Машинально последовав за папой, вышла на улицу забыв до конца застегнуть куртку и не чувствуя холода молча пошла рядом. Мне казалось, в свете последних событий я стала намного осторожной и внимательней. Казалось. Узнавание в сидящем человеке доктора

Мартина стало для меня шокирующим неожиданностью. И один вопрос не давал покоя: неужели он все слышал?

Последующие пару дней, приходя с работы, папа улыбался, вот только глаза оставались безжизненными. В них притаилась боль, особенно четко проявляющаяся, когда он думал, что никто не смотрит.

— Папа! — окликнула я, когда он в очередной раз завис над остывшим чаем с зажатой и так и недоеденной печенькой в руке.

— Все нормально, — встрепенулся он, улыбаясь и наконец отправляя в рот надкушенное лакомство и посмотрел на потемневшее небо.

— Может, хватит? Я же вижу, насколько тебе плохо.

— Это скоро пройдет, — отмахнулся он.

— Когда снесут здание? — я горько улыбнулась, таким его не помнила с момента похорон мамы. — Тогда станет только хуже.

Папа вновь замолчал, погружаясь в свой мир и как бы нехотя выложил то, что тревожило его:

— Доктор, к которому ты ходила. Он сегодня подошел ко мне, — осунувшиеся плечи и опущенная голова показывали, насколько отец устал. — Ему известен не только твой, но и мой секрет. Не знаю откуда, он узнал.

Я замерла, забыв как дышать, хотя и так понимала, что встреча с доктором Мартином — лишь вопрос времени. Состояние папы и эта новость напугали больше, чем появление Адиса. От него я хоть знала примерно, что ждать.

— Он предложил сделку, — тяжело вздохнул, показывая, насколько ему самому не нравятся дальнейшие слова. — Я стану участвовать в его экспериментах, и он не тронет тебя.

Намеревалась выдвинуть свои аргументы против, однако рука отца легла поверх моей, призывая дослушать.

— Я тоже не верю в искренность его слов, но у нас появится время. Ты отправишься туда, где он тебя не додумается искать.

— Даже не уговаривай, в деревню не поеду, — не удержавшись, съязвила я, — и тебя одного не оставлю, — закончила став серьезней.

Папа только усмехнулся на мое глупое заявление, потрепав по волосам. Наступило молчание. Я сжимала и разжимала пальцы, пересиливая себя, ведь то, что я готовилась сказать, пугало не меньше сложившейся ситуации.

— Уходи в тот мир. Через два дня наступит последний шанс.

Он ошалело уставился на меня. Похоже, данную возможность отец всерьез не рассматривал.

— Что ты такое говоришь? Я не брошу тебя! Ты не представляешь, на что люди способны ради денег и власти! — схватив за плечи, он затряс меня, стараясь облагородить.

Я представляла. Конечно, папа не знал, что творил Адис, я скрыла от него, как покушения, так и истинную силу вампиров и на что они способны. К чему эти сведения? Это незнание показалось в тот день разумным. Лучше пусть думает, что я побывала в прекрасном историческом фильме со множеством джентльменов, готовых на все ради девушки.

— Твоя дочь выросла. Я сумею позаботиться о себе.

Он замотал головой, от отчаяния не сумев сдержать слезы. А ведь и слезы были последний раз тоже на похоронах.

— Ты еще маленькая, я не смогу... Как ты будешь без меня и как я буду без тебя? Ведь, возможно, мы больше не встретимся.

Горло перехватило от переизбытка эмоций. Захотелось броситься к нему и просить никогда не покидать меня. Но разве это не эгоистично, удерживать кого-то, зная, что он будет счастливее в другом месте? Я и правда подошла и заключила его в объятия, но лишь для того, чтобы отец не смог увидеть блестящих от слез глаз.

Когда накал эмоций спал и мы, более-менее успокоившись, вновь налили в кружки горячего чая, я попыталась убедить его еще раз.

— У меня есть друзья, я тебе про них рассказывала в кафе. Они смогут помочь мне в первое время. Думаю, даже спрячут, пока все не уляжется, — я замолчала, пытаюсь прогнать из голоса остатки плаксивых нот. И уже увереннее закончила: — Хочешь, я познакомлю вас? Ты ведь не до конца поверил в их существование.

Растерев лицо, отец кивнул.

— Можно.

Сейчас я прекрасно понимала, что он соглашается, просто чтобы успокоить меня, и нежелание оставить меня все еще непоколебимо. Невзирая на это, я подскочила со стула, забыв обо всем и выхватив из рук папы кружку, улыбнувшись, сообщила:

— Сейчас добавлю в чай мед, чтоб крепче спалось, допьем, и в кровати. Уже поздно.

Папа скользнул печальным взглядом по мне, найдя силы улыбнуться в ответ. Я же отвернулась, одной рукой откупоривая маленькую баночку снотворного.

«Никаких травок, в этот раз только проверенное средство. Еще не хватало, чтобы он проснулся и не нашел меня в своей комнате», — мысленно произнесла я, смешивая ложечкой жидкости и маскирующий ароматный мед.

Подкравшись к двери папиной спальни, прислушалась. Ровное сопение раздавалось из чуть приоткрытой двери. На цыпочках подойдя к кровати, с нежностью поцеловала в щеку.

— Я скоро.

Сильвия, очень кстати поехала погостить на пару дней к подруге, как-то подозрительно нездорово блестели ее глаза в момент, когда она это произносила. Но папа лишь кивнул, соглашаясь. Едва после ее ухода не задала вопрос: зачем она вообще с нами живет? Но меня отвлекло напряженное выражение на лице отца.

И вот сейчас мне предстояла бессонная ночь, прямо как тогда, когда, вздрагивая от каждого шороха, украдкой покидала дом тети Люсии. В этот раз я уходила из своей квартиры, чтобы вновь попросить о помощи.

Накинув легкую куртку поверх кофты с капюшоном, а на ноги кроссовки, щелкнула замком. Свежий ветер улицы тут же принялся перебирать выбившиеся из-под капюшона пряди. Огляделась. Улица была пуста, лишь вдалеке можно разглядеть очертания спешащей пары. М-да, давно я добровольно не оказывалась на темных улицах, да еще и в одиночестве.

Слегка ссутулившись, стараясь стать незаметной, заторопилась в уже знакомую квартиру. Мне везло, парк и его дорожки, как и несколько пройденных дворов, оказались пусты. Где-то лаяла собака. Окрыленная своим внезапным везением, чуть не прозевала идущую навстречу компанию молодых людей. Неожиданно громкий смех прорезал ночную тьму. Перепугавшись, такая встреча ничего хорошего для молодой девушки не сулила, проскочила между кустами и присела, замерев.

Спрятанная в тени за еще не осыпавшимися листьями, с тревогой гадала: заметили или нет. Голоса приближались. Веселые разговоры и громкий хохот парней оставляли надежду на лучшее. Я переоценила свои физические способности и когда они поравнялись с моим укрытием, уже не чувствовала ног. Стиснув зубы, старалась не шелохнуться и не издать не единого звука. Одно движение, и листья вокруг меня захрустят, зашелестят, привлекая ненужное внимание.

Перенеся больший вес на руки, прислушалась. Голоса стали заметно тише. Не в силах больше терпеть издевательство над нетренированными мышцами, выпрямилась, торопливо покидая укрытие, спеша вниз по улице. Оглянувшись во тьму, где не горели два фонаря, прищурилась, пытаясь разглядеть в ночной темноте фигуры.

— Красавица, ты заблудилась? — оказалось, что компания просто сделала перекур, остановившись недалеко в неосвещенной части улицы.

Подскочив от неожиданности, сорвалась с места в стремительный бег. Так быстро, не чувствуя усталости, бегут, только боясь за свою жизнь. На одном дыхании я миновала два двора, и только оказавшись перед знакомым домом, позволила себе остановиться.

Большинство окон смотрели черными провалами. Завтра рабочий день, и многие уже легли спать. Прислушалась к ночным звукам — шуршанию и шелесту травы, тихому скрипу раскачиваемой ветром качели, в соседнем дворе нервно визжала испуганная машина. Небо затянули клочковатые тучи. Да уж, совсем не сравнить с тем спокойствием, которое царило ночами во владениях Алекса.

Выровняв дыхание, сразу направилась к подъезду. Достаточно уже потрясений, скоро от такой перенасыщенной событиями жизни у меня начнет дергаться глаз, да и до заикания недалеко.

«Сейчас просто поздороваюсь, объясню ситуацию и попрошу о встрече», — размышляла про себя, подъезжая к этажу.

Лифт дернулся, с лязгом раскрывая двери. Я еще какое-то время в нерешительности переступала с ноги на ногу в коридоре, собираясь с духом. Что скажет Алекс, захочет ли помочь после того, как я прогнала его?

Робкое нажатие на звонок и долгая минута ожидания. Растерявшись, я даже и не вспомнила про свой экземпляр ключей, не подумав, что стану делать, если квартира окажется пуста.

Щелчок и пренебрежительно брошенные в мой адрес слова:

— Я надеялась, ты уйдешь, — усмехнулась Лола, тряхнув волосами. — Что хотела?

Опешив от манеры общения и резкости произнесенных слов, заморгала, не придумав, что ответить.

— Проходи, чего встала, — она распахнула дверь и, скрестив руки на груди, отошла в сторону.

«А это правда Лола? — мелькнула в голове мысль, — такое чувство, что я ее чем-то обидела».

— Не тормози, малышка, — смеясь, Альтан вынырнул в коридор, затянув меня в квартиру. — Чай, кофе? — весело усмехнувшись, поинтересовался он. — Думаю, даже найду печенье с конфетами.

Из-за его любезности Лола нахмурилась еще сильнее.

— Не стоит. Мне нужен Алекс.

— Он уехал, когда вернется, не знаю.

— Вот как, — расстроившись, я опустила глаза, Лола вновь усмехнулась. Чувство, что мое огорчение приносит ей удовольствие, лишь укрепилось.

— Чем ты его так расстроила?

Не сдержавшись, я подняла на красотку взгляд. Без макияжа она казалась моложе. До сих пор не верилось, что из рыжеволосой девчонки выросла такая богиня. Ради такой красоты многие девушки ложатся под нож хирурга, чтобы хоть немного приблизиться к подобным формам: высокой груди, тонкой талии и выступающим ягодицам, чертам лица. А может, и она...?

Мне не дали развить дальше свои мысли. Альтан, качая головой в сторону Лолы, потянул меня за руку.

— Пойдем пообщаемся.

— Я лучше прогуляюсь, — кинула Лола, подхватывая маленькую сумочку, громко хлопнув дверью.

В молчании мы оказались на небольшой кухне. Я села на стул, наблюдая, как Альтан, ловко открывая нужные ящики, достает кружки, печенье и конфеты, расставляя на столе.

— Чай, кофе?

— Чай, — безразлично ответила я, понимая, что этот молодой человек мне не сможет помочь.

— Черный, зеленый, фруктовый?

«Он что, работает официантом?» — усмехнулась про себя пришедшей мысли и все-таки ответила на вопрос.

— Черный с одной ложкой сахара, пожалуйста.

Заметила озорные искорки в карих глазах. Чайник пикнул, закипев. Передо мной на блюде оказались пакетик чая и два рафинада, из кружки поднимался, клубясь, пар.

«Точно официант», — улыбнулась я, опуская пакетик в кипяток.

— Расскажи, зачем пришла, — наконец ожил Альтан, кивая на угощения.

— А смысл?

— Как минимум выговориться, на тебе лица нет. И вдруг я смогу помочь? — терпеливо пояснил он.

Я хмыкнула в ответ. Чем он поможет? Правда, я ничего и не теряю. Приперлась сюда и возвращаться домой в таком отчаянии совершенно не хочется. С этими мыслями укусила кажущееся безвкусным печенье, оттягивая время.

— Давай сделаем проще. Чтобы немного разрядить обстановку, я расскажу о себе, а после и ты поведаешь свою историю. Вопросы есть?

Решила, что его предложение не лишено смысла, ведь от обиды на себя и так не вовремя уехавшего Алекса мысли хаотично блуждали в голове.

— Сколько тебе лет?

— Почти двадцать девять.

Я округлила глаза, тут же начиная сомневаться в правдивости слов. На худом лице не было ни одной морщинки.

— Никаких подтяжек и прочей ерунды — хорошая генетика, — опустив часть печенья в чай, выругался, когда половина осталась в жидкости. Альтан встал, вылив мутное содержимое, и налил свежую порцию чая. — Знаешь, я был еще тем хулиганом: пьянки, драки, загулы. В свои двадцать я хоть и ни разу не попадал за решетку надолго, но был частым гостем в вытрезвителях. За парочку особо крупных потасовок проводил за решеткой

по несколько суток, — он откинулся на спинку стула. — До сих пор гадаю, что такого во мне нашла Лола, но чертовски благодарен ей за новую жизнь.

Альтан подул на горячий чай, сделав паузу. Я вдохнула поднимающийся пар, уловив пряные нотки.

— Скоро снесут здание... — заметила его округлившиеся глаза и поняла, что совсем не с того начала. Вдохнула, собираясь с мыслями.

С каждым новым событием лицо Альтана вытягивалось сильнее, а когда сообщила, что отец путешествует между мирами, его челюсть отвисла от шока. Рассмеялась, представив, что будет с обычным человеком. Да рассказчика и слушателя в психушку после этого загребут.

— Ты серьезно? — после длительного молчания выдал Альтан. — Лола, конечно, кое-что рассказывала, но твоя версия прям бомба. Будь я ученым, не пожалел бы чужих жизней и всех денег мира, чтобы заполучить два таких экземпляра.

Я потупила взгляд. Похоже, он издевается, узнав о докторе Мартине.

— Ты смелая, Лейла, и очень добрая! Сейчас я окончательно убедился, что Лола сильно преувеличивает твою вину.

Отодвинув недопитый чай, нахмурилась. Значит, мне не показалось и ее поведение не случайно.

— И в чем же моя вина?

— Не скажу. Она взяла с меня слово, и если не сдержу его, то сделаю хуже нам обоим.

Со скрежетом отодвинув стул, встала.

— Похоже, зря потеряла время, — и, не дожидаясь, что скажут в ответ, направилась в коридор.

Нервно дергая шнурки кроссовок, попыталась прикинуть дальнейшие действия и не смогла, в голове поселилась пустота.

— Да постой ты, я же не говорил, что не попытаюсь помочь убедить Лолу.

Махнула рукой на его слова. Переубедить девушку, которая спустя столько лет продолжает непонятно из-за чего ненавидеть меня, занятие бессмысленное, а зная, что она вампир, еще и опасное.

Достала из шкафа куртку и, словно прозрев, вновь обернулась к собеседнику.

— А ты кто такой и почему живешь здесь?

— Я друг, — он засмеялся, и озорные искорки сверкнули в его глазах, делая Альтана моложе.

— Просто друг?

— Любовник, если так понятнее.

— Чей? — ляпнула я, забыв подумать, что это совсем не мое дело.

— Лолы, конечно. Алекс, разумеется, красавчик, но с мальчиками не встречается. Да и я не по этой части.

Потрясенно осела на маленький пуфик, а в голове продолжали бухать услышанные слова. Алекс и Лола не вместе?

Перед моим лицом возник стакан воды, сделав глоток, начала приходить в себя.

— Телефончик оставь.

— Зачем?

— Если уговорю Лолу, то скину сообщение.

Да уж, не за этим я шла сюда и даже не думала, что мой визит выльется в такие

открытия. Перебирая полученную информацию, не спеша спустилась по лестнице и открыла входную дверь. На улице похолодало. В непонятных чувствах застыла в дверном проеме, оценивая обстановку.

В четыре часа утра лишь в нескольких окнах горел свет. Набравшись смелости, отправилась в обратный путь. Странно, конечно, что Альтан не предложил проводить хрупкую девушку до дома, ну да ладно, раз смогла дойти сюда, смогу добраться обратно.

Усилившийся ветер неистово гнал по темному небу серые облака, часто скрывающие народившуюся луну. Двор был пуст, но вдоль позвоночника пробежали неприятные мурашки, заставляя усомниться в этом. Чужой взгляд тяжестью скользил по телу. Адис? Меня передернуло от возможной с ним встречи. Я до сих пор не знала, что стало с ним и где он сейчас.

Мечтая оказаться побыстрее дома, побежала, держась наиболее освещенных улиц.

Едва упав на подушку, открыла глаза и удивленно посмотрела на телефон с мигающим смс. Десять часов? Я заморгала, с трудом просыпаясь. Разумеется, я не выспалась, а мысли вновь закружились в голове, сводя с ума. Но странно было то, что папа не разбудил меня к первой паре, или я перестаралась со снотворным и он сам еще спит?

Быстро натянув шорты с футболкой и, завязав волосы в хвост, покинула комнату. Папа нашелся на кухне, погруженный в свои мысли и не замечающий ничего вокруг.

— Доброе утро, — по привычке выдала я, а у самой уже начинала разрастаться пульсирующая головная боль. Поморщившись, добавила: — Думаю пропустить один день занятий.

Выйдя из состояния оцепенения, отец кивнул, тут же вновь облокотившись плечом о стену. Выжидаяще села напротив, автоматически открыв пришедшее сообщение.

«Встреча состоится сегодня в десять вечера. Кафе «Незабудка». Не опаздывай. Альтан».

Из подъезда мы вышли за час до назначенного времени. Отец вновь хмурился, сомневаясь, что вообще стоит затевать задуманное. Я уперлась, настаивая на своем и отгоняя прочь мысли о надвигающемся одиночестве.

Весь день прошел странно, так мы его не проводили уже минимум год: за завтраком вспоминали смешные случаи из прошлого, но улыбка мне давалась с трудом, обед прошел за старой комедией. Далее неспешная прогулка в отдаленном парке, где часто бывали вместе с мамой. После перекуса в кафе нас застиг дождь и пришлось вернуться домой, чтобы переодеться.

Зайдя в кафе «Незабудка», мы устроились в дальнем углу, откуда хорошо просматривался весь зал и входная дверь.

— Завтра ты уезжаешь, — наконец прервал молчание папа. От услышанного я выпучила глаза. — Послезавтра доктор Мартин ждет меня к себе, — продолжил он еще тише. — Я сделаю все, чтобы ты не попала к нему.

— Сегодня это был прощальный день? — наконец отмерла я. — А как же твое обещание подумать? Обман?

— Дочка, давай смотреть правде в глаза.

— Что, какой правде? — сощурившись я присмотрелась к чертам его лица. В них читались печаль и смущение. — Ты не веришь мне? — собственная догадка настолько поразила, что я дернулась, едва не упав со стула и схватив папу за руку заставила посмотреть на меня. — Вот, значит, как? Ты решил, что сейчас придет актер со вставными зубами?..

Я нервно рассмеялась, а ведь была уверена, что он поверил мне.

— Дочка, я не про то, — он вздохнул, — подожди немного, я сейчас вернусь, — и папа встал, направляясь в сторону уборной.

От досады я скомкала в кулаке салфетку. Так, значит, он все уже решил, а сюда пошел просто ради любопытства? А я-то, рискуя жизнью, договаривалась о встрече. Пока я злилась, на соседний стул изящно опустилась Лола.

— Не в духе? — усмехнувшись спросила она.

— Неважно. Если папа уедет... — почувствовала, как произнесенных слов глаза наполнились влагой, — я так боюсь этого, — подняла взгляд на Лолу, надеясь, что она прочтает в них внутренний страх и боль.

Я прошлой ночью придумала этот трюк: раз она настроена против меня, то охотнее сделает то, что мне причинит боль.

— Хочешь, чтобы я отговорила его? — не поняла Лола.

— Как бы мне не было плохо, он должен уехать, — со всхлипом выдала я, заранее заготовленный аргумент, параллельно стараясь справиться с собой.

Она хотела задать еще вопрос, но не успела.

— Добрый вечер, — отец поклонился, садясь на свое место. — Что вам заказать?

Я опустила взгляд, быстро заморгав, очень надеясь, что папа не заметил готовых пролиться слез.

— Воды, спасибо. Не люблю человеческую еду, — она поправила волосы, скинув на соседний стул кофточку и медленно провела рукой по шеи и ключицы, словно разминая уставшие мышцы, специально привлекая внимание к вырезу. После, повернув голову, широко улыбнулась, блеснув клыками.

Его взгляд машинально скользнул за рукой, а когда он заметил зубы, его глаза расширились. Действительно, поначалу это завораживающее зрелище.

«Похоже, Лола умеет произвести впечатление», — промелькнуло в голове.

— Разрешите мы поговорим наедине? — обратился ко мне папа не в силах отвести взгляд от обворожительной Лолы.

Я пожалала плечами, только сейчас начиная осознавать, что не все способы в арсенале Лолы приемлемы для меня.

— Можно без фокусов? — шепнула, склонившись к ней и делая вид, что обнимаю.

Выходить на улицу показалось неразумным, поэтому, нашла свободный столик, заказала чай с пирожным и стала просто рассматривать немногочисленных посетителей. Фруктовый аромат чая забирался в нос, прогоняя прочь грустные мысли и возвращая вновь на морской курорт, такой уютный и теплый. Мне даже померещились шуршащий шум моря и гомон чаек. Кокосовое пирожное дополнило картину, отстранившись от настоящего, прикрыла от удовольствия глаза.

Чуть левее за столиком сидела влюбленная пара. Молодой человек слегка поглаживал руку девушки, вскользь касаясь ее кожи. А та с трепетом бросала на него мимолетные взгляды. Он что-то говорил, и собеседница смущенно вскидывала глаза, улыбаясь.

Это выглядело так мило, и я невольно забыла обо всем на свете, наблюдая за воркованием пары.

— Дочка, — отец закрыл обзор, я на тот период уже представляла себя на месте счастливицы, но никак не могла даже в мечтах наколдовать в душе счастье. Рука задела за плечо, и я встрепенулась, возвращаясь к реальности.

— А? Что?

На лице папы читалась волнение и детский восторг. Интересно, что Лола говорила, надеюсь...

— Где Лола? — я завертела головой в надежде, что она еще не ушла.

— На улице, — отец сел на свободный стул и притянув мое недоеденное пирожное в задумчивости отломил кусочек, съев. Я встревожилась не на шутку: папа не любит кокос, а тут еще и видок такой, будто ему промыли мозги.

— Я сейчас, подожди здесь и никуда не уходи, — попыталась поймать его взгляд, чтобы убедиться, что он понял мои слова. Ладно, вроде в сознании.

Лола терпеливо ждала на улице, сразу возле входных дверей.

— Что ты с ним сделала? — сходу возмутилась я.

— Ничего, — пожав плечами усмехнулась она, — ты, видимо, рассказала о своем путешествии совсем ванильную версию?

— Что?

Заходящая пара в возрасте укоризненно глянула на нас, решив, что мы ругаемся.

— Я немного дополнила твое путешествие взглядом с моей стороны и добавила разрешенные к разглашению тайны о вампирах. Кстати, от того, как ты расправилась с Глорией, он был в восторге.

Неожиданно она звонко рассмеялась, заставив меня вздрогнуть и вспомнить, что я забыла накинуть куртку.

— К сожалению, он плохо поддается воздействию на сознание. Разве я могла удержаться от подобного соблазна и не попробовать? — и ее наманикюренные пальчики коснулись моей щеки. — Сделай лицо попроще.

Она собиралась развернуться и уйти прочь, но передумала, с хищным прищуром воззрившись на меня.

— Альтан упоминал, что ты интересовалась, на что я обижаюсь. Могу поведать, если до сих пор интересно.

Я успела глянуть через стекло кафе на столик, где по-прежнему сидела одинокая фигура отца. Он успел доесть пирожное и теперь в задумчивости крутил в пальцах ложку. Перевела неуверенный взгляд на собеседницу, слишком уж у нее сейчас довольный вид.

— Внезапно исчезнув, ты заставила всех поволноваться. Алекс как с цепи сорвался, сразу бросившись на поиски, которые в активной фазе продлились несколько лет. Я тоже долго не могла успокоиться, ведь ты мне стала старшей сестрой. Я любила тебя всем сердцем. Но вот Энджил, напротив, был отстраненно спокоен, превратившись в бесхребетного червяка, подавшись отчаянию. Он похоронил себя в стенах дома и медленно угасал. Я пыталась помочь, поговорить, развеселить, но, мне показалось, с твоим уходом умерла частица его. Частые болезни, становившиеся с каждым разом все серьезнее, почти не отпускали его измученное тело. Едва он излечивался, подступала новая. Мне было страшно. Не зная, что делать я, точно призрак, бесцельно шаталась по дому. Спросишь, почему я не вернулась домой? Все просто, не стало отца, и семья жила впроголодь. Я единственная, кто мог принести хоть какие-то деньги и помочь.

Меня передернуло, северный ветер пронизывал насквозь, футболка и джинсы плохо защищали от холода. Обхватив себя руками, постаралась сберечь крупницы выдуваемого тепла.

— А через год в когда-то миллом доме мне стало находиться не только одиноко, но и

жутко. Я боялась зайти в комнату, где на кровати лежал скелет, обтянутый тонкой просвечивающей кожей. Я каждый день молилась за его выздоровление. Даже перед самой его смертью осмелилась зайти к нему, но в ужасе выбежала. На кровати от того прекрасного Энджила не осталось ничего, там лежало чудовище с золотыми волосами. Дом стал для всех тюрьмой.

Ее глаза ярко блеснули в темноте улицы. Мурашки пробежали по телу, с трудом подавила желание закрыть уши и забежать внутрь кафе.

— Однажды в дом пришел Байрон Дейлз и подтвердил, что ты из будущего. И я дала себе обещание непременно найти тебя, чтобы взглянуть в глаза. Хотела рассказать, как ты погубила жизнь того, кто любил тебя, — добавила с легким раздражением Лола.

Ее речь все не замолкала, истекая ядом. Я уже не слушала. Хотела знать причину ее ненависти, Лейла? Похоже она кроется в детской обиде и страхе.

Мне было больно, но, кажется, Николас действительно смог убрать, хоть и временно, сжигающее меня горе. Оставалось надеяться, оно вернется не так же неожиданно, как возле картины в квартире Алекса.

Сейчас больше всего меня поразило то, что Лола винит в случившемся меня! Неужели она поэтому стала вампиром? И Алекс это допустил? Нет, пусть кто-нибудь скажет, что это не так! Не желая в это верить, яростно замотала головой. Лола победно улыбнулась, вздернув подбородок, по-своему истолковав мои действия.

Не зная, что можно ответить на ее обвинения отвернулась. Ее общество стало неприятно. Мысленно поблагодарила Ника за возможность думать ясно и видеть ситуацию как она есть. Оценив все «за» и «против», взялась за ручку двери и не прощаясь вернулась в теплое кафе.

Глава 4

Вчера мы так и не поговорили. Дорога домой угнетала тишиной. Папа обрывал все попытки заговорить с ним, прося дождаться утра. В голову лезли всякие несуразные мысли по поводу их разговора. Что такого могла рассказать Лола, от чего папа сам не свой? Про опасную поездку на лошади, про коварных знакомых, готовых убить меня? Неужели рассказала, что от моей руки умер человек? Блин, да хватит уже!

Этой ночью я почти не спала. Даже вернувшись домой в три часа ночи, вымотанная эмоционально и физически, не смогла сомкнуть глаз.

Утром, еще не было и шести часов, мы с отцом не сговариваясь оказались на кухне. Поздоровавшись, в тишине выпили чай и, собравшись, вышли из подъезда. По улице стелился густой туман, и было неожиданно тепло, даже немного душно. Трава, еще мокрая от утренней росы, блестела, словно осыпанная алмазной крошкой. Наконец отец заговорил:

— Извини за долгое молчание. Вчерашний разговор потряс меня. Я все хорошо обдумал и, если ты до сих пор не изменила решения...

— Ты правда согласен? — опешила я, не до конца уверенная, что не ослышалась.

— Сегодня я прогуляю работу, — он нервно рассмеялся, ударив себя по лбу. — Думаешь стоит предупредить или уже без разницы? Эх, такой день, а в голову лезет всякая ерунда.

Не смогла сдержать улыбку, легкой грустью скользнувшую по лицу. Сердце сдавило волнение. Мотнув головой, я отогнала мысль о расставании, и ее поглотил взметнувшийся туман.

— Знаешь, я так люблю тебя, как я без тебя? Как мы друг без друга?

— Мы справимся, — ободряюще улыбнулась, придушив в себе желание удариться в панику. — Ведь сам знаешь, так, как сейчас, долго продолжаться не сможет. С доктором еще можно что-то решить, но вот в отношении сноса мы бессильны.

— Да. Лола привела все возможные варианты развития будущего. Такой тоже рассматривался.

Мой план сработал, и она действительно помогала найти выгод из ситуации?

— А что Лола еще говорила?

— Она просила не разглашать подробности. Ты все узнаешь в свое время, — папа как-то странно усмехнулся, загадочно поглядывая на меня.

Ну вот что за тайны? И не удивлюсь, если я больше не услышу об Алексее, Лоле и Альтане. Если эта рыжая действительно во всем винит меня, то, думаю, они уже на полпути на противоположную часть земного шара.

Пока блуждала по своим спутанным мыслям, прослушала часть речи отца.

— ...если б я знал, что так все обернется...

— Ты бы ничего не поменял, даже если захотел. Время такая штука, благодаря которой все рано или поздно станет так, как и должно быть. Пап, а как выглядит твоя девушка?

Он задумался, на лице промелькнуло сомнение, стоит ли говорить, но, быстро овладев собой, улыбнулся:

— Как пожелаю. Она не человек.

Сама не заметив этого, я остановилась, не в силах скрыть удивление от услышанного. Он подошел и коснулся моей щеки.

— Не хотел пугать. Тот мир другой, но не страшный, как может показаться в первый раз.

— Расскажешь? — чуть дрогнувшим голосом поинтересовалась я.

— Если захочешь, — и неожиданно для меня сменил тему. — Я слышал, что существуют люди, которые помогают таким, как мы, обосноваться на новом месте. Их сама судьба закидывает в нужную точку и определенные обязательства не позволяют уйти далеко от жилища. Они вынуждены подчиняться своей природе и, как правило, надолго не задерживаются нигде. Нуждающиеся сами находят их как будто бы случайно. Точно как сделала это ты.

— Правда? — округлила я глаза. — Ты тоже повстречал их?

— Нет. Я общался с одним стариком в специальной больнице. Именно ему выпала подобная честь. Он поведал, что побывал в недалеком будущем, где увидел себя богатым, и что хранитель помог вернуться обратно. Но, вернувшись, стал кричать о неминуемом богатстве на каждом шагу, поверив в увиденное, — сев на скамейку, огороженную от ветра кустами, с грустью закончил: — Я уверен, что этот старик просто глупец, но точно не сумасшедший. Думаю, он сумел попасть в параллельную реальность, где его персона имеет существенное влияние, и уверовал, что так будет и здесь.

— Даже такое возможно? — со страхом и восхищением спросила я.

— В этом мире возможно почти все. Мы сами себе ставим ограничения из-за незнания, страха перед неизведанным и возможной болью, страшись, что все пойдет не по плану, из-за собственных фобий и установок... Список можно продолжать долго.

Сама не заметила, как за беседами прошел день. Я впитывала каждое слово, каждый миг, проведенный вместе с папой, мечтая, чтобы сутки длились вечно длился вечно.

Хотелось крикнуть, как в «Фаусте»: останись мгновенье, ты прекрасно! Глупые, несбыточные фантазии.

Время приближалось к пяти вечера, когда мы подошли к старому зданию. Осмотрелись. Огороженное высоким деревянным забором, оно казалось неприступной крепостью. Главный вход освещал одинокий прожектор. Мы не рискнули приблизиться, ведь если заметят, о плане придется забыть. Черными тенями мы побрели вдоль забора и чуть не рассмеялись, обнаружив дыру. Убедившись, что посторонних поблизости нет, пролезли внутрь.

На огороженной местности царил бардак: земля была изъезжена техникой, пригнанной сюда для скорого сноса, чуть в стороне эта же земля возвышалась уродливыми темными кучами, повсюду валялся мусор. Будка сторожа находилась с другой стороны разрушающегося строения, и нас, нарушителей, от обнаружения скрывали высокие стены. Часть фонарей не горела. Мы, прикрываясь надвигающимися сумерками, крались вперед.

Здание стояло, понуро погасив глаза. Отец достал фонарик. Мы прокрались внутрь через запасной вход, дверь которого давно сняли с петель. Внутри штукатурка частично осыпалась, где-то висела ошметками с потолка. На стенах черные подпалины от огня. На полу много мусора: начиная от веток и кирпичей, заканчивая бумагой, стеклом и грязью.

Мы шли вглубь, держась подальше от окон, поднялись на второй этаж и остановились. Отец обнял меня, простояв так примерно минуту, затем нехотя отпустил.

— Даже не заметил, как ты выросла, а ведь кажется, только вчера ты была маленькой и я приводил тебя сюда.

Мы держали друг друга за руки: прощаться навсегда оказалось так сложно. Вряд ли нам удастся когда-то встретиться.

— Знаешь, нигде в другом месте я не мог переместиться куда-либо, скорее всего, и у тебя так же. Не стоит переживать, что ты вдруг окажешься в средневековье, — подбодрил папа.

И как только он все замечает, меня и в самом деле волновала возможность опять исчезнуть.

Здание казалось огромным, и мы не спеша поднимались и спускались по лестницам, проходя пыльные коридоры. Отец шел впереди. Я не могла оторвать взгляд от его спины, наблюдая, ловя каждый жест.

— На столе в твоей комнате я оставил для тебя письмо и тетрадь...

Он что-то говорил, настойчиво повторяя слова, я кивала, уверяя, что все поняла.

Отец застыл на середине лестнице, всего в нескольких метрах от меня. Его тело пошатнулось и, словно в замедленной съемке, начало падать. Испугавшись, я бросилась к нему. Протянула руки, стараясь схватить, поддержать, но пальцы зачерпнули только воздух, коснулись моих ладоней. Тело отца прошло сквозь, беззвучно приближаясь к ступеням. Его силуэт потускнел, растворяясь, превращаясь в призрачный туман. В распахнутых глазах я еще видела свое отражение. Оно гасло умирающим светлячком. Так и не задев ступеней, тело исчезло, растаяв в пыли. Вот и все. Больше нет нашей небольшой семьи.

К н и г о е д . н е т

Не в силах пошевелиться, я стояла и смотрела на опустевшую лестницу и тянущийся вдаль пыльный коридор. По щекам медленно текли слезы, грязными кляксами капая под ноги. Тишина вокруг давила, оставляя жутковатое ощущение неизбежного одиночества.

Ноги отказывались идти. Опустившись на заваленный мусором и обломками пол, дала

волю слезам. Нарастающие всхлипы душили, заставляя беспомощно хватать ртом воздух, которого все равно не хватало. Хотелось кричать. Но не в силах этого сделать, подняла ближайший обломок, запустив им вдаль, затем еще одни и еще, продолжая до тех пор, пока силы не покинули меня и я, упав от изнеможения, не стала размазывать грязными руками слезы.

— Это не конец света, — повторяла я, все еще не желая мириться с происходящим. Превозмогая слабость, облокотилась о стену, — отец будет счастлив, а я... я... — стройный ряд подбадривающих слов оказался смят налетевшими мыслями, про которые ранее запрещала себе думать: — я теперь одна, у меня никого нет, дома больше никто не ждет.

Бессилие и пустота внутри нарастали. Только сейчас осознала, что «никогда не увидеться» значит именно «никогда», без вариантов.

Попыталась встать, но, не в силах подавить подступающий приступ истерики, рухнула на колени. Резкая боль от удара о бетон заставила зажмуриться, задержать дыхание. Разозлившись еще сильнее, со всей силы ударила кулаком в пол. Тело нещадно трясло и ломало.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу, — я так долго старалась выглядеть сильной, что совсем забыла, насколько слаба. — За что?

«Он поможет тебе», — словно ответ на мой вопрос эхом пронеслись в голове слова отца.

— Поможет, как же, — горько усмехнулась. — Я сама оттолкнула его... Куда теперь идти?

Где-то там далеко живут счастливые люди, готовые биться за себя и родных. Может, и я так смогу? Хотя за себя... какой-то слабый стимул. Прикрыв глаза, бессмысленно начала водить рукой по полу. Под ладонью перекатывались мелкие частицы бетона вместе с камешками, рая и царапая кожу. Мне было все равно.

Яркий свет больно резанул по глазам. Зажмурилась, не сразу осознав, что это только отблески полной луны, глядящей в окно сквозь облака. Прикрыла глаза и словно наяву вновь увидела, как мы всей семьей едем в трамвае. За окном сверкают огни города, множась в разбитых стеклах заброшенного здания. Я улыбнулась сквозь слезы и посмотрела в счастливые лица родителей. Насколько же то время было прекрасно.

— Вы всегда останетесь в моем сердце.

Я услышала далекий утешающий голос мамы и ободряющие слова отца и их практически невесомые прикосновения к моему плечу. Глупо улыбнувшись, открыла глаза. Я по-прежнему лежала в пыли, свернувшись калачиком, и беззвучно вздрагивала, слезы уже высохли.

С горькой усмешкой на губах поплелась по коридору.

Придавленная горем, я брела в пустоте здания, то и дело натываясь на стены, запинаясь о камни. Настигшие меня шок и понимание случившегося снесли все мои защитные барьеры, так искусно выстраиваемые последние дни перед подготовкой к этому событию. Слезы, вновь полились из глаз, капая с подбородка и впитываясь в ткань кофты. Я все еще отказывалась принимать реальность.

Впереди почудился силуэт, я дернулась всем телом и тут же запнулась за камень, едва не упав. Не обращая внимания на ободранные в кровь ладони, вскинула голову.

— Папа! — тишина после громкого крика потрясла. — Ты вернулся? Скажи, что ты вернулся! Ну пожалуйста, прошу тебя...

Сорвавшись с места бросилась бежать не разбирая дороги, завернула за угол, поднялась по лестнице и остановилась у развилки.

— Папа, ты где?

Ответа не последовало ни сразу, ни через пару минут.

Сознанию никак не хотелось мириться с действительностью, и внезапно накрывший меня гнев на себя, на него, на весь мир выплеснулся наружу. Я закричала, срывая связи. Ужас, что меня бросили одну, затуманил сознание, грозясь раздавить, точно надоедливую букашку. Крик перешел в хрип и в едва различимый шепот. Поворачиваясь вокруг своей оси, оглядывала царившую кругом разруху.

С улицы слышались голоса. Я замерла, бросившись в том направлении, и запнулась о выбитые из стены камни, рухнув, ударившись локтем, оставляя чуть заметные кровавые следы. Двигаясь ползком, собирая всю пыль и грязь, копившуюся здесь годами, добралась до окна. Они, точно пустые разинутые рты, застыли в беззвучном крике. С трудом перевалившись по пояс наружу, глянула вниз: третий этаж тонул в нахлынувшей темноте, сильно возвышаясь над землей.

— Папа! Папочка! — всхлипы возвращались с новой силой. — Тебя нет, да?

Совершенно обессилев, я замерла, погружаясь в безысходность.

Случайно сброшенный из окна камень ухнул в темноту, и разносящийся брызгами грохот эхом отозвался с другой стороны. Шум отрезвил.

«Это не папа», — мелькнула в голове мысль, сорвавшаяся наутек, точно испуганный заяц. От повторившегося шума сердце едва не выпрыгнуло наружу, своим оглушающим ритмом приводя в сознание. Но страха какого такого не было, он притупился и, точно раненый зверь, заполз глубоко внутрь. Озадаченно заморгала и, отодвинувшись от окна, осторожно присела возле подоконника, закрыв руками лицо. Силы закончились.

Его нет, и это я сама уговорила папу отправиться в тот мир. Я сама сделала все, чтобы стать одинокой!

Я закрыла глаза, вспоминая, как мы недавно гуляли по парку. Припомнила тень сомнения на его лице и свой настойчивый и уверенный голос, приводящий весомые доводы.

— Я сама... с помощью Лолы. Но ведь так лучше?

За пониманием нахлынуло безразличие. Уставившись в стену и забывая моргать, чувствовала, как внутри все наполняется пустотой. Холодная и неприветливая, она замораживала, даря долгожданное облегчение.

Не знаю, как долго я просидела, пребывая в забытьи, но когда холодное безразличие добралось до сознания, сделав его кристально чистым, я встала.

В разные стороны по-прежнему расходились забытые и покинутые коридоры. Моя одинокая фигура с потухшим взглядом походила на башню, возвышающуюся над этим хаосом. Высохшие слезы неприятно стягивали кожу: ожесточенно потеряла лицо, стирая это гадкое чувство. Я старалась не думать, главной целью стало выбраться из этого ставшего жутковато-одиноким места.

Нехотя я вернулась домой. Квартира тускло светила одиночеством. Из комнаты мачехи шел мерцающий свет телевизора. Не желая попасться ей на глаза, быстро юркнула в свою комнату и, схватив полотенце с чистыми вещами, скрылась в ванной комнате.

Вода безжалостно смывала с тела всю пыль и грязь. До покраснения терла себя, стараясь уничтожить следы соприкосновений с заброшенным зданием. И чуть задержалась в

конец под приятными бьющими струями, после чего покинула ванну, закрывшись в своей комнате.

Едва устроившись на мягком диване, огляделась: полки, шкаф, стол, тумбочка, разбросанные мягкие игрушки — вся эта атмосфера против воли погружала в воспоминания. Я чувствовала, что внутри образовалась дыра, пустое пространство, выжженное болью и переживаниями. Поморщилась, ко всему прочему добавилась головная боль.

Глубоко вздохнув, осознала, что задерживаться в городе дольше, чем на день-два, не стоит, лучше убраться, пока не хватились отца.

Головная боль набирала обороты. Встав, я щелкнула выключателем и направилась к столу, чтобы погасить и лампу. Уже потянулась к кнопке выключателя, когда заметила на расцарапанных ладонях красноватые полумесяцы. Раскрыла пальцы и удивленно уставилась на отметины. И когда успела? Качнула головой, и усилившаяся боль заставила забыть о руках.

Спать. Надо отдохнуть, а завтра на свежую голову начну сборы и составлю примерный маршрут побега. Едва слышный щелчок выключателя, и комната погрузилась в долгожданную темноту.

К моему разочарованию наутро легче не стало: хотелось есть, пить, а еще засунуть голову в морозилку. Боль стучала в висках, мешая сосредоточиться. Отражение в зеркале также не порадовало: замученная, с опухшим лицом и маленькими красными глазками.

Выйдя, подкралась к соседней двери, прислушавшись, за ней царила мертвая тишина. Видимо, Сильвия в очередной раз предпочла выспаться. Умывшись, прошла в пустую кухню. Живот скрутило от волнения, отчего с большим усилием удалось выпить чай и проглотить бутерброд. Пока жевала, в голову вновь полезли недобрые мысли. Усилием воли отогнала их, заставив себя пойти собираться.

Остановившись в центре комнаты, грустно усмехнулась, вспоминая, как в начале лета вот так же готовилась к предстоящей поездке к морю.

Сначала на пол сбросила все вещи, которые хотелось взять с собой, но, быстро оценив размер горы, рассортировала их на несколько частей по степени важности. И даже после этого необходимых для жизни вещей оказалось слишком много. Я перевела взгляд с рюкзака на валяющиеся вещи и впала в ступор.

Нет, уходить с одним рюкзаком за плечами будет крайне неразумно, учитывая, что многие вещи у меня есть. Конечно, денег при умеренных тратах должно хватить на полтора года, но совершать ненужные покупки я не намерена.

Нырнув в шкаф, достала два прочных пакета. Отпихнула ногой две книги — обойдусь без чтения, скрепя сердце отложила на кровать мягкого медведя — подарок родителей, сдвинула в сторону любимые туфли на каблуке — посещать места, куда их можно надеть, в планы также не входило.

В рюкзак отправились самые нужные вещи: паспорт, теплая кофта, футболка, два комплекта нижнего белья, зубная щетка, паста, зарядка для телефона, спички, аптечка, салфетки, бутылка воды и бутерброды. Ненадолго зависла над тетрадью и конвертом с письмом, оставленными отцом, и так, и не осмелившись открыть их, положила в боковой карман рюкзака. В пакеты: тонкое одеяло — еще неизвестно где предстоит ночевать, куртка, утепленные кроссовки, джинсы, несколько сухих завтраков.

Выложила на стол кошелек, пересчитав наличку. Двадцать тысяч и какая-то мелочь. Вздохнула, прикидывая, стоит ли снять больше денег с карты. Поразмыслив, поняла, что

иметь при себе большую сумму денег неразумно.

Если со сбором вещей все прошло относительно гладко, то определиться с направлением никак не получалось. В итоге решила прийти на вокзал и купить билет на первый отходящий автобус. Какая разница, куда ехать, если я особо нигде и не была?

Вечерело. Я уже начала дремать над разложенной на столе картой с обведенными в кружок ближайшими городами, когда в квартиру с веселым смехом и шумом кто-то ввалился.

Прислушалась, голос незнакомый и точно мужской. Тут же донеслось приветливое щебетание Сильвии, смех и щелчок закрывшейся двери.

Не в силах побороть любопытство, припала к стене, вслушиваясь. С той стороны доносился залиvistый женский смех и отдельные недвусмысленные фразы. Сон как рукой сняло. Изнутри поднимались негодование и злость. Ну как она может приводить в квартиру мужчин? И так нервы ни к черту, а донесшееся веселье окончательно снесло крышу. Преодолев коридор, решительно открыла дверь, из-за которой доносилось уже нездоровое хихиканье.

Но стоило мне встретиться с реальностью лицом к лицу, как весь мой напор и отвага испарились.

Вначале я увидела только опущенную к столу голову мачехи, ее волосы падали вперед, скрывая, к чему именно она тянется. Но мозг, похоже, увидел всю картину целиком гораздо раньше меня и до того, как она подняла голову, я отшатнулась, попятившись назад. Сильвия посмотрела на меня, и я ойкнула, заметив остатки белого порошка на столе.

«Мука? — подумала я, тут же мысленно одернув себя. — Какая к черту мука, это же наркотик!»

Встретилась с блуждающим невидящим взглядом и невольно передернула плечами, точно от неожиданного холодного порыва ветра. Неприятные изменения в глазах Сильвии промораживали до глубины души. Сильвия хрюкнула и вдруг захихикала противно и резко.

Только сейчас я обратила внимание на мужчину невысокого роста и плотного телосложения, сидящего в кресле у противоположной стороны. Пиджак он аккуратно повесил на стул, а половина пуговиц на рубашке оказалась расстегнута. Плохо скрываемый интерес к моей персоне читался в его глазах. Взглядом он скользнул от моих ног выше и, сощурившись, остановился на лице.

— Что это за милашка? — голос оказался неожиданно приятным и спокойным, вот только тяжелое давящее чувство от его глаз заставило втянуть голову в плечи, сжавшись. От этого человека исходила угроза.

Облизав пухлые губы, мужчина сделал приглашающий жест, предлагая присоединиться, пожирая глазами так невовремя появившуюся гостью.

— Да она еще совсем ребенок. Я думала тебе... под... нравятся опытные женщины, — заплетающимся языком еле выговорила Сильвия.

Дерганым движением она поправила сползшую бретельку полупрозрачной комбинации, продолжая глупо улыбаться.

— Я... извините, — боясь задержаться еще хоть на минуту, рванула в свою комнату.

Защелкивая замок, отчетливо слышала звук уверенно приближающихся шагов. От настойчивого и сильного стука в дверь сердце сошло с ума. Стало трудно дышать. И чтобы унять внезапный ужас, сделала несколько глубоких вдохов и медленных выдохов.

— Открывай по-хорошему, девочка.

Я отступила вглубь комнаты, pokrutila головой: спрятаться негде, лезть в шкаф глупо, в окно — чистое самоубийство. Схватив стул, подперла им сотрясающуюся от ударов дверь.

— Да оставь ее, я знаю, как доставить тебе удовольствие, — томным голосом произнесла Сильвия.

— Отвали, — зло прорычали в ответ, следом послышался глухой звук и женские всхлипы. — Неужели ты думаешь, я стану спать с тобой?

— Но в прошлый раз... — заикнулась женщина и тут же было грубо прервана.

— Ты мне была интересна, пока не подседа на эту дрянь. К таким, как ты, я брезгую прикасаться!

— Но ведь это ты...

— Жалкое создание, — в голосе слышалось столько злости и презрения, стань эти чувства материальными, запросто смогли бы растоптать мачеху, как надоедливую таракана.

Удары в дверь обрушились с новой силой. Не видя иного выхода, я юркнула в нишу между шкафом и слегка выступающей в комнату дверью. И ведь как раз вовремя! Два удара ноги, и, жалобно застонав, замок сдался. Спинка стула с мерзким звуком сломалась, и он отлетел к стене.

Сердце просилось покинуть мое трясущееся тело. Мысли, что он меня изнасилует, а потом убьет или посадит на наркотики, кричала и вопила в голове. Меня лихорадило и справиться с собой никак не получалось.

Мужчина влетел на середину комнаты и, не найдя меня, резко развернулся. Наши взгляды вновь пересеклись: его устрашающе-ненасытный с моим испуганным взглядом загнанного зверя.

— Жаль, что эта не сказала о тебе раньше. Сейчас проверим, настолько ли ты хороша, как и красива, — он криво усмехнулся своим мыслям. — А заодно проверим, повезло ли мне быть первым. Последние слова прозвучали настолько мерзко, что стали последней каплей в чаше моего страха, приведя в чувства.

«Ну уж нет! Я не стану больше жертвой!»

Схватив рюкзак, валяющийся у ног, я бросилась в сторону двери. На мое счастье в нее, шатаясь, как раз входила мачеха. Не раздумывая, схватила ее за руку и резко потянула на себя и чуть в сторону. Она на заплетающихся ногах проследовала в заданном направлении, врезавшись в приближающегося мужчину, и они вместе повалились на пол.

Я выскочила за дверь и под пятиэтажный мужской мат трясущимися руками закрыла небольшую защелку с другой стороны двери.

Выбежав из подъезда, согнулась пополам, пытаюсь отдышаться. Дико пульсирующая кровь и непонятные мерцающие пятна перед глазами мешали разумно мыслить. И едва не завопила, заметив краем глаза мелькнувшую тень.

— Подожди, — окликнули меня, когда я готова уже была рвануть в любом направлении.

— Алекс? — глаза предательски защипало, а волнение отступило. Меня накрыло чувство защищенности, исходившее от вампира. Я тут же завернулась в него, точно в спасительный плащ.

— Слышал, ты собираешься уезжать? — это прозвучало как бы между прочим, будничным, отстраненным голосом.

Защитная ткань спокойствия треснула по шву, уступая раздражению и злости, которые извергались изнутри подобно лаве из вулкана.

— Так ты пришел попрощаться? — зло выплюнула я. — Не пожелал прояснить

ситуацию и встретиться, так явился поиздеваться? — и, не дав вставить ему ни слова, повысив голос, продолжила. — Ну надо же, пнули щенка. Обиделся он. А я тебе ничего не обещала и не давала повода считать себя своей собственностью! Или за спасение ты рассчитывал получить кое-какую награду? А тут то, что хотел ты, досталось другому?

И, резко развернувшись, побежала в противоположную от него сторону. Перед взором продолжало стоять его лицо, полное удивления и искривленное гримасой боли. Оно плыло перед моим взором, смазываемое вновь льющимися слезами. А изнутри поднималась злая липкая радость: пусть и он помучается, не все мне одной!

Автобус не спеша вырулил на трассу, и под шуршание колес и покачивание я задремала. Но даже во сне тревожные мысли не отпускали меня. Я куда-то бежала по узким улочкам из лабиринта стен и нагроможденной мебели и не могла найти выход. Натыкалась на предметы, брела в неизвестном направлении и, услышав утробное урчание, оглянулась, налетев плечом на очередное препятствие. Застонав, я открыла глаза и с непониманием воззрилась на замершую рядом со мной руку.

Водитель автобуса тут же отдернул ее, недовольно проворчав:

— Здесь вам не отель, и прошло уже полчаса, как мы приехали. Я и так задержался, а меня ждут дома, — он скрестил руки на груди, почти положив их на пивной животик, и, извинившись, указал в сторону двери.

Я потерла глаза, стараясь прогнать остатки сна, и, не дожидаясь, пока меня выпроводят, взяла с соседнего сиденья рюкзак и вышла на улицу.

«Дом. Он спешит домой. Этот человек даже не подозревает, как ему повезло. Завидую ему», — вздохнув, я огляделась.

В столь раннее утро, когда начинает светлеть только тоненькая полоска горизонта, улицы городка были пустынно. Проходя мимо закрытых магазинов, попыталась вспомнить название города, куда я прибыла. Бесполезно: пока стояла в кассе, была слишком уставшей и перевозбужденной. Поискала в карманах билет, но и его не оказалось. Махнула рукой. А не все ли равно? Почти сразу приняла решение не задерживаться здесь, слишком близко от родного города, поэтому слишком опасно.

Пришлось прогуляться. Прошлась рядом с парком, похрустев опавшими листьями с растущих за забором кленов. Унылое серое утро не радовало. Зябко поежившись, спрятала руки в карманы. Над однообразными двух- и трехэтажными домами возвышалось несколько высотных зданий из стекла. Даже этих несколько часов хватило, чтобы понять: после нашего шумного города здесь мне будет скучно. Когда я успела обойти половину городка, в животе заурчало.

Заслышав трель колокольчика, поспешила в только что открывшиеся двери кафе. От голода организм совсем не грел, ни одежда, ни перчатки уже не спасали, словно резко наступила колючая зима. Ведь за вчера я съела лишь завтрак да два бутерброда в автобусе.

В столь раннее время в пустом кафе двое официантов откровенно скучали, зевая и перекидываясь редкими словами. Один из них быстро принял мой заказ и продолжил прерванную беседу, изредка бросая взгляды в мою сторону.

Я огляделась: обычные столы и стулья, пара картин и никакой изюминки в интерьере. А вот стойка с газетами и журналами возле самого входа сразу привлекла мое внимание. Поднявшись, я взяла свежий выпуск газеты, чтобы скрасить ожидание.

Пролистав уже страниц пять, замерла, правда, не сразу сообразив, что же привлекло мое внимание. В центре располагалась большая фотография трехэтажного здания из кирпича.

Потемневшие светлые стены здания дополняла лепнина, делая его сказочным. Я перевела взгляд на подпись к изображению и замерла, затаив дыхание. Так это то самое здание, через которое путешествовал отец.

Статья для меня оказалась малоинформативной. В ней рассказывалось о прошлом. Заинтересовавшая меня информация об упомянутом владельце-маге автор оставил без внимания. Далее речь шла о сносе, было красочное интервью с новым владельцем земли, расхваливающим элитные офисы, которые должны появиться в следующем году. Ниже компьютерное изображение новой высотки.

Мое задумчивое состояние прервал официант. Поставив на стол мой заказ, вежливо поинтересовался, не желаю ли я еще чего-нибудь, и, получив отрицательный ответ, удалился, оставив меня наедине со своими мыслями.

Оглядевшись и убедившись, что никто не обращает на меня внимания, свернула газету, убрав ее в рюкзак.

На следующий день я была на пути в новый город.

Осенние дни становились холоднее, и я все чаще с сожалением вспоминала об оставленных в комнате пакетах с вещами. Уже сейчас не отказалась бы от теплого свитера, а вскоре понадобятся шапка с шарфом.

Прикинув предстоящие траты на теплые вещи, загрустила. Такими темпами деньги закончатся быстрее, чем я рассчитывала. В задумчивости глядя в окно автобуса, начала задумываться, не остаться ли в городе подольше, устроившись на работу.

Наконец автобус качнуло, послышался скрип тормозов. Конечная.

Когда я открыла тяжелую дверь, ведущую из здания вокзала, толпы людей на улицах сразу насторожили, и неспроста. Оказалось, что завтра в городе состоится «праздник цветов». Цветов я нигде не обнаружила, а вот недорогие номера в отелях оказались забронированы или заняты. Почти весь день прошел в поисках свободного номера. Девушки на ресепшенах, вежливо улыбаясь сообщали, что свободных мест нет. Бредя по парку и отчаявшись найти место для ночлега, с сомнением поглядывала на скамейки, расположенные вдоль тропинки, прикидывая, не замерзну ли на одной из них ночью. Тут же замотала головой, отбрасывая мысль небезопасной ночевки на улице.

Тяжело вздохнув, набрала номер еще одного отеля и без особой надежды стала ждать, пока гудки сменит женский голос. В этот раз удача мне улыбнулась, и, облегченно выдохнув, я поспешила к выходу из парка. Путь предстоял неблизкий. Отель «Ночные грезы» находился в противоположной стороне города.

Я преодолела большую часть пути, когда едва греющее солнце село за горизонт и северный ветер начал пронизывать насквозь. Быстрый шаг вскоре перестал спасать от холода и, втянув голову в плечи, мысленно представляла, как попаду в номер и залезу под теплые струи душа. Особенно раздражало, что многочисленные прохожие, кажется, не замечали плохих погодных условий, улыбаясь, переговариваясь и неспешно прогуливаясь по улочкам города, залитого яркой музыкой.

Я замотала головой, откидывая упавшие на лицо волосы, и уже собиралась перейти на бег, когда заметила стоящего под фонарем Николаса. Вампир точно статуя застыл в одной позе, казалось, только волосы жили своей жизнью, и это выглядело странно.

«Какого черта ему нужно?», — подумала я и, проигнорировав, перешла на противоположную сторону улицы.

Отметила по себя, что обычные беззащитность и трепет при его появлении исчезли, уступив место негодованию. Наконец-то внутренний голос не вопил от страха, что меня сейчас сожрут, и мне это нравилось.

Вампир отлепился от фонаря и пошел следом, держась на расстоянии.

«Что он хочет? Поиграть? Запугать? Убедиться, что я правильно поняла нашу недавнюю беседу?», — мысли текли сами собой, подкидывая варианты. И тут же горько усмехнулась, похоже, события последней недели повлияли на меня сильнее, чем предполагала. Вот и с опасным вампиром решила поиграть в догонялки.

Чувствуя пристальный взгляд преследователя, ускорила шаг, сворачивая и петляя по незнакомым улицам. Наконец, осознав, что от Николаса так просто не отделаюсь, резко остановилась, повернувшись к нему лицом.

— Что тебе нужно, Николаус?

Он зачем-то прищурился, пробегая взглядом по моей фигуре.

— Ты замерзла, — констатировал он заметное невооруженным взглядом. Я уже не могла справиться с собой, и тело трясло от холода.

— Издеваешься? — возмутилась я на его слова, шмыгнув носом. — Если бы не ты, то давно б грелась под теплым одеялом.

— А я-то думал, куда ты нас так долго ведешь, — весело рассмеялся Николас. — Надеюсь, я упаду без сил или мне надоест?

Уголок рта вампира пополз вверх, из-за отсутствия яркого света это выглядело зловеще. Я повела плечами, что тут ответишь, довольно глупо с моей стороны.

— Нам нужно поговорить. В какой гостинице ты остановилась?

— Что? Я тебя не приглашала! — возмущенно нахмурилась я.

Николас только усмехнулся на мое заявление.

— Я могу поговорить и здесь, мне не сложно. О тебе же забочусь, — и, вдруг оказавшись совсем близко, шепнул в самое ухо. — Ты так мило надуваешь губки, когда злишься. Так и охота их попробовать.

По позвоночнику побежали мурашки, не имеющие ничего общего с холодом. Я шарахнулась в сторону и от неожиданной близости, и от услышанных слов. Но Николас сам отстранился и, довольный произведенным эффектом, улыбнулся мне.

Правильно оценив ситуацию и свое незавидное самочувствие, я, бурча себе под нос, двинулась к соседнему зданию с едва различимой вывеской «Ночные грезы».

Только открылась дверь, как девушка за стойкой подняла голову, оторвавшись от телефона, и, не замечая меня, уставилась на моего спутника. Не знаю, когда она успела, но несколько верхних пуговиц на ее блузке оказались расстегнуты, приглашая полюбоваться на выступающие формы.

— У вас забронировано? — она поправила и без того идеально лежащие волосы.

— Да, — вмешалась я, стараясь перетянуть ее внимание, — одноместный номер на имя Лейлы.

— Вы не вместе, — удивленно моргнула девушка, и ее улыбка стала еще соблазнительней. — Одноместных номеров нет, только что сняли последний!

— Но я же забронировала! — охнув, мысленно выругавшись. И с чего вдруг решила, что мне повезло.

— Бронь автоматически снялась полчаса назад, вы не успели, — отвечая мне, девушка откровенно заигрывала с Николасом.

— Мы вместе, она шутит. Двухместный номер, пожалуйста.

— С двухспальной кроватью? — зачем-то уточнила девушка, наклонившись так, что из блузки вывалилась большая часть груди.

— Не принципиально, разве кровать — это предел мечтаний? — его голос зазвучал соблазнительней, словно Николас приглашал ее заглянуть в номер.

Щеки девушка порозовели, а улыбка превратилась в идиотскую. Она нервно облизала губы, в глазах плескался огонь желания.

— Подпишите здесь и здесь, — ткнув наманикюренным пальчиком, указала она. — К оплате семь тысяч.

Николас достал бумажник, отсчитывая сумму. В этот момент я отошла от шока, подскочив к этой парочке.

— Сама заплачу, — голос прозвучал хрипло и резко.

Девушка заморгала, переводя удивленный взгляд на меня, будто только что заметила мое присутствие, и приняла две протянутые купюры.

— Вот только без этих фокусов, — зло прошипела я, идя по коридору.

— А ты изменилась. Похоже, больше меня не боишься и не хочешь.

Я чуть не споткнулась на ровном месте. Он что, шутит? Благоразумно промолчала, злить вампира с силой и вековыми заморочками пока что не хотелось. Еще, чего доброго, решит исправить это упущение в моем лице.

Когда зашла в номер, сразу отметила дверь в ванную комнату и открытый книжный шкаф во всю стену. Меня обрадовало, что номер оказался просторным, превосходная возможность держать приличную дистанцию между нами. Большая кровать, тумбочка и два кресла, на оставшемся пространстве при желании можно танцевать.

Разговаривать не хотелось, обессиленное тело просило сейчас же упасть на кровать и проснуться завтра не раньше обеда. Вместо этого я кинула рюкзак на пол и, отойдя к окну, скрестила руки на груди.

— Что хотел? — не смогла скрыть раздражения, за которым спрятала свою усталость.

Закрыв дверь, он по-хозяйски, не снимая обуви, прошел к креслу.

— Не советую хамить, девочка, — спокойным, будничным голосом ответил Николас.

Меня начало потряхивать от его наглости. С силой сжав пальцами локти, заметила:

— Ты в моем номере, — и многозначительно посмотрела на его туфли.

— Если не нравится, можешь снять, — Николас вытянул левую ногу, предлагая разуть.

Я скривилась, проигнорировав предложение. Вот еще, может, хвостом повилить? Он продолжал молчать, а мои мышцы начало сводить от напряжения.

— Если хочешь, я отвечу, только спроси, но не пойму, почему они тебя интересуют, — я заморгала, удивленно распахнув глаза, встревоженно посмотрев на собеседника. Выражение его лица изменилось, появились эмоции, глаза наполнились жизнью.

«Как будто снял маску», — мелькнуло в голове.

— О людях из прошлого, — пояснил он, видя мое замешательство. — И я не специально, просто этот вопрос постоянно крутится у тебя в голове. Невольно услышал.

Вместо ответа пожала плечами.

— Может, потому что они стали мне дороги или... — я усмехнулась, — потому что Алекс так и не ответил.

Николас какое-то время еще обдумывал, стоит ли ему раскрывать давно ушедшее прошлое. Наконец кивнул, и странная улыбка появилась на его лице, в глазах заплясало

плохо скрываемое веселье.

— Через два года после твоего исчезновения младшая дочка сбежала из дома с любовником. Это событие подорвало здоровье матушки, и она умерла, не дожив до свадьбы старшей дочери два года. Через год после свадьбы у них родился сын. Его назвали в честь первого мужа — Адисом.

Заметив мое сильно побледневшее лицо, подошел, сжав плечи, и слегка тряхнул, приводя в чувство.

— Не переживай так, ты здесь не при чем. У этой женщины было слабое сердце.

Я ждала хоть какого-то продолжения, но его не было.

— А Лилит?

Николас удивленно поднял бровь. Я и сама толком не понимала, зачем мне знать ее судьбу, но ее отчаяние в момент нашей последней встречи не выходило из головы.

— Она погибла, упав с лошади.

— С лошади? — эхом повторила я. Она же отлично держалась в седле.

— Спроси лучше у Алекса, — по лицу Николаса скользнула многообещающая улыбка.

— Ну уж нет. Хоть какую-то пользу я должна получить от нашей встречи! — я прекрасно понимала, что разговорить Алекса будет сложнее в разы.

Вопреки моим ожиданиям уговоры не потребовались.

— Лилит ждала ребенка от любимого человека, — сочувственная усмешка собеседника мне не понравилась. Она словно утешала меня. — Общество тогда было не настолько лояльно к незамужней девушке в интересном положении. Лилит сделала свой выбор.

В голове засело понимание — Ник что-то не договаривает. Пробежала взглядом по интерьеру комнаты, пытаюсь сложить полученные детали мозаики воедино.

— Это был ребенок Алекса? — выдала я мысль, до глубины души пронзившую меня.

— Услышав такой вопрос, Алексу ответит, — Николас кивнул, точно уверенный в своих словах.

Вот на кой я спросила? С полученной информацией мне стало еще тревожнее, чем без нее. Взглянула на него, прочитав ожидание на лице, в глазах разгорался азарт. Лицо Ника, точно театральные маски с разным настроением: раз, и оно слишком яркое, два, и жизнь покидает его. Ну все, с меня хватит! И не думая, что со мной может сделать существо напротив, выдала:

— И где за этой фальшивкой прячется настоящий Николас?

Он прошелся по комнате, и я попятилась в сторону, когда он оказался так близко, что смогла заметить морщинку, пролегающую между бровей. Каюсь, хотелось задеть его до такой степени, что забыла о себе.

Стало как-то жутко находиться в одной комнате с подделкой, забывшей, что значит быть человеком. Остановившись возле окна, Ник облокотился на подоконник и бросил мимолетный взгляд куда-то в темную даль.

Я молчала, желая только об одном: чтобы этот уверенный в своем подражании людям индюк забыл обо мне. Ник повернулся и поймал мой не отрывающийся от него взгляд. По ощущениям в этот момент я рухнула в пропасть. Едва не упав в реальности, чудом успела схватиться за полку шкафа.

— Алекс тебя любит. Вам надо поговорить.

— Что? — я выпучила глаза на его громкое заявление. Готова была услышать что угодно, но только не это.

Николас плавно выпрямился, словно это не составляло никаких усилий.

— Ты умная девочка, — вздохнул он, — и утрата белокурой любви теперь не тревожит твою душу. Сейчас твоей недальновидности нет оправдания.

— Но с чего вдруг? — растерянно заозиралась я.

— Как давно, вот правильный вопрос.

Соглашусь, что раньше я не позволяла себе рассматривать Алекса в качестве мужчины. Во-первых, побаивалась разделяющих нас лет, во-вторых, Энджил первым сделал шаг навстречу. Но вот чувство смущения, неловкости и недосказанности, когда мы оставались с ним наедине, присутствовало всегда.

Гнетущее состояние в моей душе нарастало. А не произнесенный еще вопрос — он-то зачем лезет? — уже начал формироваться в голове. Николас замер, ожидая моего ответа.

— Молчание затянулось, — слова разбили возникшую тишину, и, воспользовавшись моим замешательством, вампир возник за моей спиной. — Или со слухом проблемы? — легкое касание вдоль позвоночника. Я выгнулась, пытаясь отодвинуться. Его руки сдержали меня, опустившись на плечи, разминая. — Расслабься, а то кровь плохо приливает в мозг, а ты и раньше сообразительностью не отличалась.

Ожесточенно задержавшись, постаралась скинуть удерживающие меня руки. Мысли разом покинули голову.

— Да прекрати, я не кусаюсь, — и сам рассмеялся своей шутке. — Только хочу, чтобы вы двое поговорили.

— Зачем? — и, не давая ему продолжить, выпалила первое, что пришло на ум, лелея только одно желание — оказаться от него на расстоянии. — Зачем ты заигрывал с девушкой внизу?

И тут же физически почувствовала его удивление. Хватка на плечах ослабла, воспользовавшись этим, я развернулась, сделав два неуклюжих шага назад. С его лица моментально пропало удивление, сменившись холодной улыбкой.

— Привычка. Она довольно-таки аппетитна, но не совсем в моем вкусе. Удивлен, что тебя интересуют мои предпочтения, — он прикусил губу и, не сводя с меня пристального взгляда, потянулся к верхней пуговице на пальто.

Я попятилась. Разговор грозился свернуть совсем не в то русло. Николас методично продолжал расстегивать пуговицы, а улыбка на его лице становилась все шире.

— Ты тоже не совсем в моем вкусе, — наконец расправившись с пуговицами, он аккуратно положил пальто на подоконник. Непонимание происходящего кружило голову. — Я думал, ты перестала бояться меня.

Он что, шутит? Постаралась расслабить закаменевшие мышцы.

— Я не тебя боюсь, — кое-как вымолвила я.

— Знаю, себя, — он сделал один шаг. — Невинный цветочек, который может сорвать любой, сильно травмировав психику.

— Моя личная жизнь тебя не касается, — с опаской попятилась назад.

— Разумеется, — он хмыкнул, — отсутствие твоей личной жизни меня не касается. Скучно. Допрос окончен?

Я отчаянно замотала головой, стараясь удержать отвоеванное между нами расстояние.

— Лично тебе в чем выгода?

Он расширил глаза, удивляясь моим мыслям, но я упрямо ждала ответа.

— Мы много пережили вместе. В какой-то период жизни он стал моей семьей. Сейчас, конечно, мы отделились, но дальнейшая судьба Алекса мне небезразлична, — разоткровенничался Ник.

Я прищурилась, ожидая продолжения, но его не последовало. И это все? Отчего тогда в душе острыми коготками скребет недоверие к услышанному?

— И? — произнесла я с нажимом.

— Не веришь? — усмехнулся Ник. — Ну хорошо, у меня указ от Старейшин, — я испуганно дернулась. Что они хотят от Алекса? — У них планы на тебя.

Я открыла рот, но тут же захлопнула, не до конца понимая смысл услышанного.

— Они желают, чтобы ты пока не только оставалась человеком, но и находилась под присмотром. К сожалению, их решения не обсуждаются и, если ты откажешься компанию тебе может составить кто-то менее приятный.

— Алекс в качестве няньки? — не поверила я. К чему тогда слова о любви? И что им нужно от меня на самом деле?

Тело вздрогнуло, и коктейль из усталости и страха накрыл меня огромной волной. Виски пронзила резкая боль. Рухнув на подлокотник кресла, еле слышно застонала.

— Алекс ни о чем не знает и не должен узнать. Позже я сам расскажу ему. Это действительно ненадолго, и так будет лучше всем, сама подумай, — он понизил голос. — Ты не останешься одна, а у Алекса появится желание жить, — глаза его недобро блеснули. — Ты ведь совсем не знаешь, каким он был в молодости и каким — едва став вампиром. Я могу показать, — загадочно произнес Николас.

Смысл сказанных слов пронзил мозг точно раскаленной иглой. Я успела вскочить и развернуться в сторону двери, чтобы бежать. Бежать куда угодно, даже босиком и без куртки, я лучше замерзну или вымокну под дождем, но не позволю вновь поймать себя в капкан чужого прошлого. Я не хочу больше ничего знать.

Когда его руки, точно корабельные канаты, сомкнулись на моем теле, я завопила, дико задержавшись, стараясь пнуть, поцарапать, ударить. Но Николас просто стоял, ожидая, когда у меня закончатся силы, постепенно ослабляя объятия. Дернувшись, точно в предсмертной муке, я затихла.

— Успокоилась? Так-то лучше, — он разжал объятия, сделав шаг назад, и, достав из кармана платок, стер кровь с подбородка и губы.

Мне хватило только одного вида крови, я сразу вспомнила, как он в прошлый раз разрезал себе палец. И плевать, откуда она взялась, я четко помнила, что было после. От этого голова закружилась, волна жара пробежала по телу, и я начала оседать на пол. Николас подхватил меня, усадив в кресло, и, опустившись рядом, слегка похлопал по щекам.

Придя в себя, я удивленно заморгала и, притянув колени, уткнулась в них. В его глазах плескался океан сочувствия. Я готова была разрыдаться. Ну почему он так смотрит? Тело почти не ощущало медленных успокаивающих поглаживаний, словно рука Ника касалась не футболки, а одеяла, завернутого вокруг меня. А в голове пронеслась мысль: как было чудесно, окажись на его месте папа.

— Тише, тише.

Я дрожала. Реальность накрыла меня душным одеялом, мешая дышать. Я боялась настоящего. Опять скрывать правду и притворяться? Раньше-то удавалось с трудом, а сейчас наступит новый виток? Я отчаянно замотала головой.

— Как мне справиться?

— Ты мне напоминаешь Елану в нашу первую встречу, — вздохнув, Николас сел на пол рядом с креслом. — В моменты отчаяния люди всегда думают, что их никто не понимает, они одиноки и никому не нужны. И я был таким же. Но, знаешь, это великое заблуждение. Всегда есть хотя бы один человек, кому ты небезразличен, кто поможет. Ты нужна Алексу, а он нужен тебе. Жаль, что ты не хочешь признаться себе в истинной причине этого желания.

Удивленно вскинула брови. О чем он вообще?

— Я хочу, чтобы ты увидела его жизнь, узнала его получше, — не обратив внимания на мое замешательство, продолжил он.

Я напряглась, готовая вновь вступить в неравный бой.

— В этот раз будет не так, — улыбнулся он, правильно истолковав мою реакцию, — это будет словно фильм, без твоего участия. Я обещаю.

Я подняла взгляд, невольно мазнув им по алой капле на губе, блеснувшей рубином. Можно ли верить словам Николаса? Вампир уверенно посмотрел в глаза. И я прочла в них желание помочь.

Зеленые глаза постепенно затягивали.

Незаметно сознание куда-то поплыло, страх и недоверие исчезли, вместо них по коже медленно разливалось приятное тепло. А в голове начали разворачиваться образы:

Совсем юный мальчик. Я без труда узнала в нем Алекса и увидела его отца.

«Так вот на кого он похож», — пронеслась и тут же растаяла мысль.

Отец без интереса и с явным неодобрением смотрел на протянутый листок с детским рисунком... Мгновение, и все вокруг поменялось. Теперь рядом со мной пробежали четверо смеющихся мальчишек, тут же исчезнув за деревьями, а возле меня возник маленький холмик с крестом. Алекс тихо рыдал, стоя коленями в мягкой земле, детские плечики вздрагивали. Красивая женщина в черном платье присела возле него, и я услышала ее слова: «Это не твоя вина». Она опустила рядом, утешая.

Вечер. Сильный ветер тревожит черные волосы, раздувает плащ. Рядом с маленькой могилкой, уже успевшей зарости травой, появился свежий земляной холмик побольше. Алекс, закричав, воткнул в землю крест из гладких веток, связанных веревкой. И, развернувшись, побрел прочь.

От волнения невольно прикусила губу.

Вокруг цветными пятнами закружились в танце сотни платьев. Вечер дышал весельем. Повзрослевший Алекс задумчиво стоял в стороне, с безразличием разглядывая это великолепии. Неожиданно взгляд его выхватил девушку в бирюзовом платье, ее рыжеватые волосы подпрыгивали задорными кудряшками. В его глазах блеснула жизнь.

Ночь. Над Алексом возвышается мужчина. В его кривой усмешке читается осознание своего превосходства. Он победил. На лице Алекса вновь безнадежность вперемешку с упрямством и желанием жить...

Тьма поглотила все.

А когда взгляд прояснился, то в поле зрения возник смеющийся Николас. Такой же, как сейчас, но и неуловимо другой. Вокруг мелькали огни, подсвечивая толпы людей и огромный шатер цирка. Я невольно улыбнулась, увидев вытягивающееся от удивления лицо Алекса.

Комната вся в огне. Я вздрогнула. На лице Алекса мольба мерцали и уродливые отблески ревушего пламени.

Я дернулась, не желая больше быть наблюдателем.

«Последнее», — успокоил голос.

Я сразу узнала поле с разбросанными по нему снопами сена. На одном из них лежал Алекс, устремив печальный взгляд на холодное небо. Когда он моргнул, что-то блеснуло, испуганно исчезнув среди сухих травинок.

«Он не знает, ради чего бороться, и готов сдаться, — шептал в голове голос, — помоги ему снова обрести жизнь, это в твоих силах».

Резкая боль в запястье отрезвила, Николас слишком сильно сжал руку. Я отшатнулась, опускаясь на пол. В этот раз я не чувствовала чужих эмоций, но отчего же так паршиво? Я вспомнила увиденное, и оно наложилось на мои собственные переживания. Сердце вновь ускорило ритм, в ушах зашумело. Закрыв лицо руками, ощутила, как слезы неровными дорожками бегут по ставшей слишком чувствительной коже. Мало мне было своей боли?

Я затрясла головой, желая выкинуть ненужные мысли из головы. И осознав, насколько мои и чужие воспоминания перемешались, широко открыла глаза. Наше прошлое невозможно было разъединить. Схватившись за голову, я застонала, кусая до крови губы. Я окончательно запуталась.

Решение пронзило точно игла. Николас! Он ведь однажды помог, сможет и в этот раз. Необычайно легко вскочив на ноги, подбежала к нему, крепко вцепившись в рубашку.

— Убери, убери эту боль к чертовой матери! — заморгала, не в силах сквозь сверкающие слезинки разглядеть его лицо. И боясь, что он откажет, дернулась вверх, касаясь его губ, желая вновь дышать легко и свободно. Меня даже не удивил усилившийся вкус крови.

Ник вздрогнул, зарывав, подобно зверю, и, мое сознание рухнуло с небоскреба.

Меня словно встряхнуло, подбросив и перевернув, отчего я потеряла ориентацию в пространстве. Когда зрение прояснилось, передо мной на диване полулежала девушка с коротко стриженными волосами. Я видела ее впервые, но не Николас. В отчаянии попыталась повернуть голову и не смогла. Я ничего не могла сделать.

Девушка облизала губки, уголок ее рта дернулся, и она медленно потянулась вперед, отчего шелковый халатик лениво сполз с плеча. По моему телу пробежала волна желания. Я растерянно взирала на прекрасную незнакомку, удивляясь реакции тела.

— Елана, — простонали мои губы, — ты сводишь меня с ума.

Оказавшись возле дивана, наклонилась и нежно поцеловала девушку. Неожиданно реалистичными оказались прикосновения ее мягких губ. Ее язычок скользнул по заостренным клыкам, оцарапавшись. И вновь солоноватый вкус, и меня с силой выталкивает из чужого сознания.

Ощущения собственного тела накрыли с головой, возвращая в реальность. Губы Николаса касаются моих, и под кажущимся бесконечным поцелуем я сдаюсь, целуя его в ответ. Руки сами собой тянутся вверх, обвивают его шею, беспрестанно перебирая до безумия шелковистые волосы.

«Я люблю тебя», — пульсирует в голове голос Николаса.

«Разве может быть настолько хорошо?» — точно сумасшедшая, бьется в голове мысль, соревнуясь по скорости с сердцем.

«Будет еще лучше», — шепчет голос.

Николас отстраняется, и мои пальцы скользят по его груди, невероятно гладкая кожа требует, чтобы ей наслаждались вечно. Открываю глаза, пытаюсь за упавшими на его лицо волосами рассмотреть черты, и ловлю его взгляд, полный желания. За ним нет Николаса,

только животный голод, требующий удовлетворения. Еще мгновение, и его взгляд слегка проясняется, нехотя выпуская из поглотившей нас страсти.

Я тяну его на себя, и он неохотно поддается. Невесомый поцелуй, и Николас зарывается в волосы рядом с моей шеей, целует, больно впиваясь в кожу. Я тут же вздрогнула от неожиданности, вонзив ногти в его спину.

Мне чудится, что комната эхом отражает мои стоны, усиливая звук в разы, а резко навалившаяся слабость заставляет замереть. Сознание закручивает, утягивая далеко от происходящего. Я лишь отстраненно чувствую легкую боль и разочарование.

Солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы. Я потянулась, тело отозвалось мышечной болью, словно вчера переусердствовала на тренировке. Недовольно заворочавшись, приоткрыла один глаз и непонимающе уставилась на незнакомую обстановку. Где я? Что тут делаю? Перевела взгляд на солнечного зайчика, замершего на стене, и резко подскочила, сдернув одеяло, глядя на свои голые ноги, и облегченно вздохнула, обнаружив на себе нижнее белье и майку.

Однако радость была не долгой. Щеки запылали от нахлынувших воспоминаний и стыда.

— Это мне приснилось, — шептала я, мотая головой, пытаюсь убедить себя. Но тело помнило прикосновения Николаса и губы болели от долгих поцелуев. — Вот ведь...

Я зажмурилась, понимая, что для Ника это всего лишь очередная ночь, одна из многих. К черту Ника, как смотреть в глаза Алекса?

Так и сидела, погружившись в раздумья, пока не зазвонил телефон, и лишь на пятый гудок подняла трубку.

— Добрый день. Что вам принести на обед? — я растерянно заморгала. Сколько же сейчас времени?

— Я не оплачивала еду, — неуверенно вздохнула я, собственный голос показался чужим и уставшим.

— Ваш молодой человек оплатил вторые сутки и обед.

Мой молодой человек? Не сразу сообразила, что речь идет о Николасе, и вновь воспоминания, фантомные прикосновения скользнули по коже, заставляя сердце биться быстрее. Из-за этого пропустила меню, которое мне диктовал мужской голос.

— Так какой вариант вы выбрали?

— Что? — очнулась я, пытаюсь припомнить, что он перечислял. — Можно первый, — поспешно выдала я, начиная чувствовать себя глупо.

— Обед принесут через пятнадцать минут. Хорошего дня.

Я положила трубку, и мой взгляд скользнул по тумбочке, где лежал сотовый телефон, и зацепился за две пятитысячные купюры. Благодарность за ночь? Тело ощутимо передернуло, и первым желанием было порвать их на мелкие кусочки. Едва удержала себя от этого неразумного шага. В моем положении эта сумма лишней точно не будет, а сожрать себя за случившееся еще успею.

Светящиеся цифры на телефоне показывали без пяти двенадцать. Ничего себе, так поздно я давно не просыпалась. Встала, подняв с пола безнадежно испорченную футболку, и со злости запустила ею в мусорное ведро. Мысль, что Николас видел меня почти обнаженной, не выходила из головы.

Эти пятнадцать минут прошли в терзаниях и полном непонимании случившегося. Я

вновь и вновь прокручивала вчерашние события, ища причину внезапной потери контроля.

Меря комнату шагами, остановилась у зеркала. Увиденное не порадовало. С левой стороны шеи виднелись две воспаленные отметины от зубов. В очередной раз выругавшись, соскребла пальцем высохшие дорожки крови.

В дверь постучали. Прикрыв шею волосами, поспешила открыть и, только почувствовав запах еды, поняла, насколько голодна. Желудок сжался и довольно заурчал, получив первую порцию.

адумчиво перевела взгляд на поднос, и среди буклетов и брошюр в глаза бросился конверт с моим именем.

Внутри было короткое письмо.

«Прошу прощение за случившееся, немного потерял голову. Не переживай, до этого у нас не дошло (улыбочка). Выполни обещание. P.S. Спасибо, что дала понять, насколько я заигрался в жизнь, забывая жить по-настоящему».

Я перечитала написанное три раза, пока смысл четко не отпечатался в голове. И выдала слабую улыбку по поводу «не переживай...», хоть с этим разобралась. М-да, похоже, Николас действительно не ожидал подобного поворота.

Быстро собрав рюкзак и мельком оглядев комнату, заторопилась покинуть номер. Выходя из отеля, достала давно мигающий телефон: три пропущенных от Сильвии. Как чувствует, что возвращаюсь домой. Только экран потух, вновь мигнул. В этот раз от нее пришло сообщение: «Мы волнуемся, где ты?». Сердце забилось чаще, но я тут же одернула себя, отец больше не вернется. И все же не удержалась, набрала знакомый номер — абонент недоступен.

Быстро заморгала, прогоняя выступившие слезы, и, запрещая себе думать о нем, поспешила на вокзал.

Всю дорогу в голове царил странная пустота. Я все пыталась найти подходящие слова для разговора, но бессвязная речь в итоге превращалась в вязкую кашу, в которой я сама не могла ничего разобрать. Вымотавшись, бесцельно уставилась в окно на почти обесцветившийся осенний пейзаж.

А вот и мой город. Пару часов до заката я провела во дворе возле знакомого дома, сжимая в руке подаренные Алексом ключи. Вот и последний солнечный луч яркой вспышкой блеснул за многоэтажкой, а бегущие по небу тучи начали окрашиваться в темно-серые цвета.

Спрыгнув с качели, заставила себя направиться в сторону подъезда, в душе надеясь, что Алекса по-прежнему нет в квартире. Надежда на его отсутствие еще теплилась, когда с лязгом поворачивала ключ, а из открывшегося пространства упал безжизненный серый свет.

Неуверенно шагнула в полутемный коридор, когда тень ожила, резко притянув к себе. Завизжав, запаниковала, стараясь вырваться в слабоосвещенный подъезд.

— Тс-с, — раздался успокаивающий голос возле самого уха, объятия ослабли, выпуская мое трясущееся тельце.

Со злости ударила несколько раз Алекса в грудь:

— Дурак, я чуть не умерла со страха.

Щелкнул выключатель, и небольшую прихожую залил мягкий желтый свет.

Сощурившись, заморгала, возвращая себе зрение. Алекс хмурился, глядя на меня, словно собираясь отчитать нашкодившего ребенка, но где-то в глубине глаз светился не знакомый ранее огонек. Его волосы оказались небрежно забраны в полуразвалившийся пучок, и, окинув взглядом домашние штаны и футболку, не удержалась от слабой улыбки. В такой непринужденной обстановке мы еще не встречались.

— Тебе идет, — я переступила с ноги на ногу.

— Сам в восторге, жаль, в мое детство было все намного строже, — и, не дожидаясь, пока я решусь раздеться, помог снять рюкзак, расстегнул и повесил куртку. Пришла в себя, только когда, чуть помедлив, он склонился к моим ногам.

— Я сама!

Быстро скинув сапоги, прошла за ним на кухню.

— Голодна? Можно пожарить омлет и в морозилке, кажется, были пельмени, — голос потеплел и в нем отчетливо чувствовались дружелюбие и забота.

— Просто чай, — нерешительно села на стул, так и не придумав, с чего начать разговор и как безболезненно упомянуть о Николасе.

Когда кружка и вазочка с печеньем заняли свое место на столе, а Алекс сел напротив, я долго не решалась поднять взгляд, излишне сосредоточившись на угощении. Горячая ароматная жидкость обжигала горло, расходясь по телу. Сама не заметила, как в теплой водолазке стало невыносимо жарко, лицо покраснелось. За все это время Алекс не произнес ни слова.

— Можешь переодеться в гостиной, — нарушил он неловкое молчание.

Я кивнула и, схватив с пола рюкзак, закрыла за собой дверь комнаты. Осмотрелась. Большой бежевый диван, рядом низкий журнальный столик. Повернулась вокруг себя, разглядывая обстановку в комнате. Одна из стен напоминала объемный зимний лес с темным фоном, а когда подошла ближе, поняла, что она состоит из двух видов панелей: темной — фона и светлой — самих деревьев. Напротив дивана — большое зеркало в половину стены. Просторная комната казалась слишком пустой для своего размера.

Прежде всего подошла и раздвинула коричневые шторы, закрытое помещение давило, мешая собраться с мыслями.

— Прямо студия для танцев, — усмехнулась я, стягивая водолазку и надевая футболку.

Подошла ближе к зеркалу, скептически оглядев лицо без грамма косметики, и замерла, зацепившись взглядом за ранки на шее, о которых уже успела забыть. До этого их скрывал высокий вязаный ворот. Вот черт, похоже, обойти в разговоре Ника не удастся. Порывшись в рюкзаке, выудила оттуда вязаный шарф, замотав его. Ох, как же он не к месту! Но выйти из комнаты, не переодевшись, будет не менее подозрительно.

В дверь постучали, похоже, я провела много времени, раздумывая как быть.

— Можно войти? — дверь приоткрылась и, получив разрешение, Алекс прошел внутрь. — Все в порядке?

Не поднимая виноватого взгляда, я кивнула. Как стыдно, еще и от объяснений не отвертеться или...

— Я немного устала и, кажется, простыла, можно пойду отдохну? — прочистив горло, зевнула, нервно поправляя сползающую с плеча футболку.

Едва заметный кивок, и уже через пару шагов не знаю как оказалась прижата к стене, рядом с долгожданным выходом.

Открыла рот, хватая воздух и камня под немигающим взглядом Алекса,

пронизывающим подозрительной холодностью и... болью? Проглотила непонятный ком, застрявший в горле, и отвела взгляд, чувствуя, как его пальцы замирают рядом с нелепым в домашних условиях теплым шарфом.

«Неужели заметил укус?»

Молчание затянулось, на очередное волнение тело ответило слабостью и упрямым желанием отдохнуть. А я, стараясь дышать ровно, замерла на месте.

— Зачем ты пришла? — невольно подняла глаза, не совсем понимая причин для резкой перемены. — Сними это, — указал взглядом на шарф.

«Он знает! — мои глаза испуганно расширились, и я сжалась. — Дуреха, если и не знал, то после моей реакции догадался».

Трясущимися руками начала разматывать шарф, пытаюсь подобрать нужные слова. Я делала это настолько заторможенно, что его терпение кончилось и Алекс дернул за шарф, обнажая шею. Тело изнутри обдало жаром, точно я остановилась рядом с пылающим камином. Сильнее вжалась в стену, боясь, что сила Алекса сожжет, опалит мне кожу.

— Это не то, что ты думаешь... то есть то, но не совсем, — слабый голос оборвался, с каждым словом оправдание звучало все нелепее.

Глухое рычание, и рядом в стену врезался кулак. Под порванными обоями образовалась вмятина и частички бетона осыпались на пол. Мне даже послышался треск ломающихся костей, но на лице Алекса читались только мучение и злость.

Не произнеся ни слова, он шагнул к дверному проему, быстро направляясь в сторону выхода. Не помня себя, кинулась следом, тут же споткнувшись о валяющийся рюкзак, и, сперва влетев в стену, все же выбежала в коридор.

— Алекс, да просто послушай меня! — вцепилась в него, обхватив сзади. Последний шанс на примирение ускользал уносимым вдаль дымом.

Он слабо дернулся, пытаюсь скинуть меня, и остановился ко мне спиной, сложив руки на груди, занимая оборонительную позицию.

— Выслушай, а потом...если захочешь...уйди, — осознание произнесенного пронзило насквозь точно острие копья, и паутиной сеткой распространилась тревога, укутывая в прочный кокон. Да что со мной происходит? Я ведь даже во время побега надеялась на примирение. Опустила глаза, боясь, что он оглянется на меня.

— Это Николас? — зло и незнакомо прорычал голос.

Я попыталась придумать убедительный ответ, но в голову так некстати полезли картинки той ночи.

— Он укусил меня, чтобы не совершить непоправимого.

— И что же вы успели сделать?

— Он сказал, что ничего, — и сама поняла, насколько собственные слова выглядят странно.

— То есть ты не помнишь?

— Я... я, конечно, помню, — однако голос предательски дрогнул, выдавая мои мысли. И мне пришлось заговорить быстрее, понимая, что в любой момент терпение Алекса закончится. — Он только хотел показать кое-что из твоей жизни. А дальше все вышло случайно. Ничего не было, правда.

Алекс развернулся, и его сощуренные глаза превратились в едва заметные щелчки.

— Мы точно говорим про одного и того же Николаса? — недовольно хмыкнул он, и мне показалось, что я проиграла. Взгляд черных глаз сквозил недоверием. Мне не поверили! А

самое печальное, эту карту мне нечем крыть, ведь на месте воспоминаний черный провал.

Слезы блеснули в глазах, и я опустила взгляд, заморгав, пыталась прогнать их прочь. Но помещение продолжало выглядеть точно смазанная абстракция: яркие пятна лишь отдаленно напоминали реальные предметы. Странно, от волнения даже звуки пропали, и я разжала руки, оставшись безразлично стоять посреди ярких клякс.

Тишина вокруг давила, натягивая и без того напряженные нервы.

Переступив с ноги на ногу, невольно вскрикнула, лодыжку пронзила боль, и, прежде чем успела осознать происходящее, меня подхватили на руки. Протестующе задержалась, старательно пряча глаза.

— Не стоит, иначе уроню, — он усмехнулся, слегка подкинув меня, перехватывая удобнее. Это простое движение вызвало странно знакомое чувство, но оно так же быстро ускользнуло, как и появилось. Сбитая с толку переменной в поведении, покорно замерла, успев отметить несколько выбившихся черных прядей.

Сердце продолжало бешено биться, путая мысли в голове. Я не знала, как себя вести, что говорить. И нужны ли эти слова?

Сделав несколько шагов, Алекс остановился, размышляя, в какую из комнат меня занести, и вновь перехватил, собираясь открыть дверь кабинета. И вновь это странное, такое знакомое чувство. Уже ближе, совсем рядом. Пытаюсь вспомнить, и вновь не удается. Робко поднимаю глаза, в этот момент Алекс провел языком по верхней губе. Закрываю глаза, а перед внутренним взором яркая картина увиденного.

В полном молчании меня занесли в кабинет и осторожно положили на диван. Подойдя к окну, он легко отдернул штору, открывая взору звездное мерцание ночи. В этот момент в моей голове что-то щелкнуло и я растерянно заморгала.

— Это был ты? — произнесла, собирая мысли воедино. — Поднял меня с пола в доме тети Люсии?

— Да, — Алекс не удивился и не стал отрицать. — Ты потеряла сознание.

— Ты поднял, положил в кровать и...

— У тебя был сильный жар. Я обтер тебя и переодел, ночная рубашка была насквозь мокрой, — невозмутимо закончил он, когда я подавилась словами.

— Ты...ты, — голос выдал мое волнение, а дыхание стало более глубоким. Пытаясь спрятаться, я закрыла лицо руками. Приподнялась, принимая сидячее положение, потревоженная нога заныла, заставляя поморщиться.

— Я почти не смотрел, — добавил он, и мне показалось, что сделал это специально, окончательно вгоняя меня в краску.

Заметив пляшущие смешинки в его глазах, изогнутые в немом вопросе брови и расслабленную позу, задохнулась от возмущения, резко вскочив с дивана и едва успев удержаться на здоровой ноге.

— Да ты... да я, — закравшиеся мысли все больше подтверждали обдуманность его слов. Неужели не мог промолчать? До чего же обидно и стыдно.

Неожиданно Алекс возник рядом, притянув меня к себе, и я беспомощно уткнулась ему в грудь, наконец-то разрешая слезам беспрепятственно течь по щекам.

— Прости. Я обещал себе и Энджилу, что буду заботиться о тебе, но позволил эмоциям взять верх, — его левая рука не спеша поглаживала меня по спине. — Не важно, что было, главное, что сейчас ты рядом.

Запах иллюзорного леса окутал меня, обняв Алекса в ответ, вдохнула этот любимый

запах далекого прошлого. Перед глазами отчетливо вырисовывались семейные походы и поздние посиделки возле потрескивающего костра. Боже, как хорошо было тогда... Умиротворение окутало мое мечущееся сознание.

Полностью погрузившись в себя, не сразу сообразила, что Алекс что-то повторяет и, похоже, уже не в первый раз.

— Я люблю тебя, — донеслось словно бы издалека.

Хоть Николас напрямую сказал мне о его чувствах, но услышать эти слова от Алекса оказалось неожиданностью. Похоже, я так до конца и не поверила в правдивость слов Ника.

Сердце резко ударилось о ребра и замерло дольше, чем обычно, напугав меня, что это конец. Отстранившись, я подняла голову, чтобы заглянуть Алексу в лицо, неосознанно ища подвох. Однако его глаза светились нежностью, а губы тронула улыбка, делая черты лица мягче.

— Сможешь ли ты когда-нибудь полюбить меня? — мой взгляд непроизвольно скользнул за его спину на картину из прошлого, где ближе двух таких непохожих братьев не было никого. Я ошарашенно смотрела в лицо искусно нарисованному прошлому, запоздало понимая, о чем, а точнее, о ком он. И в моем сознании смысл вопроса наконец раскрылся: есть ли мне место в твоём сердце?

— Не отвечай сейчас, — тихо шепнули мне возле самого уха, — и каким бы ни был твой ответ, я его приму. Стану твоей тенью, но не оставлю больше тебя одну, обещаю. Отдыхай, — Алекс отстранился, чтобы покинуть комнату, и только сейчас я запаниковала.

Эмоции накрыли меня волной гораздо более разрушительной, чем при аналогичном признании Энджила. Сейчас я испугалась, сама еще не до конца понимая причины, кинулась к нему.

— Не уходи!

И неуклюже повисла в его объятиях, едва не приземлившись лицом на ковер.

— Не сейчас, — грустно выдал он.

Лицо Алекса оказалось настолько близко, что я заворуженно разглядывала его дрожащие черные ресницы, затем острый нос, невольно взгляд задержался на губах.

«Так же близко, как тогда, на снопе сена. А ведь в прошлый раз он хотел меня поцеловать», — я не успела развить мысль дальше, когда его пальцы осторожно коснулись лица, скользнув вниз по шее, и замерла, прикрыв глаза в предвкушении первого с ним поцелуя.

Прибывая в смешанных чувствах, пропустила момент, когда Алекс отстранился, вложив в мою руку что-то тяжелое.

— Ты в порядке?

Я удивленно заморгала, не сразу поняв, о чем он. Оказалось, что я дрожала, а кожа покрылась пупырышками. Я непонимающе посмотрела на вставшие дыбом волоски на руках, не чувствуя привычного для этого состояния холода и желая стереть неприятные ощущения, хотела растереть кожу руками и непонимающе уставилась на лежащий в ладони предмет.

— Это твое.

В руке лежал медальон, напоминающий не распустившийся бутон розы.

Надо же, а ведь именно такой медальон дарил мне Энджил. Неужели он настоящий? Перевела удивленный взгляд на Алекса, обнаружив мелькнувшую тревогу в его глазах.

— Это... — я невольно сжала подарок, точно боясь вновь потерять самое дорогое.

— Да, — последовал ответ.

— Спасибо, — едва смогла прошептать я, уткнувшись ему в грудь, стараясь спрятать наворачнувшиеся на глазах слезы.

Погруженная в тишину комната невольно возвращала к далекому прошлому, которое двигалось по спирали, показывая давно минувшие картины. И я с удивлением поняла, что прошлое уже не причиняет прежней боли. Когда успел наступить этот переломный момент? Я, точно загипнотизированная, не мигая смотрела в одну точку, просматривая его, невольно растягивая губы в улыбке или начиная хмуриться, и дернулась, вскочив со стула и едва не упав, когда огромная птица ударилась в стекло. Потерла чуть занывшую ногу, проверив хорошо ли зафиксирован повязкой голеностопный сустав. Всмотрелась в удаляющийся силуэт.

— Ястреб? — прошептала, не веря своим глазам. Подскочившее и словно застрявшее в горле сердце мешало дышать, и только спустя пару минут я смогла перевести дыхание, когда сердце замедлилось и поток крови перестал гулко шуметь в ушах.

Я огляделась, прислушавшись. Неожиданно успокаивающая тишина комнаты стала зловещей. Я тряхнула головой, прогоняя непрошенное наваждение, и устало потерла глаза. А в груди уже заворочался страх. С каждой минутой мне становилось все неудобнее находиться в этой квартире.

Не выдержав, я приоткрыла окно, и внутрь ворвался шум улицы: щебет птиц, шепот ветра, перекатывающего опавшую листву и словно бы пересчитывающего еще оставшиеся листья на деревьях, приглушенные голоса, лай собак и урчание заводящегося автомобиля. Щурясь, я выглянула в окно. Небо было ясным, лишь на горизонте виднелись серые облака. Прохладный ветер коснулся кожи, залетая в кухню.

Вновь с криком пронесшаяся серая тень, заходя на новый круг. Тут же отпрянула от окна.

«Это всего лишь птица», — мысленно постаралась успокоиться и, прикрыв глаза, попыталась унять нервную дрожь, убедить себя, что нахожусь в безопасности. Ничего не выходило. Невидимый ужас словно поселился в пустых комнатах. Через минут десять мне уже хотелось с воплями выбежать из квартиры.

Заметавшись между комнатой и кухней, нашла письмо отца, сунула его в рюкзак, надела кроссовки и, схватив куртку, выскочила в полумрак лестничной площадки. Мимо этажа вверх проскрежетал лифт. Духота серым сумраком обступила меня, стало трудно дышать и капельки пота выступили на лбу. Отступившая было паника налетела с новой силой, и, не теряя больше времени, я бросилась вниз по лестнице.

Дверь из подъезда. Прохладный воздух с шумом ворвался в легкие, остужая, успокаивая. Я оперлась о закрывшуюся дверь, оглядевшись вокруг, и невольно подняла голову вверх, когда увидела скользнувшую по земле тень. Ястреб взмыл высоко, удаляясь.

«Чертова птица», — выругалась я про себя.

Прошло около двух часов с тех пор, как я оказалась на улице. Бесцельно бредя по тротуару, поражалась самой себе. Что это был за внезапный приступ? Я никогда не боялась оставаться одна, но утром... наваждение какое-то. Не хочу туда возвращаться. Мысли невольно вернулись к папиному письму. А ведь я так и не отважилась прочитать его. И тут же разозлилась на саму себя. Что за ребячество? Пнув шуршащие, разлетевшиеся прочь листья, наконец остановилась, оглядевшись в поисках скамейки. Ничего похожего, только далеко вперед уходила ровно уложенная тротуарная плитка. Посаженные вдоль дороги клены приветливо махали резными листочками, в них точно танцевало солнце. Улица

казалась смутно знакомой.

Вместе с запахом осени налетевший ветерок принес аромат свежей выпечки. Я осмотрелась внимательней и, подняв голову, заметила качающуюся на ветру вывеску с указателем. Захотелось есть и пить, да и длительная прогулка давала о себе знать. Неприметный вход со стороны двора и всего шесть столиков внутри. Разместившись возле панорамного окна, заказала кашу и чай с круассаном, после чего решительно открыла рюкзак, положив перед собой тетрадь с письмом.

Каша начинала остывать, а я не в силах была оторваться от написанного, вновь и вновь возвращаясь к чтению. Моя фантазия не справлялась с описанным. Такое вообще возможно? И неужели все это правда и папа сейчас находится среди этих невероятных существ?

Перелистнув очередную страницу тетради, прочитала сверху «прародитель» и удивленно провела пальцами по могучей фигуре высокого зверя с длинными руками. На других нашла изображения особого дома, интерьер которого менялся точно по волшебству, красивой девушки и невероятных зверей. Еще несколько страниц оказались пустыми, должно быть, папа просто не успел нарисовать задуманное. М-да, чудный и пугающий мир.

Чашка с зеленым чаем замерла в руке и вновь опустилась на столик. Между последней страницей и обложкой была вложена наша первая семейная фотография. На ней я, лежа на руках мамы, улыбалась беззубым ртом, и оба родителя смотрели на меня, точно на чудо. Глаза защипало.

— Спасибо, спасибо, что вы были рядом. Пора отпустить прошлое, вы ведь согласны со мной? — едва смогла произнести слова, голос дрожал и не слушался.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Я постепенно расслаблялась, а тело постепенно покидали тревоги и страхи. Я прикрыла глаза, прислушиваясь к новым ощущениям. Спокойствие и уверенность наполняли меня. В согласии с собой я просидела несколько минут, а когда раскрыла глаза, то уверенно открыла на телефоне карту города и обрадовалась — в десяти минутах находился небольшой парк.

Быстро доев завтрак, покинула уютное кафе.

Я прошла сквозь главный вход. Ворота, обвитые засыхающим плющом, покрывала ржавчина. Вглубь парка вела дорожка, усеянная по краям отцветшими цветами и облысевшими кустарниками. Чуть дальше она разделялась, огибая с обеих сторон пруд, наполовину затянутый тиной вперемежку с мусором.

В моих детских воспоминаниях этот сад был великолепен, сейчас же он казался покинутым и постаревшим. Я огляделась. Голые деревья роняли последние листья, да и те выглядели безжизненными грязно-зелеными мазками. Точно неприветливая весна поселилась здесь.

Не обратив внимания на спешившего мимо прохожего, двинулась дальше, ведомая воспоминаниями, и улыбнулась ожившему прошлому. Рядом с ивой, склонившейся над озером желто-зеленым занавесом, лежал большой ствол, слегка возвышавшийся обломленной верхушкой над водой.

Когда мы были здесь с родителями, я загорелась желанием пройтись по нему, увидев, как это делают мальчишки, но мне разрешили только взобраться и постоять там, где родители могли подержать меня за руку.

Безумно захотелось исполнить желание ребенка. Я остановилась, вдохнув влажный воздух с примесью тины, и уверенно встала на ствол. Придерживаясь рукой об иву, зашагала вперед. Дойдя до конца, остановилась и, перебирая пальцами длинные мягкие ветви,

погрузилась в себя. Ветер шептал: я облизала губы, и тут же его прохладный поцелуй скользнул по ним. Невольно улыбнулась зазвучавшим в голове словам, произнесенным Алексом вчера перед уходом: «Думал, больше тебя не поцелую».

«А мы целовались?», — шокированная услышанным, заморгала, распахнув глаза.

Вспомнила, как его губы дернулись в усмешке. Хмыкнув, Алекс попытался скрыть виноватую улыбку. И, едва придав мне вертикальное положение, сделал все, чтобы избежать расспросов и покинуть квартиру.

И вот сейчас я осталась предоставлена самой себе в очередной раз удивляясь, как могла не замечать знаков заинтересованности со стороны Алекса. А если б тогда сблизилась с ним? И улыбнулась, вспомнив, какой шок на меня тогда произвел его возраст. Да и в небесных глазах на тот момент присутствовало больше человеческих эмоций и понимания. Нет, все случилось, как должно было. Тогда именно Энджил был нужен мне, и представлять на его месте другого нечестно.

Но вместе с образом Энджила в груди кольнула легкая грусть, начинающая все сильнее сжимать сердце. Он просил отпустить, а самой жить дальше. Легко сказать, но почему так сложно сделать? Я ведь уже даже отпустила родителей, почему с ним все так непросто?

Прохладный ветер подул сильнее. Опустившись на ствол дерева, сунула руки в карманы и ойкнула от неожиданности, вытащив медальон. Сверкающий прохладный металл блестел на вышедшем из-за облаков солнце, и точно такое же золото отражалось на водной ряби. Я наклонилась, засмотревшись в темную глубину, и чуть не свалилась в воду, когда ястреб с криком пронесся в метре от меня. И едва успела схватиться за обломленный сук, лишь слегка замочив кроссовок.

— Чертова птица, и откуда ты здесь... — кусая с досады губы, зашипела я и подавилась словами, узнав сидевшего на скамейке напротив поваленного дерева человека.

Широко распахнув глаза, вскочила, но бежать было некуда. Только вперед. Взгляд в панике заметался в поиске иного выхода. Бесполезно.

Человек поднял согнутую руку, и ястреб уселся на нее, слегка задрал голову. Второй рукой он осторожно погладил птицу и, неожиданно повернувшись ко мне, похлопал по скамейке рядом с собой.

— Ждешь особого приглашения? — одними губами произнес он, но его голос прозвучал так, точно он шепнул слова на ухо.

Я попятилась и, теряя равновесие, махнула рукой, выронив медальон. Он с плеском выскользнул в воду и, прощально мерцая, исчез в серой мути. На глаза навернулись слезы.

Сжав от обиды пальцы так, что ногти до боли впились в ладонь, пошла в сторону берега и, подавив желание броситься прочь, нерешительно остановилась, ступив на твердую почву.

— Надеюсь, утонувший предмет не имел для тебя особой ценности? — выражение его лица не изменилось, а безразличие в голосе показывало, насколько ему плевать на произошедшее. Я поджала губы, проигнорировав вопрос. — Ну и хорошо, предметы всегда привязывают к прошлому, они как якорь тянут нас назад. Все, что нам нужно, хранится здесь, — он коснулся своей головы, усмехнувшись.

Мне показалось, что он знает больше, чем кажется. Это нечестно. Да кто он такой? Птица встрепенулась, несколько раз расправив крылья, ее пятнистые перышки перебирал ветер, и они точно танцевали. И я задала совсем не тот вопрос, который мучил меня.

— Это ведь ястреб?

Бледно-серые глаза устремились на меня, и я зябко поежилась: точно окунули в

холодный пруд. И звонкий смех колючими льдинками коснулся кожи. Я смущенно замаялась, растерявшись.

— Ястреб, ястреб, — он взмахнул согнутой рукой, птица, разинув клюв и распахнув крылья, взмыла в небо. Незнакомец проводил питомца задумчивым взглядом. — Есть разговор, как раз о прошлом.

— Зачем? Кто вы?

— А вот это правильные вопросы, — он неспешно отряхнул рукав куртки. — Имя Мириус Фигель о чем-нибудь говорит?

Я открыла рот. Да ладно, это он помог мне? С чего вдруг?

— Меня попросил хороший друг, который, кстати, за что-то просит у тебя прощения. Николас и прощение, давно я не слышал эти два слова рядом, — тут же мысленно возведя стену и закрыв сознание, я нахмурилась. — Даже так? — он вновь рассмеялся, и я передернула плечами, стараясь избавиться от навязанных ощущений.

Желание сбежать нарастало с каждой минутой. Это человек пугал меня, а от пустоты и проглядывающего безразличия хищника во взгляде внутри меня поднимался животный ужас.

— Сядь, — голос прозвучал спокойно, но, кажется, не повинуйся я ему, и меня разорвут, уничтожат.

На подгибающихся ногах я дошла до лавочки и с трудом опустилась на самый край. Собеседник молчал: могла поклясться, что он не смотрит на меня, но замечает все.

«Скорей бы разговор закончился, может, еще удастся достать медальон?», — и я бросила осторожный взгляд на озеро.

— Энджил был дураком.

Я подскочила от услышанного. Его голос, словно став с ветром единым ледяным порывом, забрался за шиворот. И возмущенно повернулась к говорившему, желая опровергнуть слова.

— Ты знала его слишком мало. Он не смог принять себя, свою суть. Думаешь, долгая жизнь даруется просто так? Нам подобным нужна энергия, особенно она вкусна у тех, кому мы дороги. А знаешь, что с ними происходит? Они быстро стареют, становясь непривлекательными развалинами. Энджил не смог этого принять. Когда третья избранница оказалась прикована к кровати меньше чем за год, он возненавидел и начал неосознанно уничтожать сам себя, — и, не обращая внимания на мое негодование, продолжил: — Думаешь, если б не инвалидное кресло, то беспорядочные связи, дуэли, драки и безумства закончились бы? Отгородившись от всего мира, Энджил думал, что уберезет очередную жертву, но тут появилась ты.

— Он мне не сделал ничего плохого!

— Видимо, очень старался, но останься ты, и рано или поздно Энджил бы сорвался, а после не простил бы себя за это. Вспомни, ведь были случаи, когда он пугал тебя? — я почувствовала, как мое лицо изменилось от осознания, что он прав. И все еще пытаюсь найти оправдания, открыла рот. — Пустые слова. То, что он отпустил тебя, — единственное разумное, что он сделал. Жить иллюзиями и мечтами — самое большое заблуждение. Теперь перейду к делу.

Он положил ногу на ногу и, продолжая ухмыляться моей внезапной растерянности, продолжил:

— У Николаса ты спрашивала про Лилит, — еще не успев отойти от услышанного, я пыталась осмыслить новую информацию, но собеседник и не ждал ответа. — Ее ребенок

был от меня.

Видимо, недоверие отразилось на моем лице. Он понимающе кивнул, скривив губы.

— Тебе Алекс совсем про меня не рассказывал? Может, хоть вскользь упоминал про Эрика?

«Псих, одержимый мстью своему отцу? — я смерила его осторожным взглядом. — А он неплохо скрывает свои наклонности».

— Ну слава богу, а то чуть не расстроился, — откинувшись на спинку скамьи, он прищурился, налетевший ветер разметал его волосы, скрыв довольный взгляд.

— Почему Лидит и зачем вы мне это говорите?

Я смутно помнила рассказ Алекса, но, по-моему, он охотился за мужчинами.

— Все просто, — Эрик пожал плечами, — захотел познакомиться с тобой лично, а то столько наслышан. А история... она ведь тебя заинтересовала, я прав?

Я осторожно кивнула, сомневаюсь, что в ближайшие дни отважилась бы спросить про это у Алекса, да и сколько правды он скажет?

— Алекс упоминал, что мой отец вышвырнул меня, точно заразную тварь, да еще избил до полусмерти? И я поклялся отомстить. Все мужья и дети мужского пола загадочным образом умирали. Но эта ведьма, Анита, скрыла отца от меня, и он сдох раньше, чем я смог взглянуть в его глаза после завершения мести. Я был зол, — Эрик сложил руки в замке на колени и прикрыл глаза, лицо то и дело озарял оскал. — Тогда я попросил Алекса об одолжении, но тот отказал. И я все сделал сам. Я притворился моим другом и соблазнил Лилит.

Я ойкнула, тут же вспомнив ее лицо, полное боли и отчаяния, когда она, рыдая в доме Алекса, поведала мне свой секрет.

— Она же не слепая, — вырвалось у меня.

Эрик подался ближе, и я инстинктивно дернулась, балансируя на краю скамейки. Послышался смех прогуливающейся парочки.

— Не сюда, — не оборачиваясь прошипел Эрик, махнув в их сторону, и, притихнув, пара развернулась и быстрым шагом направилась прочь.

— Смотри на меня, — предчувствуя неладное, я нехотя перевела взгляд.

Я замерла, замороженная происходящим. В бледно-голубых глазах появлялись темные черточки, словно художник передумал и решил сделать цвет глаз темнее. Лицо стало точно мягкой глиной: нос слегка вытянулся и заострился, скулы сделались заметнее, само лицо чуть вытянулось, а благодаря контрасту с почерневшими волосами кожа теперь казалась бледнее.

С каждым новым изменением мои глаза увеличивались в размерах, а сердце то замирало, то начинало учащенно биться.

— Это невозможно, — я протянула руку и обвела контур знакомого лица.

В ответ рука Эрика повторила мой жест, слегка коснувшись кожи. Мой взгляд внимательно изучал человека напротив, и я не могла найти явных отличий для разоблачения обмана. Губы Эрика скривились в довольной улыбке, а в глазах, таких глубоких и темных, промелькнул холод. Я дернулась. Взгляд Алекса никогда не был таким равнодушным и излучающим мороз, точно он смотрит на жалкую букашку. Даже когда мы были едва знакомы, я ловила на себе интерес, в крайнем случае усталость и грусть.

Моргнула, а открыв глаза, осознала, что он склонился неприлично близко, точно собираясь поцеловать. Сердце застучало, оглушив, и не успела я подумать, как меня сдуло с

лавки. Сидя на дорожке, тяжело дышала, пыталась понять, что же произошло.

— А если я приду в таком виде, ты устоишь? — издевательские нотки отчетливо читались в голосе.

Я замотала головой, стараясь прогнать наведенный морок. Все это только кажется. Иллюзия. Обман. Страх от произошедшей с Лилит несправедливости достиг сознания и не отпуская. На миг я представила, каково было ей, когда она узнала правду.

— Да, — изо всех сил постаралась придать голосу уверенность, отвечая ему.

— Ты бы тоже стала моей, — он торжествовал, упиваясь моей слабостью, лицо искажено от безграничной силы и власти.

— Нет, я вижу отличия.

Улыбка исчезла с его лица, брови сошлись на переносице. Эрик лениво поднялся. Этого хватило, и, вскочив на ноги, не разбирая дороги, я бросилась прочь, сопровождаемая разносимым ветром смехом.

«Проклятье!»

Меня то била дрожь, то бросало в жар, ноги едва держали, а глаза слезились от бьющего в лицо ветра. Воздуха не хватало. Притормозив, я оглянулась, тут же врезавшись в человека. Его рука слегка придержала за локоть, предотвращая падение. Я быстро заморгала, прогоняя застилающие взгляд слезы, а узнав в нем Алекса, завопила, срывая голос. Брыкаясь, высвободилась и пригляделась, только отойдя на несколько шагов.

— Тише, это правда я, — похоже, он повторял эти слова уже не в первый раз, но я мотала головой, отказываясь слушать, боясь, что голос сможет повлиять на меня.

Алекс стоял, не делая попыток подойти, с тревогой оглядывая творившееся со мной безумие. Без сил я опустилась на землю.

— Эрик не тронет тебя, — голос прозвучал слишком ровно, он изо всех сил сдерживал злость.

— Но Лилит...

— Он слишком хорошо чувствует грань и знает, я бы не простил подобной вольности в твой адрес.

Расстегнутые полы его плаща бились, путаясь в ногах, точно заплутавшие птицы. Глаза превратились в две черных бездны.

— Он... он.

— Хамелеон, способный принять облик любого и с легкостью обмануть, — к нам приближался Эрик, успевший приняв свою обычную внешность.

Алекс предостерегающе повернулся к нему, загородив путь.

— Нет, — я замотала головой, — обман не удался, — поймала на себе два заинтересованных взгляда. — Вас выдали глаза и жесты.

— Потрясающая наблюдательность, — Эрик склонил голову и добавил только для меня. Его голос зазвучал прямо в голове. — Или это нечто большее?

— Убирайся!

— Адис у старейшин.

Алекс даже не обратил внимания на его слова, уже оказавшись возле меня. А из моей головы никак не шли брошенные слова Эрика и Николаса, при последней нашей встрече. Они словно видели то, что я боялась показать даже самой себе.

— Ты в порядке? — Алекс осторожно поднял меня, прижав к себе.

— Сейчас да, — против воли по щекам побежали слезы от радости и осознания, что эти

двое правы. Словно утопающий, я схватилась за Алекса, крепко обняв в ответ.

Душу наполнила благодарность людям, которых я любила и которые раньше были рядом. Я вспоминала каждого, с удивлением понимая, что прежняя тоска и боль утраты отступили, а в душе зарождалось новое чувство, куда более сильное, способное подарить мне новую жизнь. Алекс гладил по волосам, его спокойный голос успокаивал. Он говорил, что увезет меня далеко-далеко и сделает все, чтобы мои глаза блестели от счастья, а с губ не сходила улыбка.

Я кивала, соглашаясь, собирая разбегающиеся мысли.

Вдох-выдох, чтобы собраться с силами, и, пряча глаза, я уставилась на утоптанную дорожку парка.

— Я люблю тебя, — и замерла, от признания стало трудно дышать и я, приоткрыв губы, прерывисто вдохнула воздух.

Алекс засмеялся и в порыве чувств закружил меня над землей, а когда я подняла голову, желая взглянуть на него, он беспорядочно принялся целовать лоб, пытающие щеки, губы.

Его чувства окутали, соединяясь с моими, заставляя поверить: что бы ни случилось дальше, впереди нас ждет счастье.

Больше книг на сайте - Knigoed.net